7СМ2
Б-43

324732

89р(09)
Б43

1139

БѢЛИНСКІЙ

ПИСЬМА

ТРИ ТОМА

105954

РЕДАКЦІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ

Е. А. Ляцкаго

Томъ III

[1843—1848]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1914

Отдѣленіе
Библіотека
Р. О. Р. Б.

IPz 94
8
Б-43

4562

Пр. 324732
87 г.

44:11835

Къ М. В. Орловой. 3 сентября, 1843.

Хочется много сказать вамъ, и потому ничего не говорится. Буду писать, какъ напишется. Вы хотѣли, чтобы я подробно увѣдомилъ васъ обо всемъ, что было со мною со дня нашей разлуки. Какъ съумѣю, выполню вашу волю. Во первыхъ, я долженъ вамъ сказать, что уѣхалъ я изъ Москвы не въ четвергъ, а въ пятницу. Въ середу мнѣ было не то, чтобы тяжело или грустно, а какъ-то неловко. Я смотрѣлъ по обыкновенію въ окна, слѣдя за видоизмѣненіями облаковъ,—погода была, помните, довольно дурна,—и на душѣ было и пусто, и тревожно. Я поѣхалъ кой-куда, а вечеромъ располагался къ Коршу, и мысль объ этомъ визитѣ бросала меня въ жаръ. Но мнѣ не удалось быть у Корша, а былъ я у Щепкиныхъ, гдѣ только слегка упрекали меня въ забвеніи, и гдѣ отдѣлался я полнымъ молчаніемъ. Вечеромъ у меня былъ Кудрявцевъ и m-r l'Adolescent, который ни разу не упомянулъ при мнѣ вашего имени, но снова просилъ меня epouser m-lle Ostrooumoff. На другой день поутру поѣхалъ я къ Коршу. Меня встрѣтила его сестра.—Узнаете ли вы меня? Не забыли ли вы, гдѣ мы живемъ? и пр. Выходитъ его жена, и я пришелъ въ ужасъ отъ ея коварной улыбки, чувствуя, что погибнуть мнѣ отъ нея во цвѣтѣ лѣтъ и красоты. Однимъ словомъ, между множествомъ злыхъ намековъ, меня спросили: здоровъ ли мнѣ воздухъ сосновой рощи, и какъ я нахожу московскія окрестности? Я почувствовалъ себя въ паровой ваннѣ въ 40 градусовъ, краснѣлъ, блѣднѣлъ, хохоталъ, какъ сумасшедшій, и,—что всего ужаснѣе,—онѣ видѣли ясно, что это распеканіе доставляетъ мнѣ больше наслажденія, чѣмъ досады. Къ стыду моему, я самъ это чувствовалъ. Какъ же узнали онѣ о сосновой рощѣ? Имъ сказала одна знакомая имъ дама, что я часто бываю въ Сокольникахъ. И какъ онѣ давно замѣтили

перемѣну во мнѣ, и какъ я разъ надоѣлъ самому Коршу моею разсѣянностію и натянутостію,—то онѣ и смекнули, въ чемъ дѣло. Женщины—кошки: я давно имѣлъ честь докладывать вамъ это. Онѣ сейчасъ замѣтятъ мысль и начнутъ ее мучить, играя съ нею. А мои непріятельницы находили особенное удовольствіе мучить меня, ибо я всегда смѣялся надъ бракомъ, любовью и всякими сердечными привязанностями. Но въ ихъ злости было столько женскаго торжества, столько доброты, желанія мнѣ счастія и радости за мое счастіе, что я—покаялся передъ ними въ грѣхѣ моемъ. Впрочемъ, ваше имя осталось для нихъ тайною, и онѣ узнали только фактъ моего сердечнаго состоянія. Мнѣ стало съ ними легко и весело, и вечеромъ я опять пришелъ къ нимъ. Онѣ посадили меня между собою за самоварнымъ столомъ, и я сидѣлъ подъ перекрестнымъ огнемъ лукавыхъ улыбокъ и торжественныхъ взглядовъ, и былъ веселъ, счастливъ, какъ ребенокъ, какъ дуракъ. Я уже имѣлъ честь доносить вамъ, что женщины на то и созданы, чтобы дѣлать мужчинъ дураками; но всего обиднѣе въ этомъ то, что мужчины до смерти рады своей глупости. Но, видно, ужъ такъ суждено самимъ Господомъ Богомъ, и волтеріанцы напрасно противъ этого возстаютъ.

Проснувшись на другой день, я почувствовалъ нѣчто вродѣ тоски разлуки,—и еслибы поѣздка была отложена до субботы, то я право не ручаюсь, чтобы не явился къ вамъ въ институтъ. Подобный Sehnsucht подмывалъ меня еще и въ четвергъ. Поѣхалъ я съ Языковымъ; Клыковъ тоже съ нами. Къ вечеру все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало мною тоскливое порываніе къ вамъ. Засыпая тяжелымъ сномъ (ибо не могу хорошо спать сидя и при стукѣ громоздкаго экипажа), я или видѣлъ васъ, или чувствовалъ ваше присутствіе, и потому старался какъ можно больше и больше спать, хотя отъ этого спанья у меня только болѣла голова. Ѣхать въ каретѣ—для меня пытка, потому что нельзя лежать, а все надо сидѣть. Наконецъ кое-какъ доѣхали. Послѣдняя станція передъ Петербургомъ называется Ижоры. Такъ какъ отъ нея шоссе до Петербурга сдѣлано заново, и ѣздить по немъ тяжело, то ямщики сворачиваютъ на царскосельскую дорогу. Пріѣхавши въ Царское, мы съ Клыковымъ вздумали высадиться изъ дилижанса, чтобы пріѣхать въ Питеръ по желѣзной дорогѣ, а Языковъ съ женою поѣхалъ въ дилижансѣ. Это было въ 6 часовъ вечера, въ понедѣльникъ, и намъ надо было дожидаться цѣлый часъ. Въ вокзалѣ я повстрѣчалъ человѣка Панаева,

который сказалъ мнѣ, что Боткинъ съ Armance остановились на квартирѣ Панаева (который живетъ на дачѣ въ Павловскѣ). Пріѣзжаю домой, вхожу въ квартиру, которой еще не видалъ (потому что мой человѣкъ безъ меня перебрался на нее), не снимая картуза, бѣгу въ мой кабинетъ—и отступаю въ изумленіи назадъ: въ кабинетѣ, за моимъ рабочимъ столомъ, на креслахъ, сидитъ женщина. Я такъ былъ увѣренъ, что Боткинъ съ Armance на квартирѣ Панаева, что съ трудомъ могъ убѣдиться, что передо мною m-lle Armance,—тѣмъ болѣе, что въ комнатѣ только одна свѣча, какъ-то тускло горѣвшая. Мысль, что моя комната освящена присутствіемъ женщины, и что въ этой же самой комнатѣ я могъ бы видѣть другую женщину—эта мысль обезумила меня, такъ что, когда m-lle Armance съ веселымъ привѣтствіемъ подала мнѣ руку, я забылъ даже то немногое количество французскихъ словъ, которое зналъ. Къ этому присоединилось и еще другое. Я ужасно люблю и прежнюю мою квартиру; но эта (въ которой жилъ Краевскій) еще лучше той, но, какъ она невелика, то я и рѣшилъ въ Москвѣ, что надо искать другой. Это меня безпокоило, потому что въ Петербургѣ легко находить или самыя лучшія, т. е. самыя дорогія, или самыя скверныя квартиры, а главное, это повело бы меня къ разнымъ глупымъ затѣямъ. Между тѣмъ моя квартира, чистая, опрятная, красивая, свѣтлая, смотрѣла на меня такъ привѣтливо, какъ будто бы хотѣла меня отъ души съ чѣмъ-то поздравить. Смѣшно подумать и стыдно признаться—сердце мое болѣзненно сжалось. Является Боткинъ и начинаетъ хвалить мою квартиру, говоря, что я сдѣлалъ бы крайне глупо, если бы перемѣнилъ ее, что Armance въ восторгѣ отъ нея и не захотѣла бы никогда жить на другой, что она любуется безпрестанно моими картинами, разстановкой мебели и восклицаетъ: il a du gout. Все это меня потрясло чуть не до лихорадки. На другой день я увидѣлся съ Краевскимъ и былъ даже нѣсколько пораженъ участіемъ и деликатностію, съ какими онъ говорилъ со мною—вы понимаете о чемъ. Онъ окончательно утвердилъ меня въ рѣшеніи не перемѣнять квартиры. Я увидѣлъ, что былъ очень глупъ, желая пустыми затѣями, которыя ничего не прибавятъ къ счастію, откладывать истинное счастіе. И это, повидимому, пустое обстоятельство имѣло своимъ результатомъ то, что я пріѣду въ Москву уже не на праздникахъ и не послѣ праздниковъ, а передъ рождественскимъ постомъ, и не считаю невозможнымъ пріѣхать даже въ половинѣ октября.

Я опьянѣлъ отъ этой мысли, и хожу теперь дуракъ дуракомъ. Ни о чемъ не могу думать, ничего не могу дѣлать. Если письмо мое нескладно, то вотъ причина этому. Боже мой, когда же это будетъ! Насъ будетъ раздѣлять одна только дверь—и это радуетъ меня, ибо чѣмъ ближе будете вы ко мнѣ, тѣмъ счастливѣе буду я. Квартира моя высока—въ третьемъ этажѣ; но въ Петербургѣ квартиры нижнихъ этажей—хлѣвы и подвалы, а вторыхъ этажей непомѣрно дороги. Къ удобствамъ квартиры моей принадлежитъ то, что она свѣтла, окнами на солнце, суха и тепла,—а это въ Петербургѣ большая рѣдкость. Она состоитъ изъ двухъ комнатъ. Задняя—мой теперешній кабинетъ, довольно длинная комната, съ двумя окнами на дворъ. Ее можно перегородить ширмами, и тогда изъ нея выйдетъ для васъ двѣ комнаты, изъ задней ходъ черезъ корридоръ въ кухню и прихожую, а изъ передней—въ теперешнюю залу, которую я обращу тогда въ кабинетъ. Все это до того занимаетъ меня, что я только и думаю о томъ, какой видъ дать моимъ комнатамъ. Я теперь ночую у знакомыхъ и къ себѣ на квартиру хожу въ гости къ Боткину.

Здоровье мое такъ и сякъ, да я теперь и неспособенъ чувствовать ни болѣзни, ни здоровья. Я разорванъ пополамъ и чувствую, что недостаетъ цѣлой половины меня самого, что жизнь моя неполна, и что я тогда только буду жить, когда вы будете со мной, подлѣ меня. Бываютъ минуты страстнаго, тоскливаго стремленія къ вамъ. Вотъ полетѣлъ бы хоть на минуту, крѣпко, крѣпко пожалъ бы вамъ руку, тихо сказалъ бы вамъ на ухо, какъ много я люблю васъ, какъ пуста и безсмысленна для меня жизнь безъ васъ. Нѣтъ, нѣтъ—скорѣе, скорѣе,—или я съ ума сойду.

Что вы, какъ вы? Здоровы ли, веселы ли, счастливы ли? Отъ этой минуты съ тоскою буду ждать вашего письма, буду считать дни и минуты, когда получу отъ васъ первое письмо. Отвѣчайте мнѣ скорѣе, если не хотите заставить меня страдать. Адресуйте ваши письма вотъ по этому адресу: Въ С.-Петербургъ, на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста, въ д. Лопатина, квартира № 47. Адресъ тотъ же, что и у васъ, только № квартиры надо прибавить.

Въ середу, 1-го сентября, Боткинъ обвѣнчался съ Armance. Теперь онъ хлопочетъ, чтобы въ субботу отправиться за границу. Онъ вамъ кланяется и благодаритъ васъ за память о немъ.

Аграфенѣ Васильевнѣ посылаю мой искренній, задушевный привѣтъ и прошу, умоляю ее какъ можно меньше сердиться на всѣхъ, а въ особенности на самоё себя, на васъ и на меня. Правда, я много виноватъ передъ ней, но это такая вина, въ которой я нимало не намѣренъ ни раскаяться, ни исправиться.

Прощайте. Да хранитъ васъ Господь для вашего и моего счастія. Посылаю вамъ всѣ благословенія и обѣты навсегда преданнаго вамъ моего сердца.

В. Бѣлинскій.

СПБ. 1843, сентября 3.

Къ М. В. Орловой. 7—8 сентября, 1843.

СПБ. 1843, сентября 7-го, вторникъ.

Вчера должны были вы получить первое письмо мое къ вамъ. Я знаю, съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ волненіемъ ждали вы его; знаю, съ какою радостію и какимъ страхомъ услышали вы, что есть письмо къ Аграфенѣ Васильевнѣ, и какого труда стоило вамъ съ сестрою принять на себя видъ равнодушія. Я не могъ писать къ вамъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, потому что жилъ на бивакахъ и былъ внѣ себя. Первое письмо мое написано кое-какъ. Въ продолженіе дней, въ которые должно было итти оно въ Москву, я только и думалъ о томъ, когда вы получите его; я мучился тѣмъ же нетерпѣніемъ, какъ и вы, мысль моя погоняла лѣнивое время и упреждала его; съ радостію видѣлъ я наступленіе вечера и говорилъ себѣ: «днемъ меньше!» Но вчера я былъ, какъ на угольяхъ, разсчитывая, въ которомъ часу должны вы получить мое письмо. Я не могу видѣть васъ, говорить съ вами,—и мнѣ остается только писать къ вамъ; вотъ почему второе письмо мое получите вы, не успѣвши освободиться изъ-подъ впечатлѣнія отъ перваго. Мысль о васъ дѣлаетъ меня счастливымъ,—и я несчастенъ моимъ счастіемъ, ибо могу только думать о васъ. Самая роскошная мечта стоитъ меньше самой небогатой существенности; а меня ожидаетъ богатая существенность: что же и къ чему мнѣ всѣ мечты, и могутъ ли онѣ дать мнѣ счастіе? Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока вы не со мной,—я самъ не свой, не могу ничего дѣлать, ничего думать. Послѣ этого очень естественно, что всѣ мои думы, желанія, стремленія сосредоточились въ одной мысли, въ одномъ

вопросѣ: когда же это будетъ? И пока я еще не знаю, когда именно, но что-то внутри меня говоритъ мнѣ, что скоро. О, еслибы это могло быть въ будущемъ мѣсяцѣ!

Погода въ Петербургѣ чудесная, весенняя. Она прибыла сюда вмѣстѣ со мною, потому что до моего пріѣзда здѣсь были дожди и холодъ. А теперь—на небѣ ни облачка, все облито блескомъ солнца, тепло, какъ въ ясный апрѣльскій день. Вчера было туманно, и я думалъ, что погода перемѣнится; но сегодня снова блещетъ солнце, и мои окна отворены. А ночи? Еслибы вы знали, какія теперь ночи! Цвѣтъ неба густо-теменъ и въ то же время ярко блестящъ усыпавшими его звѣздами. Не думайте, что я не берегусь, обрадовавшись такой погодѣ. Напротивъ: я и днемъ, какъ и вечеромъ, хожу въ моемъ тепломъ пальто, чему, между прочимъ, причиною и то, что еще не пришелъ въ Петербургъ посланный по транспорту ящикъ съ моими вещами, гдѣ обрѣтается и мое лѣтнее пальто. Впрочемъ, днемъ нѣтъ никакой опасности ходить въ одномъ сюртукѣ, безъ всякаго пальто; но вечеромъ это довольно опасно, и вотъ ради чего я и днемъ жарюсь въ зимнемъ пальто. Мнѣ кажется, что и въ Москвѣ теперь должна быть хорошая погода. Не забудьте увѣдомить меня объ этомъ: московская погода очень интересуетъ меня. Не повѣрите, какъ жарко: окна отворены, а я задыхаюсь отъ жару. На небѣ такъ ярко и свѣтло, а на душѣ такъ легко и весело!

Безъ меня мои растенія ужасно разрослись, а что̀ больше всего обрадовало меня, такъ это то, что безъ меня расцвѣла одна изъ моихъ олеандръ. Я очень люблю это растеніе, и у меня ихъ цѣлыхъ три горшка. Одна олеандра выше меня ростомъ.

Послѣ тысячи мелкихъ и ядовитыхъ досадъ и хлопотъ, Боткинъ, наконецъ, уѣхалъ за границу. Это было въ субботу (4 сентября). Я провожалъ его до Кронштадта. День былъ чудесный,—и мнѣ такъ отрадно было думать и мечтать о васъ на морѣ. Разстались мы съ Боткинымъ довольно грустно, чему была важная причина, о которой узнаете послѣ. Странное дѣло! Я едва могъ дождаться, когда перейду на мою квартиру, а тутъ мнѣ тяжела была мысль, что я вотъ сегодня же ночую въ ней. И теперь еще мнѣ какъ-то дико въ ней. Впрочемъ, это будетъ такъ до тѣхъ поръ, пока я вновь не найду самого себя, т. е. пока вы не возвратите меня самому мнѣ. До тѣхъ же поръ мнѣ одно утѣшеніе и одно наслажденіе: смотрѣть на стѣны и мысленно

опредѣлять перемѣщеніе картинъ и мебели. Это меня ужасно занимаетъ.

Скажите: скоро ли получу я отъ васъ письмо? Жду—и не вѣрю, что дождусь; увѣренъ, что получу скоро—и боюсь даже надѣяться. О, не мучьте меня—но вѣдь вы уже послали ваше письмо, и я получу его сегодня, завтра!—не правда ли?

Прощайте. Храни васъ Господь! Пусть добрые духи окружаютъ васъ днемъ, нашептывая вамъ слова любви и счастія, а ночью посылаютъ вамъ хорошіе сны. А я,—я хотѣлъ бы теперь хоть на минуту увидать васъ—долго, долго посмотрѣть вамъ въ глаза, обнять ваши колѣна и поцѣловать край вашего платья. Но нѣтъ, лучше дольше, какъ можно дольше не видѣться совсѣмъ, нежели увидѣться на одну только минуту, и вновь разстаться, какъ мы уже разстались разъ. Простите меня за эту болтовню; грудь моя горитъ, на глазахъ накипаетъ слеза: въ такомъ глупомъ состояніи обыкновенно хочется сказать много, и ничего не говорится, или говорится очень глупо. Странное дѣло! Въ мечтахъ я лучше говорю съ вами, чѣмъ на письмѣ, какъ нѣкогда заочно я лучше говорилъ съ вами, чѣмъ при свиданіяхъ. Что-то теперь Сокольники? Что завѣтная дорожка, зеленая скамеечка, великолѣпная аллея? Какъ грустно вспоминать обо всемъ этомъ, и сколько отрады и счастія въ грусти этого воспоминанія!

Сентября 8-го.

Скажите, Бога ради, что Ваня — здоровъ или боленъ, живъ или умеръ? Не смѣшно ли, что я васъ спрашиваю такъ, какъ будто бы вы уже писали ко мнѣ, да забыли только упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ? Когда же дождусь я письма отъ васъ?

Сегодня на небѣ сѣро, и не знаю, пробьется ли солнце сквозь облачную пелену. Это досадно—я такъ люблю ясную погоду, и такъ рѣдко наслаждаюсь ею.

Что вамъ сказать о моемъ здоровьѣ? Я пріѣхалъ въ Петербургъ съ лихорадкою, но теперь она оставила меня. Когда это случилось—не помню, потому что рѣшительно неспособенъ различать болѣзненнаго состоянія отъ здороваго, и наоборотъ. Теперь я и здоровъ и боленъ однимъ, объ одномъ могу думать и однимъ полонъ, и это одно—вы. Прощайте. Вашъ навсегда

В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Орловой. 14 сентября, 1843.

СПБ. 1843, сентября 14-го.

Наконецъ-то вы и Богъ сжалились надо мною. О, если бы вы знали, чего мнѣ стоило ваше долгое молчаніе. Первое письмо мое пошло къ вамъ 3-го сентября (въ пятницу), слѣдовательно, 6-го (въ понедѣльникъ) вы получили его. Я разсчелъ, что во вторникъ Аграфена Васильевна дежурная, и потому думалъ, что вашъ отвѣтъ пойдетъ въ середу (8-го), а ко мнѣ придетъ въ субботу. Но въ субботу ничего не пришло, и мнѣ съ чего-то вообразилось, что я жду вашего отвѣта на мое письмо уже недѣли двѣ. Въ воскресенье нѣтъ; я пріунылъ,—и въ голову полѣзли разные вздоры: то мое письмо пропало на почтѣ и не дошло до васъ, то вы больны, и больны тяжко, то (смѣйтесь надъ мною — а я знаю, что я глупъ — вѣдь вы же сдѣлали меня дуракомъ) вы вдругъ охладѣли ко мнѣ. Я не могъ работать (а я работою и такъ опоздалъ, все думаю объ васъ); мнѣ было тяжело, жизнь опять приняла въ глазахъ моихъ мрачный колоритъ. Къ тому же, съ воскресенья началась холодная и дождливая погода, а погода всегда имѣетъ сильное вліяніе на расположеніе моего духа. Въ понедѣльникъ опять нѣтъ, сегодня ждалъ я почти до 3-хъ часовъ, и съ горя, несмотря на дождь, пошелъ обѣдать на другой конецъ Невскаго проспекта. Возвращаясь домой, я возымѣлъ благое желаніе утѣшить себя въ горѣ двумя десятками грушъ, твердо рѣшившись истребить ихъ менѣе, чѣмъ въ двадцать минутъ. Прихожу домой, и изъ залы вижу въ кабинетѣ, на бюро, что-то въ родѣ письма. У меня зарябило въ глазахъ и захватило духъ. Рука женская, но, можетъ быть, это отъ Бакуниныхъ? Нѣтъ, на конвертѣ штемпель московскій. Что-жъ бы вы думали!—я сейчасъ схватилъ, распечаталъ, прочелъ?—Ничуть не бывало. Я переодѣлся, дождался, пока мой валетъ уйдетъ въ свою комнату—а сердце между тѣмъ билось...

Боже мой! сколько мученій прекратило ваше письмо! Сколько разъ думалъ я: если это отъ болѣзни, то сохрани и помилуй меня Богъ (это чуть ли не первая была моя молитва въ жизни), если же это такъ — нынче да завтра, то прости ее, Господи! Я сталъ робокъ и всего боюсь, но больше всего въ мірѣ — вашей болѣзни. Мнѣ кажется, что я такъ крѣпокъ, что смѣшно и ду-

мать и заботиться обо мнѣ; но вы — о, Боже мой, Боже мой, сколько тяжелыхъ грезъ, сколько мрачныхъ опасеній!

Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ за ваше милое письмо. Оно такъ просто, такъ чуждо всякой изысканности и, между тѣмъ, такъ много говоритъ. Особенно восхитило оно меня тѣмъ, что въ немъ вашъ характеръ, какъ живой, мечется у меня передъ глазами, — вашъ характеръ, весь составленный изъ благородной простоты, твердости и достоинства. Ваши выговоры мнѣ за то и другое—я перечитывалъ ихъ слово по слову, буква по буквѣ, медленно, какъ гастрономъ, наслаждающійся лакомымъ кушаньемъ. Я далъ себѣ слово, какъ можно больше провиняться передъ вами, чтобы вы какъ можно больше бранили меня. Впрочемъ, вы въ одномъ вашемъ упрекѣ мнѣ рѣшительно неправы. «Какъ вы мало меня знаете!» говорите вы мнѣ—и говорите неправду. Я васъ знаю хорошо, и самая ваша безтребовательность могла уже меня заставить немножко зафантазироваться. Притомъ же, какъ русскій человѣкъ, я какъ-то привыкъ думать, что, женясь, надо жить шире. Это, конечно, глупо. Я васъ знаю—знаю, что васъ нельзя ни удивить, ни обрадовать мелочами и вздорами; но не отнимайте же совсѣмъ у меня права думать больше о васъ, чѣмъ о себѣ. Я знаю, что для васъ все равно, тотъ или этотъ стулъ, лишь бы можно было сидѣть на немъ; но что-жъ мнѣ дѣлать, если я счастливъ мыслію, что лучшій стулъ будетъ у васъ, а не у меня. Глупо, глупо и глупо—вижу самъ; да развѣ я претендую теперь хоть на капельку ума? Развѣ я не знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ началъ посѣщать Сокольники—сдѣлался такимъ дуракомъ, какимъ еще не бывалъ? Теперь я понялъ ту великую истину, что на свѣтѣ только дураки счастливы. Я было отчаялся въ возможности быть сколько-нибудь счастливымъ, не понимая того, что не велика бѣда, если родился не дуракомъ—стоитъ сойти съ ума. Зарапортовался!

Все, что вы пишете о томъ, что было съ вами со дня нашей разлуки, все это такъ истинно, такъ естественно и такъ понятно мнѣ. За ваши мысли о неприличіи приносить въ общество свою нарядную печаль, мнѣ хотѣлось бы поцѣловать вашу ножку. А что вы пустились въ плясъ, это мнѣ не совсѣмъ по сердцу, потому что усиленное движеніе можетъ вамъ быть вредно, пожалуй еще простудитесь.

А вѣдь Аграфена-то Васильевна права, упрекая васъ, что вы не говорили со мною откровенно о будущемъ. Я было не разъ

думалъ начинать такіе разговоры, да какъ-то все прилипалъ языкъ къ гортани. Впрочемъ, пользы отъ этого для меня не было бы никакой; но эти разговоры дѣлали бы меня безумно счастливымъ и болѣе и болѣе сближали бы насъ другъ съ другомъ. А то меня всегда и постоянно мучила мысль, что мы не довольно близки другъ къ другу, что мы ребячимся, сбиваясь немного на провинціальный идеализмъ.

Мое здоровье? Да Богъ его знаетъ — говорю вамъ, что не разберу—живъ ли я, или умеръ. Въ воскресенье поѣхалъ обѣдать къ Комарову, простудился слегка — кашель и насморкъ — оттого, что мое теплое пальто насквозь промокло отъ дождя. Впрочемъ, простудный кашель—наслажденіе въ сравненіи съ нервическимъ и желудочнымъ. Теперь все прошло. Я долженъ покаяться передъ вами въ грѣхѣ. Вотъ въ чемъ дѣло: не имѣть никого, съ кѣмъ бы я могъ иногда поговорить объ васъ — для меня мученіе. Вотъ почему Марья Александровна Комарова знаетъ то, чего не знаютъ Корши. Я сказалъ ея мужу, ибо самъ не имѣлъ духу даже передать ей вашего поклона. Прихожу послѣ и вижу, что ей какъ-то неловко со мною. Хочется ей потрунить на мой счетъ — и боится. Тогда я самъ прехрабро началъ наводить ее на шутки на мой счетъ. И что же? Она такъ конфузилась, такъ ярко вспыхивала, что мы съ мужемъ стали смѣяться, а я просто былъ въ неистовомъ восторгѣ. И было отъ чего! Я, который краснѣю за другихъ — не только за себя, я былъ тутъ геройски безстыденъ, а бѣдная Марья Александровна за меня рѣзалась. Но въ прошлое воскресенье мы съ нею таки потолковали о васъ и объ институтѣ. Вообще, я радъ, что Комаровы знаютъ: чрезъ это я обдерживаюсь, привыкаю къ мысли о новомъ положеніи и пріучаюсь не бояться фразы: все былъ не женатъ, а то вдругъ женатъ!

Я совершенно согласенъ съ Аграфеной Васильевной, что вы были лучше всѣхъ на маленькомъ балѣ вашей начальницы. Другія могли быть свѣжѣе, граціознѣе, миловиднѣе васъ,—это такъ; но только у одной у васъ черты лица такъ строго правильны и дышутъ такимъ благородствомъ, такимъ достоинствомъ. Въ вашей красотѣ есть то величіе и та грандіозность, которыя даются умомъ и глубокимъ чувствомъ. Вы были красавицей въ полномъ значеніи этого слова, и вы много утратили отъ своей красоты; но при васъ осталось еще то, чему позавидуютъ и красота и молодость, и что не можетъ быть отнято отъ васъ никогда. Я

это давно ужъ начиналъ понимать; но опытъ—лучшій учитель, и я недавно, чужимъ опытомъ, еще болѣе убѣдился въ томъ, что ничего нѣтъ опаснѣе, какъ связывать свою участь съ участью женщины за то только, что она прекрасна и молода. Долго было бы распространяться объ этомъ «чужомъ опытѣ», и мнѣ хотѣлось бы разсказать вамъ о немъ не въ письмѣ. И потому пока скажу вамъ одно, что Боткинъ глубоко завидуетъ мнѣ, а я ему нисколько, или, лучше сказать, я очень, очень жалѣю его и понимаю его восклицаніе еще въ Москвѣ: зачѣмъ ей не 30 лѣтъ?

Хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ, какъ глубоко, какъ сильно люблю я васъ, сказать вамъ, что вы дали смыслъ моей жизни, и много, много хотѣлось бы сказать мнѣ вамъ такого, что̀ вы и безъ сказыванья должны знать. Но не буду говорить, потому что и на словахъ и на письмѣ все это выходитъ у меня какъ-то пошло и нисколько не выражаетъ того, что̀ бы должно было выразить. Теперь я понимаю, что поэту совсѣмъ не нужно влюбиться, чтобы хорошо писать о любви, а скорѣе не нужно влюбляться, чтобы мочь хорошо писать о любви. Теперь я понялъ, что мы лучше всего умѣемъ говорить о томъ, чего бы намъ хотѣлось, но чего у насъ нѣтъ, и что мы совсѣмъ не умѣемъ говорить о томъ, чѣмъ мы полны.

Прощайте, Marie. Вы просите меня не мучить васъ, заставляя долго ждать моихъ писемъ: я отвѣчаю вамъ въ тотъ же день, какъ получилъ ваше письмо, и посылаю мой отвѣтъ завтра. Такъ хочу я всегда дѣлать.

Очень меня тронуло то, что̀ вы пишете мнѣ объ Аграфенѣ Васильевнѣ. Со мною ей было тѣсно, а безъ меня скучно. Я понимаю это, и оно иначе быть не могло. Аграфена Васильевна не можетъ быть не расположена къ человѣку, который долженъ сдѣлать счастливою ея сестру, и въ то же время она не могла защититься отъ какого-то враждебнаго чувства къ человѣку, который долженъ разлучить ее съ тѣмъ, что̀ составляло все ея счастіе и всю ея любовь. Кромѣ того, мои къ ней отношенія (въ которыхъ я не совсѣмъ виноватъ) не могли же особенно расположить ее ко мнѣ: ея видъ болѣе огорчалъ меня, чѣмъ радовалъ, ибо я хотѣлъ видѣть только одну васъ и быть съ одною вами. Но, несмотря на то, у меня всегда было самое радушное, самое теплое чувство къ Аграфенѣ Васильевнѣ. И теперь я люблю ее, какъ добрую, милую сестру мою — конечно,

ни она, ни вы не найдете этого выраженія дерзкимъ или неумѣстнымъ. Жму руку Аграфенѣ Васильевнѣ и низко ей кланяюсь. Богъ дастъ, можетъ быть, когда-нибудь мы и всѣ трое будемъ жить вмѣстѣ. По крайней мѣрѣ, я отъ всей души желаю этого.

Я привыкъ ложиться и вставать рано. Это полезно мнѣ. Но сегодня досидѣлъ до 12 часовъ—писалъ статью, потомъ письмо, и рука крѣпко ноетъ. Немного остается бѣлой бумаги, и мнѣ жаль этого—все бы говорилъ съ вами.

Бѣдный Ваня—мнѣ жаль, что онъ умеръ, жаль и его самого, и его матери, потому что для матери тяжела потеря дитяти.

Радуюсь вашей храбрости съ Миловзоромъ и вашей радости по случаю моей рѣзни у Коршей. Читали ли вы 9-й № «Отечественныхъ Записокъ?» Моя статья о Жуковскомъ надѣлала шуму — всѣ хвалятъ. Вотъ уже не понимаю, какъ эта статья вышла хороша; я писалъ ее наканунѣ дня, въ который можно было ѣхать въ Сокольники.

Пожалуйста, побраните меня хорошенько въ слѣдующемъ письмѣ вашемъ, которое (надѣюсь) скоро придетъ ко мнѣ. Вы меня по вечерамъ крестите: почему-жъ и не такъ, если это забавляетъ васъ? А я—меня тоже забавляетъ эта игра: продолжайте. Что же касается до лѣченія, право, не до него. Скажу вамъ не шутя: пока вы не со мной, я безъ головы, безъ ума, самъ не свой, ничего не могу дѣлать и ни о чемъ думать. Я самъ не вдругъ въ этомъ увѣрился; но теперь, касательно этого, поставилъ 4, помноживши 2 на 2.

Еще разъ прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Орловой. 18—20 сентября, 1843.

Сентября 18-го, суббота.

Цѣлый день мучитъ меня какая-то тяжелая, безотрадная тоска. Можетъ быть, это оттого, что вчера я былъ уже черезчуръ веселъ, безумно веселъ. Былъ я вчера у Вержбицкихъ. У нихъ въ домѣ были двѣ именинницы, вслѣдствіе какового событія была пляска подъ звуки рояля. Дамы до того раскутились, что пристали ко мнѣ, чтобы я танцовалъ французскую кадриль. Я сталъ—меня водили, толкали, посылали вправо и влѣво; я хо-

дилъ, путалъ, всѣ хохотали, я тоже, а въ шенѣ крѣпко пожималъ дамамъ руки, за что онѣ громко изъявляли свое на меня неудовольствіе. Это однакоже не помѣшало имъ звать меня на вторую кадриль: опять та же исторія. Всѣ эти глупости и фарсы были очень милы, потому что были непритворно веселы, были отъ души. Я пришелъ домой въ 12 часовъ, или около того, вполнѣ довольный моимъ днемъ. И я имѣлъ причины быть довольнымъ имъ: въ этотъ день явилась мнѣ уже не вдали, не въ туманѣ и не гадательно, возможность близкаго свершенія моихъ лучшихъ желаній. Но объ этомъ послѣ. Видите ли, Marie, не однѣ вы пускаетесь въ плясъ, и я ни въ чемъ не хочу вамъ уступить, а въ смѣшномъ далеко превосхожу васъ,—и, право, я не шучу, только въ одномъ этомъ я и сознаю мое предъ вами превосходство. Но сегодня съ самаго утра почувствовалъ я себя нехорошо. Можетъ быть, это нездоровье. Я принялъ лекарство—мнѣ стало нѣсколько лучше, но душевное расположеніе мое отъ этого не многимъ разъяснилось. Да, это отъ нездоровья. Вчерашній бокалъ шампанскаго крѣпко ударилъ мнѣ въ голову, а передъ тѣмъ я немного простудился. Мнѣ совсѣмъ бы не надо пить вина; но когда всѣ веселы, и самъ себя чувствуешь веселымъ, — ну, какъ удержишься, чтобъ не подурачиться? Мнѣ же такъ ново и непривычно быть веселымъ.

Прихожу сегодня домой отъ обѣда—и ищу глазами письма—его нѣтъ. А между тѣмъ, мысль о немъ веселила меня вчера и поддерживала сегодня. Въ субботу (11-го) вы получили мое второе письмо, во вторникъ (14-го) Аграфена Васильевна свободна,—и вашъ отвѣтъ могъ бы быть посланъ. Мое нетерпѣніе рѣшило, что онъ непремѣнно посланъ во вторникъ, и я его ждалъ еще вчера, а потомъ утѣшилъ себя мыслію, что почталіонъ-де не успѣлъ разнести—получу завтра—и вотъ почему я сегодня съ предлиннымъ носомъ, а теперь съ горя принялся писать къ вамъ. Стало быть, письмо ваше послано въ четвергъ (16), и я получу его завтра? Дай-то Богъ!

Сентября 19. Воскресенье.

Вотъ и еще день прошелъ, а письма вашего нѣтъ, какъ нѣтъ; оно не отправлено и въ четвергъ, стало быть, я не получу его и завтра, а долженъ ждать во вторникъ, и то въ такомъ только случаѣ, если оно отправлено въ субботу! Знаю, что такія замедленія происходятъ не отъ васъ, а оттого, что АграфенѢ

Васильевнѣ нѣтъ достаточнаго предлога къ выѣзду изъ института—знаю все это, но отъ этого мнѣ все-таки не легче. Знаю, что и вамъ это не совсѣмъ пріятно, и за себя и за меня; но все-таки тяжело, очень тяжело. Обманутая надежда, несвершенное ожиданіе, и потомъ разныя грустныя и мрачныя мысли, которыя противъ воли лѣзутъ въ голову—все это тяжело и тяжело... Вы какъ-то говорили мнѣ, что были намѣрены отправлять ваши письма черезъ вашу garde-malade: не лучше ли это будетъ?

Сегодня съ горя поѣхалъ обѣдать къ Комарову. M-me Комарова сегодня была очень зла и, противъ своего обыкновенія, очень храбра—жалила меня, какъ пчела, и заставляла конфузиться. Я какъ-то сдуру, забывшись, началъ улыбаться про себя—вдругъ вопросъ: о чемъ? Словно соннаго холодною водою—тѣмъ болѣе, что тутъ были посторонніе люди. Потомъ ни съ того, ни съ сего вопросъ: какія вы любите губы—толстыя или тонкія? Толстыя, какъ у коровы! — отвѣчалъ я съ досадою. Ѳекла Александровна ѣдетъ въ Вологду, и ей нужно же было за столомъ изъявить свое сожалѣніе о томъ, что не увидитъ меня—я погибалъ,—по возвращеніи моемъ изъ Москвы... О, женщины! А вотъ и еще вамъ жалоба на Марію Александровну. Замѣтивши, что мнѣ нравится одно ея платье, она всегда надѣваетъ его въ тѣ дни, когда я у нихъ бываю, и вообще старается всѣми силами завладѣть моимъ сердцемъ. Я храбро боролся, побѣдилъ, но въ борьбѣ утратилъ много силъ, и потому, возвращаясь домой, принужденъ былъ взять извозчика, хотя прежде располагалъ было итти домой пѣшкомъ. Все это глупости; а дѣло тутъ въ томъ, что мнѣ очень пріятно болтать о васъ съ Марьей Александровной. Это тѣмъ пріятнѣе, что письмо ваше я ужъ выучилъ наизустъ, а на полученіе новыхъ потерялъ всякую надежду. Между прочимъ, мы говорили съ ней и о дѣлѣ, т.-е. пустились въ разныя хозяйственныя соображенія.

Кстати о дѣлѣ и о дѣлахъ. Пора мнѣ съ вами поговорить о нихъ серьезно. Вы не напрасно бранили меня въ письмѣ своемъ за разныя затѣи и фантазіи. Я заслуживалъ еще бо́льшей брани. Я не разъ говорилъ вамъ и повторю теперь, что вы умнѣе меня. Мой умъ чисто теоретическій, и въ теоріи прекрасно умѣетъ ставить 4, помноживши 2 на 2; въ дѣйствительности, я столько же глупъ, сколько вы умны,—стало быть, очень глупъ. Говорю это, не шутя, ибо хочу, чтобы вы знали меня такимъ, каковъ я есть въ самомъ дѣлѣ; скорѣе хуже, нежели я

есть, чѣмъ лучше, нежели я есть. Живя въ Москвѣ и плавая душою въ эмпиреяхъ, я составилъ въ головѣ преглупый планъ, по которому мнѣ, по пріѣздѣ въ Питеръ, надо было засѣсть за дѣло, чтобы кончить работу, которая, дѣйствительно, должна была принести мнѣ значительныя выгоды. Но, по пріѣздѣ въ Питеръ, я тотчасъ же увидѣлъ, что не могу ничего дѣлать, особенно мучась тщетнымъ ожиданіемъ писемъ. Потомъ я сообразилъ, что хотя я и опредѣлялъ окончаніе моей работы къ Новому Году, однако, она могла бы и еще затянуться мѣсяца на три, даже при усиленной дѣятельности. Все это я теперь нахожу школьнически-глупымъ. Положимъ, что этою работою (которой я, впрочемъ, не имѣлъ бы силы кончить во вѣки вѣковъ) я пріобрѣлъ средства пошире и поудобнѣе устроить мою новую жизнь: но не глупо ли для пустяковъ и бездѣлицъ откладывать то, для чего всѣ хлопоты объ этихъ пустякахъ и бездѣлицахъ, безъ чего я не могу ничего дѣлать, ни о чемъ думать? Ясно, какъ $2 \times 2 = 4$, что пока вы не со мною, и я не съ вами,—я никуда не гожусь, и жизнь мнѣ въ тягость. И потому надо думать не объ вздорахъ, а объ дѣлѣ. Пусть дѣло кончится разсчетливо и въ обрѣзъ, но лишь бы оно какъ можно скорѣе кончилось, а тамъ все придетъ своимъ чередомъ, и что̀ будетъ нужно, то всегда можно будетъ сдѣлать. Краевскій теперь небогатъ деньгами, да мнѣ слишкомъ забираться и не слѣдуетъ, то мы съ нимъ и разсчитали все приблизительно. Деньги я получу на дняхъ, стало быть, самое главное препятствіе устранено. Второе препятствіе состоитъ въ томъ, что я жду изъ Пензы дворянской грамоты, на что изъ Москвы послалъ 150 руб. асс., и что надѣюсь получить очень скоро. Между тѣмъ, нашлось еще обстоятельство, о которомъ мнѣ нужно сказать вамъ, и рѣшеніе котораго должно зависѣть отъ однѣхъ васъ и нисколько не отъ меня. Не примите этого даже за предложеніе съ моей стороны; нѣтъ, это только вопросъ, на который вы свободны отвѣчать, какъ вамъ угодно. Для самого меня онъ такъ страненъ, что безъ вашего отвѣта я не умѣю его рѣшить ни положительно, ни отрицательно. Дѣло вотъ въ чемъ: всѣ мои пріятели, которымъ я нашелъ нужнымъ открыть мою тайну, увѣряютъ меня, что, для избѣжанія лишнихъ расходовъ, мнѣ не надо было бы ѣздить въ Москву, а лучше бы вамъ однѣмъ пріѣхать въ Питеръ, гдѣ вы могли бы остановиться на день у Краевскаго, у котораго живетъ сестра его покойной жены (если бы вы не за-

хотѣли остановиться на своей собственной квартирѣ, которая была бы готова къ вашему пріѣзду). Если я нѣсколько на сторонѣ подобнаго плана, такъ это не по причинѣ потери многихъ денегъ и лишняго времени, а вотъ почему: можетъ быть, вы думаете вѣнчаться въ институтской церкви, въ присутствіи M-me Charpiot и всего института: это для меня ужасно; потомъ, по патріархальнымъ къ вамъ отношеніямъ, M-me Charpiot, можетъ быть, станетъ смотрѣть на наше формальное соединеніе, какъ на свадьбу въ общемъ значеніи этого слова, и, пожалуй, предложитъ еще себя въ посаженыя матери, а вамъ, можетъ быть, нельзя будетъ отъ этого отказаться. Если это такъ, то мнѣ пріятнѣе было бы обвѣнчаться съ вами въ Камчаткѣ или на Алеутскихъ островахъ, чѣмъ въ Москвѣ. Но, можетъ быть, все это въ вашей волѣ сдѣлать и иначе, и тогда мои страхи уничтожаются сами собою вмѣстѣ съ ихъ причиною. Марья Александровна находитъ, что ѣхать вамъ однѣмъ было бы трудно по вашимъ отношеніямъ къ M-me Charpiot, ибо вы должны ей сказать, куда и зачѣмъ ѣдете, а ей это могло бы показаться всячески неудобовыполнимымъ. Итакъ, скажите ваше мнѣніе просто и откровенно, и не думайте, чтобы вашъ отрицательный отвѣтъ могъ сколько-нибудь быть мнѣ не по сердцу. Для меня самого странна мысль, что вы поѣдете однѣ, безъ меня, и я, Богъ знаетъ, чего бы не надумался. Но чтобы объ этомъ уже не было больше и помину, я договорю все; это тѣмъ нужнѣе, что вы должны видѣть дѣло со всѣхъ его сторонъ. Въ числѣ суммы, которую беру я у Краевскаго, 900 рублей слѣдуетъ вамъ: 500 на ваши необходимые расходы, 200 на отъѣздъ, если бы вы поѣхали однѣ, и 200, которые я долженъ вамъ. Я увѣренъ, что такое распоряженіе съ моей стороны не покажется вамъ нисколько страннымъ или неумѣстнымъ: если эти 500 руб. будутъ вамъ нужны—тѣмъ лучше, значитъ, я сдѣлалъ, какъ надо; если же они вамъ будутъ не нужны, то вы ихъ привезете съ собою, и они будутъ все нашими же, а не чьими-нибудь деньгами. Что̀ касается до первыхъ 200 руб., они предполагаются только въ случаѣ, если вы поѣдете однѣ: ибо въ такомъ случаѣ вамъ надо будетъ взять съ собою женщину, безъ которой вамъ нельзя обойтись въ дорогѣ,—и въ такомъ случаѣ всего лучше, если бы эта женщина могла и остаться у васъ кухаркою или горничною. Но это только предположеніе, которое сообщаю вамъ только для того, чтобы вамъ отвѣтить рѣшительнѣе—да или

нѣтъ. Вотъ все, что такъ занимало меня, и на что буду ждать вашего отвѣта со всею тоскою живѣйшаго нетерпѣнія. Такъ или сякъ, но желанный день долженъ притти скоро, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; во всякомъ случаѣ, не далѣе первой половины ноября (кажется, 14-го начнется постъ); мнѣ бы хотѣлось въ будущемъ мѣсяцѣ. Итакъ, отвѣчайте скорѣе, чтобы для меня былъ рѣшенъ этотъ вопросъ. Если я поѣду въ Москву, мнѣ надо будетъ заранѣе прислать туда мои бумаги, чтобы безъ меня могли три воскресенья сряду окликать насъ, безъ чего нельзя вѣнчаться. Если въ Москвѣ, то я думалъ бы въ церкви Шереметьевской больницы, гдѣ Грановскій могъ бы безъ меня все приготовить лучше, чѣмъ бы я могъ это сдѣлать самъ. Ради всего святого, скорѣе отвѣчайте на это письмо. Медлить нечего. Если судьба дастъ намъ долгіе счастливые дни,—возьмемъ ихъ; если одинъ день,— не упустимъ и того. Одинъ картежный игрокъ, нажившій игрою милліонъ, говорилъ при мнѣ, что для каждаго человѣка судьба даетъ минуту—воспользуйся онъ ею, не упусти ее—и все получитъ; пропусти—никогда, никогда уже не представится ему благопріятная минута. Я нахожу это очень вѣрнымъ и думаю, что въ важныхъ дѣлахъ жизни всегда надо спѣшить такъ, какъ будто бы отъ потери одной минуты должно было все погибнуть. Какъ только получу отъ васъ отвѣтъ на это письмо, тотчасъ же начну дѣйствовать.

Довольно объ этомъ пока. Душа и рука моя утомились. Скажу вамъ въ заключеніе, что я бросилъ гнусное табаконюханіе. Изъ чужихъ табакерокъ еще нюхаю, но своей не имѣю, и когда случается два и три дня въ глаза не видать табаку, то и не хочется. Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Письмо это пойдетъ завтра, т.-е. 20-го сентября. Боже мой! Это уже четвертое письмо, а отъ васъ только одно! Есть отъ чего сойти съ ума! И если это такъ продолжится, то сойду, право, сойду, такъ-таки вотъ возьму, да и сойду, и буду еще глупѣе, чѣмъ теперь.

Агриппинѣ Васильевнѣ желаю веселаго и яснаго расположенія духа.

Сентября 20-го.

Письмо это было вчера запечатано и совсѣмъ готово къ отправленію. Сегодня поутру просыпаюсь—надо вставать, а лѣнь,—

им. Горьк...
Фундаментальная Библиотека И. О. Р. Д.

потому что, вставши, надо за работу сѣсть, да къ тому же и холодно, а подъ одѣяломъ тепло. Вдругъ—слышу—звонокъ: не почталіонъ ли? Святители! Человѣкъ входитъ въ комнату—можетъ быть, онъ несетъ бумаги или книги отъ Краевскаго; но вдругъ—слышу—онъ бренчитъ мѣдными деньгами... Что такое?—Письмо-съ.—Давай сюда. Думалъ было я сперва положить это письмо, не распечатывая его, пока не встану съ постели, не умою лица моего и не умащу главы моей, да не явлюсь передъ людьми постящимся; но—письмо какъ-то само и распечаталось, и прочлось. Три раза уже прочелъ я его, а вотъ и теперь не могу сообразиться, что̀ въ немъ и какъ на него отвѣчать. Постойте, прочту еще разъ, да ужъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Не спрашиваю васъ, какъ показалась вамъ статья моя: судя по обстоятельствамъ, которыми сопровождалось ея чтеніе, не думаю, чтобы вы что-нибудь замѣтили въ ней. Бѣдная статья моя, а мнѣ такъ хотѣлось услышать ваше о ней мнѣніе. И это отнюдь не по авторскому самолюбію—вотъ будущая моя статья такъ гадка, что изъ рукъ вонъ; а въ той, какова бы ни была она, для меня важно содержаніе, и о немъ-то хотѣлъ бы я услышать ваше мнѣніе.

Миловзоръ поклялся, видно, преслѣдовать васъ. Я теперь понимаю, почему онъ приставалъ ко мнѣ съ своей m-lle Ostroumoff—кажется мнѣ теперь, что надѣялся услышать отъ меня признаніе въ тайнѣ. Ахъ, лысый Маниловъ, вотъ я его! Что касается до издѣвокъ Агриппины Васильевны,—то сколько ей угодно; я знаю, что мы съ ней друзья, и притомъ самые задушевные, а до остального мнѣ нѣтъ дѣла. Вотъ ея scènes de jalousie,—это другое дѣло: хотѣлось бы посмотрѣть и поаплодировать, если хорошо представляются. Я люблю сценическое искусство. Что же касается до старой, больной, бѣдной, дурной жены, sauvage въ обществѣ и не смыслящей ничего въ хозяйствѣ, которою наказываетъ меня Богъ,—то позвольте имѣть честь донести вамъ, Marie, что вы изволите говорить глупости. Я особенно благодаренъ вамъ за эпитетъ бѣдной: въ самомъ дѣлѣ, вы погубите меня своею бѣдностію: вѣдь я было располагалъ жениться на толстой купчихѣ съ черными зубами и 100,000 приданаго. Что касается до вашей старости, я былъ бы отъ нея въ совершенномъ отчаяніи, еслибы, во первыхъ, мнѣ хотѣлось имѣть молоденькую жену, à la madame Maniloff, и во вторыхъ, еслибы я

не видѣлъ и не зналъ людей, которые отъ молодости женъ своихъ страдаютъ такъ, какъ другіе отъ старости. Изъ этого я заключаю, что дѣло ни въ старости, ни въ молодости, и вообще нѣтъ ничего безполезнѣе, какъ заглядывать впередъ и говорить утвердительно о томъ, что̀ еще только будетъ, но чего еще нѣтъ. Я надѣюсь, что мы будемъ счастливы; но рѣшеніе на этотъ вопросъ можетъ дать не надежда, не предчувствіе, не разсчетъ, а только сама дѣйствительность. И потому пойдемъ впередъ безъ оглядокъ и будемъ готовы на все—быть человѣчески достойными счастія, если судьба дастъ намъ его, и съ достоинствомъ, по человѣчески, нести несчастіе, въ которомъ никто изъ насъ не будетъ виноватъ. Кто не стремится, тотъ и не достигаетъ; кто не дерзаетъ, тотъ и не получаетъ. Всякое важное обстоятельство въ жизни есть лотерея, особенно бракъ; нельзя, чтобы рука не дрожала, опускаясь въ таинственную урну за страшнымъ билетомъ; но неужели же слѣдуетъ отдергивать руку потому, что она дрожитъ?—Вы больны, это правда; но вѣдь и я боленъ; я былъ бы въ тягость здоровой женѣ, которая не знала бы по себѣ, что такое страданіе; намъ же не въ чемъ будетъ завидовать другъ другу, и мы будемъ понимать одинъ другого во всемъ—даже и въ болѣзняхъ. Какъ добрые друзья, будемъ подавать другъ другу лѣкарства,—и они не такъ горьки будутъ намъ казаться.—Впрочемъ, по роду вашей болѣзни, вы должны выздоровѣть, вышедши замужъ; бывали примѣры, что доктора отказывались лѣчить, какъ безнадежныхъ, больныхъ разстройствомъ нервъ женщинъ, совѣтуя имъ замужество, какъ послѣднее средство,—и опытъ часто показывалъ, что доктора не ошибались въ своихъ разсчетахъ, ибо брачная жизнь болѣе сообразна съ натурою и назначеніемъ женщины, чѣмъ дѣвическое состояніе. Но какъ бы то ни было—

Будь сіянье, будь ненастье,
Будь, что надобно судьбѣ,
Все для жизни будетъ счастье,
Добрый спутникъ, при тебѣ.

Дайте мнѣ вашу руку, мой добрый, милый другъ—то опираясь на нее, то поддерживая ее, я готовъ итти по дорогѣ моей жизни, съ надеждою и бодро. Я вѣрю, что чувствовать подлѣ своего сердца такое сердце, какъ ваше, быть любимымъ такою душою, какъ ваша,—есть не наказаніе, а награда выше мѣры и заслуги. Вы называете себя дурною и даже букою: что-жъ? Я

люблю ваше дурное лицо и нахожу его прекраснымъ: стало быть, наказанія и тутъ нѣтъ. Вы дики въ обществѣ—я тоже, и тѣмъ веселѣе будетъ намъ въ обществѣ одинъ другого. Если бы вы были общительны и любили общество—тогда бы я, дѣйствительно, былъ наказанъ крѣпко за грѣхи мои. Вы ничего не знаете въ хозяйствѣ: и не мудрено—вамъ не для чего и не отъ чего было узнать его, какъ и всѣмъ особамъ вашего пола, которыя не были поставлены судьбою въ необходимость заниматься хозяйствомъ. Но, какъ и многія, увидя себя хозяйкою, вы поневолѣ сдѣлаетесь ею.

Я, право, не понимаю, почему вамъ стоило такого труда сказать мнѣ, что вы хотѣли бы, чтобъ церемонія была въ 12 часовъ, и чтобъ уѣхать изъ Москвы въ тотъ же день; и не понимаю, что вы тутъ разумѣете подъ вашею кн. Марьею Алексѣевной. На чемъ бы ни было основано ваше желаніе, если бы даже и ни на чемъ,—я не вижу никакой причины не выполнить его. Можетъ быть, это желаніе происходитъ отъ того, что вы не хотите дать собою зрѣлище для празднаго и дикаго любопытства людей, которые чужими дѣлами занимаются больше, чѣмъ своими: въ такомъ случаѣ, я и самъ вполнѣ раздѣляю ваше желаніе. Къ чему эти затруднительныя выговариванія?—будемъ вполнѣ и свободно откровенны другъ съ другомъ. Этимъ письмомъ я подаю вамъ примѣръ. Глупы мои предположенія, не нравятся они вамъ—скажите,—и объ нихъ больше ни слова. Насчетъ отъѣзда изъ Москвы въ день вѣнчанія—дѣло довольно трудное. Взять особенной кареты я теперь не въ состояніи,—на это нужно 500 рублей; стало быть, заранѣе надо взять мѣста въ malle poste или конторѣ дилижансовъ; но въ первой мѣста берутся недѣли за двѣ впередъ, а изъ вторыхъ только изъ одной конторы дилижансы ходятъ послѣ обѣда.

M-lle Agrippine можетъ говорить, что ей угодно, о вашемъ первомъ письмѣ; но мнѣ оно до того кажется умнымъ и милымъ, такъ вѣрно отражающимъ въ себѣ васъ, что я выучилъ его чуть не наизустъ. Равнымъ образомъ, хотя m-lle Agrippine и упрекаетъ васъ, что ваши письма холодны, но я и въ этомъ съ нею не согласенъ. Я читаю въ вашихъ письмахъ не только то, что въ строкахъ написано, но что и между строками. Я такъ увѣренъ въ вашей любви ко мнѣ, что вамъ нѣтъ никакой нужды писать ваши письма иначе, нежели какъ они вами пишутся. Будьте самой собою, Marie,—больше я отъ васъ ничего не требую,

потому что люблю васъ такою, каковы вы въ самомъ дѣлѣ. А что касается до разлуки—прегадкая вещь во всякомъ случаѣ и всегда, но до брака особенно, ибо ставитъ людей въ преглупое положеніе, которое можно выразить словами: ни то, ни се. Терпѣть не могу такихъ положеній. Они очаровательны для юношей и мальчиковъ, которые еще не выросли изъ стиховъ Жуковскаго и любятъ твердить: «Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна».—По картамъ у васъ выходитъ всегда прекрасно. Дитя вы, дитя! Ну, да, дѣла мои, точно, пошли недурно; а сначала я было пріунылъ, ибо увидѣлъ, что въ дѣйствительности не такъ-то легко все дѣлается, какъ въ фантазіи, заодно съ желаніемъ. А вы угадали, что въ тотъ день, какъ вы писали ко мнѣ это письмо, и я писалъ къ вамъ: послѣднее письмо мое пошло къ вамъ въ среду (15), а вы получили его въ субботу (18). Вы пишете, что m-lle Agrippine только и бредитъ мною: что-жъ тутъ удивительнаго—я приписываю это моимъ необыкновеннымъ достоинствамъ.—Я радъ, что вы видѣли Кудрявцева: я этого человѣка очень люблю и много уважаю.

А вы пишете, что чувствуете себя не очень здоровою, и что вамъ очень грустно: вотъ это нехорошо, и этого я больше всего боюсь. Бога ради, берегитесь. Обо мнѣ не безпокойтесь—я живучъ, какъ кошка, и со мной чортъ ли не дѣлается. Прощайте. Пуще всего будьте здоровы. Теперь я буду въ большомъ безпокойствѣ, не зная, кончилось ли ваше нездоровье или—сохрани Богъ—пошло вдаль. Не мучьте меня медленностію вашихъ отвѣтовъ: съ этой стороны я и такъ ужъ порядочно измученъ.

Вашъ В. Б.

Къ М. В. Орловой. 25—29 сентября, 1843.

Суббота, сентября 25.

Наконецъ я получилъ ваше письмо, ожиданіе котораго дѣлало меня безумнымъ за три дня до четверга (23) и два дня послѣ четверга, ибо въ четвергъ ожидалъ я его. Мое третье письмо вы получили въ прошлую субботу (18); а какъ въ понедѣльникъ m-lle Agrippine свободна отъ дежурства, то, благодаря ея добротѣ и снисходительности, вашъ отвѣтъ и могъ быть посланъ. Я даже думалъ, что онъ не могъ не быть посланъ; но ваше письмо вы-

вело меня изъ заблужденія и показало мнѣ, что я былъ невыносимо глупъ. Признаюсь въ глупости и прошу васъ извинить меня за нее, а за то, что навели меня на сознаніе моей глупости, чувствительнѣйше благодарю васъ. Точно, я теперь вспомнилъ, что вы говорили, что будете писать ко мнѣ разъ въ двѣ недѣли. Но вѣдь, помнится, и я тоже хотѣлъ писать къ вамъ только разъ въ недѣлю; но, получивъ ваше письмо, не могу не отвѣтить на него въ ту же минуту, а,ославъ его на почту, считаю дни, часы и минуты, въ продолженіе которыхъ оно должно дойти до васъ. Меня занимаетъ (и какъ еще—если бы вы знали!) не одна только мысль, когда ваше письмо обрадуетъ меня, но и когда мое письмо обрадуетъ васъ. Я думалъ, что и вы такъ же точно, и моимъ душевнымъ состояніемъ мѣрилъ состояніе вашей души. Это было глупо, какъ я вижу теперь. Вы обѣщали писать въ двѣ недѣли разъ, теперь пишете каждую недѣлю, и чаще писать не намѣрены. Хвалю такую геройскую рѣшимость и такую непоколебимую твердость характера. Я въ восторгѣ отъ нихъ. Итакъ, теперь мнѣ уже не отъ чего безпокоиться, мучиться, не получая отъ васъ долго письма: вы здоровы, и мои опасенія—грезы больного воображенія, вы здоровы, и наслаждаетесь своимъ рѣшеніемъ не писать больше одного раза въ недѣлю. Но скажите же, отчего мнѣ жаль моего безпокойства, моей тревоги, тоски и мученія? Отчего не радуетъ меня мысль, что теперь ваше молчаніе не означаетъ вашего нездоровья? Не знаю—или я слишкомъ слабохарактеренъ, и въ моемъ чувствѣ много дѣтскаго,—или вы написали ко мнѣ ваше третье письмо въ состояніи той враждебности, которую чувствовали вы ко мнѣ въ одну изъ субботъ, когда мы втроемъ гуляли въ Сокольникахъ.—Такъ или этакъ, но только мнѣ грустно, очень грустно. Я ждалъ себѣ сегодня свѣтлаго праздника...

Мнѣ хочется разорвать это письмо и ни слова не говорить вамъ о томъ, что такъ тяжело на меня подѣйствовало; но меня остановила мысль, чтобы вы знали меня такимъ, каковъ я есть. Поэтому я боюсь скрыть отъ васъ какое бы то ни было движеніе моей души.

Охотно признаюсь вамъ въ несправедливости моего упрека вамъ за танцы и прошу васъ извинить меня за него. Что касается до меня, въ дождь по Невскому я не гулялъ. Я поѣхалъ обѣдать къ Комарову (по воскресеньямъ я всегда ѣзжу обѣдать или къ Комарову или къ Вержбицкому), поѣхалъ, когда не было

дождя, а по дорогѣ меня засталъ проливной дождь и промочилъ насквозь мнѣ ноги.

M-lle Agrippine назвала меня Подколесинымъ. Всякій мужчина передъ женитьбой есть Подколесинъ, только одинъ лучше, другой хуже умѣетъ скрывать это. Я, разумѣется, всѣхъ хуже.

Что я писалъ къ вамъ письмо до 12 часовъ ночи,—вы можете бранить меня за это, сколько вамъ угодно. Что мнѣ дѣлать? У меня нѣтъ вашего благоразумія въ дѣлѣ переписки съ вами, и я не могу сказать себѣ: «буду писать тогда-то», а пишу, когда захочется писать. Вотъ сегодня, хотя бы я и рано легъ, а не усну скоро, и потому хочу работать. Работу я запустилъ, ибо, не зная причины вашего молчанія, все безпокоился и тосковалъ, а работа не шла на умъ. Я, точно, безтолковъ, а вы—надо вамъ отдать въ этомъ полную справедливость—вы очень благоразумны. Кстати о благоразуміи и Татьянѣ—да нѣтъ, я сегодня не въ состояніи разсуждать съ вами объ этой прекрасной россіянкѣ, за которую вы такъ горячо заступаетесь. Что касается до Боткина и его горя: вы не совсѣмъ такъ поняли все это. Что Armance не 30, а только 20 лѣтъ, въ этомъ нѣтъ бѣды, а худо то, что они другъ друга не понимаютъ, и что между ними ничего общаго нѣтъ. Быть связаннымъ съ женщиною, которая меня горячо любитъ, которую я не могу не уважать за благородную душу и страстное сердце, но которая не знаетъ ни того, чѣмъ я здоровъ, ни того, чѣмъ я боленъ, съ которою мнѣ не о чемъ слова перемолвить, съ которою я молюсь не одному Богу, съ которою у меня нѣтъ ни одной общей симпатіи, ни одного общаго интереса,—о, не чудакъ я буду, если скажу: «зачѣмъ она дитя, зачѣмъ ей не 30 лѣтъ!» Есть люди, которые любятъ въ женщинахъ больше всего наивность и разныя милыя качества; есть другіе, которые въ женщинѣ хотятъ видѣть прежде всего человѣка, по образу и по подобію Божію созданнаго: Боткинъ изъ такихъ людей.

Ваше изъясненіе на счетъ моего друга нисколько не озлобило меня, тѣмъ болѣе, что я самъ виноватъ въ томъ, что вы поняли это дѣло довольно въ смѣшномъ видѣ: мнѣ бы или совсѣмъ не слѣдовало говорить вамъ о немъ ни слова, или бы надо было сказать поподробнѣе.

Адресы на моихъ письмахъ всѣ безъ исключенія писаны не мною, а Боткинымъ.

Да! скажите: можетъ быть, ваше твердое намѣреніе не пи-

сать ко мнѣ больше одного раза въ недѣлю означаетъ также и нежеланіе получать отъ меня больше одного письма въ недѣлю? Увѣдомьте меня о вашей волѣ въ этомъ отношеніи. И если такова, дѣйствительно, ваша воля, то, какъ ни больно мнѣ это, а я постараюсь ее выполнить.

Какія ночи, Боже мой! какія ночи! Моя зала облита фантастическимъ серебрянымъ свѣтомъ луны. Не могу смотрѣть на луну безъ увлеченія: она такъ часто сопровождала меня въ то прекрасное время, когда, бывало, возвращался я изъ Сокольниковъ.—Но теперь, въ эту минуту, мнѣ не весело смотрѣть и на чудную ночь. Прощайте, Marie, жму и цѣлую вашу руку, и прошу ее написать ко мнѣ хотя одно ласковое слово—оно утѣшило бы меня. Почему-то мнѣ захотѣлось перечесть ваше второе письмо—оно доставило мнѣ столько счастія!

Среда, 29.

Долго не имѣлъ я духу ни перечесть своего письма, ни отослать его къ вамъ. А все потому, что боялся или огорчить и обезпокоить васъ долгимъ молчаніемъ, или показаться вамъ смѣшнымъ, придавая важное значеніе тому, что̀ въ глазахъ вашихъ, можетъ быть, очень обыкновенно и мелко. О, тысячу разъ простите меня, если я былъ глупъ и понялъ ваше письмо не такъ, какъ должно было понять его! Во всякомъ случаѣ, я былъ бы радъ и счастливъ, если бы это мое письмо не огорчило васъ.

Все это время я былъ не въ духѣ и не совсѣмъ здоровъ. Я слишкомъ impressionnable, и душевное состояніе мое такъ же сильно дѣйствуетъ на здоровье, какъ и здоровье на душу. Теперь мнѣ какъ будто лучше, и для того, чтобы мнѣ было совершенно хорошо, недостаетъ только нѣсколькихъ дружественныхъ строкъ, написанныхъ вашею рукою. О, тогда я снова буду счастливъ и снова буду жить и дышать ожиданіемъ вашихъ писемъ.

Отвѣтъ на мое послѣднее письмо надѣюсь получить послѣзавтра (въ пятницу, 1-го октября), думая, что онъ отосланъ во вторникъ. Не знаю, обманетъ ли меня моя надежда.

Вчера только отдѣлался я отъ 10-й книжки «Отечественныхъ Записокъ». Мочи нѣтъ, какъ усталъ и душой и тѣломъ; правая рука одеревенѣла и ломитъ. Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ Д. П. Иванову. 1 октября, 1843.

СПБ. 1843. Октября 1.

Любезный Дмитрій, писалъ я къ тебѣ недѣли двѣ назадъ о томъ, чтобы ты написалъ Петру Петровичу, когда будетъ готова грамота, и увѣдомилъ бы меня объ этомъ. Но ты ни слова. Бога самого ради—отвѣть мнѣ, если не хочешь обидѣть меня на смерть. Дѣло важное и отсрочки не терпитъ. Если ты не написалъ по слѣдующей почтѣ къ Петру Петровичу, то напиши по слѣдующей же почтѣ: что де заклинаю всѣмъ святымъ поторопиться насчетъ грамоты, и если въ грамотѣ не будетъ выраженія сыну покойнаго штабъ-лекаря и пр., то прислали бы мнѣ свидѣтельство о смерти отца моего. Другъ Дмитрій, если не хочешь поступить со мной, какъ съ врагомъ, то пошли мнѣ отвѣтъ въ четвергъ же, что вотъ де я вчера послалъ письмо къ отцу и т. д. Пожалуйста. Не заставь меня мучиться.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Орловой. 1 октября, 1843.

Спб. 1843, октября 1.

Ваше письмо доканало меня во всѣхъ отношеніяхъ. Вы ждете моего отвѣта, чтобы сообразно съ нимъ распорядиться. Само собою разумѣется, что я поступлю такъ, какъ вы хотите, какъ ни страшно тяжело это для меня. Vous êtes esclave и прекрасная россіянка — не въ обиду вамъ будь сказано. И это мнѣ горше всего. Конечно, сбереженіе денегъ—вещь важная, и что̀ я истрачу на проѣздъ, все это могло бы быть употреблено съ большею пользою; но деньги не могутъ быть крайнимъ препятствіемъ. Гораздо важнѣе для меня потеря времени, ибо я нуженъ Краевскому, и онъ довольно уже терпѣлъ отлучки и помѣху работѣ. Но что всего хуже, всего ужаснѣе—это покориться обычаямъ шутовскимъ и подлымъ, профанирующимъ святость отношеній, въ которыя мы готовы вступить съ вами; обычаямъ, которые я презираю и ненавижу по принципу и по натурѣ моей. У дядюшки обѣдъ! Будь прокляты всѣ обѣды, всѣ дядюшки,

всѣ тетушки и всѣ чиновники съ ихъ гнусными обычаями. Если бы вы пріѣхали въ Петербургъ,—тихо, просто, человѣчески обвѣнчались бы мы съ вами въ церкви какого-нибудь учебнаго заведенія, и присутствовали бы тутъ человѣкъ пять (никакъ не болѣе) моихъ друзей, да одна изъ женъ моихъ друзей, съ которою могли бы вы пріѣхать въ церковь, если бы, въ качествѣ прекрасной россіянки, нашли неловкимъ пріѣхать туда со мной. Я смотрю на этотъ обрядъ, какъ на необходимый юридически актъ, и чѣмъ проще онъ совершится, тѣмъ лучше. Боткинъ взялъ Armance подъ руку, да и пошелъ съ нею по Невскому въ Казанскій соборъ, въ сопровожденіи пяти пріятелей—такъ и воротился, словно съ прогулки. Вы могли бы остановиться у меня, ибо что вамъ за дѣло до того, что объ васъ станутъ говорить люди, которыхъ вы не знаете и никогда не узнаете; а тѣ, которыхъ вы будете знать, будутъ на это смотрѣть, какъ я. Знаете ли что? Я долженъ теперь лгать передъ моими друзьями, ибо я никогда не рѣшусь сказать имъ о вашихъ мотивахъ и той шутовской процедурѣ, которую долженъ я буду пройти въ Москвѣ. Они не повѣрятъ, что слышатъ это отъ Бѣлинскаго. Причины ваши всѣ недостаточны и ложны. M-me Charpiot вы легко могли бы приготовить, могли бы увѣрить ее, что мои дѣла не позволяютъ мнѣ ни на день отлучиться изъ Петербурга, что черезъ это я потеряю мѣсто, которымъ существую, и что вы, съ своей стороны, находите смѣшнымъ отказываться отъ того, что̀ считаете своимъ счастіемъ, для глупыхъ условныхъ приличій. Кстати замѣчу, что въ Питерѣ ни одинъ человѣкъ не пойметъ, въ чемъ тутъ неприличіе, ибо въ Петербургѣ нравы ближе къ Европѣ и человѣчности,—не то, что въ Москвѣ, этомъ égout, наполненномъ дядюшками и тетушками, этими подонками, этимъ отстоемъ, этою изгарью татарской цивилизаціи. При вѣнчаніи будутъ—пишете вы—всего человѣкъ двадцать, да съ моей стороны человѣкъ 10 или 15: да зачѣмъ и гдѣ наберу я такую орду? У меня все такіе знакомые, для которыхъ подобное зрѣлище нисколько не интересно. Будутъ, можетъ быть, человѣка три. Вы даже убѣждены, что, если бы мы, обвѣнчавшись, не уѣхали въ тотъ же день—то были бы должны дѣлать и отдавать визиты;—иначе подпадемъ анаѳемѣ: ахъ, Marie, Marie, да что же вамъ за дѣло до всѣхъ этихъ анаѳемъ? Неужели вамъ мало любви и уваженія человѣка, котораго вы избрали въ спутники вашей жизни, уваженія и пріязни всѣхъ тѣхъ, кого онъ ува-

жаетъ и любитъ,—а вы хотите еще знать, что̀ объ васъ говорятъ люди, съ которыми у васъ нѣтъ ничего общаго, которымъ до васъ, такъ же, какъ и вамъ до нихъ, нѣтъ дѣла?.. Пріятели, которые дали мнѣ совѣтъ предложить вамъ ѣхать одной въ Питеръ, живутъ въ дѣйствительности, а не въ эмпиреѣ—они люди женатые и отцы семействъ, прозу жизни знаютъ хорошо; но они не москвичи, не татары и не калмыки, а петербургскіе жители. Когда я, по какому-то грустному предчувствію, принялъ ихъ совѣтъ нерѣшительно, они начали надо мною смѣяться и бранить меня, говоря утвердительно, что съ вашей стороны препятствія быть не можетъ, и думая видѣть его съ моей.

Да что объ этомъ говорить! Если вы меня знаете и понимаете, то поймете, что во мнѣ говоритъ это не Подколесинъ, а человѣкъ (я слово человѣкъ употребляю какъ антитезъ москвичу). Не скрою отъ васъ и того, что мнѣ горько видѣть въ вашей волѣ тѣ самые предразсудки, которыхъ вы выше умомъ вашимъ. Я думалъ, что мое предложеніе обрадуетъ васъ, какъ простое средство избавиться отъ необходимости дѣлать изъ себя спектакль, и что вы ухватитесь за него со всею силою вашего характера и вашей воли, уступчивыхъ въ пустякахъ (какъ вы мнѣ говорили), но твердыхъ и настойчивыхъ въ важныхъ дѣлахъ. Но быть такъ; я пріѣду, и умоляю васъ только вотъ о чемъ: вѣнчаться въ приходѣ Новаго Пимена (это важно потому, что можно избѣжать повѣстки), и часа въ 4, чтобы изъ церкви же ѣхать въ контору дилижансовъ (есть одна, гдѣ дилижансы отходятъ въ 6 часовъ вечера).

Упрекъ вашъ въ болтовнѣ несправедливъ. Что я женюсь,—это знаетъ только семейство Коршъ, и то не знаетъ—на комъ. Щепкинымъ я не только ничего не говорилъ, но боялся, чтобы они не узнали, почему я рѣдко у нихъ бываю. Откуда вышла сплетня, не знаю. Но, видно, Москва носомъ слышитъ новости. Очень жалѣю о страданіяхъ M-lle Agrippine, но не я виноватъ въ нихъ.

Къ счастію, ваше письмо получилъ я сегодня очень рано (въ 10 часовъ) и потому сегодня же могу и отвѣчать вамъ. Мой отвѣтъ долженъ быть у васъ въ рукахъ въ понедѣльникъ (3). Бога ради, отвѣчайте поскорѣе.

Что касается до моей статьи, то взгляды мои въ ней вы раздѣляете только теоретически: ваше письмо доказываетъ, что на практикѣ мы разно понимаемъ вещи. Прощайте. Не сер-

дитесь на меня за сердитыя фразы: надо же мнѣ дать волю высказать тяжесть души,—послѣ этого я буду смиренъ, какъ теленокъ, и буду мычать у вашихъ дядюшекъ и тетушекъ.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Орловой. 2 октября, 1843.

Суббота, 2 октября 1843. Спб.

Я никого не люблю огорчать ни умышленно, ни неумышленно, и, когда мнѣ случится это сдѣлать или такъ или этакъ, я страдаю больше тѣхъ, которыхъ огорчилъ. Тѣмъ мучительнѣе для меня мысль, что, можетъ быть, я огорчилъ васъ вотъ уже двумя письмами, отъ которыхъ вы ожидали только удовольствій и радости. Вотъ причина этого новаго письма, которое будетъ для васъ совсѣмъ неожиданно. Давеча поутру (это письмо пишется въ пятницу же ночью) я былъ слишкомъ разстроенъ и потрясенъ вашимъ письмомъ, и потому не могъ отвѣчать на него спокойнѣе и кротче, какъ бы слѣдовало. Теперь я спокойнѣе, и хочу поговорить съ вами все о томъ же, только хладнокровнѣе и разсудительнѣе. Когда я писалъ вамъ насчетъ вашего пріѣзда въ Петербургъ, я дѣлалъ это въ вопросительномъ тонѣ, изъ котораго вы могли видѣть, что я готовъ послѣдовать не моему, но вашему рѣшенію касательно этого предмета. Я тутъ нисколько не хитрилъ, ибо единственною причиною, которая могла бы остановить васъ, полагалъ боязнь ѣхать одной и подвергнуться, можетъ быть, какимъ-нибудь непріятнымъ случайностямъ въ дорогѣ, не имѣя при себѣ мужчины. Хотя подобныхъ случайностей на дорогѣ между Москвою и Петербургомъ не бываетъ, и хотя по этой дорогѣ поѣздка теперь сдѣлалась очень обыкновенною, удобною и безопасною, но, кого любишь, за того боишься всего, и меня самого пугала мысль, что вы поѣдете безъ меня; а потому, въ случаѣ вашего несогласія, я спокойно располагался пріѣхать самъ въ Москву. Я не думалъ ни о дядюшкахъ и тетушкахъ, ни о M-me Charpiot (если и думалъ о послѣдней, то предположительно только), ни объ оффиціальномъ обѣдѣ, съ шампанскимъ и поздравленіями, съ идіотскими улыбками, и, можетъ быть,—о, infame!—съ чиновническими шутками и любезностями. Въ этой поистинѣ плѣнительной картинѣ недостаетъ

только свахи, смотра, сговора, дѣвишника съ свадебными пѣснями.. Кажется, что — и при этой мысли ужасъ проникаетъ холодомъ до костей моихъ — въ посаженомъ отцѣ и посаженой матери недостатка не будетъ, и насъ съ вами встрѣтятъ съ образомъ, и мы будемъ кланяться въ ноги. Знаете ли что? — мнѣ больно не одно то, что вы осуждаете меня на эту позорную пытку, но то, что вы обнаруживаете столько resignation въ этомъ случаѣ въ отношеніи къ самой себѣ. Это для меня всего тяжелѣе. Вы даже не хотите понять причины моего ужаса и отвращенія къ этимъ позорнымъ церемоніямъ и приписываете это трусости Подколесина. Во мнѣ такъ много недостатковъ, что уже ради одной ихъ многочисленности не слѣдуетъ мнѣ приписывать несуществующихъ во мнѣ. Подколесинъ труситъ мысли, что вотъ-де все былъ неженатъ и вдругъ женатъ. Я понимаю такую мысль, но она не можетъ же испугать меня до того, чтобы я хотя на секунду, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, пожалѣлъ о моемъ рѣшеніи жениться. Въ такомъ случаѣ, я чувствовалъ бы себя недостойнымъ васъ и сталъ бы самъ себя презирать. Такая мысль (т.-е. подколесинскій страхъ женатаго состоянія) можетъ меня безпокоить, какъ необходимость выѣхать въ собраніе или пройти по улицѣ въ мундирѣ, но не больше. Подколесинъ пугается не церемоній и неприличныхъ приличій — напротивъ, онъ не понимаетъ возможности брака безъ нихъ, и безъ нихъ пропалъ бы отъ ужаса при мысли, что̀ объ этомъ говорятъ.

Изъ окна я не выброшусь, но не ручаюсь, что наканунѣ вѣнчанья не проснусь съ сильною просѣдью на головѣ, и что въ ночь не переживу длиннаго, длиннаго времени тяжелой внутренней тревоги. И пиша эти строки, я глубоко скорблю и глубоко страдаю отъ мысли, что вы не поймете моего отвращенія къ позорнымъ приличіямъ и шутовскимъ церемоніямъ. Для меня противны слова: невѣста, жена, женихъ, мужъ. Я хотѣлъ бы видѣть въ васъ ma bien-aimée, amie de ma vie, ma Eugénie. Въ церемоніи вѣнчанія я вижу необходимость чисто юридическаго смысла. По моему кровному убѣжденію, союзъ брачный долженъ быть чуждъ всякой публичности, это дѣло касается только двоихъ—больше никого. Вы боитесь scandale, анаѳемы и толковъ— этого я просто не понимаю, ибо я давно позволилъ безнаказанно проклинать меня и говорить обо мнѣ все, что угодно, тѣмъ, съ которыми я на всю жизнь расплевался. Таковые для меня не существуютъ. У меня есть свой кругъ и свое общество,

состоящее все изъ людей, женившихся совсѣмъ не по россійски. Вы пишете, что теперь поняли всю дикость нашего общества и пр. Знаете ли, что вѣдь ваши слова — не больше, какъ слова, слова и слова? Ибо они не оправдываются дѣломъ. Общество улучшается черезъ благороднѣйшихъ своихъ представителей, и вѣдь кому-нибудь надо же начинать. Вы похожи на раба-отпущенника, который, хотя и знаетъ, что его бывшій баринъ уже не имѣетъ никакой надъ нимъ власти, но все, по старой привычкѣ, почтительно снимаетъ передъ нимъ шапку и робко потупляетъ передъ нимъ глаза. Мнѣ кажется, что разумъ данъ человѣку для того, чтобы онъ разумно жилъ, а не для того только, чтобы онъ видѣлъ, что онъ неразумно живетъ.

Изъ всѣхъ изложенныхъ вами причинъ невозможности ѣхать вамъ въ Питеръ, я нахожу резонною только одну: непріятныя отношенія, въ которыя станетъ Аграфена Васильевна къ своимъ родственникамъ. Я согласенъ, что въ этомъ отношеніи не должно дразнить гусей; но должно сдѣлать такъ, чтобы вы настояли все-таки на своемъ, а гусей не раздразнили. Для этого есть очень простое средство: попросите у дядюшки (смиренно и интимно) совѣта въ дѣлѣ, на исполненіе котораго вы и безъ него рѣшились твердо. Можетъ быть, онъ и поспоритъ, но непремѣнно согласится, если поведете дѣло искусно и сумѣете поладить съ его самолюбіемъ. Судя по вашимъ же о немъ разсказамъ, онъ человѣкъ не глупый и пойметъ, что смѣшно же вамъ, изъ уваженія къ разнымъ, хотя бы и важнымъ, аппарансамъ, отказываться отъ того, что, и по его мнѣнію, должно составить счастіе вашей жизни. А я прилагаю вамъ при семъ (на всякій случай) оффиціальное письмо къ вамъ, которое вы можете показать ему. Если онъ согласится, то и тетенька (о, милое слово!) тоже согласится. Сперва имъ будетъ это дико, но дня черезъ три, привыкнувъ къ этой мысли, они найдутъ ее очень естественною. Такъ же точно вы можете поступить и съ M-me Charpiot. И по русской пословицѣ — и овцы будутъ цѣлы, и волки будутъ сыты. Потомъ изрѣдка письма изъ Питера къ M-me Charpiot и къ родственникамъ, — и M-lle Agrippine будетъ въ лучшихъ отношеніяхъ и съ тою и съ другими.

Повторяю вамъ, я поступлю такъ, какъ рѣшите вы въ отвѣтѣ на это письмо (которымъ не медлите ни минуты, ибо время становится дорого); хотя, кромѣ сказаннаго мною объ ужасѣ и отвращеніи, какое внушаетъ мнѣ одна мысль объ ожидающихъ

меня въ Москвѣ мѣщанскихъ (bourgeois) продѣлкахъ, есть и еще весьма непріятное обстоятельство: Краевскому крайне непріятна мысль о моемъ отъѣздѣ, и, несмотря на всѣ мои доводы, онъ не видитъ достаточной для нея причины. И потому мнѣ теперь надо страшно работать, чтобы статьи послѣднихъ №№ поспѣли ко времени и были хороши. Однако-жъ все это я употреблю всѣ мои силы преодолѣть. Но, несмотря на то, умоляю васъ, Marie—заставьте за себя вѣчно молиться Богу и не обидьте сироту круглаго — вѣдь ни батюшки, ни матушки, ни роду-племени — попытайтесь устроить дѣло, какъ я вамъ говорю. На колѣняхъ умоляю васъ. Если не удастся — ну, дѣлать нечего — двухъ смертей не будетъ, одной не миновать.

Мнѣ кажется, что васъ тутъ, кромѣ другихъ причинъ, страшитъ мысль ѣхать одной. О дорогѣ ни слова — это вздоръ. Возьмите мѣсто въ каретѣ malle-poste и выберите день, когда сосѣднее съ вами мѣсто занято будетъ дамою же. Если бы, — чего да избавитъ Богъ, — вы заболѣли дорогою, то на всякой станціи найдете вы особую комнату и прислугу и можете послать ко мнѣ письмо съ своимъ же кондукторомъ, который, въ надеждѣ получить отъ меня цѣлковый, сейчасъ же доставитъ его мнѣ, а я явлюсь къ вамъ немедленно. Если же васъ страшитъ мысль не ѣхать, а пріѣхать одной въ Питеръ, — то надо, чтобы вы считали меня за Ивана Александровича Хлестакова, который въ одно прекрасное утро хлопъ передъ вами на колѣна, да и закричалъ: «руки прошу, Марья Антоновна!», а потомъ, какъ вы пріѣхали... да нѣтъ, у меня не достаетъ духу кончить фразу,—и я прошу у васъ прощенія въ нелѣпомъ предположеніи.

Касательно причинъ, которыя вы можете представить M-me Charpiot и дядюшкѣ, я уже писалъ вамъ въ письмѣ, полученномъ вами вчера. Вы нисколько не будете лгать, если скажете, что я не могу отлучиться изъ Петербурга, по причинѣ моихъ занятій. Вамъ придется только прикрасить эту истину, сказавъ, что я, въ случаѣ поѣздки, лишусь мѣста при журналѣ, которое даетъ мнѣ 6,000 руб. асс. въ годъ и которое отдастся другому. Неужели такого довода мало для этихъ людей?

Октября 2.

Еще слово о пріятеляхъ, давшихъ мнѣ совѣтъ предложить вамъ ѣхать одной въ Петербургъ. Это Комаровъ, пять лѣтъ женатый, Краевскій, уже два года вдовый, и Вержбицкій, двѣ-

надцать лѣтъ женатый. Вы, можетъ быть, насмѣшливо улыбнетесь при этомъ исчисленіи лѣтъ женатой жизни, но я говорю дѣло, и вы согласитесь со мною, что женатая жизнь не даетъ человѣку жить въ эмпиреѣ въ томъ смыслѣ, какой вы даете этому слову. Дѣло здѣсь въ томъ, что въ Петербургѣ, еслибы о вашемъ пріѣздѣ дано было знать цѣлому городу, никто бы не нашелъ этого страннымъ, а всѣ нашли бы это очень естественнымъ и обыкновеннымъ: Петербургъ столѣтіемъ обогналъ Москву и на 700 верстъ ближе ея къ Европѣ. Въ Петербургѣ люди заняты, живутъ работою и знаютъ, что такое время. Поэтому въ Петербургѣ пріѣзды невѣстъ къ женихамъ (какіе гнусные термины!) нерѣдки и обыкновенны. Калмыцкій принципъ родства въ Петербургѣ очень слабъ въ сравненіи съ Москвою. Въ Петербургѣ никому нѣтъ дѣла до другихъ, потому что много своихъ хлопотъ. Тамъ братъ по году не видитъ брата, не будучи въ ссорѣ. Москвѣ больше нечего дѣлать, какъ жрать и сплетничать. Разумѣется, для нея позѣвать на свадьбу—великая радость; да какая же радость лишить ее этой радости! Неужели вы не понимаете этого? Неужели, сказавши: «Je suis esclave, esclave par-dessus les oreilles», вы этимъ и утѣшились, рѣшившись навсегда остаться при этомъ? Я ловлю васъ на этомъ словѣ,— и какъ я ненавижу ложь и скрытность съ тѣми, кого люблю, то скажу вамъ прямо, что не вѣрю, будто положеніе Аграфены Васильевны заставляетъ васъ такъ дѣйствовать: нѣтъ, причина этому — votre esclavage, ваша московская боязнь того, что̀ скажутъ о васъ люди, которыхъ вы въ душѣ презираете и не любите, но передъ мнѣніемъ которыхъ вы ползаете. Это стыдно и грѣхъ. Это преступленіе передъ Богомъ и совѣстью. Скажу болѣе: это низко и недостойно васъ. Если бы вы, въ понятіяхъ вашихъ, шли въ уровень съ толпою,—тогда другое бы дѣло.

И при этомъ вы себя жестоко обманываете; вы думаете, оставаясь въ Москвѣ, избрать изъ двухъ золъ меньшее, — а я убѣжденъ въ томъ, что, когда вблизи будетъ то, что̀ теперь еще вдалекѣ, вы горько раскаетесь, что не послѣдовали моему совѣту. Васъ измучаетъ вмѣшательство этихъ людей, которымъ столько дѣла до другихъ, васъ убьетъ пошлость и тривіальность этихъ продѣлокъ. Вы увидите, что ихъ больше, чѣмъ вы предвидѣли, что онѣ скучнѣе, чѣмъ вы воображали. Что до меня, моя фигура, въ одно и то же время и жалкая и свирѣпая, и

шутовская и звѣриная (ибо я не умѣю притворяться, да и не имѣю въ этомъ нужды, не будучи рабомъ мнѣнія подлой, презираемой мною толпы) вызоветъ толки, горькіе для васъ. Скажутъ, пожалуй, что я женюсь на васъ потому только, что ужъ сказалъ слово, и что, поэтому, мое вѣнчанье походило на похороны. А такого рода толки таковы, что возмущаютъ мою душу заранѣе, при всемъ моемъ презрѣніи къ мнѣнію толпы, ибо эти толки оскорбляютъ не меня, а васъ, — а я многое въ состояніи перенесть, кромѣ того, что̀ бы могло бросить на васъ какую-либо тѣнь и такъ или сякъ оскорбить васъ. Съ нѣкотораго времени я научился молиться, и моя молитва такого содержанія:

A vous le calme — à moi l'orage.

Итакъ, вы будете страдать вдвойнѣ — и за себя и за меня. Пріѣзжайте вы въ Петербургъ однѣ — ничего этого не будетъ. Люди, которые будутъ присутствовать при церемоніи, вамъ совершенно чужды, и тѣмъ лучше для васъ; они расположены къ вамъ хорошо и уважаютъ васъ заранѣе и высокаго о васъ мнѣнія уже по тому одному, что вы (это не мои, а ихъ собственныя слова) могли понять меня. Они уже расположены заранѣе мѣрять ваши достоинства не масштабомъ толпы, ибо они знаютъ, что̀ мнѣ нужно и что̀ меня можетъ сдѣлать счастливымъ. И потому, будучи среди чужихъ, вы больше будете среди своихъ и родныхъ, чѣмъ въ Москвѣ. Если ваша княгиня Марья Алексѣевна запретитъ вамъ остановиться прямо у меня, т.-е. у самой себя, то можете остановиться у Краевскаго (у котораго живетъ дѣвушка, сестра покойной жены его), у Панаева (это въ одномъ домѣ со мною), у Языкова, у Комарова — у кого хотите; всѣ они радехоньки и наперерывъ мнѣ предлагаютъ. Жена Языкова очень дика, и, такъ какъ я не смущалъ ее разговорами, пока она не привыкла ко мнѣ, то она меня очень полюбила. Мужъ ея знаетъ нашу тайну, и я позволилъ ему сказать это его женѣ. Она ему изъявила свое желаніе, чтобы вы остановились у нея, и сказала при этомъ, что она, еще не видя васъ, уже полюбила васъ за то, что вы моя невѣста. Если же вамъ покажется неловко и тяжело явиться со мною въ чужой для васъ домъ и къ чужимъ для васъ людямъ (что̀ я понимаю и противъ чего спорить не буду), и это дѣло поправимое: вы можете остановиться въ одной изъ лучшихъ гостинницъ Петербурга — вѣдь это будетъ стоить всего какихъ-нибудь 25 руб. асс.

со всѣми издержками, потому что это на однѣ сутки, ибо на другой же день и вѣнчаться. Можно бы, пожалуй, и въ тотъ же (т.-е. въ день пріѣзда), да съ дороги надо же вамъ отдохнуть и оправиться. Вы меня увѣдомите, на какое число вы взяли мѣсто, я жду васъ въ день пріѣзда въ конторѣ malle-poste или дилижансовъ. Не будетъ у насъ ни обѣда, ни дядюшекъ съ тетушками, воротимся мы съ вами изъ церкви одни. Незамѣтно пройдетъ нѣсколько дней, и мы привыкнемъ къ нашей новой жизни, и все сдѣлается обыкновеннымъ, безъ оскорбляющихъ человѣческое достоинство сценъ и спектаклей.

Marie,—еще разъ прошу и заклинаю васъ всѣмъ святымъ для васъ въ жизни — да идетъ мимо чаша сія! Не дайте погибнуть мнѣ во цвѣтѣ лѣтъ и красоты. Мнѣ особенно жаль послѣдней, т.-е. моей красоты, ибо я буду очень некрасивъ все время моего плачевнаго пребыванія въ Москвѣ. Если же нельзя иначе — что дѣлать! Въ такомъ случаѣ, я, конечно, не имѣю нужды увѣрять васъ, что будетъ по вашему, а не по моему.

Вы были больны, бѣдный другъ мой, больны безъ простуды: это меня больше потревожило, нежели сколько потревожило бы, если бы вы простудились. Когда къ піявкамъ прибѣгаютъ безъ простуды, ушиба или другого случая, это должно быть очень невесело. А вы все толкуете о моемъ здоровьѣ—какъ будто не знаете, что чортъ ли мнѣ дѣлается. Вы пишете, что не можете тотчасъ же отвѣчать на мои письма потому, что у васъ дрожитъ рука: зачѣмъ же вы, злая Marie, не сказали этого раньше и черезъ то заставили меня написать къ вамъ преглупое и прегрубое письмо, которое вы получили сегодня (2-го октября, суббота)? Зачѣмъ вы въ вашемъ третьемъ письмѣ приняли такой холодный и высокомѣрный тонъ, какъ будто вамъ лѣнь и смотрѣть на насъ, nous autres, pauvres diables? Затѣмъ, что вы женщина и не можете не быть вѣрны своей женской натурѣ? Да отъ этого мнѣ-то не легче, потому что если вы кошка (виноватъ: всѣ женщины болѣе или менѣе кошки), то я медвѣдь, или наипаче бульдогъ, и не умѣю проникать въ капризы и противорѣчія женскаго сердца. Дѣло прошлое, а письмо ваше тяжело подѣйствовало на мою медвѣжью натуру. Если мое причинило вамъ хоть минуту грусти, то будь проклятъ я за это, и да разорвутъ меня на куски дядюшки и тетушки всего міра. Миръ, Marie — дайте мнѣ вашу руку, которой въ эту минуту я какъ будто чувствую обаятельное прикосновеніе—дайте мнѣ крѣпко, крѣпко

пожать ее и прижать къ моимъ горящимъ устамъ, чтобы упала на нее накипающая на глаза слеза. Вижу въ эту минуту васъ передъ собою, смотрю въ ваши глаза и тону въ глубинѣ вашего полнаго любви взгляда.

Ахъ, Marie, Marie, вы, которая такъ умѣете понимать, чувствовать и любить, вамъ ли быть рабою мнѣній дикой толпы? Вамъ ли имѣть такъ мало силы характера и воли и дрожать призраковъ и тѣней, которыми пугаютъ только глупцовъ? О, нѣтъ, я увѣренъ, что это только непривычка къ новымъ мыслямъ, исполненіе которыхъ на дѣлѣ требуется такъ безотлагательно—не больше; я увѣренъ, что теперь внутри васъ раздается за меня сильный голосъ, и что вы выйдете изъ этой борьбы побѣдительницею. Вамъ Богъ далъ высокій ростъ, зачѣмъ же присѣдать, горбиться и сгибаться? Вамъ Богъ далъ столько ума, зачѣмъ же ему ограничиться одною теоріею и не перейти въ жизнь, дабы самымъ дѣломъ служить Господу и хвалить его? Вашу руку, Marie, вашу руку—мнѣ далъ васъ Богъ, и потому я хочу, чтобы вы были моею не только передъ людьми и свѣтомъ, но и передъ Богомъ: а это возможно только тогда, когда вы и чувствомъ, и словомъ, и дѣломъ вмѣстѣ со мною станете передъ Нимъ на колѣна. Отвѣчайте мнѣ скорѣе и не забывайте, что все-таки, если надо будетъ мнѣ пріѣхать въ Москву, я пріѣду.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Орловой. 2 октября, 1843.

Милостивая государыня,
Марья Васильевна!

Мнѣ очень прискорбно, что я долженъ огорчить васъ этимъ письмомъ; но вы, конечно, повѣрите мнѣ, если я скажу вамъ, что мнѣ самому это очень тяжело. Дѣла мои приняли такой оборотъ, что мнѣ ни на единую недѣлю невозможно оторваться отъ журнала и отлучиться изъ Петербурга. Причина этому та, что я и такъ цѣлое лѣто прожилъ въ Москвѣ, почти ничего не дѣлая для «Отечественныхъ Записокъ». Но лѣтніе мѣсяцы еще не такъ важны для журнала; теперь настала для него самая важная пора: отъ ноября до мая продолжится подписка, и книжки за эти мѣсяцы должны быть одна другой лучше. Отложить наше дѣло до лѣта—одна мысль о такой отсрочкѣ приводитъ меня

въ ужасъ и тоску; но сверхъ того, будущимъ лѣтомъ мнѣ еще больше нельзя будетъ выѣхать изъ Петербурга ни даже на три дня, потому что Краевскій въ маѣ мѣсяцѣ ѣдетъ черезъ Москву (гдѣ остановится на нѣкоторое время для свиданія съ матерью) въ Крымъ и проѣздитъ почти до октября, а на это время мнѣ поручаетъ свой журналъ. Вы не знаете, что такое журналъ: отъ него ни на минуту нельзя отойти. А между тѣмъ, я, какъ вамъ извѣстно, существую журнальною работою; если я противъ воли Краевскаго выѣду изъ Петербурга и тѣмъ поставлю его въ затруднительное положеніе, это будетъ знакомъ, что я не хочу больше работать въ его журналѣ, а онъ имѣетъ право пригласить на мое мѣсто другого сотрудника. Въ такомъ ужасномъ для меня положеніи, я беру на себя смѣлость сдѣлать вамъ предложеніе, мысль о которомъ подалъ мнѣ Краевскій, и которое вамъ, надѣюсь, не покажется страннымъ или неумѣстнымъ, какъ вызванное обстоятельствами и необходимостью. Это—пріѣхать вамъ въ Петербургъ одной, съ тѣмъ, чтобы на другой же день была церемонія. А остановиться на однѣ сутки можете вы у извѣстной вамъ Марьи Александровны Комаровой, урожденной Дементьевой, бывшей вашей воспитанницы, которая, черезъ меня, усердно васъ объ этомъ проситъ, равно какъ и мужъ ея, Александръ Александровичъ Комаровъ, съ которымъ мы большіе пріятели. Я смѣю надѣяться, что подобное предложеніе не будетъ вами отринуто, и что, вынужденное обстоятельствами, а не моею прихотью, минованіе нѣкоторыхъ установленныхъ приличіемъ и необходимыхъ обыкновеній вы не сочтете достаточной причиною лишить меня счастія, которое такъ давно было моею сладчайшею мечтою. Мнѣ самому очень прискорбно, что священный обрядъ нашего соединенія не будетъ почтенъ драгоцѣннымъ присутствіемъ вашихъ почтенныхъ родственниковъ и столь мною уважаемой и любимой вами начальницы вашей Madame Charpiot, къ которой васъ привязываетъ и чувство признательности и благородный ея характеръ; но что-жъ дѣлать? Я смѣю думать, что, какъ ваши почтенные родственники, такъ и ваша достойная начальница Madame Charpiot, найдутъ мои резоны основательными и не посовѣтуютъ вамъ сдѣлать навсегда несчастнымъ человѣка, котораго чувства къ вамъ нашли отзывъ въ вашемъ сердцѣ, потому только, что онъ не можетъ выполнить нѣкоторыхъ весьма справедливыхъ и уважительныхъ требованій приличія, но выполненіе которыхъ обстоятельства дѣлаютъ для него рѣшительно невоз-

можнымъ. Впрочемъ, въ Петербургѣ, гдѣ всѣ заняты должностями, и каждый дорожитъ даже и однимъ днемъ, между людьми небогатыми такіе примѣры не рѣдки, и никто не находитъ ихъ странными и удивительными.

Съ волненіемъ и трепетомъ ожидая вашего отвѣта, отъ котораго такъ многое будетъ зависѣть для меня въ жизни, и прося васъ передать мое почтеніе сестрицѣ вашей Аграфенѣ Васильевнѣ, остаюсь навсегда преданный вамъ беззавѣтно

Вашъ В. Бѣлинскій.

СПБ. 1843. Октября 2 дня.

Къ М. В. Орловой. 3—4 октября, 1843.

СПБ. Октября 3.

Не удивляйтесь моимъ частымъ письмамъ: вы должны предполагать, въ какомъ состояніи нахожусь я теперь: каково бы ни было ваше—мое не лучше. Я осажденъ, подавленъ одною и тою же мыслію. Много писалъ я вамъ о ней, и все еще остается что̀ сказать. Сегодня поутру былъ я у Краевскаго и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, а потомъ цѣлый день все думалъ и передумывалъ, будучи у Комарова, гдѣ обѣдалъ. Дѣло ясное, что поѣздка моя въ Москву жестоко разстроила бы дѣла «Отечественныхъ Записокъ», ибо, въ случаѣ ея, одна книжка необходимо должна остаться безъ моей статьи. Вѣнчанье въ Петербургѣ взяло бы у меня два-три дня—не больше; поѣздка въ Москву отниметъ восемь дней только на проѣздъ взадъ и впередъ, меньше недѣли нѣтъ никакой возможности остаться въ Москвѣ—итого 15 дней, да передъ отъѣздомъ дня два или три какая ужъ работа, да по пріѣздѣ дня два-три тоже — итого 21 день!! Стало быть, о статьѣ нечего и думать; а Краевскій не хочетъ и думать, чтобы не было статьи. Конечно, я не стану васъ обманывать, увѣряя, что это дѣло не могло бы уладиться, хотя съ натяжкою: но согласитесь, что же мнѣ за радость портить мои отношенія къ человѣку, отъ котораго зависитъ теперь мое благосостояніе, отъ котораго я, кромѣ хорошаго и добраго, ничего не видалъ, который принялъ въ моемъ дѣлѣ самое искреннее и гуманное участіе, и котораго требованія отъ меня совершенно справедливы? Зачѣмъ же его интересы должны стра-

дать отъ моихъ, особенно, когда есть средства устроить дѣло къ обоюдному удовольствію? Справедливо ли это? Здѣсь напомню вамъ одну фразу изъ вашего письма: «Думая о себѣ, должно ли забывать другихъ?» Конечно, Краевскій слишкомъ цѣнитъ меня и дорожитъ мною, чтобы рѣшился разойтись со мною, въ случаѣ моего отъѣзда противъ его воли (въ этомъ случаѣ справедливой и законной); но онъ тогда будетъ имѣть полное право стать со мною на холодно-вѣжливыя отношенія, а это, кромѣ всего другого, сильно повредитъ моимъ интересамъ, о которыхъ я теперь уже обязанъ думать и пещись. Теперь еще другое: ужъ коли дѣло пошло на выполненіе китайскихъ и монгольскихъ обычаевъ, то смѣшно же было бы, исполняя одни изъ нихъ, презирать другіе. Вѣдь я пріѣду въ Москву за тѣмъ, чтобы сперва разыграть интересную роль жениха, а потомъ не менѣе интересную роль молодого (что̀ за милые термины!): это, повидимому, пустое обстоятельство обязываетъ меня, кромѣ траты на проѣздъ и житье въ Москвѣ, истратить еще не мало денегъ на фракъ, бѣлый жилетъ, бѣлый галстухъ, словомъ, на костюмъ, приличный обстоятельству. По пріѣздѣ въ Петербургъ вся эта дрянь мнѣ будетъ не нужна, потому что мнѣ никогда не придется надѣвать ее на себя. У меня есть фракъ, который сшитъ назадъ тому три года и давно уже страшно вышелъ изъ моды (вы видѣли меня въ немъ въ мою зимнюю поѣздку въ Москву), и что же? несмотря на свою старость, онъ новехонекъ, какъ-будто вчера сшитъ, ибо я не надѣвалъ его и 10 разъ. Въ Петербургѣ я и его надѣлъ бы, на случай церемоніи, только для того, чтобы не смутить вашего взгляда на эти вещи; что же касается до меня собственно, я зналъ бы, что нашъ бракъ былъ бы равно дѣйствителенъ передъ гражданскимъ закономъ—во фракѣ или сюртукѣ вѣнчался я. Если мы будемъ вѣнчаться въ Петербургѣ, на мнѣ, сверхъ обыкновеннаго ежедневнаго моего костюма, будетъ только одинъ фракъ, и тотъ старомодный, галстухъ черный, а жилетъ пестрый; не куплю даже бѣлыхъ перчатокъ—не изъ экономіи, а такъ, по нѣкоторому, мнѣ извѣстному, чувству. Да и передъ кѣмъ же мнѣ было бы рядиться? вѣдь родственника ни одного—все друзья, все люди, одинаково со мною думающіе и чувствующіе, и однако-жъ живущіе совсѣмъ не въ эмпиреѣ, а на бѣдной нашей землѣ, подъ сѣрымъ и дождливымъ небомъ Петербурга. Кстати о Петербургѣ. Въ немъ есть по крайней мѣрѣ 50 круговъ, или обществъ (sociétés), во всемъ рѣзко отличающихся

другъ отъ друга. Каждый индивидуумъ въ Петербургѣ сообразжается съ мнѣніемъ и обычаями своего круга, не обращая вниманія даже на существованіе другихъ. Мои пріятели принадлежатъ къ кругу, подобнаго которому въ Москвѣ ничего нѣтъ. Вотъ это-то васъ и сбиваетъ съ толку. Вы, кажется, смотрите на моихъ пріятелей, какъ на фантазеровъ и мечтателей, которые бранятъ толпу и не знаютъ жизни. Ошибаетесь. Правда, всѣ они немного чудаки (ибо умные среди дураковъ всегда странны), но женаты, а женатая жизнь всякаго сведетъ съ эмпиреи на землю, какъ всякая дѣйствительная жизнь. Поженились они всѣ немного странно: Комаровъ черезъ три дня послѣ того, какъ въ первый разъ увидѣлъ свою Марью Александровну; женитьба Краевскаго была сюрпризомъ для всѣхъ его знакомыхъ, изъ которыхъ самые близкіе къ нему узнали черезъ три дня послѣ того, какъ онъ уже женился (и не было ни стола, ни бала); Вержбицкій женился, будучи мальчикомъ 22 лѣтъ, на дѣвочкѣ моложе двадцати лѣтъ, существуя шестью стами рублей въ годъ жалованья (теперь у него доходу около 40000 р.— говорю вамъ это для того, чтобы показать вамъ, что въ эмпиреѣ не бываетъ такихъ доходовъ). Комаровъ получаетъ страшными, усиленными трудами учительства 12000 въ годъ, для чего даетъ ежедневно до десяти уроковъ — тоже не эмпирейскій человѣкъ! Повѣрьте, это не мечтатели и люди совсѣмъ не пылкіе, менѣе всего фантазеры, что̀, однако-жъ, не мѣшаетъ имъ быть прекраснѣйшими людьми во всѣхъ отношеніяхъ. Но что они люди извѣстнаго круга,—это правда, и совѣтъ, данный ими мнѣ, не удивитъ никого изъ людей этого круга. Къ этому я долженъ еще прибавить, что ихъ совѣтъ основывался также и на уваженіи къ моему выбору и на высокомъ мнѣніи о васъ.

Октября 4, понедѣльникъ.

До сихъ поръ не могу опомниться отъ вашего письма—такъ неожиданно было для меня его содержаніе. Когда, въ Москвѣ, говорилъ я вамъ о моемъ пріѣздѣ, у меня и мысли не было о M-me Charpiot, которой, по моему мнѣнію, не было никакого дѣла и интереса до нашего дѣла; о дядюшкѣ съ тетушкою думалъ я — можетъ быть, захотятъ быть при церемоніи — и этимъ все и кончится. Присутствіе 20 особъ и параднаго стола послѣ церемоніи мнѣ и въ голову не входило, ибо я думалъ, что вы скорѣе согласитесь сто разъ умереть, чѣмъ добровольно

подвергнуться униженію и позору китайскихъ и тибетскихъ обычаевъ. Я такъ въ этомъ случаѣ былъ увѣренъ въ васъ, что не хотѣлъ и говорить объ этомъ. Я робокъ и дикъ въ обществѣ и съ незнакомыми людьми. Но въ обществѣ порядочномъ я менѣе дикъ, а иногда бываю даже разговорчивъ и смѣлъ; въ обществѣ, каково то, и къ которому принадлежатъ ваши родственники, я теряюсь и уничтожаюсь, даже нечаянно попавши въ него; а играть въ немъ роль, и притомъ еще такую, слушать поздравленія, сопровождаемыя то идіотскими, то злыми улыбками, слушать любезности и лакейскіе экивоки (что̀ неизбѣжно, если тутъ будетъ, напр., тотъ милый вашъ родственникъ, въ которомъ Любовь видитъ идеалъ свѣтской любезности)—это не только на яву, но и во снѣ страшно увидѣть—можно проснуться съ сѣдыми волосами! Къ этой плѣнительной картинѣ недостаетъ только встрѣчи насъ съ хлѣбомъ и солью (впрочемъ, это-то, вѣроятно, будетъ), да еще того, чтобы члены «честнова компанства» (т.-е. гости), прихлебывая вино, говорили бы: горько! а мы бы съ вами цѣловались въ ихъ удовольствіе; да еще недостаетъ нѣкоторыхъ обрядовъ, которые бываютъ на Руси уже на другой день, и о которыхъ я, конечно, вамъ не буду говорить. Вы, можетъ быть, скажете мнѣ: «что же за любовь ваша ко мнѣ, если она не можетъ выдержать вотъ какого опыта, и если вы для меня не хотите подвергнуться, конечно, непріятнымъ, но и необходимымъ условіямъ?» Прекрасно; но если бы на Руси было такое обыкновеніе, что желающій жениться непремѣнно долженъ быть всенародно высѣченъ трижды, сперва у порога своего дома, потомъ на полпути, а наконецъ у входа въ храмъ Божій: неужели вы и тогда сказали бы, что мое чувство къ вамъ слабо, если не можетъ выдержать такого испытанія? Вы скажете, что я выражаюсь, во первыхъ, слишкомъ энергически (извините: я люблю называть вещи настоящими ихъ именами, а китаизмъ не считаю деликатностью), а во вторыхъ, по моему обыкновенію утрирую вещи, и что то, что̀ я сказалъ, далеко не то, чему я долженъ подвергнуться. Вотъ это-то и есть самый печальный и грустный пунктъ нашего вопроса. Я глубоко чувствую позоръ подчиненія законамъ подлой, безсмысленной и презираемой мною толпы; вы тоже глубоко чувствуете это; но я считаю за трусость, за подлость, за грѣхъ передъ Богомъ подчиняться имъ, изъ боязни толковъ; а вы считаете это за необходимость. Вопреки первой заповѣди вы сотворили себѣ кумира, и изъ чего же?—изъ прези-

раемыхъ вами мнѣній презираемой вами толпы! Вы чувствуете одно, вѣруете одному, а дѣлаете другое. А это и не великодушно и не благородно! Это значитъ молиться Богу своему втайнѣ, а въявь приносить жертвы идоламъ. Это страшный грѣхъ! О, я понимаю теперь, почему вы такъ заступаетесь за Татьяну Пушкина, и почему меня это всегда такъ бѣсило и опечаливало, что я не могъ говорить съ вами порядкомъ и толковать объ этомъ предметѣ!

Любовь есть религія женщины, и нѣтъ для женщины высшаго и болѣе святого наслажденія, какъ всѣмъ жертвовать своей религіи. Для нея свято всякое законное и справедливое требованіе того, кого она любитъ.

Съ моей стороны, я тоже имѣю право предложить вамъ вопросъ: «Неужели же ваше чувство ко мнѣ такъ слабо, что вы не можете принести мнѣ жертвы (необходимость какой внутренно признаете сами) и не можете выполнить самаго справедливаго и законнаго, не требованія—я не требую, а прошу, умоляю васъ?..

Я увѣренъ, Marie, что первыя два письма мои произвели на васъ должное дѣйствіе и вполнѣ убѣдили васъ въ справедливости моихъ настояній. Это письмо я пишу для того, чтобы окончательно утвердить васъ въ разумномъ рѣшеніи, чтобы договорить все, что̀ можно сказать объ этомъ предметѣ, и чтобы, во всякомъ случаѣ,—т.-е. согласитесь вы со мною или не согласитесь,—уже болѣе не говорить объ этомъ ни слова. Вы, можетъ быть, увидите въ этомъ письмѣ нѣкоторое противорѣчіе: въ началѣ его я говорю о невозможности ѣхать мнѣ въ Москву, и какъ будто на этой невозможности основываю необходимость вашего рѣшенія ѣхать вамъ ко мнѣ въ Петербургъ; а потомъ доказываю эту необходимость моимъ отвращеніемъ покориться китайскимъ позорнымъ обычаямъ. Тутъ противорѣчія нѣтъ никакого: мнѣ, дѣйствительно, ѣхать нельзя, но, въ то же время, скажу вамъ откровенно, что мнѣ было бы очень грустно, если бы вы рѣшились ѣхать только потому, что мнѣ нельзя ѣхать, а не по согласію со мною, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ доводахъ второго разряда... Я увѣренъ, что вы хорошо поймете, что̀ я хочу сказать этимъ.

Но—великій Боже!—какая ужасная идея входитъ мнѣ въ голову: неужели это возможно, что дѣло наше, изъ такой причины, отложится, и мы не будемъ обвѣнчаны до поста? Нѣтъ, Marie, если не изъ любви ко мнѣ, то хоть изъ сожалѣнія по-

щадите и спасите меня. Я, конечно, не окончу смертію живота моего—этого не бойтесь; но меня можетъ постигнуть нравственная смерть—мною овладѣетъ апатія, уныніе, лѣность, преферансъ—я опущусь до послѣдней степени. Это неизбѣжно и вѣрно, какъ и то, что я буду гордъ и счастливъ вами, если вы побѣдите своего внутренняго врага—боязнь княгини Марьи Алексѣевны. Ахъ, Marie, Marie, только теперь почувствовалъ я, какъ сильно, какъ глубоко люблю я васъ. То, что̀ считаю я въ васъ недостаткомъ, заставляетъ меня не сердиться на васъ, не охладѣвать къ вамъ, но болѣзненно страдать. Со времени полученія вашего письма я самъ не свой. Вы недавно писали ко мнѣ, что вы стары, больны и дики въ обществѣ, что это такіе недостатки въ васъ, которые я долженъ принять для себя, какъ наказаніе Божіе: я смѣялся и смѣюсь надъ этимъ, хотя—скажу это не въ похвальбу себѣ — немногіе способны надъ этимъ смѣяться. Но я вижу вашъ большой недостатокъ въ томъ, въ чемъ опять-таки слишкомъ немногіе способны увидѣть его,—это въ вашемъ esclavage... Поймите же меня и уважьте во мнѣ то, что̀ составляетъ фондъ и лучшую сторону моей натуры, моей личности.

Прощайте, Marie. Съ нетерпѣніемъ жду письма отъ васъ, и въ первый еще разъ желаю его получить попозже, т.-е. уже, какъ отвѣтъ вотъ на это письмо. Сегодня получили вы мое первое письмо объ этомъ предметѣ, завтра получите второе, а это получите въ четвертокъ. Какъ хорошо, если бы вы отвѣчали мнѣ въ пятницу или субботу.

Вашъ В. Бѣлинскій.

P. S. Я бы очень желалъ знать мнѣніе объ этомъ предметѣ Аграфены Васильевны.

Къ М. В. Орловой. 10 октября, 1843.

Октября 10.

Третьяго дня (8, въ пятницу) получилъ я одно ваше письмо, сегодня другое. Первое меня нисколько не огорчило и не опечалило, а второе много утѣшило и сильно обрадовало. Въ немъ я опять узналъ въ васъ давно родное и милое душѣ моей существо, мою Marie. О прошломъ ни слова, да и настоящія обстоя-

тельства такъ важны, что было бы смѣшно заниматься этими ребячествами и мелочами. Не буду (потому что не могу, не въ силахъ) писать вамъ, какъ обрадовало меня ваше рѣшеніе ѣхать въ Петербургъ. Это рѣшеніе достойно васъ и доказываетъ мнѣ ясно, что я не ошибся въ васъ. Сперва вы думали объ этомъ предметѣ иначе—что-жъ за бѣда! Зато теперь вы думаете о немъ, какъ слѣдуетъ. Ошибки извинительны человѣку, особливо если онѣ выходятъ не изъ его натуры, а изъ воспитанія, изъ общественнаго мнѣнія и т. п. Дѣло не въ томъ, чтобы никогда не дѣлать ошибокъ, а въ томъ, чтобъ умѣть сознавать ихъ и великодушно, смѣло слѣдовать своему сознанію. Я больше всего цѣню въ людяхъ эластичность души, способность ея къ движенію впередъ. Вотъ бѣда, когда эта божественная способность утрачена. Въ васъ она жива—этого для меня слишкомъ довольно, чтобъ быть счастливымъ черезъ васъ и вами. Итакъ, вы рѣшились. Хоть вы и сказали, что не обѣщаете непремѣнно, но я увѣренъ, что будетъ такъ, ибо вы изъ тѣхъ натуръ, которыя наклоннѣе ко всякой крайности, чѣмъ къ срединѣ—за то и полюбилъ я васъ. Кромѣ того, я не ожидаю и не предполагаю никакой оппозиціи вашему рѣшенію ни со стороны вашего дяди, ни со стороны M-me Charpiot. Сестра и безъ того во всемъ съ вами согласна, а до прочихъ вамъ и дѣла нѣтъ. Но рѣшеніе ваше ѣхать 15 числа испугало меня: нужно сдѣлать окличку, безъ которой нельзя вѣнчаться. Объ этомъ поговорю съ вами теперь обстоятельнѣй; но прежде скажу нѣсколько словъ о другомъ дѣлѣ, которое должно вамъ знать.

Въ тотъ вечеръ, какъ получили вы мое письмо, которое произвело на васъ такое сильное дѣйствіе (и за которое написавшая его рука стоила хорошей мушки), я былъ у одного знакомаго, въ низенькихъ комнатахъ, гдѣ было душно и жарко. День былъ сухой и теплый, а потому, вышедши изъ дому еще съ утра, я не надѣлъ калошъ. Надо сказать, что и передъ этимъ я все чувствовалъ себя не то, чтобы больнымъ, а indisposé. Выхожу изъ гостей довольно поздно—улица мокра и грязна. И не знаю—промочилъ я ноги, или быстрый переходъ изъ жаркой и душной комнаты на сырой и холодный воздухъ сильно на меня подѣйствовалъ,—только я проснулся на другой день съ значительною болью въ головѣ и ознобомъ. Какъ истинный славянинъ и русскій человѣкъ, я не хотѣлъ признать себя больнымъ, позавтракалъ яицъ и пошелъ къ Краевскому, котораго нашелъ въ по-

стели съ обвязанною тряпками головою. Короче: на другой день вечеромъ я почувствовалъ адскій огонь внутри себя, при нестерпимомъ холодѣ снаружи. Поставилъ себѣ семь злыхъ горчичниковъ (на спину, къ рукамъ, къ икрамъ и къ подошвамъ ногъ) и послалъ за докторомъ, который, прописавъ лѣкарство, велѣлъ мнѣ сейчасъ же поставить 24 піявки, по 12 за каждымъ ухомъ. На другой день, поутру (въ пятницу), ваше письмо застало меня въ самомъ животномъ положеніи: лежащаго на кушеткѣ—подушка запеклась въ крови, воротникъ рубашки тоже, грудь окровавлена, перевязки за ушами ослабли, и запекшаяся кровь отстала, лицо блѣдное, небритое, запачканное въ крови. Словомъ, я былъ некрасивъ, но интересенъ. Въ этотъ день мнѣ было уже такъ лучше, что у меня вечеръ провелъ Тургеневъ (авторъ «Параши»), и мы толковали съ нимъ «о Байронѣ и о матеріяхъ важныхъ». Вчера (въ субботу) мнѣ было еще лучше, и вечеръ провели у меня четверо гостей; а сегодня я только нѣсколько слабъ, а то совсѣмъ здоровъ. Желудокъ мой собачьимъ голодомъ обнаруживаетъ сильныя корыстныя претензіи на разныя яства; но неумолимый эскулапъ мой осудилъ его на супъ съ курицей, а выйти изъ дому позволилъ мнѣ не прежде середы. Тогда возьму изъ мѣхового магазина мою шубу, и безъ нея и безъ калошъ уже никуда ни шагу, несмотря ни на какую погоду—честное слово и ненарушимую клятву даю вамъ въ этомъ, моя дорогая Marie.

Итакъ, о моемъ здоровьѣ не безпокойтесь. Я теперь даже веселъ, благодаря вашему письму. Если бы я лежалъ въ постели, безцѣнное письмо ваше, моя дорогая, милая Marie, оживило бы меня.

Всю эту исторію поторопился я разсказать вамъ больше для того, чтобы васъ не испугало начало приложеннаго здѣсь письма, писаннаго незнакомою вамъ рукою. Дѣло вотъ въ чемъ: всѣ мои бумаги отосланы въ пензенское депутатское собраніе для полученія дворянской грамоты. Я остался съ однимъ университетскимъ свидѣтельствомъ, по которому и живу и записываюсь въ полиціи. Грамоту я жду со дня на день, но могу легко прождать ее и еще два мѣсяца. И потому я просилъ моего знакомаго переговорить со священникомъ, у котораго я исповѣдуюсь и причащаюсь, можетъ ли онъ обвѣнчать меня по этому университетскому свидѣтельству, и притомъ съ тѣмъ, чтобы свидѣтельство о смерти моего отца я доставилъ ему послѣ (для этого-то я

во вторникъ и былъ въ томъ домѣ, выходя откуда простудился). Вчера я получилъ отвѣтъ отъ моего пріятеля (Баландина), который и прилагаю при моемъ письмѣ, потому что мнѣ трудно писать, и это письмо я царапаю уже цѣлый день (а въ пятницу началъ было, да и бросилъ послѣ нѣсколькихъ строкъ). Препятствіе, о которомъ онъ говоритъ, пустое: Петръ Александровичъ есть не кто иной, какъ родной братъ моего пріятеля Языкова, полковникъ и инспекторъ въ институтѣ, о церкви котораго идетъ рѣчь. Я съ Петромъ Александровичемъ хорошо знакомъ, онъ чудесный человѣкъ и очень меня любитъ. Итакъ, Marie, ваше метрическое свидѣтельство да позволеніе отъ вашего родителя—не забудьте. Мѣсто возьмите въ malle-poste на двадцать восьмое число октября вмѣсто 15; ибо въ слѣдующее воскресенье (17 октября) будетъ нашъ первый окликъ, 24 октября—второй, а 31—третій и послѣдній. Терять времени некогда, и потому я завтра же даю знать Баландину, чтобы онъ сказалъ священнику ваше имя и попросилъ его съ слѣдующаго же воскресенья начать окликъ. Ежели вы выѣдете изъ Москвы 28 октября, то будете въ Петербургѣ 31 (въ воскресенье—въ день послѣдняго оклика). Съ 10 часовъ утра я жду васъ въ конторѣ malle-poste. А 1-го ноября мы можемъ обвѣнчаться. Время это самое удобное: отъ 11-й книжки «Отечественныхъ Записокъ» я буду тутъ свободенъ, а къ 12-й приступлю не прежде 7-го или 8-го ноября. Женщину вы непремѣнно должны были бы взять съ собою, еслибъ вы и совершенно были здоровы. Да берите для нея мѣсто не въ брикѣ, а рядомъ съ собою въ каретѣ: разница въ 20 руб. асс., а между тѣмъ этотъ пустой лишній расходъ избавитъ васъ отъ непріятности имѣть сосѣдку или—что̀ еще хуже—сосѣда, и дастъ вамъ удобства имѣть вашу служанку у себя подъ бокомъ, такъ что, вмѣсто кондуктора, она будетъ помогать вамъ даже садиться въ карету и выходить изъ нея. Хорошо, если бы эта же самая женщина могла остаться у насъ кухаркою и горничною вмѣстѣ; если же нѣтъ, увѣдомьте меня заранѣе, чтобы я могъ пріискать къ вашему пріѣзду кухарку, вмѣщающую въ своей особѣ и горничную,—на что бываютъ очень хороши шведки, которыхъ въ Петербургѣ много; а вашу женщину можно будетъ отпустить въ Москву, заплативъ ей и взявши ей мѣсто въ сидѣйкѣ. Бога ради, одѣньтесь теплѣе. Знаете ли что—у меня есть тулупъ на прекраснѣйшемъ кошачьемъ мѣху—онъ мнѣ совсѣмъ не нуженъ: не прислать ли мнѣ его вамъ, чтобъ вы перешили его себѣ на

дорожный капотъ? Претеплая вещь! А? Не правда ли? Если рѣшите, скорѣе напишите, куда отправить, на имя вашего дядюшки, что̀ ли,—и я сейчасъ же отправилъ бы его по четырехдневному транспорту. Да для ногъ купите себѣ мѣховыя калоши, чтобы въ нихъ ставить ноги, сидя въ каретѣ. Да закажите себѣ башмаки на двойной кожѣ, на двойной подошвѣ—одна чтобъ была изъ пробковаго дерева. Дорога вамъ будетъ непремѣнно полезна и благодѣтельна, если сбережете себя—не промочите ногъ и не попадете на струю вѣтра, будучи въ легкой испаринѣ послѣ чаю, которымъ посему не совѣтую вамъ согрѣваться. А берите себѣ мѣсто непремѣнно въ malle-poste, а не въ заведеніи дилижансовъ: казенная карета надежнѣе, да и пріѣдете полуднемъ скорѣе и въ опредѣленный часъ.

Не прошу васъ писать ко мнѣ это время часто или много. Вамъ будетъ, за сборами и хлопотами, не до того, и я доволенъ буду, если станете хотя двумя строками увѣдомлять о своемъ здоровьѣ. Но на это письмо жду скораго, немедленнаго и удовлетворительнаго отвѣта, жду его съ тоскою и тревогою: ибо не забудьте, что, желая сохранить время, я велѣлъ дѣлать окликъ, не получивъ отъ васъ на это рѣшительнаго согласія и, стало быть, не зная, умно или глупо распорядился я.

Если вамъ нужны деньги—безъ церемоній, скажите, сколько и на чье имя высылать.

Прощайте. Берегите себя. Да пуще всего, не поддавайтесь силѣ ощущеній. Жизнь душитъ и давитъ ногами тѣхъ, которые глядятъ на нее съ мистическимъ ужасомъ и подобострастіемъ: надо смотрѣть ей прямо въ глаза. Въ ней нѣтъ ничего ни столько сладкаго, ни столько горькаго, ни столько ласкающаго, ни столько страшнаго, чего бы смерть не изгладила равно, безъ всякаго слѣда. Стало быть, не изъ чего слишкомъ волноваться. Будьте спокойнѣе и смотрите разсудительнѣе, холоднѣе и прозаичнѣе—будетъ лучше. Жизнь, какъ и пуля, щадитъ храбраго и бьетъ труса. Смѣлѣе. Вашу руку, Marie, которая, Богъ дастъ, скоро будетъ моею! Прощайте и не медлите утѣшить отвѣтомъ вашего

В. Бѣлинскаго.

P. S. Трепещу ужасной мысли, что или письмо это принесется къ вамъ наканунѣ вашего отъѣзда, или Аграфена Васильевна получитъ его, проводивши васъ. Если можно будетъ перемѣнить число, немедленно сдѣлайте это. Письмо это полу-

чится вами или 14 вечеромъ или 15 поутру—страшно! Какъ это вамъ пришло въ голову ѣхать 15, не списавшись со мною? Вотъ ужъ подлинно изъ одной крайности въ другую. Впрочемъ, я люблю крайности; къ тому окликъ не слишкомъ важное дѣло, и, можетъ быть, священникъ обвѣнчаетъ и послѣ одного или двухъ окликовъ. Въ такомъ случаѣ еще лучше. Будь, что будетъ. Это письмо пойдетъ завтра (11 октября).

Къ М. В. Орловой, 12 октября, 1843.

Октября 12.

Третьяго дня получилъ я отъ васъ письмо, которое сдѣлало меня кротко и тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко счастливымъ; образъ вашъ въ душѣ моей снова сталъ свѣтелъ и прекраснъ, и я сказалъ вамъ правду во вчерашнемъ письмѣ, что это ваше письмо могло бы воскресить меня умирающаго. Да, до 4 часовъ нынѣшняго дня я былъ невыразимо счастливъ вами и черезъ васъ, мысль о васъ дѣйствовала на мою грудь освѣжительно, я чувствовалъ вокругъ себя ваше незримое присутствіе, жилъ двойною жизнью. Я не жалѣлъ о томъ, что письмо мое заставило васъ много и тяжко страдать: страданіе благодатно, когда оно ведетъ къ сознанію. Мнѣ было бы даже непріятно, если бы вы вдругъ и спокойно согласились со мною въ томъ, чего за минуту и представить не умѣли себѣ, какъ возможное и естественное; и потому въ вашемъ страданіи я видѣлъ органическій, живой процессъ сознанія и благословилъ его. Ваше письмо было написано въ два пріема и составляетъ какъ бы два письма. Первое оканчивается изъявленіями вашей любви ко мнѣ, которыя тронули меня до глубины души, до слезъ; почеркъ слабѣетъ, и послѣднія строки едва дописаны—волненіе души вашей прервало ихъ. Второе письмо начинается мыслію, что ваше страданіе было не безполезно,—и по вашему рѣшенію ѣхать въ Петербургъ я увидѣлъ, что вы съ честью и побѣдою вышли изъ борьбы. Да, ваше письмо было прекрасно; какъ въ зеркалѣ, отражало оно въ себѣ вашу душу, ваше сердце, все, что я въ васъ такъ высоко уважалъ, а потому и любилъ. Въ этомъ письмѣ вы были самой собою, безъ всякихъ постороннихъ вліяній.

Сегодня получилъ я отъ васъ второе письмо, которое вы написали, побывавъ у своего дражайшаго дядюшки, и въ которомъ

поэтому, я уже не узналъ васъ. Въ немъ ничего нѣтъ вашего,— особенно вашей благородной откровенности: вы хитрите и лукавите со мною, а можетъ быть, прежде всего съ самой собою. «Я пріѣду, непремѣнно пріѣду», говорите вы; но къ этому прибавляете: «если вы такъ этого хотите». А развѣ вы не знаете, что я такъ этого хочу? Развѣ вы не знаете, что я такъ этого хочу потому, что иначе нѣтъ возможности соединиться намъ, ибо ѣхать въ Москву я рѣшительно не могу? Кажется, я объ этомъ писалъ подробно и ясно? Потомъ, какъ вы обѣщаетесь пріѣхать?—съ оговорками, что, можетъ быть, дурно сдѣлаете, пожертвовавъ одному чувству другими, хотя и не столь сильными, но все же святыми; что, можетъ быть, убьете сестру и отца, и что, можетъ быть, пріѣдете въ бѣлой горячкѣ... Marie, Marie! да кто-жъ этакъ соглашается? Этакъ только отказываютъ начисто...

Потомъ: въ одномъ мѣстѣ вашего письма вы увѣряете меня, что ошибаюсь я, думая, что вы не поѣдете въ Петербургъ по одному только уваженію къ княгинѣ Маріѣ Алексѣевнѣ; увѣряете, что вамъ это трудно по родственнымъ отношеніямъ и по отношеніямъ къ институту. А въ концѣ письма, изъявляя сожалѣніе о мукахъ, въ которыя бросаете меня, оправдываетесь тѣмъ, что не разъ предупреждали меня, что я считаю васъ лучшею, чѣмъ вы есть на самомъ дѣлѣ. Все это, Marie, недостойно васъ, и вы лучше бы сдѣлали, если бы откровенно сказали мнѣ, что не ѣдете только по уваженію къ мнѣнію родныхъ вашихъ и княгини Маріи Алексѣевны. Оно, конечно, такое признаніе было бы тяжело для вашего самолюбія, но, по крайней мѣрѣ, васъ утѣшила бы мысль, что вы поступили добросовѣстно. А то истиннаго-то мотива вашей нерѣшительности вы не замаскировали, да и поступили не прямо. Я очень ясно вижу, что одна только причина, почему вы боитесь и ужасаетесь, словно смертной казни, ѣхать въ Петербургъ, это—мысль, что вы, невѣста, поѣдете ко мнѣ, къ жениху, вмѣсто того, чтобы я пріѣхалъ къ вамъ, какъ это считается символомъ вѣры московскихъ бабъ и сплетницъ и княгинь Марьевъ Алексѣевнъ. Вотъ что! Аграфена Васильевна (дай ей Богъ здоровья!) удивляется, что я заставляю васъ ѣхать одну въ такую погоду. А если я съ вами поѣду, погода перемѣнится? помилуйте, да переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ и обратно, теперь, особенно въ malle-poste, да это легче, чѣмъ изъ Москвы съѣздить къ Троицѣ, это теперь пустая по-

ѣздка, и сколько женщинъ и дѣвушекъ, однѣ одинехоньки, ѣздятъ по этой дорогѣ! Сами вы ѣзжали и по проселочнымъ, ночевывали на столахъ въ крестьянскихъ избахъ, среди общества свиней, поросятъ, ягнятъ, куръ, мужиковъ, бабъ. Наконецъ, Marie, я долженъ выразиться откровеннѣе: у меня нѣтъ въ головѣ органа, которымъ бы я могъ понять, почему вы дѣлаете такой важный вопросъ изъ такого пустого дѣла, какъ переѣздъ вашъ изъ Москвы въ Петербургъ? Я вѣрю вамъ, что вы много и тяжело страдаете—да только я не понимаю, какъ же это и отчего, и потому не чувствую никакой симпатіи къ вашимъ страданіямъ,—хотя мысль о нихъ тѣмъ болѣе усиливаетъ мои собственныя.

Аграфена Васильевна ссылается на Боткина и на Armance—напрасно: вамъ бы слѣдовало умолчать объ этихъ лицахъ, чтобы не встрѣтить ихъ обвинительнаго или насмѣшливаго взгляда, который бы заставилъ васъ покраснѣть. Не Боткинъ для Armance поѣхалъ за границу (онъ поѣхалъ для самого себя), а Armance поѣхала для Боткина. Это разъ. Потомъ, Armance прожила съ Боткинымъ около двухъ недѣль на моей квартирѣ, до брака своего съ нимъ, и все твердила ему, что вѣнчаться не нужно, что она такъ отдается ему вся и беретъ на себя всѣ слѣдствія этого рѣшенія, каковы бы они ни были. Русская барышня (существо, которое стòитъ прекрасной россіянки) не имѣетъ въ головѣ органа, чтобы понять подобную выходку со стороны страстной, любящей француженки. У Armance есть отецъ, мать и сестры, которыхъ она безумно любитъ; но она религіозно считаетъ себя обязанною жертвовать одному чувству другими, не такъ сильными, хотя и все-таки святыми...

Письмо ваше, Marie, заставило меня перегорѣть въ жгучемъ жупельномъ огнѣ такихъ адскихъ мукъ, для выраженія которыхъ у меня нѣтъ словъ. Мнѣ хотѣлось броситься не на полъ, а на землю, чтобы грызть ее. Задыхаясь и стоная, валялся я по дивану. Мой докторъ говорилъ на сторонѣ, что если бы я не послалъ къ нему въ четвергъ, я бы или умеръ къ утру отъ удара въ голову, или сошелъ бы съ ума. Когда мнѣ объ этомъ сказали, я не только былъ уже внѣ опасности, но уже и получилъ ваше милое, ваше безцѣнное письмо отъ 5-го октября,—и потому весело улыбнулся при мысли объ избѣгнутой опасности, думая: теперь мнѣ есть для чего жить. Когда я прочелъ ваше письмо отъ 8-го октября, мнѣ сейчасъ пришла въ голову мысль: о, зачѣмъ я посылалъ за нимъ, зачѣмъ посланный мой засталъ его дома?

Лучше было бы тогда издохнуть мнѣ, какъ собакѣ, чѣмъ дожить до такой минуты!

Вамъ это такъ же покажется непонятнымъ, какъ мнѣ ваши страданія. Горько мнѣ, что мы въ нѣкоторыхъ пунктахъ такъ мало понимаемъ другъ друга. Мнѣ мало того, что вы пріѣдете въ Петербургъ: меня все-таки будетъ убивать мысль, что вы этимъ принесли мнѣ жертву. Я хотѣлъ бы, чтобъ эта поѣздка ничего вамъ не стоила, кромѣ обыкновенныхъ безпокойствъ дороги. Меня убиваетъ мысль, что вы, которую считалъ я лучшею изъ женщинъ, что вы, въ рукахъ которой теперь счастіе и бѣдствіе всей моей жизни, что вы, которую я люблю, вы — раба мнѣній московскихъ кумушекъ, салопницъ и тетушекъ. Вотъ чѣмъ Богъ-то наказалъ меня за грѣхи, а не тѣмъ, что вамъ 32 года и что вы больны... И тяжка наказующая меня десница!..

Въ васъ есть способность къ безграничному самоотверженію, къ любви и преданности, полной и совершенной, но не иначе, какъ съ дозволенія правительства и съ одобренія дяденьки съ тетенькой. Будь я вашъ мужъ, а вы моя жена,—о! вы поскакали бы на телѣгѣ ко мнѣ на край свѣта и обидѣлись бы, еслибъ кто увидѣлъ въ этомъ что-то необыкновенное и сталъ бы васъ хвалить. Но теперь вы на меня смотрите, не какъ на человѣка, котораго вы любите (самый человѣческій и поэтическій взглядъ!), а какъ на жениха (подлое слово, чтобъ чортъ приснился тому, кто выдумалъ его!), и позволите себѣ скорѣе умереть, зачахнуть въ горѣ и тоскѣ вѣчной разлуки со мною, чѣмъ увидѣться со мною противъ правилъ приличій, хотя бы отъ этого зависѣло мое спасеніе отъ смерти. Будь я въ Москвѣ, умирай я, вы не рѣшились бы притти ко мнѣ на квартиру видѣть меня. Да это еще извинительнѣе въ глазахъ моихъ: такимъ поступкомъ вы разорвали бы всѣ связи съ обществомъ и лишили бы себя пристанища приклонить голову; но, выходя замужъ, у насъ, на Руси, дѣвушка ничего не теряетъ, но все выигрываетъ, и, если мужъ ее уважаетъ, она имѣетъ полное право плевать на все остальное. Вы, Marie, такъ зависите отъ чуждыхъ вліяній, что даже жаль васъ. Когда вы поѣхали къ дяденькѣ съ тетенькой,—если бы эти изверги сказали вамъ: «конечно-де, глупо жертвовать счастіемъ жизни условному приличію»,—вы прискакали бы въ институтъ къ сестрѣ, счастливая, веселая, довольная, съ твердою рѣшимостію презирать глупыя условія, и были бы въ восторгѣ отъ своего героизма. Но какъ эти добродушные злодѣи оказали

отпоръ вашему намѣренію,—оно вдругъ ослабѣло, воля ваша исчезла, характеръ спрятался, а любовь ко мнѣ сказалась больною; все святое, все ваше отлетѣло отъ васъ,—и въ письмѣ ко мнѣ очутились только слова, слова, слова, да ложь, ложь и ложь...

Ахъ, Marie, Marie! Пока дѣло шло о такихъ выраженіяхъ любви, какъ, напр., подарить крестикъ и обязать меня носить его, перекрестить и пр.,—вы были смѣлы и рѣшительны. А какъ дѣло коснулось до пожертвованія, крошечку посущественнѣе,—вы испугались бѣлой горячки... Что-жъ ваша любовь ко мнѣ, ваше чувство?.. Робко же вы любите! Вы говорите: еслибъ вы были сиротою, совершенно одинокою, вы ни минуты не поколебались бы ѣхать въ Петербургъ и не испугались бы остаться два, три дня до вѣнчанья подъ одною кровлею со мною. Не вѣрю, Marie, рѣшительно не вѣрю. Есть положенія въ жизни, для которыхъ не существуетъ условій, которыя не допускаютъ еслибъ. Таково положеніе—любовь, особенно для женщины. Это ея долгъ, обязанность, религія, и для женщины нѣтъ ничего сладостнѣе, какъ всѣмъ жертвовать религіи своего сердца. Любовь даетъ ей силу творить великое и пристыжать своею силою гордаго, сильнаго мужчину. Принести жертву еще дѣло не великое: великое въ томъ, чтобы насладиться, обрѣсти источникъ счастія въ собственной жертвѣ. Жертвы, дѣлаемыя по холодному долгу, часто убиваютъ (напр., ввергая въ бѣлую горячку); жертвы, совершаемыя по любви, даютъ счастіе тому, кто приноситъ ихъ. Иначе, я не умѣю понимать ни любви, ни самоотверженія.

Вы на меня смотрите, какъ на своего жениха, т.-е. какъ на человѣка, съ которымъ вы можете быть связаны навѣки, но съ которымъ вы еще не связаны навѣки. Я совсѣмъ иначе смотрю на наши отношенія. Вы въ моихъ глазахъ давно уже жена моя, съ которою уже не можетъ у меня быть разрыва. И поэтому я думаю, что если, женившись на васъ, я буду имѣть право выписать васъ изъ за тысячи верстъ по первой надобности, то почему же общество теперь не признаетъ моимъ этого права!

Слушайте, Marie, что я скажу вамъ теперь, и вѣрьте—я не обманываю васъ—каждое слово мое вѣрно и честно. Вы пишете ко мнѣ, что въ Москвѣ можно обвѣнчаться скромно, словомъ, какъ я хочу: это обстоятельство дѣлаетъ то, что убѣжденія мои уже не помѣшали бы мнѣ пріѣхать въ Москву; но обстоятельства, это дѣло другого рода, и клянусь вамъ Богомъ и

честью, что, съ этой стороны, пріѣхать въ Москву я никакъ не могу, какъ бы ни желалъ этого. Для васъ — (о, только въ трудныя минуты моей жизни сознаю я, какъ глубоко и сильно люблю я васъ!)—я сдѣлалъ бы это охотно, мнѣ было бы пріятно пощадить вашу слабость и принесть эту жертву; но это не въ моей власти, по тремъ причинамъ, изъ которыхъ каждой одной достаточно, чтобъ я и не думалъ о возможности этой поѣздки. Во первыхъ: деньги. Marie, ваше женственное тонкое чувство деликатности не допускаетъ меня до подробныхъ объясненій по части этой статьи. Повѣрьте мнѣ, что я скорѣе мотъ, чѣмъ скряга, и, если ужъ я заговорилъ о деньгахъ, какъ о препятствіи, значитъ дѣло не шуточное. Впрочемъ, я и на деньги еще не посмотрѣлъ бы: нѣсколько безсонныхъ ночей и нѣсколько дней тяжелаго труда впереди не испугали бы меня,—хотя я знаю, вы сами потомъ бранили бы меня за недостатокъ откровенности по сей части. Во вторыхъ: мои отношенія къ журналу и Краевскому. Оставить № безъ статьи въ это время, въ то же время поставивъ Краевскому въ необходимость достать и дать мнѣ 3000 руб. денегъ, которыхъ онъ мнѣ не долженъ,—согласитесь, что если я былъ бы такъ наглъ, то онъ могъ бы не быть такъ уступчивъ. Видите ли, вы меня заставили же, наконецъ, быть вполнѣ откровеннымъ съ вами. Я существую только «Отечественными Записками» и больше ничѣмъ. Плату получаю не задѣльную, а круглую, т.-е. не по статьямъ, а въ годъ — 4500. Теперь я собираюсь просить его, чтобъ онъ прибавилъ мнѣ 1500, чтобъ я получалъ въ годъ ровно 6000, а въ мѣсяцъ 500 руб. По его же собственному разсчету, намъ съ вами, на столъ, чай, сахаръ, квартиру, дрова, двоихъ людей, прачку и пр., никакъ нельзя издерживать менѣе 250 руб. въ мѣсяцъ, или 3000 въ годъ: такъ нельзя же, чтобы столько же не оставалось у насъ на платье и разныя непредвидѣнныя издержки. Теперь сообразите сами: какимъ образомъ я буду имѣть безстыдство просить у Краевскаго прибавки жалованья и, за это, отпуска, т.-е. права оставить одну книжку «Отечественныхъ Записокъ» въ такое критическое для журнала время безъ моей статьи? Я ужъ не говорю о томъ, что убѣдить Краевскаго, какъ и многихъ въ Петербургѣ, въ томъ, что мнѣ надо ѣхать въ Москву, а вамъ нельзя ѣхать въ Петербургъ, нѣтъ никакой возможности, — такъ же, какъ нѣтъ никакой возможности убѣдить иныхъ москвичей въ томъ, что нѣтъ ничего худого ѣхать невѣстѣ къ жениху, но что это

даже хорошо, какъ знакъ ея желанія сдѣлать легкимъ тяжелый для обоихъ шагъ. О третьей причинѣ я писалъ къ вамъ въ прошедшемъ письмѣ. Документовъ у меня нѣтъ, и послать въ Москву нечего. Если я пошлю университетское свидѣтельство, мнѣ потомъ не по чемъ будетъ взять отъ части позволенія на выѣздъ и не съ чѣмъ будетъ остановиться въ трактирѣ (ибо, по моимъ убѣжденіямъ, остановиться у вашего дядюшки я никогда и ни за что въ мірѣ не соглашусь). Грамоту изъ Пензы я могу получить завтра, но могу ее же получить и черезъ три мѣсяца. Свидѣтельство о смерти отца надо выхлопотать, когда же это? Въ Петербургѣ же священникъ церкви института корпуса путей сообщенія вѣнчаетъ меня по одному университетскому свидѣтельству и больше ничего отъ меня не требуетъ (а отъ васъ требуетъ — и то, когда вы пріѣдете — метрическое свидѣтельство да позволеніе отъ вашего родителя), и съ будущаго воскресенья (17 октября) начинаетъ оклики, для чего я вчера переслалъ къ нему ваше имя, отчество и фамилію. Получивъ письмо, я долго былъ въ страшной нерѣшительности—отложить окликъ, или нѣтъ. Не знаю, худо или хорошо я сдѣлалъ, но рѣшился не откладывать. Marie, моя добрая, моя милая Marie, у вашихъ ногъ, рыдая, обнимая ваши колѣна, цѣлуя край вашего платья, умоляю васъ: спасите меня отъ горя и отчаянія, сдѣлайте меня вполнѣ счастливымъ — пріѣзжайте; но рѣшитесь на это твердо, мужественно, проникнувшись чувствомъ обязанностей, которыя налагаетъ на васъ любовь, если вы любите меня. Что мнѣ въ вашемъ вынужденномъ рѣшеніи? Оно убьетъ меня, отравитъ мое счастіе. Я и такъ давно уже влеку какое-то тяжелое существованіе, которое было прервано вашимъ святымъ, благоуханнымъ письмомъ отъ 5 октября, а теперь опять охватило меня своими холодными и слизистыми лапами. Вы страдаете сами; да зачѣмъ же вы, бѣдный и милый другъ мой, страдаете безъ достаточной причины? Зачѣмъ пугаете себя призраками, созданными вашимъ воображеніемъ? Вы пишете, что, поѣхавъ въ Петербургъ, убьете отца вашего. Не вѣрю, Marie. Много-много, если старикъ погруститъ дней десятокъ, пока не получитъ отъ васъ письма, что вы уже обвѣнчаны, и что я васъ не обманулъ. Чтобъ утѣшить старика, я готовъ буду приписать къ вашему письму, что угодно, или даже написать къ нему особое письмо подъ вашу диктовку. Повѣрьте мнѣ, Marie, вы пугаетесь призраковъ; вы не можете выносить взглядовъ и выраженій вашихъ родственниковъ—

вотъ и все. Но неужели же мысль о вашемъ счастіи не дастъ вамъ силы быть слѣпою и глухою къ людямъ, которые — повѣрьте — не по участію къ вамъ, а по страсти мѣшаться не въ свои дѣла, будутъ изливать свое неудовольствіе, что ихъ лишили любопытнаго для нихъ зрѣлища? Ахъ, Marie, Marie, еслибъ вы знали, какъ болитъ моя грудь любовью къ вамъ и скорбію о васъ; еслибъ вы знали, какъ мысль о васъ слилась со всѣмъ существомъ моимъ! И если я говорю съ вами иногда такъ рѣзко и бранчиво, вѣрьте, я бы никогда на это не рѣшился, если бы полнота и сила моего къ вамъ чувства не давала мнѣ на это права. Вы—милое дитя моего сердца,—и мнѣ иногда нѣтъ силъ не бранить васъ, а потомъ нѣтъ силъ не жалѣть о васъ и не сердиться на себя. Я ничего не могу дѣлать для журнала, все думая и мечтая о васъ. И больной, въ огнѣ лихорадки, я ни на минуту не переставалъ думать о васъ, и не за себя, а за васъ безпокоился моимъ положеніемъ и страшился его. Я живу вашей жизнью, ваша скорбь — отрава моей жизни, ваша смерть — моя смерть. И что же, за все это вы убиваете себя пустыми сомнѣніями, пустою борьбою, вредите своему здоровью и налагаете печать страданія на ваше лицо, которое должно сіять счастіемъ и быть прекрасно его блескомъ. О, нѣтъ, Marie, вы сжалитесь надо мною, отгоните отъ себя чернаго демона и перестанете колебаться между мною и мнѣніемъ людей, близкихъ вамъ только формально? Неправда ли? Вы отвѣтите мнѣ на это письмо, что рѣшились ѣхать, и что это рѣшеніе не мучитъ, а веселитъ васъ? О, Marie,—тогда дай Богъ не сойти мнѣ съ ума отъ радости! Отвѣчайте мнѣ скорѣе.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Орловой. 13 октября, 1843.

Октября 13.

Ваша сестра сказала правду, что я фатальный, и что мнѣ нѣтъ счастія. По всѣмъ соображеніямъ, союзъ съ вами сулилъ мнѣ тихое и спокойное счастіе. Но, увы! мы еще не соединены, а я уже глубоко несчастенъ и страдаю такимъ страданіемъ, котораго и возможности прежде не подозрѣвалъ. Я получилъ ударъ съ такой стороны, съ которой никогда и не ожидалъ.

Я разошелся бы навсегда съ лучшимъ моимъ другомъ, если бы, назадъ тому нѣсколько времени, онъ сталъ утверждать, что вы до такой степени зависите отъ мнѣнія людей, надъ которыми въ другихъ случаяхъ внутренно смѣетесь. Когда я положилъ писать къ вамъ о томъ, чтобы вы пріѣхали въ Петербургъ, не знаю, какое-то странное безпокойство овладѣло мною. Когда друзья мои говорили мнѣ: «разумѣется, невѣста ваша не задумается ни одной минуты», я отвѣчалъ имъ утвердительно, тогда какъ внутри меня проходилъ холодъ невольнаго сомнѣнія. Я ругалъ себя за это сомнѣніе, называлъ себя подлецомъ передъ вами, человѣкомъ, который не довольно уважаетъ васъ; но мое непосредственное чувство говорило свое. Ваше письмо, въ которомъ вы такъ легко, какъ о чемъ-то возможномъ для меня, говорите о необходимости подвергнуться шутовскимъ церемоніямъ, — это письмо было для меня ударомъ грома, внезапно упавшимъ къ ногамъ моимъ въ ясную погоду. Я думалъ о васъ, что вы скорѣе согласитесь умереть лютою смертью, чѣмъ добровольно подвергнуться безчестію и позору подлыхъ обычаевъ. Вышло, что я ошибался. Итакъ, съ облаковъ упалъ я на землю и больно ушибся. Самолюбіе мое было страшно поражено, и мнѣ, какъ бы невольно, лѣзли въ голову все эти стихи Пушкина:

Смирились вы, моей весны
Высокомѣрныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.

Но любовь къ вамъ побѣдила все. Я забылъ о страшно раненомъ самолюбіи и сталъ убѣждать васъ въ томъ, что вы неправы, стараясь объяснить вамъ мой взглядъ на этотъ предметъ. Отвѣта вашего я такъ боялся, что блѣднѣлъ при звукѣ колокольчика. Наконецъ, получаю отвѣтъ. Въ немъ нахожу я въ васъ все, что̀ уважалъ и любилъ въ васъ, все, что̀ заставляло меня быть счастливымъ и гордымъ моимъ выборомъ. Я былъ вознагражденъ за все, и ни за что бы въ мірѣ не захотѣлъ, чтобы дѣло передѣлалось иначе, т.-е. чтобы я не получалъ предшествовавшаго письма, столько огорчившаго меня. Душа моя озарилась спокойствіемъ счастія — чувствомъ, доселѣ незнакомымъ мнѣ. Я любилъ васъ и былъ счастливъ и гордъ вами. Близость нашего соединенія казалась мнѣ несомнѣнною, а въ ней я видѣлъ близость нашего счастія. Мнѣ стало такъ тепло, такъ свѣтло, такъ хорошо! Ваше послѣднее письмо наповалъ

убило это прекрасное расположеніе моей души. Страшная была для меня минута, когда я прочелъ его. И вотъ теперь я словно горю на маломъ огнѣ. Въ груди у меня что-то щемитъ и не даетъ мнѣ забыться ни на минуту; ночью мнѣ снятся гробы. И все это потому, что надъ вами такъ сильна княгиня Марья Алексѣевна, мнѣнія вашихъ родственниковъ, и что, подобно мнѣ, вы не хотите жить разсудкомъ и презирать предразсудки, хотя въ важныхъ обстоятельствахъ вашей жизни. Когда я собирался писать къ вамъ, чтобы вы пріѣхали въ Петербургъ, и почувствовалъ что-то вродѣ нерѣшительности, я посовѣтовался съ одною особою, мнѣніе которой было для меня очень важно. У Вержбицкаго въ домѣ живетъ въ качествѣ гувернанты подруга жены его — онѣ обѣ воспитывались въ Екатерининскомъ институтѣ. Это дѣвица уже не въ первой молодости, и не безъ ума, не безъ сердца. Я съ нею довольно коротокъ. Когда я ей сказалъ, что хочу просить васъ пріѣхать въ Петербургъ, она отвѣчала: прекрасно, чего же лучше!—И вы не находите страннымъ подобное предложеніе съ моей стороны?—Нисколько,— сказала она. — Но если бы вы были въ положеніи моей невѣсты, какъ бы вы поступили?—Разумѣется, поѣхала бы — и все тутъ.

Это меня до того утѣшило и успокоило, что я даже началъ фантазировать, какъ вы будете дѣлать печальныя мины на плачевныя и гнѣвныя восклицанія вашихъ родственниковъ, наружно соглашаясь съ ихъ доводами и только ссылаясь на необходимость, а внутренно смѣясь надъ всѣми этими пошляками,—и довольная, счастливая, весело готовитесь къ пути...

Опытъ представилъ мнѣ тысяча-первое доказательство, что нѣтъ ничего общаго между міромъ фантазіи и міромъ дѣйствительности...

Вчера (13 октября) мнѣ было очень тяжело. Докторъ позволилъ мнѣ выходить. Погода была ужасная—дождь, слякоть, сырость— тѣмъ лучше было для меня: я готовъ былъ выкупаться въ Невѣ, если бъ зналъ, что отъ этого мнѣ будетъ легче. Я пошелъ къ Вержбицкимъ и повѣрилъ мое горе особѣ, о которой сейчасъ говорилъ. Я усомнился было даже въ себѣ, въ моихъ убѣжденіяхъ, и мнѣ хотѣлось, чтобы кто-нибудь во всемъ обвинилъ меня и во всемъ оправдалъ васъ. И васъ точно оправдывали (хотя меня и не обвиняли); но чѣмъ же?—тѣмъ, что вы воспитаны и живете въ Москвѣ, а потому и не можете болѣе или

менѣе не думать по-московски... Боже мой! Да я бы хотѣлъ видѣть въ васъ не дочь Москвы, Петербурга, или другого города, а просто женщину, которая въ важныхъ обстоятельствахъ своей жизни руководствуется только внушеніями и откровеніями своей женской натуры, не справляясь съ мнѣніемъ Москвы, Петербурга, дядюшки, тетушки и пр.

Можетъ быть, васъ огорчитъ и оскорбитъ то, что я ставлю между собою и вами чужихъ людей и повѣряю имъ наши общія тайны, самыя святыя: на колѣняхъ прошу у васъ прощенія, и вы не можете не простить меня, если сообразите, что я дѣйствую, какъ помѣшанный, ибо тяжкое горе сводитъ меня съ ума.

Мысль, что вы не выше предразсудковъ и зависите отъ мнѣнія вашихъ родственниковъ, эта мысль—мрачная тѣнь на мое счастіе въ прошедшемъ и будущемъ.

И не смотря на то, никогда такъ глубоко и живо не сознавалъ и не чувствовалъ я неразрывности узъ, которыми связанъ съ вами—не даннымъ словомъ, не тѣмъ, что далеко зашелъ въ моихъ отношеніяхъ къ вамъ,—а моимъ къ вамъ чувствомъ. Внѣ васъ я теряю смыслъ моей жизни и перестаю понимать, зачѣмъ мнѣ жить. Вашъ образъ, звуки вашего голоса, ваши манеры—все это неотступно и неотходно окружаетъ меня. «Неужели же вы этого не замѣтили?»—я и теперь не могу вспомнить этой фразы безъ сердечнаго движенія, безъ чувства счастія. И много хранитъ моя память словъ и движеній, которыхъ значенье—темно иль ничтожно, но о которыхъ не могу я вспомнить безъ живѣйшаго волненія. Да, я люблю васъ, Marie. Въ моей любви къ вамъ нѣтъ ничего огненнаго, порывистаго, но есть все, что̀ нужно для тихаго счастія и благороднаго человѣческаго (а не апатическаго) спокойствія. Только съ вами могъ бы я трудиться, работать и жить не безъ пользы для себя и для общества, только съ вами не тратились бы понапрасну мои лучшіе дни, и не тонулъ бы я въ апатической лѣни. Только съ вами любилъ бы я мой тѣсный уголъ, неохотно бы оставлялъ его и радостно, нетерпѣливо возвращался бы въ него. Но нѣтъ, я не только люблю васъ,—у меня есть вѣра въ васъ,—и я убѣжденъ, что вы должны, что вы не можете не побѣдить своего внутренняго врага. Вы никогда не боролись съ жизнію и не рѣшали практически вопросовъ теоретическихъ, а оттого васъ теперь и пугаютъ такъ эти вопросы, на которые вызвалъ я васъ. Нѣтъ, вы не хуже того, чѣмъ я васъ считаю, но вы только худо

дѣлаете, думая, что можно прожить на свѣтѣ безъ воли и безъ борьбы. Возьмите надъ собою волю, и все будетъ хорошо.

Я теперь Богъ знаетъ что̀ бы далъ за возможность пріѣхать къ вамъ. Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ, если бы могъ пріѣхать въ Москву, чтобы спасти васъ отъ безсонныхъ ночей, отъ слезъ и мукъ нерѣшительности. Не симпатизируя съ вашимъ горемъ (ибо не понимаю его), я тѣмъ не менѣе страдаю имъ. Каждая слеза ваша падаетъ каплею яда на мое сердце и сушитъ его. Но я не могу пріѣхать: могущественная сила обстоятельствъ не допускаетъ меня до этого. Я только что выздоровѣлъ, и еще ни строки не написалъ для журнала: а Краевскій и теперь еще боленъ и ничего не можетъ дѣлать. Сегодня хотѣлъ его навѣстить, но онъ сказалъ моему человѣку, что хотя ему и легче, но чтобы я отложилъ мое посѣщеніе дня на два. Сверхъ того, какъ вамъ уже и извѣстно это,—мнѣ не съ чѣмъ ѣхать въ Москву—у меня нѣтъ бумагъ. Вы пишете, что и для васъ была бы тяжела отсрочка до Рождества: эта отсрочка невозможна, ибо, если я могу пріѣхать въ Москву, то развѣ только послѣ Пасхи, когда прекращается подписка на журналы. Итакъ, ждать почти до мая! Неужели вы согласитесь на это, чтобы только избѣгнуть ненавистной вамъ поѣздки? Неужели вамъ не страшна такая отсрочка? Мнѣ—такъ она ужасна. Кромѣ того, что все это время я ничего не буду въ состояніи дѣлать и принужденъ буду снова приняться за преферансъ,—кромѣ всего этого и многаго другого, я еще не вѣрю судьбѣ и жизни. Мало ли что можетъ случиться въ это время? Не должно пытать судьбу: даетъ—берите сейчасъ же, или послѣ не жалуйтесь на нее. Въ этомъ отношеніи я фаталистъ, чѣмъ и вамъ желаю быть. Мнѣ почему-то кажется, что если мы не обвѣнчаемся до поста предрождественскаго, то никогда уже не соединимся. Это предчувствіе — глупость, но оно мучитъ меня.

Итакъ, вотъ мое положеніе: съ одной стороны—ужасъ при мысли о какой бы то ни было отсрочкѣ; съ другой—ваши слова: «Я пріѣду, непремѣнно пріѣду, если вы такъ этого хотите!» И потомъ, ваши мученья, боязнь бѣлой горячки. Ужасно! Часто приходитъ мнѣ въ голову: Боже мой, не дай мнѣ сойти съ ума, но дай умереть. Еще вчера я повторялъ: зачѣмъ удалось мнѣ пригласить въ четвергъ моего доктора! Мысль о вашихъ мученіяхъ, безсонныхъ ночахъ и какой бы то ни было болѣзни, вслѣдствіе принужденной поѣздки въ Петербургъ, эта

мысль гложетъ, точитъ мою грудь, какъ червь. Она до того мучитъ меня, что я, пожалуй, готовъ на отсрочку до апрѣля (а тогда я самъ могу пріѣхать въ Москву), если это вамъ легче, чѣмъ поѣздка. Я, правда, не велѣлъ отложить окликъ (и П. А. Языковъ, разумѣется, позволилъ священнику обвѣнчать меня), но что за бѣда, что разъ окликнутъ, а потомъ и перестанутъ? Это еще не Богъ знаетъ, какое горе: вѣдь свадьба наша только отлагается, а не расходится. Отложить совсѣмъ окликъ я былъ не въ состояніи: меня удержала тайная надежда, авось либо вы одумаетесь, переломите себя, и добровольно, бодро и весело, съ полною довѣренностію къ Провидѣнію, рѣшитесь на то, на что теперь рѣшаетесь съ отчаяніемъ, тоскою и сомнѣніемъ. И если бы моя надежда сбылась, и вы написали бы ко мнѣ, что ѣдете—каково было бы мое положеніе: вы ѣдете, а время для оклика потеряно, и вы, вмѣсто одного дня, должны жить со мною до вѣнчанья недѣлю или двѣ? Теперь же, если бы вы рѣшились, можно, если хотите, обвѣнчаться въ самый день вашего пріѣзда: это будетъ зависѣть совершенно отъ васъ. Но если вы не можете рѣшиться на эту поѣздку безъ ужаса, подвергая себя тѣмъ болѣзни,—то, разумѣется, bon gré, mal gré, надо отложить наше дѣло до апрѣля. Письмо это вы получите навѣрное въ понедѣльникъ (18), и, если пошлете отвѣтъ во вторникъ (19), я навѣрное получу его въ субботу (23) и буду еще имѣть время остановить второй окликъ, если вы не рѣшитесь ѣхать на лучшемъ нравственномъ основаніи, нежели на какомъ рѣшаетесь теперь. Изъ этого вы, по крайней мѣрѣ, можете видѣть мою готовность на всевозможныя уступки, лишь бы вы не страдали. Уважая вашъ предразсудокъ, я рѣшаюсь много много взять на себя... Ну, да что объ этомъ говорить.

Смотрите же: въ субботу (23) я непремѣнно долженъ получить отвѣтъ на это письмо. Отвѣтъ на вчерашнее письмо не будетъ для меня удовлетворителенъ. Какова будетъ жизнь моя до полученія отвѣта на это письмо—можете догадаться сами. Мнѣ жаль васъ, Marie; вы однѣ, и некому укрѣпить васъ совѣтомъ и мнѣніемъ. M-lle Agrippine горячо и преданно любитъ васъ, но, къ несчастію, она всегда и во всемъ согласна съ вами, а потому и не можетъ дать вамъ ни совѣта, ни мнѣнія. На что бы вы ни рѣшились, и что бы ни было, вѣрьте одному—что я горячо и свято люблю васъ, и что самая жесткость моихъ выходокъ противъ васъ доказываетъ только мою любовь къ вамъ.

Да просвѣтитъ васъ Господь своимъ невидимымъ совѣтомъ и да подастъ Онъ вамъ силу и крѣпость воли. Вашу руку, мой милый, безцѣнный другъ, моя добрая, дорогая Marie—крѣпко жму ее и съ тоскою и любовію смотрю въ ваши глаза, полные печали и тяжелой думы. Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Орловой. 15 октября, 1843.

Октября 15.

Сегодня почему-то ждалъ я отъ васъ письма рано поутру, письма, посланнаго вами, какъ мнѣ казалось, въ понедѣльникъ; но вотъ уже 10 часовъ, а его нѣтъ, и я перестаю ждать. Мнѣ тяжело, невыносимо тяжело. Ко всѣмъ другимъ причинамъ моего страданія присовокупилась новая: это воспоминаніе о грубомъ и жесткомъ тонѣ моихъ писемъ, который долженъ оскорбить, огорчить васъ, когда вамъ и безъ того тяжело. Меня ужасаетъ мысль, что, можетъ быть, звѣрскія письма мои сильно подѣйствуютъ на ваше здоровье. О, я звѣрь, родился звѣремъ—имъ и умру. Но мое звѣрство скоро смѣняется человѣческимъ расположеніемъ, и тогда я изъ одного мученія перехожу въ другое. Marie, другъ мой, о, простите меня, если я огорчилъ васъ, забудьте это, изорвите мои несчастныя письма и помните только одно, вѣрьте только одному, что я люблю, глубоко и сильно люблю васъ. Одумавшись, я понялъ, что требовалъ отъ васъ слишкомъ многаго, былъ къ вамъ несправедливо строгъ. Ваша слабость теперь понятна мнѣ, и я отъ всей души извиняю васъ въ ней. Поживя со мной, вы на многое будете смотрѣть иначе и во многомъ будете поступать иначе; но теперь—какъ винить васъ за то, что дышете тѣмъ воздухомъ, который окружаетъ васъ, а не тѣмъ, который далекъ отъ васъ! Сегодня видѣлъ я во снѣ, будто вы пріѣхали ко мнѣ. Я былъ бы счастливъ, очень счастливъ, еслибы сонъ мой сбылся; но ваше спокойствіе, ваше здоровье дороже мнѣ всего, и вы поступайте свободно, не принуждая себя. Зимой мнѣ рѣшительно невозможно будетъ пріѣхать; придется подождать до весны. Такъ или сякъ, только будьте здоровы и спокойны—здоровье и спокойствіе всего нужнѣе вамъ.

Боже мой, что со мной дѣлается! Меня мучитъ злой духъ. Не могу вспомнить о моихъ письмахъ безъ жгучаго щемленія въ груди. Вечеромъ страшно ложиться спать, и, прежде чѣмъ засну совсѣмъ, не разъ забудусь и не разъ проснусь, вздрагивая. Тяжело. Неужели я надѣлалъ дѣлъ моими письмами? О, Боже, страшно подумать. Отвѣта на эти два письма буду ждать въ пятницу и субботу (22, 23), а на это въ воскресенье (24),—и если изъ отвѣта на это письмо увижу, что я опасался напрасно, что мои проклятыя письма не подѣйствовали на ваше здоровье,—о, я съ ума сойду отъ радости. Сегодня никакъ не думалъ писать къ вамъ,—и схватился за перо, прежде чѣмъ понялъ, зачѣмъ это дѣлаю. Это было какимъ-то вдохновеннымъ порывомъ.

Больше писать нечего. Вы поймете, что бы еще могъ или хотѣлъ сказать я. Прощайте. Храни васъ Господь, а мои обѣты и мольбы за васъ неотлучно съ вами, равно какъ и мысль моя.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Сердце не обмануло меня: только что полѣзъ было я въ ящикъ за конвертомъ, чтобы запечатать это письмо, какъ получилъ ваше. Ахъ, Marie, Marie, вы меня не понимаете, или не хотите понять: не грѣхъ ли вамъ думать, что я лгу передъ вами, обманываю васъ, увѣряя васъ, что не могу къ вамъ пріѣхать? И не могу я къ вамъ пріѣхать совсѣмъ не по боязни шутовскихъ церемоній, которыхъ—я вѣрю вамъ—не было бы теперь, еслибъ я пріѣхалъ. Не могу я пріѣхать по тому же самому, почему часовой не можетъ сойти съ своего поста, хотя бы отъ этого зависѣло счастіе всей его жизни. Я опять-таки несогласенъ съ вами, чтобы такое важное дѣло было—пріѣхать вамъ: въ Петербургѣ никто съ этимъ не согласится; но спорить съ вами не буду, ибо чѣмъ же вы виноваты, что вы жили въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ? Застать меня на столѣ—дѣло не невѣроятное и не невозможное; это было бы для васъ страшнымъ несчастіемъ, но неужели въ Москвѣ черезъ это теряются права на уваженіе? Какой же это гнусный, подлый и киргизъ-кайсацкій городъ! Если вы одна пріѣдете въ Петербургъ и потомъ кого-нибудь и когда-нибудь встрѣтите изъ московскихъ, который посмотритъ на васъ такъ, что не поздоровится отъ этого взгляда, то увѣряю васъ, что мнѣ будетъ не больно, какъ вы пишете, а только смѣшно, и я буду объ этомъ разсказывать съ хохотомъ всѣмъ моимъ знакомымъ, чтобы заставить и ихъ хохотать. Ахъ,

Marie, Marie, какъ вы будете смѣяться надъ этими опасеніями, когда будете моею женою и почувствуете себя въ другой совершенно сферѣ петербургской жизни, гдѣ на вещи смотрятъ діаметрально противоположно. Но теперь ни въ чемъ васъ не увѣряю и ни въ чемъ съ вами не спорю. Вижу, что рѣшиться ѣхать для васъ то же, что рѣшиться умереть. Жалѣю о силѣ смѣшного предразсудка надъ такимъ умомъ и такимъ сердцемъ, каковы ваши; но извиняю васъ во всемъ этомъ, приписывая все это не вамъ, а судьбѣ. Что касается до Eugénie—то вы напрасно думаете уподобиться ей тѣмъ, что рѣшитесь пріѣхать въ Петербургъ. Еслибъ вы и пріѣхали, между ею и вами все бы ничего не было общаго; ибо Eugénie въ Петербургѣ никто бы не принялъ къ себѣ, а васъ всѣ примутъ, и, вмѣсто презрѣнія, вы своимъ пріѣздомъ пріобрѣли бы только большее право на уваженіе всѣхъ и каждаго. Вы неправы, думая, что я пишу подъ чьимъ-либо вліяніемъ, а тѣмъ болѣе подъ вліяніемъ Краевскаго. Такъ же точно неправы вы, видя въ каждомъ моемъ словѣ seigneur et maître, а во мнѣ деспота. Это показываетъ, что вы еще мало знаете меня. Я фанатикъ, это правда, но всего менѣе деспотъ. Не мѣсто и не время объяснять вамъ теперь разницу между деспотизмомъ и фанатизмомъ, деспотомъ и фанатикомъ, и потому оставляю эту матерію. Если когда-нибудь мы будемъ соединены, тогда, надѣюсь, вы узнаете меня лучше и будете ко мнѣ справедливѣе; а теперь вы судите обо мнѣ подъ вліяніемъ тягостной для васъ идеи о поѣздкѣ въ Петербургъ.

Рѣшайте вы—отъ васъ я жду рѣшенія—оно въ вашей, а не въ моей волѣ: или пріѣзжайте, если хотите, чтобы къ посту кончились наши пытки и страданія; или отложите до апрѣля, когда я буду въ состояніи пріѣхать къ вамъ въ Москву. Въ первомъ случаѣ, вы можете ѣхать и не 28-го числа, а позже, лишь бы пріѣхать въ Петербургъ дня за три до поста; но въ обоихъ случаяхъ вы не замедлите увѣдомить меня. Если вы рѣшитесь отложить, я покорюсь вашему рѣшенію со всѣмъ résignation преданнаго вамъ друга, который ваше спокойствіе и здоровье предпочитаетъ своему счастію. Я вижу самъ, что ѣхать вамъ нѣтъ никакой возможности: ибо почему-то вы воображаете, что такимъ поступкомъ лишаетесь права на уваженіе общества. Можетъ быть, въ Москвѣ оно и такъ, а потому больше и не спорю съ вами.

Ахъ, боюсь одного, одного боюсь: моего проклятаго письма,

какое получили вы уже въ воскресенье (17). Только пронеси Богъ мимо эту бурю, а тамъ пусть будетъ, что̀ будетъ!

Бѣдный другъ мой, какъ вы страдаете. Сердце мое сжалось, когда я прочелъ ваше письмо. Правда, причина вашего страданія—фантомъ, призракъ, бредъ больного воображенія; но развѣ отъ этого легче ваше страданіе? Напротивъ, тѣмъ большее страданіе возбуждаетъ въ моей душѣ ваше страданіе. Да, Marie, есть пункты, въ которыхъ мы рѣшительно не понимаемъ другъ друга; зато, благодаря имъ, я понялъ, что такое Москва. Я давно уже не люблю ее; но теперь... Что касается до приглашенія, которымъ удостоиваютъ меня ваши родственники,—я долженъ объясниться съ вами опредѣленнѣе на этотъ счетъ. Въ Петербургѣ нѣтъ обычая останавливаться у родни, своей или женниной; тамъ это не въ тонѣ, да никто и не пригласитъ и не пуститъ; для этого есть трактиры. Такъ водится и въ Европѣ; но не такъ водится въ Москвѣ, патріархальной и азіатской. Если я захочу соблюсти экономію, я остановлюсь или у своихъ родственниковъ или у Щепкиныхъ, которыхъ считаю истинными своими родными въ духѣ; но что-жъ мнѣ за радость остановиться у людей, совершенно чуждыхъ мнѣ, быть связаннымъ, притворяться, скрывать свой образъ мыслей, говорить не то, что̀ думаю? Бывать у нихъ я готовъ—для васъ. Это другое дѣло. Вы, Marie, совсѣмъ не понимаете меня съ моей главной и существенной стороны. Знаете ли вы, что людей, съ которыми я ни въ чемъ не могу сойтись, я считаю моими личными врагами и ненавижу ихъ? И знаете ли вы, что я это считаю въ себѣ добродѣтелью, лучшимъ, что̀ есть во мнѣ?

Прощайте. Отвѣчайте мнѣ немедленно на это письмо. Будьте свободны въ вашемъ рѣшеніи и вѣрьте, что ваше спокойствіе и здоровье, въ моихъ глазахъ, стоятъ моего счастія, и что я постараюсь, какъ могу и умѣю, me résigner.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Орловой. 15 октября, 1843.

Октября 15-го, вечеромъ.

Не успѣю отослать къ вамъ одно письмо, какъ ужъ и хочется написать другое. Всякій разъ мнѣ представляется, что я не все вамъ высказалъ, и что мнѣ остается и еще что-то сказать

вамъ. Это происходитъ оттого, что мы другъ друга не совсѣмъ хорошо понимаемъ, а потому и принуждены повторять все одно и то же, не заставляя, однакоже, тѣмъ лучше понять себя. Я рѣшился на отсрочку; но отчего же не стало мнѣ легче отъ этого рѣшенія, отчего это жгучее щемленіе въ груди, какъ будто меня совѣсть мучитъ за какое-нибудь преступленіе? Что значитъ этотъ злой духъ, который такъ неотступно и такъ жестоко терзаетъ меня? Что онъ—предвѣстіе несчастія, предчувствіе, что не сбыться прекраснымъ надеждамъ, которыя цвѣтутъ не для фатальныхъ? Если бы я имѣлъ какую-нибудь возможность поѣхать въ Москву, я не сталъ бы медлить ни минуты. Эта возможность сдѣлалась моею idée-fixe, моею точкою помѣшательства; но чѣмъ болѣе я о ней думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что не слѣдуетъ мнѣ о ней и думать. Итакъ, до апрѣля или почти до мая! И еще столько времени неопредѣленныхъ отношеній, которыя мучительнѣе всего въ мірѣ, и которыя, сверхъ того, могутъ еще кончиться—ничѣмъ, къ вѣчному горю обоихъ насъ или того, кто изъ насъ живучѣе! Вотъ, что значатъ предразсудки! Нужно же людямъ мучить и терзать себя ими, какъ будто и безъ предразсудковъ мало у нихъ горя! И накажи меня Богъ, если я, до сего времени, не готовъ былъ поклясться всѣмъ и каждому, что вы, моя избранная, чужды всякихъ предразсуковъ, что вы стоите выше ихъ! И какое разочарованіе, Боже великій, какое разочарованіе! Для меня тутъ есть, отъ чего сойти съ ума или умереть, хоть я и знаю, что ни съ ума не сойду, ни умру, а только буду тяжело страдать про себя. Пріѣзжайте вы въ Петербургъ, и къ посту мы обвѣнчаны, а къ празднику мы уже привыкли бы къ нашему новому положенію, рѣка вошла бы въ свои берега и потекла бы ровною, чистою и свѣтлою волною, отражая въ себѣ далекія небеса, еслибъ то угодно было Богу. А вы думаете, привычка дѣло легкое и скорое? Я отъ брака съ вами никогда не ожидалъ восторговъ, да и Богъ съ ними, съ этими восторгами, не стоятъ они того, чтобы гнаться за ними; я ожидалъ отъ жизни вдвоемъ съ вами существованія мирнаго, яснаго, теплаго, охоты къ труду и любви къ своему углу, или, какъ французы говорятъ, къ своему очагу. И это бы пришло, и этимъ бы мы уже наслаждались вполнѣ мѣсяца черезъ два, (еслибы обвѣнчались въ началѣ ноября); а теперь этого надо ожидать мѣсяцевъ черезъ восемь. И почему же? потому что вы слишкомъ уважаете приличія мелкаго чиновническаго круга,

который, по своимъ понятіямъ, едва ли выше любого лакейскаго круга! Нѣтъ, и въ Москвѣ всѣ порядочные люди взяли бы мою сторону противъ васъ. Не могу забыть вашего святого, благоуханнаго письма (отъ 5 октября), въ которомъ вы были самою собою, писали подъ диктовку вашего сердца, а не вашего почтеннаго дядюшки (проклятіе ему!). Вы согласились со мною, вы сами увидѣли, что я правъ, что, во всѣхъ отношеніяхъ, лучше вамъ ѣхать въ Петербургъ, чѣмъ мнѣ въ Москву, и что въ этомъ нѣтъ никакой жертвы и ничего страннаго, неумѣстнаго или предосудительнаго съ вашей стороны. Да какъ же иначе и могли бы вы понимать это простое и обыкновенное дѣло, вы, у которой такое сердце, такая душа, такой умъ и такой разсудокъ? Вы очень хорошо знаете, что дѣвушки бѣгаютъ отъ родителей, чтобы тайно вѣнчаться съ тѣми, кого онѣ любятъ,—и если дѣйствительно повершается бракомъ, то общество и не думаетъ ихъ презирать. Въ Россіи бракъ покрываетъ и не такія дѣла. Ваше же положеніе передъ глазами общества совсѣмъ другое. Вы съ позволенія своего отца поѣдете къ жениху, который по обстоятельствамъ (а не по чему другому) не можетъ пріѣхать къ вамъ: вотъ и все. Тутъ ничего нѣтъ ни страннаго, ни необыкновеннаго, ни неумѣстнаго, ни предосудительнаго. Въ Петербургѣ это для всѣхъ и каждаго обыкновенно и естественно; въ Москвѣ это осудятъ только салопницы да чиновники, — два подлѣйшія въ Россіи сословія. Неужели же на нихъ смотрѣть? Вы все это сами знаете и чувствуете не хуже меня. Но вы съѣздили къ вашему драгоцѣнному дяденькѣ и встрѣтили отпоръ; опѣшили, оторопѣли и, вмѣсто того, чтобы спорить, доказывать, и, то наступая, то уступая, то твердостію, то ласкою заставить его согласиться съ вами, или, по крайней мѣрѣ, возбудить въ немъ терпимость (tolérance) къ мысли о вашей поѣздкѣ,—вы расплакались, голова у васъ разболѣлась, и вы начали вдругъ, ни съ того, ни съ сего смотрѣть въ очки вашего дражайшаго дядюшки и стали пренаивно увѣрять меня, что, требуя вашего пріѣзда въ Петербургъ, я требую, чтобы вы въ холодъ пошли по улицѣ въ дезабилье... Ахъ, Marie, Marie! да вы уже отъ одной мысли о поѣздкѣ, кажется, сошли съ ума; что же бы стало съ вами, если бы вы въ самомъ дѣлѣ поѣхали?... Страшно и подумать! А вы, право, не совсѣмъ въ умѣ, Marie, иначе какъ же бы вы могли о вашей поѣздкѣ въ Петербургъ говорить такимъ тономъ, какъ будто бы я требовалъ отъ васъ, чтобы вы рѣшились жить со мною, въ

качествѣ жены, только безъ брака. И вы не стали бы сравнивать вашего положенія съ положеніемъ Eugénie, съ которой у васъ ровно ничего нѣтъ общаго. Простите меня, милая Marie, за дерзость и жесткость моей шутки насчетъ состоянія вашего мозга: право, о немъ нельзя сказать, чтобы оно было сладко, какъ сахаръ. Вы немного лукавите передо мною и прежде всего передъ самой собою, но я васъ вижу насквозь. Вы не хуже меня понимаете, что поѣздка въ Петербургъ—дѣло очень простое, въ родѣ моихъ поѣздокъ съ Маросейки въ Сокольники; но у васъ слабъ характеръ, очень слабъ, и вы не можете смотрѣть прямо въ глаза вашему многоцѣнному дяденькѣ, когда онъ съ вами несогласенъ. Вотъ и все. Вы до такой степени esclave передъ своимъ высокоцѣннымъ дядюшкою, что убѣждаете себя насильно въ его образѣ мыслей, не дерзая ему противорѣчить. Вотъ и все. У васъ нѣтъ силы быть самой собою. Это жаль, очень жаль, тѣмъ болѣе жаль, что, когда вы являетесь самой собою (какъ въ письмѣ 5 октября), вы бываете святы, нравственно прекрасны, достойны обожанія и удивленія, высоки и благородны, блистаете всѣмъ, чѣмъ велика и благодатна натура женщины. И зато, если бы вы знали, какое состраданіе возбуждаете вы къ себѣ, когда находитесь подъ вліяніемъ вашего подъячественнаго дядюшки! Святители! Вы ли это, Марья Васильевна? Нѣтъ, это Марѳа Васильевна!.. Я не знаю, какъ мнѣ благодарить Бога, что я получилъ отъ васъ письмо отъ 5 октября. Если умру скоро, велю положить съ собою въ гробъ это письмо, какъ лучшее и прекраснѣйшее, чѣмъ порадовала меня судьба и жизнь. Это письмо еще дорого для меня и съ другой стороны: оно для меня—вашъ духовный потретъ. Безъ него вашъ свѣтлый образъ затмился бы въ душѣ моей, и я, какъ сумасшедшій, измучилъ бы себя тщетнымъ усиліемъ вспомнить, кого же и что же любилъ я въ васъ... Но теперь мнѣ только стоитъ прочесть его,—и передо мною снова возстаетъ прекрасный и свѣтлый образъ лучшей женщины, какую только встрѣтилъ я въ жизни, женщины, которая много любила и много страдала, женщины, которую полюбилъ я за ея любовь и ея страданье, за ея возвышенный и простой умъ, за ея горячее сердце и благородную душу...

Перечитавъ ваше сегодняшнее письмо, я съ ужасомъ остановился на одномъ мѣстѣ въ немъ. Вы пишете, каково бы вамъ было, если бъ въ Петербургѣ васъ встрѣтилъ кто изъ московскихъ и посмотрѣлъ бы на васъ такимъ взглядомъ, отъ ко-

тораго не поздоровится. Кто же это, Marie? Ужъ не Любовь ли, горничная вашей кузины? Или не тотъ ли милый родственникъ вашъ, что такой мастеръ на лакейскія любезности и кучерскіе каламбуры? Но кто бы ни былъ, онъ—лакей, холопская подлая душа, если бы осмѣлился съ презрѣніемъ посмотрѣть на васъ за то только, что вы рѣшились пріѣхать къ своему жениху въ Петербургъ, вмѣсто того, чтобы дождаться его къ себѣ въ Москву. Ну, Marie, какъ же слабо въ васъ сознаніе вашего достоинства, какъ же мало въ васъ уваженія къ самой себѣ, если взгляды лакеевъ, кучеровъ, свинопасовъ и чиновниковъ могутъ заставлять васъ потуплять ваши глаза и страдать. Вы ли это, Marie, или тѣнь ваша, призракъ? Нѣтъ, эти строки необдуманно сорвались съ пера вашего, и вамъ, вѣрно, теперь стыдно ихъ.

Да, Marie, мы съ вами во многомъ расходимся. Вы, за отсутствіемъ какихъ-либо внутреннихъ убѣжденій, обожествили деревяннаго болвана общественнаго мнѣнія и преусердно ставите свѣчи своему идолу, чтобъ не разсердить его. Я съ дѣтства моего считалъ за пріятнѣйшую жертву для Бога истины и разума—плевать въ рожу общественному мнѣнію тамъ, гдѣ оно глупо или подло, или то и другое вмѣстѣ. Поступить наперекоръ ему, когда есть возможность достигнуть той же цѣли тихо и скромно, для меня—божественное наслажденіе. Зачѣмъ пишу я это вамъ? Затѣмъ, что въ ваши свѣтлыя минуты, когда вы будете самой собою, вы поймете это и скажете: еслибъ онъ былъ не таковъ, я бы, можетъ быть, больше любила его, но меньше уважала...

Впрочемъ, насъ раздѣлило воспитаніе, а не природа. Я люблю и уважаю вашу натуру, люблю и уважаю васъ, какъ прекрасную возможность чего-то прекраснаго. Въ самомъ дѣлѣ, — чѣмъ же виноваты вы, что родились и воспитались въ «дистанціи огромнаго размѣра», въ городѣ княгини Марьи Алексѣевны?

А между тѣмъ въ этомъ городѣ есть и хорошіе, даже очень хорошіе люди. Я отдыхалъ душою въ семействѣ Коршъ, чуждомъ всякихъ предразсудковъ. Ахъ, если бы знали вы, Marie, что за существо — жена Герцена! Она, дѣвушкою, бѣжала отъ своей воспитательницы и благодѣтельницы — гнусной старухи, которая попрекала ее каждымъ кускомъ,—бѣжала отъ нея, чтобы обвѣнчаться съ теперешнимъ мужемъ своимъ, и — повѣрите ли — не умерла, не впала въ бѣлую горячку, не сошла съ ума отъ этого. Это женщина, подобно вамъ, больная, низкаго роста, худая,

прекрасная, тихая, кроткая, съ тоненькимъ голоскомъ, но страшно энергичная: скажетъ тихо — и быкъ остановится съ почтеніемъ, упрется рогами въ землю передъ этимъ кроткимъ взглядомъ и тихимъ голосомъ. Наталья Александровна не побоялась бы познакомиться съ Eugénie. Когда я былъ у Герцена въ деревнѣ,— даже меня поразила царствующая тамъ европейская свобода: всѣ мужчины въ блузахъ (родъ рубашки, опоясанной кожанымъ ремнемъ); гуляя, разъ я пожаловался на усталость и жаръ, и ко мнѣ всѣ пристали (и она), чтобы я снялъ съ себя сюртукъ и понесъ его на плечѣ. Разъ я сконфузился даже, когда она подшутила надъ моею чиновническою (все глупое и подлое есть чиновническое) вѣжливостію, что я поклонился ей, выходя изъ-за обѣда. Какъ жаль, что вы съ нею незнакомы: она вывела бы васъ изъ затруднительнаго положенія и указала бы вашей совѣсти большую дорогу. Боткинъ возилъ къ ней знакомиться Armance, и та была очень довольна этимъ знакомствомъ. — Порядочный человѣкъ также и Грановскій. Когда шли толки о томъ, надо ли обвѣнчаться Боткину съ Armance или остаться имъ безъ вѣнца въ интимныхъ отношеніяхъ, — я сказалъ, что это невозможно въ нашемъ обществѣ, ибо, прежде всего, кто же захочетъ быть знакомымъ съ Armance? — Жена Герцена и моя жена прежде всѣхъ, — сказалъ Грановскій. Право, Marie, все это не дурные люди, и они образуютъ собою свой отдѣльный кругъ общества, который кромѣ себя никого знать не хочетъ и никѣмъ не интересуется, но которымъ многіе и многіе очень интересуются. Какъ жаль, Marie, что вы не знаете никакого круга, кромѣ круга вашихъ родственниковъ, которые—люди добрые, не спорю, но по тону, манерамъ и понятіямъ принадлежатъ къ самымъ низшимъ слоямъ русскаго общества. Что же касается до вашего дядюшки,—я его смертельно ненавижу, какъ самаго лютаго врага моего. Если я съ нимъ увижусь когда-нибудь, это будетъ не на радость вамъ: вы знаете, какъ я не умѣю владѣть лицомъ и взглядомъ моимъ: при встрѣчѣ съ нимъ мой взглядъ выразитъ смертельную ненависть. Этотъ человѣкъ осмѣлился стать между мною и вами и мнимымъ правомъ своего родства, можетъ быть, разрушить наше счастіе. Проклятіе ему!

Итакъ, Marie, наше дѣло отложено. Мысль эта сжимаетъ мнѣ сердце. Отъ нея мнѣ стало холодно, и я почувствовалъ отвращеніе отъ себя и отъ жизни. Хотѣлось бы умереть, и жаль, что упустилъ прекрасный случай.

Не знаю, какъ подѣйствуетъ на васъ это письмо, но въ немъ вы должны видѣть только мою прямоту, а слѣдовательно, и мою любовь къ вамъ. Еслибъ я не любилъ васъ искренно и глубоко, отсрочка меня обрадовала бы и не сдѣлала бы несчастнымъ (ибо слово опечалила здѣсь слабо), и я съумѣлъ бы замаскироваться, притворившись спокойнымъ и согласнымъ съ вами. Но я люблю васъ, — и меня огорчаютъ ваши недостатки, я болѣзненно страдаю отъ нихъ. Признаться ли вамъ: я все еще не совсѣмъ потерялъ надежду, что ангелъ свѣта побѣдитъ въ васъ ангела тьмы, что вы сознаете свое смѣшное заблужденіе и, не по долгу, а по любви, весело и бодро пуститесь въ Питеръ, чтобы дать мнѣ счастіе, котораго я нѣсколько заслуживаю въ качествѣ человѣка скорбящаго и работающаго: ибо только такимъ, по моему мнѣнію, должна быть наградою любовь женщины. Не забывайте, Marie, что я даже не прошу васъ, а только надѣюсь—и не на васъ, а на Бога, который, сжалившись надъ моими невыносимыми страданіями, можетъ быть, озаритъ вашу спутанную и оглушенную родственными толками голову свѣтомъ сознанія.

Вы съ чего-то вообразили, что я пишу подъ вліяніемъ моихъ друзей (какъ ни тяжело мнѣ было при чтеніи вашего письма, но эти строки заставили меня разсмѣяться): не пишите-ка вы подъ вліяніемъ вашихъ родственниковъ; но пишите подъ диктовку вашего сердца, которое одно люблю я, одно хочу знать,—а что мнѣ до вашихъ родственниковъ, равно какъ и имъ до меня? У меня есть только одинъ другъ, который можетъ имѣть и дѣйствительно имѣетъ на меня вліяніе: это Боткинъ, но его теперь, «въ минуту жизни трудную», нѣтъ со мною. Я очень люблю и уважаю моихъ петербургскихъ пріятелей; но никто изъ нихъ не имѣетъ на меня никакого вліянія. Всѣхъ больше цѣню я голову Тургенева, но онъ-то именно до сихъ поръ и не подозрѣваетъ, что я женюсь. Но забавнѣе всего ваша премудрая и глубокомысленная догадка, что я пишу подъ вліяніемъ Краевскаго,—мнѣ и теперь еще смѣшно при мысли о ней. Знаете ли вы, что Краевскій не видалъ ни одного ни вашего, ни моего письма, и что, если я говорилъ съ нимъ о моемъ дѣлѣ, то болѣе съ точки зрѣнія хозяйственной, денежной, практической. Знаете ли вы, что я пишу къ вамъ вотъ уже пятое письмо, не видавши Краевскаго, сперва за моей собственной болѣзнію, а теперь за его болѣзнію, ибо онъ все еще лежитъ, съ середы уже другая

недѣля, и недавно только очувствовался? Полноте, Marie, пускаться въ политику и строить догадки: вы не мастерица на это. Идите-ка прямою дорогою—дорогою сердца. Умъ женщину часто обманываетъ; сердце—никогда. Спрашивайтесь одного его. У меня есть вѣра въ него, что оно спасетъ и осчастливитъ меня. А то я погибаю и глубоко несчастливъ. Краевскій боленъ, «Отечественныя Записки» запущены—у меня ни строки, а ужъ 15 число; примусь писать, принужу себя—не могу—внутренняя мука путаетъ мысли. Спасите меня, но не жертвою, не чувствомъ долга, а любовью и здравымъ разсудкомъ. Укрѣпитесь сознаніемъ,—и вы исполнитесь силою. Бросьте софизмы и смотрите на дѣло прямо. А дѣло это очень просто.

M-lle Agrippine, на колѣняхъ умоляю васъ принять безпристрастное участіе въ нашемъ спорѣ и цѣлую ваши прелестныя ручки,—вѣдь, право, погибаю во цвѣтѣ лѣтъ и красоты. Вамъ же будетъ жаль, что такой очаровательный молодой человѣкъ пропадетъ ни за копейку, на радость Булгарина, Погодина и Шевырева.

Не знаю, Marie, надежда ли проказитъ, или что другое,—только мнѣ стало легче—на глазахъ слезы, къ груди приливаютъ горячія волны любви,—и мнѣ хотѣлось бы излить передъ вами всю душу мою, чтобы вы меня поняли. Я весь полонъ вами, весь проникнутъ вашимъ незримымъ присутствіемъ. О, когда же незримое превратится въ очевидное? Когда же, утомленный работою, тихо буду входить я въ ваше святилище и, глядя на васъ, слушая васъ, говоря съ вами, отдыхать душою и собирать новыя силы на новые труды? Неужели чиновническія приличія должны надолго отсрочить мое счастіе? Когда же тѣсный уголъ мой наполнится вашимъ присутствіемъ, и, почуявъ близость святыни, я буду жить полною жизнію? Когда же за минуты одушевленнаго труда будетъ мнѣ наградою ваша блѣдная рука? Когда буду повѣрять я вамъ мои мечты и читать мои писанія, требуя вашего мнѣнія и совѣта? Ахъ, Marie, Marie! Жизнь коротка и обманчива, ловите ее—или послѣ не раскаивайтесь! Въ Китаѣ обычай и приличіе выше истины и счастья: выѣзжайте изъ Китая, т.-е. изъ Москвы, и спѣшите ко мнѣ. Вѣрьте, счастіе, которое вы вкусите, не дастъ вамъ помнить о существованіи людей, которые любятъ вмѣшиваться не въ свои дѣла. Узнавши меня, вы не будете узнавать себя. Какъ женщина, вы такъ мало знаете жизнь, что съ вами иногда нѣтъ возможности говорить

о ней, словно съ ребенкомъ. Я знаю, напр., что мои причины невозможности ѣхать въ Москву вы находите неудовлетворительными, особливо со стороны моихъ отношеній къ «Отечественнымъ Запискамъ» и Краевскому; но объяснить я вамъ ихъ не въ силахъ, именно потому, что вы женщина, и притомъ русская женщина. Пріѣхавъ, сами увидите и—повѣрьте — не разъ вспомните о своей несправедливости ко мнѣ, обвините себя, пожалѣете обо мнѣ и посмѣетесь надъ собою.

Хотѣлъ написать вамъ нѣсколько строкъ, и написалъ цѣлыхъ полтора листа. Чувствую необходимость безпрестанно говорить съ вами. Не обѣщаюсь писать въ понедѣльникъ (завтра суббота), но и не ручаюсь, что не буду писать, и что въ будущую пятницу (23-го) вы не получите отъ меня и еще письма, какъ получили его въ воскресенье, въ понедѣльникъ, во вторникъ и въ середу.

Не хочется разстаться съ вами, мой добрый другъ, моя милая Marie—все бы говорилъ и говорилъ. Подумайте обо всемъ, написанномъ мною, и посовѣтуйтесь съ своимъ серцемъ; на этого родственника у меня большая надежда—можетъ быть, онъ спасетъ меня: за то услышитъ онъ біеніе моего сердца, дружно и въ ладъ отвѣчающее на его біеніе!.. Цѣлую вашу руку.

Вашъ В. Бѣлинскій.

(NB. Письмо это пойдетъ 16 октября, въ субботу).

Къ М. В. Орловой. 18 октября, 1843.

Октября 18.

Мое положеніе и странно и невыносимо тяжело. У меня нѣтъ силы отказаться отъ надежды, что вы пріѣдете въ Петербургъ, и я дѣлаю приготовленія, и одинъ разъ уже окликали насъ. И въ то же время я такъ вотъ и жду отъ васъ письма, въ которомъ вы увѣдомите меня, что свадьба наша отлагается до весны. Не знаю, какое именно дѣйствіе произведетъ на меня такое благоразумное, резонабельное рѣшеніе съ вашей стороны; но знаю, что это дѣйствіе очень дурное, которое не разъ заставитъ меня отъ искренняго сердца пожалѣть, что я не умеръ, когда для этого стоило только отложить до завтра послать за докторомъ... Сверхъ того, меня безпокоитъ ужасно

еще и эффектъ моего письма къ вамъ à la Собакевичъ (его вы получили вчера, 17 октября, въ воскресенье). Со всѣхъ сторонъ бѣда, и все худо, все, потому что, если бы вы и согласились пріѣхать, опасеніе и страхъ вашей болѣзни — о, Боже мой! — какъ невыгодно родиться на этотъ свѣтъ фатальнымъ!

Сегодня видѣлъ я васъ во снѣ. Будто пріѣхалъ я къ вамъ въ Сокольники поутру, обѣдать, вмѣстѣ съ вашими родственниками. Послѣ обѣда вы ушли въ свою комнату, и мнѣ будто бы, по приличію, должно было сейчасъ же возвратиться домой. И я пошелъ, неся въ рукахъ какую-то толстую книгу, которой мнѣ не удалось вамъ передать; отойдя на нѣсколько шаговъ отъ вашего дома, я увидѣлъ васъ: вы гуляете въ какой-то ruelle между заборомъ сосѣдняго дома и своимъ флигелемъ, гдѣ торчали какія-то деревца. И я глядѣлъ на васъ издали съ тоскою, и меня мучила мысль, что я не могъ условиться съ вами о томъ, когда мнѣ опять къ вамъ пріѣхать. Все это грезилось мнѣ такъ живо, словно на яву, и теперь я полонъ мыслію о Сокольникахъ и живо вспоминаю всѣ подробности моихъ поѣздокъ въ Сокольники. Это было счастливое время! можетъ быть, такого уже не будетъ для меня!

А все родственники!..

Простите пока. Написалъ я вамъ эти строки такъ, чтобы что-нибудь написать вамъ. Ожиданіе вашихъ писемъ обнаруживается во мнѣ лихорадкою. Страшно получить, можетъ быть, приговоръ цѣлой жизни моей.

Послѣ болѣзни я чувствую себя гораздо лучше, чѣмъ до болѣзни. Это, вѣроятно, отъ піявокъ, ибо меня душила кровь.

Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Орловой. 20 октября, 1843.

Октября 20.

Сегодня опять видѣлъ васъ во снѣ, будто вы пріѣхали въ Петербургъ и остановились у меня; я даже и не зналъ этого—прихожу домой и—застаю васъ у меня. Богъ знаетъ, что это значитъ. Говорятъ, сны надо толковать наоборотъ. Горе мнѣ, если это такъ! Боже мой, до чего я поглупѣлъ: сны меня безпокоятъ, и я ломаю голову надъ толкованіемъ ихъ! А все вы виноваты!

Сегодня жду письма отъ васъ, въ отвѣтъ на мое, отъ один-

надцатаго октября. Что-то вы скажете! Впрочемъ, мое письмо едва-ли подѣйствуетъ на перемѣну вашего рѣшенія: вѣдь оно было отвѣтомъ на ваше письмо отъ 5 октября. Вотъ ужъ половина десятаго, а письма не несутъ. Погода прекрасная, небо чисто, солнце блещетъ.

Вечеромъ того же дня.

Сейчасъ получилъ ваше письмо. Оно меня много обрадовало и еще болѣе опечалило. Обрадовало потому, что вы уже, какъ кажется, не считаете поѣздку въ Петербургъ для себя почему-то позорною; и— что еще для меня пріятнѣе—рѣшились наотрѣзъ объясниться съ дядею; опечалило меня то, что все-таки въ дядѣ видите непреоборимое препятствіе къ отъѣзду. Мнѣ кажется, что въ этомъ вы ошибаетесь. Если дѣло идетъ только о томъ, чтобы взять отъ части позволеніе на выѣздъ, да мѣсто въ malle-poste или дилижансъ,— почему бы вамъ не обратиться къ Галахову? Я думаю, онъ съ охотою все это для васъ сдѣлалъ бы. Смѣшно же таиться отъ него въ томъ, что онъ и такъ скоро узнаетъ, и въ чемъ нѣтъ ничего такого, чего бы не должно было никому знать. Если не Галаховъ, то Кетчеръ съ удовольствіемъ все бы сдѣлалъ. Что это за препятствіе!

Опечалило меня и то, что вы все думаете, будто я не ѣду не по невозможности, а по эгоизму, или уже и чортъ знаетъ, почему, чуть не по подлости. Клянусь вамъ честью и Богомъ — я пріѣхать въ Москву раньше апрѣля не имѣю никакой возможности. Вы говорите о томъ, что я поспѣю, возвращаясь съ вами, къ самой порѣ, когда мнѣ надо будетъ писать. А знаете ли вы, что вотъ уже 20-е число, а я только что сію минуту отослалъ къ Краевскому три полулистика статьи для одиннадцатой книжки «Отечественныхъ Записокъ», тогда какъ по настоящему вся статья должна была бы быть готова къ 15-му числу. Когда я ее кончу, не знаю, — страшно подумать, а надо кончить, хоть умри. А между тѣмъ, кромѣ статьи-критики, сколько еще надо написать рецензій, замѣтокъ о театрѣ! Отчего я такъ запустилъ работу? Во 1-хъ, отъ болѣзни, во 2-хъ, отъ нашей переписки по вопросу о вашемъ пріѣздѣ, вопросу, который меня изморилъ всѣми смертями. Положимъ, что я кончилъ бы все къ 28, и 28 могъ бы сѣсть въ дилижансъ, — въ такомъ случаѣ я былъ бы въ Москвѣ 2 ноября; меньше недѣли на пробытіе въ Москвѣ класть невозможно (ради разныхъ случайностей,

которыхъ теперь нельзя и предвидѣть), итого я теряю время по девятое число, да четыре дня на обратный проѣздъ, итого по 14-е число. Да неужели я тотчасъ, пріѣхавъ съ вами, буду въ состояніи, послѣ дороги, приняться за работу? Вотъ вамъ и статья! Не спорьте со мною: я это дѣло знаю опытомъ. Объ этомъ нечего и говорить. Если вы не употребите всей энергіи воли, наше дѣло отложится до весны, — а объ этомъ я думаю, какъ о ночахъ, проводимыхъ за преферансомъ, словомъ, какъ о моей гибели. Что вы тамъ совѣтуетесь съ своимъ священникомъ? Что-то онъ вамъ скажетъ еще; да еще, сказавши вамъ одно, кто поручится, что не заговоритъ онъ другое, когда я пріѣду въ Москву? Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ все слажено, все готово, и насъ уже разъ окликали, а 24 будутъ въ другой разъ окликать. Весь Петербургъ знаетъ, что я женюсь. Спасите меня, пріѣзжайте. Торопитесь объясниться съ madame Charpiot — это необходимо—времени терять нечего. Галаховъ не медля сдѣлаетъ, что отъ него зависитъ; а вашъ милый дядюшка—я понимаю, какъ онъ васъ любитъ—и вы, право, поступили бы умно, если бы послали его къ чорту. Я знаю этотъ народъ. Любя другихъ, они любятъ самихъ себя. Знаю я ихъ участіе— это страсть къ новостямъ, надежда играть роль въ чужомъ дѣлѣ.

Ну, Marie, грустно, тяжело мнѣ, и теряю я надежду. Зачѣмъ я не умеръ или не сошелъ съ ума! Спасите меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ не забывайте и себя, ибо худо вамъ—мнѣ хорошо быть не можетъ.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Орловой. 22—23 октября, 1843.

Октября 22.

Тяжело и грустно, а, кажется, надо разстаться съ прекрасною мечтою вашего пріѣзда въ Петербургъ; до сихъ поръ надежда не оставляла меня, но полученное сегодня мною письмо сразило меня совсѣмъ, такъ что я прибѣгъ къ мѣрѣ, о которой и думать не смѣлъ: говорилъ съ Краевскимъ о томъ, чтобы мнѣ ѣхать. Если достану денегъ въ продолженіе этихъ трехъ дней,—поѣду. Хотя эта поѣздка Краевскому горше рѣдьки, однако, онъ былъ такъ добръ, что, хотя и нехотя, а сказалъ: «что-жъ дѣлать». Хотя и мнѣ самому по разнымъ причинамъ и отноше-

ніямъ поѣздка эта ужъ какъ тяжела и горька, но ваше спокойствіе для меня дороже всего. Притомъ же, мысль объ отсрочкѣ, когда все я же долженъ буду пріѣхать, еще хуже мысли о поѣздкѣ. Но какъ ѣхать? Вашъ священникъ, ничего не видя — уже нелѣпыя требованія: какимъ образомъ и по какому праву мой священникъ удостовѣряетъ его, что я не женатъ? Да какъ же и почему онъ это знаетъ? Если я могу обмануть на этотъ счетъ вашего священника, то кто же мнѣ помѣшаетъ обмануть моего? Такого рода свидѣтельство берется гдѣ-нибудь, за подписью двухъ-трехъ знакомыхъ; стало быть, я могу взять его и въ Москвѣ. Это разъ. Потомъ, чтобы оклики не надѣлали хлопотъ. Что-жъ, если я пріѣду, да одинъ и уѣду—это будетъ очень невесело. Потомъ, надо заранѣе выслать къ вашему священнику свидѣтельство отъ моего, что я былъ у исповѣди и причастія. Когда мнѣ выслать?—Я привезу его съ собою — некогда—вѣдь если ѣхать, такъ числа 27-28. Наконецъ, какого еще этому попу нужно свидѣтельства, что я грекороссійскаго исповѣданія? Гдѣ я ему возьму его! Все что-то не такъ,—по-московски и по-идіотски: въ Петербургѣ ничего этого не нужно.

А къ довершенію всего,—я не досталъ еще денегъ—не такое теперь время. Есть надежда дня черезъ три получить ихъ, но надежды бываютъ часто не надежны. Если не получу, — то, разумѣется, и не пріѣду. Таково мое положеніе, что если 1-го или 2-го числа не буду уже въ Москвѣ, то нельзя и ѣхать, потому что иначе декабрьская книжка останется безъ статьи. Если достану денегъ, поѣду, ничего не изготовивъ къ вашему пріему—да это, я знаю, для васъ ничего, и я самъ такъ думаю—сдѣлать бы главное-то дѣло, а тамъ понемногу все само собою уладится. Если пріѣду, то привезу съ собою женщину, безъ которой вамъ и со мной пуститься въ путь было бы не совсѣмъ хорошо.

При этомъ я помню ваше слово: что шутовскихъ церемоній, обѣда у дядюшки, шампанскаго и поздравленій не будетъ. Не могу безъ содроганія подумать и о томъ, что буду представленъ m-me Charpiot, до которой мнѣ нѣтъ никакого дѣла, и вашему дядюшкѣ, котораго отъ души ненавижу и проклинаю.

Ваше письмо очень огорчило меня, но я заслужилъ его, и потому на васъ и не жалуюсь. Я во многомъ виноватъ передъ вами и охотно сознаюсь въ этомъ. Будьте добры, великодушны и забудьте нашу ссору—клянусь вамъ, она была и первою и послѣднею. Я самъ глубоко страдалъ, а потому и дѣйствовалъ,

какъ сумасшедшій. Да и вы не совсѣмъ правы, и я виню васъ въ томъ, что вы писали ко мнѣ противорѣчащія одно другому письма: то соглашались на пріѣздъ въ Петербургъ, то говорили о немъ съ ужасомъ, какъ о дѣлѣ невозможномъ. Вотъ и предпослѣднее письмо порадовало было меня этою надеждою; а отъ такой надежды — повѣрьте — не легко отказаться. Прискорбенъ мнѣ показался вашъ упрекъ, будто я требую вашего пріѣзда въ Петербургъ, какъ доказательства вашей ко мнѣ любви. Если бы это было такъ, я былъ бы глупъ и пошлъ, какъ повѣсть Марлинскаго, стихотвореніе Бенедиктова. У меня и мысли не было испытывать вашу любовь ко мнѣ. Я вѣрю ей и безъ испытанія и знаю вашу цѣну. Сравненіе васъ съ Armance не могло не оскорбить васъ по грубому тону, съ какимъ я его сдѣлалъ; но, въ сущности, оно нисколько не обидно для васъ. Armance имѣетъ передъ вами великія преимущества, какъ иностранка и, въ особенности, француженка; въ этомъ отношеніи вы, какъ русская женщина, дитя передъ нею. Но у васъ есть свои стороны, которыя дѣлаютъ Armance ребенкомъ передъ вами, и за которыя васъ нельзя не цѣнить дорого. Вотъ и все: надѣюсь, что это для васъ не обидно. Дайте руку вашу, бѣдный другъ мой, и помиримся. Вы такъ много страдали,—и я былъ причиною вашего страданія. О, если бы вы знали, какъ жестоко былъ я наказанъ за это. Не говорите мнѣ, что бываютъ минуты, когда вамъ досадно на себя, что вы любите меня—не говорите мнѣ этого—это огорчаетъ меня, потому что я люблю васъ, потому что мнѣ дорога ваша любовь. О, вѣрьте мнѣ, что я люблю васъ, такъ какъ я вѣрю вамъ, что вы любите меня. Въ это послѣднее время мое чувство къ вамъ съ честію выдержало экзаменъ въ моихъ собственныхъ глазахъ. Мнѣ тѣмъ тяжелѣе думать о томъ, что я заставилъ васъ страдать, что вся наша ссора вышла изъ недоразумѣній и недоумѣній. Я не вѣрилъ вамъ, будто вы не можете ѣхать, а думалъ, что не хотите, по уваженію къ предразсудкамъ; а вы не вѣрите мнѣ, будто я не могу ѣхать, и думали, что не хочу, по прихоти, деспотизму и Богъ знаетъ еще чему. Мы оба были неправы. Вѣрьте мнѣ, я вспыльчивъ и бѣшенъ, но не золъ, и въ моей натурѣ много мягкости и даже нѣжности скрывается подъ грубою внѣшностью. Ваше вліяніе и ваша власть надо мною будутъ безграничны. Я еще могъ воевать съ вами заочно, но въ глаза—увидите, какой я буду трусъ. Да проститъ меня въ моихъ прегрѣшеніяхъ и m-lle Agrippine.

Дѣйствуйте, пожалуйста, осмотрительнѣе и устройте такъ, чтобы я не даромъ прокатился въ Москву. Разумѣется, если бы, сверхъ чаянія, я получилъ отъ васъ на дняхъ письмо, что вы ѣдете, то ужъ не поѣду, а буду васъ дожидаться. Если же я поѣду, то уже мнѣ некогда будетъ дожидаться вашего отвѣта на это мое письмо, которое вы получите въ середу, 27-го октября.

Не знаю, достану ли денегъ, а между тѣмъ пишу статью и всѣ мои работы для ноябрьской книжки могу кончить во вторникъ только при усиленномъ трудѣ. Вотъ отчего, если и достану денегъ, приготовленій никакихъ не сдѣлаю, — будетъ некогда, если поѣду. Если же ни вамъ ко мнѣ, ни мнѣ къ вамъ не удастся пріѣхать въ ноябрѣ,—не грустите и не огорчайтесь: всѣ силы употреблю, чтобы пріѣхать на праздникахъ, декабря 28-го, и уѣхать съ вами января 2-го или 3-го. Буду ждать терпѣливо.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Октября 23.

Сегодня ожидалъ отъ васъ письма, но вотъ уже 10 часовъ, а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Правда, что я фатальный. Ко всему прочему надо же было, чтобы Краевскій такъ некстати и такъ тяжело заболѣлъ. Доктора давали ему только шесть часовъ жизни и никакъ не думали, чтобы онъ остался живъ. Скажите сами: до того ли тутъ было, чтобы толковать съ нимъ о моихъ дѣлахъ, о деньгахъ и отъѣздѣ. Не больше трехъ дней, какъ съ нимъ могъ я начать, и то исподволь, подобные разговоры. Сколько потеряннаго времени, и какого времени—ужасъ! Но—повторяю вамъ—если не успѣемъ до поста,—такъ и быть, потерпимъ до праздниковъ, тогда я непремѣнно пріѣду на недѣлю.

Вѣроятно завтра получу отъ васъ письмо, или ужъ непремѣнно въ понедѣльникъ (25), и если бы, сверхъ чаянія, въ этомъ письмѣ было что о вашемъ твердомъ намѣреніи или хоть надеждѣ ѣхать одной—я, разумѣется, пріостановлюсь, если и достану денегъ. Насчетъ денегъ—препроклятое обстоятельство — перваго ноября я получу ихъ навѣрное, но вѣдь, если ѣхать, надо имѣть въ рукахъ завтра или послѣзавтра.

Вчера кончилъ большую статью для ноябрьской книжки—осталась мелочь, но эта мелочь мучитъ больше всего. Такъ скучно возиться съ нею.

Здоровье мое въ вожделѣнномъ состояніи, а объ вашемъ что-то мнѣ очень тревожно думается, а все мои проклятыя письма!

О, будьте спокойны, я смотрю на все худое въ прошедшемъ, какъ на дурной сонъ, который пророчитъ хорошую дѣйствительность наяву. Много бы хотѣлось сказать вамъ, Marie, да какъ-то все не идетъ съ души, — можетъ быть, потому именно, что она слишкомъ полна. Прощайте. Ахъ, да. Нельзя на меня слишкомъ сердиться, что я не берегусь,—Петербургъ такой городъ, что не убережешься. Я думаю, у васъ въ Москвѣ теперь ужъ чуть не зима, а у насъ чуть не лѣто, но лѣто холодное, сырое, скверное. Прощайте.

Вашъ В. Б.

Къ М. В. Орловой. 25 октября, 1843.

Октября 25.

Фатальное мое счастіе не перестаетъ меня преслѣдовать: третьяго дня опять почувствовалъ лихорадочный жаръ, а вчера разболѣлся не на шутку и провелъ мучительнѣйшій вечеръ до часу ночи. Но благодѣтельный докторъ, какимъ-то адскимъ снадобьемъ произведя во мнѣ сильную испарину, тошноту и рвоту, сдѣлалъ то, что сегодня поутру я нахожу себя въ состояніи не только написать къ вамъ письмо, но и приняться за окончаніе прерванной работы.

Вчера получилъ ваше письмо. Половина его заставила меня испытать тяжелое чувство, котораго характера и опредѣлить не могу. Хуже всего въ этомъ чувствѣ было сознаніе, что вы имѣли полное право усомниться въ моемъ къ вамъ чувствѣ и дать вкрасться въ вашу душу сомнѣнію на счетъ искренности моего къ вамъ поведенія, касательно вопроса о поѣздкѣ. Потомъ мнѣ пришла въ голову мысль,—неужели она въ моихъ послѣднихъ двухъ письмахъ, особенно въ предпослѣднемъ, не могла или не хотѣла увидѣть, что, если я надѣлалъ глупостей, то хорошо и наказанъ за нихъ. Надо сказать, что письмо ваше было принесено часа въ 4, когда я лежалъ весь въ огнѣ. Прочтя далѣе, я, несмотря на болѣзнь, чуть не заплакалъ отъ чувства умиленія и радости. Слава Богу! Кончилась эта дрянная исторія и кончилась лучше, нежели какъ я заслуживалъ. Забудемъ о ней.

Насчетъ моей поѣздки—кажется, что я ѣду въ четвергъ или въ пятницу. Есть сильная надежда завтра или послѣ завтра

имѣть деньги въ рукахъ—этимъ извѣстіемъ я былъ порадованъ вчера еще, и думаю, что оно много подѣйствовало на мое выздоровленіе.

Не можете представить, какъ совѣстно и больно мнѣ за мою грубую выходку противъ Аграфены Васильевны. Я увѣренъ, что она уже простила меня по своей добротѣ и изъ уваженія къ моему сумасшествію; но прошедшаго-то страданія этимъ не воротить. Вотъ все-то на свѣтѣ готовъ сдѣлать, чтобы изгладить изъ ея ума впечатлѣніе моего неделикатнаго поступка: готовъ для этого, если бы она потребовала этого, влюбиться въ вашу тетиньку и строить ей куры—нѣтъ! больше—трижды и плотно поцѣловать вашу чахоточную родственницу, которая такъ тонко показала различіе между искусствомъ и скоромною пищею. По праву будущаго—и, кажется, близкаго—родства цѣлую прелестныя ручки m-lle Agrippine—въ отношеніи ея я нисколько не намѣренъ отказываться отъ правъ моего родства,—и еще разъ прошу ее отпустить мнѣ мой тяжкій грѣхъ.

Ну, больше писать не о чемъ. Надѣюсь, это мое послѣднее письмо къ вамъ, или много, если предпослѣднее — напишу дня черезъ два къ вамъ строкъ пять, чтобы вы знали, что я совершенно здоровъ и что я точно ѣду въ Москву.

Сегодня же прошу моего знакомаго похлопотать о перемѣнѣ имѣющагося у меня свидѣтельства объ исповѣди и причастіи, писаннаго на простой бумагѣ, на свидѣтельство на гербовой бумагѣ. Если успѣю, вышлю его дня за два до отъѣзда, а не успѣю, привезу съ собою. Свидѣтельство о грекороссійскомъ исповѣданіи—лишнее; кто бываетъ на исповѣди у русскаго священника, тотъ, конечно, не лютеранскаго исповѣданія. Да и притомъ же, объ исповѣданіи удостовѣряетъ только консисторское свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, а я уже говорилъ вамъ, что всѣ мои бумаги въ пензенскомъ депутатскомъ собраніи. Что я не женатъ, въ этомъ могутъ поручиться двое, трое знакомыхъ, петербургскихъ или московскихъ—все равно.

Прощайте, Marie. Не сочтите этого письма холоднымъ: я чувствую еще немного тоски болѣзни, и притомъ же, предчувствуя близость свиданія съ вами и видя у себя на носу столько хлопотъ, я какъ-то потерялъ способность быть экспансивнымъ. Вашъ, моя милая Marie,

В. Бѣлинскій.

Докторъ мою новую болѣзнь приписываетъ не столько простудѣ, сколько желчи, вслѣдствіе нравственнаго раздраженія.

Къ М. В. Орловой. 27 октября, 1843.

Октября 27, середа.

Сегодня поутру работаю сплеча, — вдругъ гость — ба! Кетчеръ! Итакъ, у васъ, Marie, однимъ знакомымъ въ Петербургѣ больше. Онъ сейчасъ заговорилъ объ васъ и о нашемъ дѣлѣ. Онъ думалъ, что вы ѣдете въ Петербургъ, и хвалилъ васъ за это; узнавши отъ меня, что наоборотъ, началъ бранить. Настоящій дядюшка въ комедіи или романѣ.

Я здоровъ совершенно; завтра выхожу съ докторскаго разрѣшенія. Деньгами надулся—досталъ наполовину меньше того, сколько надѣялся; но дѣлать нечего—хоть потянусь, а ужъ кончу главное-то. Я ѣду—это рѣшено, и это письмо—послѣднее мое письмо къ вамъ. Когда я ѣду—самъ не знаю. Хотѣлось бы въ воскресенье, если успѣю; но ужъ никакъ не позже 2-го ноября. Хлопотъ полонъ ротъ. Сію только минуту (20 минутъ одиннадцатаго часа ночи) дописалъ послѣднюю строку для ноябрской книжки «Отечественныхъ Записокъ» и тотчасъ же принялся за письмо къ вамъ. Рука ломитъ отъ держанья пера, и пишу черезъ силу.

Слова два о вашемъ дядюшкѣ. Я знаю, вы себя и вообще нашу исторію считаете причиною его болѣзни (отъ которой желаю ему отъ всей души скорѣе выздоровѣть—Богъ съ нимъ: я бѣшенъ, но не злопамятенъ). Кетчеръ совсѣмъ иначе объяснилъ мнѣ его болѣзнь. Вотъ его слова: «Ея дядя—неумолимый взяточникъ; впрочемъ, въ немъ есть свои хорошія и даже человѣческія стороны; ему велѣли подавать въ отставку—и вотъ причина его болѣзни, которую онъ съ умыслу сваливаетъ на ея упорство ѣхать въ Петербургъ».

Я бы этого не написалъ къ вамъ, Marie, если бы не зналъ, что вы страдаете, считая то меня, то себя виною болѣзни вашего дядюшки.

Ждите меня, Marie, и будьте здоровы. Вы скоро увидите вашего

В. Бѣлинскаго.

Письмо это пойдетъ къ вамъ завтра, 28 октября.

Къ М. В. Орловой. 30 октября, 1843.

Октября 30.

Сейчасъ получилъ ваше письмо. Я ждалъ его и потому медлилъ брать билетъ. Такъ какъ поѣздка во всѣхъ отношеніяхъ разстроила бы дѣла мои (особенно въ денежномъ отношеніи), то я и безъ ума отъ радости, что вы ѣдете, благословляю васъ и путь вашъ. О, если бы вы знали, сколько вы дѣлаете для меня этою поѣздкою и какія новыя права пріобрѣтаете ею на меня и жизнь мою. Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ Д. П. Иванову. 12 апрѣля, 1844.

СПБ. 1844, апрѣля 12.

Наконецъ-то собрался я, любезный Дмитрій, отвѣчать тебѣ. Вотъ ужъ подлинно—спустя лѣто въ лѣсъ по малину; но что мнѣ съ собою дѣлать? Первое письмо твое повергло меня въ такую апатію, что я махнулъ рукою на все и проклялъ мое дворянство, которое пришлось мнѣ солонѣе и хуже всякаго мѣщанства, но которымъ тѣмъ не менѣе я все-таки еще не пользуюсь и едва ли буду когда пользоваться. Писать къ дворянскому предводителю Никифорову—да какъ и по какому праву стану я писать къ человѣку, котораго совсѣмъ не знаю? И о чемъ буду я просить его? Если мое дѣло законное, онъ и безъ моей просьбы долженъ за честь себѣ поставить сдѣлать его; если оно не законно: какъ же буду я просить его сдѣлать для меня то, чего онъ не долженъ дѣлать? чувствую самъ, что все это вздоръ, но что жъ мнѣ дѣлать съ моимъ характеромъ, который таковъ, что теряется и дрожитъ среди нашихъ общественныхъ условій. Потомъ, обѣщать Волкову помѣщеніе его сочиненія въ «Отечественныхъ Запискахъ» было бы съ моей стороны явнымъ надувательствомъ, тѣмъ болѣе, что это помѣщеніе отъ меня нисколько не зависитъ. Я сотрудникъ, работникъ въ журналѣ, но отнюдь не издатель и не распорядитель этого журнала. Мое мнѣніе иногда можетъ имѣть вѣсъ въ редакціи, но мнѣніе прямое и честное; а всякаго другого у меня недостанетъ ни охоты ни

духу высказать, вслѣдствіе какихъ-нибудь не касающихся до журнала разсчетовъ. Впрочемъ, все это ты самъ хорошо понимаешь, какъ то и видно изъ твоего письма. Вотъ почему я пришелъ въ такую апатію въ отношеніи къ моему злополучному дворянству, что никакъ не могъ принудить себя взяться за перо, чтобы отвѣчать тебѣ.

Черезъ мѣсяцъ времени послѣ перваго письма твоего, пріѣхалъ въ Питеръ одинъ хорошій мой знакомый, Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, уѣздный предводитель дворянства въ Инзарѣ, кажется, стало быть, намъ съ тобою землякъ по губерніи. Я сообщилъ ему мое горе, и онъ сказалъ, что это вздоръ, потому что онъ хорошо знаетъ и Никифорова и Волкова и всѣхъ, и что ему ничего не будетъ стоить попросить всѣхъ, кого нужно, не опасаясь получить отказъ. Я было воскресъ. Но лишь уѣхалъ Тучковъ, какъ я получилъ твое второе письмо, которое совсѣмъ положило меня въ лоскъ. Что это за геройдія, гдѣ она—на небесахъ, или въ Америкѣ, когда поступитъ въ нее мое дѣло, что мнѣ тутъ дѣлать—ничего не знаю, хоть зарѣжь. Вотъ все, что могу тебѣ сказать объ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Много и премного благодаренъ Петру Петровичу и Николаю Петровичу—они сдѣлали все, что̀ имѣли доброту и снисхожденіе взять на себя, и что̀ въ ихъ силахъ и возможности было сдѣлать. О тебѣ нечего и говорить: мнѣ съ тобою вѣкъ не разблагодариться, потому что за услуги и одолженія еще можно отблагодариваться, а за расположеніе, любовь и дружбу нельзя. Во всемъ остальномъ, касающемся моего дворянства, приходится возложить упованіе на Аллаха.

Ты, конечно, слышалъ, что я женился, и, вѣрно, знаешь (отъ Галахова), на комъ, стало быть, объ этомъ нечего и распространяться. Заочныя знакомства и поклоны—не иное что, какъ китайскія церемоніи, которыя и смѣшны и скучны: поэтому и не почитаю нужнымъ посылать тебѣ и женѣ твоей поклоновъ и привѣтствій отъ моей жены. Если бы случай свелъ тебя и твою жену съ моею, я увѣренъ, что она такъ же бы полюбила васъ, какъ и вы ее; а до тѣхъ поръ, вы для нея, а она для васъ—образы безъ лицъ. Я держусь того мнѣнія (и увѣренъ, что ты будешь въ этомъ согласенъ со мною), что любить или не любить можно только того, кого видишь, слышишь и знаешь. Вотъ почему я не счелъ (слѣдуя китайскимъ обычаямъ) за нужное и важное разослать родственникамъ и пріятелямъ циркуляры съ

увѣдомленіемъ о вожделѣнномъ вступленіи въ законный бракъ. Я думаю, что это дѣло важно только для одного меня. Конечно, ты принялъ бы въ немъ самое дружеское участіе, если бы мы жили въ одномъ городѣ, но, какъ мы живемъ далеко другъ отъ друга, то нечего объ этомъ и толковать. Если тебя интересуютъ подробности насчетъ моей жены, обратись къ Галахову—онъ давно ее знаетъ, и знаетъ хорошо. О семъ событіи извѣсти своихъ стариковъ.

Жаль, что я собрался писать къ тебѣ именно въ такое время, когда у меня дѣла по горло; а то надо бы мнѣ отписать къ Петру Петровичу и просить его, ради всего святого, войти въ положеніе бѣднаго Никанора и подвигнуть (если есть къ этому какая-нибудь возможность) брата Константина выслать Никанору послужной списокъ нашего отца: у бѣднаго отъ этого вся служба идетъ не въ службу. Богъ судья Константину,—а онъ поступаетъ съ Никаноромъ не по-братски, да и не по-человѣчески. Вся надежда на Петра Петровича. Попроси его, а я какъ-нибудь и самъ соберусь къ нему написать. Адресовать бумагу можно въ штабъ Грузинскаго гренадерскаго полка, въ Тифлисъ. Хотя Никаноръ перешелъ въ дѣйствующій полкъ (что мнѣ очень въ немъ понравилось, какъ признакъ бодрости, души и сердца), но изъ Тифлиса перешлетъ начальство, куда слѣдуетъ.

Очень радъ, что мѣсто въ Воспитательномъ Домѣ поправило твои обстоятельства. Желаю тебѣ всякихъ успѣховъ. Леонорѣ Яковлевнѣ низко кланяюсь, ребятишекъ твоихъ цѣлую всѣхъ, особенно моего любимца—какъ бишь его—вотъ имя-то и забылъ (чего, братъ, скоро свое собственное буду забывать),—я бы готовъ былъ отнять его у тебя. Мой адресъ: въ домѣ Лопатина, на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина Моста, № 47.

Алешу лобызаю и въ носъ и въ переносицу. Хочется мнѣ послать ему какую-нибудь картинку—и потому пріискиваю.

Къ И. С. Тургеневу. Осень, 1844.

И звѣзды вѣчныя высоко надъ землею
Торжественно неслись въ надменной тишинѣ.

Что такое: надменная тишина?—Великодушный кисель?

Насупленныя, сѣдыя, густыя брови—все равно, но съ однимъ изъ двухъ послѣднихъ эпитетовъ стихъ ловчѣе и звучнѣе.

Стр. 12, стихъ 4: птица вспугнанная: въ русскомъ языкѣ нѣтъ глагола вспугать, а есть глаголъ спугнуть; поставьте: птица спугнутая.

Стр. 20: обильной (?) матери людей: изысканно и темно. А между тѣмъ, что за чудная поэма, что за стихи! Нѣтъ правды ни на землѣ, ни въ небесахъ,—правъ Сальери: талантъ дается гулякамъ празднымъ. Въ эту минуту, Тургеневъ, я и люблю васъ и золъ на васъ...

Къ Т. А. Бакуниной. 4 декабря, 1844.

Я такъ виноватъ передъ вами, что у меня недостаетъ духу и извиняться. Заставить васъ написать ко мнѣ третье письмо, не получивъ отвѣта на два первыя—это уже не просто невѣжество, а подлость. Что дѣлать? Русскій человѣкъ—и мнѣ приличнѣе обращаться съ лошадьми, нежели съ дамами. То боленъ (а я, дѣйствительно, съ самаго лѣта такъ боленъ, какъ еще никогда не бывалъ), то дѣла по горло, то не въ духѣ, а главное—проклятая журнальная работа — этотъ источникъ моего нездоровья и физическаго и нравственнаго,—то, наконецъ, и самъ не знаю, почему, но только не могъ приняться за перо. Съ нѣкотораго времени я со всѣми таковъ въ отношеніи къ письмамъ. Но вы такъ добры и, вѣрно, простили меня, не дожидаясь извиненій. Книгу я вамъ послалъ, и вы получили ее. Что касается до дѣтскаго журнала,—это такая комиссія, которая хоть кого поставитъ втупикъ. У насъ два изданія въ этомъ родѣ—«Библіотека для Воспитанія» (въ Москвѣ) Семена и «Звѣздочка» (въ Питерѣ) Ишимовой.—Которое же изъ нихъ лучше?—спросите вы.—Оба хуже,—отвѣчаю я вамъ. «Библіотека» сначала пошла было не дурно; но теперь ею заправляетъ Шевыревъ съ братіею, и изъ нея вышло пономарское изданіе. «Звѣздочка» всегда была дрянью. Такъ выбирайте сами. Если хотите «Библіотеку», такъ выпишите ее прямо изъ Москвы; если «Звѣздочку», то напишите ко мнѣ. «Звѣздочка» издается вдвойнѣ, одно отдѣленіе для дѣтей малолѣтнихъ, другое—для дѣтей повозрастнѣе. Каждое отдѣленіе особенно стоитъ, кажется, четыре рубля серебромъ; оба вмѣстѣ, кажется, семь рублей серебромъ съ пересылкою. Вашихъ денегъ у меня осталось, за вычетомъ за книгу, ея пересылку и за комиссію книгопродавцу,

шесть рублей семьдесятъ пять копѣекъ съ денежкою серебромъ. Этого достаточно, если вы захотите выписать и оба отдѣленія «Звѣздочки». Въ такомъ случаѣ, я думаю, лучше вамъ выписать ее на будущій 1845 годъ. Если рѣшитесь такъ—увѣдомьте, и съ января Саша будетъ ежемѣсячно получать журналъ.

Поздравляю Александру Александровну съ замужествомъ, а Николая Александровича съ дочерью. Я давно уже не имѣю никакого извѣстія о его усахъ, и очень радъ, узнавши, что онъ сдѣлался pater familiae. Теперь онъ настоящій помѣщикъ.

Съ глазами Тургенева было что-то въ родѣ припадка, но безъ всякихъ дурныхъ слѣдствій. Здоровьемъ онъ, какъ вамъ извѣстно, не крѣпокъ; но это не мѣшаетъ ему жить, т. е. ничего не дѣлать и быть больше веселымъ, нежели скучнымъ. Онъ теперь весь погруженъ въ итальянскую оперу и, какъ всѣ энтузіасты, очень милъ и очень забавенъ.

Что касается до вашихъ извиненій, что вы меня безпокоите вашими порученіями,—я чуть не заплакалъ отъ стыда, читая ихъ: моимъ грубымъ молчаніемъ я подалъ вамъ основательную причину думать, что ваши порученія могутъ мнѣ быть въ тягость. Дѣлать нечего—надо принять это, какъ заслуженное наказаніе.

Кланяюсь вамъ и всѣмъ вашимъ. Будьте здоровы и счастливы, особенно здоровы, потому что безъ здоровья невозможно и счастіе. Прощайте, Татьяна Александровна, и не забывайте никогда не забывающаго васъ и всегда преданнаго вамъ

В. Бѣлинскаго.

Спб. 1844, декабря 5.

Къ А. И. Герцену. 26 января, 1845.

Спб. 1845, января 26.

Спасибо тебѣ, добрый мой Герценъ, за память о пріятелѣ. Твои письма всегда доставляютъ мнѣ большое удовольствіе. Въ нихъ всегда такъ много какого-то добродушнаго юмору, который хоть на минуту выведетъ изъ апатіи и возбудитъ добродушный смѣхъ. Только, при послѣднемъ письмѣ я немного подосадовалъ на тебя. Въ одно прекрасное утро, когда въ одиннадцать часовъ утра въ комнатѣ было темно, какъ въ погребѣ, слышу звонокъ—

кухарка (она же и камердинеръ) докладываетъ, что меня спрашиваетъ г. Герцъ. У меня вздрогнуло сердце: какъ, Герценъ? быть не можетъ—субъектъ запрещенный, изгнанный изъ Петербурга за вольныя мысли о будочникахъ,—притомъ же онъ оборвалъ бы звонокъ, залился бы хохотомъ и, снимая шубу, отпустилъ бы кухаркѣ съ полсотни остротъ—нѣтъ, это не онъ! Входитъ юноша съ московскимъ румянцемъ на щекахъ, передаетъ мнѣ письмо и поклоны отъ Герцена и Грановскаго. Распечатываю письмо, думая, что первыя же строки скажутъ мнѣ, что за птица доставитель письма. Ничуть не бывало—о немъ ни слова! Вѣсти г. Герца о лекціяхъ Шевырки, о фурорѣ, который онѣ произвели въ зернистой московской публикѣ, о рукоплесканіяхъ, которыми прерывается каждое слово этого московскаго скверноуста—все это меня не удивило нисколько; я увидѣлъ въ этомъ повтореніе исторіи съ лекціями Грановскаго. Наша публика—мѣщанинъ во дворянствѣ: ее лишь бы пригласили въ парадно-освѣщенную залу, а ужъ она, изъ благодарности, что ее, холопа, пустили въ барскія хоромы, непремѣнно останется всѣмъ довольною. Для нея хорошъ и Грановскій, да недуренъ и Шевыревъ; интересенъ Вильменъ, да любопытенъ и Гречъ. Лучшимъ она всегда считаетъ того, кто читалъ послѣдній. Иначе и быть не можетъ, и винить ее за это нельзя. Французская публика умна, но вѣдь къ ея услугамъ и тысячи журналовъ, которые имѣютъ право не только хвалить, но и ругать; сама она имѣетъ право не только хлопать, но и свистать. Сдѣлай такъ, чтобы во Франціи публичность замѣнилась авторитетомъ полиціи, и публика, въ театрѣ и на публичныхъ чтеніяхъ, имѣла бы право только хлопать, не имѣла бы права шикать и свистать: она скоро сдѣлалась бы такъ же глупа, какъ и русская публика. Если бы ты имѣлъ право, между первою и второю лекціею Шевырки, тиснуть статейку—вторая лекція, навѣрное, была бы принята съ меньшимъ восторгомъ. По моему мнѣнію, стыдно хвалить то, чего не имѣешь права ругать: вотъ отчего мнѣ не понравились твои статьи о лекціяхъ Грановскаго. Но довольно объ этомъ. Москва сдѣлала, наконецъ, рѣшительное пронунціаменто: хорошій городъ! Питеръ тоже не дуренъ. Да и все хорошо. Спасибо тебѣ за стихи Языкова. Жаль, что ты невполнѣ ихъ прислалъ. Пришли и пасквиль. Калайдовичъ, доставитель этого письма (очень хорошій молодой человѣкъ, котораго, надѣюсь, вы примете радушно), покажетъ вамъ пародію Некрасова на Языкова. Во 1-хъ,

распространите ее, а во 2-хъ, пошлите для напечатанія въ «Москвитянинъ». Теперь Некрасовъ добирается до Хомякова. А что ты пишешь Краевскому, будто моя статья не произвела на ханжей впечатлѣнія, и что они гордятся ею—вздоръ; если ты этому повѣрилъ, значитъ, ты плохо знаешь сердце человѣческое и совсѣмъ не знаешь сердца литературнаго — ты никогда не былъ печатно обруганъ. Штуки, судырь ты мой, изъ которыхъ я вижу ясно, что ударъ былъ страшенъ. Теперь я этихъ каналій не оставлю въ покоѣ.

Кетчеръ писалъ тебѣ о Парижскомъ Ярбюхерѣ, и что будто я отъ него воскресъ и переродился. Вздоръ! Я не такой человѣкъ, котораго тетрадка можетъ удовлетворить. Два дня я отъ нея былъ бодръ и веселъ,—и все тутъ. Истину я взялъ себѣ,—и въ словахъ Богъ и религія вижу тьму, мракъ, цѣпи и кнутъ, и люблю теперь эти два слова, какъ слѣдующія за ними четыре. Все это такъ, но вѣдь я попрежнему не могу печатно сказать все, что̀ я думаю и какъ я думаю. А чортъ ли въ истинѣ, если ея нельзя популяризировать и обнародовать?—мертвый капиталъ!

Цѣна, объявленная вами Краевскому за статьи, показалась ему дорогою. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ и вы—нашли кого прижимать и грабить—человѣкъ бѣдный—у него всего доходу въ годъ какихъ-нибудь тысячъ сто съ небольшимъ.

Кланяюсь Натальѣ Александровнѣ и поздравляю ее съ новорожденною. Жена моя также кланяется ей и благодаритъ ее за ея къ ней вниманіе. Что, братецъ, я самъ, можетъ быть, весною буду pater familiae: жена моя въ томъ счастливомъ положеніи, въ которомъ королева англійская Викторія каждый годъ бываетъ по крайней мѣрѣ раза два или три. Грановскому шепелявому не кланяюсь, потому что мои письма къ тебѣ суть письма и къ нему. Милому Коршу и его милому семейству шлю челобитье великое; воображаю, что его сынъ Ѳедя теперь молодецъ хоть куда, а лѣтомъ 43 года былъ такой слюняй, и это была его, а не моя вина, хоть его маменька и Марья Ѳедоровна и сердились на меня, что я находилъ его не похожимъ на Аполлона Бельведерскаго. Михаилу Семеновичу, знаменитому Москалю-Чаривнику — ужъ и не знаю, что̀ и сказать. Да, что дѣлаетъ Armance? Жена моя давно уже отвѣтила на ея послѣднее письмо, а отъ нея нѣтъ никакой вѣсти; она безпокоится, что ея письмо къ Armance не дошло по адресу.

А вѣдь Аксаковъ-то—воля ваша—если не дуракъ, то жалко ограниченный человѣкъ. Затѣмъ прощай. Твой и вашъ

В. Бѣлинскій.

Къ А. И. Герцену. 2 января, 1846.

Спб. 1846, января 2.

Милый мой Герценъ, давно мнѣ сильно хотѣлось поговорить съ тобою и о томъ, и о семъ, и о твоихъ статьяхъ «Объ изученіи природы», и о твоей статейкѣ «О пристрастіи», и о твоей превосходной повѣсти, обнаружившей въ тебѣ новый талантъ, который, мнѣ кажется, лучше и выше всѣхъ твоихъ старыхъ талантовъ (за исключеніемъ фельетоннаго—о г. Ведринѣ, Яроплкѣ Водянскомъ и пр.), и объ истинномъ направленіи и значеніи твоего таланта, и обо многомъ прочемъ. Но все не было то случая, то времени. Потомъ я все ждалъ тебя, и разъ опять испыталъ понапрасну сильное нервическое потрясеніе по поводу прихода г. Герца, о которомъ мнѣ возвѣстили, какъ о г. Герценѣ. Наконецъ, слышу, что ты сбираешься ѣхать не то будущею весною, не то будущею осенью. Оставляя все прочее до будущаго случая, пишу теперь къ тебѣ не о тебѣ, а о самомъ себѣ, о собственной моей особѣ. Прежде всего, твою руку и съ нею честное слово, что все, написанное здѣсь, останется, впредь до разрѣшенія, строгою тайной между тобою, Кетчеромъ, Грановскимъ и Коршемъ.

Вотъ, въ чемъ дѣло. Я твердо рѣшился оставить «Отечественныя Записки» и ихъ благороднаго, безкорыстнаго владѣльца. Это желаніе давно уже было моею idée fixe; но я все надѣялся выполнить его чудеснымъ способомъ, благодаря моей фантазіи, которая у меня услужлива не менѣе фантазіи г. Манилова, и надеждамъ на богатыхъ земли. Теперь я увидѣлъ ясно, что все это вздоръ, и что надо прибѣгнуть къ средствамъ, болѣе обыкновеннымъ, болѣе труднымъ, но зато и болѣе дѣйствительнымъ. Но прежде о причинахъ, а потомъ уже о средствахъ. Журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня жизненныя силы, какъ вампиръ кровь. Обыкновенно, я недѣлю въ мѣсяцъ работаю съ страшнымъ, лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно съ похмелья послѣ двухнедѣльной оргіи, праздно ша-

таюсь и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности. Здоровье, видимо, разрушается. Но трудъ мнѣ не опротивѣлъ. Я больной писалъ большую статью о «Жизни и сочиненіяхъ Кольцова», и работалъ съ наслажденіемъ; въ другое время, я въ 3 недѣли чуть не изготовилъ къ печати цѣлой книги, и эта работа была мнѣ сладка, сдѣлала меня веселымъ, довольнымъ и бодрымъ духомъ. Стало быть, мнѣ невыносима и вредна только срочная журнальная работа; она тупитъ мою голову, разрушаетъ здоровье, искажаетъ характеръ, и безъ того брюзгливый и мелочно-раздражительный. Всякій другой трудъ, не оффиціальный, не ex officio, былъ мнѣ отраденъ и полезенъ. Вотъ первая и главная причина. Вторая—съ г. Краевскимъ невозможно имѣть дѣла. Это, можетъ быть, очень хорошій человѣкъ, но онъ пріобрѣтатель, слѣдовательно, вампиръ, всегда готовый высосать изъ человѣка кровь и душу, а потомъ бросить его за окно, какъ выжатый лимонъ. До меня дошли слухи, что онъ жалуется, что я мало работаю, что онъ выдаетъ себя за моего благодѣтеля, который изъ великодушія держитъ меня, когда уже я ему и ненуженъ. Еще годъ тому назадъ онъ (узналъ я недавно изъ второго источника) въ интимномъ кругу пріобрѣтателей сказалъ: «Бѣлинскій выписался, и мнѣ пора его прогнать». Я живу впередъ забираемыми у него деньгами, я ясно вижу, что онъ не хочетъ мнѣ ихъ давать: значитъ, хочетъ отъ меня отдѣлаться. Мнѣ, во что бы ни стало, надо упредить его. Не говоря уже о томъ, что съ такимъ человѣкомъ мнѣ нельзя имѣть дѣла, хочется дать ему замѣтить, что-де Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Въ журналѣ его я играю теперь довольно послѣднюю роль: ругаю Булгарина, этою самою бранью намекаю, что Краевскій — прекрасный человѣкъ, герой добродѣтели. Служить орудіемъ подлецу для достиженія его подлыхъ цѣлей и ругать другого подлеца не во имя истины и добра, а въ качествѣ холопа подлеца № 1,—это гадко. Что за человѣкъ Краевскій—вы всѣ давно знаете. Вы знаете его позорную исторію съ Кронебергомъ. Онъ отказалъ ему и на его мѣсто взялъ нѣкоего г. Фурмана, въ сравненіи съ которымъ г. Кони и Межевичъ имѣютъ полное право считать себя литераторами перваго разряда. Видите, какая сволочь начала лѣзть въ «Отечественныя Записки». Разумѣется, Краевскій обращается съ Фурманомъ, какъ съ канальей, что̀ его грубо мѣщанско-пропріетерной душѣ очень

пріятно. Забавна одна статья его условія съ Фурманомъ: «Вы слышали (говорилъ ему Краевскій тономъ оскорбленной невинности), что сдѣлалъ со мною Кронебергъ? Я не хочу впередъ такихъ исторій, и для этого вы подпишетесь на условіи, что ваши переводы принадлежатъ мнѣ навсегда, и я имѣю право издавать ихъ отдѣльно; за это я вамъ прибавлю: Кронебергу я платилъ 40 руб. асс. съ листа, вамъ буду платить 12 руб. серебромъ». Итакъ, за два рубля мѣди онъ купилъ у него право на вѣчное потомственное владѣніе его переводами, вмѣсто единовременнаго журнальнаго! Каковъ?.. А вотъ и еще анекдотъ о нашемъ Плюшкинѣ. Ольхинъ даетъ ему 20 руб. сер. на плату за листъ переводчикамъ Вальтеръ-Скотта, а Краевскій платитъ имъ только 40 руб. асс., слѣдовательно, воруетъ по 30 руб. съ листа (а за редакцію беретъ деньги своимъ чередомъ). Ольхинъ, узнавъ объ этомъ, пошелъ къ нему браниться. Видя, что дѣло плохо, Краевскій велѣлъ подать завтракъ, послалъ за шампанскимъ, ѣлъ, пилъ и цѣловался съ Ольхинымъ, и тотъ, въ восторгѣ отъ такой чести, вышелъ вполнѣ удовлетвореннымъ и позволилъ и впредь обворовывать себя. Чѣмъ же Булгаринъ хуже Краевскаго? Нѣтъ, Краевскій во сто разъ хуже и теперь въ 1000 разъ опаснѣе Булгарина. Онъ захватилъ все, овладѣлъ всѣмъ. Кронебергъ предлагалъ Ольхину переводить въ «Библіотеку для Чтенія» (которой Ольхинъ сдѣлался теперь владѣльцемъ), и Ольхинъ сказалъ ему: «Радъ бы, да не могу—боюсь, Краевскій разсердится на меня».

Чтобы отдѣлаться отъ этого стервеца, мнѣ нужно имѣть хоть 1,000 руб. серебромъ, потому что я забралъ у Краевскаго до 1 числа апрѣля и долженъ буду до этого времени работать, не получая денегъ, но зарабатывая уже полученныя, а безъ денегъ нельзя жить съ семействомъ. Открываются кое-какіе виды на 2,500 руб. асс., остальную тысячу какъ-нибудь авось найдемъ. Къ Пасхѣ я издаю толстый, огромный альманахъ. Достоевскій даетъ повѣсть, Тургеневъ—повѣсть и поэму, Некрасовъ — юмористическую статью въ стихахъ («Семейство»,—онъ на эти вещи собаку съѣлъ), Панаевъ — повѣсть; вотъ уже пять статей есть; шестую напишу самъ; надѣюсь у Майкова выпросить поэмку. Теперь обращаюсь къ тебѣ: повѣсть или жизнь! Если бы, сверхъ этого, ты далъ что-нибудь печальное, журнальное, юмористическое, о жизни или россійской словесности, или о томъ и другомъ вмѣстѣ, хорошо бы было! Но я хочу не одного легкаго и потому прошу Грановскаго, нельзя ли исторической статьи, лишь

бы имѣла общій интересъ и смотрѣла беллетристически. На всякій случай, скажи юному профессору Кавелину, нельзя ли и отъ него поживиться чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Его лекціи, которыхъ начало онъ прислалъ мнѣ (за что я благодаренъ ему до нельзя), чудо, какъ хороши; основная мысль ихъ о племенномъ и родовомъ характерѣ русской исторіи въ противуположность личному характеру западной исторіи—геніальная мысль, и онъ развиваетъ ее превосходно. Ахъ, если бы онъ далъ мнѣ статью, въ которой бы онъ развилъ эту мысль, сдѣлавъ сокращеніе изъ своихъ лекцій, я бы не зналъ, какъ и благодарить его! Самъ я хочу написать что-нибудь о современномъ значеніи поэзіи. Такимъ образомъ, были бы повѣсти, юмористическія стихотворенія и статьи серьезнаго содержанія—и альманахъ вышелъ бы на славу. Кстати, попроси Кетчера попросить у Галахова (ста одного) какого-нибудь разсказца (я бы заплатилъ ему, какъ и многимъ изъ вкладчиковъ, по выходѣ альманаха). Теперь о твоей повѣсти. Ты пишешь 2-ю часть «Кто виноватъ»? Если она будетъ такъ же хороша, какъ 1-я часть, — она будетъ превосходна; но если бы ты написалъ новую другую, и еще лучше, я, все-таки, лучше бы хотѣлъ имѣть 2-ю часть «Кто виноватъ?», чтобы имѣть удовольствіе замѣтить въ выноскѣ, что-де 1-я часть этой повѣсти была напечатана въ такомъ-то № «Отечественныхъ Записокъ». Понимаешь? Когда я кончу мои работы въ «Отечественныхъ Запискахъ» начисто, то пошлю въ редакцію «Сѣверной Пчелы» письмо, прося извѣстить публику, что я больше не принимаю никакого участія въ «Отечественныхъ Запискахъ». Это произведетъ свой эффектъ. Если вы не будете давать ему ни строки, равно какъ и никто изъ порядочныхъ людей, можетъ быть, что ему на будущій годъ нельзя будетъ и объявить подписки. Впрочемъ, немудрено, что онъ и самъ давно рѣшилъ прекратить изданіе (вѣдь, у него послѣ нынѣшняго года будетъ въ ломбардѣ не менѣе 400,000 асс.)—пусть же кончитъ срамно; если же нѣтъ, то почувствуетъ, что̀ я для него значу, и тогда я предпишу ему хорошія условія.

Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло. Отвѣчай мнѣ скорѣе. Анекдоты о Краевскомъ можешь пустить по Москвѣ, только не говори, что узналъ ихъ отъ меня. Но о моемъ намѣреніи оставить «Отечественныя Записки»—пока тайна; кромѣ того, я хочу раздѣлаться съ Краевскимъ политично, съ сохраненіемъ всѣхъ конвенансовъ, и буду вредить ему, какъ человѣкъ comme il faut. Объ

альманахѣ тоже (если можно и сколько можно) держать въ секретѣ. Скажи Кавелину, что его порученіе въ деньгахъ выполнить не могу: въ эти дѣла я давно уже далъ себѣ слово не вмѣшиваться, а теперь я съ этимъ канальей тѣмъ болѣе не могу говорить ни о чемъ, кромѣ, что прямо относится ко мнѣ. Анненковъ 8 января ѣдетъ. Въ Берлинѣ увидится съ Кудрявцевымъ, и, можетъ быть, я и отъ этого получу повѣсть. Увидя столько въ моемъ альманахѣ повѣстей, отнятыхъ у «Отечественныхъ Записокъ», Краевскій сдѣлается боленъ—у него разольется желчь. Анненковъ тоже пришлетъ что-нибудь вродѣ путевыхъ замѣтокъ. Я печатаю Кольцова съ Ольхинымъ—онъ печатаетъ, а барышъ пополамъ: это еще видъ въ будущемъ, для лѣта. Къ Пасхѣ же я кончу 1-ю часть моей «Исторіи русской литературы». Лишь бы извернуться на первыхъ-то порахъ, а тамъ, я знаю, все пойдетъ лучше, чѣмъ было: я буду получать не меньше, если еще не больше, за работу, которая будетъ легче и пріятнѣе. Жму тебѣ руку, Наталіи Александровнѣ также, потомъ всѣмъ тожъ, и съ нетерпѣніемъ жду твоего отвѣта.

В. Б.

Къ А. И. Герцену. 14 января, 1846.

Спб. 1846, января 14.

Наѣлся же я порядкомъ грязи, полѣнившись написать тебѣ мой адресъ, и думая, что тебѣ скажетъ его Кетчеръ. Вотъ онъ: на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста, въ домѣ Лопатина, кв. № 43.

Несказанно благодаренъ я тебѣ, любезный Герценъ, что ты не замедлилъ отвѣтомъ, котораго я ожидалъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Не могу спорить противъ того, чтобы ты дѣйствительно не имѣлъ своихъ причинъ не желать отказать Кузьмѣ Рощину въ продолженіи твоей повѣсти. Дѣлай, какъ знаешь. Но только на новую повѣсть твою мнѣ плоха надежда. Альманахъ долженъ выйти къ Пасхѣ; времени мало. Пора уже собирать и въ цензуру представлять. Цензоровъ у насъ мало, а работы у нихъ гибель, оттого они страшно задерживаютъ рукописи. Чтобы ты успѣлъ написать новую повѣсть—невѣроятно, даже невозможно. Притомъ же, бросивши продолжать и доканчивать старую, чтобы начать новую, ты испортишь себѣ. Я увѣренъ, что ты не

захочешь оставить меня безъ твоей повѣсти, но данное слово Рощину тоже что-нибудь да значитъ. Дѣлай, какъ знаешь, а мое мнѣніе вотъ какое: надо сплутовать. Напиши къ нему письмо (пошутливѣе), что твой пегасъ охромѣлъ, и повѣсть твоя, сначала шедшая хорошо, пошла вяло, надоѣла тебѣ, и ты ее забросилъ до времени. А потомъ, какъ я скажу тебѣ, что пора, напиши къ нему, что-де, къ крайнему твоему прискорбію, ты никакъ не могъ долго колебаться между обязанностью выполнить слово, данное подлецу и чуждому тебѣ человѣку, и между необходимостью помочь въ бѣдѣ порядочному человѣку и пріятелю твоему; но что за неустойку ты дашь ему другую повѣсть когда-нибудь. Вотъ и все. Мое отсутствіе изъ «Отечественныхъ Записокъ» скоро будетъ замѣтно, и когда-нибудь ты можешь замѣтить ему, что ты готовъ быть сотрудникомъ направленія, принципа, но не человѣка, особенно, если этотъ человѣкъ мошенникъ. Ты съумѣешь сказать все это такъ, что оно будетъ понятно, а придраться не къ чему. Насчетъ писемъ Боткина объ Испаніи нечего и говорить: разумѣется, давайте. Анненковъ уѣхалъ 8 числа и увезъ съ собою мои послѣднія радости, такъ что я теперь живу вовсе безъ радостей.

Ахъ, братцы, плохо мое здоровье—бѣда! Иногда, знаете, лѣзетъ въ голову всякая дрянь, напр., какъ страшно оставить жену и дочь безъ куска хлѣба и пр. До моей болѣзни прошлою осенью я былъ богатырь въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ я теперь. Не могу поворотиться на стулѣ, чтобы не задохнуться отъ истощенія. Полгода, даже 5 мѣсяцевъ за границею—и, можетъ быть, я лѣтъ на пятокъ или болѣе опять пошелъ бы, какъ ни въ чемъ не бывало. Но бѣдность не порокъ, а хуже порока. Бѣднякъ—подлецъ, который долженъ самъ себя презирать, какъ парію, не имѣющую права даже на солнечный свѣтъ. «Отечественныя Записки» и петербургскій климатъ доконали меня. Съ чего-то, по обычаю всѣхъ нищихъ фантазеровъ, я прошлою весной возложилъ было великія надежды на Огарева. И, конечно, мои надежды на его сердце и душу нисколько не были нелѣпы; но я уже послѣ убѣдился, что человѣкъ безъ воли и характера—такой же подлецъ, какъ и человѣкъ безъ денегъ, и что всего глупѣе надѣяться на того, кто по горло въ золотѣ умираетъ съ голоду.

Статьи у Галахова просить не нужно. Это половинчатый человѣкъ. Въ немъ много хорошаго, но это хорошее на откупу у Давыдова и Кузьмы Рощина. О Кавелинѣ ты говоришь дѣло:

я бы самъ не рѣшился взять у него статьи даромъ. А насчетъ того, что̀ пишешь ты о деньгахъ мнѣ, право, мнѣ совѣстно и больно говорить. Кого я не грабилъ — даже Кетчера, богатаго человѣка! Ну, да теперь не до того,—теперь больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, я имѣю право быть подлецомъ. Что-жъ дѣлать, свѣтъ подло устроенъ. Ужъ, конечно, и ты совсѣмъ не богачъ, имѣешь нужное, но не лишнее, а Огаревъ — богачъ не только предо мною или Кетчеромъ, нищими подлецами, но и передъ тобою, человѣкомъ, по крайней мѣрѣ, обезпеченнымъ, слѣдовательно, почти честнымъ; но выходитъ, что я грабилъ и граблю не только тебя, но и Кетчера, а не Огарева. Тьфу ты къ чорту! да что я присталъ къ Огареву, какъ будто бы онъ на то и родился богатымъ, чтобы быть моимъ опекуномъ или богатымъ дядею? Все это очень подло, а подло потому, что я нищъ и боленъ, на себя не надѣюсь и готовъ хвататься за соломенку. Не знаю, откуда возьмешь ты 500 рублей, но если можешь достать, то шли скорѣе: я твердо рѣшился не брать у Краевскаго ни копѣйки.

Пожми за меня крѣпко руку Коршу и М. С. Щепкину, вѣдь, они тоже подлецы страшные, какъ и я, и питаются собственнымъ потомъ и кровью. Михаилу Семеновичу насчетъ собственнаго поту и крови еще есть чего лизнуть—толстъ, потливъ и полнокровенъ; но какъ Коршъ до сихъ поръ не съѣлъ самого себя—не понимаю.

Прощай. О поклонахъ моихъ Натальѣ Александровнѣ я рѣшился никогда не писать: она должна знать, что я всегда носомъ моего сердца обоняю почку розы ея благополучія (я, братецъ, недавно опять прочелъ «Хаджи-Бабу» и проникся духомъ восточной реторики). А Грановскаго понукай — нельзя ли хоть чего-нибудь вродѣ извлеченія изъ его теперешнихъ публичныхъ лекцій. Что до участія въ литературномъ прибавленіи къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», тутъ для меня нѣтъ ничего. Да мнѣ лишь бы на первый-то случай какъ-нибудь извернуться, а у меня и своей работы прòпасть,—работы, которая дастъ мнѣ хорошія деньги. О новомъ журналѣ въ Питерѣ подумываютъ многое, имѣя меня въ виду, и я знаю, что мнѣ не дадутъ и 2-хъ лѣтъ поблаженствовать безъ проклятой журнальной работы.

Прощай.

В. Б.

Вотъ и еще приписочка, въ которой еще разъ прошу тебя и всѣхъ васъ держать въ тайнѣ это дѣло, потому что это можетъ мнѣ повредить. Отъ тайны будетъ зависѣть мой перевѣсъ надъ жидомъ: въ объясненіи съ нимъ—мнѣ надо упредить его. Это не человѣкъ, а дьяволъ; но многое у него—не столько скупость, сколько разсчетъ. Онъ даетъ мнѣ разбирать нѣмецкіе, французскіе, латинскіе буквари, грамматики; недавно я писалъ объ итальянской грамматикѣ. Все это не потому только, чтобы ему жаль было платить другимъ за такія рецензіи, кромѣ платы мнѣ, но и потому, чтобы заставить меня забыть, что я закваска, соль, духъ и жизнь его пухлаго, водяного журнала (въ которомъ все хорошее—мое, потому что безъ меня ни ты, ни Боткинъ, ни Тургеневъ, ни многіе другіе ему ничего бы не давали), и заставить меня увѣриться, что я просто—чернорабочій, который беретъ не столько качествомъ, сколько количествомъ работы. Святители! о чемъ не пишу я ему, какихъ книгъ не разбираю! И по части архитектуры (да еще какой: византійской!), и по части медицины... Онъ сдѣлалъ изъ меня враля, шарлатана, свою собаку, осла, на которомъ онъ выѣзжаетъ въ Ерусалимъ своихъ успѣховъ. Булгаринъ ему въ ученики не годится. Но—что я болтаю—развѣ всего этого вы не знаете сами?

Портретъ Грановскаго вышелъ у Борб. — чудо изъ чудесъ, твой, о, Герценъ, очень похожъ, но никому не нравится. Это не ты,—ты долженъ быть веселъ, съ улыбкою. У ногъ Зевса я хочу видѣть орла, у ногъ Искандера я хочу видѣть рядъ бутылокъ съ нѣсколькими, для разнообразія, штофами; при Зевсѣ долженъ быть Ганимедъ, при Искандерѣ—Кетчеръ, наливающій, подливающій, возливающій и осушающій (ревущій левъ зачѣмъ? — это само по себѣ). Портретъ Натальи Александровны—прелесть; я готовъ былъ бы украсть его, еслибъ представился случай. Какъ хорошъ портретъ Щепкина! Слеза, братецъ мой, чуть не прошибла меня, когда я увидѣлъ эти старыя, но прекрасныя, съ ихъ старостью, черты. Мнѣ показалось, будто онъ, друзьяка, самъ вошелъ ко мнѣ. Кто хочетъ убѣдиться, что старость имѣетъ свою красоту, пусть посмотритъ на этотъ портретъ, если не можетъ видѣть подлинника. О портретахъ твоихъ дѣтей не сужу,—Саша измѣняется, другихъ я не видалъ. Они понравились моей дочери—она пробовала даже ихъ ѣсть, но стекло помѣшало... Ну, прощайте. Смотрите же—никому, кромѣ нашихъ близкихъ. Ахъ, говорятъ, бѣднякъ Огаревъ умираетъ съ голоду за гра-

ницею; что бы вамъ сложиться по подпискѣ помочь ему: я бы тоже пожертвовалъ 1 рубль серебромъ.

Къ А. И. Герцену. 26 января, 1846.

Спб. 1846, января 26.

Твое рѣшеніе, любезный Герценъ, отдать «Кто виноватъ?» Краевскому, а не мнѣ, совершенно справедливо. Подлости другихъ не даютъ намъ право поступать подло даже съ подлецами. Но только мнѣ, соглашаясь, что ты правъ, приходится волкомъ выть. Я думалъ, что у меня будутъ двѣ капитальныя повѣсти—Достоевскаго и твоя, а мнѣ надо брать повѣстями. Я еще не знаю, успѣешь ли ты мнѣ написать двѣ вещицы, какъ обѣщаешь,—уже одно то, что это не повѣсти въ твоемъ родѣ, т.-е. съ глубокою гуманною мыслью въ основѣ, при внѣшней веселости и легкости—важно. Такія вещи, какъ «Кто виноватъ?» не часто приходятъ въ голову, а, между тѣмъ, одной такой вещи достаточно бы для успѣха альманаха.

Какъ васъ всѣхъ благодарить за ваше участіе, не знаю, и не считаю нужнымъ, но не могу не сказать, что это участіе меня глубоко трогаетъ. Я раздумался и созналъ, что въ одномъ отношеніи былъ вполнѣ счастливъ—много людей любили меня больше, нежели сколько я стоилъ. Цѣловаться не съ женщинами въ нашъ просвѣщенный XIX вѣкъ и глупо, и пошло,—такъ хоть стукни побольнѣе Михаила Семеновича за меня, въ изъявленіе моихъ къ нему горячихъ чувствъ. Статьѣ г. Соловьева очень радъ, что̀, однако, не мѣшаетъ мнѣ печалиться о томъ, что при ней не будетъ статьи шепеляваго профессора. И статья была бы на славу, и имя автора—все это, братецъ, не что-нибудь такъ. А, все-таки, мнѣ хотѣлось бы, чтобы Кавелинъ, о чемъ бы ни писалъ, коснулся своего взгляда на русскую исторію въ сравненіи съ исторіей Западной Европы. А то украду, ей Богу, украду—скажи ему. Такія мысли держать подъ спудомъ грѣхъ.

Удивили и обрадовали меня двѣ строки твои о Станкевичѣ: «Ѣдетъ за границу и очень бы желалъ тебя взять. Стоитъ рѣшиться». Чего же лучше? Одолжаться вообще непріятно чѣмъ бы то ни было, и одолжать пріятнѣе; но если уже такая доля, то лучше одолжаться порядочными людьми или вовсе никѣмъ не одолжаться. Я Александра Станкевича хорошо узналъ въ его

пріѣздъ въ Питеръ, и мнѣ быть одолженнымъ ему будетъ такъ же легко, сколько легко быть одолженнымъ всякимъ человѣкомъ, котораго много любишь и много уважаешь, а поэтому считаешь близкимъ и роднымъ себѣ. Мнѣ нужно только знать—какъ и какимъ образомъ, когда, а, главное, не стѣснитъ ли это его и не повредитъ ли хоть сколько-нибудь его отношеніямъ къ отцу? Гдѣ онъ? Напиши поскорѣе, ради Аллаха, да кстати скажи ему: нельзя ли де поскорѣе повѣстицы или разсказца—онъ тиснулъ уже таковой въ Питерѣ—на славу. А самъ ты, коли писать для альманаха, такъ брось сборы и пиши, да и другихъ торопи. Времени мало; просрочить—значитъ все испортить. Если Станкевичъ ѣдетъ весною, благодаря альманаху, я оставлю семейство не при чемъ, да и ворочусь ни съ чѣмъ; если онъ ѣдетъ осенью, я, можетъ быть, и своихъ деньжонокъ прихвачу, да, пожалуй, еще и такъ, что чужихъ не нужно будетъ, а если и нужно, то немного. Все это важно.

Пока довольно. Скоро буду писать больше, по оказіи. Отрывокъ изъ записокъ Михаила Семеновича—вещь драгоцѣнная; я вспрыгнулъ, какъ прочелъ, что̀ онъ хочетъ дать. Это будетъ одинъ изъ перловъ альманаха. Что Кетчеръ говорилъ Галахову—ничего; если дастъ что порядочное, не мѣшаетъ; я заплачу—однако, съ концомъ. Объ оставленіи мною «Отечественныхъ Записокъ» говорить еще не нужно. Мнѣ надо помедлить недѣлю, другую—не больше.

Прощай. Кланяйся всѣмъ и скажи Сашѣ, что тебѣ, молъ, кланяется

Бѣлинскій.

Альманахъ Некрасова деретъ; больше 200 экземпляровъ продано съ понедѣльника (21 января) по пятницу (25).

Къ А. И. Герцену. 6 февраля, 1846.

Спб., 1846, февраля 6.

Письмо и деньги твои (100 рублей серебромъ) получилъ вчера, любезный мой Герценъ,—за что все не благодарю, потому что это лишнее. Радъ я несказанно, что нѣтъ причины опасаться не получить отъ тебя ничего для альманаха, такъ какъ «Сорока-Воровка» кончена и придетъ ко мнѣ во̀-время. А, все-таки, грустно и

больно, что «Кто виноватъ?» ушелъ у меня изъ рукъ. Такія повѣсти (если 2 и 3 часть не уступаютъ первой) являются рѣдко, и въ моемъ альманахѣ она была бы капитальной статьей, раздѣляя восторгъ публики съ повѣстью Достоевскаго («Сбритыя бакенбарды»), а это было бы больше, нежели сколько можно желать издателю альманаха даже и во снѣ, не только на яву. Словно бѣсъ какой дразнитъ меня этою повѣстью, и, разставшись съ нею, я все не перестаю строить на ея счетъ предположительные планы, напр., перепечаталъ бы и первую часть изъ «Отечественныхъ Записокъ» вмѣстѣ съ двумя остальными и этимъ началъ бы альманахъ. Тогда фурорный успѣхъ альманаха былъ бы вѣрнѣе того, что Погодинъ—воръ, Шевырко—дуракъ, а Аксаковъ—шутъ. Но, повторяю, соблазнителемъ невинности твоей совѣсти быть не хочу, а только не могу не замѣтить, кстати, что исторія этой повѣсти мнѣ сильно открыла глаза на причину успѣховъ въ жизни мерзавцевъ: они поступаютъ съ честными людьми, какъ съ мерзавцами, а честные люди за это поступаютъ съ мерзавцами, какъ съ людьми, которые словно во сто разъ честнѣе ихъ, честныхъ людей. Борьба неравная! Удивительно ли, что успѣхъ на сторонѣ мерзавцевъ? По крайней мѣрѣ, потѣшь меня однимъ: сдери съ Рощина рублей по 80 серебромъ, или ужъ ни въ какомъ случаѣ не меньше 250 асс. за листъ. Повѣсть твоя имѣла успѣхъ страшный, и требованіе такой цѣны за ея продолженіе никому не покажется страннымъ. Отдавая 1-ю часть ты имѣлъ право не дорожить ею, потому что не зналъ ея цѣны. Теперь другое дѣло. Некрасовъ хочетъ сдѣлать именно это. Онъ обѣщалъ Рощину повѣсть еще весною и впередъ взялъ у него 50 руб. серебромъ, а о цѣнѣ не условился. Вотъ онъ и хочетъ проситъ 250 руб. асс. за листъ, чтобы отдать ее мнѣ, если тотъ испугается такой платы, или наказать его ею, если согласится. Чтобы мой альманахъ устоялъ послѣ «Петербургскаго Сборника», необходимо во что бы то ни стало сдѣлать его гораздо толще, не менѣе 50 листовъ (можно и больше), а потомъ больше повѣстей изъ русской жизни, до которыхъ наша публика страшно падка. А потому я повѣсти Некрасова—будь она не больше, какъ порядочна—буду радъ до нельзя.

Что статья Кавелина будетъ дьявольски хороша, въ этомъ я увѣренъ, какъ нельзя больше. Ея идея (а отчасти и манера Кавелина развивать эту идею) мнѣ извѣстна, этого довольно, чтобы смотрѣть на эту статью, какъ на что-то весьма необыкновенное.

Впрочемъ, не подумай, чтобы я не дорожилъ твоею «Сорокой-Воровкой»: увѣренъ, что это граціозно-остроумная и, по твоему обыкновенію, дьявольски умная вещь; но послѣ «Кто виноватъ» во всякой твоей повѣсти не такой пробы ты всегда будешь безъ вины виноватъ. Если бы я не цѣнилъ въ тебѣ человѣка такъ же много, или еще и больше, нежели писателя, я, какъ Потемкинъ Фонвизину, послѣ представленія «Бригадира», сказалъ бы тебѣ: «Умри, Герценъ!», но Потемкинъ ошибся: Фонвизинъ не умеръ, и потому написалъ «Недоросля». Я не хочу ошибаться, и вѣрю, что послѣ «Кто виноватъ?» ты напишешь такую вещь, которая заставитъ всѣхъ сказать о тебѣ: «Правъ, собака! Давно бы ему приняться за повѣсти!» Вотъ тебѣ и комплиментъ, и посильный каламбуръ.

Ты пишешь: «Грановскій могъ бы прислать изъ послѣдующихъ лекцій». Если могъ бы, то почему же не пришлетъ? Зачѣмъ тутъ «бы»? Статьѣ г. Соловьева я радъ несказанно и прошу тебя поблагодарить его отъ меня за нее.

По экземпляру вкладчикамъ, по законамъ вѣжливости гніющаго запада, дарится отъ издателя всѣмъ, и давшимъ статью даромъ, и получившимъ за нее деньги. А отпечатать 50 экземпляровъ особо той или другой статьи—дѣло плевое и не стоющее издателю ни хлопотъ, ни траты. Но если мой альманахъ пойдетъ хорошо (на что я имѣю не совсѣмъ безосновательныя причины надѣяться), то я не вижу никакой причины не заплатить Кавелину и г. Соловьеву,—вѣдь, я долженъ буду получить большія выгоды. Будетъ съ меня и того, что эти люди съ такою благородною готовностью спѣшатъ помочь мнѣ безъ всякихъ разсчетовъ. Въ случаѣ неуспѣха, я не постыжусь остаться одолженнымъ ими: зачѣмъ же имъ стыдиться получить отъ меня законное вознагражденіе за трудъ, въ случаѣ успѣха съ моей стороны? Это ужъ было бы слишкомъ по-московски прекраснодушно. Въ случаѣ успѣха, и ты, о, Герценъ, будешь пьянъ на мои деньги, да напоишь редереромъ (удивительное вино: я выпиваю его по цѣлой бутылкѣ съ большою пріятностью и безъ ущерба здравію) и Кетчера и всѣхъ нашихъ; а я въ тотъ самый день (по условію) нарѣжусь въ Питерѣ. По части шампанскаго Кетчеръ—мой крестный отецъ, и я не знаю, какъ и благодарить его. Ко всѣмъ солиднымъ винамъ (за исключеніемъ хереса, къ которому чувствую еще нѣкоторую слабость) питаю полное презрѣніе и, кромѣ шампанскаго, никакого ни капли въ ротъ, а

шампанское тотчасъ же послѣ супу. Ожидалъ ли ты отъ меня такого прогресса?

Статьѣ г. Мельгунова очень радъ, нечего и говорить объ этомъ. Не знаю, что̀ онъ напишетъ, но увѣренъ, что все будетъ человѣчески хорошо. Поблагодари его отъ меня.

А когда Станкевичъ думаетъ ѣхать? Увѣдомь. И когда Михаилъ Семеновичъ думаетъ выслать отрывокъ изъ записокъ? Этотъ гостинецъ словно съ неба свалился мнѣ,—и мнѣ страшно одной мысли, чтобъ онъ какъ-нибудь не увернулся отъ меня, и я до тѣхъ поръ не смѣю считать его своимъ, пока не уцѣплюсь за него и руками, и зубами.

Это письмо пишется къ тебѣ наканунѣ его отправленія (5 февраля), а завтра, братецъ ты мой, посылается къ г. Краевскому цыдулка съ возвѣщеніемъ о выходѣ изъ его службы. Думаю, что отвѣтитъ: какъ-де хотите; но не считаю невозможнымъ, что, одумавшись, примется и за переговоры. Но ни за что не соглашусь губить здоровье и жизнь на каторжную работу. Надо хоть отдохнуть; а тамъ, если опять запрячься въ журналъ, то ужъ въ такой, гдѣ бы я былъ и редакторомъ, а не сотрудникомъ только. Увидишь, какой эффектъ произведетъ на славянофиловъ статья во 2 № «Отечественныхъ Записокъ»: «Голосъ въ защиту отъ голоса Москвитянина».

Пишешь ты: сегодня бенефисъ Щепкина, а когда было это «сегодня» — Аллахъ вѣдаетъ — на письмѣ числа не выставлено. Увѣдомь, какъ сошелъ бенефисъ.

Альманахъ Некрасова деретъ, да и только. Только три книги на Руси шли такъ страшно: «Мертвыя души», «Тарантасъ» и «Петербургскій Сборникъ». Эхъ, какъ бы моя попала въ четвертыя! Письма Боткина получилъ.

Прощай. Что Кетчеръ? Какъ-то недавно во снѣ я ужасно обрадовался его пріѣзду въ Питеръ и весьма любезно съ нимъ лобызался, но—что очень странно—шампанскаго не пилъ. Итакъ, крестному папенькѣ крѣпко жму руку, а равно и всѣмъ вамъ.

Твой В. Бѣлинскій.

Какой это Соколовъ такъ жестоко отвалялъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» бѣднаго Ефремова? Жаль даже.

А какъ бы придумать моему альманаху названіе попроще и получше? Оно затрудняетъ меня.

Къ А. И. Герцену. 19 февраля, 1846.

Спб. Февраля 19.

Деньги и статьи получилъ. Кетчера ототкнуть и откупорить можешь. Ходъ дѣла былъ чрезвычайный. Я, будто мимоходомъ, увѣдомилъ Рощина, предлагавшаго мнѣ взять у него денегъ, что, спасая здоровье и жизнь, бросаю работу журнальную и прошу только додать мнѣ рублей 50 серебромъ, остающихся за нимъ по 1 апрѣля. Въ отвѣтъ получаю, что безъ меня онъ не можетъ счесться, что, дескать, придите — обо всемъ перетолкуемъ. Прихожу. Сцена была интересная. Онъ явно былъ смущенъ. Не зналъ, какъ начать—думалъ шуткою, да не вышло. Онъ ожидалъ, можетъ быть, что я намекну о недостаточности платы, а я холодно и спокойно заговорилъ о жизни и здоровьѣ. «Да, вѣдь, надо же работать-то». — «Буду дѣлать, что мнѣ пріятно, и не стѣсняясь срочностью». — «Гмъ! Какъ же это? Надо подумать объ «Отечественныхъ Запискахъ». Что дѣлаетъ Кронебергъ?»—«Не знаю».— «Гмъ! а Некрасовъ?» и т. д. Наконецъ: «не знаете ли кого?» Вообще былъ сконфуженъ сильно, но опасности своей не понимаетъ—это ясно. Онъ смотритъ на меня не какъ на душу своего журнала, а какъ на работящаго вола, котораго трудно замѣнить, но потеря котораго все же не есть потеря всего. Видите ли, онъ не только скупъ, но и тупъ въ соразмѣрности. Теперь понятно, что, платя мнѣ бездѣлицу, онъ искренно считалъ себя моимъ благодѣтелемъ. Въ апрѣлѣ ѣдетъ въ Москву — кажется, переманивать въ Петербургъ Галахова. Желаю успѣха. Сначала я рѣшился отказаться по чувству глубокаго оскорбленія, глубокаго негодованія: а теперь у меня къ нему нѣтъ ничего. Быть съ нимъ вмѣстѣ мнѣ тяжело, потому что я не способенъ играть комедію; но вотъ и все. Ты пишешь, что не знаешь, радоваться или нѣтъ. Отвѣчаю утвердительно: радоваться. Дѣло идетъ не только о здоровьѣ — о жизни и умѣ моемъ. Вѣдь, я тупѣю со дня на день. Памяти нѣтъ, въ головѣ хаосъ отъ русскихъ книгъ, а въ рукѣ всегда готовыя общія мѣста и низенькая манера писать обо всемъ. Ты правъ, что пьеса Некрасова «Въ дорогѣ» превосходна; онъ написалъ и еще нѣсколько такихъ же и напишетъ ихъ еще больше; но онъ говоритъ, это оттого, что онъ не работаетъ въ журналѣ. Я понимаю это. Отдыхъ и свобода не научатъ меня стихи писать, но дадутъ мнѣ возможность

писать такъ хорошо, какъ дано мнѣ писать. А то, вѣдь, я давно уже не пишу... А что я могу прожить и безъ «Отечественныхъ Записокъ», можетъ быть, еще лучше, это, кажется, ясно. Въ головѣ у меня много дѣльныхъ предпріятій и затѣй, которыя при «Отечественныхъ Запискахъ» никогда бы не выполнить, и у меня есть теперь имя, а это много.

Твоя «Сорока-Воровка» отзывается анекдотомъ, но разсказана мастерски и производитъ глубокое впечатлѣніе. Разговоръ — прелесть, умно чертовски. Одного боюсь: всю запретятъ. Буду хлопотать, хотя въ душѣ и мало надежды. Мысль «Записокъ медика» прекрасна, и я увѣренъ, что ты мастерски воспользуешься ею. Статья «Даніилъ Галицкій» — дѣльный и занимательный монографъ, мнѣ очень нравится. Вѣдь, это г. Соловьева? Почему онъ не выставилъ имени? Узнай стороной и увѣдомь. О статьѣ Кавелина нечего и говорить, — это чудо. Итакъ, вы, лѣнивые и бездѣятельные москвичи, оказались исправнѣе нашихъ петербургскихъ скорописцевъ. Спасибо вамъ!

А что мой альманахъ долженъ быть слономъ или левіаѳаномъ, это такъ. Пьеса Некрасова «Въ дорогѣ» нисколько не виновата въ успѣхѣ альманаха. «Бѣдные люди» — другое дѣло, и то потому, что о нихъ заранѣе прошли слухи. Сперва покупаютъ книгу, а потомъ читаютъ; люди, поступающіе наоборотъ, у насъ рѣдки, да и тѣ покупаютъ не альманахи. Повѣрь мнѣ, между покупателями «Петербургскаго Сборника» много-много есть людей, которымъ только и понравится статья Панаева «О парижскихъ увеселеніяхъ». Мнѣ рисковать нельзя; мнѣ нуженъ успѣхъ вѣрный и быстрый, нужно, что называется, сорвать банкъ Одинъ альманахъ разошелся — глядь, за нимъ является другой — покупатели ужъ смотрятъ на него недовѣрчиво. Имъ давай новаго, повтореній они не любятъ. У меня тѣ же имена, кромѣ твоего и Михаила Семеновича. Когда альманахъ порядкомъ разойдется, тогда статья Кавелина поможетъ его окончательному ходу, а сперва она испугаетъ всѣхъ своимъ названіемъ — скажутъ: ученость, сушь, скука! Итакъ, мнѣ остается разсчитывать на множество повѣстей да на толщину баснословную. И вѣрь мнѣ: я не ошибусь. Вы, москвичи, народъ немножко идеальный, вы способны написать или собрать хорошую книгу, но продать ее не ваше дѣло: тутъ вамъ остается только снять шляпу да низко намъ поклониться. Прозаическій переводъ Шекспира — вещь хорошая; но примись Кетчеръ за дѣло поумнѣе,

черезъ насъ, у него было бы втрое больше покупателей, пошло бы лучше. И благородная цѣль была бы достигнута вѣрнѣе, и карманъ переводчика чаще бы видѣлся съ Депре. Я знаю только одну книгу, которая не нуждается даже въ объявленіи для столицъ: это 2-я часть «Мертвыхъ Душъ». Но, вѣдь, такая книга только одна и была на Руси. Что же до цѣны, альманахъ Некрасова очень дешевъ. «Вчера и сегодня» стоитъ 150 коп. сер., а, вѣдь, дороже «Петербургскаго Сборника». Рискнуть потратить на книгу тысячъ пять, да не положить за нее 14 р.—невозможно. Политипажи—дѣло доброе: они вербуютъ тѣхъ покупателей, которые иначе не читаютъ книгъ, какъ только глазами, а для кармана всѣ покупатели хороши. Я въ альманахѣ Некрасова знаю толку больше, нежели большая часть купившихъ его, а не купилъ бы его и при деньгахъ, за то купилъ бы порядочный переводъ Тацита, если бы такой вышелъ, и ты тоже; а покупатели альманаховъ Тацита не купили бы,—и отъ «Иліады» Гнѣдича сладко спится.

Бѣднаго Языкова постигло страшное несчастье—у него умеръ Саша—чудесный мальчикъ. Бѣдная мать чуть не сошла съ ума, молоко готовилось броситься ей въ голову, она уже заговаривалась. Страшно подумать, смерть двухмѣсячнаго ребенка! Моей дочери только восемь мѣсяцевъ, а я ужъ думаю: если тебѣ суждено умереть, зачѣмъ ты не умерла полгода назадъ? Чего стоитъ матери родить ребенка, чего стоитъ поставить его на ноги, чего стоитъ ребенку пройти черезъ прорѣзываніе зубовъ, крупы, кори, скарлатины, коклюши, поносы, запоры—смерть такъ и бьется за него съ жизнью, и если жизнь побѣждаетъ, то для того, чтобы ребенокъ сдѣлался со временемъ чиновникомъ или офицеромъ, барышнею и барынею! Было изъ чего хлопотать! Смѣшно и страшно! Жизнь наполнена ужаснаго юмора. Бѣдный Языковъ!

Коли мнѣ не ѣхать за границу, такъ и не ѣхать. У меня давно уже нѣтъ жгучихъ желаній, и потому мнѣ легко отказываться отъ всего, что не удается. Съ Михаиломъ Семеновичемъ въ Крымъ и Одессу очень бы хотѣлось; но семейство въ Петербургѣ оставить на лѣто не хочется, а переѣхать ему въ Гапсаль—двойные расходы. Впрочемъ, посмотрю.

Твоему пріѣзду въ апрѣлѣ радъ до-нельзя.

Зачѣмъ ты прислалъ мнѣ диссертацію Надеждина—не понимаю. Развѣ для вѣса посылки? Это другое дѣло.

Если будешь писать къ Рощину, пиши такъ, чтобы я тутъ былъ въ сторонѣ. И вообще, въ этомъ дѣлѣ всего лучше поступать политично. Наприм., изъяви ему свое искреннее сожалѣніе, что чертовская журнальная работа, разборы букварей, глупыхъ романовъ и тому подобнаго вздору такъ доконали меня, что я принужденъ былъ подумать о спасеніи жизни, и намекни, что, вслѣдствіе этого обстоятельства, ревность многихъ бывшихъ вкладчиковъ «Отечественныхъ Записокъ» должна теперь охладѣть. Послѣднее особенно нужно ему. Онъ все думаетъ, что вы для него трудились; ему и въ голову не входитъ, что васъ привлекли не лица, не лицо, а благородное по возможности направленіе лучшаго сравнительно журнала. Если хотите, онъ, можетъ быть, думаетъ и это, но только себя считаетъ виновникомъ всего хорошаго въ его журналѣ. Не худо изъявить ему сожалѣніе, что «Отечественныя Записки» теперь должны много потерять въ духѣ и направленіи. Ты бы это ловко могъ сдѣлать. Но оскорблять его прямо вовсе не нужно. Вотъ говорить о немъ правду за глаза — это другое дѣло. Да для этого слишкомъ достаточно одного Кетчера.

Ну, пока больше писать не о чемъ. Прощай.

В. Б.

Къ А. И. Герцену 20 марта, 1846.

Спб., 1846, марта 20.

Получилъ я конецъ статьи Кавелина, «Записки доктора Крупова», отрывокъ Михаила Семеновича и, наконецъ, статью Мельгунова. И все то благо, все добро. Статья Кавелина — эпоха въ исторіи русской исторіи, съ нея начнется философическое изученіе нашей исторіи. Я былъ въ восторгѣ отъ взгляда на Грознаго. Я по какому-то инстинкту всегда думалъ о Грозномъ хорошо, но у меня не было знанія для оправданія моего взгляда.

«Записки доктора Крупова» — превосходная вещь. Больше пока ничего не скажу. При свиданіи мнѣ много будетъ говорить съ тобою о твоемъ талантѣ. Твой талантъ — вещь не шуточная, и если ты будешь писать меньше тома въ годъ, то будешь стоить быть повѣшеннымъ за пальцы. Отрывокъ Михаила Семеновича — прелесть. Читая его, я будто слушалъ автора, столь же милаго, сколько и толстаго. Статья Мельгунова мнѣ очень понравилась,

и очень благодаренъ ему за нее. Особенно мнѣ нравится первая половина и тотъ старый румянцевскій генералъ, который Суворова, Наполеона, Веллингтона и Кутузова называлъ мальчишками. Вообще, въ этой статьѣ много мемуарнаго интереса,—читая ее, переносишься въ доброе старое время и впадаешь въ какое-то тихое раздумье. Ты что-то писалъ мнѣ о статьѣ Рулье—не дурно бы, не мѣшало бы и Грановскаго что-нибудь. Чисто литературныхъ статей у меня теперь по горло,—ѣшь—не хочу, и потому ученыхъ еще двѣ было бы очень не худо. Имя моему альманаху—Левіаѳанъ. Выйдетъ онъ осенью, но въ цензуру пойдетъ на дняхъ и немедленно будетъ печататься.

Насчетъ путешествія съ Михаиломъ Семеновичемъ—кажется, что поѣду. Мнѣ обѣщаютъ денегъ, и, какъ получу, сейчасъ же пишу, что ѣду. Семейство отправляю въ Гапсаль—это и дача въ порядочномъ климатѣ, и курсъ лѣченія для жены, что̀ будетъ ей очень полезно. Тарантасъ, стоящій на дворѣ Михаила Семеновича, видится мнѣ и днемъ и ночью — это не соллогубовскому тарантасу чета. Святители! сдѣлать верстъ тысячи четыре, на югъ, дорогою спать, ѣсть, пить, глазѣть по сторонамъ, ни о чемъ не заботиться, не писать, даже не читать русскихъ книгъ для библіографіи, — да это для меня лучше магометова рая, а гурій не надо—чортъ съ ними!

Рощинъ ѣдетъ въ Москву 2 апрѣля, кажется, переманивать въ Питеръ Галахова. Онъ говоритъ обо мнѣ, какъ о потерянномъ мальчишкѣ, котораго ему жаль; говоритъ, что я никогда не умѣлъ покориться никакому долгу, никакой обязанности. Теперь черезъ Некрасова пытаетъ о моихъ дѣлахъ, дѣлаетъ видъ, что принимаетъ участіе, и, кажется, ему хочется, чтобы я взялъ у него денегъ, да нѣтъ же—скорѣй повѣшусь. Вообще, ему, какъ видно, неловко, и онъ сконфуженъ. Слышалъ я, что онъ распространяетъ слухи, что хочетъ мнѣ отказать, какъ человѣку безпокойному и его изданію опасному. Поздно схватился!

Мнѣ непремѣнно нужно знать, когда именно думаетъ ѣхать Михаилъ Семеновичъ. Я такъ и буду готовиться. Альманаха при мнѣ напечатается листовъ до 15, остальные безъ меня (я поручаю надежному человѣку), а къ пріѣзду моему онъ будетъ готовъ, а въ октябрѣ выпущу.

Здравствуй, Николай Платоновичъ! Наконецъ-то твое возвращеніе—уже не миѳъ. Я былъ на тебя сердитъ и больно, братецъ, а за что — спроси у Герцена. А теперь я хотѣлъ бы поскорѣй

увидѣть твою воинообразную наружность и на радости такого созерцанія выпить редереру,—что это за вино, братецъ ты мой! Сатину и всѣмъ вамъ жму руку.

В. Б.

Къ В. П. Боткину. 26 марта, 1846.

СПБ. 1846, марта 26 (апрѣля 6).

Давно мы не видались, другъ Василій Петровичъ, и давно не подавали другъ другу голоса. Что до меня, мнѣ всѣ переписки надоѣли, и я сталъ на письма такъ же лѣнивъ, какъ во время оно (глупое время!) былъ ретивъ. Сверхъ того, я и боюсь переписки: она годна только для недоразумѣній. Что при свиданіи рѣшается двумя-тремя словами къ обоюдному удовольствію, то въ разлукѣ служитъ поводомъ къ огромной перепискѣ, гдѣ все перепутывается. Это я много разъ испыталъ, и пора мнѣ воспользоваться урокомъ опыта. О себѣ писать мнѣ просто противно, а больше вѣдь у насъ не о чемъ писать. Скоро увидимся—тогда вновь познакомимся другъ съ другомъ—говорю: познакомимся, потому что послѣ трехлѣтней разлуки ни я, ни ты—не то, что были. Мая 30, а по вашему, по басурманскому, іюня 11-го, стукнетъ мнѣ 36 лѣтъ, осенью три года, какъ я женатъ, и моей дочери теперь девять мѣсяцевъ. Въ это время я пережилъ да передумалъ (и уже не головою, какъ прежде), право, лѣтъ за 30. Пройдутъ незамѣтно и еще 4 года—и мнѣ 40 лѣтъ—страшно! Вотъ она и старость! Ну, да довольно объ этомъ.

Спасибо тебѣ за письма объ Испаніи и Танжерѣ. Они прекрасны, и изъ нихъ для моего альманаха выходитъ превосходная и преинтересная статья. Спасибо тебѣ за согласіе отдать ихъ мнѣ.

Желалъ бы я знать, когда именно воротишься ты, да я думаю, пока ты и самъ этого не знаешь. Я ѣду съ М. С. Щепкинымъ въ Новороссію (въ Одессу и Крымъ). Воротимся мы въ сентябрѣ [1]). Вотъ мнѣ и хотѣлось бы въ Питерѣ столкнуться съ тобою, а не то хоть въ Москвѣ, но лишь бы не разъѣхаться дорогою.

О моемъ здоровьѣ и частію моихъ обстоятельствахъ узнаешь

[1]) Кажется такъ.—*Прим. А. П.*

отъ Николая Петровича; а въ дополненіе прочти письмо къ Анненкову.

Мишелю жму руку. О семействѣ его не имѣю никакихъ извѣстій. Слышалъ отъ Беера, что Александра Александровна родила дочь, а больше ничего не знаю.

Странное дѣло! при мысли о свиданіи съ тобою мнѣ все кажется, будто мы разстались молодыми, а свидимся стариками, и отъ этой мысли мнѣ и грустно, и больно, и почти что страшно. Молодыми! Нѣтъ, я не былъ молодъ никогда, потому что всегда жилъ головой и съумѣлъ даже изъ сердца сдѣлать голову—отчего и вышла преуродливая голова.

Прощай до свиданія, надѣюсь, скораго.

В. Б.

Къ А. И. Герцену. 6 апрѣля, 1846.

СПБ. Апрѣля 6.

Вчера записалъ было я къ тебѣ письмо, сегодня хотѣлъ кончить, а теперь бросаю его и пишу новое, потому что получилъ твое, котораго такъ долго ждалъ. Признаюсь, я началъ было безпокоиться, думая, что и на мою поѣздку на югъ (о которой даже во снѣ брежу) чортъ наложилъ свой хвостъ. Что ты мнѣ толкуешь о важности и пользѣ для меня отъ этой поѣздки? Я самъ слишкомъ хорошо понимаю это, и ѣду не только за здоровьемъ, но и за жизнью. Дорога, воздухъ, климатъ, лѣнь, законная праздность, беззаботность, новые предметы, и все это-бъ съ такимъ спутникомъ, какъ Михаилъ Семеновичъ, да я отъ одной мысли объ этомъ чувствую себя здоровѣе. И мой докторъ (очень хорошій докторъ, хотя и не Круповъ) сказалъ мнѣ, что, по роду моей болѣзни, такая поѣздка лучше всякихъ лѣкарствъ и лѣченій. Итакъ, Михаилъ Семеновичъ ѣдетъ рѣшительно, и я знаю теперь, когда я могу готовиться. Развѣ только что-нибудь непредвидѣнное и необыкновенное заставитъ меня отказаться; но, во всякомъ случаѣ, я на дняхъ беру мѣсто въ маль-постъ. Вчера я именно о томъ и писалъ къ тебѣ, чтобы ты какъ можно скорѣе увѣдомилъ меня, ѣдетъ ли Михаилъ Семеновичъ и когда именно. Вотъ почему сегодняшнее письмо твое ужасно обрадовало меня, такъ что куда дѣвалась лѣнь, и я сейчасъ же сѣлъ писать отвѣтъ, несмотря на то, что А. А. Т. ѣдетъ во вторникъ. Из-

вѣстіе объ обрѣтеніи явленныхъ 500 руб.—тоже не послѣднее обстоятельство въ письмѣ твоемъ, меня обрадовавшее. Только этихъ денегъ ты мнѣ не высылай, а отдай мнѣ ихъ въ Москвѣ. Оно проще, и хлопотъ меньше, можетъ быть, станетъ ихъ на мѣсяцъ и по пріѣздѣ въ Питеръ, а тамъ—что будетъ, то и будетъ, а пока—vogue la galère! Нашему брату, подлецу, т.-е. нищему, а не то, чтобы мошеннику, даже полезно иногда довѣриться случаю и положиться на авось. Дѣлать-то больше нечего, а, притомъ, если такая поведенція можетъ сгубить, то она же иногда можетъ и спасти.

Ну, братецъ ты мой, спасибо тебѣ за интермессо къ «Кто виноватъ?» Я изъ нея окончательно убѣдился, что ты—большой человѣкъ въ нашей литературѣ, а не дилетантъ, не партизанъ, не наѣздникъ отъ нечего дѣлать. Ты не поэтъ: объ этомъ смѣшно и толковать; но, вѣдь, и Вольтеръ не былъ поэтъ не только въ «Генріадѣ», но и въ «Кандидѣ», однако, его «Кандидъ» потягается въ долговѣчности со многими великими художественными созданіями, а многія невеликія уже пережилъ и еще больше переживетъ ихъ. У художественныхъ натуръ умъ уходитъ въ талантъ, въ творческую фантазію, и потому въ своихъ твореніяхъ, какъ поэты, они страшно, огромно умны, а какъ люди—ограниченны и чуть не глупы (Пушкинъ, Гоголь). У тебя, какъ у натуры, по премуществу, мыслящей и сознательной, наоборотъ—талантъ и фантазія ушли въ умъ, оживленный и согрѣтый, такъ сказать, осердеченный гуманистическимъ направленіемъ, не привитымъ и не вычитаннымъ, а присущимъ твоей натурѣ. У тебя страшно много ума, такъ много, что я и не знаю, зачѣмъ его столько одному человѣку; у тебя много и таланта, и фантазіи, но не того чистаго и самостоятельнаго таланта, который все родитъ самъ изъ себя и пользуется умомъ, какъ низшимъ, подчиненнымъ ему началомъ,—нѣтъ, твой талантъ—чортъ его знаетъ—такой же бастардъ или пасынокъ, въ отношеніи къ твоей натурѣ, какъ и умъ, въ отношеніи къ художественнымъ натурамъ. Не умѣю яснѣе выразиться, но увѣренъ, что ты поймешь это лучше меня (если еще не думалъ объ этомъ вопросѣ) и мнѣ же выскажешь это, такъ ясно и опредѣленно, что я закричу: эврика! эврика! Есть умы чисто-спекулятивные, для которыхъ мышленіе почти то же, что чистая математика, и вотъ, когда такіе умы принимаются за поэзію, у нихъ выходятъ аллегоріи, которыя тѣмъ глупѣе, чѣмъ

умнѣе. Сочетаніе сухого и даже влажнаго и теплаго ума съ бездарностью родитъ камни и полѣна, которые показывала, вмѣсто дѣтей, Рея Кроносу. Но у тебя при умѣ живомъ и осердеченномъ есть своего рода талантъ; въ чемъ онъ состоитъ, не умѣю сказать, но дѣло въ томъ, что я глупѣе тебя на много разъ, искусство (если не ошибаюсь) мнѣ сроднѣе, чѣмъ тебѣ, фантазія у меня преобладаетъ надъ умомъ, и, кажись, по всему этому, такому своего рода таланту скорѣе слѣдовало бы быть у меня, чѣмъ у тебя (уже по одному тому, что тебѣ читать Канта, Гегелеву феноменологію и логику нипочемъ, а у меня трещитъ голова иногда и отъ твоихъ философскихъ статей), а вотъ у меня такого своего рода таланта ни больше, ни меньше, какъ настолько, сколько нужно, чтобы понять, оцѣнить и полюбить твой талантъ. И такіе таланты необходимы и полезны не менѣе художественныхъ. Если ты лѣтъ въ десять напишешь три—четыре томика, поплотнѣе и порядочнаго размѣра, ты—большое имя въ нашей литературѣ, и попадешь не только въ исторію русской литературы, но и въ исторію Карамзина. Ты можешь оказать сильное и благодѣтельное вліяніе на современность. У тебя свой особенный родъ, подъ который поддѣлываться такъ же опасно, какъ и подъ произведенія истиннаго художества. Какъ Носъ въ гоголевской повѣсти того же имени, ты можешь сказать о себѣ: «Я самъ по себѣ!» Дѣятельныя идеи и талантливое живое ихъ воплощеніе—великое дѣло, но только тогда, когда все это неразрывно связано съ личностью автора и относится къ ней, какъ изображеніе на сургучѣ относится къ выдавившей его печати. Этимъ-то ты и берешь. У тебя все оригинально, все свое—даже недостатки. Но поэтому-то и недостатки у тебя часто обращаются въ достоинства. Такъ, напримѣръ, къ числу твоихъ личныхъ недостатковъ принадлежитъ страстишка безпрестанно острить, но въ твоихъ повѣстяхъ такого рода выходки бываютъ удивительно хороши. Пиши, братъ, пиши, какъ можно больше пиши, не для себя, а для дѣла: у тебя такой талантъ, за скрытіе котораго ты вполнѣ заслужилъ бы проклятіе.

А объ Рощинѣ и «Отечественныхъ Запискахъ» ты напрасно хлопочешь. За себя лично и за другихъ я могу бояться худа; но въ отношеніи къ общему дѣлу я предпочитаю быть оптимистомъ. Тебя смущаетъ, что въ литературѣ не останется органа благородныхъ и умныхъ убѣжденій. Это и такъ, да не такъ. Я увѣренъ, что не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ я буду полнымъ ре-

дакторомъ журнала. Спекулянты не упустятъ основать журналъ, разсчитывая именно на меня. Обо мнѣ теперь знаютъ многіе такіе, которые ничего не читаютъ, и они смотрятъ на меня съ уваженіемъ, какъ на человѣка, одареннаго добродѣтельною способностью дѣлать другихъ богатыми, оставаясь нищимъ. «Отечественныя Записки» уже стары, и въ нихъ я самъ старъ, потому что, наладившись разъ, какъ-то противъ моей воли, иду одною и тою же походкой. Я связанъ съ этимъ журналомъ своего рода преданіемъ: привыкъ щадить людей важныхъ только для него, и вообще держаться тона не всегда моего, а часто тона журнала. Вѣдь и Рощинъ не могъ же не отразить своей личности въ своемъ журналѣ. Мнѣ надо отдохнуть, во первыхъ, для спасенія жизни и возстановленія (возможнаго) здоровья, а, во вторыхъ, и для того, чтобы стрясти съ сандалій моихъ прахъ «Отечественныхъ записокъ», забыть, что я образовалъ съ ними когда-то сіамскихъ близнецовъ. Кромѣ того, у меня на памяти много грѣховъ, надѣланныхъ во время оно въ «Отечественныхъ Запискахъ». И какъ хорошо, что мои статьи печатались безъ имени, и я въ новомъ журналѣ всегда могу отпереться отъ того, что говорилъ встарь, еслибъ меня стали уличать! Жизнь—премудреная вещь; иногда перемѣна квартиры освѣжаетъ человѣка нравственно. Повѣрь мнѣ, что всѣ мы въ новомъ журналѣ будемъ тѣ же, да не тѣ, и новый журналъ не будетъ «Отечественными Записками» не по одному имени. Я надѣюсь, что буду издавать журналъ. А съ Рощинымъ мнѣ дѣлать нечего. Это страшно ожесточенный эгоистъ, для котораго люди—средство, и либерализмъ—средство. Онъ очень уменъ по-своему и на Чичикова смотритъ совсѣмъ не какъ на генія, какъ смотримъ на него всѣ мы, а какъ на своего брата Кондрата. Но въ литературѣ онъ человѣкъ тупой и круглый невѣжда. Не пошли ему меня его счастливая звѣзда, его мерзкія «Отечественныя Записки» лопнули бы на второмъ годѣ. Повторяю: личность его не могла не отразиться на «Отечественныхъ Запискахъ», и вотъ причина, почему въ нихъ такъ много балласту, почему толщину ихъ всѣ ставятъ въ порокъ, и почему, короче, онѣ такъ гадки, несмотря на участіе въ нихъ мое и многихъ порядочныхъ людей. Я же не могу быть съ человѣкомъ на торговыхъ отношеніяхъ. Вотъ другое дѣло, еслибъ хозяиномъ «Отечественныхъ Записокъ» былъ Коршъ, я готовъ бы остаться навсегда работникомъ этого журнала. Къ Рощину у меня никогда не лежало сердце, но все же думалъ о немъ лучше, чего онъ стоилъ. Оста-

ваясь при немъ, я долженъ лицемѣрить, на что у меня нѣтъ ни охоты, ни умѣнья. А писать у него изрѣдка—вздоръ, дудки. Ему самому смертельно хочется этого, и онъ уже подъѣзжалъ ко мнѣ чрезъ Панаева, да не надуетъ. У него разсчетъ вѣрный: я напишу ему въ годъ рецензій десятка два (разумѣется, столько хорошихъ, сколько это въ моихъ средствахъ), да статьи три-четыре: направленіе и духъ журнала спасется, а я за это получу много-много рублей 500 серебромъ въ годъ. Кто же въ дуракахъ-то? А, между тѣмъ, хоть и меньше, а все срочная работа, а я изъ-за нея своего дѣла не буду дѣлать, а отъ его работы сытъ не буду. Онъ теперь мечется то къ тому, то къ другому, и никого не находитъ. Заказалъ статью Милановскому, котораго уже не разъ гонялъ отъ себя по шеѣ, какъ пустого и гадкаго мальчишку. Не знаю, что будетъ впередъ, а пока я просто изумленъ тѣмъ, какъ имя мое вездѣ извѣстно и въ какомъ оно почетѣ у россійской публики: этого мнѣ и во снѣ не снилось. Вѣсть о разрывѣ давно уже прошла и въ провинцію. Всѣ подлецы и филистимляне петербургскіе (даже и совсѣмъ не литературные) въ восторгѣ, что у «Отечественныхъ Записокъ» волоса обрѣзаны, а сыны Израиля печалятся объ этомъ. Рощинъ этого не ожидалъ. Но теперь онъ, кажется, все понялъ, но, думая, что я играю съ нимъ комедію, хочетъ выждать и переломить меня. Посмотримъ. Въ Москву онъ не поѣхалъ. У него образовалась фистула, и онъ вытерпѣлъ довольно мучительную операцію, и теперь лежитъ. Но, вѣроятно, оправившись, поѣдетъ надувать Галахова. Съ Богомъ!

Кончаю письмо извѣстіемъ, что мы съ Некрасовымъ взяли билетъ въ маль-постъ на 26 апрѣля.

В. Б.

Къ Д. П. Иванову. 15 апрѣля, 1846.

СПБ. 1846, апрѣля 15.

Любезный Дмитрій, 26 нынѣшняго мѣсяца ѣду я въ Москву, а 28 буду въ ней. Ты когда-то писалъ, что квартира у тебя большая. Скажи мнѣ, могу ли я остановиться у тебя на недѣлю, много дней на десять. Въ такомъ случаѣ, увѣдомь меня, такого ли свойства твоя квартира, чтобы я могъ возвращаться домой по ночамъ, и подумай о томъ безпокойствѣ, которое я этимъ буду

тебѣ и семейству твоему оказывать; а подумавши, напиши немедленно искренній отвѣтъ. Мой адресъ тотъ же, т.-е.: На Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста, въ домъ Лопатина, квартира № 43.

В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Бѣлинской. 1 мая, 1846.

Москва. 1846, мая 1.

Вотъ уже четвертый день, какъ я въ Москвѣ, и все еще не могу оправиться отъ проклятой дороги. Холодъ, дождь, слякоть, невозможность прилечь, необходимость сидѣть, все это порядочно измучило меня. Часто дождь просѣкалъ къ намъ сквозь стеклянную складную стору и живописно струился по ногамъ. Не возьми я зимнихъ панталонъ и тулупа, я погибъ бы. Погода въ Москвѣ такая же, какъ и въ Петербургѣ. Вчера было солнце, но въ то же время было вѣтрено и холодно. Сегодня, первое мая, рѣшительно октябрьскій день. Мочи нѣтъ, какъ все это гадко. Ни зелени, ни деревьевъ—глубокая осень.

Дорога до того испорчена, особенно между Клиномъ и Москвою, что мы пріѣхали въ воскресенье въ 6 часовъ вечера. Друзья мои дожидались меня въ почтамтѣ съ двухъ часовъ. Принятъ я былъ до того ласково и радушно, что это глубоко меня тронуло, хотя я и привыкъ къ дружескому вниманію порядочныхъ людей. Безо всякой ложной скромности скажу, что мнѣ часто приходитъ въ голову мысль, что я не стою такого вниманія. Что это за добрый, за радушный народъ москвичи! Что за добрѣйшая душа Герценъ! Какъ бы я желалъ, чтобы ты, Marie, познакомилась съ нимъ. Да и всѣ они—что за славный народъ! Лучше, т.-е. оригинальнѣе всѣхъ, принялъ меня Михаилъ Семеновичъ: готовясь облобызаться со мною, онъ пресерьезно сказалъ: какая мерзость! Онъ глубоко презираетъ всѣхъ худыхъ и тонкихъ. Дамы просто носятъ меня на рукахъ, братецъ ты мой: озябну, укутываютъ своими шалями, надѣваютъ на меня свои мантильи, приносятъ мнѣ подушки, подаютъ стулья. Таковы права старости, другъ мой! Впрочемъ, Наталья Александровна (къ которой я питаю какое-то немножко восторженно-идеальное чувство) нашла, что я похорошѣлъ (замѣть это) и поздоровѣлъ. Она такъ была мнѣ рада, что я даже почувствовалъ къ себѣ нѣкоторое уваженіе. Вотъ какъ!

Ѣдемъ мы 16, 17 или 18 мая, не прежде. Боюсь, что возвратимся довольно поздно. Михаилъ Семеновичъ хочетъ лѣчиться, кромѣ купанья, и виноградомъ. Это и мнѣ будетъ очень полезно.

Сегодня поѣду къ твоему отцу, а завтра увижусь съ Галаховымъ. Кстати: завтра друзья мои даютъ мнѣ торжественный обѣдъ. На дняхъ (какъ назначитъ Галаховъ) увижусь съ Остроумовой. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя письма. Объ Олѣ не могу вспомнить безъ безпокойства: такъ все и кажется, что мой баранъ нездоровъ. Въ пятницу или субботу опять буду писать къ тебѣ. А пока прощай, будь здорова и спокойна. Крѣпко жму твою руку.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Бѣлинской. 4 мая, 1846.

Москва. 1846, мая 4.

Вотъ уже недѣля, какъ я живу въ Москвѣ, а отъ тебя все ни строки. Это начинаетъ меня сильно безпокоить. Все кажется, что то больна ты, то плохо съ Ольгою, то нельзя вамъ выѣхать по множеству хлопотъ, то терпите вы отъ грубости людей. Такъ всякая дрянь и лѣзетъ въ голову и отнимаетъ веселье, а безъ этого мнѣ было бы въ Москвѣ довольно весело. Когда получу твое письмо, и въ немъ не будетъ ничего непріятнаго, то мнѣ будетъ настоящимъ образомъ весело.

Погода въ Москвѣ до сихъ поръ—ужасъ. Сегодня ночью шелъ сильный снѣгъ. Отъ такой погоды здоровъ не будешь. Особеннаго ничего не чувствую, а все-таки такъ нехорошо, и все отъ проклятой погоды. Въ прошломъ письмѣ моемъ я забылъ сказать тебѣ, что хваленая прочная пломбировка почти вся повыпала еще дорогою, отъ употребленія пищи, но безъ всякаго участія пера или другого зубочистительнаго орудія. Уцѣлѣла только въ нижнемъ зубу, и то сверху сошла. Ай да шарлатаны, чортъ ихъ возьми! Былъ у твоего «дражайшаго». Почтенный человѣкъ! Вотъ истинный-то представитель отсутствія добра и зла, олицетворенная пустота! Онъ, впрочемъ, былъ мнѣ радъ и много суетился, угощая меня чаемъ. Я ему объ васъ съ Агриппиной, а онъ все о себѣ — такъ и лупитъ, такъ и наяриваетъ. Только объ Ольгѣ послушалъ минуты двѣ не безъ удовольствія. Я разсказалъ ему о твоихъ родахъ, и заключилъ, что, несмотря на

гнусность бабки, дѣло кончилось все-таки хорошо. — А Богъ-то на что? — сказалъ онъ мнѣ съ убѣжденіемъ. — Да, никто, какъ Богъ! — отвѣчалъ я ему съ умиленіемъ. Живетъ онъ бѣдно, и страшно труситъ смерти его княжны, угрожающей ему монастыремъ. Буду у него еще разъ и позову къ себѣ обѣдать. У Н. И. Остроумовой еще не былъ, а буду во вторникъ — такъ назначилъ Галаховъ.

Здѣшній кружокъ живѣе нашего, и здѣшнія дамы тоже поживѣе нашихъ (благодари за комплиментъ). И для отдыха Москва вообще чудный городъ. Впрочемъ, и то сказать, теперь, какъ нарочно, всѣ съѣхались туда въ одно время, и оттого такъ весело.

Сегодня даютъ мнѣ обѣдъ; ему надо было быть въ четвергъ, да по болѣзни Корша отложили до сегодня, а Коршъ-то все-таки не выздоровѣлъ.

Я ужъ не знаю, о чемъ больше и писать. И потому въ ожиданіи извѣстія отъ тебя, ma chère Marie, и въ чаяніи, что васъ уже нѣтъ въ Питерѣ, писать больше не буду до выѣзда изъ Москвы. Жму всѣмъ вамъ руки и отъ души всѣхъ васъ цѣлую— о собачкѣ и не говорю. Мамкѣ кланяюсь. Прощай.

В. Б.

Къ М. В. Бѣлинской. 7 мая, 1846.

Москва. 1846, мая 7.

Наконецъ, я имѣю о васъ нѣчто въ родѣ извѣстія. По крайней мѣрѣ, Тургеневъ увѣрилъ меня, что вы всѣ здоровы, и сказалъ мнѣ, что вы отправляетесь изъ Петербурга 11-го мая. Стало быть, это письмо получишь ты наканунѣ своего отъѣзда въ пятницу. Надѣюсь, что въ этотъ день ты отправишь ко мнѣ письмо. Я ѣду 15 или 16. Къ 1-му іюня будемъ мы въ Харьковѣ, куда ты и можешь писать по слѣдующему адресу: Его Высокоблагородію Николаю Дмитріевичу Алфераки; въ собственномъ домѣ (Pour remettre à M-r Belinsky). Изъ Харькова я увѣдомлю тебя, куда опять можешь ты писать ко мнѣ. Затѣмъ прощай. Сегодня ѣду къ Остроумовой.

В. Б.

Къ М. В. Бѣлинской. 7—8 мая, 1846.

Москва, 1846, мая 7.

Сейчасъ только (въ 4 часа) прочелъ письмо твое, chère Marie, воротившись домой для фрака и шляпы, необходимыхъ для посѣщенія Н. И. Остроумовой. Прочелъ — и порадовался: вы всѣ скучаете, но здоровы, у Ольги появился 6-й зубъ, и ничего худого не случилось. Худо только то, что у тебя, кажется, не опредѣленъ еще день отъѣзда; по крайней мѣрѣ, ты объ этомъ ничего не говоришь мнѣ. Странные мы съ тобою, братецъ ты мой, люди: живемъ вмѣстѣ — не уживаемся, а врозь скучаемъ. Вотъ и я: мнѣ не скучно, я гуляю, ѣмъ, пью, ничего не дѣлаю, дамы со мною любезны до нельзя — кажется, тутъ и грѣшно и стыдно было бы помнить, что женатъ, и есть жена, а вѣдь помнится. Да это еще куда бы ни шло, а то вѣдь хотѣлось бы увидѣться, какъ будто и Богъ вѣсть, какъ давно не видались. Поэтому, я думаю, что для поддержанія супружескаго благосостоянія необходимы частыя разлуки. Разлука сглаживаетъ всѣ неровности отсутствующаго и дѣлаетъ яснѣе его хорошія стороны. Но это пока въ сторону. Не знаю, получишь ли ты это письмо, если отправляешься въ субботу, 11-го. Авось либо! Но писать больше не буду, если не получу отъ тебя письма объ отсрочкѣ отъѣзда. А собачка грустила обо мнѣ, бѣдненькая! Но зато скоро забыла, глупенькая! Берегите ее отъ простуды. Дочь Иванова застужена при прорѣзываніи глазныхъ зубовъ и оттого получила воспаленіе въ мозгу и лишилась зрѣнія. Страшно и больно смотрѣть—а ребенокъ полный и здоровый.

Это письмо пойдетъ завтра (8, въ середу), и завтра же докончу его.

Мая 8.

Боясь, что письмо это не застанетъ тебя въ Питерѣ, посылаю его на имя Маслова, чтобы, въ случаѣ твоего отъѣзда, онъ переслалъ его въ Гапсаль. Вчера былъ у Н. И. О чемъ болтали мы, можешь догадаться. Она умна, у нея на многое есть чутье. Надъ драматическою пьесою Кудрявцева она смѣется. Вообще, Н. И. — не будь она погребена въ этомъ монастырѣ, была бы очень порядочною особою. Когда я съ нею раскланивался, появи-

лась гнусная рожа Шахларевой: боюсь во снѣ увидѣть — стошнитъ.

Письмо твое пришло въ Москву 5-го, а почтальонъ принесъ его 7-го: Москва городъ патріархальный, и въ ней все зависитъ отъ воли всѣхъ и каждаго, а получающіе письма зависятъ отъ прихоти почтальоновъ. Извощики въ Москвѣ страшно дешевы, но ночныхъ нѣтъ, а ходить ночью въ Москвѣ опасно. Меня чуть было не прибилъ одинъ пьяный. И потому, кто хочетъ провести вечеръ въ гостяхъ, долженъ нанимать извощика на вечеръ.

Здоровье мое сносно и, мнѣ кажется, даже нѣсколько лучше, чѣмъ было въ Питерѣ. Михаила Семеновича держитъ въ Москвѣ бенефисъ Мартынова, который будетъ 14 или 15 мая, а на другой день мы ѣдемъ. Въ Крыму, можетъ быть, ему отведутъ покои въ Алупкѣ, за́мкѣ князя Воронцова, и мы тамъ будемъ съ нимъ упражняться въ купаньѣ въ морѣ и въ пожираніи винограда. По пріѣздѣ въ Гапсаль напиши ко мнѣ большое письмо; означь свой адресъ, опиши, какъ вы собирались и убирались, какъ ѣхали и доѣхали, и какъ устроились въ Гапсалѣ. Пошли письмо такъ, чтобы оно дошло въ Харьковъ (на имя Его Высокоблагородія Николая Дмитріевича Алфераки, въ собств. домѣ, для передачи мнѣ) къ 1-му іюня; получивъ его, я напишу къ тебѣ изъ Харькова, куда опять писать тебѣ. Прощай. Агриппинѣ жму руку и всѣхъ васъ цѣлую.

В. Б.

Печать я взялъ съ собою Наполеона.

Къ М. В. Бѣлинской. 14 мая, 1846.

Москва. 1846, мая 14.

Послѣднее письмо твое (отъ 9 мая) столько же огорчило меня, сколько доставило радости предпослѣднее (отъ 6 мая). Мерзости, которыя дѣлаетъ съ тобою управляющій Лопатина, дѣйствительно, возмутительны, но для меня еще тяжелѣе та раздражительность, съ какою ты принимаешь ихъ. Не спорю: тяжело, досадно, гадко, но все же не вижу тутъ достаточной причины доходить до отчаянія, до разстройства здоровья, именно въ ту минуту, когда здоровье особенно нужно. Я обрадовался,

увидя твое письмо, но мнѣ стало грустно и какъ-то неловко, когда я прочелъ его. Я какъ будто вижу тебя передъ собою въ этомъ письмѣ: ты встревожена, раздражена,—и все тебѣ кажется не такъ, нехорошо. Ты начинаешь съ того, что ты «никогда не говорила мнѣ, чтобы я въ «дражайшемъ» нашелъ что-нибудь лучше того, что̀ нашелъ». Да я и писалъ къ тебѣ о немъ нисколько не въ тонѣ возраженія противъ тебя, а просто передавалъ тебѣ впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня. Я былъ уже заранѣе предубѣжденъ противъ него, хорошаго ничего не ожидалъ, ѣхалъ къ нему не для него, а для тебя, и нисколько не раскаиваюсь, что былъ у него. Тебѣ показалось, что я не получалъ твоихъ писемъ: ясно, что ты не разочла, что наши письма сперва разъѣзжались въ дорогѣ, а потому мы оба и упрекали другъ друга въ молчаніи. Но я твои получилъ всѣ, и первое, отъ 2-го мая. Ради всего святого для обоихъ насъ, успокойся, Marie, и не давай себѣ выходить изъ себя по причинѣ, дѣйствительно, досадныхъ, но въ то же время и мелкихъ неудовольствій. 7-й зубъ Ольги гораздо важнѣе и двухъ цѣлковыхъ, которые содралъ съ тебя управляющій, и 30 рублей за клеенки и шкафъ, а ты къ этому зубу присоединила еще и боль въ своей груди и дошла до возможности слечь въ постель. Я ѣду въ четвергъ (16-го мая), и если сегодня или завтра не получу отъ тебя болѣе успокоительнаго письма, то дорога моя не будетъ весела. Зная твой характеръ, я не шутя боюсь, чтобы ты не слегла въ постель, если уже къ бывшимъ непріятностямъ прибавится еще какая-нибудь мелочь; а тутъ еще у меня на умѣ 7-ой зубъ... Тяжело!

Здоровье мое пока лучше, чѣмъ было въ Питерѣ. Съ 9-го мая началась въ Москвѣ теплая погода, и теперь такъ хорошо, что даже ночью пахнетъ весною. Я зябъ не потому, что простудился, а потому, что всѣ зябли отъ холода, а теперь не зябну, а потѣю и блаженствую отъ жару.

Твои неудачи въ отъѣздѣ произошли отъ того, что ты не хотѣла заранѣе взять билетъ, какъ это дѣлаютъ всѣ. Но ужъ дѣло сдѣлано, и лишь бы только выѣхать. Не знаю, получу ли отъ тебя письмо сегодня. Боюсь, чтобы оно не пришло послѣ завтра, въ день отъѣзда (въ четвергъ). А это письмо адресую на имя Маслова, тоже изъ боязни, что оно, придя въ день твоего отъѣзда, не попадетъ въ твои руки. Я видѣлся съ Тютчевыми, и они много меня порадовали извѣстіемъ о состояніи, въ кото-

ромъ оставили васъ; но въ тотъ же день (т.-е. вчера) получилъ я твое письмо... У Александры Петровны разболѣлись глаза, и по этой причинѣ они проживутъ нѣсколько дней въ Москвѣ. Насчетъ адреса въ Харьковъ—адресуй письма ко мнѣ, какъ хочешь. Я и забылъ было о Кронебергѣ. Это все равно. Скажи Маслову, что Некрасовъ будетъ въ Питерѣ въ половинѣ іюля, и попроси его вложенное здѣсь письмо доставить по адресу хоть черезъ Майковыхъ, если онъ не знаетъ, гдѣ живетъ Гончаровъ.

Еще разъ прошу тебя, милая Marie, быть спокойнѣе и беречь себя отъ губительнаго вліянія, какое на тебя имѣютъ petites misères de la vie humaine. Не думай, что только съ тобою случаются такія бѣды. Чортъ съ ними, съ такими бѣдами: лишь бы судьба пощадила отъ такихъ, какія обрушились надъ Языковыми. Прощай.

Твой В. Б.

Къ П. Н. Кудрявцеву. 15 мая, 1846.

Москва. 1846, мая 15.

Не знаю, какъ и благодарить васъ, любезнѣйшій Петръ Николаевичъ, за вашъ безцѣнный подарокъ. Повѣсть ваша привела меня въ восторгъ по многимъ причинамъ. Признаюсь откровенно: ваша драматическая пьеса привела меня въ отчаяніе, такъ что я подумалъ было, что вашъ «Послѣдній визитъ», дѣйствительно, былъ послѣднимъ визитомъ вашимъ въ область творчества. Не то, чтобы она была плоха: почему человѣку съ талантомъ не написать плохой пьесы; но то, что она старчески умна и чужда всякаго живого начала. Поэтому за повѣсть вашу я взялся съ нѣкоторымъ безпокойствомъ; но тѣмъ сильнѣе былъ мой восторгъ, когда я читалъ ее. Чудесная вещь, глубокая вещь! Это судьба, жизнь, положеніе русской женщины нашего времени. Характеръ героини выдержанъ, а муженекъ и любовникъ ея — чудо совершенства. Особенно хорошъ офицерикъ-то! Только два недостатка нахожу я въ этой повѣсти. Первый—прибавленіе къ ея названію—водевиль не для сцены: оно не идетъ, и его иронія весьма сомнительнаго качества. Не вычеркнуть ли? Второй—и очень важный недостатокъ: это вторая сцена (въ канцеляріи)—она не идетъ къ дѣлу, ничего не поясняетъ, ослабляетъ впечатлѣніе, и послѣ нея отрывокъ изъ письма, которымъ оканчивается

повѣсть, теряетъ всю силу, весь эффектъ. Если бы вы ее позволили выкинуть вовсе, повѣсть ничего не потеряла бы и много бы выиграла. Какъ вы думаете? Если вы согласны со мною въ полезности этой мѣры, то потрудитесь увѣдомить объ этомъ общаго друга нашего А. Д. Галахова. Я въ Москвѣ проѣздомъ— ѣду завтра съ М. С. Щепкинымъ въ Одессу и Крымъ для возстановленія здоровья, а, можетъ быть, и для спасенія жизни. Отъ «Отечественныхъ Записокъ» я отказался окончательно. Кстати: статья ваша о «Бельведерѣ» умна и хороша, но о такихъ предметахъ, какъ живопись, теперь такъ странно читать такія длинныя статьи: такъ думаютъ многіе.

Позвольте попенять вамъ за двѣ вещи: за то, что вы заплатили деньги за пересылку первой тетради повѣсти, и еще за то, что при послѣдней вы не хотѣли утѣшить меня ни строкою чего-нибудь похожаго на письмо. Зная, что это не другое что, какъ лѣнь и усталость отъ писанія повѣсти, я за это не очень сержусь и обращаюсь къ вамъ съ этими строками, какъ къ моему старому и доброму пріятелю.

Семейство мое проведетъ лѣто въ Гапсалѣ. Жена въ восторгѣ отъ вашей повѣсти, а дочь моя вамъ за нее низко кланяется, и я вмѣстѣ съ нею.

В. Бѣлинскій.

Скоро ли Шеллингъ перестанетъ позориться, т.-е. умретъ? Право, не стоитъ жить, чтобы послѣ такой славы на старости лѣтъ быть Шевыревымъ.

Къ М. В. Бѣлинской. 11—12 іюня, 1846.

Харьковъ. 1846, іюня 10.

Вообрази—какую я сдѣлалъ глупость: послалъ къ тебѣ письмо изъ Калуги въ Гапсаль, на твое имя, думая, что ты непремѣнно въ Гапсалѣ, что тебя въ этомъ маленькомъ городкѣ найдутъ и безъ адреса квартиры, и что посылать черезъ Маслова—только лишняя трата времени. Сынъ М. С. Щепкина служитъ въ кавалерійскомъ полку въ Воронежѣ, былъ долго въ Москвѣ и послѣ насъ долженъ былъ отправиться въ Воронежъ. Пріѣзжаемъ туда,— и онъ подаетъ мнѣ твое послѣднее письмо изъ Петербурга, которое пришло въ Москву въ день нашего выѣзда, и которое

Ивановъ отослалъ въ домъ Щепкина. Изъ этого письма я узнаю, что ты остаешься въ Ревелѣ, и что, слѣдовательно, я опростоволосился,ославъ къ тебѣ письмо въ Гапсаль. Досадно! Письмо было подробное—почти журналъ изо-дня въ день, съ означеніемъ погоды каждаго дня. Перескажу тебѣ вкратцѣ его содержаніе. Выѣхали мы изъ Москвы 16 мая (въ четвергъ), въ 12 часовъ. Насъ провожали до первой деревни, за 13 верстъ, и провожавшихъ было 16 человѣкъ, въ ихъ числѣ и Галаховъ. Пили, ѣли, разстались. Погода страшная, грязь, дорога скверная, за лошадьми остановка. Въ Калугу пріѣхали въ субботу (18 мая), прожили въ ней одиннадцать дней. Если-бъ не гнусная погода, мнѣ было бы не скучно. Еще въ Москвѣ я почувствовалъ, что поправляюсь въ здоровьѣ и возстанавливаюсь въ силахъ, а въ Калугѣ, въ сносную погоду, я уходилъ за городъ, всходилъ на горы, лазалъ по оврагамъ, уставалъ до-нельзя, задыхался на-смерть, но не кашлянулъ ни разу. Съ возвращеніемъ холода и дождя возвращался и кашель. Пребываніе въ Калугѣ для меня останется вѣчно памятнымъ по одному знакомству, котораго я и не предполагалъ, выѣзжая изъ Питера. Въ Москвѣ М. С. Щепкинъ познакомился съ А. О. Смирновой. C'est une dame de qualité; свѣтъ не убилъ въ ней ни ума, ни души, а того и другого природа отпустила ей не въ обрѣзъ. Она большая пріятельница Гоголя, и Михаилъ Семеновичъ былъ отъ нея безъ ума. Такъ какъ она приглашала его въ Калугу (гдѣ мужъ ея губернаторомъ), то я еще въ Москвѣ предвидѣлъ, что познакомлюсь съ нею. Когда мы пріѣхали въ Калугу, ея еще не было тамъ; въ качествѣ хвоста толстой кометы, т.-е. Михаила Семеновича, я былъ приглашенъ губернаторомъ на ужинъ въ воскресенье, во время спектакля; потомъ мы у него обѣдали. Во вторникъ пріѣхала она, а въ четвергъ я былъ ей представленъ. Чудесная, превосходная женщина — я безъ ума отъ нея. Снаружи холодна, какъ ледъ, но страстное лицо, на которомъ видны слѣды душевныхъ и физическихъ страданій, измѣняетъ невольно величавому наружному спокойствію. Благодаря тебѣ, братецъ ты мой, тебѣ, моя милая супруга, я знаю толкъ въ этого рода холодныхъ лицахъ. Потомъ я у ней два раза обѣдалъ, въ послѣдній раскланялся, да еще въ тотъ же вечеръ раскланялся съ нею на лѣстницѣ, ведущей изъ-за кулисъ въ ея ложу. Пишу тебѣ все это не больше, какъ матеріалъ для разговоровъ и разсказовъ при свиданіи, и потому въ подробности не пускаюсь. Несмотря на весь интересъ

этого знакомства, погода дѣлала мое пребываніе въ Калугѣ чисто невыносимымъ; разъ два дня сряду сидѣлъ я взаперти въ грязной комнатѣ грязной гостинницы, въ тепломъ пальто, съ окоченѣвшими руками и ногами и съ покраснѣвшимъ носомъ. Выѣхали мы изъ Калуги со вторника на середу, (29 мая), въ 4 часа утра, и поѣхали, или, лучше сказать, поплыли по грязи въ Воронежъ на Тулу. Въ Воронежъ приплыли въ субботу (11 іюля), въ 5 часовъ утра, и въ пятницу ѣхали уже по хорошей дорогѣ. Въ Воронежѣ погода была славная. Тутъ я получилъ твое письмо, на которое, для порядка, и буду сейчасъ отвѣчать.

Наканунѣ нашего выѣзда изъ Москвы пріѣхалъ туда Языковъ и успокоилъ меня на твой счетъ, сказавши мнѣ, что твои геройскіе подвиги, достойные Бобелины, увѣнчались блестящею побѣдой надъ злокачественнымъ Лопатинымъ и гнуснымъ клеврetомъ его, управляющимъ. Это извѣстіе дало мнѣ возможность уѣхать изъ Москвы въ спокойномъ духѣ, который очень былъ разстроенъ твоимъ письмомъ отъ 9 мая. Я не знаю, получила ли ты мой отвѣтъ на него, отъ 14 мая, кажется. Ты пишешь, что разлука сдѣлаетъ насъ уступчивѣе въ отношеніи другъ друга, но и болѣе чуждыми другъ другу. Мнѣ кажется — то и другое равно хорошо. Печему хорошо первое—толковать нечего: и такъ ясно; второе хорошо потому, что дастъ случай познакомиться вновь на лучшихъ основаніяхъ. Я уже не въ той порѣ жизни, чтобы тѣшить себя фантазіями, но еще и не дошелъ до того сухого отчаянія, чтобы не знать надежды. А потому жду много добра для обоихъ насъ отъ нашей разлуки. Я никакъ, напримѣръ, не могъ понять твоихъ жалобъ на меня, что будто я дурно съ тобою обращаюсь, и видѣлъ въ этихъ жалобахъ величайшую несправедливость ко мнѣ съ твоей стороны; а теперь, какъ, въ новой для меня сферѣ, я смотрю на нашу прежнюю жизнь, какъ на что-то прошедшее, внѣ меня находящееся, то вижу, что, если ты была не вполнѣ права, то и не совсѣмъ неправа. Я опирался на глубокомъ сознаніи, что не имѣлъ никакого желанія оскорблять тебя, а ты смотрѣла на факты, а не на внутреннія мои чувства, и, въ отношеніи къ самой себѣ, была права. Ежели разлука и тебя заставитъ войти поглубже въ себя и увидѣть кое-что такого, чего прежде ты въ себѣ видѣть не могла, — то разлука эта будетъ полезна для насъ: мы будемъ снисходительнѣе, терпимѣе къ недостаткамъ одинъ другого и будемъ объяснять ихъ болѣзненностію, нервическою раздражи-

тельностію, недостаткомъ воспитанія, а не какими-нибудь дурными чувствами, которыхъ, надѣюсь, мы оба чужды. Что же касается до твоихъ словъ, что мужъ, безъ причины оставляющій жену и дѣтей, не любитъ ихъ, — ты права; но, во 1-хъ, я говорилъ тебѣ о разлукѣ съ причиною, хотя бы эта причина была просто желаніемъ разсѣяться и освѣжиться прогулкою, или и прямо желаніемъ освѣжить ею свои семейныя отношенія, и, во 2-хъ, я, кажется, уѣхалъ не безъ причины. Но объ этомъ послѣ, какъ ты сама говоришь въ письмѣ своемъ.

Масловъ немного сердитъ на меня, что я не писалъ къ нему. Но вѣдь онъ долженъ же знать, что я человѣкъ-то слабый (т.-е. лѣнивый), мошенникъ такой. Слухъ носится, что умеръ Скобелевъ, а ты пишешь, что Масловъ думаетъ ѣхать въ Ревель, Гапсаль и еще не знаю, куда. Гдѣ же мнѣ писать къ нему! А напиши-ка лучше ты и увѣдомь его о моемъ знакомствѣ съ Александрою Осиповною Смирновой: это для него будетъ интересно.

Комплиментъ, сдѣланный тебѣ Тильманомъ, основателенъ. Ты—сильная барыня, а послѣ твоей войны съ Лопатинымъ, я не шутя начинаю тебя побаиваться.

Что же ты не пишешь, взяла ли съ собою Егора? И кто у тебя нянька? И какъ ты разсталась съ прислугою?

Въ Воронежѣ мы застали чудесную погоду. Выѣхали во вторникъ, въ 4 часа послѣ обѣда (4 іюня). Солнце пекло насъ, но къ вечеру потянулъ вѣтеръ съ Питера, ночью пошелъ дождь, и мы до Курска опять не ѣхали, а плыли, и въ Курскъ приплыли въ четвергъ (6). Въ тотъ же день поплыли въ знаменитую Коренную ярмарку (за 28 верстъ отъ Курска). И ужъ подлинно поплыли, потому что жидкая грязь по колѣно и лужи выше брюха лошадямъ были безпрестанно. Ѣхали на 5-ти сильныхъ коняхъ слишкомъ 4 часа и, наконецъ, увидѣли ярмарку, буквально по поясъ сидящую въ грязи, и дождь такъ и льетъ. За 20 руб. въ сутки нашли комнатку, маленькую грязную, и той были рады безъ памяти. Въ тотъ же вечеръ были въ театрѣ, и Михаилъ Семеновичъ узналъ, что онъ играть не будетъ. На другой день прошлись по рядамъ (крытымъ, до которыхъ доѣхали на дрожкахъ, выше ступицы въ грязи). На другой день, около 2 часовъ пополудни, поѣхали назадъ, въ Курскъ. На полдорогѣ встрѣтился крестный ходъ: изъ Курска 8 іюня носятъ явленный образъ Богоматери въ монастырь, при которомъ стоитъ ярмарка. Вообрази тысячъ 20 народу, въ розбить идущаго по колѣна въ

грязи, и который, пройдя 27 верстъ, ляжетъ спать подъ открытымъ небомъ, въ грязи, подъ дождемъ, при 5 градусахъ тепла. Въ Курскѣ перемѣнили лошадей, закусили и пустились плыть на Харьковъ (часовъ 8 вечера, въ субботу, 8 іюня). Ужъ не помню, ѣдучи въ Курскъ изъ Воронежа,—да, именно, въ Курскъ изъ Воронежа, имѣли удовольствіе засѣсть въ грязи, и нашъ экипажъ, вмѣстѣ съ нами (потому что выйти не было никакой возможности), вытаскивали мужики. Въ тотъ же вечеръ, какъ мы выѣхали изъ Курска, погода начала поправляться, а съ нею и дорога, такъ что верстъ за сто до Харькова ѣхали мы по дорогѣ довольно сносной, и могли дѣлать верстъ по 8 въ часъ (на пяти лошадяхъ), а станціи двѣ до Харькова дѣлали по 10 верстъ. Въ Харьковъ пріѣхали мы въ воскресенье (9 іюня), около 2 часовъ послѣ обѣда. Черезъ часъ я былъ уже у Кронебергова, съ полною увѣренностію найти твое письмо, а, можетъ быть, и цѣлыхъ два. Кронеберги приняли меня радостно, добрая М. А. была просто въ восторгѣ, даже Андрей Ивановичъ былъ, видимо, разогрѣтъ; а письма нѣтъ. Возвращается Михаилъ Семеновичъ отъ Алфераки—что? письмо?—Нѣтъ!—Худо!—Я сталъ было утѣшать себя тѣмъ, что письмо твое должно итти до Харькова три недѣли; но Кронебергъ сказалъ мнѣ, что письма изъ Питера въ Харьковъ приходятъ въ 11-ый день, а по экстрапочтѣ въ 8-й, — я и призадумался, забывъ, что по этой дорогѣ почты также дѣлаютъ въ часъ по 5 верстъ, а иногда и въ сутки по 50-ти. Былъ въ театрѣ, посидѣлъ съ четверть часа, и поѣхалъ къ Кронебергамъ, гдѣ и пробылъ почти до 12 часовъ. Вчера, часу въ 1-мъ, приходитъ Кронебергъ и подаетъ мнѣ твое письмо, которое взялъ онъ у Алфераки, съ которымъ встрѣтился гдѣ-то на улицѣ. И хоть много въ этомъ письмѣ непріятнаго, но я воскресъ. Теперь отвѣчаю тебѣ на твое послѣднее письмо.

Отчего ты ни слова не сказала въ немъ о томъ, опасна ли простуда груди твоей, и лѣчишься ли ты? Отчего не отнимаешь Ольгу отъ груди? Ждешь ли 8-го зуба? Наемъ вторыхъ мѣстъ на пароходѣ былъ порядочною глупостью со стороны Маслова. Заграничные пароходы лучше здѣшнихъ, и вторыя мѣста на нихъ немногимъ хуже первыхъ, но и ихъ потому всѣ избѣгаютъ, что надо быть въ обществѣ лакеевъ, что̀ не совсѣмъ пріятно и для мужчинъ, а о женщинахъ нечего и говорить. О томъ, чего вы тутъ натерпѣлись—нечего и говорить; оставалось бы только радоваться, что все это кончилось, и Ольга здорова, если бы не

твое положеніе, о которомъ я теперь нечего вѣрнаго не знаю, потому что не знаю, какова эта болѣзнь—простуда груди, а ты объ этомъ не сказала ни слова. И потому, жду со страхомъ и нетерпѣніемъ твоего второго письма, которое надѣюсь получить въ Харьковѣ, въ которомъ мы пробудемъ до 18 числа, потому что Михаилъ Семеновичъ въ Харьковѣ является въ 5 спектакляхъ. Мнѣ странно, что ты, пробывши въ Ревелѣ 5 дней, все еще только сбираешься пригласить доктора, вмѣсто того, чтобы пригласить его на другой же день пріѣзда. Ты, видно, забыла мою осеннюю исторію, и что значитъ запускать болѣзнь. Это ни на что не похоже. Видно, мы всѣ только другимъ умѣемъ читать поученія, а сами... но дѣлать нечего,—ворчаньемъ не поможешь, а вотъ, что-то скажетъ мнѣ твое второе письмо.

Бога ради, не мучь себя заботами о будущемъ и о деньгахъ. Лишь стало бы денегъ вамъ, и вы могли бы пріѣхать въ Питеръ хоть съ цѣлковымъ въ карманѣ, а то все вздоръ. И потому, если не хватитъ денегъ, адресуйся заранѣе къ Александру Александровичу, и проси не въ обрѣзъ, чтобы изъ пустой деликатности не натерпѣться бѣдъ; а я по пріѣздѣ тотчасъ же отдамъ ему, потому что въ Питеръ я пріѣду съ деньгами, которыхъ станетъ не только на переѣздъ на новую квартиру, но и на то, чтобы безъ нужды прожить мѣсяца три-четыре. Я на это и разсчитывалъ, уѣзжая изъ Питера, потому что я тогда же ясно видѣлъ, что безъ этой надежды, несмотря на всѣ альманахи, мы, послѣ этой разлуки, съѣхались бы съ тобою только для того, чтобы умереть вмѣстѣ голодною смертью. Къ счастью, я не обманулся въ моей надеждѣ, и могу пріѣхать въ Питеръ съ деньгами. Но вотъ, что меня безпокоитъ. Ты наняла квартиру до 15 сентября, а я, кажется, буду въ Питеръ не прежде 15 октября: вотъ тутъ что дѣлать? Михаилу Семеновичу надо ѣсть виноградъ, что и мнѣ было бы небезполезно, а это дѣлается въ сентябрѣ, въ которомъ мы и будемъ въ Крыму. Да еще очень можетъ быть, что князь Воронцовъ пригласитъ Михаила Семеновича въ Тифлисъ, и хоть это не протянетъ нашей поѣздки, но сдѣлаетъ то, что раньше 15 октября мнѣ невозможно будетъ быть въ Питерѣ. Тутъ худо то, что вѣдь ты не рѣшишься остановиться у Тютчевыхъ, а въ трактирѣ жить—Боже сохрани! И потому, скажи мнѣ, можешь ли ты остаться въ Ревелѣ до моего возвращенія.

Некрасовъ будетъ въ Питерѣ къ августу. Онъ открываетъ

книжную лавку и тотчасъ же займется печатаньемъ моего альманаха. Открытіе лавки очень выгодно для моего альманаха, такъ же, какъ мой альманахъ очень выгоденъ для лавки. Деньги для лавки даютъ ему москвичи. Кстати: во время моего пребыванія въ Москвѣ у Герцена умеръ отецъ, послѣ котораго ему должно достаться тысячъ четыреста денегъ. Если безъ меня придетъ отъ тебя письмо въ Харьковъ, его перешлютъ ко мнѣ. А по полученіи этого письма, пиши ко мнѣ немедленно въ Одессу, на имя Его Высокоблагородія Александра Ивановича Соколова.

Я радъ, что наши псы съ вами, радъ за нихъ, и еще больше за васъ. И потому, Милкѣ жму лапку, и даже дураку Дюку посылаю поклонъ.

Объ Ольгѣ не знаю, что̀ писать—хотѣлось бы много, а не говорится ничего. Что ты не говоришь мнѣ ни слова, начинаетъ ли она ходить, болтать, и что ея 8-й зубъ? Ахъ, милочка, барашекъ, какъ она теперь уже перемѣнилась для меня—вѣдь ужъ полтора мѣсяца! Поблагодари ее за память о моемъ портретѣ и за угощеніе его молокомъ и кашею. Она, чѣмъ богата, тѣмъ и рада, и понюхать готова дать всякое кушанье. Должно быть, она очень довольна поведеніемъ моего портрета, который позволяетъ ей угощать себя не въ ущербъ ея аппетиту.

Изъ Харькова я еще пошлю къ тебѣ письмо, т. е. оставлю, а Кронебергъ пошлетъ. А теперь пока прощай. Будь здорова и спокойна духомъ, Marie, и успокой скорѣе меня насчетъ твоего здоровья. Жму руку Агриппинѣ и желаю ей всего хорошаго, а я не объѣдаюсь и не простужаюсь, какъ она обо мнѣ думаетъ. Прощай.

Твой Виссаріонъ.

Середа, 12.

Сегодня пойдетъ на почту это письмо, а завтра Ольгѣ—годъ, по каковому случаю чортъ меня возьми, если я не выпью завтра шампанскаго. Изъ Харькова мы ѣдемъ въ ночь, въ воскресенье, въ Екатеринославъ, а оттуда, черезъ Николаевъ и Херсонъ, въ Одессу. Пиши сейчасъ же въ Одессу, какъ получишь это письмо. Если въ Одессѣ твое письмо и не застанетъ меня, мнѣ перешлютъ его въ Крымъ. Вотъ уже другой день, какъ въ Харьковѣ опять холодно. Я отъ Петербурга, а онъ за мною. Прощай.

Къ М. В. Бѣлинской. 14—15 іюня, 1846.

Харьковъ. 1846, іюня 14.

Вчера, вовсе неожиданно, получилъ я твое второе письмо (отъ 27 мая), которое сильно огорчило меня. Что ты больна,—это мнѣ горько, но горесть моя не ограничивается одною этою причиною: не меньше того мучитъ меня твое странное поведеніе въ болѣзни. Еще въ первомъ письмѣ твоемъ изъ Ревеля писала ты мнѣ о своей болѣзни, не говоря ни слова о мѣрахъ противъ нея: и во второмъ письмѣ тоже ни слова о докторѣ и лѣченіи. Это невыносимо. Тебѣ, кажется, хочется повторить исторію моей болѣзни прошлою осенью. Если бы ты на другой же день пріѣзда позвала доктора,—можетъ быть, теперь была бы здорова; а такъ какъ ты этого не сдѣлала, то можешь или вытерпѣть опасную и продолжительную болѣзнь, или, что еще хуже, воротишься въ Петербургъ съ зерномъ какой-нибудь опасной болѣзни. Гдѣ тутъ разбирать докторовъ—бери какого-нибудь, если нѣтъ хорошаго. Отъ Достоевскаго ты могла узнать, кто изъ Ревельскихъ врачей считается лучшимъ. Не могу понять, что ты дѣлаешь съ собою, со мною, съ Ольгою и со всѣми нами? Тебѣ можетъ показаться непріятнымъ, что, вмѣсто того, чтобы утѣшать тебя, я бранюсь съ тобою; но войди въ мое положеніе и посуди, легко ли мнѣ отъ всего этого.

О прислугѣ говорить нечего: въ Россіи нѣтъ хорошей прислуги, и потому надо дорожить не лучшею, а менѣе худшею. Это я всегда говорилъ тебѣ. Что чухонка мылась Ольгинымъ мыломъ, это—я понимаю—непріятно и досадно; но лучше было взять свои мѣры, чтобъ она не могла впередъ этого дѣлать, даже купить ей кусокъ мыла, нежели ссылать ее. Плеть обуха не перешибетъ, и намъ съ тобою не передѣлать русской дѣйствительности. Другая чухонка не будетъ лучше первой: оставитъ въ покоѣ Олино мыло, но сдѣлаетъ другую мерзость, не лучше этой. Надо сносить это терпѣливо, потому что другого ничего не остается. Въ Петербургѣ ты доконала себя, отстаивая отъ Лопатина какихъ-нибудь 30 руб.; въ Ревелѣ ты рѣжешь себя кускомъ мыла. Я знаю, тебѣ дороги не 30 руб., не кусокъ мыла, а справедливость; но вотъ здѣсь-то и обнаруживается весь твой

несчастный характеръ. Непривычка покоряться необходимости безпрестанно заставляетъ тебя жертвовать важнымъ ничтожному. Что же изъ этого выходитъ? Спасая грошъ, ты теряешь фунтъ крови, тогда какъ тебѣ дорога каждая капля ея. Грустно, больно, страшно!

Довольно объ этомъ. Хотѣлъ бы говорить больше, но мысль, что это только огорчитъ, а не убѣдитъ тебя, удерживаетъ мою руку. Мнѣ грустно и больно. Теперь до самой Одессы я не получу отъ тебя письма: каково-то мнѣ будетъ ждать его, и каково-то будетъ мнѣ распечатать его! Видишь сама, какъ веселъ будетъ путь мой до Одессы. Я боюсь, что у тебя изнурительная лихорадка—болѣзнь важная, которую ты ежеминутно усиливаешь и безпрестанно поддерживаешь своею способностью приходить въ отчаяніе отъ вещей досадныхъ, но въ сущности пустыхъ. Что изъ всего этого будетъ—у меня языкъ не поворачивается сказать тебѣ. Бѣдная Оля!.. У Агриппины сердце доброе и благородное, но терпѣніе не принадлежитъ къ числу ея добродѣтелей. Хороши мы всѣ сошлись: точно на подборъ—одинъ другого лучше. Тамъ, гдѣ бы она еще справилась сама съ собою—ей надо няньчиться съ тобою,—какое положеніе! Не знаю, какъ вы еще обѣ живы! И въ самомъ дѣлѣ, какъ не приходить въ отчаяніе, видя, что чухонки глупы, грубы и жадны къ деньгамъ? Подобное развращеніе нравовъ можетъ быть терпимо только въ столицахъ, а Ревель—провинція. Можно ли жить послѣ этого! «Хорошо (скажешь ты) смѣяться да дѣлать наставленія, а попробовалъ бы самъ». Пробовалъ и пробую—и удается, какъ нельзя лучше. Что такое русская дорога, русскіе ямщики, трактиры, обѣды и пр. и пр.—этого и описать нельзя; но я рѣшился находить все въ порядкѣ вещей, все сноснымъ, если не хорошимъ,—и отъ этого мнѣ стало хорошо, и поѣздка уже принесла пользу и физически, и нравственно. Передъ моимъ отъѣздомъ, недѣли за двѣ или за три, и ты попробовала сдѣлать надъ собою усиліе и повести себя въ отношеніи ко мнѣ иначе: я это видѣлъ—и, повѣрь мнѣ, ты уже взяла хорошіе проценты съ капитала твоего усилія: это *я* знаю. Вѣдь стало же тебя на это! Лишь захоти—и всегда станетъ, и все будетъ хорошо, и всѣ страданія и мученія сами собою незамѣтно исчезнутъ.

Здоровье мое поправляется. Кашель почти совсѣмъ исчезъ, а между тѣмъ, не забудь, я еще почти не видалъ хорошей погоды и, въ этомъ отношеніи, выѣхалъ только изъ Питера, но

не изъ Москвы; что же будетъ въ Одессѣ, гдѣ я буду черезъ недѣлю и гдѣ я буду купаться въ морѣ?

Изъ плодовъ въ Харьковѣ мы нашли только землянику, да и ту подаютъ только въ гостинницахъ. Нынѣшняя весна и въ Харьковѣ была не лучше петербургской. Верстъ за 30 до Харькова я увидѣлъ Малороссію, хотя еще и перемѣшанную съ грязнымъ москальствомъ. Избы хохловъ похожи на домики фермеровъ—чистота и красивость неописанныя. Вообрази, что малороссійскій борщъ есть не что иное, какъ зеленый супъ (только съ курицею или бараниною, и заправленный саломъ), а о борщѣ съ сосиськами и ветчиною хохлы и понятія не имѣютъ. Супъ этотъ они готовятъ превкусно и до-нельзя чисто. И это мужики! Другія лица, смотрятъ иначе. Дѣти очень милы, тогда какъ на русскихъ и смотрѣть нельзя—хуже и гаже свиней. Зубъ мой выпадаетъ. Въ Москвѣ хочу попробовать счастія у Жоли—заплачу подороже, лишь бы сдѣлалъ хорошо. Если и его пломбировка окажется такою же—полно платить деньги этимъ шарлатанамъ.

Изъ моей поѣздки хочу сдѣлать статью. Въ головѣ плановъ бездна. Словомъ: оживаю и вижу, что могу писать лучше прежняго, могу начать новое литературное поприще. А закабались опять въ журнальную работу—идіотъ, кретинъ!

Все бы хорошо, если-бъ не твоя болѣзнь. Прощай. Жму и цѣлую твою руку, прошу и умоляю тебя, милая Marie, береги себя, помни, что ты больше не принадлежишь себѣ. Когда я уѣзжалъ, вы все пророчили, что я и простужусь, и обожрусь, и обопьюсь; а вышло не такъ: я берегъ себя и былъ остороженъ—могу похвалиться этимъ. Мое здоровье все улучшается, а ты больна, конечно, отъ простуды; но сколько же ты прибавила къ ней отъ себя, и какъ помогаешь ты ей доканывать себя—Богъ тебѣ судья!

Вчера мы съ Михаиломъ Семеновичемъ пили шампанское за здоровье Ольги, о чемъ и прошу увѣдомить ее.

15 іюня.

Въ Харьковѣ опять тепло. Третьяго дня пошелъ теплый дождь—и стало тепло. Харьковъ былъ первый городъ, въ которомъ на этой дорогѣ встрѣтился я съ мухами и блохами, а вчера вечеромъ (чудный вечеръ—такъ и парило!) укусилъ меня

первый комаръ, котораго я отъ радости тутъ же и раздавилъ. Что за пыль въ Харьковѣ! Ужасъ!

Меня печалитъ мысль, что ты долго не получишь моихъ писемъ. Твои шли ко мнѣ: первое, кажется, 17, а второе 15 дней. Чего ты ни надумаешься въ ожиданіи! Это письмо пойдетъ по экстра-почтѣ, и потому не мудрено, что ты получишь его прежде перваго, которое пошло къ тебѣ въ середу (12).

Завтра въ ночь ѣдемъ въ Екатеринославъ, черезъ недѣлю будемъ въ Одессѣ. Пиши туда на имя Александра Ивановича Соколова (въ Одессѣ). Еще разъ прощай, другъ мой. Желаю тебѣ всего хорошаго, а больше всего здоровья и терпѣнія, терпѣнія и здоровья.

Твой Виссаріонъ.

Къ М. В. Бѣлинской. 24 іюня, 1846.

Одесса. 1846, іюня 24, понедѣльникъ.

Мысль о твоей болѣзни, chère Marie, такъ мучительно безпокоитъ меня, что мнѣ тяжело писать къ тебѣ. Къ этому присоединяется еще та мысль, что до сихъ поръ ты не получила отъ меня ни одного письма со времени выѣзда моего изъ Москвы. При твоей обыкновенной мнительности, въ соединеніи съ болѣзнью, это обстоятельство должно быть для тебя истинною пыткой. То я боленъ, то умеръ, то забылъ свое семейство до того, что и знать о немъ не хочу, то мнѣ скучно, и я страдаю, то мнѣ весело, и я до того наслаждаюсь всѣми благами, что мнѣ вовсе не до жены: вотъ мысли, которыя денно и нощно вертятся у тебя въ головѣ и грызутъ тебя. Я это знаю хорошо, потому что знаю тебя хорошо, не говоря уже о томъ, что на твоемъ мѣстѣ и всякая другая женщина, хоть и не такъ, а все бы не могла не безпокоиться. Я и самъ, до полученія отъ тебя письма въ Харьковѣ, чувствовалъ себя неловко, и хотя это письмо было и неутѣшительно, но все-таки оно избавило меня хотя отъ чувства неизвѣстности, которое теперь опять мучитъ меня. Разсчитываю по пальцамъ, и все выходитъ, что мои два письма изъ Харькова (отъ 12 и 15 іюня) ты должна получить не прежде 28 числа, т. е. еще черезъ 4 дня по отсылкѣ вотъ этого письма; а когда получу отъ тебя письмо—не знаю. Я, впрочемъ, несмотря на это, живу недурно, даже больше весело, нежели скучно, по-

тому что мысль о тебѣ и твоемъ положеніи вдругъ набѣгаетъ на меня, какъ волна на корабль,—качнетъ и рванетъ,—и отхлынетъ. Такія минуты довольно часты и очень тяжелы, но я гоню отъ себя черныя мысли, какъ солдатъ на сраженіи, который все-таки думаетъ: авось не убьютъ, и съ отчаянною храбростью слышитъ свистъ пуль. Я думаю: если худо, еще будетъ время отдаться мукамъ страданія, а если хорошо, то нечего заранѣе напрасно себя мучить и терзать. Здоровье мое очень поправилось: я и свѣжѣе, и крѣпче, и бодрѣе. Что же касается до кашля—въ отношеніи къ нему я сдѣлался совершеннымъ барометромъ: солнце жжетъ, вѣтру нѣтъ—грудь моя дышетъ легко, мнѣ отрадно, и кажется, что проклятый кашель навсегда оставилъ меня: но лишь скроется солнце хоть на полчаса за облако, пахнетъ вѣтеръ—и я кашляю. Впрочемъ, сильные припадки кашля оставили меня уже съ мѣсяцъ. Вообще же, если бы я получилъ отъ тебя письмо, изъ котораго бы увидѣлъ, что ты здорова и спокойна, Ольга попрежнему дуетъ молоко, какъ теленокъ, здоровѣетъ, полнѣетъ, начинаетъ ходить, лепетать, Агриппина находится въ добромъ гуморѣ, и вы съ нею бранитесь только слегка, и то больше для препровожденія времени,—я бы началъ жить, какъ давно уже не жилъ, да и надежду потерялъ жить. Но когда я получу отъ тебя письмо (если бы и предположить, что оно будетъ такъ благопріятно, какъ бы мнѣ хотѣлось): мое получишь ты 28, свое пошлешь, положимъ, 30-го іюня, а получу я его и не знаю, когда—недѣли черезъ три. Надѣлалъ же я дѣла, пославши тебѣ письмо изъ Калуги въ Гапсаль!

Изъ Харькова выѣхали мы въ воскресенье, 16-го, въ ночь, часа въ три. Наканунѣ, въ субботу, Кронебергъ участвовалъ въ пикникѣ, который затѣяли его знакомые. Замѣтивъ, что тутъ будетъ много незнакомыхъ рожъ, которыя, кажется, на меня и собирались, я отказался, хотя меня и сильно упрашивали. Съ пикника Кронебергъ провожалъ одну даму, на ея лошадяхъ, и лошади понесли ихъ съ страшной горы; жизнь сидѣвшихъ была на волоскѣ. Кронебергъ выпрыгнулъ счастливо, только ушибъ колѣни и подбородокъ, и на другой день я увидѣлъ его съ подвязаннымъ лицомъ. Дама тоже отдѣлалась легкимъ ушибомъ; только кучеру досталось порядкомъ. Пикникъ ихъ былъ скученъ, и я поздравилъ себя, что не поѣхалъ на него. Въ тотъ же вечеръ (въ воскресенье) Кронебергъ былъ очень озабоченъ и сказалъ мнѣ, что его Коля тяжело боленъ. У него была корь, она

прошла, но послѣ нея сдѣлалось воспаленіе: такое теперь, говорятъ, повѣтріе. Не знаю, что теперь у нихъ дѣлается. А дѣвочка ихъ—ничего; здорова и смѣшна, какъ слѣдуетъ быть ребенку, даже довольно жива.

Изъ Харькова выѣхали мы, какъ водится, съ дождемъ и довольно холодною погодой. Во время спектакля шелъ сильный дождь, обратившій страшную пыль въ порядочную грязь. Мы направили нашъ путь на Екатеринославъ. Погода скоро поправилась, и стало свѣтло, хотя и холодно, за исключеніемъ полдня, когда пекло солнцемъ. На одной станціи мы принуждены были ночевать, прождавши лошадей ровно 12 часовъ. Во вторникъ, часовъ около 8 вечера, прибыли въ Екатеринославъ. Этотъ городъ, какъ всѣ города въ Новороссіи, построенъ Потемкинымъ, который хотѣлъ изъ него сдѣлать южную столицу Россіи. И было гдѣ! Екатеринославъ стоитъ на берегу Днѣпра, на высокомъ берегу; Днѣпръ обтекаетъ его полукругомъ, и въ этомъ мѣстѣ шире Невы. Городъ чрезвычайно оригиналенъ: улицы прямыя, широкія, есть дома порядочные, но больше все мазанки, по улицамъ бродятъ свиньи съ поросятами, спутанныя лошади. Городъ кишитъ жидами. На огромной (незастроенной) площади стоитъ храмъ, довольно большой; но онъ занимаетъ только мѣсто алтаря по прежнему плану. Потемкинъ хотѣлъ его строить на цѣлый аршинъ кругомъ шире собора Петра и Павла въ Римѣ—величайшаго въ Европѣ храма. Но онъ умеръ, и съ нимъ умерли всѣ его исполинскіе планы. На той же площади стоитъ дворецъ Потемкина, въ которомъ онъ принималъ у себя императрицу Екатерину и австрійскаго императора Іосифа II. Середина дворца реставрирована для дворянскаго собранія, а боковыя зданія находятся въ состояніи развалинъ. При дворцѣ садъ, омываемый заливомъ Днѣпра, въ саду много деревьевъ, которыя не могутъ расти въ московскомъ климатѣ, и которыхъ нѣтъ въ Харьковѣ (хотя отъ Харькова до Екатеринослава только 200 верстъ), напр., шелковичное дерево и др. Интересенъ также казенный городской садъ. Въ немъ однѣхъ яблонь до 49 родовъ, акацій до 30 родовъ, много разныхъ американскихъ растеній. Все это смотрѣли мы на другой день пріѣзда; погода была чудесная, я много ходилъ—и не уставалъ, а видъ этой природы и чуднаго мѣстоположенія упоилъ меня. Отобѣдавши у одного знакомаго Михаила Семеновича, въ 5 часовъ вечера мы выѣхали изъ Екатеринослава. Проѣхали черезъ Херсонъ (довольно дрянной городишко, при

днѣпровскомъ лиманѣ, т. е. заливѣ); отъ него поворотили параллельно морю, отъ востока на западъ, ѣхавши до того времени прямо отъ сѣвера на югъ. Жаль, что черезъ Николаевъ проѣзжали ночью. Городъ большой, портовой, стоитъ онъ при сліяніи Буга съ Ингуломъ, образующемъ рѣку шириною верста и 70 саженъ. Переправлялись на баркасѣ, съ парусомъ и на веслахъ; ночь была чудная, мѣсячная. На другой день (въ субботу, 22), за 30 верстъ отъ Одессы завидѣли Черное море, по берегу котораго столько верстъ ѣхали, не видавши его. Въ Одессу пріѣхали въ 2 часа. Оригинальный городъ! чисто иностранный, съ итальянскимъ характеромъ. Нашъ трактиръ на берегу моря, берегъ высокій, вдоль его идетъ бульваръ, внизъ къ морю идетъ каменное крыльцо, съ большими уступами, въ 200 ступенекъ. По этой лѣстницѣ ходятъ купаться въ морѣ. На морѣ корабли, суда. Видъ единственный! А что за гулянье по этому бульвару въ тихую, теплую погоду, лунной ночью! Боже великій! Когда въ Одессѣ жары, жители днемъ спятъ, а ночью гуляютъ. Днемъ пыль страшная, и многіе дома (и нашъ трактиръ) сдѣланы съ жалузи, которые днемъ и ночью не открываются, по причинѣ страшной пыли. Есть въ Одессѣ Палеройяль—четвероугольное зданіе, съ садикомъ внутри, съ галлереей кругомъ, съ 3-хъ сторонъ—съ 4-й ходъ въ театръ. Тутъ лавки съ модными товарами, кофейни, кондитерскія, въ галлереяхъ всегда народъ, сидятъ на скамейкахъ, на стульяхъ, передъ маленькими столиками, пьютъ кофе, шоколадъ, лимонадъ, оршадъ, ѣдятъ мороженое. Все это довольно пестро, живо. Для меня одно скверно: нельзя купаться въ морѣ—вода страшно холодна. Это странное море—вода въ немъ холоднѣетъ отъ южнаго вѣтра, который ее выворачиваетъ со дна, а при сѣверномъ теплѣетъ. Дня за три до нашего пріѣзда вода была тепла. Впрочемъ, нынѣшній годъ весна и лѣто въ Одессѣ скверныя, какъ и во всей Россіи. Оно, коли хочешь, тепло, даже жарко, но вѣтеръ холодный. Теперь, спасибо, вечера очаровательны; поэзія, чистая поэзія!

Пріѣхавши, я взялъ ванну, теплую, изъ морской воды; меня отъ нея страшно разслабило — едва на ногахъ держался цѣлый день. Завтра возьму похолоднѣе. Сдуру вымылъ голову морскою водой — 4 раза мылилъ, а грязи все-таки не смылъ, потому что соленая вода уничтожаетъ мыло. Отъ смѣси оставшейся въ волосахъ грязи съ морскою водой моя голова до сихъ поръ словно смолою вымазана.

Шью себѣ сюртукъ въ Одессѣ. Неимѣніе сюртука въ дорогѣ было для меня истинною пыткой. Безъ фрака было бы во 100 разъ легче обойтись. Въ Одессѣ все страшно дешево.

Мы проживемъ въ Одессѣ недѣли двѣ, а можетъ быть и три, и я надѣюсь получить отъ тебя письмо въ отвѣтъ на мои харьковскія; а если не получу, А. И. Соколовъ перешлетъ ихъ въ Крымъ.

Пиша это письмо, я все жралъ вишни. Пока изъ плодовъ только и есть. Впрочемъ, въ Екатеринославѣ отвѣдалъ дыни.

Въ пятницу мнѣ будетъ весело отъ мысли, что наконецъ-то получила ты отъ меня мои письма. О, если бы они застали тебя выздоровѣвшею!

Но, пока прощай. Изъ Одессы ты получишь отъ меня еще письма два или три, смотря по тому, сколько времени проживемъ мы въ ней. Цѣлую тебя и Ольгу и кланяюсь всѣмъ вамъ.

Это письмо пойдетъ сегодня же, по экстра-почтѣ.

Твой Виссаріонъ.

Къ М. В. Бѣлинской. 28 іюня, 1846.

Одесса 1846, іюня 28.

Если только мои письма изъ Харькова не пропали на почтѣ, то ты ихъ уже получила сегодня, вчера, или даже три и четыре дня назадъ. Но отъ тебя ни строки. Неужели ты, послѣ двухъ своихъ писемъ, не послала еще ни одного въ Харьковъ? Страшно подумать! потому что безъ особенной причины ты едва ли бы стала такъ долго не писать. Хорошо бы, еслибъ это потому, что ты хотѣла сперва дождаться отвѣта отъ меня, считая меня безъ вѣсти пропавшимъ. Однако-жъ я все надѣюсь и жду: авось Кронебергъ перешлетъ мнѣ твое письмо изъ Харькова. Если-жъ нѣтъ, буду крѣпиться и ждать отвѣта отъ тебя на мои харьковскія письма, ждать ихъ до половины будущаго мѣсяца, до 20-хъ чиселъ его, а тамъ ужъ, конечно, если не отъ тебя, такъ отъ другихъ услышу что-нибудь о тебѣ. А пока буду писать въ предположеніи, даже въ увѣренности, что все хорошо, что ты теперь поправилась, а мои письма изъ Харькова успокоили и развеселили тебя.

Со вторника (на другой день по отправленіи къ тебѣ пер-

ваго письма моего) въ Одессѣ наступила лѣтняя погода. Не знаю, сколько именно градусовъ, но увѣренъ, что на солнцѣ не меньше 35. Михаилъ Семеновичъ весь такъ и плыветъ; меня этимъ еще нельзя пронять, но бываетъ и мнѣ тяжело. Потѣю чуть-чуть (потому что днемъ не выхожу), но иногда даже лежать трудно, не только сидѣть. Спимъ съ отвореннымъ окномъ, и я накрываюсь ночью моимъ салфеточнымъ халатомъ — и то жарко! Но что за вечера! что за луна! На одесскомъ бульварѣ, ночью, при лунѣ, надъ моремъ, поневолѣ становишься романтикомъ: грудь ноетъ, а на душѣ такъ сладко, свѣтло и ясно, хочется плакать, самъ не зная, о чемъ и отчего, на глазахъ кипятъ слезы, а въ умѣ никакой опредѣленной мысли. Смѣшно, право! Палеройяль—очарованіе, особенно вечеромъ. Кругомъ магазины, съ широкими галлереями, съ асфальтовымъ поломъ, внутри садикъ, горятъ огни; мужчины, дамы гуляютъ, сидятъ, болтаютъ, пьютъ, ѣдятъ. Хожу я настоящимъ аркадскимъ пастушкомъ: въ бѣлыхъ панталонахъ, въ жилетѣ, легкомъ платкѣ на шеѣ и бѣломъ пальто, прюнелевыхъ сапогахъ и соломенной шляпѣ—да и то жарко. Сегодня въ первый разъ купался въ морѣ — хорошо. Вода вблизи зеленая, попадетъ въ ротъ — солоно. Въ Одессѣ у Михаила Семеновича есть докторъ, короткій знакомый, прекрасный человѣкъ и искусный врачъ. Онъ меня разспрашивалъ о болѣзни, далъ наставленіе, какъ купаться, и только потому не далъ лѣкарства, что не нашелъ этого нужнымъ. Онъ вмѣстѣ съ нами ѣдетъ въ Крымъ. Въ Одессѣ мы пробудемъ еще съ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и больше. Изъ Одессы поѣдемъ въ Крымъ моремъ, а тамъ опять начнемъ колесить и кочевать изъ города въ городъ: Михаалъ Семеновичъ заключилъ условіе съ однимъ содержателемъ труппы и будетъ играть у него въ Симферополѣ, Севастополѣ, Херсонѣ, Николаевѣ, Елисаветградѣ и, не знаю, гдѣ еще — всего 41 спектакль.

Въ понедѣльникъ вечеромъ вздумалъ я купить себѣ въ Палеройялѣ дюжину фуляровъ, за которую заплатилъ 20 рублей серебромъ. Въ Питерѣ дюжина такихъ платковъ (большіе, прочные, плотные) стоила бы рублей 30, если не больше. Да вздумалось мнѣ кстати купить что-нибудь для тебя и Агриппины, и купилъ я вамъ по полдюжинѣ батистовыхъ платковъ, тебѣ подороже, ей подешевле: за твою полдюжину заплатилъ я 45 руб. ассигн., за ея — 25. Вы, пожалуй, за этотъ гостинецъ, вмѣсто спасибо, еще разбраните меня. Но что-жъ было дѣлать? Матеріи

на платье въ Одессѣ купить нельзя: таможня пропускаетъ только сшитое и надѣванное (почему платки ваши будутъ обрублены и сполоснуты). Купить что-нибудь дешевенькое? — но въ такомъ случаѣ всего бы лучше купить при въѣздѣ въ Петербургъ пару саекъ, да и сказать, что вотъ-молъ вамъ, душеньки, подарокъ одесскій. А если меня не обманули и лишняго не взяли, то такихъ платковъ за такую цѣну въ Питерѣ купить нельзя: вотъ почему одесскій гостинецъ имѣетъ смыслъ. Сегодня вечеромъ принесутъ мнѣ отъ портного суконный сюртукъ и триковый сюртукъ-пальто. Сукно по 25 руб. аршинъ, и Михаилъ Семеновичъ говоритъ, что въ Петербургѣ такое сукно стоитъ 35 руб.; а весь сюртукъ, съ прикладомъ и работою, стоитъ 125 руб. ассигн., а сюртукъ-пальто 80. Непремѣнно куплю себѣ еще полторы дюжины рубашекъ: дюжина готовыхъ (голландскаго полотна) стоитъ 60 руб. серебромъ: вѣдь это не мотовство, и рубашки надо же будетъ мнѣ дѣлать въ Петербургѣ, а тамъ онѣ много дороже. Денегъ возьму у Михаила Семеновича, а ему отдамъ въ Москвѣ; теперь же трачу изъ 500 ассигн., которыя далъ мнѣ Герценъ; онъ еще въ Петербургѣ писалъ о нихъ и хотѣлъ мнѣ выслать, но я написалъ къ нему, чтобы онъ далъ мнѣ ихъ въ Москвѣ.

Докторъ сказалъ мнѣ, что мой кашель не грудной и не желудочный, а происходитъ отъ разстройства всего организма, преимущественно же нервной системы. Теперь только вижу я, до какой степени разстроены твои нервы: мои крѣпче твоихъ, я не боюсь лошадей и не пугаюсь ничего, что̀ вижу или знаю впередъ, но когда я слышу залпъ изъ пушки (2 раза въ день, въ 12 часовъ дня и въ 9 вечера), то всегда пугаюсь, какъ будто бы подо мною полъ провалился, и я полетѣлъ вверхъ ногами. Докторъ говорилъ мнѣ о чудотворной силѣ морского купанья для страждущихъ разстройствомъ нервовъ и увѣрялъ, что онъ отпуститъ меня домой совершенно здоровымъ. Я, дѣйствительно, становлюсь крѣпче. Сегодня только два раза отдыхалъ на лѣстницѣ въ 200 ступенекъ, и то на минуту, и то отъ слабости ногъ, а не отъ одышки, которой почти не чувствовалъ; слабость же въ колѣнахъ чувствуютъ всѣ, не привыкшіе ходить по этой лѣстницѣ, даже Михаилъ Семеновичъ, хотя это и желѣзный человѣкъ. Вотъ уже три дня, какъ я не сплю послѣ обѣда, и за то, какъ лягу ночью, такъ и засну сію же минуту, и сплю крѣпко до $6^1/_2$ часовъ; а ложусь въ одиннадцатомъ, когда нѣтъ театра. А спать днемъ пересталъ потому, что за это провелъ

адскую ночь—засну и проснусь—тяжело, жарко, душно, даромъ, что окно отворено. Не знаю, какъ буду спать нынѣшнею ночью, послѣ морского купанья. Морская вода дѣйствуетъ на тѣло почти такъ же сильно, какъ и минеральныя воды, и производитъ волненіе и жаръ въ крови ужасные. Поэтому, я купался не больше двухъ минутъ. Ѣмъ вообще умѣренно. Впрочемъ, въ жары я не могу обжираться, еслибъ и хотѣлъ, а здѣшніе жары—не петербургскіе. Вишни и черешни не могу съѣсть и фунта за разъ, а больше одного раза въ день еще не случалось: отъ этой ягоды, слава Богу, скоро дѣлается оскомина. Другихъ плодовъ пока еще нѣтъ, а апельсины теперь ужъ гадки. Вотъ въ Крыму—другое дѣло, надо будетъ быть осторожнѣе; да съ нами будетъ докторъ, да и Михаилъ Семеновичъ смотритъ за мной, словно дядька за недорослемъ. Что за человѣкъ, еслибъ ты знала!

Въ пятницу опять буду писать, а еслибъ до понедѣльника получилъ черезъ Кронеберга отъ тебя письмо изъ Харькова, то написалъ бы и въ понедѣльникъ: въ оба эти дня ходитъ экстрапочта. Прощай, цѣлую тебя и Ольгу и жму руку Агриппинѣ.

Твой Виссаріонъ.

Къ А. И. Герцену. 4 іюля, 1846.

Одесса. 1846, іюля 4.

Вчера получилъ письмо твое, любезный Герценъ, за которое тебѣ большое спасибо. Насчетъ перваго пункта вполнѣ полагаюсь на тебя; не забывай только одного—распорядиться въ томъ случаѣ, если мы разъѣдемся.

Мои путевыя впечатлѣнія, собственно, будутъ вовсе не путевыми впечатлѣніями, какъ твои «Письма объ изученіи природы»—вовсе не объ изученіи природы письма. Ты самъ знаешь, что̀ и много ли можно сказать у насъ о томъ, что замѣтишь и чѣмъ впечатлишься въ дорогѣ. Итакъ, путевыя впечатлѣнія у меня будутъ только рамкой статьи, или, лучше сказать, придиркой къ ней. Они будутъ состоять больше въ толкахъ о скверной погодѣ и еще сквернѣйшихъ дорогахъ. А буду писать я вотъ о чемъ:

1. О театрѣ русскомъ, причинахъ его гнуснаго состоянія и причинахъ скораго и совершеннаго паденія сценическаго искус-

ства въ Россіи. Тутъ будетъ сказано многое изъ того, что уже было говорено и другими, и мною, но предметъ будетъ разсмотрѣнъ à fond. Михаилъ Семеновичъ игралъ въ Калугѣ, Харьковѣ, теперь играетъ въ Одессѣ, а, можетъ быть, будетъ играть въ Николаевѣ, Севастополѣ, Симферополѣ и чортъ знаетъ гдѣ еще. Я видѣлъ много, ходя и на репетиціи, и на представленія, толкаясь между актерами. Сверхъ того, Михаилъ Семеновичъ преусердно снабжаетъ меня комментаріями и фактами, что̀ все будетъ ново и сильно.

2. Въ Харьковѣ я прочелъ «Московскій Сборникъ»: луплю и наяриваю объ немъ. Статья Самарина умна и зла, даже дѣльна, несмотря на то, что авторъ отправляется отъ неблагопристойнаго принципа кротости и смиренія и, подлецъ, зацѣпляетъ меня въ лицѣ «Отечественныхъ Записокъ». Какъ умно и зло казнитъ онъ аристократическія замашки Соллогуба! Это убѣдило меня, что можно быть умнымъ, даровитымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, будучи славянофиломъ. За то Хомяковъ — я-жъ его, ракалію! Дамъ я ему зацѣплять меня, узнаетъ онъ мои крючки! Ну, ужъ статья! Вотъ безталанный-то... ерникъ! Потѣшусь, чувствую, что потѣшусь.

3. Я не читалъ еще ругательства Сенковскаго, но радъ ему, какъ новому матеріалу для моей статьи.

Изъ этого видишь, что моя статья будетъ журнально-фельетонною болтовней о всякой всячинѣ, сдобренною полемическимъ задоромъ. Ужъ сдобрю!

Въ Калугѣ столкнулся я съ Иваномъ Аксаковымъ. Славный юноша! Славянофилъ, а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ славянофиломъ. Вообще, я впадаю въ страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами, дѣйствительно, могутъ быть порядочные люди. Грустно мнѣ думать такъ, но истина впереди всего!

Здоровье мое лучше. Я, конечно, свѣжъ и замѣтно крѣпче, но кашель все еще и не думаетъ оставлять меня. Съ 25 іюня начались было въ Одессѣ жары, но съ 30 опять посвѣжѣло; впрочемъ, все тепло, такъ что ночью потѣешь въ легкомъ пальто. Началъ было я читать Данта, т.-е. купаться въ морѣ, да кровь прилила къ груди, и я цѣлое утро харкалъ кровью; докторъ велѣлъ на время прекратить купанья.

Вотъ, что скверно. Послѣднія два письма отъ жены получилъ я въ Харьковѣ, отъ 22 и 27 мая; въ обоихъ она жалуется на

огорченія и лихорадку; а съ тѣхъ поръ до сей минуты не получаю ни строки и не знаю, что съ нею дѣлается, тоска! Безъ этого мнѣ было бы весело—far niente.

Соколовъ—славный малый, но впалъ въ провинціальное прекраснодушіе. Оттого, что ты въ письмѣ ко мнѣ не упомянулъ о немъ, чуть не расплакался. О, провинція—ужасная вещь! Одесса лучше всѣхъ губернскихъ городовъ, это — рѣшительно третья столица Россіи, очаровательный городъ, но—для проходящихъ. Остаться жить въ ней—гибель.

Натальѣ Александровнѣ мой поклонъ. А что-жъ ты не пишешь: гдѣ теперь пьетъ Огаревъ и селадонствуетъ Сатинъ? Всѣмъ нашимъ жму руку. Что ты не сообщилъ мнѣ ни одной новой остроты Корша? Поклонись отъ меня его семейству и не сказывай Марьѣ Ѳедоровнѣ, что меня безпокоитъ неизвѣстность о положеніи моего семейства: она, пожалуй, сочтетъ меня за примѣрнаго (!) семьянина, а такое мнѣніе съ ея стороны хуже самой злой остроты Корша. Если не поклонишься, скажи имъ что-нибудь.

В. Б.

Михаилъ Семеновичъ страдаетъ отъ одесскихъ жаровъ и своего чрева, — насилу носитъ его. Вамъ всѣмъ кланяется, а жертву своего обольщенія, Марью Кашперовну, цѣлуетъ—такой шалунъ!

Къ М. В. Бѣлинской. 8 іюля, 1846.

Одесса. 1846, іюля 8.

Сейчасъ получилъ твое письмо, chère Marie; оно меня испугало, обрадовало, успокоило и удивило. Я думалъ, ты умираешь, если еще не умерла, или что съ Ольгой плохо. Твоя лихорадка и ежедневныя мелкія огорченія, которыя такъ сильно на тебя дѣйствуютъ, — о чемъ всемъ писала ты мнѣ въ послѣднемъ письмѣ своемъ отъ 27 мая, не говоря ни слова о томъ, лѣчишься ли ты, — все это напугало меня. Прибавь къ этому, что вотъ уже почти мѣсяцъ, какъ я не получалъ отъ тебя ни строки и, слѣдовательно, не имѣлъ никакого понятія о твоемъ положеніи за цѣлые полтора мѣсяца, кромѣ того, что ты больна. Каждый день жду письма, черезъ Кронеберга, изъ Харькова, и вотъ съ полчаса назадъ—

письмо; срываю конвертъ Кронеберга—тамъ рука твоя—ну!—читаю—и странное впечатлѣніе произвело на меня это письмо. Что за старина! Я исколесилъ болѣе двухъ тысячъ верстъ, проѣхалъ Калугу, Тулу, Воронежъ, Курскъ, былъ на Коренной, въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, вотъ уже 17-й день, какъ въ Одессѣ, а ты все еще не выѣхала изъ Москвы, все пишешь мнѣ о моемъ пребываніи въ Москвѣ, которое я помню, какъ будто, сквозь сонъ. Однако-жъ я очень хорошо помню, что ни въ Москвѣ, ни въ другомъ какомъ мѣстѣ не плакалъ. Это, вѣроятно, bon mot Панаева, которое Масловъ принялъ за наличныя деньги, а ты и повѣрила. Впрочемъ, если это имѣетъ какое-нибудь основаніе, т.-е. хоть не то, чтобы я рыдалъ, а, можетъ быть, глаза были влажны,—такъ не помню, какъ честный человѣкъ, не помню, потому что былъ въ истинномъ «восторгѣ», такъ что многое мнѣ помнится, какъ сквозь сонъ.

Не понимаю, что у тебя былъ за планъ прожить зиму въ Ревелѣ: что за ребяческая мысль? но объ этомъ послѣ. Что я за Ольгу радъ до смерти, что я люблю ее безъ памяти и заочно, при сей вѣрной оказіи, цѣлую ее 1000 разъ,—все это разумѣется само собою, но вотъ, что мнѣ кажется странно: когда же это она успѣла захворать и выздоровѣть: вѣдь въ письмѣ отъ 27 мая она была здорова, а отъ 27 мая до 6 іюня—всего десять дней. И что же ты не написала, чѣмъ именно была она больна? Потомъ: забыла ли она о груди, какъ забыла обо мнѣ, вѣтренница и измѣнница?

Я никакъ не ожидалъ, чтобы Ревель былъ такъ отвратителенъ. Хуже всего то, что ты не только не гуляешь, но и не купаешься въ морѣ. За этимъ люди пріѣзжаютъ чортъ знаетъ откуда; а ты пріѣхала не издалека, и понапрасну. А морскія ванны должны бы тебѣ быть полезны, какъ всѣмъ слабонервнымъ; только безъ доктора съ ними обращаться опасно. Я началъ купаться съ пятницы (28 іюня), въ субботу и воскресенье купался по два раза, а когда, въ понедѣльникъ (1 іюля) поутру, пошелъ я сдѣлать шестое купанье, то замѣтилъ, что откашливаюсь съ кровью. Это мнѣ не помѣшало выкупаться. Однако, въ тотъ же день поѣхалъ я къ доктору, и онъ велѣлъ мнѣ на время оставить купанье и далъ микстуру, отъ которой меня послабило и отвлекло приливъ крови отъ груди внизъ. Тѣмъ не менѣе, сегодня впервые позволилъ онъ мнѣ возобновить купанья, и я поутру купался, а часа черезъ три опять пойду. Чудо, что за

наслажденіе! Сегодня море въ волненіи, волна то подхватитъ тебя, взнесетъ на гору, сброситъ внизъ, окатитъ съ головой, вода теплая, погода чудная, хотя и съ вѣтромъ! Купанье уже оказало благодѣтельное вліяніе на мои нервы: я сталъ крѣпче, свѣжѣе и здоровѣе.

Въ Москвѣ мы будемъ съ Михаиломъ Семеновичемъ къ первому октября, и, если опоздаемъ, то никакъ не больше, какъ двумя или тремя днями, потому что онъ получилъ отпускъ до этого времени. Пріѣхавши, я тотчасъ же беру мѣсто въ мальпостъ, или гдѣ случится, и въ Москвѣ пробуду не болѣе недѣли.

Ты пишешь, что это отъ тебя 4-е письмо въ Харьковъ: я третьяго не получалъ. Должно быть, ты адресовала его на имя Алфераки, а онъ теперь на ярмаркѣ въ Ромнахъ. Жаль, что такъ случилось.

Спектакли русскіе въ Одессѣ кончились, и мы пока живемъ такъ, сами не зная, скоро ли ѣдемъ. Это зависитъ отъ содержателя театральной труппы въ Новороссіи, съ которымъ Михаилъ Семеновичъ сдѣлалъ условіе. Когда онъ напишетъ, мы по старому пути поѣдемъ на сѣверо-востокъ, въ Николаевъ, гдѣ проживемъ недѣль около двухъ, оттуда еще дальше—въ Херсонъ, а оттуда опять въ Одессу, чтобы изъ нея моремъ ѣхать на южный берегъ Крыма, откуда поѣдемъ въ Симферополь и Севастополь, гдѣ Михаилъ Семеновичъ будетъ играть.

Я познакомился съ братомъ покойнаго Кульчицкаго. Онъ очень похожъ на Александра Яковлевича, только ниже его ростомъ, здоровъ и полнъ. Онъ показался мнѣ порядочнымъ молодымъ человѣкомъ.

Можно ли быть аккуратнѣе меня: получилъ отъ тебя письмо— и часа черезъ два послалъ отвѣтъ на почту!

Продолжай писать въ Одессу на имя Александра Ивановича Соколова. Когда меня и въ Одессѣ не будетъ, онъ станетъ пересылать ко мнѣ. По моему разсчету, на дняхъ отъ тебя долженъ притти ко мнѣ отвѣтъ на мои два письма изъ Харькова. Если онъ придетъ до пятницы или въ пятницу, то въ этотъ день пошлю къ тебѣ письмо по экстра-почтѣ, а если послѣ, то буду писать въ понедѣльникъ.

Что это у тебя за странная манера говорить и писать о своей беременности такимъ тонкимъ штилемъ, какъ будто дѣло идетъ о контрабандѣ? Мнѣ было бы пріятнѣе, если-бъ ты написала прямо о своемъ положеніи въ этомъ отношеніи, т.-е. въ какой

степени беременности находишься ты, когда придется тебѣ родить. Да, Бога ради, познакомься съ какимъ-нибудь лѣкаремъ: иначе я спокоенъ не буду, а я и такъ еще не совсѣмъ успокоился: вѣдь отъ 6-го іюня до 8 іюля я ничего не знаю о вашемъ положеніи. Кланяюсь Агриппинѣ и прощаюсь съ тобою.

Твой Виссаріонъ.

Отъ Кронеберга получилъ письмо; у него дома все хорошо. Погода въ Одессѣ жаркая. Жру теперь все абрикосы — ихъ подвезли изъ Константинополя. Кстати: въ Грузію мы не поѣдемъ.

Къ М. В. Бѣлинской. 12 іюля, 1846.

Одесса. 1846, іюля 12.

Наконецъ я получилъ отъ тебя и отвѣтъ на мое первое письмо изъ Харькова, и теперь совершенно спокоенъ на счетъ вашего положенія по части здоровья. Правда, ты не совсѣмъ здорова, но нездоровье для насъ съ тобою вещь обыкновенная, а я боялся слѣдствій простуды твоей, полученной на пароходѣ. Итакъ, поѣздка твоя въ Ревель не принесла тебѣ ни пользы, ни удовольствія, отъ того, главное, какъ теперь ясно оказывается, что ты ошибочно понадѣялась найти въ Ревелѣ прислугу и рискнула ѣхать туда безъ прислуги. Ты пишешь, что Марья была бы теперь для тебя прекрасною кухаркою: знаешь ли что? — я бы очень желалъ, чтобы, по возвращеніи въ Петербургъ, ты не убѣдилась на опытѣ, что имѣла въ Марьѣ прекрасную няньку, лучше которой мудрено найти. Я, признаюсь, что-то сильно боюсь, что по этой части тебѣ предстоитъ много огорченій. По крайней мѣрѣ, я желалъ бы, чтобы тебѣ сдѣлали пользу купанья въ морѣ, — тогда бы, несмотря на всѣ неудовольствія, все бы стоило ѣхать въ Ревель; а иначе гораздо лучше было бы остаться въ Петербургѣ на дачѣ. На счетъ твоего переѣзда въ Питеръ,—дѣлай, какъ хочешь. Если бы и не стало денегъ, можно попросить у Александра Александровича. Кстати, о деньгахъ. Я писалъ къ тебѣ о нихъ съ тѣмъ именно, чтобы совершенно успокоить тебя въ этомъ отношеніи; но вышло иначе: по тону письма твоего видно, что тебѣ все худо—нѣтъ денегъ, и есть деньги. Я совсѣмъ не надѣюсь занять гдѣ-нибудь, какъ пишешь ты. Гдѣ мнѣ

занять, и кто мнѣ дастъ взаймы? Но я потому и рѣшился ѣхать въ такой дальній путь, что надѣялся не занять у кого-нибудь, а взять у друзей денегъ, съ которыми могъ бы пріѣхать въ Петербургъ. И я не ошибся въ моей надеждѣ: Герценъ предложилъ мнѣ денегъ. Объ отдачѣ ихъ ему я и думать не намѣренъ. И это меня нисколько не безпокоитъ, не мучитъ и не унижаетъ въ собственныхъ глазахъ: Герценъ не Струговщиковъ, не Косиковскій (о которыхъ не могу вспомнить безъ сердечнаго и всяческаго щемленія). Если-бъ подобный поступокъ съ моей стороны я считалъ предосудительнымъ, это значило бы, что я самъ, будучи богатъ, не иначе помогъ бы бѣдному пріятелю въ его стѣсненномъ положеніи, какъ внутренно презирая его за то, что онъ взялъ у меня денегъ, зная, что ему нечѣмъ будетъ заплатить мнѣ. Понимай меня, какъ хочешь, въ этомъ отношеніи, но я таковъ, и другимъ быть не хочу.

Опасеніе Агриппины, чтобы я не проболтался Достоевскому о томъ, что его родные—размазня, совершенно неосновательно. Я былъ бы не болтунъ, а дуракъ, если-бъ счелъ себя въ правѣ смѣяться Достоевскому въ глаза надъ близкими ему людьми, которые, въ довершеніе всего, были къ вамъ радушны. На этотъ счетъ я могу васъ успокоить. Не знаю также, почему тотъ — юноша и мечтатель, кто думаетъ, что годовалый ребенокъ можетъ ходить и лепетать.

Дѣйствительно, мнѣ поѣздка лучше посчастливилась, чѣмъ тебѣ. Здоровье мое все лучше и лучше становится; наконецъ, и кашель начинаетъ подаваться. Въ Одессѣ теперь жары, отъ которыхъ все охаетъ и стонетъ. Представь себѣ: ночью душно отъ жару. Вѣтеръ одна отрада. Даже мнѣ тяжело отъ жару. Купаться въ морѣ—наслажденіе. Жить въ Одессѣ дешево; только нѣтъ льду, и нечего пить—вода прегнусная. Сегодня, какъ пойдетъ къ тебѣ это письмо, мы ѣдемъ въ Николаевъ. Можетъ быть, оттуда пріѣдемъ опять въ Одессу въ первыхъ числахъ августа, а 15 августа изъ Одессы моремъ поѣдемъ въ Крымъ. Если же изъ Николаева Михаилъ Семеновичъ долженъ будетъ ѣхать играть въ Херсонъ, то въ Крымъ поѣдемъ изъ Херсона сухимъ путемъ. Во всякомъ случаѣ, письма мнѣ будетъ доставлять Александръ Ивановичъ Соколовъ; а начиная съ половины (или съ 20) августа, адресуй ихъ въ Севастополь, на имя Михаила Семеновича Щепкина (отдать при театрѣ), съ передачею мнѣ.

Я очень радъ, что ты хочешь переѣхать въ Петербургъ, не

дожидаясь меня. Мнѣ пріятнѣе застать васъ въ Питерѣ, нежели дожидаться. И квартиру вмѣстѣ будемъ искать. О причинахъ же, которыя ты приводишь въ письмѣ своемъ, нечего и говорить: онѣ основательны, какъ нельзя больше. Только одного не понимаю я: почему ты не пишешь мнѣ, когда тебѣ придется родить? Я вообще такого мнѣнія, что мнѣ не мѣшало бы знать это.

Спѣлые абрикосы—довольно вкусный плодъ. Я таки порядочно истребляю ихъ. Груши только начинаютъ спѣть, но ихъ уже давно продаютъ. Клубники и малины мнѣ не удалось отвѣдать это лѣто. Клубнику я хоть видѣлъ мелькомъ въ Харьковѣ, но малины и въ глаза не видалъ. Скоро поспѣютъ дыни и арбузы.

Я писалъ тебѣ, что въ Харьковѣ зубъ мой выпалъ. Не знаю, какъ-то разъ впихнулъ я его, да такъ удачно, что и теперь держится крѣпко, только торчитъ пренелѣпо, смотря изо рту вонъ.

Я было надѣялся, что глазные зубы у Оли пойдутъ въ іюлѣ, и что къ переѣзду она отмучается ими совсѣмъ. Анъ нѣтъ, чортъ дернулъ коренные полѣзть. Стало быть, худшее-то все еще впереди.

Въ Николаевѣ мнѣ будетъ скука смертельная. Спектакли мнѣ надоѣли смертельно. Начну что-нибудь дѣлать, если погода позволитъ, т.-е. если жары не будутъ слишкомъ мучительны. Буду купаться въ Бугѣ. Сегодня небо мрачно, вѣтеръ прохладенъ, а въ комнатѣ, при растворенномъ окнѣ, все-таки душно отъ жару, хоть я и сижу только въ рубашкѣ.

Ну, прощай. Всѣхъ васъ обнимаю.

Твой Виссаріонъ.

Къ М. В. Бѣлинской. 17—23 іюля, 1846.

Николаевъ. 1846, Іюля 17.

Михаилъ Семеновичъ попросилъ меня свезти на почту его письмо съ деньгами; а я кстати рѣшился свезти и свое, хотя писать не о чемъ, и жара страшная. Все же тебѣ весело будетъ получить письмо, хоть въ немъ и ничего не будетъ интереснаго. Жить въ Николаевѣ довольно скучно. Это первый городъ, въ которомъ у насъ не нашлось ни одного знакомаго. Городъ этотъ флотскій и набитъ матросами и ихъ офицерами. Спектакли идутъ плоховато. Актеры—ничѣмъ не лучше твоихъ чухонскихъ куха-

рокъ. Ужасъ! Кажется, 25 (въ ночь, въ четвергъ) мы опять поѣдемъ въ Одессу. Я радъ этому, потому что до 15 августа буду купаться въ морѣ, что принесетъ мнѣ большую пользу. Въ будущемъ меня интересуетъ только южный берегъ Крыма, который проѣдемъ мы дня въ два, въ три. Внѣ этого,—поѣздка мнѣ начинаетъ надоѣдать, и мнѣ начинаетъ хотѣться домой, въ свой уголъ. Думаю, что въ Севастополѣ, куда мы явимся, проѣхавъ по южному берегу Крыма, и гдѣ мы проживемъ съ мѣсяцъ, мнѣ будетъ скучно. Впрочемъ, я тамъ буду купаться въ морѣ, и потому, если будетъ и скучно, за то полезно. Здоровье мое хорошо. Особенно поправился у меня сонъ—сплю чудесно. Прощай. Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ.

В. Б.

Ухъ, какъ жарко—мочи нѣтъ.

Это письмо ты получишь позднѣе обыкновеннаго: оно пойдетъ черезъ Москву.

23 іюля.

Пришедши на почту въ прошлую середу, я узналъ тамъ, что московская почта ходитъ изъ Николаева по вторникамъ и пятницамъ. Михаилъ Семеновичъ въ пятницу раздумалъ посылать свое письмо, отложивъ до вторника. Такъ какъ мнѣ не было ни о чемъ особенномъ писать, и я отложилъ до нынѣшняго вторника. О нашемъ маршрутѣ ничего вѣрнаго не знаемъ. Сегодня содержатель труппы, Жураховскій, ѣдетъ въ Херсонъ, чтобы узнать, позволятъ ли тамъ играть постомъ; если позволятъ, то перваго августа или въ ночь 31 іюля мы выѣзжаемъ изъ Николаева въ Херсонъ (59 верстъ). Если не позволятъ, то Жураховскій будетъ просить позволенія играть въ Симферополѣ, и мы ѣдемъ туда. Если же бы не позволили ни тамъ, ни тутъ, мы, оставивъ экипажъ Жураховскому и оставивъ при немъ человѣка, поѣхали бы изъ Николаева въ Одессу на пароходѣ, гдѣ и прожили бы до 15 августа, а въ этотъ день на пароходѣ поѣхали бы въ Крымъ. Но, всего вѣроятнѣе, играть позволятъ въ Херсонѣ, а не то — въ Симферополѣ, и намъ уже въ Одессѣ не быть. Въ Херсонѣ мы пробудемъ дней около десяти, а оттуда моремъ поѣдемъ въ Севастополь, гдѣ меня ожидаетъ чудесное купанье въ морѣ, потому что при берегахъ Севастополя вода солонѣе, нежели при берегахъ Одессы. Въ слѣдующую пятницу надѣюсь написать

тебѣ, вѣрно ли мы ѣдемъ 31-го въ Херсонъ,—а если не въ пятницу, то ужъ непремѣнно во вторникъ (30), стало быть, ровно черезъ недѣлю по полученіи этого письма ты получишь другое. Со дня на день, все сильнѣе и сильнѣе начинаю скучать; хочется домой, поѣздка надоѣла, и меня утѣшаетъ только то, что бо́льшая половина поѣздки уже совершена, и что я еще увижу, хотя и мимоходомъ, южный берегъ Крыма. Здоровье мое хорошо, кашля нѣтъ. Жду много добра отъ купанья въ морѣ въ Севастополѣ. Въ Николаевѣ напали на меня блохи и мухи, особенно послѣднія. Не даютъ спать, проклятыя, и если случится лечь попозднѣе, дольше 7 часовъ утра никакъ не дадутъ уснуть, днемъ тоже. А какъ жарко—мочи нѣтъ; а нынѣшнее лѣто еще не изъ жаркихъ здѣсь. Абрикосы проходятъ. На базарѣ въ Николаевѣ десятокъ лучшихъ абрикосовъ стоитъ 10 к. мѣди, лучшихъ грушъ—30 к. мѣди. Вчера въ первый разъ увидѣли дыни и, кажется, за гривенникъ купили четыре небольшихъ дыньки. Теперь скоро пойдутъ дыни и арбузы, а недѣли черезъ три и виноградъ — ѣшь не хочу. И все это нипочемъ. Боже мой, что это за богатый край! Вчера мы обѣдали у контръ-адмирала Берха—что за чудесный старикъ! До сихъ поръ, у насъ не было никого знакомыхъ; теперь зять Берха, офицеръ, будетъ у насъ часто бывать.

А отъ тебя что-то опять долго нѣтъ писемъ. Все жду отъ Соколова—и не получаю. Теперь уже ты адресуй письма на имя Михаила Семеновича въ Севастополь (отдать при театрѣ). Еще разъ прощай.

Къ М. В. Бѣлинской. 30 іюля, 1846.

Николаевъ. 1846, іюля 30.

Оба письма твои, chère Marie, адресованныя въ Одессу на имя А. И. Соколова, я получилъ здѣсь, въ Николаевѣ, а если ты, и кромѣ ихъ, послала по тому же адресу и еще нѣсколько, я ихъ получу исправно въ Херсонѣ или въ Симферополѣ. Теперь я положительно могу увѣдомить тебя о нашемъ пути-дорогѣ. Въ Одессу мы больше не будемъ, а отправляемся послѣ завтра въ Херсонъ, гдѣ пробудемъ числа до 12 (августа), а потомъ поѣдемъ въ Симферополь, гдѣ пробудемъ почти до сентября, а весь сентябрь проведемъ въ Севастополѣ, куда и адресуй свои письма на

имя М. С. Щепкина, подписывая каждый разъ: отдать при театрѣ. Начиная съ 15 сентября посылай свои письма въ Воронежъ по адресу: его благородію Николаю Михайловичу Щепкину, въ канцелярію Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка. Въ Воронежѣ мы будемъ около 10 октября,—и я былъ бы очень радъ получить тамъ вдругъ два или три письма твои. Въ Воронежѣ мы проживемъ сутокъ двое, стало быть, въ Москву пріѣдемъ числа 16. Въ Москвѣ я пробуду много, если дней пять, слѣдовательно, въ Петербургъ буду числа 25.

Письма твои, съ одной стороны, очень порадовали меня, потому что я увидѣлъ изъ нихъ, что всѣ вы здоровы, и ничего особенно дурного съ вами не случилось; но, съ другой стороны, они очень огорчили меня, показавши мнѣ, что ни житье вмѣстѣ, ни отдаленіе разлуки, ничто не научитъ васъ понимать мой характеръ и читать мои письма не въ однѣхъ строкахъ, но и между строками. Это тѣмъ болѣе огорчило меня, что мнѣ пришло вдругъ въ голову, что я самъ виноватъ въ этомъ, что созданъ такъ грубо, что не могу не оскорблять выраженіемъ моей симпатіи такъ же точно, какъ и выраженіемъ моего нерасположенія. Испугавшись за твою болѣзнь и увидя изъ твоихъ писемъ, что всѣ дни твои есть рядъ безпрерывныхъ мелкихъ досадъ и огорченій, я, естественно, желалъ помочь чѣмъ-нибудь горю, и для этого не нашелъ другого средства, какъ, жалуясь вамъ же на раздражительность вашихъ характеровъ, особенно для васъ вредную въ такихъ обстоятельствахъ, этимъ самымъ обратить ваше вниманіе на это обстоятельство и возбудить въ васъ рѣшимость бороться съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, источникъ моихъ словъ никоимъ образомъ не могъ быть для васъ оскорбителенъ, и, если-бъ я даже и ошибся въ этомъ случаѣ на вашъ счетъ, вамъ нечего было сердиться, но лучше было бы успокоить меня, увѣривши меня (не оскорбляясь и не сердясь), что мои опасенія были напрасны, и что я ошибся. Но вмѣсто этого, въ одномъ письмѣ ты пишешь, что Агриппина не шутя разсердилась на меня; въ другомъ, что она плюетъ на меня, потому что я въ каждомъ письмѣ приписываю ей что-нибудь ругательное. У меня руки опустились по прочтеніи этихъ вовсе неожиданныхъ мною строкъ. Живя вмѣстѣ, я часто вздорилъ съ Агриппиной (потому что—повторяю подъ опасеніемъ быть снова оплеваннымъ—у обоихъ насъ, у нея и у меня, характеры прескверные—

ребячески - мелочные, болѣзненно - раздражительные, а воспитаніе въ обоихъ насъ не развило того, что̀ называется деликатностью и тактомъ), но никогда, ни на яву, ни во снѣ, не питалъ я къ ней никакихъ враждебныхъ чувствъ; но, находясь вдали отъ семейства, забывши всѣ мелочныя неудовольствія и, можно сказать, дрожа ежеминутно за здоровье и жизнь каждаго изъ его членовъ, я писалъ и объ Агриппинѣ не только безъ всякаго желанія оскорбить или кольнуть ее, не только безъ всякой враждебности, но съ полнымъ расположеніемъ, съ самою теплою симпатіей къ ней, и отвѣтъ на это получаю въ деликатномъ и граціозномъ образѣ плеванія! Я въ эту минуту походилъ на человѣка, который подошелъ къ другому съ улыбкой и протянутою для пожатія рукой, а въ отвѣтъ получилъ оплеуху. Но что еще огорчительнѣе для меня,—это то, что вмѣсто того, чтобы разувѣрить и успокоить Агриппину въ ея несправедливомъ и неосновательномъ раздраженіи противъ меня, ты берешь ея сторону и вычисляешь мнѣ все, что дѣлаетъ для насъ Агриппина. Я и прежде замѣчалъ съ горестью, что ты убѣждена, что я не вижу и не понимаю, что̀ для насъ дѣлаетъ и чѣмъ для насъ жертвуетъ Агриппина. Она вообразила, что живетъ у насъ въ тягость мнѣ, словно изъ милости, а ты такъ и смотришь на меня, какъ будто ожидая, что вотъ я въ одно прекрасное утро скажу тебѣ, что мнѣ уже не въ силахъ скрывать того, что ея присутствіе у насъ мнѣ невыносимо. Вотъ это-то мнѣ еще обиднѣе, нежели смѣшно и нелѣпо-неосновательныя сомнѣнія Агриппины. Но довольно объ этомъ. Лучше переговоримъ при свиданіи, или, еще лучше—вовсе никогда не говорить объ этомъ: чего нельзя поправить, то только портится поправками. Видно, вамъ уже суждено не понимать меня, и я былъ бы очень радъ убѣдиться, что я больше васъ виноватъ въ этомъ.

Если въ Крыму есть кумысъ, и мой докторъ, съ которымъ я тамъ долженъ увидѣться, скажетъ, что мнѣ кумысъ полезенъ, я буду пить его. Только едва ли онъ тамъ есть, потому что для него ѣздятъ не въ Крымъ, а въ Оренбургъ. Плодами я не обжираюсь. Абрикосы рѣшительно кончились, и дней пять назадъ я ѣлъ ихъ въ послѣдній разъ. До грушъ я не охотникъ: недозрѣлыя—онѣ жестки, дозрѣлыя — безвкусно мягки. Бергамотовъ въ Николаевѣ нѣтъ. Дыни только что показались, а арбузы только что показываются. Въ Херсонѣ отличные арбузы, а это безвредный плодъ.

У зятя контръ-адмирала Берха премиленькія дѣти — сынъ и дочь десяти мѣсяцевъ, близнецы. На видъ имъ кажется года по полутору. Мальчикъ страдаетъ зубами, спалъ съ тѣла и сталъ вялъ, а дѣвочка— что за прелесть, а зовутъ ее Ольгой.

Съ недѣлю назадъ тому, дней пять сряду были все дожди, при которыхъ было все такъ же душно и жарко. Наконецъ, въ пятницу вечеромъ, сдѣлалось холодно, ртуть опустилась до 15 градусовъ. Субботу весь день было холодно, воскресенье стало теплѣе, а теперь опять жара. Странное лѣто! ни одного дня не помню я, чтобъ небо было совершенно чисто, чтобы не было на немъ ни облачка. Ни одной грозы не видалъ. Было, правда, на прошлой недѣлѣ нѣсколько ударовъ грома, и все тутъ.

Увѣдомь меня, ради всего святого, когда тебѣ придется родить, и купаешься ли ты въ морѣ, и есть ли тебѣ отъ этого лучше. Прощай, цѣлую тебя и Ольгу.

Твой Виссаріонъ.

Къ М. В. Бѣлинской. 6 августа, 1846.

Херсонъ. 1846, августа 6.

Третьяго дня получилъ я неожиданно твое третье письмо въ Харьковъ, отъ 3 іюня. Оно было адресовано на имя Алфераки, который въ это время находился на Роменской ярмаркѣ, стало быть, получилъ его уже по возвращеніи оттуда, отдалъ Кронебергу, который переслалъ его въ Одессу къ Соколову, а тотъ ко мнѣ въ Херсонъ. Изъ этого письма узналъ я, во 1-хъ, что ты видѣла на мой счетъ преглупый сонъ, который почему-то нашла «очень непріятнымъ», во 2-хъ, у тебя въ Ревелѣ есть докторъ, и что ты начала брать теплыя ванны, по его совѣту. Такъ вотъ, въ чемъ было дѣло: письмо не попало мнѣ въ руки во-время, а въ другихъ письмахъ тебѣ какъ-то не пришлось повторить это, а я безпокоился и мучился. Такъ-то бо̀льшая часть нашихъ страданій и огорченій въ жизни происходитъ отъ такихъ недоразумѣній. Вотъ другое дѣло, что ты опечалилась отъ глупаго сна: тутъ по дѣломъ вору мука—не вѣрь глупымъ снамъ, коли знаешь грамотѣ и считаешь себя образованнѣе какой-нибудь старухи-салопницы; а если не хочешь, чтобы надъ тобой за это смѣялись, не пиши объ этомъ серьезно къ человѣку, который подобнымъ глупостямъ давно уже не вѣритъ.

Выѣздъ нашъ изъ Николаева ознаменовался двумя непріятными событіями: пожаромъ (сгорѣло 5 домовъ) и смертью ребенка у нашего хозяина, дѣвочки лѣтъ двухъ. Въ середу вечеромъ начала она кашлять съ хрипѣніемъ, Михаилъ Семеновичъ посовѣтовалъ сейчасъ же послать за лѣкаремъ, или самимъ поставить ей пьявокъ; я, не зная этого, съ своей стороны тоже совѣтовалъ немедля обратиться къ доктору; но хозяинъ отвѣчалъ мнѣ, что всѣ доктора—скоты, которые уже уморили у него двоихъ дѣтей, и что дѣтямъ доктора не нужны; однако-жъ ночью пошелъ за докторомъ, но тотъ отказался, по причинѣ ночи; въ четвергъ поставили пьявокъ, но, видно, поздно: вечеромъ ребенокъ умеръ. Отецъ весь день ревѣлъ, какъ баба; а потомъ всю вину, по обыкновенію, сложилъ на волю Божію.

Въ Херсонѣ случилось съ нами необыкновенное происшествіе. Хотя содержатель театра, Жураховскій, и выпросилъ заранѣе позволеніе у херсонскаго начальства играть отъ 4-го до 15 августа, но губернаторъ одумался и запретилъ. Вслѣдствіе этого мы въ Симферополь не поѣдемъ, а проживемъ въ Херсонѣ до 26 августа, такъ какъ жители этого города изъявили большую охоту видѣть Михаила Семеновича и заранѣе разобрали почти всѣ билеты. Будетъ съиграно 7 спектаклей, да восьмой—бенефисъ въ пользу Михаила Семеновича, который этимъ хотѣлъ вознаградить себя за двѣ почти недѣли, даромъ прожитыя въ Херсонѣ, потому что театръ начнется 15 августа. Скучно, а дѣлать нечего.

Ужъ какъ надоѣло мнѣ ничего не дѣлать и проживать въ разныхъ захолустьяхъ—мочи нѣтъ, тоска да и только! Такъ бы и полетѣлъ домой! Утѣшаю и укрѣпляю себя только тѣмъ, что уже бо́льшая часть опредѣленнаго на поѣздку времени прошла, и что лучшее этой поѣздки, т.-е. Крымъ, еще впереди, и что мѣсяцъ въ Севастополѣ (сентябрь) будетъ употребленъ на дѣло—на купанье въ морѣ.

Ну, что Агриппина? я думаю, еще больше осердилась на меня, разогорчилась, и прочее и прочее? Есть изъ чего! Я такъ уже вовсе простылъ на этотъ счетъ, и даже жалѣю, что въ прошедшемъ письмѣ распространился объ этихъ вздорахъ. Ну, Агриппина Васильевна, полноте сердиться—дайте-ка руку—это будетъ лучше.

Фу, чортъ возьми, въ какую даль заѣхалъ я отъ васъ—инда страшно становится! Ахъ, какъ бы этотъ августъ, да скорѣе

прошелъ! Кабы деньги—я зналъ бы, какъ убить время—поѣхалъ бы до 25 августа въ Одессу, къ Соколову и къ морю.

Въ послѣднее время пребыванія въ Николаевѣ я довольно дурно чувствовалъ себя. Кровь прилила къ груди, и оттого грудь болѣла, я кашлялъ, страдалъ запоромъ, а отъ недостатка движенія болѣла и голова. Наканунѣ отъѣзда Рѣдкинъ далъ мнѣ какихъ-то пилюль, отъ которыхъ на другое утро меня два раза послабило; но въ пятницу по утру меня пронесло страшно слизями, съ спазмами и жженіемъ,—и грудь освободилась, дышу легко и полно, голова свѣжа, кашля нѣтъ. Даже языкъ такъ чистъ, какъ никогда не бывалъ, и, послѣ обѣда, поспоритъ въ чистотѣ съ языкомъ Дюка и Малки (что эти почтенные юноши? напиши что-нибудь о нихъ). Такъ какъ теперь по утрамъ и вечерамъ уже не такъ жарко, то хожу пѣшкомъ на Днѣпръ купаться, два раза въ день. Ѣдимъ арбузы, изъ которыхъ спѣлые еще очень рѣдки. Но что за дыни—объяденье! Груши здѣсь очень недурны. Арбузы здѣсь продолговатые, на подобіе дыни.

Да будетъ вамъ извѣстно, что я хожу съ бородою. Съ выѣзда изъ Калуги не брился, въ Воронежѣ, на Коренной и въ Харьковѣ я походилъ на бѣглаго солдата, но къ пріѣзду въ Одессу у меня явилось что-то въ родѣ бороды, а теперь совсѣмъ борода. Я боялся, что моя борода выйдетъ въ родѣ моихъ усовъ, то есть мерзость страшная, но борода вышла на славу—вотъ сама увидишь.

Ну, прощай, chère Marie, цѣлую и обнимаю васъ всѣхъ.

Твой Виссаріонъ.

Къ М. В. Бѣлинской. 13 августа, 1846.

Херсонъ. 1846, августа 13.

Третьяго дня получилъ я твое письмо отъ 26 іюля. Волосы Ольги, упавшіе изъ письма, когда я развернулъ его, непріятно поразили меня. Глаза мои упали на строку, что Ольга была больна не болѣе 10 дней—я даже обомлѣлъ; но, пробѣжавъ письмо, я успокоился, видя, что это отвѣтъ на 2-е мое письмо изъ Одессы, о которомъ я совсѣмъ забылъ. Когда ты писала ко мнѣ о Прокоповичѣ?—не знаю. Или ты вовсе не писала, или письмо это не дошло до меня. Совѣты твои на счетъ покупки рубашекъ пропали понапрасну: эта покупка не состоялась. Я хотѣлъ на

нее взять денегъ у Михаила Семеновича, но какъ для этого мнѣ нужно было знать, играетъ ли онъ у Жураховскаго, то я и отложилъ дѣло до вторичнаго посѣщенія Одессы, которое не состоялось. Я уже писалъ къ тебѣ, что сшилъ въ Одессѣ сюртукъ за 125 руб. асс., такого сукна, изъ какого въ Питерѣ не сошьешь за эту цѣну. Потомъ пальто изъ трико за 75 руб. асс. Кромѣ дюжины фуляровъ и батистовыхъ платковъ для тебя и Агриппины, купилъ я трубку со стеклами, заплатилъ 4 руб. серебромъ — въ Питерѣ надо бы заплатить 10 руб. серебромъ; палку-камышъ, съ прекрасно сдѣланною изъ бронзы головою кардинала Ришелье, заплатилъ 4 руб. серебромъ—эту вещь въ Питерѣ едва ли можно купить и за 10 руб. серебромъ; двѣ пары французскихъ прюнелевыхъ сапогъ по 3 руб. серебромъ за пару. Вотъ и всѣ мои покупки.

За присылку волосъ Оли спасибо. Я желалъ бы, чтобъ ты выѣхала изъ Ревеля поскорѣе: чѣмъ больше промедлишь, тѣмъ дорога для тебя труднѣе. Сегодня Олѣ исполнилось два мѣсяца другого года, а когда это письмо дойдетъ до тебя, ей, вѣроятно, минетъ и третій мѣсяцъ. Письма мои доходятъ до тебя страшно поздно. Я жалѣю, что только два послѣднія письма адресовалъ на имя Достоевскаго: боюсь, что послѣднее, адресованное на твое имя, не застанетъ тебя въ Ревелѣ и пропадетъ. Это я адресую прямо въ Питеръ на имя Тютчева. Мнѣ кажется, я заѣхалъ на край свѣта. А между тѣмъ, скоро надо будетъ и еще отдалиться на 360 верстъ. Вотъ уже почти двѣ недѣли живемъ мы въ Херсонѣ безъ всякаго дѣла; спектакли начнутся послѣ завтра и кончатся 25 или 27 августа, послѣ чего поѣдемъ въ Симферополь, гдѣ пробудемъ дней 10; а тамъ—въ Севастополь—крайній предѣлъ и послѣднее мѣсто нашего странствованія, изъ котораго уже домой. Считаю дни: пройдетъ день—я и радъ, что однимъ днемъ меньше, и теперь утѣшаю себя мыслію, что скоро половины августа, какъ не бывало, и что по выѣздѣ изъ Херсона минетъ 4 мѣсяца моему странствію, со дня выѣзда изъ Питера. Лишь бы выбраться изъ скучнаго Херсона, а тамъ время пойдетъ для меня быстрѣе. Во 1-хъ, надо будетъ проѣхать 300 верстъ до Симферополя, а въ дорогѣ время летитъ быстро, да и кромѣ того, эта дорога сама по себѣ будетъ интересна, ибо крымская природа уже другая; Симферополь, хотя и дрянной, но все же новый для меня городъ, и въ спектакляхъ 10 дней пройдутъ скорѣе, а тамъ—Севастополь съ моремъ, ви-

ноградомъ и устрицами. Если есть кумысъ, то непремѣнно буду пить. Я самъ убѣжденъ, что онъ будетъ мнѣ очень полезенъ. Ну, а изъ Севастополя поѣдемъ уже почти безъ остановокъ:— остановимся на часъ, на другой въ Николаевѣ, чтобы повидаться съ Морицомъ Борисовичемъ Берхомъ, да на часъ, на другой въ Харьковѣ; изъ Харькова сдѣлаемъ кругъ на Воронежъ, гдѣ остановимся на день, на другой, и гдѣ я надѣюсь застать письмо отъ тебя. (Не забудь: если ты послѣ 15 сентября пришлешь хотя одно письмо въ Севастополь, оно уже не застанетъ меня). Изъ Воронежа до Москвы проѣдемъ уже безо всякихъ остановокъ. Отъ Николаева до Харькова поѣдемъ новою дорогою, черезъ Кременчугъ и Полтаву, и это мнѣ пріятно. Итакъ, лишь бы выбраться изъ томительнаго Херсона,—я бы считалъ, что моя поѣздка, какъ будто, кончена. Нашлись у насъ знакомые и въ Херсонѣ, которые очень насъ ласкаютъ; предстоятъ они намъ и въ Симферополѣ.

Въ прошлый вторникъ я видѣлъ чудное для меня зрѣлище. Ѣду купаться, и вижу страшные клубы пыли, подымающіеся изъза Днѣпра по направленію къ Херсону. Смотрю—нѣтъ, это не пыль, это густой дымъ, да откуда же и какъ?—Слышу, въ Херсонѣ на одной колокольнѣ бьютъ набатъ. Странно: зачѣмъ же это? вѣдь, если это пожаръ, такъ въ какой-нибудь деревнишкѣ въ окрестностяхъ Херсона. Наконецъ, вижу, что это не пыль, не дымъ, а туча саранчи, растянувшаяся на нѣсколько верстъ и летящая черезъ Херсонъ. Звонили затѣмъ, чтобъ испугать ее и не дать ей сѣсть на Херсонъ—иначе она не оставила бы ни деревца, ни былинки въ городѣ. Когда этотъ бичъ южныхъ странъ садится на поля, то не оставляетъ ни признака соломы—одну черную землю видятъ послѣ нея тамъ, гдѣ спѣлымъ колосомъ шумѣла колосистая рожь или пшеница. Саранча, которую я видѣлъ, на пути своемъ пожрала весь тростникъ въ окрестностяхъ Херсона. Насѣкомое это довольно велико; молодая саранча впятеро больше обыкновеннаго кузнечика, а старая немного потоньше пѣночки (птички) и немного подлиннѣе ея. Я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ, что жары спали, и стало прохладнѣе: какъ нарочно, начались опять такія палящія жары, что мочи нѣтъ. Ночью въ комнатѣ душно, а на дворѣ утра страшно прохладны. Въ субботу мы ѣздили на баркасѣ гулять, пристали верстахъ въ 4 отъ Херсона къ берегу, велѣли рыбакамъ закинуть тоню, варили уху, ѣли, пили. Было человѣкъ 15. Разумѣется, это

затѣи и расходы Михаила Семеновича. Этотъ человѣкъ для удовольствія другихъ готовъ ничего не жалѣть. Даже я, по части мотовства—пасъ передъ нимъ. Воротились уже вечеромъ, въ темнотѣ. Что за люди, что за міръ окружаетъ насъ! Я дивлюсь, а Михаилъ Семеновичъ только посмѣивается. Наканунѣ этого пикника я обожрался раками, которые теперь линяютъ. Вечеромъ былъ у насъ одинъ знакомый, я болталъ и чувствовалъ только, что въ комнатѣ душно. Гость ушелъ, я вышелъ на галлерею, и въ одну секунду я почувствовалъ, что зябну. Въ комнату я воротился въ пароксизмѣ сильной лихорадки—било меня такъ, что зубы колотились. Я выпилъ рюмку мадеры и едва согрѣлся въ постели подъ тулупомъ. Думалъ, что поутру надо будетъ имѣть дѣло съ докторомъ, со рвотными, слабительными и пьявками. Однако проснулся, какъ ни въ чемъ не бывало. Скажи Александрѣ Балтазаровнѣ, какъ увидишься съ нею, что Новороссійскій край ея, со включеніемъ Отраднаго, страна чудесная, но что жить въ немъ я не согласился бы ни за какія блага въ мірѣ, ни даже за цѣну обладанія Отраднымъ. Климатъ и природа здѣсь чудные, но нѣтъ лѣсовъ, и оттого тоска смертельная. Кругомъ выжженная солнцемъ сухая степь, воздухъ проникнутъ какою-то сухостью. Степь эта хороша въ апрѣлѣ и въ началѣ мая, а послѣ она выгораетъ. Дерево—рѣдкость въ степи, и это всегда ветла. Въ городахъ тополь и бѣлая акація, но и тѣ ростутъ только до 30 лѣтъ, ибо въ это время корень ихъ встрѣчаетъ каменную почву, и они сохнутъ.

На счетъ абрикосовъ въ Таганрогѣ ничего не могу тебѣ сказать. Въ Николаевѣ мы покупали ихъ по 3 коп. сер. десятокъ, а въ Херсонѣ уже не застали ихъ. Здѣсь чудесныя груши по 3 коп. сер. фунтъ. Начинаютъ появляться спѣлые арбузы: 30 коп. мѣдью на вырѣзъ арбузъ въ полпуда; 10 коп. мѣдью цареградская огромная дыня, а свои ни по чемъ. Арбузы мнѣ всячески полезны: избавляютъ отъ необходимости пить воду со льдомъ (что опасно), и отъ нихъ слабитъ.

Прощай, другъ мой, обнимаю васъ всѣхъ. Передъ выѣздомъ буду писать, а если получу отъ тебя письмо, буду писать опять во вторникъ (20).

Твой Виссаріонъ.

Когда пріѣдешь въ Питеръ, попроси Некрасова написать ко мнѣ.

Къ М. В. Бѣлинской. 22—23 августа, 1846.

Херсонъ. 1846, августа 22.

Скучно. Михаилъ Семеновичъ страдаетъ теперь на сценѣ пакостнѣйшаго театра (сдѣланнаго изъ сарая), играя съ безтолковѣйшими и пошлѣйшими въ мірѣ актерами; а я остался дома. Письмо это пойдетъ на почту завтра поутру, и я рѣшился приготовить его съ вечера, чтобъ чѣмъ-нибудь заняться. Вотъ отъ тебя опять давно уже нѣтъ, какъ нѣтъ, письма. Мнѣ хотѣлось бы получать рѣшительно каждую недѣлю. Чѣмъ ближе къ свиданію, тѣмъ безпокойнѣе и тоскливѣе становлюсь я. Мнѣ кажется, я заѣхалъ на край свѣта. Страшно подумать: пока пошлешь письмо и получишь на него отвѣтъ, должно пройти мѣсяца два. Послѣднее письмо твое было отъ 26 іюля: я ахнулъ, увидя, что это отвѣтъ только еще на мое второе письмо изъ Одессы!

Что тебѣ сказать о себѣ? Въ понедѣльникъ поутру ѣдемъ изъ Херсона; остается трое сутокъ, а мнѣ все кажется, какъ будто остается еще три года! Ай да Херсонъ—буду я его помнить! Вообще, Новороссія страшно мнѣ опротивѣла. Безлѣсная, опаленная солнцемъ, вѣчно сухая и пыльная сторона. За неимѣніемъ лучшаго утѣшенія, утѣшаюсь мыслью, что ближе, чѣмъ черезъ недѣлю, увижу деревья, лѣса, виноградные сады. Но, если-бъ было возможно, кажется, уѣхалъ бы сейчасъ же домой, не посмотрѣвши ни на что на это. Въ день нашего выѣзда, т.-е. въ понедѣльникъ, 26 августа, исполнится ровно четыре мѣсяца, какъ я выѣхалъ изъ Питера, а мнѣ кажется, что прошло съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, четыре года. Надѣюсь, что сентябрь пройдетъ для меня скорѣе, нежели августъ.

Цѣль этого письма—не оставить тебя на долгое время безъ извѣстій обо мнѣ, потому что слѣдующая почта вторникъ, а въ этотъ день меня уже не будетъ въ Херсонѣ, а тамъ дорога, новый городъ, пока отдохнешь, осмотришься, а между тѣмъ на 300 верстъ дальше, и письмо изъ Симферополя пройдетъ еще дольше всѣхъ прежнихъ писемъ. Здоровье мое хорошо. Если въ воскресенье получу отъ Соколова твое письмо, буду отвѣчать на него уже изъ Симферополя. Въ Крыму кумысъ есть, и я буду пить его. Прощай, мой другъ, цѣлую тебя и Олю и жму руку

Агриппинѣ. Когда ты будешь читать эти строки, я буду уже въ Севастополѣ—самой крайней точкѣ нашего путешествія. Еще разъ прощай, chère Marie, будь здорова, спокойна и благоразумна.

Твой Виссаріонъ.

Дорогою прочелъ Жилблаза, «Roman comique», теперь читаю «Lettres d'un voyageur», и это послѣднее чтеніе порою очень освѣжаетъ меня. Чудо, какъ хорошо!

Августа 23.

Погода у насъ начинаетъ мѣняться. Въ прошлую пятницу былъ довольно прохладный и сѣрый день, т.-е. было тепло безъ жару и зною; въ субботу опять жаръ и зной; въ воскресенье опять прохладный день съ сильнымъ вѣтромъ и страшной пылью. Слѣдующіе дни теплые, безъ малѣйшаго зноя; вчера немного жарко, сегодня тоже. Но вечера уже съ недѣлю какъ теплые безъ малѣйшаго жару, а утренники ужасно холодные. Въ 7 часовъ уже темнѣетъ, а въ 8 уже настоящая ночь. Вотъ уже, значитъ, время вечеровъ со свѣчами, время, въ которое для меня необходимо быть въ своемъ углѣ; а когда я доберусь до него? Прощайте, обнимаю васъ всѣхъ.

Кто хочетъ насладиться долголѣтіемъ, тому совѣтую поѣхать въ Херсонъ; если онъ въ немъ проживетъ годъ, ему покажется, что онъ прожилъ маѳусаиловы вѣки, жизнь утомитъ его, и душа его востоскуетъ по успокоительной могилѣ.

Къ М. В. Бѣлинской. 4—5 сентября, 1846.

Симферополь. 1846, сентября 4.

Меня опять начинаетъ безпокоить, что я такъ давно не получаю отъ тебя, chère Marie, писемъ: послѣднее было отъ 26 іюля, слѣдовательно, я опять не имѣю никакихъ извѣстій о положеніи моего семейства слишкомъ за мѣсяцъ! Меня только и успокаиваетъ одна мысль: вѣрно, ты перестала писать, думая, что твои письма, адресованныя въ Одессу, не будутъ ужъ доходить до меня. Жаль! Они до сихъ поръ доходили бы преисправно; но какъ же тебѣ знать это? Еще думаю, что застану въ Севасто-

полѣ хотя одно (а можетъ быть, и не одно) письмо твое, которое тамъ уже ждетъ меня.

Августа 26 отправились мы изъ ужаснаго Херсона въ Симферополь. Этотъ переѣздъ былъ бы переходомъ изъ ада въ рай, еслибъ не одно обстоятельство. Августа 24 я заболѣлъ сильнымъ припадкомъ геморроя, какихъ у меня никогда не бывало. Сдѣлалось страшное раздраженіе въ заднемъ проходѣ—вышла огромная шишка. На другой день хуже. Началась, по сочувствію, задержка мочи, отъ которой я частію освобождался только посредствомъ страшнаго спазматическаго жиленья во время ложныхъ позывовъ на низъ (а слабило меня только кровью). Дѣло дошло до того, что я позвалъ доктора, который, къ несчастію, узнавши, что изъ меня вышло довольно крови, не рѣшился поставить мнѣ больше 8 пьявокъ. Я однако поставилъ одну лишнюю; но все-таки нужно было, по крайней мѣрѣ, 20, если не 30, а ужъ не 9. Однако-жъ это нѣсколько облегчило меня, и поутру, въ понедѣльникъ, въ 7 часовъ, мы поѣхали, сперва водою (14 верстъ), а потомъ на лошадяхъ. Ѣхать мнѣ было довольно сносно; пріѣхали мы во вторникъ, часа въ 2. Чортъ меня дернулъ пойти съ Михаиломъ Семеновичемъ въ турецкую баню, съ холоднымъ передбанникомъ. Мы пріѣхали въ пыли невыразимой и грязны, какъ свиньи. Должно быть, я тутъ простудился. Короче: въ пятницу мною овладѣло бѣшенство, — хоть на стѣну лѣзть. Тогда нашъ докторъ велѣлъ мнѣ поставить 20 пьявокъ. Послѣ этого, со дня на день мнѣ становится все легче и легче.

Докторъ нашъ—Андрей Ѳедоровичъ Арендтъ, родной братъ знаменитаго петербургскаго врача, предобрѣйшій старикъ, который полюбилъ насъ такъ, что и сказать нельзя. Къ этому, онъ очень искусный и опытный врачъ. Я его спрашивалъ о кумысѣ и объяснилъ ему мою болѣзнь; но онъ сказалъ, что это не нужно, и, вмѣсто этого, велѣлъ мнѣ курить траву (которой и далъ мнѣ), а курить ее надо, какъ табакъ, и затягиваться. Она производитъ сильный кашель и сильное отдѣленіе мокроты, и послѣ одной трубки груди легко, дыханіе свободно, мокрота отдѣляется прекрасно. И надо курить всякій разъ, какъ почувствуешь припадокъ кашля, одышки или просто усталости. Не знаю, вылѣчитъ ли это меня, но, какъ палліативъ, это хорошее средство. Я знаю, что тебѣ непріятно будетъ узнать, что я не пью кумыса; скажу тебѣ, по секрету, что и мнѣ это не совсѣмъ пріятно, да что же дѣлать? Не съ моими средствами собирать

консиліумы. Въ Симферополѣ, кромѣ Арендта, есть еще искусный докторъ—Мильгаузенъ, да какъ я къ нему пойду? А вѣдь Арендтъ лѣчитъ насъ даромъ и о деньгахъ слышать не хочетъ.

Мѣстоположеніе Симферополя плѣнительное. Отъ него начинаются горы, и въ 60 верстахъ отъ него виднѣется Чатыръ-Дагъ. То-то бы гулять! А я сегодня еще въ первый разъ вышелъ. Завтра ѣду за городъ съ Михаиломъ Семеновичемъ. Городъ заваленъ арбузами, дынями, грушами, сливами, яблоками, виноградомъ. Но какъ-то всего этого я ѣмъ мало, хотя мой докторъ велитъ ѣсть, какъ можно больше всего, кромѣ грушъ. Арбузы здѣсь посредственны; но дыни—невообразимыя. То и другое здѣсь дорого, сравнительно съ Херсономъ. Небольшая дыня стоитъ 5 коп. серебромъ. Какъ-то купили мы окъ (3 фунта) грушъ за 28 коп. мѣдью, а въ окѣ ихъ было 9, и каждая величиною съ французскую, что въ Питерѣ въ дешевую пору продаются по 10 руб. асс. десятокъ, да и то неспѣлыя. Виноградъ еще неспѣлъ (точно такой, какой мы ѣдимъ въ Петербургѣ и Москвѣ), по 20 коп. мѣдью за окъ. Но сегодня Михаилу Семеновичу одинъ знакомый прислалъ винограду, во 1-хъ, спѣлаго, а во 2-хъ, такого, который на винодѣліе не употребляется, а разводится для ѣды. Святители! что это такое! Вообрази себѣ, если можешь, сладчайшій виноградъ, одинъ съ ароматомъ муската, а другой съ ароматомъ ананаса! Я только теперь могу сказать, что я ѣлъ виноградъ. Обыкновенный (винодѣльный) виноградъ въ сравненіи съ этимъ то же, что огурецъ въ сравненіи съ арбузомъ, тыква или рѣпа въ сравненіи съ дынею. Вотъ бы привезъ вамъ хоть по ягодкѣ, если-бъ это не было невозможно!

Въ Севастополь будемъ числу къ 15-му, а тамъ, октября 2-го или 3-го—маршъ домой! Дождусь ли этого! Нѣтъ, впередъ ни за какія блага одинъ надолго въ вояжъ не пущусь. Особенно по Россіи, гдѣ существуетъ только какое-то подобіе почтовыхъ сношеній между людьми. Какъ-то вскорѣ по пріѣздѣ въ Симферополь всю ночь снилась мнѣ Оля—будто, такая хорошенькая, такая миленькая, и все безъ умолку болтала, а мы всѣ на нее смотрѣли. Потомъ, какъ-то послѣ обѣда, я спалъ и все видѣлъ ее. Не могу смотрѣть безъ тоски на маленькихъ дѣтей, особенно дѣвочекъ. Охъ, дожить бы поскорѣе до октября!

Не повѣришь, какъ грустно писать не въ отвѣтъ на письмо, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ на это письмо я могу получить, если

не въ Москвѣ, то развѣ въ Воронежѣ. Прощай, ma chère Marie, крѣпко жму твою руку и обнимаю и цѣлую всѣхъ васъ.

Твой Виссаріонъ.

Михаилъ Семеновичъ въ театрѣ; я одинъ дома. Пора принять порошокъ. Письмо это пойдетъ на почту завтра. Благо еще теперь не жарко—можно читать. «Lettres d'un voyageur» кончилъ; теперь читаю «Les Confessions»—немного книгъ въ жизни дѣйствовали на меня такъ сильно, какъ эта. Когда поправлюсь совсѣмъ, примусь писать. Вечера теперь уже длинны, и работа сократитъ время и незамѣтно приблизитъ минуту отъѣзда. А дня черезъ три я надѣюсь совершенно поправиться.

Сентября 5.

Ночью шелъ дождь—явленіе рѣдкое въ нынѣшнее лѣто. Пыли нѣтъ, свѣжо; облака расходятся; если пригрѣетъ солнышко, поѣдемъ за городъ.

Сильно меня безпокоитъ мысль, что ты запоздала своимъ выѣздомъ изъ Ревеля и, можетъ быть, должна ѣхать въ дурную погоду. Досадно мнѣ на себя, что въ послѣднемъ письмѣ моемъ, адресованномъ на имя Достоевскаго, я позабылъ увѣдомить тебя, что слѣдующее буду адресовать на имя Тютчева, прямо въ Питеръ. Еще разъ прощай, будь здорова и спокойна.

Къ А. И. Герцену. 6 сентября, 1846.

Симферополь. 1846, сентября 6.

Здравствуй, любезный Герценъ! Пишу къ тебѣ изъ тридевятаго царства, чтобы зналъ ты, что мы еще существуемъ на бѣломъ свѣтѣ, хотя онъ и кажется намъ куда какъ чернымъ. Въѣхавши въ крымскія степи, мы увидѣли три новыя для насъ націи: крымскихъ барановъ, крымскихъ верблюдовъ и крымскихъ татаръ. Я думаю, что это разные виды одного и того же рода, разныя колѣна одного племени,—такъ много общаго въ ихъ физіономіи. Если они говорятъ и не однимъ языкомъ, то, тѣмъ не менѣе, хорошо понимаютъ другъ друга. А смотрятъ рѣшительно славянофилами. Но—увы!—въ лицѣ татаръ даже и на-

стоящее, коренное, восточное, патріархальное славянофильство поколебалось отъ вліянія лукаваго Запада: татары большею частью носятъ на головѣ длинные волосы, а бороду брѣютъ! Только бараны и верблюды упорно держатся святыхъ праотеческихъ обычаевъ временъ Кошихина: своего мнѣнія не имѣютъ, буйной воли и буйнаго разума боятся пуще чумы и безконечно уважаютъ старшаго въ родѣ, т.-е. татарина, позволяя ему вести себя, куда угодно, и не позволяя себѣ спросить его, почему, будучи ничѣмъ не умнѣе ихъ, гоняетъ онъ ихъ съ мѣста на мѣсто? Словомъ, принципъ смиренія и кротости постигнутъ ими въ совершенствѣ, и на этотъ счетъ они могли бы проблеять что-нибудь поинтереснѣе того, что блеетъ Шевырко и вся почтенная славянофильская братія.

Несмотря на то, Симферополь, по своему мѣстоположенію, очень миленькій городокъ: онъ не въ горахъ, но отъ него начинаются горы, и изъ него видна вершина Чатыръ-Дага. Послѣ степей Новороссіи, обожженныхъ солнцемъ, пыльныхъ и голыхъ, я бы видѣлъ себя теперь какъ бы въ новомъ мірѣ, еслибъ не страшный припадокъ геморроя, который теперь проходитъ, а мучить началъ меня съ 24 числа прошлаго мѣсяца.

Настоящая цѣль этого письма — напомнить всѣмъ вамъ о «Букиньонѣ» или «Букильонѣ»,—пьесѣ, которую Сатинъ видѣлъ въ Парижѣ, и о которой онъ говорилъ Михаилу Семеновичу, какъ о такой пьесѣ, въ которой для него есть хорошая роль. А онъ давно уже подумываетъ о своемъ бенефисѣ и хотѣлъ бы узнать во-время, до какой степени можетъ онъ надѣяться на ваше содѣйствіе въ этомъ случаѣ.

Нѣтъ! Я не путешественникъ, особливо по степямъ. Напишешь домой письмо—и получаешь отвѣтъ на него черезъ полтора мѣсяца: слуга покорный пускаться впредь въ такія Австраліи!

Когда ты будешь читать это письмо, я уже, вѣроятно, буду на пути въ Москву. По сіе время еще не пришли въ Симферополь «Отечественныя Записки» и «Библіотека для Чтенія» за августъ. Прощай. Кланяюсь всѣмъ нашимъ и остаюсь жаждущій увидѣться съ ними поскорѣй

В. Бѣлинскій.

P. S. Не знаю, привезу ли съ собою здоровья; но ужъ бороду непремѣнно привезу: вышла, братецъ, бородка весьма недурная.

Отрывокъ изъ письма къ И. И. Панаеву. Осень 1846.

Скорѣй, скорѣй пріѣзжайте въ Петербургъ и сейчасъ же поѣзжайте къ Плетневу. Такъ и знайте, Панаевъ, что, если вы, по своей вѣтренности, не пріобрѣтете отъ Плетнева «Современника», я васъ прокляну! Я ночи не сплю отъ страха, ну, если кто-нибудь уже купилъ у Плетнева право на «Современникъ!» Легко можетъ случиться, что кому-нибудь другому также пришла мысль издавать журналъ? Конечно «Современникъ» единственный журналъ, который самый подходящій по своей литературной репутаціи. Пока не покончите съ Плетневымъ, до тѣхъ поръ не буду спать спокойно. Я такъ напуганъ всякими сквернostями, какія продѣлываетъ со мной моя мачиха—судьба, что мнѣ все кажется какая-нибудь каверза подвернется, и все дѣло пропадетъ!.. Дрожь пробираетъ меня, когда подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову. Вы вѣдь не можете понять, что̀ значило бы для меня теперь разстаться съ надеждой работать для «Современника»!

Къ В. П. Боткину. 29 января, 1847.

СПБ. 29 января, 1847.

Письмо твое, Боткинъ, очень огорчило меня во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего и пуще всего, скажи мнѣ ради всего святого въ мірѣ: какой ожесточенный и хитрый врагъ «Современника» — Краевскій или Булгаринъ, увѣрилъ васъ всѣхъ, будто въ отдѣлѣ наукъ и художествъ постановили мы непремѣннымъ закономъ помѣщать только статьи русскія, касающіяся Россіи и писанныя людьми, могущими доказать неоспоримо свое русское происхожденіе по крайней мѣрѣ двадцатью-четырьмя колѣнами? Вѣдь это было бы страхъ, какъ смѣшно, если бы не было страхъ, какъ грустно и обидно. Когда я прочелъ въ твоемъ письмѣ, что ради этой фантастической причины Коршъ бросилъ уже начатую имъ статью о Гердерѣ, у меня выпало изъ рукъ твое письмо, и я чуть не заплакалъ отъ досады и бѣшенства. Предпочесть всегда русскую статью переводной — это дѣло; но наполнить журналъ только русскими статьями — это мечта, которая можетъ войти въ голову только ребенку, или человѣку,

который вовсе не знаетъ ни нашей литературы, ни нашихъ литераторовъ. Что касается до твоихъ писемъ объ Испаніи, ихъ сейчасъ же нужно хоть на пять листовъ (и ужъ по крайней мѣрѣ на три), а пойдетъ эта статья не въ смѣсь, а въ науки. Поторопись. Этотъ отдѣлъ губитъ насъ. Да попроси Корша, чтобъ онъ составлялъ для наукъ статьи, какія онъ хочетъ. Что переѣздъ твой въ Питеръ окончательно рушился, это меня повергло въ глубокую печаль. Если не найдемъ человѣка, бѣда да и только. Причины твои всѣ неоспоримы, кромѣ послѣдней. Тебѣ на Некрасова и не нужно было имѣть никакого вліянія. Выборъ статей уже по одному тому зависѣлъ бы только отъ одного тебя, и всего менѣе отъ Некрасова, что ты, въ случаѣ спора, всегда могъ сказать: «ну, такъ выбирайте сами». И ты здѣсь скорѣе имѣлъ бы дѣло со мною, чѣмъ съ Некрасовымъ, даже скорѣе съ Панаевымъ, который знаетъ по французски, нежели съ Некрасовымъ, который въ этомъ случаѣ человѣкъ безгласный. И потому, взаимное ваше другъ къ другу недовѣріе, которое ты предполагаешь существующимъ между тобою и Некрасовымъ, тутъ вовсе не причина. Скажу тебѣ правду: твое новое практическое направленіе, соединенное съ враждою ко всему противоположному, произвело на всѣхъ насъ равно непріятное впечатлѣніе, на меня перваго. Но я понялъ, что на дѣлѣ съ тобою такъ же легко сойтись, какъ трудно сойтись на словахъ, ибо, несмотря на твое ультра-практическое направленіе, ты все остался отчаяннымъ теоретикомъ, нѣмцемъ, для котораго споръ о дѣлѣ гораздо важнѣе самого дѣла, и который только въ спорѣ и вдается въ чудовищныя крайности, а въ дѣлѣ является человѣкомъ порядочнымъ.

Некрасовъ выказалъ себя человѣкомъ безъ такту въ отношеніи къ повѣстямъ Григоровича и Кудрявцева, не въ томъ только, что онъ ихъ не понялъ (съ кѣмъ этого не случалось и не можетъ случиться), а въ тонѣ, съ какимъ выражалъ онъ свое мнѣніе, и въ которомъ было что-то заносчивое. Это случилось съ нимъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю. За то и осѣкся онъ крѣпко. А повѣсть Панаева онъ не хвалилъ, а только былъ къ ней снисходителенъ, будучи строгъ къ несравненно лучшимъ ея повѣстямъ. На счетъ стиховъ Огарева ты меня не совсѣмъ понялъ: кромѣ гамлетовскаго направленія, давно сдѣлавшагося пошлымъ, оно безцвѣтно и вяло въ эстетическомъ отношеніи. Это наборъ общихъ мѣстъ и избитыхъ словъ, а глав-

ное—тутъ нѣтъ стиха, безъ котораго поэзія есть навозъ, а не искусство. Ты говоришь, что стихи не обязаны выражать духъ журнала, а я говорю: въ такомъ случаѣ и журналъ не обязанъ печатать стиховъ. Изъ устъ журнала не должно исходить слово праздно. Таково мое мнѣніе. Журналистъ дѣлаетъ преступленіе, помѣщая въ своемъ журналѣ статью, въ помѣщеніи которой не можетъ дать отчета. Балластъ — это гибель журнала. А что гамлетовское направленіе въ стихахъ многимъ нравится, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Многимъ нравится о . . . . , однако-жъ я для этихъ многихъ не сталъ бы издавать журнала, а еслибъ сталъ, то съ тѣмъ, чтобъ этихъ многихъ превратить въ немногихъ, а потомъ и вовсе вывести.

Поѣздка моя на воды—миѳъ. Некрасовъ не въ состояніи дать мнѣ 300 руб. серебромъ, которыя долженъ онъ Герцену. Твои 2500 слишкомъ неопредѣленны и гадательны, чтобы на ихъ основаніи рѣшить что-нибудь положительно. «Если бы чего не достало, говоришь ты, ты напишешь къ Герцену, и онъ, вѣрно, пришлетъ еще 1000». Увы, другъ мой, многіе горькіе опыты въ жизни убѣдили меня, что въ ней ничего нѣтъ вѣрнаго. Такъ, напр., возвращаясь изъ поѣздки въ Москву, я былъ увѣренъ, основываясь на словѣ Герцена, получить 3000 асс., а получилъ половину, и это произвело большую сумятицу въ моихъ обстоятельствахъ. Скажу тебѣ откровенно: эта жизнь на подаяніяхъ становится мнѣ невыносимою. Еще когда бы эти подаянія достигали своей цѣли — ну, по крайней мѣрѣ, было бы изъ чего вынести ихъ тяжесть. Т. е., если бы тороватый и богатый пріятель вдругъ далъ мнѣ тысячи три серебромъ, — это поставило бы меня въ возможность жить моимъ трудомъ, не забирая впередъ незаработанныхъ еще денегъ, это, однимъ словомъ, надолго поправило бы мои обстоятельства. А то все палліативы, которые тяжело ложатся на душу, а помогаютъ-то мало. Да что говорить объ этомъ! Конечно, на этотъ разъ дѣло идетъ о спасеніи жизни. На всякій случай напиши мнѣ, въ чемъ долженъ состоять мой maximum, чтобы съѣздить на 3 мѣсяца только на воды въ Силезію, и больше никуда. А поѣздка эта не только облегчила бы— излѣчила бы меня. Я знаю моего доктора: онъ не послалъ бы меня тратиться, чортъ знаетъ, куда, только для развлеченія. Онъ человѣкъ правдивый и, когда я былъ близокъ къ смерти, онъ не скрылъ этого отъ жены моей.

На счетъ условій съ «Современникомъ»—все будетъ сдѣлано по

выходѣ 2-й книжки. У самого Некрасова не сдѣлано еще съ Панаевымъ никакихъ условій. Я думалъ иначе, и это-то и взволновало меня. А славянофилы напрасно сердятся на Гоголя: онъ только консеквентнѣе и добросовѣстнѣе ихъ—вотъ и все. Мальчишки! розгами бы ихъ!

Можетъ быть, на дняхъ, пришлю тебѣ и еще нѣсколько строкъ, а можетъ быть, и нѣтъ. Но ты пиши ко мнѣ. Прощай. Жена моя тебѣ кланяется.

Твой В. Б.

Дядя Бука, здравствуй, Оля тебя любитъ, пришли ягоды [1]).

Къ В. П. Боткину. 6 февраля, 1847.

СПБ. 6 февраля, 1847.

Я не даромъ приписалъ въ концѣ письма моего, что буду еще писать къ тебѣ. Я видѣлъ, что письмо мое, какъ ни длинно оно, было не кончено и можетъ подать тебѣ поводъ понять его не такъ, какъ слѣдуетъ. Поэтому, я черезъ день же хотѣлъ послать другое письмо—да то лѣнь, то некогда, то успѣю еще.

Прежде всего, ради Аллаха, не подумай, что я сержусь на тебя за то, что ты не хочешь переѣзжать въ Питеръ, чтобы работать съ нами въ «Современникѣ». Я былъ бы очень глупъ въ такомъ случаѣ. Я былъ опечаленъ этимъ извѣстіемъ, какъ непріятнымъ мнѣ фактомъ, и смотрѣлъ на него только по его отношенію ко мнѣ — вотъ и все. Тебѣ невыгодно и нѣтъ у тебя охоты: противъ этого сказать нечего, кромѣ того, что ты совершенно правъ. Потомъ, если я писалъ, что ты не правъ, думая, что недовѣрчивость къ тебѣ Некрасова (еслибъ она и существовала) могла быть тебѣ какою-нибудь, хотя малѣйшею, помѣхою твоей работѣ въ «Современникѣ, — не выводи изъ этого, что я имѣлъ намѣреніе убѣдить тебя перемѣнить рѣшеніе и ѣхать въ Питеръ. Я слишкомъ далекъ отъ мысли, чтобы считать тебя мальчишкою, котораго ловкій пріятель можетъ поворотить, куда ему угодно. А сверхъ того, даже если бы и считалъ тебя въ отношеніи ко мнѣ столь слабымъ, а себя въ отношеніи къ тебѣ столь сильнымъ, — и тогда бы я не возымѣлъ глупой мысли на-

[1]) Написано каракулями.—*Прим. А. П.*

сильно толкать тебя туда, куда тебѣ не хочется. У меня и у моихъ друзей было слишкомъ много опытовъ, чтобы вразумить меня, какъ опасно подобное вмѣшательство въ жизнь другого, и отъ него, этого вмѣшательства, отказался даже герой нашъ, Мишель, по крайней мѣрѣ, въ теоріи. Все это я пишу къ тебѣ, еще не зная, какъ принялъ и понялъ ты мое письмо, изъ одного страха, чтобы ты не понялъ его криво — въ чемъ, разумѣется, былъ бы виноватъ одинъ я, ибо выразился не обстоятельно. А писалъ я къ тебѣ возраженія противъ пункта письма твоего о Некрасовѣ только для того, чтобы ты не оставался въ заблужденіи на этотъ счетъ, оставаясь при своемъ рѣшеніи.

А насчетъ рѣшенія — я завидую тебѣ. Сказать правду — я счелъ бы себя блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ, еслибъ безъ труда получалъ въ годъ maximum того, что могу выработать. Мое отвращеніе отъ литературы и журналистики, какъ отъ ремесла, возрастаетъ со дня на день, и я не знаю, что изъ этого выйдетъ наконецъ. Съ отвращеніемъ бороться труднѣе, чѣмъ съ нуждою; оно—болѣзнь. То ли дѣло ты—счастливый человѣкъ! Квартира съ отопленіемъ, столъ—готовые, на одежу и прихоти всегда хватитъ; занимайся, чѣмъ хочется, а ничего не хочется—ничего не дѣлай. Твоя строка, что ты хочешь заняться органическою химіею, обдала меня кипяткомъ зависти. Наука для меня не существуетъ, я не такъ воспитывался, не такъ развивался, чтобъ быть способнымъ заняться ею. Но развѣ не наслажденіе заниматься чѣмъ-нибудь, хоть à la дилетантъ? О естественныхъ наукахъ я готовъ болтать, или, лучше сказать, слушать, кто это дѣло знаетъ; но заниматься самому ими—это не мое дѣло. Меня сильнѣе всего интересуетъ нравственный міръ человѣка, представляемый исторіею, и въ ней есть эпоха, которой я, конечно, не могъ бы изучить и разработать ученымъ образомъ; но я предался бы ея изученію просто, безъ претензій, и нашелъ бы для себя въ этомъ занятіи замѣну всего, чего такъ глупо добивался всю жизнь, и чего такъ умно не дала мнѣ судьба, зане такого мудренаго кушанья у нея не оказалось. Да поди—займись тутъ чѣмъ-нибудь!.. Э, да что вздоръ-то молоть—вѣдь отъ этого у меня не явится обезпеченіе въ видѣ капитала, дающаго хоть тысячи двѣ серебромъ! А тебѣ опять-таки скажу: благую избралъ ты часть. Если обстоятельства настоятельно потребуютъ твоего переѣзда въ Питеръ, тогда—дѣло другое; но безъ крайней нужды запрягаться въ телѣгу срочной работы—

это безуміе, хотя бы работа давала и чортъ знаетъ что!.. Еще разъ: поздравляю тебя за мудрое рѣшеніе и жалѣю, что не могу послѣдовать твоему примѣру.

2-я книжка «Современника» вышла во-время. Она лучше первой. Но Никитенко такъ поправилъ одно мѣсто въ моей статьѣ о Гоголѣ, что я до сихъ поръ хожу, какъ человѣкъ, получившій въ обществѣ оплеуху. Вотъ, въ чемъ дѣло: я говорю въ статьѣ, что-де мы, хваля Гоголя, не ходили къ нему справляться, какъ онъ думаетъ о своихъ сочиненіяхъ, то и теперь мы не считаемъ нужнымъ дѣлать это; а онъ, добрая душа! въ первомъ случаѣ мы замѣнилъ словомъ нѣкоторые—и вышла, во 1-хъ, галиматья, а, во 2-хъ, что-то въ родѣ подлаго отпирательства отъ прежнихъ похвалъ Гоголю и сваленія вины на другихъ. А тамъ еще цензора подрадѣли — и все это произвольно, безъ основанія. Вотъ они—поощренія къ труду!

Статья объ Элевзинскихъ Таинствахъ показалась мнѣ ни то, ни се. Основная мысль ея та, что Элевзинскія Таинства—великій фактъ древней жизни, а что они такое были, мы объ этомъ ровно ничего не знаемъ. Кажется, тутъ было хранилище всѣхъ преданій космогоническихъ и нравственныхъ, которыя съ Востока собрались въ Грецію и въ Элевзинѣ передавались въ мистическихъ формахъ и обрядахъ для сильнѣйшаго эффекта на подлѣйшую часть человѣческой души—фантазію. Короче: это былъ мистицизмъ древности. Меня поразило въ статьѣ то, что практическій, здравомыслящій Сократъ отказался участвовать въ Элевзинскихъ Таинствахъ и былъ къ нимъ вообще холоденъ, тогда какъ fou sublime, фантастическій романтикъ, Платонъ, благоговѣлъ передъ ними. Вообще, мнѣ кажется, Элевзинскія Таинства имѣютъ только ученый, чисто-объективный интересъ, а со стороны субъективнаго интереса—они не стоятъ выѣденнаго яйца.

Статья о физіологіи Литтре—прелесть! Вотъ человѣкъ! Отъ него морщится «Revue des Deux Mondes», хотя и печатаетъ его статьи, а соціальные и добродѣтельные ослы не въ состояніи и понять его. Я безъ ума отъ Литтре, именно потому, что онъ равно не принадлежитъ ни . . . . . подлецамъ и ворамъ—умникамъ «Journal des Débats» и «Revue des deux Mondes», ни . . . . . соціалистамъ—этимъ насѣкомымъ, вылупившимся изъ навозу, которымъ заваленъ задній дворъ генія Руссо. Кстати: въ «Journal de France» я прочелъ отрывокъ изъ 1-го тома «Исторіи

Революціи» Луи Блана. Это—его сужденіе о Вольтерѣ. Святители—что за узколобіе! Да это Шевыревъ! Все, что говоритъ Луи Бланъ въ порицаніе Вольтера, справедливо, да и глупо то, что онъ не судитъ о немъ, а осуждаетъ его, и притомъ, какъ нашего современника, какъ сотрудника «Journal des Débats». Я въ первый разъ понялъ всю гадость и пошлость духа партій. Въ то же время я понялъ, отчего «Histoire des dix ans» хороша, несмотря на всѣ ея нелѣпости: оттого, что это памфлетъ, а не исторія. Луи Бланъ—историкъ современныхъ событій; но за прошедшее, сдѣлавшееся исторіею, ему, кажется, не слѣдовало бы браться. Вотъ ужъ сколько времени лежитъ у меня книжка «Revue des Deux Mondes» съ статьею объ Огюстѣ Контѣ и Литтре—и не могу прочесть, потому что запнулся на гнусномъ взглядѣ этого журнала съ первыхъ же строкъ статьи. Бѣда мнѣ съ моими нервами! Что не по мнѣ—дѣйствуетъ на меня болѣзненно; но пересилю себя и прочту.

О себѣ мнѣ нечего тебѣ сказать новаго. Впрочемъ, вотъ уже съ недѣлю, какъ здоровье мое, какъ будто, лучше, и желудокъ, какъ будто, поправляется. За то скучаю смертельно. Безъ Тургенева я осиротѣлъ плачевно. Можетъ быть, отъ этого во мнѣ опять пробудилась давно оставившая меня охота писать длинныя письма. Пожалуйста, пиши ко мнѣ: въ теперешнемъ моемъ положеніи, ты сдѣлаешь мнѣ этимъ много добра.

Читалъ ли ты переписку Гоголя? Если нѣтъ, прочти. Это любопытно и даже назидательно: можно увидѣть, до чего доводитъ и геніальнаго человѣка о . . . . А славяноп . . . московскіе напрасно на него сердятся. Имъ бы вспомнить пословицу: неча на зеркало пенять, коли рожа крива. Они подлецы и трусы, люди неконсеквентные, боящіеся крайнихъ выводовъ собственнаго ученія; а онъ—человѣкъ храбрый, которому нечего терять, ибо все изъ себя вытрясъ, онъ идетъ до послѣднихъ результатовъ.

Послѣ русскаго водевиля, нѣтъ ничего глупѣе русскаго фельетона. Такъ привыкъ я думать, читая фельетоны петербургскихъ газетъ; но прочтя въ «Московскомъ Листкѣ» описаніе бала у Корсакова—я изумился, убѣдившись, что наши петербургскіе фельетоны—самъ умъ, само остроуміе въ сравненіи съ московскими. Глупѣе я ничего не читывалъ. Ай, да «Листокъ»!

Я думаю, что наши московскіе друзья будутъ бранить меня за похвалы «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ». Статья эта

писана мною не для «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»: это ударъ рикошетомъ по «Пчелѣ».

Оля моя больна; недѣлю назадъ, въ это время думали мы, что она умретъ. Теперь ей лучше, но все еще нездорова. А при твоемъ имени, которое все помнитъ, всегда говоритъ она: ягоди. Ей кажется, видно, что твое имя—вспомогательный глаголъ къ страдательному причастію: ягоды.

Ну, пока больше нечего говорить. Прощай. Жена моя тебѣ кланяется.

В. Б.

Къ В. П. Боткину. 7 февраля, 1847.

СПБ. 7 февраля 1847.

Вчера поутру послалъ я къ тебѣ, любезный Боткинъ, письмо, а вечеромъ получилъ твое. Вчера же приготовилъ я для отсылки на нынѣшній день еще три письма въ Москву—къ Кавелину, Галахову и Иванову—такой ужъ письменный вышелъ день! Мало этого: въ письмѣ къ Кавелину есть порученіе къ тебѣ—поторопить тебя присылкою писемъ изъ Испаніи, что ты вчера и выполнилъ такъ неожиданно для меня. Да есть еще въ письмѣ Кавелина лоскутокъ бумажки для тебя; такъ какъ онъ доставитъ тебѣ его, то и не хочу повторять его содержанія. Теперь о главномъ пунктѣ твоего послѣдняго письма.

Письмо это глубоко меня тронуло. Человѣкъ лѣнивый и тяжелый на подъемъ, я во всю жизнь мою ни разу не хлопоталъ такъ усердно о себѣ, какъ хлопочешь ты обо мнѣ, при этомъ рѣшаясь по прежнему на жертвы для меня, которыя должны поставить тебя въ стѣсненное положеніе. Понялъ ли я все это, и какъ отозвалось все это во мнѣ—объ этомъ распространяться не буду. Если бы дѣло шло о доставленіи мнѣ удовольствія поглядѣть на Европу, я не сталъ бы съ тобою и говорить объ этомъ: подобныя удовольствія не покупаются цѣною чужихъ пожертвованій. Но, какъ дѣло идетъ о дѣлѣ, т.-е. о здоровьѣ и, можетъ быть, жизни, то я, благодаря тебя отъ души, докажу тебѣ несбыточность этого плана. Какъ человѣкъ одинокій, ты видишь только одну сторону предмета. Положимъ, ты достанешь 2500 рублей. Если ты говоришь, что двухъ тысячъ для меня достаточно, значитъ, я сдѣлалъ бы умно, взявши съ собою и 500 руб.

Лишекъ въ такомъ случаѣ—дѣло святое: не понадобится, можно привезти его домой, а понадобится—онъ спасетъ, выручитъ изъ бѣды. Масловъ вчера сказалъ, что мнѣ надо будетъ съ мѣсяцъ прожить тамъ, хоть на томъ же мѣстѣ, если деньги не позволятъ поѣздить около; ибо тамошніе доктора не любятъ насъ, русскихъ, сейчасъ же послѣ курса водъ, изъ тамошняго благодатнаго климата, отпускать въ атмосферу губительныхъ болотныхъ міазмовъ Петербурга. Итакъ, вотъ уже не три, а 4 мѣсяца. Теперь слушай. За 4 мѣсяца я теряю мою плату отъ «Современника», слѣдовательно, теряю слишкомъ 2300 руб. ассигн. Это разъ. Потомъ, съ чѣмъ я оставлю семейство? Если бы Некрасовъ и могъ мнѣ дать 300 руб. серебромъ—что мнѣ въ нихъ? Оставивши ихъ семейству, я бы оставилъ по 100 руб. серебромъ на мѣсяцъ (считая только 3 мѣсяца), а я за квартиру плачу болѣе 50 руб. серебромъ въ мѣсяцъ! Если бы я оставилъ семейству по 500 въ мѣсяцъ, т.-е. 2000 асс., и то не былъ бы спокоенъ и, слѣдовательно, не могъ бы лѣчиться, какъ должно. Вотъ, въ чемъ дѣло. Отъ «Современника» я и такъ забрался страшно—за полгода впередъ, а заработалъ тамъ только за два мѣсяца. Да, братецъ, что и говорить—радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Бѣдный человѣкъ—парія общества.

Корректурою твоихъ писемъ изъ Испаніи я займусь самъ — будетъ хорошо. Такъ какъ они пойдутъ въ 4 № и заранѣе присланы, то ихъ можно напечатать, какъ слѣдуетъ. Вотъ выгода и для автора присылать во-время. Если бы они пришли къ намъ недѣлями полтора раньше, попали бы въ 3 №, а теперь нельзя, кажется, а впрочемъ, я еще не видѣлъ Некрасова и положительно объ этомъ не могу выразиться. Некрасовъ не отвѣчалъ тебѣ, вѣроятно, потому, что послѣдніе 10 дней мѣсяца, онъ ложится спать по утру въ 6 часовъ, а теперь все еще не отоспался и не вытянулся. Статью о Шевыревѣ въ «Сынѣ Отечества» едва ли писалъ Надеждинъ, ибо онъ обѣщалъ статью о немъ Панаеву въ «Современникъ». Стало быть, Шевыревъ еще можетъ ожидать себѣ таски—да какой! Какой Павловъ написалъ статью о Гоголѣ—Николай Филипповичъ?—Увѣдомь, равно какъ и о томъ, будетъ ли она напечатана и гдѣ?

О твоемъ разговорѣ съ Некрасовымъ не знаю, что сказать. Можетъ быть, ты и правъ, но еще больше можетъ быть, что ты неправъ. Ты немножко сюсцептибеленъ и, подъ вліяніемъ разъ родившейся недовѣрчивости, могъ увидѣть то, чего

и не было, а Некрасовъ страшно угловатъ, и его надо знать да знать, чтобы иногда, дѣйствительно, не принять за мерзость то, въ чемъ никакой мерзости нѣтъ. По крайней мѣрѣ, я ручаюсь за то, что Некрасовъ слишкомъ уменъ для того, чтобы не цѣнить такого сотрудника, какъ ты. Въ послѣднее время онъ надоѣлъ мнѣ толками о тебѣ. Такъ какъ я давно чувствовалъ, что тутъ толку не будетъ, и не зналъ, что̀ ему говорить. Тяжело быть посредниками между людьми.

Вчера въ первый разъ узрѣлъ я московскую газету «Листокъ»— что за безвкусіе въ наружности! А статьи! О, Москва! Неужели на эту милую газету есть подписчики? Бѣдные словеноп . . ! они свыше осуждены на бездарность. Да такъ и слѣдуетъ: талантъ— мірское, земное, грѣховное, онъ порождаетъ гордость. Умъ тоже. Отказавшись отъ того и другого, «Листокъ» явится достойнымъ выразителемъ словеноп . . . . доктрины.

Оля выздоравливаетъ и каждый день вспоминаетъ тебя и «ягоди». Жена моя тебѣ кланяется. А затѣмъ прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ Д. П. Иванову. 7 февраля, 1847.

СПБ. 7 февраля 1847.

Я виноватъ передъ тобою, любезный и добрый мой Дмитрій, потому что немного досадовалъ на тебя вовсе понапрасну. Я думалъ, что письмо и деньги получишь ты на 3-й, много на 4-ый день по пріѣздѣ Боткина въ Москву, а ты получилъ ихъ чуть ли не черезъ мѣсяцъ. Но посылкѣ этой суждено было быть несчастною. Какой-то злой духъ внушилъ тебѣ странную мысль застраховать ее въ 20 руб. сер., тогда какъ ее отнюдь не слѣдовало страховать болѣе, какъ въ трехъ руб. сер. Такъ какъ это дѣлаютъ многіе, то почтамтъ питаетъ къ такимъ посылкамъ недовѣрчивость и, вручая ихъ получателямъ, распечатываетъ ихъ. Такъ и случилось съ нашею посылкою. Глазамъ чиновника представилось всего прежде восемь маленькихъ книжечекъ, а потомъ письмо жены моей. Лучшее, что ты могъ сдѣлать съ этимъ письмомъ,—это бросить его въ печь, ибо оно мнѣ ни на что не нужно, такъ какъ о содержаніи его я могъ узнать отъ той, которая писала его. Не дурно сдѣлалъ бы ты также, еслибъ рас-

печаталъ его и заложилъ бы между листами толстой книги, ибо я совсѣмъ не считаю тебя человѣкомъ, который не можетъ удержаться, чтобъ не прочесть чужого распечатаннаго письма. За это несчастное письмо я заплатилъ 1 руб. 15 коп. сер. штрафу. Это бы еще пустяки: хуже всего то, что контора Языкова черезъ это окомпрометтировалась (безъ всякой вины съ ея стороны) передъ почтамтомъ, столь важнымъ для нея мѣстомъ. Пишу это тебѣ не для упрековъ и выговора, ибо въ сущности и ты тутъ ничѣмъ не виноватъ, а для того, чтобы снабдить тебя полезнымъ для жизни опытомъ.

Очень радъ, что малютка твоя поправилась. Англійская болѣзнь—еще не страшное зло. Весною и лѣтомъ больше на воздухѣ да на пескѣ. Не худо въ большой комнатѣ навалить въ углу просѣяннаго хоть сквозь рѣшето теплаго песку и сажать ее на него такъ, чтобы она, привыкши въ немъ рыться, сходила съ него какъ можно рѣже. А докторъ—своимъ чередомъ. Лукерья Савельевна сдѣлала самое лучшее дѣло въ своей жизни, и я уважаю ее за это. Бѣднаго Алешу мнѣ жаль крайне. Нужно же было случиться такой бѣдѣ! Но хуже всего, что онъ долженъ работать. Эхъ, какъ бы онъ поскорѣе уплелся въ свои поля и лѣса. Зная его натуру, я увѣренъ, что тамъ онъ въ два года помолодѣетъ 20-ю годами. Жизнь въ столицѣ вовсе не по немъ, ибо онъ, по своей натурѣ, нисколько не способенъ пользоваться ея наслажденіями и удобствами и способенъ только терпѣть отъ ея невыгодныхъ сторонъ. Что же до службы, особенно гражданской, то теперь она—да что и говорить! Кланяйся отъ меня ему и Агашѣ. Извѣстіе твое о ея серебряной табакеркѣ бросило меня въ потъ. Уѣзжая на извозчикѣ въ контору почтовыхъ колясокъ, я отдалъ ее провожавшему меня Константину Петровичу Барсову, съ просьбой немедленно передать ее тебѣ. Бога ради, сходи къ Щепкинымъ и узнай его адресъ, а, можетъ быть, и тамъ его найдешь, и переговори съ нимъ. Да сдѣлай это самъ, а не черезъ человѣка. Въ такомъ многолюдномъ домѣ, каковъ Щепкина, мудрено иначе добиться какого-нибудь толку. Если, сверхъ чаянія, табакерка затеряна, спроси у Агаши, что за нее просятъ: я сейчасъ же вышлю деньги. Оправдай меня передъ нею: ты видишь самъ, что я не такъ виноватъ, какъ она вправѣ считать меня.

Къ твоимъ когда-нибудь напишу. Здоровье мое плохо, однако съ недѣлю ужъ чувствую себя лучше. У насъ въ Питерѣ сви-

рѣпствуютъ теперь морозы Г. Перевлесскому скажи, что статья о Державинѣ («Отечественныя Записки», 1843, №№ 2 и 3) моя, и что онъ можетъ ссылаться на нее и дѣлать изъ нея выписки, или что тамъ нужно ему. Я и жена моя кланяемся всѣмъ вамъ и цѣлуемъ вашихъ малютокъ. Моя Оля была очень нездорова, теперь поправляется; маленькій хорошъ. Когда будешь писать своимъ въ Ломовъ, не забывай кланяться отъ меня. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 17 февраля, 1847.

Спб. 17 февраля 1847.

Въ день полученія твоей записки, любезный Боткинъ, я былъ рѣшительно убѣжденъ, что нѣтъ никакой возможности напечатать твоей статьи въ 3 № «Современника», какъ ты этого желаешь; но на другой день къ величайшему моему удовольствію узналъ, что это дѣло выполнимое. Вотъ, въ чемъ дѣло. Въ 3 № печатается 1-я часть романа Гончарова, 9 листовъ! Отъ этого книжка выходитъ страшно толста. Къ этому, вышелъ романъ Диккенса; упустить его намъ было никакъ нельзя, потому что не только «Отечественныя Записки», но надо ожидать, что и «Библіотека для Чтенія», его напечатаютъ въ своихъ 3-хъ №№. Романъ этотъ въ переводѣ занимаетъ 6 листовъ, итого, въ отдѣлѣ словесности 3 № «Современника» 15 листовъ! Надо было думать, какъ бы экономнѣе распорядиться другими отдѣлами. Выкинули назначенную въ науки и уже переведенную статью Тьерри о среднемъ сословіи въ Европѣ, листа 3 съ небольшимъ, и замѣнили ее статьею Комаришки о желѣзныхъ дорогахъ въ отношеніи къ выгодамъ (денежнымъ), которыя онѣ даютъ. Но тутъ вышла преуморительная исторія. Отдавая Панаеву статью, подлецъ Комаришка сказалъ ему, что такой статьи (mon cher) міръ не производилъ. Однако-жъ какой-то добрый геній шепнулъ Панаеву показать эту знаменитую статью Небольсину (очень дѣльный человѣкъ, который пишетъ въ «Современникѣ» обо всемъ, касающемся до промышленности и торговли). Небольсинъ сказалъ, что, несмотря на богатство матеріаловъ, которые Комаровъ имѣлъ подъ рукою, статья его такой же сумбуръ, какъ и его статья въ «Отечественныхъ Запискахъ» о желѣзныхъ же доро-

гахъ. Надо тебѣ сказать еще, что Комаришка же составляетъ для смѣси «Современника» ученыя извѣстія. Вдругъ профессоръ Савичъ присылаетъ къ Панаеву письмо, гдѣ, извиняясь въ своей откровенности своимъ желаніемъ всякаго добра «Современнику», говоритъ, что ученыя извѣстія Комаришки для незнающихъ дѣла людей очень хороши, но для знающихъ—курамъ смѣхъ и журналу позоръ!.. Вслѣдствіе этого подлецъ Комаришко изъ «Современника» изгоняется. Статья его о желѣзныхъ дорогахъ будетъ напечатана только въ такомъ случаѣ, если Небольсинъ ее передѣлаетъ, и, разумѣется, ужъ въ слѣдующей книжкѣ. Такъ какъ твоя статья, хотя и вдвое больше Комаришкиной, однако-жъ листомъ, а, можетъ быть, и болѣе, менѣе статьи Тьерри, – то помѣщеніе ея въ 3 книжкѣ сдѣлалось возможнымъ.

Знаешь ли, о чемъ я теперь хочу говорить съ тобою? Это удивитъ тебя: о моемъ путешествіи. Я спросилъ Некрасова, могъ ли бы я удержать мое жалованье въ случаѣ поѣздки за границу, и онъ отвѣчалъ утвердительно и даже совѣтовалъ мнѣ непремѣнно ѣхать, обѣщая, что, несмотря на то, что я много забралъ впередъ, жена моя, въ мое отсутствіе, можетъ брать у нихъ, сколько ей нужно. Это измѣняетъ дѣло, и если ты въ состояніи достать 2500 руб. асс., — я буду собираться не шутя. Курсъ мой будетъ продолжаться шесть недѣль; столько же, или еще и болѣе, совѣтуетъ Тильманъ ѣздить, гулять; я ему сказалъ: радъ бы въ рай, да денегъ нѣтъ. Однако-жъ, можетъ быть, будетъ возможность заглянуть хоть въ Саксонскую Швейцарію и побродить около воротъ рая. Жду съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта на это письмо.

Тургеневъ хочетъ перевести нѣмцамъ статью Кавелина: «Юридическій бытъ Россіи до Петра Великаго». Скажи ему это, равно какъ и то, что помѣщеніемъ своихъ критическихъ статей на книгу Погодина въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ растерзалъ мое сердце и усилилъ мои немощи. Кронебергъ — только переводчикъ, а какъ сотрудникъ — хуже ничего нельзя придумать. Современное для него не существуетъ, онъ весь въ римскихъ древностяхъ, да въ Шекспирѣ. При этомъ, страшно лѣнивъ, а теперь, какъ нарочно, на него напала страшная апатія. Педантическая добросовѣстность его—хуже воровства со взломомъ. Напр., о романѣ Бульвера было говорено во всѣхъ русскихъ журналахъ, и, разумѣется, со словъ иностранныхъ журналовъ, а ему, вишь ты, надобно прочесть романъ, а читать онъ по лѣности

не можетъ ничего. Когда я жилъ у тебя лѣтомъ 43 года, сколько въ это время интересныхъ статей въ «Allgemeine Zeitung» находилъ ты; Кронебергъ доселѣ не нашелъ ни одной, кромѣ статьи о центральномъ солнцѣ, да и та оказалась пуфомъ!

Прочти во 2 № «Отечественныхъ Записокъ» повѣсть Даля «Игривый». Есть въ ней превосходныя вещи. Да если ты не читалъ еще, непремѣнно прочти его же: «Колбасники» и «Бородачи», «Деньщикъ», «Дворникъ». Все это найдешь ты въ его «Сочиненіяхъ», недавно изданныхъ. Да прочти въ прошломъ году его же: «Бывалое въ Небываломъ», и «Небывалое въ Быломъ»: цѣлое—ничего, но есть дивно-прекрасныя частности. Въ Питерѣ нашлись люди, которымъ повѣсть Панаева очень нравится; они не совсѣмъ довольны только концомъ. Повѣсть Кудрявцева никому не нравится. Поди ты тутъ!!

Прочелъ я въ «Revue des Deux Mondes» статью Сессе о положительной философіи Конта и Литтре. Сколько можно получить понятіе о предметѣ изъ вторыхъ рукъ, я понялъ Конта, въ чемъ мнѣ особенно помогли разговоры и споры съ тобою, которые только теперь уяснились для меня. Контъ—человѣкъ замѣчательный; но чтобъ онъ былъ основателемъ новой философіи—далеко кулику до Петрова дня! Для этого нуженъ геній, котораго нѣтъ и признаковъ въ Контѣ. Этотъ человѣкъ—замѣчательное явленіе, какъ реакція теологическому вмѣшательству въ науку, и реакція энергическая, безпокойная и тревожная. Контъ—человѣкъ богатый познаніями, съ большимъ умомъ, но его умъ сухой, въ немъ нѣтъ той полетистости, которая необходима всему творческому, даже математику, если ему даны силы раздвинуть предѣлы науки. Хотя Литтре и ограничился смиренною ролью ученика Конта, но сейчасъ видно, что онъ—болѣе богатая натура, чѣмъ Контъ.

О г. Saisset'ѣ, изрекающемъ роковой приговоръ положительной философіи Конта и Литтре, много говорить нечего: для него метафизика—c'est la science de Dieu, а между тѣмъ, онъ поборникъ опыта и врагъ нѣмецкаго трансцендентализма. О нѣмецкой философіи онъ говоритъ съ презрѣніемъ, не имѣя о ней ни малѣйшаго понятія. И здѣсь я имѣлъ случай вновь полюбоваться нахальною недобросовѣстностію, свойственною французамъ, и вспомнилъ Пьера Леру, который, обругавъ Гегеля, восхвалилъ Шеллинга, предполагая въ послѣднемъ своего союзника и оправдываясь, когда его уличали въ невѣжествѣ, тѣмъ, что онъ узналъ

все это отъ достовѣрнаго человѣка. — Между тѣмъ, въ нападкахъ Saisset много дѣльнаго, и прежде всего смѣшная претензія Конта — слово идея замѣнить закономъ природы. Хорошо будетъ Конту, если его противники будутъ ратовать съ остервененіемъ за слово; но что съ нимъ станетъ, если они будутъ такъ благоразумны, что согласятся съ нимъ? Вѣдь дѣло тутъ не въ дѣлѣ (по моему, не въ идеѣ), а въ новомъ названіи старой вещи, нисколько не измѣняющемъ ея сущности, съ тою только разницею, что старое названіе имѣетъ за собою великое преимущество историческаго происхожденія и основанной на вѣковой давности привычки къ нему, и что отъ него производится слово идеалъ, необходимое не въ одномъ искусствѣ. Абсолютная идея, абсолютный законъ: это одно и то же, ибо оба выражаютъ нѣчто общее, универсальное, неизмѣняемое, исключающее случайность. Итакъ, Контъ пробавляется стариною, думая созидать новое. Это смѣшно. Контъ находитъ природу несовершенною: въ этомъ я вижу самое поразительное доказательство, что онъ не вождь, а застрѣльщикъ, не новое философское ученіе, а реакція, т. е. крайность, вызванная крайностію. Піэтисты удивляются совершенству природы, для нихъ въ ней все премудро разсчитано и размѣрено, они вѣрятъ, что должна быть великая польза даже отъ гнусной и плодущей породы грызущихъ, т. е. крысъ и мышей, потому только, что природа съ дуру не скупится производить ихъ въ чудовищномъ количествѣ. И вотъ Контъ ихъ нелѣпости, по чувству противорѣчія и необходимости реакціи, противопоставляетъ новую нелѣпость, что природа-де несовершенна и могла бы быть совершеннѣе. Послѣднее—чепуха, первое справедливо, да въ несовершенствѣ-то природы и заключается ея совершенство. Совершенство есть идея абстрактнаго трансцендентализма, и потому оно—подлѣйшая вещь въ мірѣ. Человѣкъ смертенъ, подверженъ болѣзни, голоду, долженъ отстаивать съ бою жизнь свою. Это—его несовершенство, но имъ-то и великъ онъ, имъ-то и мила и дорога ему жизнь его. Застрахуй его отъ смерти, болѣзни, случая, горя—и онъ—турецкій паша, скучающій въ лѣнивомъ блаженствѣ; хуже — онъ превратится въ скота. Контъ не видитъ историческаго прогресса, живой связи, проходящей живымъ нервомъ по живому организму исторіи человѣчества. Изъ этого я вижу, что область исторіи закрыта для его ограниченности. Ломоносовъ былъ въ естественныхъ наукахъ великимъ ученымъ своего времени, а по части исторіи онъ былъ равенъ ослу

Тредьяковскому: явно, что область исторіи была внѣ его натуры. Контъ уничтожаетъ метафизику не какъ науку трансцендентальныхъ нелѣпостей, но какъ науку законовъ ума; для него послѣдняя наука, наука наукъ — физіологія. Это доказываетъ, что область философіи такъ же внѣ его натуры, какъ и область исторіи, и что исключительно доступная ему сфера знанія есть математическія и естественныя науки. Что дѣйствія, т. е. дѣятельность, ума есть результатъ дѣятельности мозговыхъ органовъ—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но кто же подсмотрѣлъ актъ этихъ органовъ при дѣятельности нашего ума? Подсмотрятъ ли ее когда-нибудь? Контъ возложилъ свое упованіе на дальнѣйшіе успѣхи френологіи; но эти успѣхи подтвердятъ только тождество физической природы человѣка съ его духовною природою—не больше. Духовную природу человѣка не должно отдѣлять отъ его физической природы, какъ что-то особенное и независимое отъ нея, но должно отличать отъ нея, какъ область анатоміи отличаютъ отъ области физіологіи. Законы ума должны наблюдаться въ дѣйствіяхъ ума. Это дѣло логики, науки, непосредственно слѣдующей за физіологіей, какъ физіологія слѣдуетъ за анатоміею. Метафизику къ чорту: это слово означаетъ сверхъ-натуральное, слѣдовательно, нелѣпость, а логика, по самому своему этимологическому значенію, значитъ и мысль и слово. Она должна итти своею дорогою, но только не забывать ни на минуту, что предметъ ея изслѣдованій — цвѣтокъ, корень котораго въ землѣ, т. е. духовное, которое есть не что иное, какъ дѣятельность физическаго. Освободить науку отъ призраковъ трансцендентализма и théologie, показать границы ума, въ которыхъ его дѣятельность плодотворна, оторвать его навсегда отъ всего фантастическаго и мистическаго— вотъ, что сдѣлаетъ основатель новой философіи, и вотъ, чего не сдѣлаетъ Контъ, но что, вмѣстѣ со многими подобными ему замѣчательными умами, онъ поможетъ сдѣлать призванному. Самъ же онъ слишкомъ узко построенъ для такого широкаго, многообъемлющаго дѣла. Онъ реакторъ, а не зиждитель, онъ зарница, предвѣстница бури, а не буря, онъ одно изъ тревожныхъ явленій, предсказывающихъ близость умственной революціи, но не революція. Геній—великое дѣло: онъ, какъ Петрушка Гоголя, носитъ съ собою собственный запахъ; отъ Конта не пахнетъ геніальностію. Можетъ быть, я ошибаюсь, но таково мое мнѣніе.

Въ томъ же № «Revue des Deux Mondes» меня очень заинтересовала небольшая статья какого-то Тома: «Un nouvel écrit de M. de Schelling». У меня было какое-то смутное понятіе о новомъ мистическомъ понятіи Шеллинга. Тома говоритъ, что Шеллингъ деизмъ называетъ imbécile (съ чѣмъ и поздравляю Пьера Леру) и презираетъ его больше атеизма, который онъ несказанно презираетъ. Кто же онъ? онъ пантеистъ-христіанинъ, и создалъ для избранныхъ натуръ (аристократіи человѣчества) удивительно изящную церковь, въ которой обителей много. Бѣдное человѣчество! Добрый Одоевскій разъ не шутя увѣрялъ меня, что нѣтъ черты, отдѣляющей сумасшествіе отъ нормальнаго состоянія ума, и что ни въ одномъ человѣкѣ нельзя быть увѣреннымъ, что онъ не сумасшедшій. Въ приложеніи не къ одному Шеллингу, какъ это справедливо! У кого есть система, убѣжденіе, тотъ долженъ трепетать за нормальное состояніе своего разсудка. Вѣдь почти всѣ сумасшедшіе удивляютъ въ разговорѣ ясностію своего разсудка, пока не нападутъ на свою idée fixe.

Я позволилъ себѣ сдѣлать нѣкую мерзость съ письмомъ Анненкова: т.-е. вычеркнуть его сужденіе о Лукреціи Флоріани; мнѣ была невыносима мысль, что въ «Современникѣ» явится такого рода сужденіе. Какъ ты думаешь, не осердится онъ за мою неделикатность?

Прочти въ 35 № (15 февраля) «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» статью Губера о книгѣ Гоголя: это замѣчательное и отрадное явленіе. Прочелъ ли ты книгу Макса Штирнера? Кстати, чуть было не забылъ—презабавный анекдотъ о Достоевскомъ. Воспользовавшись крайнею нуждою Краевскаго въ повѣстяхъ, онъ превосходно надулъ этого умнаго, практическаго человѣка. Онъ забралъ у него болѣе 4 тысячъ асс. и заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому обязался 5 декабря доставить ему 1-ю часть новаго своего большого романа, 5 января — 2-ю, 5 февраля—3-ю, 5 марта—4-ю часть. Проходитъ декабрь — Достоевскій не является къ Краевскому, проходитъ январь — тоже (а гдѣ найти его, Краевскій не знаетъ); наконецъ, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, въ одно прекрасное утро, раздается въ прихожей Краевскаго звонокъ, человѣкъ открываетъ дверь и видитъ Достоевскаго, снимаетъ съ него шинель и бѣжитъ доложить. Краевскій, разумѣется, обрадовался, говоритъ — проси,—человѣкъ идетъ въ переднюю и — не видитъ ни калошъ, ни шинели, ни самого Достоевскаго...

Что это дѣлается съ твоею головою? Ужъ не повѣтріе ли теперь на эту болѣзнь? У меня до сихъ поръ остались еще корни этой болѣзни, и при кашлѣ иногда голова сильно трещитъ, хоть и легче, чѣмъ прежде. Да что ты ни слова не скажешь мнѣ: обжился ли ты въ Москвѣ до того, чтобы извѣстныя отношенія тебя уже больше не смущали и не безпокоили? Хочу знать это не изъ бабьяго любопытства, а по участію къ тебѣ. Если все это хорошо уладилось, то, разумѣется, безъ особенно важныхъ причинъ, было бы нелѣпо переѣзжать тебѣ въ Питеръ.

Что за чудакъ Мельгуновъ! Пишетъ онъ къ Панаеву, чтобы дѣлать намъ авансы Павлову для полученія отъ него въ «Современникъ» писемъ къ Гоголю. Для этого намъ должно перевести изъ какихъ-то нѣмецкихъ журналовъ отзывы о Павловѣ, вѣроятно, преувеличенные. Къ чему это? «Теперь, (говоритъ Мельгуновъ), когда звѣзда Гоголя закатилась, звѣзда Павлова опять засіяетъ». Что за ерунда! . . . . имѣетъ больше отношенія къ звѣздѣ Гоголя, нежели звѣзда Павлова: по крайней мѣрѣ, риѳма, да еще богатая, а притомъ и Гоголь сдѣлался теперь . . . . . Я не отрицаю въ Павловѣ блестящаго беллетристическаго дарованія, но не вижу ничего общаго между нимъ и Гоголемъ. Говорятъ, покойный Давыдовъ былъ доблестный партизанъ, и не плохой генералъ, но не смѣшно ли было бы, еслибъ кто изъ его друзей сказалъ ему: звѣзда Наполеона закатилась, твоя засіяетъ теперь.

Прощай.

Твой В. Б.

Это письмо было написано вчера поутру; а вчера вечеромъ Тютчевъ принесъ мнѣ твое письмо и дикое письмо Кавелина; отвѣты на оба пойдутъ завтра.

Къ И. С. Тургеневу. 19 февраля, 1847.

Спб. 19 февраля (3 марта) 1847.

Любезнѣйшій, дражайшій и милѣйшій мой Иванъ Сергѣевичъ, наконецъ-то я собрался писать къ вамъ. Не повѣрите, сколько писемъ написалъ я въ послѣднее время—даже рука одеревенѣла отъ нихъ. Вы скажете, что вамъ отъ этого не веселѣе, но все

нужныя, иначе я не сталъ бы мучить себя ими. Вотъ теперь, рѣшившись засѣсть на бесѣду съ вами, увидѣлъ, что нѣтъ почтовой бумаги, и пишу вамъ на лоскуткахъ.

Когда вы сбирались въ путь, я зналъ впередъ, чего лишаюсь въ васъ, но когда вы уѣхали, я увидѣлъ, что потерялъ въ васъ больше, нежели сколько думалъ, и что ваши набѣги на мою квартиру за часъ передъ обѣдомъ, или часа на два послѣ обѣда, въ ожиданіи начала театра, были одно, что давало мнѣ жизнь. Послѣ васъ я отдался скукѣ съ какимъ-то апатическимъ самоотверженіемъ и скучаю, какъ никогда въ жизнь мою не скучалъ. Ложусь въ 11, иногда даже въ 10 часовъ, засыпаю до 12, встаю въ 7, 8 и около 9, и цѣлый день, особенно цѣлый вечеръ (съ послѣ обѣда) дремлю—вотъ жизнь моя!

Что сказать вамъ новаго? Съ Некрасовымъ у меня все порѣшено: я получаю на тотъ годъ 12 тыс. асс. и остаюсь сотрудникомъ. Мнѣ предлагали контрактъ: 8 тыс. платы, да послѣ двухъ тысячъ подписчиковъ по 5 к. съ рубля и, въ случаѣ болѣзни или смерти, полученіе процентовъ до истеченія десятилѣтія журнала. Я отказался и предпочелъ сохранить мою свободу и брать плату, какъ обыкновенный сотрудникъ и работникъ. Что юный другъ мой, кто изъ насъ ребенокъ—вы или я?.. Признаться, я и не хотѣлъ было распространяться съ вами объ этой матеріи, но полученное мною отъ Кавелина письмо рѣшило меня познакомить васъ съ положеніемъ дѣлъ. Кавелинъ пишетъ, что Боткинъ имъ все разсказалъ, что Некрасовъ въ ихъ глазахъ тотъ же Краевскій, а «Современникъ» то же, что «Отечественныя Записки», и потому онъ, Кавелинъ, будетъ писать (для денегъ) и въ томъ, и другомъ журналѣ. Мало этого: выдумалъ онъ, что по 2 № «Современника» видно, что это журналъ положительно подлый, и указалъ на двѣ мои статьи, которыя онъ считаетъ принадлежащими Некрасову. Объявленіе о 2 изданіяхъ «Современника» поставлено имъ въ страшно подлую продѣлку. Все это глупо, и я отдѣлалъ его, какъ слѣдуетъ, въ письмѣ на $4^1/_2$ большихъ почтовыхъ листахъ. Но касательно главнаго пункта я могъ только просить его, что, такъ какъ это дѣло ко мнѣ ближе, чѣмъ къ кому-нибудь, и я, такъ сказать, его хозяинъ,—чтобы онъ лучше захотѣлъ видѣть меня простымъ сотрудникомъ и работникомъ «Современника», нежели безъ куска хлѣба, и потому, не обращая вниманія на Панаева и Некрасова, думая о нихъ, какъ угодно, по прежнему усердствовалъ

бы къ журналу, не подрывалъ бы его успѣха и не ссорилъ бы меня съ его хозяевами. Видите ли: я писалъ, значитъ, съ тѣмъ, чтобы спасти журналъ. Глупыя обвиненія мнѣ легко отстранить, но я хорошо знаю нашихъ москвичей—честь Некрасова въ ихъ глазахъ погибла безъ возврата, безъ возстанія, и теперь, кто ни сплети имъ про него нелѣпицу, что онъ, напр., что-нибудь укралъ или сдѣлалъ другую гадость—они всему повѣрятъ. Еще прежде Панаевъ получилъ отъ Кетчера ругательное письмо, котораго не показалъ Некрасову. Послѣдній ничего не знаетъ, но догадывается, а дѣлаетъ все-таки свое. При объясненіи со мною онъ былъ не хорошъ: кашлялъ, заикался, говорилъ, что на то, чего я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы, согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же объяснитъ, и по причинамъ, которыхъ мнѣ не можетъ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ, и сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ, и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки — видно, что доволенъ мною вполнѣ, бѣднякъ! По тону моего письма вы можете видѣть ясно, что я не въ бѣшенствѣ и не въ преувеличеніи. Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него за него, а не за себя. Но мнѣ трудно переболѣть внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ, а потомъ ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправедливости; я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣжденій или за недостатки и пороки, вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко цѣню Некрасова за его богатую натуру и даровитость; но тѣмъ не менѣе онъ въ моихъ глазахъ—человѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ, а я знаю, какъ это дѣлается. Вотъ ужъ началъ съ меня. Но довольно объ этомъ. Да, чуть было не забылъ: такъ какъ Толстой, вмѣсто денегъ, прислалъ имъ только вексель, и то на половинную сумму, и когда уже и въ деньгахъ-то журналъ почти не нуждался,—то онъ и отстраненъ отъ всякаго участія въ «Современникѣ», а вексель ему возвращенъ. Стало быть, Некрасовъ отстранитъ меня отъ равнаго съ нимъ значенія въ отношеніи къ «Современнику» даже не потому, что $^1/_4$ меньше $^1/_3$, а потому, что $^1/_3$ меньше $^1/_2$-ой... Разсчетъ простой и вѣрный.

Еще слово: если вы не хотите поступить со мною, какъ врагъ, ни слова объ этомъ никому, Некрасову всего менѣе. Подобное дѣло и лично распутать нельзя (это вы уже и испытали

на себѣ), а переписка только еще больше запутаетъ его, и всѣхъ больше потерплю тутъ я, разумѣется.

Скажу вамъ новость: я, можетъ быть, буду въ Силезіи. Боткинъ достаетъ мнѣ 2500 руб. асс. Я было на чисто отказался, ибо съ чѣмъ же бы я оставилъ семейство, а просить, чтобы мнѣ выдавали жалованіе за время отсутствія, мнѣ не хочется. Но послѣ объясненія съ Некрасовымъ я подумалъ, что церемониться глупо, а надо брать все, что можно взять. Онъ былъ даже радъ, онъ готовъ сдѣлать все, только бы я... Я написалъ Боткину, и теперь отвѣтъ его рѣшитъ дѣло.

Достоевскаго переписка шуллеровъ, къ удивленію моему, мнѣ просто не понравилась—насилу дочелъ. Это общее впечатлѣніе. Кстати: вотъ вамъ анекдотъ объ этомъ молодцѣ. Онъ забралъ у Краевскаго болѣе 4 т. асс. и обязался контрактомъ 5 декабря доставить ему 1-ую часть своего большого романа, 5 января — 2-ю, 5 февраля — 3-ю, 5 марта — 4-ю. Проходятъ декабрь и январь — Достоевскій не является, а гдѣ его найти, Краевскій не знаетъ. Наконецъ, въ февралѣ въ одно прекрасное утро въ прихожей Краевскаго раздается звонокъ. Человѣкъ отворяетъ — и видитъ Достоевскаго. Наскоро схвативши съ него шинель, бѣжитъ доложить — Краевскій, разумѣется, обрадовался, человѣкъ выходитъ сказать—дескать, пожалуйте, но не видитъ ни калошъ, ни шинели Достоевскаго, ни самого его — и слѣдъ простылъ... Не правда ли, что это точь-въ-точь сцена изъ Двойника?

Вашъ «Русакъ» — чудо, какъ хорошъ, удивителенъ, хотя и далеко ниже «Хоря и Калиныча». Вы и сами не знаете, что такое «Хорь и Калинычъ». Это общій голосъ. «Русакъ» тоже всѣмъ нравится очень. Мнѣ кажется, у васъ чисто-творческаго таланта или нѣтъ, или очень мало, и вашъ талантъ однороденъ съ Далемъ. Судя по «Хорю», вы далеко пойдете. Это вашъ настоящій родъ. Вотъ хоть бы «Ермолай и Мельничиха»—не Богъ знаетъ что̀, бездѣлка, а хорошо, потому что умно и дѣльно, съ мыслію. А въ «Бретерѣ», я увѣренъ, вы творили. Найти свою дорогу, узнать свое мѣсто — въ этомъ все для человѣка, это для него значитъ сдѣлаться самимъ собою. Если не ошибаюсь, ваше призваніе — наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская черезъ фантазію; но не опираться только на фантазію. Еще разъ: не только «Хорь», но и «Русакъ» обѣщаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя въ будущемъ. Только, ради Аллаха, не печатайте ничего такого, что ни то, ни се, не то, чтобы не

хорошо, да и не то, чтобъ очень хорошо. Это страшно вредитъ тоталитету извѣстности (извините за кудрявое выраженіе—лучшаго не придумалось). А «Хорь» васъ высоко поднялъ—говорю это не какъ мое мнѣніе, а какъ общій приговоръ.

Некрасовъ написалъ недавно страшно-хорошее стихотвореніе. Если не попадетъ въ печать (а оно назначается въ 3 №), то пришлю къ вамъ въ рукописи. Что за талантъ у этого человѣка! И что за топоръ его талантъ!

Повѣсть Кудрявцева не имѣла никакого успѣха, откуда ни послышишь—не то, что бранятъ, а холодно отзываются.

Здоровье мое уже около мѣсяца, какъ будто, все лучше.

Всѣ наши объ васъ вспоминаютъ, всѣ любятъ васъ, я больше всѣхъ. Не знаю, почему, но когда думаю о васъ, юный другъ мой, мнѣ все лѣзутъ въ голову эти стихи:

Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ... и пр.

Вотъ вамъ и загвоздка; нельзя же безъ того: на то и дружба...

Что бы еще вамъ сказать, право, не знаю, а потому крѣпко жму вамъ руку и обнимаю васъ заочно, отъ всей души желая всего хорошаго и пріятнаго. Жена моя и всѣ мои домашніе, не исключая вашего крестника, кланяются вамъ; всѣ они васъ любятъ и часто о васъ вспоминаютъ. Итакъ, прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Гоголь покаранъ сильно общественнымъ мнѣніемъ и разруганъ во всѣхъ почти журналахъ, даже друзья его, московскіе славяноп..ды, и тѣ отступились, если не отъ него, то отъ гнусной его книги.

Къ В. П. Боткину. 26 февраля, 1847.

Спб. 26 февраля, 1847.

Спасибо тебѣ за доброе письмо твое, Боткинъ. Право, я отъ роду не хлопоталъ такъ о самомъ себѣ, какъ ты обо мнѣ. Меня не одно то трогаетъ, что ты всюду собираешь для меня деньги и жертвуешь своими, но еще больше то, что ты занятъ моею поѣздкою, какъ своимъ собственнымъ сердечнымъ интересомъ. А я все браню тебя, да пишу тебѣ грубости. Недавно истощилъ

я весь площадной словарь ругательствъ, браня и тебя и себя. Сколько разъ говорилъ я съ тобою о твоихъ письмахъ изъ Испаніи,—и не могу понять, какъ могъ я забыть сказать тебѣ то, о чемъ такъ долго собирался говорить съ тобою! Это о неумѣстности фразъ на испанскомъ языкѣ — что отзывается претензіею. Мнѣ кажется, что въ слѣдующихъ статьяхъ ты бы хорошо сдѣлалъ, выкинувъ эти фразы. Но еще за это тебя бранить не за что, а вотъ, за что я проклиналъ тебя: эти фразы, равно какъ и всѣ испанскія слова, ты долженъ былъ не написать, а нарисовать, такъ чтобы не было ни малѣйшей возможности опечатки, а ты ихъ нацарапалъ, и если увидишь, что отъ нихъ равно откажутся и въ Мадридѣ и въ Марокко, или равно признаютъ ихъ своими и тамъ и сямъ, то пеняй на себя. А я помучился за корректурой твоей статьи довольно, чтобы проклясть и тебя и испанскій языкъ, глаза даже ломомъ ломили. Вотъ и Кавелинъ: пишетъ «Шеволье», а ну какъ это не Шеволье, а Шевалье? Такъ нѣтъ—вездѣ о, кромѣ двухъ разъ, вотъ тутъ и держи корректуру. Скажу тебѣ пренепріятную вещь: статью твою Куторга порядочно поцарапалъ — говоритъ: политика. Дѣйствительно, у тебя много вышло рѣзко, особенно эпитеты, прилагаемые тобою къ испанскому правительству — терпимость на этотъ разъ измѣнила тебѣ. Вотъ тутъ и пиши! Впрочемъ, Некрасовъ говоритъ, что выкинуто строкъ 30, но ты понимаешь, какихъ. Не знаю, какъ это извѣстіе подѣйствуетъ на тебя, но знаю, что если ты и огорчишься, то не больше меня: я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ этой отеческой расправѣ, которую испытываю чуть не ежедневно.

Я понимаю, какое содержаніе письма Анненкова. Это меня нисколько не удивило. Я давно знаю, что за человѣкъ Анненковъ, и знаю, что онъ любитъ меня. Тѣмъ не менѣе, съ нетерпѣніемъ жду этого письма. А что касается до 300 руб. сер. Некрасова, то это дѣло плохо, и на него нельзя разсчитывать. Некрасовъ сказалъ мнѣ, что у него денегъ ни копѣйки, но что онъ можетъ отдать мнѣ эти 300 руб. сер., взявши ихъ изъ кассы «Современника». Теперь разсуди самъ: за 47 годъ я долженъ получить съ нихъ 2000 руб. сер., а я уже забралъ 1400 руб.—стало быть, остается 600. Я долженъ забирать, безъ меня жена будетъ забирать, я пріѣду—опять начну забирать—за будущій годъ. Положимъ, Некрасовъ отдастъ тебѣ 300 руб. сер.: тогда мнѣ меньше можно будетъ забирать, а безъ забору мнѣ хоть умирать. Итакъ,

если нельзя обойтись, не разсчитывая на эти 300 руб., то хоть брось все дѣло. Отвѣчай мнѣ на это скорѣе: только въ случаѣ отвѣта, что де можно, и не разсчитывая на эти 300 руб., я буду увѣренъ окончательно, что ѣду за границу, и примусь готовиться серьезно. Пока прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 28 февраля, 1847.

СПБ. 28 февраля 1847.

Нечего говорить тебѣ, какъ удивило и огорчило меня письмо твое. Вижу, что оно отъ тебя, хотя рука и незнакомая, а все не могу увѣриться, что это точно отъ тебя. Вотъ уже съ другимъ изъ близкихъ мнѣ людей въ Москвѣ случилось нынѣшнею зимою это несчастіе. У насъ въ Питерѣ случаются подобныя несчастія, но рѣдко, и то не съ пѣшеходами, а съ тѣми, кто ѣдетъ въ саняхъ, да сзади наѣдетъ экипажъ съ дышломъ. Это случается очень рѣдко, и то при разъѣздѣ изъ театровъ, въ страшной тѣснотѣ. У насъ на это славный порядокъ: если экипажъ на кого наѣхалъ, кучеръ въ солдаты, а лошади въ пожарное депо, чьи бы онѣ ни были. Оттого и рѣдки эти случаи. Я нахожу эту мѣру мудрою и въ высшей степени справедливою— съ русскимъ человѣкомъ иначе не справиться—иной нарочно наѣдетъ для потѣхи.

Спасибо тебѣ за пересылку письма Анненкова. Я знаю, что при его средствахъ (вѣдь онъ не богачъ же какой), и живя за границею, 400 фр.—деньги; но этого я всегда ожидалъ отъ него, и это меня нисколько не удивило. Но его выраженіе, что мое положеніе отравляетъ всѣ его похожденія тамъ...[1]) Разумѣется, я не принялъ этихъ словъ въ буквальномъ ихъ значеніи, но понялъ, что въ нихъ истиннаго—и это тронуло меня до слезъ. А его рѣшимость перемѣнить свои планы путешествія для меня? Нѣтъ, еслибъ онъ далъ мнѣ двѣ тысячи фр.,—это бы далеко такъ не тронуло меня. Говорю тебѣ безъ фразъ и безъ лицемѣрства, что любовь ко мнѣ друзей моихъ часто меня конфузитъ и грустно на меня дѣйствуетъ, ибо, по совѣсти, не чувствую, не сознаю себя стоющимъ ея.

---

[1]) Конца фразы, какъ будто, нѣтъ.—*Прим. А. П.*

Ѣхать я долженъ на первомъ пароходѣ, а когда онъ пойдетъ, этого теперь знать нельзя, ибо это зависитъ отъ ранняго или поздняго очищенія моря отъ льду. Могу сказать только, что не раньше 3-го и не позже 17-го мая (3, 10 и 17-е приходятся въ субботы—день, въ который отходятъ пароходы изъ Питера въ Кронштадтъ съ пассажирами).

Бѣдный Кронебергъ, дѣйствительно, боленъ серьезно. Тяжело думать о немъ!

Къ Анненкову пишу завтра же; къ Тургеневу тожъ.

О статьѣ моей о Гоголѣ мнѣ не хотѣлось бы писать къ тебѣ, ибо я положилъ себѣ за правило—никогда и ни съ кѣмъ не спорить о моихъ статьяхъ, защищая ихъ. Но на этотъ разъ нарушаю мое правило потому, что ты боленъ, и что въ твоемъ положеніи письмо пріятеля тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ больше въ немъ разныхъ вздоровъ (для этого я считаю за обязанность писать теперь къ тебѣ чаще, не ожидая отъ тебя отвѣтовъ). Видишь ли, въ чемъ дѣло: ты рѣшительно не понимаешь меня, хотя и знаешь меня довольно. Я не юмористъ, не острякъ; иронія и юморъ—не мои оружія. Если мнѣ удалось въ жизнь мою написать статей пятокъ, въ которыхъ иронія играетъ видную роль и съ бо́льшимъ или меньшимъ умѣньемъ выдержана, это произошло совсѣмъ не отъ спокойствія, а отъ крайней степени бѣшенства, породившаго своею сосредоточенностью другую крайность—спокойствіе. Когда я писалъ типъ на Шевырку и статью о «Тарантасѣ», я былъ не красенъ, а блѣденъ, и у меня сохло во рту, отчего на губахъ и не было пѣны. Я могу писать порядочно только на основаніи моей натуры, моихъ естественныхъ средствъ. Выходя изъ нихъ по разсчету или по необходимости,—я дѣлаюсь ни то, ни се, ни ракъ, ни рыба. Теперь слушай: кромѣ того, что я боленъ, и что мнѣ опротивѣла и литература и критика такъ, что не только писать, читать ничего не хотѣлось бы,—я еще принужденъ дѣйствовать внѣ моей натуры, моего характера. Природа осудила меня лаять собакою и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по лисьи. Ты говоришь, что статья «написана безъ довольной обдуманности и нѣсколько съ плеча, тогда какъ за дѣло надо было взяться съ тонкостью». Другъ ты мой, потому-то, напротивъ, моя статья и не могла никакъ своею замѣчательностію соотвѣтствовать важности (хотя и отрицательной) книги, на которую писана, что я ее обдумалъ. Какъ ты мало меня

знаешь! Всѣ лучшія мои статьи нисколько не обдуманы, это импровизаціи; садясь за нихъ, я не зналъ, что я буду писать. Если первая строка хватитъ издалека,—статья болтлива, о дѣлѣ мало сказано; если первая строка ближе къ дѣлу - статья хороша. И чѣмъ больше я ее запущу, чѣмъ меньше мнѣ времени писать ее, тѣмъ она энергичнѣе и горячѣе. Вотъ, какъ я пишу! Еслибъ мнѣ надо было обдумывать, я не могъ бы кормиться литературою и каждый мѣсяцъ, кромѣ мелкихъ статей, поставлять по критикѣ. Статья о гнусной книгѣ Гоголя могла бы выйти замѣчательно хорошею, если бы я въ ней могъ, зажмуривъ глаза, отдаться моему негодованію и бѣшенству. Мнѣ очень нравится статья Губера (читалъ ли ты ее)? именно потому, что она писана прямо, безъ лисьихъ верченій хвостомъ. Мнѣ кажется, что она—моя, украдена у меня и только немножко ослаблена. Но мою статью я обдумалъ, и потому впередъ зналъ, что отличною она не будетъ, и бился изъ того только, чтобъ она была дѣльна и показала гнусность подлеца. И она такою и вышла у меня, а не такою, какою ты прочелъ ее. Вы живете въ деревнѣ и ничего не знаете. Эффектъ этой книги былъ таковъ, что Никитенко, ее пропустившій, вычеркнулъ у меня часть выписокъ изъ книги, да еще дрожалъ и за то, что оставилъ въ моей статьѣ. Моего онъ и цензора вычеркнули цѣлую треть, а въ статьѣ обдуманной помарка слова—важное дѣло. Ты упрекаешь меня, что я разсердился и не совладалъ съ моимъ гнѣвомъ? Да этого и не хотѣлъ. Терпимость къ заблужденію я еще понимаю и цѣню, по крайней мѣрѣ въ другихъ, если не въ себѣ, но терпимости къ подлости я не терплю. Ты рѣшительно не понялъ этой книги, если видишь въ ней только заблужденіе, а вмѣстѣ съ нимъ не видишь артистически разсчитанной подлости. Гоголь совсѣмъ не К. С. Аксаковъ. Это—Талейранъ, кардиналъ Фешъ, который всю жизнь обманывалъ Бога, а при смерти надулъ Сатану. Вообще, ты съ твоею терпимостію доходишь до нетерпимости, именно тѣмъ, что исключаешь нетерпимость изъ числа великихъ благородныхъ источниковъ силы и достоинства человѣческаго. Берегись впасть въ односторонность и ограниченность. Вспомни, что говоритъ Анненковъ по поводу новой пьесы Пансара о томъ, что и здравый смыслъ можетъ порождать нелѣпости, да еще скучныя. И отзывъ Анненкова о книгѣ Гоголя тоже не отзывается терпимостію. Повторяю тебѣ: умѣю вчужѣ понимать и цѣнить терпимость, но останусь гордо и убѣжденно

нетерпимымъ. И если сдѣлаюсь терпимымъ—знай, что съ той минуты я—кастратъ, и что во мнѣ умерло то прекрасное человѣческое, за которое столько хорошихъ людей (а въ числѣ ихъ и ты) любили меня больше, нежели сколько я стоилъ того.

Что Михаилъ Семеновичъ? Здоровъ ли онъ? До меня доходятъ на его счетъ не совсѣмъ радостные слухи. Попроси кого-нибудь увѣдомить меня о немъ. Если его положеніе не такъ дурно, какъ мнѣ кажется, нельзя ли напомнить ему о его мнѣ обѣщаніи. Крайне нужно, для статьи о театрѣ, которая для него будетъ интересна [1]).

Къ П. В. Анненкову. 1 марта, 1847.

СПБ. 1|13 марта 1847.

Дражайшій мой Павелъ Васильевичъ, Боткинъ переслалъ мнѣ ваше письмо къ нему, въ которомъ такъ много касающагося до меня. Не могу выразить вамъ, какое впечатлѣніе произвело оно на меня, мой добрый и милый Анненковъ! Я знаю, что вы человѣкъ обезпеченный, и порядочно обезпеченный, но отнюдь не богачъ, и я знаю, что и не съ вашими средствами за границею 400 фр. никогда не могутъ быть лишними. Но все-таки не въ этомъ дѣло: это я всегда ожидалъ отъ васъ, и это меня нисколько не удивило, не взволновало. Но ваши строки: «Грустную новость сообщили вы мнѣ о Бѣлинскомъ, новость, которая, сказать признательно, отравляетъ всѣ мои похожденія здѣсь» тронули меня до слезъ. Я не былъ такъ самолюбивъ и простъ, чтобы вообразить, что вы близки къ отчаянію и, пожалуй, наложите на себя руки, не принялъ ихъ даже въ буквальномъ значеніи; но понялъ все истинное, дѣйствительно въ нихъ заключающееся, понялъ, что мысль о моемъ положеніи иногда дѣлаетъ неполными ваши удовольствія. Но это не все: для меня вы измѣняете планъ своихъ путешествій и, вмѣсто Греціи и Константинополя, располагаетесь ѣхать ко мнѣ въ Силезію, около Швейдница и Фрейбурга, недалеко отъ Бреславля. Вотъ, что скажу я вамъ на послѣднее въ особенности: если бы не чувствовалъ, какъ много и сильно люблю я васъ,—ваше письмо, вмѣсто того, чтобы преисполнить меня радостью, которую я теперь чувствую,

---

[1]) Кажется, конецъ письма.—*Прим. А. П.*

возбудило бы во мнѣ неудовольствіе и досаду. Но довольно объ этомъ. Думаю я отправиться на первомъ пароходѣ, а когда именно пойдетъ онъ, теперь знать нельзя—зависѣть это будетъ отъ очистки льду на Балтикѣ. Пароходъ съ пассажирами отходитъ изъ Питера въ Кронштадтъ по субботамъ: послѣдняя суббота въ апрѣлѣ приходится 26 апрѣля (по вашему 8 мая), первая суббота въ маѣ—3/15, вторая—10/22, третія—17/29. Итакъ, всего вѣроятнѣе: не раньше 3/15 и не позже 17/29 мая. Какъ только самъ узнаю навѣрное, сейчасъ же извѣщу васъ и Тургенева.

Да, я было струхнулъ порядкомъ за свое положеніе, но теперь поправляюсь. Тильманъ ручается за выздоровленіе весною даже и въ Питерѣ, но всегда прибавляетъ: «а лучше бы ѣхать, если можно». Когда я сказалъ ему, что нельзя, онъ видимо насупился, а когда потомъ сказалъ, что ѣду — онъ просіялъ. Изъ этого я заключаю, что въ Питерѣ можно меня починить до осени, а за границею можно закрѣпить готовый развязаться и расползтись узелъ жизни. Вотъ уже съ мѣсяцъ чувствую я себя лучше, но упадокъ силъ у меня—страшный: устаю отъ всякаго движенія, иногда задыхаюсь оттого, что переворочусь на кушеткѣ съ одного бока на другой.

Письма ваши—наша отрада. Въ 2-мъ письмѣ я былъ совсѣмъ готовъ принять вашу сторону противъ добродѣтельныхъ враговъ введенія науки земледѣлія и ремеслъ, но когда увидѣлъ, что это введеніе направлено противъ древнихъ языковъ—я на попятный дворъ. У меня на этотъ счетъ есть убѣжденіе, немножко даже фанатическое, и если я за что уважаю Гизо, такъ это за то, что въ 1835, кажется, году онъ отстоялъ преподаваніе во Франціи древнихъ языковъ. Но объ этомъ поговоримъ при свиданіи. Выходка «добродѣтельной» партіи противъ эѳира привела меня на минуту въ то состояніе, въ которое приводитъ эѳиръ. Этотъ фактъ окончательно объяснилъ мнѣ, что такое эти новые мусульмане, у которыхъ Руссо—Алла, а Робеспьеръ пророкъ его, и почему эта партія только шумлива, а въ сущности безсильна и ничтожна.

Всѣ наши живутъ, какъ жили; только бѣдный Кронебергъ боленъ и, кажется, серьезно. Богатый Краевскій тоже боленъ и, говорятъ, тоже серьезно, но о немъ я не жалѣю, хотя и не желаю ему зла.

Пріѣду къ вамъ съ запасомъ новостей, а для письма какъ-то и не помнится ничего. Привезу вамъ «Современника». Передъ

отъѣздомъ заѣду къ вашимъ братьямъ, заранѣе предупредивъ ихъ—все сдѣлаю, какъ слѣдуетъ человѣку, который раздумалъ умирать и разохотился жить. Жена моя и всѣ мои вамъ кланяются—всѣ васъ любятъ и помнятъ; ото всѣхъ вы своимъ уѣздомъ отняли много удовольствія

Кланяйтесь отъ меня милому Петру Николаевичу. Еслибъ и съ нимъ столкнуться тамъ—да ужъ не слишкомъ ли я многаго хочу, ужъ не зазнался ли я?

А вѣдь новостей-то я вамъ много привезу. Я знаю, что вы многое знаете черезъ Боткина, но я вамъ многое изъ этого многаго передамъ совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Прощайте пока.

Вашъ Бѣлинскій.

Къ И. С. Тургеневу. 1 марта, 1847.

Спб. 1 13 марта 1847.

Вотъ, мой милый Иванъ Сергѣевичъ, я пишу вамъ другое письмо, не дожидаясь отъ васъ отвѣта на первое. Не говорите же, что я лѣнивъ, забылъ васъ, не люблю васъ и пр. Зная, что первое письмо мое должно было огорчить васъ, я очень радъ, что это должно утѣшить васъ на тотъ же предметъ. Приступаю къ дѣлу безъ предисловій и скажу вамъ, что я почти перемѣнилъ мое мнѣніе на счетъ источника извѣстныхъ поступковъ Некрасова. Если нельзя сказать, чтобы это было несомнѣнно, то можно сказать, что послѣднее мнѣніе вѣроятнѣе перваго. Мнѣ теперь кажется, что онъ дѣйствовалъ честно и добросовѣстно, основываясь на объективномъ правѣ, а до понятія о другомъ, высшемъ онъ еще не дорось, а пріобрѣсти его не могъ по причинѣ того, что возросъ въ грязной положительности, и никогда не былъ ни идеалистомъ, ни романтикомъ на нашъ манеръ. Вижу, изъ его примѣра, какъ этотъ идеализмъ и романтизмъ можетъ быть благодѣтеленъ для иныхъ натуръ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Гадки они—этотъ идеализмъ и романтизмъ, но что за дѣло человѣку, что ему помогло отвратительное на вкусъ и вонючее лѣкарство, даже и тогда, если, избавивъ его отъ смертельной болѣзни, привило къ его организму другія, но уже не смертельныя болѣзни: главное тутъ не то, что оно гадко, а то, что оно помогло. Главная ошибка Некра-

сова состоитъ въ томъ, что онъ не понялъ, что кружокъ людей, въ который онъ вошелъ, имѣетъ совсѣмъ иныя понятія о правѣ, а между тѣмъ, онъ, войдя въ этотъ кружокъ, пришелъ отъ него въ нѣкоторую зависимость, особенно по изданію журнала. Отчего же онъ этого не понялъ? оттого, что еще далеко не очистился отъ грязи своей прежней жизни, привычекъ и понятій. Но вы спросите: что же навело меня на перемѣну моего мнѣнія обо всемъ этомъ? Отвѣчаю: наблюденія и факты. Въ 1-мъ письмѣ моемъ я сказалъ, что Некрасовъ будетъ съ капиталомъ; а теперь вижу, что къ этому даже я способнѣе его, ибо могу работать, и во мнѣ [1]) чувство обязанности и долга сильнѣе лѣни и апатіи. Человѣкъ, способный разжиться, долго терпитъ нужду, можетъ быть лѣнивъ и апатиченъ, но за то, какъ скоро попалось ему въ руки дѣльце, обѣщающее разживу—онъ тотчасъ же перерождается: дѣлается живъ, бодръ, дѣятеленъ, не щадитъ трудовъ, минута не пропадаетъ у него даромъ, самъ не дремлетъ, да и другимъ дремать не даетъ. Таковъ Краевскій; но вовсе не таковъ Некрасовъ. Вмѣсто того, чтобы ожить и проснуться отъ «Современника», онъ еще больше замеръ и заснулъ, и апатія его дошла до нестерпимой отвратительности. Счеты ведетъ, съ типографіей возится, корректуру держитъ—но и все тутъ. Переписка въ запущеніи. Сказалъ мнѣ, что завтра пошлетъ письмо къ Боткину (весьма нужное), а послалъ его черезъ 3 недѣли. Я его уличилъ, а онъ мнѣ, зѣвая, отвѣтилъ, что не считалъ письма важнымъ. А между тѣмъ, письмо было такого рода, что могло произвести нужный результатъ, только полученное прежде моихъ писемъ [2]). Библіографія состоитъ только изъ моихъ и Кавелина статей, отъ этого она страшно однообразна и весьма серьезна: ни то, ни другое нашей публикѣ нравиться не можетъ. Говорю Некрасову: напишите на 3 глупыхъ романа рецензіи; не будетъ у васъ ироніи и юмора—что̀ дѣлать—за то будетъ журнальная и фельетонная легкость, а это важно, публика наша это любитъ, да и библіографія сдѣлается разнообразнѣе.—Хорошо, говоритъ, напишу.—4-го дня спрашиваю: написали?—Нѣтъ, ничего дѣлать не хочется...—Послушайте, говорю я, да вы, кромѣ веденія счетовъ, типографіи, да корректуры, ничего знать не хотите.—Да я такъ и рѣшился ограничиться

---

[1]) Зачеркнуто: «глубоко».—*Прим. А. П.*

[2]) Зачеркнуто: „Говорю я ему: напиши“.—*Прим. А. П.*

этимъ.—Стало быть, вы не желаете успѣха журналу?—Онъ поглядѣлъ на меня съ удивленнымъ видомъ.—Какъ?—Да такъ: вы отнимаете у «Современника», въ своемъ лицѣ, талантливаго сотрудника. Вашими рецензіями дорожилъ и Краевскій, хоть этого и не показывалъ, вы писывали превосходныя рецензіи въ такомъ родѣ, въ которомъ я писать не могу и не умѣю. Вы, сударь, спите, отъ «Современника» толку не будетъ, вы его губите.—Онъ во всемъ согласился, но толку изъ этого никакого не будетъ. И я теперь не шутя грущу, что Краевскій такая скотина и стервецъ, съ которымъ нельзя имѣть дѣла, и что поэтому я вѣрное промѣнялъ на невѣрное. Сердце мое говоритъ мнѣ: затѣя кончится вздоромъ. Кто ближе всѣхъ къ «Современнику»? Некрасовъ, и онъ-то не обнаруживаетъ ни малѣйшаго къ нему усердія. Я всѣхъ ретивѣе, хотя и вовсе не ретивъ. И такой человѣкъ можетъ быть капиталистомъ! Онъ смотритъ мнѣ въ глаза такъ прямо и чисто, что, право, всѣ сомнѣнія падаютъ сами собою. Я увѣренъ, что если съ нимъ объясниться, онъ согласится во всемъ, но это сдѣлаетъ ему не пользу, а вредъ,—повергнетъ его еще въ бо́льшую апатію.

«Современникъ»—журналъ безъ редактора, безъ главы. Первый годъ, благодаря случайному огромному запасу статей для моего альманаха, пе́рвый годъ сгоряча пройдетъ какъ-нибудь еще недурно; но о 2-мъ страшно мнѣ и подумать. Некрасовъ—золотой, неоцѣненный сотрудникъ для журнала; но распорядитель—скверне́йшій, хуже котораго развѣ только Панаевъ. А между тѣмъ, за все взялся самъ. Теперь онъ видитъ, что безъ меня шагу сдѣлать нельзя, да что! Все это не то. Еще когда бы онъ жилъ у меня на квартирѣ, или двери противъ дверей—другое дѣло. Я одинъ тоже не гожусь, но съ придачею его и съ полною властію все бы походилъ на редактора, не говоря уже о томъ, что толкалъ бы его и будилъ. Сколько ужасныхъ ошибокъ надѣлано! У «Современника» теперь 1700 подписчиковъ. Завтра выйдетъ 3 №, и по всѣмъ признакамъ повѣсть Гончарова должна произвести сильное впечатлѣніе. Будь она напечатана въ первыхъ 2-хъ №№, вмѣсто подлѣйшей, во всѣхъ отношеніяхъ, повѣсти Панаева, можно клясться всѣми клятвами, что уже мѣсяцъ назадъ всѣ 2100 экземпляровъ были бы разобраны, и, можетъ быть, надо было бы печатать еще 600 экземпляровъ, которые тоже разошлись бы, хотя и медленно, и доставили бы собою не большую, но уже чистую прибыль.

Теперь фельетонъ повѣренъ человѣку порядочному, но это все — не вы, мой безцѣнный Иванъ Сергѣевичъ: ужъ такого фельетона, какой былъ въ 1 № «Современника» не дождаться намъ раньше вашего возврата въ Питеръ. Разъ читаю фельетонъ «Пчелы» и вижу, что М-г и М-me Аланы даютъ свой послѣдній прощальный бенефисъ. Спрашиваю Некрасова, распорядились ли съ Панаевымъ на этотъ счетъ, а они, мои милые, оба даже и не знали о бенефисѣ: Панаевъ и театральныя афиши получаетъ для блеску только, чтобы видѣли другіе, но не заглядываетъ въ нихъ. Повѣрите ли, что я одинъ, читая русскія газеты, знаю всѣ петербургскія и московскія новости, а они почти ничего не знаютъ. А при какихъ счастливыхъ обстоятельствахъ начато дѣло! Несмотря на всѣ ошибки, 1700 подписчиковъ на первый годъ!

Насчетъ Краевскаго я сильно ошибся: у него не только не убавилось, но даже прибавилось число подписчиковъ, несмотря на успѣхъ «Современника», — мы отняли у него, можетъ быть, сотню, другую, а у него новыхъ набѣжало нѣсколько сотенъ. Вотъ, какъ велика въ публикѣ жадность къ журналамъ. Было бы изъ чего не спать, а работать.

Чувствую, что довольно нескладно и неполно изложилъ я вамъ дѣло, но утѣшаюсь, что вы сами все дополните и поймете такъ, какъ будто бы вы были не въ Берлинѣ, а въ Питерѣ.

Поѣздка моя въ Силезію рѣшена. Этимъ я обязанъ Боткину. Онъ нашелъ средство и протолкалъ меня. Нѣтъ, никогда я не хлопоталъ и никогда не буду хлопотать такъ о себѣ, какъ онъ хлопоталъ обо мнѣ. Сколько писемъ написалъ онъ по этому предмету ко мнѣ, къ Анненкову, къ Герцену, къ брату своему, сколько разговоровъ, толковъ имѣлъ то съ тѣмъ, то съ другимъ! Недавно получилъ онъ отвѣтъ Анненкова и прислалъ его мнѣ. Анненковъ даетъ мнѣ 400 фр. Вы знаете, что это человѣкъ, порядочно обезпеченный, но отнюдь не богачъ, и по себѣ знаете, что за границею во всякое время 400 фр., по крайней мѣрѣ, не лишнія деньги. Но это еще ничего; этого я всегда ожидалъ отъ Анненкова, а вотъ что тронуло, ущипнуло меня за самое сердце: для меня этотъ человѣкъ измѣняетъ планъ своего путешествія, не ѣдетъ въ Грецію и Константинополь, а ѣдетъ въ Силезію! Отъ этого, я вамъ скажу, можно даже сконфузиться, и еслибъ я не зналъ, не чувствовалъ глубоко, какъ сильно и много люблю я Анненкова, мнѣ было бы досадно и непріятно

такое путешествіе. Отправиться я думаю на первомъ пароходѣ, значитъ, не раньше 26 апрѣля (по вашему 8 мая — чего, впрочемъ, едва ли можно ожидать) и 3/15 мая, и не позже 17/29 мая. 3, 10 и 17 приходятся на субботы, когда отходятъ съ пассажирами пароходы изъ Питера въ Кронштадтъ. Ахъ, если бы и съ вами свидѣться! Гдѣ вы будете въ это время? Не въ Берлинѣ ли, котораго мнѣ не миновать по пути на Швейдницъ (недалеко отъ Бреславля)? Или не въ Дрезденѣ ли, откуда вамъ ничего не будетъ стоить пріѣхать повидаться со мною? Да одного этого достаточно для выздоровленія, кромѣ пріятной поѣздки, отдыха, цѣлебнаго воздуха, прекрасной природы и минеральныхъ водъ.

Всѣ наши живутъ, какъ жили, кромѣ бѣднаго Кронеберга, который боленъ серьезно—вотъ уже недѣли двѣ, если не больше, какъ онъ не въ состояніи выходить изъ дому. У него что-то нехорошо въ лѣвомъ боку. Однимъ словомъ—онъ въ опасномъ положеніи.

Ахъ, забылъ было о другѣ моемъ Панаевѣ! Въ немъ есть что-то доброе и хорошее, за что я не могу не любить его, не говоря уже о томъ, что я связанъ съ нимъ и давнимъ знакомствомъ и привычкою, и что онъ, по своему, очень любитъ меня. Но что это за бѣдный, за пустой человѣкъ—жаль даже. Комаришка — дуракъ положительно, кромѣ того, что препустѣйшій человѣкъ. А Панаевъ далеко не глупъ всегда, а иногда и уменъ положительно, но вотъ и вся разница между нимъ и Комаришкою: во всемъ остальномъ та же легкость характера и та же никакими инструментами неизмѣримая внутренняя пустота. Видя, какъ онъ иногда, положивъ огромную книгу на колѣна, пишетъ при говорѣ и смѣхѣ нѣсколькихъ человѣкъ, я думалъ, что онъ пишетъ, не торопясь, но легко, безъ всякаго напряженія. Послѣдняя повѣсть его открыла мнѣ глаза: писаніе этого человѣка — самые трудные роды. А что за абсолютное отсутствіе всякой самодѣятельности ума! Некрасовъ недавно разсказывалъ мнѣ съ нѣкоторымъ видомъ удивленія, какъ, составляя для смѣси извѣстія о литературныхъ новостяхъ во Франціи, Панаевъ не умѣлъ отъ себя ни прибавить сужденія, ни слова, ни перемѣнить фразы, и если что по этой части сдѣлалъ, то почти подъ диктовку Некрасова. Такъ какъ я увѣренъ, что онъ уже выписался и порядочной повѣсти написать не въ состояніи, то и смотрю на него скорѣе какъ на вреднаго, нежели какъ на безопаснаго сотрудника журнала.

Что бы еще сказать вамъ? У насъ такъ мало новаго. Моя Ольга, найдя въ «Иллюстраціи» картинку, изображающую группу сумасшедшихъ въ разныхъ положеніяхъ, и увидя между ними сидящаго въ креслахъ, подпершись на руку подбородкомъ,—бросилась всѣмъ намъ поочереди показывать, говоря: Тентеневъ. Вотъ и не мѣтилась, а попала отчасти!—подумалъ я. Вотъ вамъ и загвоздка. Крестникъ вашъ обнаруживаетъ живость не по возрасту и обѣщаетъ здороваго мальчика.

Краевскій, говорятъ, очень боленъ—не выходитъ. Причина—фистула. Зла ему не желаю, а жалѣть его не могу. У насъ стоитъ свирѣпая зима. Какъ-то недѣли двѣ назадъ выпалъ денекъ—весною запахло, снѣгъ сдѣлался кашею. Но затѣмъ пошли дни съ морозомъ отъ 6 до 15 градусовъ и съ ужаснымъ вѣтромъ. Тоска да и только! Ну, прощайте, дорогой мой. Желаю вамъ всего хорошаго.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Наши всѣ вамъ кланяются.

Къ В. П. Боткину. 4 марта, 1847.

СПБ. 4 марта, 1847.

Поѣздка не выходитъ у меня изъ головы. Энтузіазма нѣтъ и не будетъ никакого: въ этомъ отношеніи, я сильно измѣнился—самъ себя не узнаю. Но тѣмъ не менѣе все вертится у меня около этой idée fixe, и я чувствую, что мнѣ тяжело было бы, еслибъ дѣло разстроилось. Письмо Анненкова озарило какимъ-то веселымъ и теплымъ колоритомъ мою поѣздку,—и я жду ее, какъ счастья дня. Ѣхать мнѣ надо не на Любекъ, а на Штетинъ,—и короче, и желѣзная дорога въ Берлинъ, стало быть, экономія въ деньгахъ, времени и здоровьѣ (мнѣ тяжело ѣздить въ каретахъ на лошадяхъ). Скоро обѣщано въ «Пчелѣ» объявленіе цѣнъ и пр.; сейчасъ же возьму мѣсто. Языковъ мнѣ обработалъ великой важности дѣло—выхлопоталъ метрическое свидѣтельство о рожденіи. Въ этомъ ему много помогло то обстоятельство, что онъ имѣетъ случай въ Морскомъ Министерствѣ и могъ въ короткое время получить оттуда такія справки, какихъ мнѣ и въ 10 лѣтъ не добиться бы. Не можешь представить, какъ я этому радъ. Дворянская грамота—для меня дѣло великой важ-

ности, тѣмъ болѣе, что я не служилъ и не имѣю никакого чина. Но это не все: безъ этого свидѣтельства (т.-е. метрическаго), я ни ракъ, ни рыба, и не сынъ отца моего, и меня могли бы заставить избрать родъ жизни, т.-е. приписаться въ мѣщане: блистательная участь! А теперь я спокоенъ. Хлопоты еще остались, но уже далеко не столь важныя.

Прочелъ я въ 3 № «Отечественныхъ Записокъ» повѣсть Кудрявцева «Сбоевъ», и рядкомъ съ нею помѣщенную Галахова «Кукольную Комедію». Кажется, таланту Кудрявцева—вѣчная память. Этотъ человѣкъ, видно, никогда не выйдетъ изъ своей коры. Онъ и въ Парижъ привезъ съ собою свою Москву. Что за узкое созерцаніе; что за бѣдные интересы, что за ребяческіе идеалы, что за исключительность типовъ и характеровъ. Ты видѣлъ Гончарова. Это человѣкъ пошлый и гаденькій (между нами будь сказано). Въ этомъ отношеніи смѣшно и сравнивать его съ Кудрявцевымъ. Но сильно ли понравится тебѣ его повѣсть, или и совсѣмъ не понравится, — во всякомъ случаѣ, ты увидишь великую разницу между Гончаровымъ и Кудрявцевымъ въ пользу перваго. Эта разница состоитъ въ томъ, что Гончаровъ—человѣкъ взрослый, совершеннолѣтній, а Кудрявцевъ — духовно-малолѣтній, нравственный и внутренній недоросль. Это досадно и грустно. Читая его повѣсти, чувствуешь, что онѣ могутъ быть понятны и интересны только для людей, близкихъ къ автору Вотъ отчего нѣкогда я съ ума сходилъ отъ повѣстей Кудрявцева: я зналъ и любилъ его, въ немъ и въ нихъ было много моего, т.-е. такого, что было моимъ конькомъ. Того конька давно нѣтъ—и повѣсти не тѣ. Талантъ вижу въ немъ и теперь, но чорта ли въ одномъ талантѣ? Земля цѣнится по ея плодородности, урожаямъ; талантъ—та же земля, но которая вмѣсто хлѣба родитъ истину. Порождая однѣ мечты и фантазіи, талантъ, даже большой—песчаникъ или солончакъ, на которомъ не родится ни былинки. Двѣ повѣсти выходятъ изъ ряда обычныхъ повѣстей Кудрявцева: «Послѣдній визитъ», въ которомъ конецъ онъ все-таки испортилъ эффектомъ, и «Безъ разсвѣта», въ которой прекрасное намѣреніе осталось гораздо выше исполненія. Стало быть, ничего удовлетворительнаго вполнѣ и вмѣстѣ дѣльнаго. Что же это? Слабость таланта? — Нѣтъ, вся бѣда въ томъ, что Кудрявцевъ москвичъ. «Отъ головы до пятокъ, на всѣхъ московскихъ отпечатокъ». Герценъ, конечно, не Галаховъ, даже не Кудрявцевъ, во многихъ отношеніяхъ; а все москвичъ. Онъ счи-

таетъ очень нужнымъ увѣдомить публику печатно, что чувствуетъ глубокую симпатію къ своей женѣ; онъ употребляетъ въ повѣсти семинарственно-гнусное слово ячность (эгоизмъ т.-е.), герой его повѣсти говоритъ любимой имъ женщинѣ, что человѣкъ долженъ довлѣть самому себѣ!!. Что же удивляться, что въ философскихъ статьяхъ онъ пишетъ нусъ, non-sens, и русскими буквами отшлепываетъ нѣмецкое слово Gemüthlichkeit?— москвичъ! вотъ и все! Почти всѣ повѣсти Кудрявцева и Галахова посвящены какой-нибудь барышнѣ: безъ посвященія нельзя. Ахъ, господа, изображайте любовь и женщинъ, я вамъ не запрещаю этого на томъ основаніи, что я начисто раздѣлался съ подобными интересами; но изображайте не какъ дѣти, а какъ взрослые люди. Вонъ и въ повѣсти Гончарова любовь играетъ главную роль, да еще такая, какая субъективно всего менѣе можетъ интересовать меня: а читаешь, словно ѣшь холодный полу-пудовый сахаристый арбузъ въ знойный день. Что за непостижимое искусство у Кудрявцева, не будучи нисколько субъективнымъ, не быть ни на волосъ объективнымъ, и наоборотъ.

3 № «Современника» вышелъ, кажется, недуренъ. Перечелъ я твою статью: поцарапана, но сущность осталась, и главная мысль даже не затемнена. Палачъ Куторга вычеркнулъ статью о Ройе-Коларѣ и много нагадилъ. Письмо Тургенева изъ Берлина интересно. Къ Анненкову я писалъ. Хороша статья Савича—популярное изложеніе сущности подвига Леверрье. Ясна и понятна— стало быть, достигаетъ своей цѣли, а потому и хороша. Я теперь только понялъ, что такое Леверрье. Я думалъ, что вся штука въ открытіи новой планеты. Нѣтъ, дѣло въ уясненіи открытаго Ньютономъ всеобщаго закона тяготѣнія. Леверрье двинулъ науку. Это похоже на генія, царство котораго—общее, а не частности— удѣлъ талантовъ и даже людей дюжинныхъ. Ну, прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Жена моя очень жалѣетъ о твоемъ несчастіи и шлетъ тебѣ усердное привѣтствіе и желаніе скораго выздоровленія. Что это дѣлается въ семействѣ Щепкиныхъ? Елена Дмитріевна опасно больна. Я получилъ письмо изъ Воронежа отъ Н. М. Щепкина: проситъ справиться въ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства, почему нѣтъ резолюціи на его прошеніе объ отставкѣ. Справщики нашлись, и дѣло будетъ сдѣлано, тогда и от-

вѣтъ дамъ. Бѣдная мать, бѣдныя дѣти—они такъ любили ее, она такъ любила ихъ! Бѣдное семейство! И для старика какой новый обвалъ подъ ногами жизни!

Къ В. П. Боткину. 8 марта, 1847.

Спб. 8 марта, 1847.

Мнѣ пришла въ голову благая мысль, которую и спѣшу сообщить тебѣ, любезный Боткинъ. Все, что вырвано варваромъ Куторгою изъ статьи твоей, ты можешь вставить въ слѣдующія статьи. Особенно жаль двухъ мѣстъ: о любви и замужествѣ Христины, и о наборѣ кортесовъ изъ бродягъ и сволочи. Никитенко обѣщаетъ отстаивать, на томъ основаніи, что это исторія (прошедшее), а не политика. Въ послѣднее передъ выходомъ 3 № «Современника» цензурное засѣданіе онъ хотѣлъ это сдѣлать, но, какъ нарочно, почти никто не пришелъ, а комитетъ долженъ состоять изъ большинства членовъ. На всякій случай, посылаю тебѣ твою рукопись. Только первыхъ трехъ листковъ я не нашелъ у себя; вѣроятно, отослалъ ихъ при корректурѣ Некрасову, а, можетъ быть, и затерялъ; но у тебя вѣдь есть черновые матеріалы, письма и пр. Статья твоя всѣмъ нравится, и вообще 3 № «Современника» произвелъ самое благопріятное для него впечатлѣніе на питерскую публику. Прочти, пожалуйста, повѣсть Диккенса «Битва жизни»: изъ нея ты ясно увидишь всю ограниченность, все узколобіе этого дубоваго англичанина, когда онъ является не талантомъ, а просто человѣкомъ. Это едва ли не единственная плохая вещь, помѣщенная въ 3 № «Современника»—что очень мнѣ досадно. Уважаю практическія натуры, les hommes d'action, но если вкушеніе сладости ихъ роли непремѣнно должно быть основано на условіи безвыходной ограниченности, душной узкости — слуга покорный, я лучше хочу быть созерцающею натурою, человѣкомъ просто, но лишь бы все чувствовать и понимать широко, привольно и глубоко. Я — натура русская. Скажу тебѣ яснѣе: je suis un russe et je suis fier de l'être. Не хочу быть даже французомъ, хотя эту націю люблю и уважаю больше другихъ. Русская личность пока — эмбріонъ, но сколько широты и силы въ натурѣ этого эмбріона, какъ душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость! Она боится ихъ,

не терпитъ ихъ больше всего — и хорошо, по моему мнѣнію, дѣлаетъ, довольствуясь пока ничѣмъ, вмѣсто того, чтобы закабалиться въ какую-нибудь дрянную односторонность. А что мы всеобъемлющи потому, что намъ нечего дѣлать, чѣмъ больше объ этомъ думаю, тѣмъ больше сознаю и убѣждаюсь, что это ложь. Грузинцамъ тоже нечего дѣлать, и мало ли другихъ народовъ, ничего не дѣлающихъ, и все-таки бѣдныхъ замѣчательными личностями. Русакъ пока, дѣйствительно,—ничего; но посмотри, какъ онъ требователенъ, не хочетъ того, не дивится этому, отрицаетъ все, а между тѣмъ, чего-то хочетъ, къ чему-то стремится. Но о такомъ предметѣ надо говорить много, или совсѣмъ не говорить, и потому мнѣ досадно за себя, что я заговорилъ. Не думай, чтобы я въ этомъ вопросѣ былъ энтузіастомъ. Нѣтъ, я дошелъ до его рѣшенія (для себя) тяжкимъ путемъ сомнѣнія и отрицанія. Не думай, чтобы я со всѣми объ этомъ говорилъ такъ: нѣтъ, въ глазахъ нашихъ квасныхъ патріотовъ, славяноп . . . . , витязей прошедшаго и обожателей настоящаго, я всегда останусь тѣмъ, чѣмъ они до сихъ поръ считали меня.

Желалъ бы я знать, какъ твое здоровье, поправляешься ли ты и скоро ли надѣешься поправиться. Продиктуй для меня небольшую писульку. Кронебергу лучше, онъ выходитъ изъ дому. Я противъ прежняго чувствую себя лучше, но живу только мыслію о поѣздкѣ за-границу. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 15-17 марта, 1847.

Спб. 15 марта 1847.

Да продиктуй мнѣ, Боткинъ, какую-нибудь писульку, а то, право, не знаю, о чемъ писать къ тебѣ, съ чего начать письмо. А писать бы я готовъ. Но вижу, что безъ отклика дѣло не клеится.

Здоровье мое въ сравненіи съ прежнимъ лучше, но безотносительно—плохо. Тоска страшная, и не знаю, какъ дождаться вожделѣннаго дня отъѣзда. Только этою мыслію и живу; безъ нея, право, не знаю, что бы со мною теперь было. Новостей у насъ, comme de raison, нѣтъ никакихъ, а если какія и есть, онѣ извѣстны и у васъ. Книга Гоголя, какъ будто пропала,—и

я немного горжусь тѣмъ, что вѣрно предсказалъ (не печатно, а на словахъ) ея судьбу. Русскаго человѣка не надуешь такими продѣлками, а если и надуешь, такъ на минуту. Если еще не вовсе забыто существованіе этой книги, такъ это потому, что отъ времени до времени напоминаютъ о ней журнальныя статьи. Статья Н. Ф. Павлова—образецъ мастерства писать. Я прочелъ ее нѣсколько разъ, и съ каждымъ разомъ она кажется мнѣ все лучше и лучше. Сколько ума, какая послѣдовательность, какъ все ровно и цѣло; дочитывая конецъ, ясно помнишь начало и середину! Словомъ—чудо, а не статья! Сначала на меня произвелъ было непріятное впечатлѣніе взглядъ на мертвопочитаніе Русской породы; но я сообразилъ, что вся сила статьи въ томъ и заключается, что Павловъ бьетъ Гоголя не своимъ, а его же оружіемъ, и имѣетъ въ виду доказать не столько нелѣпость книги, сколько ея противорѣчіе съ самой собою. Но особенно понравилась мнѣ въ статьѣ одна мысль—умная до невозможности: это ловкій намекъ на то, что, перенесенная въ сферу искусства, книга Гоголя была бы превосходна, ибо ея чувства и понятія принадлежатъ законно Хлестаковымъ, Коробочкамъ, Маниловымъ и т. п. Это такъ умно, что мочи нѣтъ! Жаль одного: что эта превосходная статья напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»,—изданіи, сохраняющемъ свято внѣшнія формы временъ Петра Великаго и читаемомъ только въ Москвѣ, да и то больше людьми солидными. Что, какъ бы позволилъ намъ Николай Филипповичъ перепечатать его статью въ «Современникѣ», и позволилъ бы не словесно, а письмомъ къ Панаеву? Право, отъ этого не однимъ намъ было бы хорошо: статья получила бы больше народности.

Сегодня полотеры помѣшали мнѣ писать, и я опоздалъ на почту. Кончу и пошлю на почту въ понедѣльникъ.

Марта 17.

Повѣсть Гончарова произвела въ Питерѣ фуроръ — успѣхъ неслыханный! Всѣ мнѣнія слились въ ея пользу. Даже свѣтлѣйшій князь Волхонскій, черезъ дядю Панаева, изъявилъ ему, Панаеву, свое удовольствіе за удовольствіе, доставляемое ему вообще «Современникомъ» и повѣстью Гончарова въ особенности. Дѣйствительно, талантъ замѣчательный. Мнѣ кажется, что его особенность, такъ сказать, личность, заключается въ совершенномъ отсутствіи семинаризма, литературщины и литераторства, отъ

которыхъ не умѣли и не умѣютъ освобождаться даже геніальные русскіе писатели. Я не исключаю и Пушкина. У Гончарова нѣтъ и признаковъ труда, работы; читая его, думаешь, что не читаешь, а слушаешь мастерской изустный разсказъ. Я увѣренъ, что тебѣ повѣсть эта сильно понравится. А какую пользу принесетъ она обществу! Какой она страшный ударъ романтизму, мечтательности, сантиментальности, провинціализму!

«Современникъ» нравственно процвѣтаетъ: т. е. авторитетъ его великъ, у насъ въ Питерѣ на него всѣ смотрятъ, какъ на первый, т. е. лучшій русскій журналъ. Объ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Библіотекѣ для Чтенія» никто не говоритъ, а между тѣмъ, намъ достовѣрно извѣстно, что у Краевскаго нынѣшній годъ не убавилось, а напротивъ прибавилось подписчиковъ. Вотъ тутъ и разсуждай, какъ и почему! Должно быть, причина та, что потребность чтенія годъ отъ году усиливается въ Россіи. Новинки же русскій человѣкъ дичится, все выжидаетъ, будетъ ли толкъ. Вотъ почему (вѣроятно) у насъ только 1800 подписчиковъ, и экземпляровъ 300 новаго изданія еще лежитъ въ конторѣ (печаталось его 600 экземпляровъ). Если нынѣшній годъ «Современникъ» выдержится, можно головой ручаться за 3000 подписчиковъ въ будущемъ году. Онъ вѣдь и такъ имѣлъ успѣхъ небывалый и неслыханный!

Тургеневъ пишетъ, что цѣлуетъ и обнимаетъ тебя за мою поѣздку, хочетъ жить въ Штетинѣ и, подобно Моинѣ, бродя по морскому берегу, ждать Фингала, т. е. меня. Онъ прислалъ разсказецъ (3-й отрывокъ изъ «Записокъ охотника»)—недуренъ; и повѣсть—ни то ни се. Что за чудаки Москвичи! Н. А. Мельгуновъ вызвался составить намъ московскій фель... [1]).

Къ И. С. Тургеневу. 12 апрѣля, 1847.

Спб. 12/24 апрѣля 1847.

Пишу къ вамъ нѣсколько строкъ, любезный мой Тургеневъ. Вскорѣ по полученіи вашего второго ко мнѣ письма, въ которомъ вы изъявляете свое удовольствіе о здоровьѣ моего сына,—онъ умеръ. Это меня уходило страшно. Я не живу, а умираю

[1]) Конца недостаетъ—*Прим. А. П.*

медленною смертью. Но довольно объ этомъ. Къ дѣлу. Я взялъ билетъ на первый штетинскій пароходъ («Владиміръ»); онъ отходитъ 4/16 мая; въ Штетинѣ будетъ 9/21. Вотъ когда я, вашъ Фингалъ, обниму васъ, мою Моину, если вы сдержите ваше обѣщаніе—ждать меня въ Штетинѣ. Если бы, сверхъ чаянія, ледъ на Невѣ помѣшалъ, «Владиміръ» пойдетъ не 4/16, а 10/22 мая. Но это едва ли возможно: во вчерашнемъ № «Полицейской Газеты» напечатано донесеніе шлиссельбургскаго исправника, что Нева прошла на 4 версты отъ истока, внизъ по теченію.

Я уже публикуюсь; свидѣтельство Тильмана вчера отправлено въ Физикатъ. Ждите меня. А затѣмъ, прощайте, до скораго свиданія.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 22 апрѣля, 1847.

Спб. 22 апрѣля 1847.

Любезный другъ Боткинъ, хоть мнѣ немного и лучше теперь противъ прежняго, но я все еще плохъ, притомъ же и работы пропасть,—и если я пишу къ тебѣ, то по особенному обстоятельству. Дѣло идетъ о Н. А. Мельгуновѣ. Богъ послалъ намъ въ немъ сотрудника уже черезчуръ дѣятельнаго и плодовитаго. Это съ одной стороны хорошо, а съ другой вовсе не хорошо. Николай Александровичъ человѣкъ умный и образованный, съ копотливымъ усердіемъ онъ слѣдитъ за всѣмъ новымъ, и нѣтъ ничего новаго, чего бы не принялъ онъ къ свѣдѣнію. Но, по своей натурѣ, онъ не въ состояніи усвоить себѣ никакого рѣзкоопредѣленнаго, характеристическаго образа мыслей. Онъ примиритель; московскій Одоевскій. Онъ чуть не плачетъ, когда у насъ, при немъ, Шевырева называютъ подлецомъ (я самъ былъ свидѣтелемъ этому), и я увѣренъ, что онъ тоже чуть не плачетъ, когда Шевыревъ, при немъ, честитъ меня по своему. Ему хотѣлось бы всѣхъ насъ свести и помирить. Онъ не понимаетъ антипатіи убѣжденій и натуръ. Поэтому, роль его жалка: обѣ крайнія стороны смотрятъ на него, какъ наполовину своего, а въ сущности ничьего. Это отражается и въ его статьяхъ: онъ хлопочетъ, чтобы въ нихъ не было односторонности, пристрастныхъ убѣжденій, нетерпимости, узкости въ созерцаніи и понятіяхъ,—а достигаетъ только того, что въ нихъ нѣтъ закваски, крѣпости,

что онѣ безцвѣтны, ни то, ни се. Въ нихъ все умно, дѣльно, современно, по бо̀льшей части справедливо; но читать ихъ скучно, и отъ нихъ мало остается въ головѣ. Онѣ благонравны, въ отличіе отъ статей, которыя—рѣшительныя повѣсы и сорви головы. Видишь ли что, Боткинъ: благонравіе — прекрасная вещь; я всегда готовъ награждать ее уваженіемъ, похвалами, но не... деньгами... Платить деньги можно и должно только за статьи, по поводу которыхъ не можетъ быть раздумья: помѣстить или нѣтъ? но которыхъ было бы грустно, обидно, досадно лишиться и видѣть, какъ ими воспользовался другой журналъ. Въ отношеніи къ такимъ статьямъ деньги — вздоръ, потому что такія статьи поддерживаютъ журналъ, даютъ ему ходъ и кредитъ, а деньги возвращаютъ съ хорошими процентами. Но въ отношеніи къ статьямъ, которыя не то, чтобы дурны, да и не то, чтобы хороши, отъ которыхъ журналу ni chaud ni froid, которыя можно помѣстить и можно и не помѣстить—въ отношеніи къ такимъ статьямъ, деньги—вещь важная, и сорить ихъ глупо. Такія статьи для журнала—не лишнее дѣло (если онѣ не длинны и не часто печатаются), когда за нихъ плата—не деньги, а честь напечатанія въ хорошемъ журналѣ. Вотъ примѣръ: вызвался Мельгуновъ писать намъ московскій фельетонъ. Получаемъ: святители! что это! тяжело, скучно. Но на безлюдьи и Ѳома дворянинъ, на безрыбьи и ракъ рыба; нѣтъ лучше, давайте этотъ. Но вотъ бѣда: фельетонъ снабженъ введеніемъ, которое вдвое длиннѣе его и пахнетъ диссертаціею. Некрасовъ прибѣгаетъ ко мнѣ въ отчаяніи: такъ де и такъ; помѣстить вмѣстѣ съ фельетономъ нельзя никакъ, а не помѣстить—значитъ оскорбить человѣка, который такъ усердствуетъ нашему журналу. Что дѣлать? Подумавъ, я посовѣтовалъ отдѣлить введеніе и напечатать его въ наукахъ. Думаю: надо журналу по возможности давать характеръ журнала русскаго, а въ статьѣ трактуется о вопросѣ, для насъ, русскихъ, близкомъ и интересномъ; статью нельзя назвать положительно дурною, а отрицательно она даже хороша. Итакъ, ты видишь, что статья помѣщена изъ деликатности. Похвалъ мы за нее не слыхали, а брань уже слышали. И платить деньги изъ деликатности? Это именно одна изъ тѣхъ статей, которыя такъ и смотрятъ даровыми, и которыя журналистъ бережетъ на черный день, чтобы заткнуть недостатокъ хорошей статьи — вѣдь хорошія-то не всегда бываютъ. И что же? Николай Александровичъ не только

не понялъ причины помѣщенія статьи въ отдѣлѣ наукъ, но не догадался даже и о причинѣ ея раздѣленія!!.. Но это бы все ничего, и съ извѣстной точки зрѣнія Николай Александровичъ сотрудникъ иногда полезный; но его плодовитость привела бы насъ въ безпокойство, еслибъ не стоила и ни копѣйки; а то—ужасъ! Печатай все это,—и журналъ сейчасъ приметъ характеръ умной, честной, добросовѣстной и благородной посредственности. Хотя и теперь на «Современникъ» публика смотритъ лучшими глазами, нежели его издатели и сотрудники, считаетъ его первымъ и лучшимъ журналомъ (это мы знаемъ достовѣрно), но по причинѣ болѣзни, которая вотъ уже 7 мѣсяцевъ, какъ парализовала мою энергію и дѣятельность, лишила меня силъ даже для физическаго труда, «Современникъ» и такъ не отличается особенною рѣзкостію или цвѣтистостію. При этомъ Николай Александровичъ рѣшительно не понимаетъ, что такое журналъ, и чѣмъ онъ долженъ отличаться ото всего, что не есть журналъ. Онъ предложилъ намъ перевести изъ какого-то нѣмецкаго журнала похвальную статью Н. Ф. Павлову, потому-де, что это будетъ пріятно Н. Ф. Павлову. Теперь проситъ насъ перепечатать свою статью о Берліозѣ (изъ «Московскихъ Вѣдомостей»), потому что это будетъ пріятно Берліозу!!!... Стало быть, журналъ долженъ издаваться не для пользы общества, а для удовольствія нѣкоторыхъ лицъ! Если мы перепечатываемъ статью Николая Филипповича, такъ это потому, что, по ея важности и достоинству, она стоила бъ быть перепечатанною во всѣхъ журналахъ. Разумѣется, мы не перепечатаемъ статьи о Берліозѣ. Также не напечатаемъ статью—«Бурши и Филистеры». Онъ въ ней правъ, по крайней мѣрѣ, болѣе правъ, чѣмъ я, противъ котораго онъ тутъ пишетъ, но «Современникъ» не «Московскій Листокъ», противъ себя не станетъ печатать статей, подобно г. Драмусову, прося прощенія, въ выноскахъ, что сдѣлалъ глупость, совралъ. Особенно, нельзя въ «Современникѣ» допустить того, что говорится въ статьѣ противъ Тургенева: нельзя выдавать своихъ сотрудниковъ, кромѣ того, что если бы Тургеневъ судилъ и односторонне, его односторонность жива, оригинальна; а его письмо о Берлинѣ, какъ ни коротко оно, было замѣчено и скрасило нашъ журналъ больше, нежели всѣ статьи Николая Александровича, вмѣстѣ взятыя. А потомъ статья о «Буршахъ и Филистерахъ» не имѣетъ никакого интереса для нашей публики; она имѣла бы смыслъ только въ видѣ журнальной замѣтки и будучи втрое покороче

и сжатѣе. Но вотъ, что всего ужаснѣе: Аксаковъ и Николай Александровичъ затѣваютъ диспутъ о Москвѣ и Петербургѣ и удостоиваютъ «Современникъ» быть ареною ихъ спора. Избави Богъ! О Москвѣ и Петербургѣ можно написать статью, высказать свое мнѣніе; но этимъ все и должно кончиться. Спору тутъ нѣтъ мѣста, потому что для рѣшенія вопроса нѣтъ положительныхъ данныхъ, и все дѣло должно вертѣться безвыходно на личныхъ мнѣніяхъ. А каковы же эти личныя мнѣнія? Аксаковъ будетъ пѣть гимны не той Москвѣ, которая существуетъ дѣйствительно, а той, которую онъ создалъ себѣ въ своей фантазіи, и будетъ возвышать ее на счетъ Петербурга, котораго онъ рѣшительно не знаетъ ни дурныхъ, ни хорошихъ сторонъ. Николай Александровичъ будетъ стараться отдать должную справедливость Москвѣ, которую онъ знаетъ, и Петербургу, котораго онъ не знаетъ (ибо не жилъ въ немъ) и къ которому онъ чувствуетъ предубѣжденіе, съ трудомъ имъ скрываемое. Ну, что это за споръ! Я уже не говорю, что всѣ споры смѣшны. Возразите на чужое мнѣніе, да и замолчите. А тутъ все дѣло перекричать противника: кто замолчалъ первый, тотъ побѣжденъ, кто крикнулъ послѣдній — побѣдилъ. Это смѣшно, а хуже всего то, что смѣшное падетъ на журналъ, а какъ мы этого не хотимъ, то такого спора принять въ журналъ никогда не рѣшимся. Теперь посмотри, какое наше гадкое положеніе. Аксаковъ хочетъ помѣстить статью у насъ: въ этомъ видно съ его стороны уваженіе къ нашему журналу и довѣренность къ намъ. За что же мы отвѣтимъ грубостію на вѣжливость? Отказать—значитъ: заставить его думать, что мы съ нимъ, какъ съ славянофиломъ, не хотимъ имѣть дѣла. Бога ради, Боткинъ, самъ, если видишься съ нимъ, или черезъ другихъ, скажи ему, что всякую другую статью его готовы помѣстить; но спора этого, по особымъ причинамъ, допустить въ «Современникъ» не можемъ. А Николаю Александровичу такъ хочется поспорить—и ему непріятно отказать, а дѣлать нечего. Прибавлю къ этому еще двѣ черты, изъ которыхъ одна очень странна со стороны Николая Александровича. Въ одномъ письмѣ онъ далъ замѣтить свое удивленіе, что нѣкоторымъ сотрудникамъ «Современникъ» платитъ 50 руб. сер., тогда какъ ему только 150 руб. асс. Кому же «Современникъ» платитъ 50 руб. серебромъ? Кавелину и Соловьеву! Да если бы плата устанавливалась не абстрактнымъ обычаемъ и реальною необходимостью, а сравнительною цѣнностію статей, — то,

платя Николаю Александровичу 50 руб. сер. за листъ, мы Кавелину должны были бы платить пять тысячъ серебромъ съ печатнаго листа. Это потому, что золотой полу-имперіалъ стоитъ слишкомъ въ 5 разъ дороже 5-ти цѣлковыхъ, которыхъ онъ меньше въ 20 разъ. Какъ же этого не понять? Неужели самолюбіе до того можетъ ослѣплять человѣка! И сверхъ того, человѣка богатаго, тогда какъ Кавелинъ, сверхъ всего прочаго, еще и бѣдный человѣкъ! Признаюсь, эта выходка со стороны Николая Александровича меня сильно озадачила. А вотъ другое, менѣе важное. Сердится, что возраженіе его противъ Шевырева не попало въ 4 №, и замѣчаетъ, что Краевскій статью Грановскаго, посланную отъ 23 числа, успѣлъ же напечатать. Да если бы Грановскій прислалъ ее намъ, мы бы выпустили книжку 2 числа, а ее все бы напечатали. А тутъ, какъ нарочно, Страстная и Святая недѣли пришлись въ конецъ мѣсяца, и мы не знаемъ, какъ еще книжка вышла. Некрасовъ уже посылалъ было статью Николая Александровича въ типографію, а тутъ вдругъ — письмо Анненкова. Послать обѣ статьи, значило рисковать выходомъ книжки, а Некрасовъ рисковать не хотѣлъ (и хорошо сдѣлалъ) и послалъ одно письмо Анненкова.

Вслѣдствіе всего этого, мы рѣшились нѣсколько расхолодить усердіе. Николая Александровича къ нашему журналу. Для этого берутся слѣдующія мѣры: за фельетонъ ему предлагается только 35 руб. сер.—цѣна, которую получаетъ Штрандманъ, составляющій петербургскія современныя замѣтки. Николай Александровичъ спрашиваетъ насъ, почему мы смѣсь цѣнимъ меньше наукъ. Тутъ дѣло не въ смѣси, а въ достоинствѣ статей. Еслибъ Герценъ взялся писать московскій фельетонъ, но потребовалъ бы 100 руб. сер. съ листа: дорого, тяжело для редакціи было бы это, а согласиться ей слѣдовало бы. Если бы такіе фельетоны, какіе пишетъ намъ Николай Александровичъ, составлялъ бѣдный студентъ, ему можно было бы давать 25 руб. сер., и то больше на основаніи филантропической мысли, что оно-де и плата за трудъ, и помощь бѣдному человѣку. Потомъ, фельетонъ его будетъ безъ церемоній урѣзанъ, особенно будетъ выкинуто все о балѣ Корсакова, гдѣ праздные московскіе бары глупо пародировали нравы русской старины, что̀ Николай Александровичъ находитъ хорошимъ и почему-то сравниваетъ съ рококо. Споръ не будетъ допущенъ, статья о Берліозѣ не будетъ перепечатана, и многія другія его предложенія будутъ отклонены. Обо всемъ

этомъ завтра же пойдетъ къ нему письмо Панаева, вѣжливое, деликатное, но твердое и рѣшительное. А цѣль моего этого къ тебѣ письма есть та, чтобы поставить тебя и многихъ друзей нашихъ на настоящую точку зрѣнія въ отношеніи къ этому дѣлу. 700 верстъ разстоянія порождаютъ часто недоразумѣнія, и потому надо всегда заранѣе объясняться искренно и обстоятельно. Но будетъ объ этомъ. И надоѣло, и усталъ.

Скажу тебѣ о себѣ новость, которая удивитъ тебя. Я рѣшился переѣхать жить въ Москву, и это можетъ быть, если не встрѣтится особенныхъ препятствій, по послѣднему снѣжному пути конца будущей зимы 1848 года. Я привыкъ къ Питеру, люблю его какою-то странною любовью за многое даже такое, за что бы нечего любить его; въ немъ много удобствъ. Въ Москвѣ меня, кромѣ друзей, ничто не привлекаетъ; какъ городъ, я не люблю его. Но жить въ петербургскомъ климатѣ, на понтинскихъ болотахъ, гнилыхъ и холодныхъ, мнѣ больше нѣтъ никакой возможности. Если я поправлюсь за границею, въ Питерѣ черезъ годъ, будущею же весною, могу притти опять въ прежнее положеніе. Итакъ, мнѣ суждено жить вмѣстѣ съ тобою, ибо, если ты и не оставилъ намѣренія переѣхать въ Питеръ, то непремѣнно вернешься назадъ (если не умрешь) въ Москву, съ разстроеннымъ здоровьемъ. Кетчеръ покрѣпче насъ сложенъ, да и тотъ узналъ, что значитъ быть безпрестанно больнымъ, ходя на ногахъ и даже работая. Братъ его Христоферъ тоже не изъ слабыхъ, а вотъ на дняхъ ни съ того, ни съ сего лихорадка съ ногъ срѣзала его. На 12,000 я въ Москвѣ могу жить, какъ въ Петербургѣ нельзя жить на 18,000. Для семейнаго человѣка, жизнь въ Петербургѣ дороже лондонской. Для холостого—другое дѣло; и то да не льстится онъ на 1 руб. сер. хорошо поѣсть въ любомъ ресторанѣ: вездѣ мерзость мерзостью. Я теперь уже около мѣсяца обѣдаю у Панаева, а какъ въ иные дни онъ дома не обѣдаетъ, посылаю къ Лерху, Излеру, Доминику, и въ эти дни бываю боленъ: масло горькое, яйца не свѣжія, приготовлено грубо. А въ Москвѣ въ любомъ почти русскомъ трактирѣ можно пообѣдать, если не изящно, то здорово. Недавно нѣкоторые изъ нашихъ знакомыхъ обѣдали у Сенъ-Жоржа. Когда они сказали ему, что хотятъ имѣть обѣдъ въ 4 руб. сер., онъ посмотрѣлъ на нихъ, какъ на каналій, и накормилъ ихъ, какъ свиней. А въ Москвѣ у Шевалье, когда наши друзья давали мнѣ обѣдъ, плачено было безъ вина 12 руб. асс., и обѣдъ былъ

такой, какого въ Петербургѣ за 5 руб. сер. едва ли можно имѣть. Для меня кормъ, пища — дѣло первой важности, а не прихоть; мой желудокъ сдѣлался отъ болѣзни аристократомъ.

Для журнала это будетъ немножко, даже довольно, неудобно, но здоровье прежде всего, а притомъ и до желѣзной дороги недалеко. Вотъ я и въ Питерѣ живу, а для «Современника» не сдѣлалъ и десятой доли того, что онъ ожидалъ и въ правѣ былъ ожидать отъ меня. Если поѣздка возстановитъ меня (а Тильманъ сулитъ не поправку, а выздоровленіе), все ворочу и надѣюсь много сдѣлать для «Современника». Съ повѣстями, какими мы владѣемъ, съ статьями Кавелина, Соловьева, твоими письмами объ Испаніи (да протянутся они на 10 №№!), да съ моими статьями о Лермонтовѣ и Гоголѣ (вертится въ головѣ у меня много и другого) «Современникъ» осенью же переродится. Если на первый годъ онъ пріобрѣлъ почти 2000 подписчиковъ, при страшной филистерской боязни русскаго человѣка къ новизнѣ,—то, выдержавши съ честью первый годъ, на второй онъ можетъ считать несчастіемъ, если у него будетъ только 3000 подписчиковъ, не больше. Уже и теперь только и толковъ, что о немъ; объ «Отечественныхъ Запискахъ» здѣсь никто не говоритъ, а о «Библіотекѣ для Чтенія» и подавно, какъ будто ихъ и не было. Дѣйствительно, отъ «Отечественныхъ Записокъ» несетъ мертвечиною, въ нихъ страшное разнообразіе, всякаго жита по лопатѣ, есть статьи дѣльныя и интересныя; но читать ихъ—скука смертельная. Прежде онѣ были соусомъ, который былъ вкусенъ, потому что сдабривался соею, а теперь сои нѣтъ, и соусъ только прѣсенъ. Самая полнота и разнообразіе ихъ утомительны и наводятъ скуку: думаю, это потому, что отзываются демьяновою ухою. Кредитъ Краевскаго падаетъ со дня на день; недаромъ онъ посѣдѣлъ, какъ лунь. Его раскусили. Несмотря на горькіе опыты, онъ все тотъ же: найдетъ дешевле сотрудника и откажетъ тому, который подороже. Потомъ, иные сотрудники отстали по причинѣ его грубости и неделикатности. Даже Майковъ просилъ у насъ работы: это недаромъ. Ежели это впечатлѣніе скуки поддержится до конца года съ такимъ же блистательнымъ успѣхомъ, съ какимъ поддерживалось теперь, намъ будетъ хорошо. Журналъ можетъ сдѣлаться пошлымъ—и не пасть; но скука—другое дѣло. Слухи объ увеличеніи числа подписчиковъ на «Отечественныя Записки» нынѣшній годъ оказались преувеличенными. Мы достовѣрно знаемъ, что онъ печаталъ нынѣшній годъ

4300 экземпляровъ, а разошлось у него съ даровыми (которыхъ у него тоже довольно) ровно 4000,—стало быть, 300 экземпляровъ онъ читаетъ теперь самъ. Держится онъ нынѣшній годъ привычкою къ старинѣ и боязнію, недовѣрчивостію къ новизнѣ. Вотъ тебѣ фактъ того и другого. Перенеся контору отъ мошенника Иванова, Краевскій особыми афишами объявилъ объ этомъ, и объ этомъ же печаталъ и печатаетъ на задней оберткѣ каждой книжки «Отечественныхъ Записокъ» (что дѣлаютъ и всѣ другіе журналы), что его контора тамъ-то, и что онъ ручается за вѣрную доставку только тѣмъ, кто подпишется въ его конторѣ. И что же? На 6000 руб. сер. опять подписалось у Иванова!!... Ивановъ деньги промоталъ, а экземпляры проситъ. Краевскій безъ денегъ не даетъ, а подписчики ругаютъ не Иванова, а Краевскаго. Чѣмъ же кончилось дѣло? Сторговались: Краевскій за 3000 руб. сер. далъ Иванову экземпляровъ на 6000 руб. сер., предпочитая потерю меньшую потерѣ большей, а главное, боясь потерять кредитъ уословъ—подписчиковъ. Мы лишились рублей тысячи асс. по милости Иванова, которому, разумѣется, экземпляровъ не дали. Вотъ оно, филистерство-то—стоитъ нѣмецкаго! Привыкъ человѣкъ писать адресъ Иванова, и ужъ ему тяжело написать другой. Поди ты съ нимъ толкуй! Теперь, понятно, что наши 2000 подписчиковъ — успѣхъ невѣроятный. Подписка тянется до сихъ поръ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ 2000 экземпляровъ будутъ разобраны; а между тѣмъ, у насъ вовсе нѣтъ критики (которая, послѣ русскихъ повѣстей, важнѣйшій отдѣлъ въ журналѣ), да и библіографія-то не совсѣмъ такова, какъ слѣдуетъ быть. (Послѣ повѣсти Гончарова подписка замѣтно оживилась). О, если бы только мнѣ ожить,—да лишь бы московскіе друзья наши не охладѣли въ своей рѣшимости поддерживать «Современникъ»,—осенью же нынѣшнею это былъ бы журналъ, именно такой, какого въ наше время нужно! Вникая въ себя, я чувствую, что во мнѣ убита только сила работать, но не сила души; меня все занимаетъ, волнуетъ, бѣситъ по прежнему, голова работаетъ безпрестанно. Но если не поправлюсь физически—погибъ всячески, погибъ страшно!

Хотѣлось бы обо многомъ поговорить съ тобою, особенно насчетъ «Хоря и Калиныча»; мнѣ кажется, что въ отношеніи къ этой пьесѣ, такъ рѣзко замѣчательной, ты совсѣмъ не правъ. Но писать некогда, времени немного, а работы бездна, благо я могу теперь хоть черезъ силу работать.

Нынѣшній годъ, въ денежномъ отношеніи, для меня ужасенъ, хуже прошлаго: я забралъ всѣ деньги по 1-е января 1848 года, безъ меня жена, а потомъ я по пріѣздѣ осенью, будемъ забирать сумму 1848 года. У меня на лѣкарства выходитъ рублей 30 и 40 серебромъ въ мѣсяцъ, если не больше, да рублей 50 сер. стоитъ докторъ. Домъ мой — лазаретъ. Пиши ко мнѣ передъ отъѣздомъ-то. Я еще, вѣроятно, пошлю тебѣ письмо, послѣднее, разумѣется. Хотѣлось бы отъ тебя получить тоже. Это письмо пошлю на почту 23. Прощай. Тысячи радостей и утѣхъ тебѣ.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 5 мая, 1847.

СПБ. 5 мая, 1847.

Я еще въ Питерѣ, мой дорогой Боткинъ, но сегодня ѣду, а письмо это пойдетъ къ тебѣ завтра, получишь ты въ пятницу, когда я буду, если не въ Берлинѣ, то въ Штетинѣ. Если я ворочусь возстановленнымъ, и мое бѣдное семейство увѣрится, что его опора съ нимъ,—это твое дѣло. Вотъ лучшая благодарность съ моей стороны за все то, что ты для меня сдѣлалъ. Къ Анненкову я писалъ обо всемъ недѣли три слишкомъ назадъ, въ то же время писалъ и къ Тургеневу, и отъ него давно уже получилъ отвѣтъ. Ѣду я въ Зальцбруннъ, около Шведница и Фрейбурга, недалеко отъ Бреславля. Пробыть постараюсь до половины ноября по старому стилю. Поѣздка моя, конечно, не роскошна и не блестяща, лишняя тысяча много ее улучшила бы; но она, по крайней мѣрѣ, обезпечена, тогда какъ положеніе моей жены не таково, чтобы я вовсе не имѣлъ причины безпокоиться на его счетъ. Поэтому прошу тебя, ради всего на свѣтѣ, эту тысячу передать черезъ Тютчева моей женѣ, и это должно остаться между нами. Излишняя осторожность въ такомъ случаѣ—дѣло совсѣмъ нелишнее; если бы, сверхъ чаянія, эта 1000 осталась у жены моей цѣла (а жена моя будетъ брать у Некрасова деньги такъ, какъ будто бы у нея этой тысячи не было), она пригодится намъ по возвращеніи моемъ, тѣмъ болѣе, что мы, можетъ быть, тогда же переѣдемъ въ Москву. Утѣшь и успокой меня, докончи и доверши этимъ все, что уже сдѣлалъ ты для меня. Я одинъ, хотя и на чужбинѣ: не хватитъ малости—по-

можетъ Анненковъ; а женщинѣ съ семействомъ—другое дѣло. Вотъ уже недѣли три, какъ жена моя отчаянно больна нервическими припадками. Теперь ей легче, но все еще болѣзнь не прошла, и докторъ ѣздитъ каждый день. Ей угрожало нѣчто хуже смерти. Это можетъ и возобновиться. Бога ради, сдѣлай такъ, какъ я прошу тебя, и въ мое отсутствіе перенеси свою заботливость на мое семейство. Ты такой человѣкъ, на котораго можно положиться больше, чѣмъ на кого-нибудь. За это и терпи въ чужомъ пиру похмелье.

Хотѣлъ бы обо многомъ писать къ тебѣ, да некогда, не до того. Прощай. Обнимаю тебя крѣпко. Всѣмъ нашимъ поклонъ и братское привѣтствіе отъ меня. Кавелина обними за меня. Это сынъ моего сердца, у меня къ нему особенная симпатія, и я знаю, за что онъ меня любитъ, и за что я его люблю. Еще разъ прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Письмо твое (послѣднее) во многихъ отношеніяхъ меня порадовало, особенно на счетъ нетерпимости и терпимости. Писать къ тебѣ буду.

Къ Д. П. Иванову. 5 мая, 1847.

СПБ. 5 мая, 1847.

Любезный Дмитрій, письмо это пойдетъ завтра, получишь ты его въ пятницу, когда я буду, если не въ Берлинѣ, то въ Штетинѣ. Увѣдомь нашихъ о моей поѣздкѣ за границу, предпринятой мною, какъ послѣднее средство къ избавленію отъ чахотки, которая еще не развилась, но уже началась во мнѣ. На Страстной недѣлѣ у меня умеръ сынъ, котораго я любилъ страстно. Это меня сильно расшатало, а я и безъ того былъ плохъ. Мнѣ наконецъ выхлопотали свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, изъ канцеляріи оберъ-священника армій и флота. Скажу тебѣ еще новость о себѣ: по невозможности съ моимъ здоровьемъ переносить петербургскій климатъ, я съ семействомъ переѣзжаю на житье въ Москву. Когда именно—не знаю; но если не удастся тотчасъ же по возвращеніи изъ за границы, по первому зимнему пути, то употреблю всѣ средства, чтобы уже не застать въ Питерѣ его страшной весны (которая едва ли не хуже его осени)

и махнуть въ Москву по послѣднему зимнему пути. Обо всемъ этомъ увѣдомь нашихъ родныхъ и передай имъ мой родственный и дружественный поклонъ и привѣтъ и желаніе всякихъ имъ благъ. Самъ я писать не могу, ибо въ послѣднее время даже для журнала не могъ работать, ни записки написать. А теперь хоть чувствую себя и лучше, но хлопотъ бездна, и насилу нацарапалъ тебѣ это письмо. Сегодня въ 4 часа пополудни отправляюсь въ Кронштадтъ, тамъ пересаживаюсь на большой пароходъ—и въ путь.

Кланяюсь Леонорѣ Яковлевнѣ отъ себя и отъ жены моей, которая и тебѣ кланяется. Затѣмъ, мысленно обнимая тебя и Алешу и цѣлуя дѣтей твоихъ, остаюсь

твой В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Бѣлинской. 10 мая, 1847.

Берлинъ, 10|22 мая 1847.

Пишу къ тебѣ въ комнатѣ Тургенева въ татарскомъ халатѣ, chère Marie. Какъ можешь видѣть изъ этихъ строкъ, я не только живъ, даже здоровъ, сколько позволено мнѣ быть здоровымъ. Лучше всего тутъ то, что мнѣ не стало хуже послѣ того, что̀ я вытерпѣлъ въ дорогѣ. Хотя во время переѣзда въ Кронштадтъ качки вовсе не было, однако у меня такъ кружилась голова, и даже нѣсколько тошнило, что я сидѣлъ, какъ мертвый. Когда я увидѣлъ себя въ зеркалѣ, я ужаснулся моей страшной блѣдности. На кронштадтскомъ пароходѣ пассажировъ было, какъ сельдей въ бочкѣ, поворотиться негдѣ было, а пройтись и думать нельзя,—сиди на одномъ мѣстѣ, да и только. На «Владимірѣ» еще стало тѣснѣе. Наконецъ, провожающіе удалились, остались одни отъѣзжающіе, а все тѣснота страшная. Всѣ бросились ѣсть, а я и думать объ этомъ не смѣлъ—меня бы вырвало. Только въ 9 часовъ вечера я могъ ужинать, и дурнота моя совершенно прошла. Бродя на палубѣ, я увидѣлъ, что, положивъ калоши въ чемоданъ, мы сдѣлали еще не самую большую глупость, а большая глупость въ томъ, что я не купилъ теплыхъ сапогъ. Если я не расплатился за это страшною бѣдою, это уже особенная милость ко мнѣ судьбы. Въ тепломъ пальто и въ шубѣ мнѣ было еще не совсѣмъ по себѣ на палубѣ, а въ каютѣ я шубу снималъ.

Вечеромъ я какъ-то заснулъ на палубѣ, проснулся въ 3 часа, покашлялъ съ полчаса, походилъ, чтобы отогрѣть несчастныя ноги, потомъ опять заснулъ до 6-ти часовъ. Снялись мы съ якоря въ часъ ночи, съ понедѣльника на вторникъ. Поутру часовъ въ 7 попались мы въ льды и часовъ 5 плыли верстъ 5. Позавтракалъ, и заснулъ на палубѣ. Вдругъ слышу надъ собою голосъ Побѣдоносцева: качка. Качка была небольшая, продолжалась сутки. Меня два раза вырвало, въ середу поутру—слизями, мокротою, потому что сутки, какъ я не ѣлъ. Была потомъ опять качка, но боковая, и меня уже не тошнило. Сильно качало на рѣчномъ суднѣ при переѣздѣ изъ Свинемюнде въ Штетинъ. Утро было сумрачное, съ дождемъ. Въ Штетинъ мы прибыли часа въ четыре въ пятницу, а въ 9 по желѣзной дорогѣ прибыли въ Берлинъ. Мое незнаніе нѣмецкаго языка надѣлало мнѣ много хлопотъ и комическихъ несчастій. Кое-какъ нашелъ Тургенева, который очень былъ мнѣ радъ. Спалъ раздѣтый, сегодня умылся и освѣжился. Письмо это написалъ больше для того, чтобы не оставить тебя такъ долго въ неизвѣстности о моемъ положеніи и отъ тебя скорѣе получить письмо. Подробности оставляю до другого письма. Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ, а Ольгѣ кланяюсь.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Бѣлинской. 24 мая, 1847.

Зальцбруннъ, 5 іюня—24 мая 1847.

Вотъ я и въ Зальцбруннѣ, и уже началъ мой курсъ. Пріѣхали мы сюда 3 іюня, по вашему 22 мая; на другой же день были у доктора Цемплина. Это благообразный старикъ, внушающій къ себѣ довѣріе. Дочитавъ въ исторіи моей болѣзни до имени Тильмана, онъ припрыгнулъ отъ удовольствія на стулѣ. Лучше всего то, что онъ сказалъ Тургеневу, что по моему виду ручается за мое выздоровленіе; а хуже всего то, что онъ лишилъ меня кофею, замѣнивъ его теплымъ молокомъ, потомъ запретилъ наѣдаться досыта и велѣлъ меньше ѣсть говядины. Въ тотъ же день, по его предписанію, началъ я мой курсъ. Въ 5 часовъ послѣ обѣда отправился я на колодезь и выпилъ, черезъ $^1/_4$ часа, два полустакана теплой сыворотки, которая дѣлается изъ козьяго

молока и очень пріятна на вкусъ. На другой день (т.-е. вчера) поутру, проснувшись въ 5 часовъ, выпилъ я чашку ослинаго молока, послѣ чего, умывшись и одѣвшись, отправился на колодезь. Тамъ выпилъ стаканъ смѣси — $^2/_3$ сыворотки и $^1/_3$ Зальцбрунна, а походивши полчаса, повторилъ то же, а черезъ полчаса пошелъ домой завтракать. Вчера меня слабило 5 разъ, просто несло, какъ изъ утки. Докторъ сказалъ сегодня, что это хорошо, и велѣлъ прибавить третью порцію. Обѣдаютъ здѣсь въ половинѣ перваго часа или въ часъ—не позже. Кормятъ недурно и дешево; за 12 билетовъ я заплатилъ 4 талера, стало быть, обѣдъ обходится въ десять серебряныхъ грошей, что̀ составляетъ ровно 30 коп. сер. на наши деньги. Однако этотъ обѣдъ хорошъ, пока его ѣшь, а послѣ отъ него чувствуется изжога, почему мы и хотимъ слѣдующіе 12 билетовъ взять въ другой гостинницѣ, гдѣ подороже (12 билетовъ стоятъ 5 талеровъ), да зато безъ отравленія, въ чемъ мы удостовѣрились, поужинавъ вчера тамъ. Квартира у насъ недурная—двѣ опрятныя комнаты съ необходимою мебелью. За каждую изъ нихъ платимъ мы 10 талеровъ, т.-е. 31 руб. съ полтиною асс. на наши деньги, да за постель съ бѣльемъ 15 серебр. грошей, т.-е. $157^1/_2$ коп. асс. на наши деньги. Все это очень дешево. Квартира наша въ нижнемъ этажѣ и недалеко отъ ключа. Здоровье мое въ порядочномъ состояніи, по крайней мѣрѣ, я чувствую себя лучше, чѣмъ въ Питерѣ, и почти не принималъ лѣкарства. А между тѣмъ, погода здѣсь мерзѣйшая, не лучше вашей. Но теперь я перескажу въ порядкѣ, что̀ упомню, всю исторію моего вояжа. Описывать подробно плаванія на пароходѣ не стану, потому что я уже и писалъ тебѣ объ этомъ, да и почти забылъ все это теперь. Однако кое-что скажу, въ добавленіе уже сказанному. Когда я почувствовалъ качку, и мнѣ было не въ мочь, я, шатаясь, какъ пьяный, сошелъ въ каюту и тамъ почувствовалъ такое презрѣніе къ жизни, что извергнулъ на полъ весь мой завтракъ; а затѣмъ, не раздѣваясь, забился въ мою койку, въ которой не то, чтобъ спалъ, а дремалъ часовъ до 2-хъ слѣдующаго дня. Я не ѣлъ сутки, кромѣ того, что меня рвало—стало быть, въ желудкѣ моемъ чувствовалась пустота страшная. Въ перемежкахъ отъ головокруженія качки, мнѣ хотѣлось ѣсть—и я съѣлъ два ломтя хлѣба, который былъ у меня въ дорожномъ мѣшкѣ. Затѣмъ велѣлъ я подать себѣ двѣ порціи ветчины съ горчицею и уксусомъ: это меня поправило. Часамъ къ 5-ти вечера качка кончилась, и я за ужиномъ страшно жралъ.

Пароходъ «Владиміръ» внутри убранъ великолѣпно, но удобства никакого, и тѣснота страшная. За столъ въ шубѣ сѣсть нельзя— и тѣсно и жарко, а положить ее некуда. Я понялъ, какъ корабли набиваютъ неграми торгующіе этимъ товаромъ. Буфетъ снабженъ гадко. Пива нѣтъ, квасу, кислыхъ щей—тоже, былъ limonade gazeuse, да и тотъ вышелъ весь на другой же день; а вода воняетъ смолою, и пить ее не было никакой возможности. Что же пить? вино! Это расчетъ со стороны буфетчика, потому что за бутылку плохого Chateau Langurant онъ бралъ 150 к. серебромъ вмѣсто 150 к. асс. Разумѣется, я вина не пилъ для утоленія жажды; но съ ветчиною выпилъ рюмку хересу; потомъ, когда началась новая качка—другую; но на этотъ разъ меня не рвало и почти не тошнило, хотя голова и ходила кругомъ. Я уже писалъ тебѣ, что въ Свинемюнде мы пересѣли въ судно, которое буксировалъ рѣчной пароходъ въ Штетинъ. Тутъ мы вытерпѣли порядочную боковую качку, но никого не рвало, и я могъ даже ѣсть. Вмѣсто бифштекса, котораго я спросилъ, мнѣ подали небольшой кусокъ битой говядины, въ которомъ вкусу не было ни капли, а перцу была пропасть; отъ этого кушанья меня мучила изжога до той минуты, когда я заснулъ ночью въ Берлинѣ. Въ Свинемюнде деревья давно уже распустились, и сирени были въ полномъ цвѣту. Въ Штетинъ плыли мы часовъ 5; у пристани Побѣдоносцевъ сказалъ мнѣ, что черезъ полчаса пойдетъ въ Берлинъ поѣздъ по желѣзной дорогѣ. Какъ тутъ быть? Опоздать не хочется—оставаться въ Штетинѣ незачѣмъ, а распорядиться безъ нѣмецкаго языка нельзя. Какой-то дюжій малый, по указанію моего пальца, схватилъ мой чемоданъ и потащилъ его, какъ перышко. Въ тепломъ пальто и шубѣ, съ тяжелымъ сакомъ въ рукѣ, побѣжалъ я за нимъ, да еще въ гору. Кричу ему: chemin de fer; онъ что-то рычитъ мнѣ въ отвѣтъ и летитъ дальше. Я изнемогъ, думаю, что уже умираю; останавливаюсь; къ счастью и дуракъ мой остановился отдохнуть и, видя, какъ я тяжело дышу, взялъ у меня сакъ. Пошли дальше, и скоро очутились у большой отели. Швейцаръ бросился ко мнѣ съ вопросомъ: M-r veut la chambre?—я ему кое-какъ объяснилъ, что мнѣ нужно. Онъ помогъ мнѣ расплатиться съ носильщикомъ, позвалъ мнѣ извозчика и велѣлъ ему везти меня на желѣзную дорогу. Я благодарилъ его чуть не со слезами на глазахъ: вѣдь спасъ, просто спасъ! Пріѣхали на станцію желѣзной дороги. Вынувъ кошелекъ и раскрывъ его, я сказалъ кучеру:

nehmen sie! Но онъ подвелъ меня къ окну, гдѣ раздавались билеты, давая знать, что я могу опоздать. Кое-какъ я управился, и то потому, что столкнулся съ Побѣдоносцевымъ. Чемоданъ заклеймили и отнесли; наконецъ, и я поѣхалъ. Въ Берлинъ прибыли часовъ въ 9 вечера. По выходѣ изъ вагона, я снова пропадаю; но вдругъ слышу обращенный ко мнѣ на чистомъ русскомъ языкѣ вопросъ: много ли изъ Петербурга прибыло пассажировъ? Это былъ трактирный слуга. Я объяснилъ ему затруднительность моего положенія, и онъ взялся распорядиться. Отыскавъ кого слѣдуетъ, онъ переговорилъ съ нимъ, чтобъ мой чемоданъ былъ доставленъ ко мнѣ на квартиру; взявши дрожки, мы отправились съ нимъ въ улицу Behrensstrasse № 9, на квартиру Тургенева. Проводникъ мой метался, какъ угорѣлый, бѣгалъ по высокимъ лѣстницамъ, наконецъ, нашелъ. Тургенева не было дома, однако хозяйка его пустила меня въ его комнату. Когда я далъ моему проводнику талеръ, онъ чуть не припрыгнулъ до потолка отъ восторга. Ровно черезъ 2 часа пришелъ Тургеневъ; мое внезапное появленіе видимо обрадовало его. Все это меня успокоило, и я почувствовалъ себя въ пристани: со мною была моя нянька. Проживъ въ Берлинѣ довольно скучно три дня, мы рѣшились съѣздить въ Дрезденъ, а оттуда дня на три прогуляться по саксонской Швейцаріи, такъ какъ погода все еще была свѣжа, и къ водамъ торопиться было нечего. О Берлинѣ распространяться не буду: городъ довольно скучный. Хуже всего въ немъ вода: вонючая, мерзкая, которою невозможно даже полоскать ротъ и которою противно умываться. Я было принялся за пиво, но скоро увидалъ, что надо быть нѣмцемъ, чтобы каждый день пить эту мерзость, и замѣнилъ искусственною сельтерскою водою. Тиргартенъ—огромный садъ, тѣнистый и красивый. Въ это время цвѣли прекрасныя каштановыя деревья. Во вторникъ 13/25 отправились мы по желѣзной дорогѣ изъ Берлина въ Дрезденъ, и переночевали въ Лейпцигѣ. Мнѣ такъ хотѣлось спать, что я не пошелъ посмотрѣть на Лейпцигъ, хотя было всего часовъ 9 или 10. Часовъ въ 11 утра на другой день мы были въ Дрезденѣ. Городъ старый, оригинальный. Пошли ходить; погода была скверная: свѣтло, ясно, но тепла всего было 13 градусовъ въ тѣни, и при этомъ пронзительно холодный вѣтеръ. Въ тепломъ пальто мнѣ было холодновато. Въ тотъ же вечеръ Тургеневъ утащилъ меня въ оперу; давали «Гугенотовъ», пѣла madame Віардо.

На другой день погода была прекрасная, мы ѣздили за городъ, и мнѣ было весело. На третій пошли въ галлерею. Тургеневъ все поджидалъ M-me Віардо, на что я сердился; Тургеневъ мнѣ представлялъ, что Віардо знаетъ толкъ въ картинахъ и покажетъ намъ все лучшее, а я говорилъ, что не хочу сводить знакомства, когда не на чемъ объясняться, кромѣ развѣ, какъ на пальцахъ; но Тургеневъ успокоилъ меня, сказавъ, что я пойду за нимъ и никого знать не буду. Но Віардо упредили насъ; входимъ въ одну залу, они прямо намъ на встрѣчу,—и Тургеневъ представилъ меня имъ. Но, какъ дѣло обошлось однимъ нѣмымъ поклономъ съ обѣихъ сторонъ, я ничего. На другой день опять пошли. Все шло хорошо, какъ вдругъ, уже въ послѣдней залѣ, M-me Віардо, быстро обратившись ко мнѣ, сказала: лучше ли вы себя чувствуете? Я такъ потерялся, что ничего не понялъ, она повторила, я еще больше смѣшался; тогда она начала говорить по-русски очень смѣшно, и сама хохотала. Тутъ я, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло, и подлѣйшимъ французскимъ языкомъ, какимъ не говорятъ и лошади, отвѣчалъ ей, что мнѣ лучше. Но и этимъ не кончилось дѣло. Віардо жили въ одной съ нами гостинницѣ. Когда мы дошли до нея, г-жа Віардо пригласила меня въ свой концертъ. Дѣлать нечего, я сказалъ, что буду,—и она прислала мнѣ билетъ, за который отказалась взять деньги, говоря, что она меня пригласила въ свой концертъ. Послѣ концерта Тургеневъ тащилъ было меня къ ней, чтобы поблагодарить, какъ оно бы и слѣдовало; но я уперся, какъ быкъ— и не пошелъ. На другой день они должны были уѣхать; но мы еще раньше уѣхали въ саксонскую Швейцарію. Утро было прекрасное и обѣщало жаркій день; но часамъ къ десяти погода начала портиться, и день былъ ни то ни се. Я ходилъ пѣшкомъ, ѣздилъ верхомъ, носили меня на носилкахъ, только на ослахъ не ѣздилъ; видѣлъ чудную природу, прекрасныя и грандіозныя мѣстоположенія; видѣлъ на скалахъ, по берегу Эльбы, развалины разбойничьяго рыцарскаго замка, неприступнаго, какъ орлиное гнѣздо, видѣлъ развалины одного изъ тайныхъ судилищъ, столь знаменитыхъ и страшныхъ въ средніе вѣка. Но все это скоро надоѣло мнѣ. У меня ужасная способность скоро привыкать къ новости. И потому мнѣ въ тотъ же день показалось, что я лѣтъ сто сряду видѣлъ всѣ эти дива дивныя, и они давно мнѣ наскучили, какъ горькая рѣдька. Погода не мѣшала, а способствовала такому настроенію моего духа,—и мы рѣшили завтра же во-

ротиться въ Дрезденъ, чтобъ оттуда не медля ѣхать въ Зальцбруннъ, который манилъ меня, какъ мѣсто осѣдлаго на шесть недѣль пребыванія. Воротились въ Перну, гдѣ и ночевали. На другой день съѣздили посмотрѣть одно дѣйствительно удивительное мѣстоположеніе; а потомъ съѣздили въ крѣпость Кенигштейнъ. Это, по неприступности, третья крѣпость въ мірѣ, съ Гибралтаромъ и Свеаборгомъ. Она стоитъ на площади высокой, круглой горы, оканчивающейся отвѣсными скалами. Но меня все это уже не занимало, а только утомляло; день былъ полумрачный и холодный, а со мной не было теплаго пальто. Къ счастію, съ Тургеневымъ было пальто, которое я надѣлъ на мое бѣлое пальто, и мнѣ стало сносно. Часовъ въ 6 воротились мы въ Дрезденъ, а на другой день, въ 4 часа, по желѣзной дорогѣ, пустились въ Бреслау. Желѣзная дорога верстъ на 30 прерывается шоссе. Ночевали въ какомъ-то городкѣ; а на другой день были часовъ въ 11 въ Бреслау. Въ исторіи моей болѣзни Тильманъ упоминаетъ «о романтическихъ окрестностяхъ Зальцбрунна, которыя невольно влекутъ чувствительное сердце къ наслажденію природою». Этихъ окрестностей я не замѣчалъ на дорогѣ изъ Бреслау до Фрейбурга, но отъ Фрейбурга до Зальцбрунна мы ѣхали на лошадяхъ и уже все въ гору, и вдали рисовалась полукружіемъ цѣпь горъ. Но погода—мерзость, хоть шубу надѣвай. Гулять не хочется, да и негдѣ: всюду нивы, а по нескошенному лугу ходить нельзя—штрафъ сдерутъ: вотъ тебѣ и «романтическія окрестности, невольно влекущія чувствительное сердце къ наслажденію природой»! Тѣснота страшная, всюду люди, и буквально негдѣ на дворъ сходить человѣку. А между тѣмъ, мѣстоположенія, дѣйствительно, манятъ къ прогулкѣ.

Вообще, изъ моего пока еще краткаго пребыванія за границею я извлекъ глубокое убѣжденіе, что я вовсе не путешественникъ, и что въ другой разъ меня и калачомъ не выманишь изъ дому. Еще другое дѣло съ семействомъ; а одному—слуга покорный! Мнѣ становится страшно; это я испытываю вотъ уже въ другой разъ. Пріѣхавъ въ Зальцбруннъ, я началъ выкладывать чемоданъ, а мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ грустно, что хоть и плакать. Въ глазахъ мерещились всѣ вы, а въ ушахъ все раздавалось: Висаленъ Глиголичъ. Но какъ мнѣ тяжело было все сегодняшнее утро (6/18 воскресенье; письмо это пойдетъ на почту завтра)! Погода была все это время холодная, вѣтреная, но свѣтлая, ясная, а сегодня небо мрачно, кромѣ холода и вѣтра. Я вовсе

раскисъ и изнемогъ душевно, вспомнилось и то и другое, насилу отчитался «Мертвыми Душами». Чувствую, что пока не получу отъ тебя добраго письма, не буду спокоенъ, и жизнь мнѣ будетъ тяжела. А какое еще письмо получу я отъ тебя, и отъ тебя ли еще получу я его?.. Нѣтъ, впередъ ни за спасеніе жизни не уѣду вдаль отъ семейства. Я не гожусь въ путешественники еще и по слабости моего здоровья; вставай, ложись, ѣшь безъ порядку, когда можно, а не когда хочешь. Еслибъ не желаніе основательнѣе вылѣчиться, я въ августѣ махнулъ бы домой, не жалѣя, что не видалъ того и этого.

Докторъ велѣлъ мнѣ въ 8 часовъ вечера быть въ комнатѣ, несмотря ни на какую погоду, а въ $9^1/_2$ быть въ постели. Должно быть, отъ холодной погоды, на меня все это время напала спячка—сидѣть я не могу, ходить много тоже, а чуть прилягу—и засну. Въ сутки сплю я отъ 12 до 14 часовъ.

Анненковъ пріѣдетъ къ намъ въ Зальцбруннъ $\frac{10\text{ іюня}}{29\text{ мая}}$. Мы получили отъ него письмо. Іюня 4 онъ выѣзжаетъ изъ Парижа. Съ Кудрявцевымъ я надѣюсь скоро увидѣться, и вѣроятно и ты скоро увидишь его.

Прощай, chère Marie, желаю тебѣ всего добраго и хорошаго такъ же искренно и горячо, какъ желаю его самому себѣ. Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ.

Твой В. Б.

Адресъ мой: Salzbrunn in Schlesien bei Freiburg.

Скажи Некрасову, что онъ нелѣпо сдѣлалъ, что не послалъ со мною Тургеневу 5-й № «Современника». Онъ для насъ погибъ, потому что не жить же намъ было для него вѣкъ въ Берлинѣ. Тургеневъ этимъ очень огорчился. Скажи Некрасову же, что, по словамъ Тургенева, романъ Фильдинга «Томъ Джонсъ» можно смѣло переводить и печатать; а гетевскаго романа «Средства» не совѣтуетъ переводить. Кланяйся отъ меня всѣмъ нашимъ. Письмо это посылаю нефранкированное, на имя конторы, въ предположеніи, что, можетъ быть, тебѣ удалось сдать квартиру.

Къ М. В. Бѣлинской. 29 мая, 1847.

Зальцбрунн. $\frac{10\ іюня}{29\ мая}$ 1847.

Вчера получилъ я твое письмо, ma chère Marie, и оно нельзя сказать, чтобы очень успокоило меня. Ты все еще больна, и, кажется, хуже, чѣмъ была при мнѣ, судя по 24 пьявкамъ. Я знаю, что Тильманъ до пьявокъ и всякаго кровопусканія не охотникъ, и если прибѣгаетъ къ нему, то въ трудныхъ случаяхъ. Вообще, письмо твое дышитъ отчаяніемъ, которое, въ свою очередь, производитъ во мнѣ отчаяніе. Когда же будетъ этому конецъ? Или ни твоей болѣзни, ни этой погодѣ конца не будетъ? Вотъ и здѣсь—нѣтъ тепла, да и только. Вчера день было разгулялся и потеплѣлъ, такъ что въ 7 часовъ вечера парило тепломъ, чего еще ни разу не было; но съ 9 пошелъ дождь, шелъ всю ночь и идетъ теперь; сыро и холодно, а на душѣ тяжело. Слухи о нашемъ пароходѣ, которые, не знаю зачѣмъ, поспѣшила сообщить тебѣ, больной, страждущей женщинѣ, М. А. Комарова, не имѣютъ никакого основанія, и ты вовсе понапрасну страдала отъ нихъ. Льды заставили насъ напрасно потерять часовъ пять—вотъ и все; толчка же не было ни одного, ни большого, ни малаго. Качка была, но легкая; можетъ быть, я всѣхъ болѣе страдалъ отъ нея, но и меня вырвало только разъ въ цѣлыя сутки. Такія ли бываютъ качки! Замертво никто не лежалъ; даже не всѣхъ рвало. Ни одной брызги не перелетѣло черезъ бортъ на палубу. Такъ вотъ отъ чего ты страдала: ровно ни отъ чего, или совершенно отъ ничего. Насчетъ лѣкарствъ и рецептовъ Тильмана, Бога ради, не безпокойся: они всегда со мною были и въ дорогѣ—лѣкарства въ мѣшкѣ, рецепты въ бумажникѣ. А теперь, когда я основался на осѣдлое житье, нечего и говорить объ этомъ. Что касается до того, что Ольгѣ необходимъ воздухъ,—это новая причина къ немедленному переселенію въ Москву. Купанье же въ Ревелѣ, въ свое время, будетъ хорошее, потому что послѣ этихъ неестественныхъ холодовъ, жары будутъ смертельные. И ты хорошо бы сдѣлала, еслибъ отправилась въ Ревель тотчасъ, какъ почувствуешь себя крѣпче, а на квартиру слѣдуетъ, должно плюнуть, чортъ съ нею. А поѣздки твоей въ Штетинъ и того, что ты хочешь гоняться за мною, я нисколько не боюсь и не боялся; а напротивъ, вчера же мечталъ

о томъ, какъ бы хорошо было, еслибъ какимъ-нибудь счастливымъ случаемъ ты могла очутиться не въ Штетинѣ, а въ Зальцбруннѣ. Коли пришлось къ слову, скажу на всякій случай: подумай, спишись съ Боткинымъ насчетъ 1.000 рублей, да переговори съ Некрасовымъ, сама или черезъ Тютчева, сколько онъ можетъ дать тебѣ; и если все это устроится хорошо и скоро, то поѣзжай съ Ольгой и Агриппиной на воды, которыя укажетъ тебѣ Тильманъ. Вѣдь дорого ѣздить безпрестанно, а жить на одномъ мѣстѣ, да еще на водахъ, ужасно дешево. Подумай.

О моемъ здоровьѣ пока не могу сказать тебѣ ничего. Извѣстно, что первую недѣлю больнымъ отъ всякихъ водъ бываетъ хуже. Я пилъ, съ нынѣшнимъ днемъ, всего семь дней, и дѣйствительно въ первые дни чувствовалъ себя нехорошо; кашля не было и ничего особеннаго, а было тяжело, особенно въ прошлое воскресенье. Какъ почувствую перемѣну, тотчасъ извѣщу тебя. А о Зальцбруннѣ разсказываютъ чудеса. Вотъ что говорилъ Тургеневу одинъ нѣмецъ: «Я, — говорилъ онъ, — прошлаго года съ величайшимъ трудомъ переходилъ въ другую комнату (на судно), харкалъ кровью и кусками легкихъ; меня послали сюда (прошлаго же года), и вотъ видите — я хожу, взбѣгаю на лѣстницы, говорю, пою. Когда я воротился, пославшіе меня доктора не вѣрили глазамъ своимъ, и теперь я, по ихъ предписанію, повторяю курсъ и на слѣдующій годъ опять повторю, для совершеннаго выздоровленія». Это мнѣ подаетъ сильную надежду. Впрочемъ, я здѣсь изъ самыхъ здоровыхъ больныхъ; много такихъ, на которыхъ страшно смотрѣть, а вѣдь надѣются же на выздоровленіе. Вообще, мое положеніе кажется мнѣ гораздо надежнѣе твоего, которое тревожитъ меня и во снѣ и на яву (это не фраза, а правда).

Теперь я пью по 4 стакана, $^2/_3$ сыворотки и $^1/_3$ воды; съ завтра буду пить по 5 стакановъ, сыворотку пополамъ съ водою. Сначала меня начало было нести, но теперь слабитъ разъ въ день, въ одно время.

Бѣдный Бееръ! Жаль мнѣ его. Нельзя ли ему доѣхать живымъ до Зальцбрунна: можетъ быть, здѣсь онъ ожилъ бы. Или уже Тильманъ и этого не считаетъ для него возможнымъ?

А насчетъ поѣздки за границу подумай. Вѣдь еще не поздно. Сентябрь и октябрь и безъ того здѣсь всегда хороши, а нынѣшній годъ должны быть превосходны. Время, стало быть, еще не ушло. Ей Богу, подумай.

Я уже писалъ о моемъ адресѣ, но вотъ еще для большей точности:

Salzbrunn in Schlesien, bei Freiburg.

Пиши ко мнѣ чаще, но не принуждай себя: пусть будетъ твоихъ строкъ пятокъ, а остальное Агриппина можетъ написать отъ тебя. А то изъ твоего письма, т.-е. изъ его почерка, видно, что ты себя принуждала. Это напрасно. Затѣмъ, прощай, мой другъ. Выздоравливай непремѣнно, если хочешь, чтобъ я выздоровѣлъ, и живи непремѣнно, если хочешь, чтобъ я жилъ. Съ тоскою и ужасомъ жду дальнѣйшихъ извѣстій о твоемъ здоровьѣ. Обнимаю тебя и всѣхъ васъ трехъ и остаюсь твой

В. Б.

Кланяюсь всѣмъ нашимъ. Скажи Панаеву или Некрасову, чтобъ высылали къ намъ 6 и 7 №№ въ Зальцбруннъ.

Сегодня ждемъ къ себѣ Анненкова.

Къ М. В. Бѣлинской. 16 іюня, 1847.

Іюня 16/28, понедѣльникъ. 1847.

Въ прошлый вторникъ получилъ я твое первое письмо и, не безъ основанія думая, что ты будешь немедленно отвѣчать мнѣ на второе мое письмо, посланное дня черезъ три послѣ перваго, — рѣшился отвѣчать тебѣ уже на оба твои письма. По моему расчету, второе письмо твое должно было притти ко мнѣ въ прошлый четвергъ, но оно пришло только въ субботу, и то вечеромъ. Еще дня за три до полученія перваго письма твоего, я получилъ письмо отъ Тютчева, которое вывело меня изъ невыносимо тяжелаго состоянія духа извѣстіемъ о томъ, что тебѣ лучше. А то мнѣ все чувствовался запахъ ладану, и мерещились попы и гробы, и я, въ моей безнадежности, утѣшалъ себя только этою безнадежностью, потому что безумная надежда не оставляла меня до самой смерти Володи. Видно, приходитъ моя старость, и я становлюсь до того бабою, что меня пугаютъ даже сны, самые глупые и нелѣпые. Видѣлъ я разъ во снѣ, будто я женюсь—на комъ бы ты думала?—на А. П. Тютчевой; а почему, не знаю, потому что ни о твоей смерти, ни о смерти Тютчева никакой мысли не представлялось, какъ будто ни тебя, ни Тют-

чева и не существовало на свѣтѣ. Смѣшно сказать, а этотъ сонъ немножко встревожилъ меня. Но письмо Тютчева успокоило меня, и я началъ дышать легче и свободнѣе. А тутъ подоспѣло еще и твое письмо. Конечно, твое положеніе и теперь нисколько не радостно, но все-таки надежда не даромъ смѣнила во мнѣ отчаяніе. Теперь я буду говорить тебѣ о себѣ. Я начинаю чувствовать себя лучше и надѣяться, что Зальцбруннъ мнѣ, дѣйствительно, поможетъ. Кашля почти нѣтъ, а бываетъ вмѣсто него легкое удушье, по вечерамъ преимущественно, и тутъ, когда я стараюсь отхаркаться, еще порядочно стучитъ въ голову; но за то я чувствую себя крѣпче и начинаю безъ задыханья взбираться даже на горы, разумѣется, ползкомъ, съ чувствомъ, толкомъ, разстановкой. Въ сравненіи съ тѣмъ, какъ я былъ въ Питерѣ, я чувствую себя въ этомъ отношеніи богатыремъ. А передъ этимъ мнѣ было тяжело; я чувствовалъ себя слабымъ, и спазматическое дыханіе сильно меня мучило, даже и по утрамъ. А было мнѣ хуже, между другими причинами, и отъ воды (Зальцбрунна), потому что ея дѣйствіе, какъ и всѣхъ водъ, сначала проявляется усиленіемъ болѣзни, отъ которой лѣчишься. Но въ слѣдующій четвергъ (19/31) исполнится четыре недѣли, какъ я пью воды, стало быть, пора быть лучше. Лѣто тутъ не играетъ никакой роли, потому что до сихъ поръ у насъ, въ Силезіи, лѣта нѣтъ, и мы наслаждаемся преотвратительною осеннею погодою. Ни одного не было хорошаго дня; были утра, вечера, полдни прекрасные даже, но дня хорошаго не было ни одного. Вдругъ прекрасное утро — тепло, ясно, въ полдень даже жарко, а часовъ въ пять хоть шубу надѣвай отъ холода. Вдругъ, послѣ холоднаго, вѣтреннаго, дождливаго утра, сносный полдень и прекрасный вечеръ: тепло, солнце заходитъ ясно, тихо — ну, погода установилась, вѣдь и барометръ поднялся, завтра будетъ прекрасное утро; просыпаешься—мрачно, холодно, унылый шумъ вѣтра и падающаго дождя. Я ужъ и не жду хорошей погоды — надоѣло обманывать себя. Никто въ Зальцбруннѣ не запомнитъ такого мая и такого іюня: это что-то чудовищное для страны, въ которой растутъ каштаны, платаны, тополи, бѣлая и розовая акація, boules de neige, клематиты, розовыя деревья аршина въ четыре вышиною и т. п. Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ къ тебѣ: сегодня ждемъ Анненкова. Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ вечеромъ этого дня (10-го іюня, 29-го мая); вечеръ былъ не дуренъ, но съ утра слѣдующаго дня пошелъ проливной дождь,

лилъ онъ пятницу, субботу, а въ воскресенье, съ проливнымъ дождемъ, стало такъ холодно, что мы потому только не топили печей, что въ нашемъ Маріенгофѣ (такъ называется домъ, гдѣ мы живемъ) ихъ не имѣется (изъ чего не заключи, что нашъ домъ похожъ на петербургскія дачи со щелями—онъ каменный, окна сдѣланы, какъ слѣдуетъ). Къ довершенію нашего веселаго положенія, когда я дрожалъ отъ холоду въ зимнемъ пальто, надѣтомъ на лѣтнее, и мечталъ объ оставленной въ Берлинѣ шубѣ, часовъ около семи вечера съ Тургеневымъ начался припадокъ, которымъ онъ теперь страдаетъ аккуратно два раза въ годъ. У него дѣлаются судороги въ груди, онъ раздираетъ себѣ руки, плечи, грудь щетками до крови, третъ эти мѣста одеколономъ и облѣпляетъ горчичниками. Припадокъ продолжался часовъ до 6-ти утра, и я ночью раза два просыпался отъ его стоновъ, хотя онъ отъ нихъ и воздерживался съ удивительною твердостью. На другой день погода поправилась, а во вторникъ мы было уже подумали, что настало лѣто; но не тутъ-то было: холодовъ такихъ уже не было, но дождя и осенней прохлады до сихъ поръ—ѣшь, не хочу! Воображаю, что дѣлается у васъ въ Питерѣ!

Дѣйствіе водъ обнаруживается у меня преимущественно въ желудкѣ — пученіемъ, спазмами и такими вѣтрами, какихъ у меня еще никогда не бывало. Теперь меня опять начало чистить— непремѣнно 2 раза въ день, иногда 3, несетъ слизями. Языкъ у меня чистъ, а на лицо я со дня на день становлюсь здоровѣе, какъ говорятъ всѣ — и докторъ, и мои компаньоны. Совѣту твоему я послѣдую и спрошу Цемплина насчетъ Эмса; только я долженъ сказать тебѣ, что довѣріе наше къ этому эскулапу сильно поколебалось: это, кажется, обыкновенный докторъ, какіе бываютъ на всѣхъ водахъ въ мірѣ. Онъ долго держитъ въ своей рукѣ руку паціента, нѣжно смотритъ ему въ глаза, но путнаго отъ него ничего не услышишь. Онъ получаетъ, говорятъ, 50.000 руб. годового дохода; у него въ Зальцбруннѣ нѣсколько домовъ и дачъ, заведеніе сыворотки принадлежитъ ему, а за сыворотку каждый больной платитъ талеръ въ недѣлю; вѣроятно, поэтому онъ заставилъ употреблять сыворотку и Тургенева, у котораго грудь нисколько не болитъ. Чахоточный нѣмецъ, съ которымъ говорилъ Тургеневъ, сказывалъ ему, что у иныхъ больныхъ дѣйствіе водъ оказывается гораздо послѣ лѣченія. Прошлый сезонъ былъ здѣсь одинъ слабогрудый, которому воды нисколько не помогли; такъ онъ и уѣхалъ съ этимъ убѣжде-

ніемъ. Но зимою, и особенно въ масленицу, когда онъ больше всего страдалъ грудью, онъ, къ удивленію своему, чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, и на нынѣшній сезонъ не пріѣхалъ въ Зальцбруннъ, какъ предполагалъ въ прошломъ году. Впрочемъ, если бы Зальцбруннъ мнѣ не помогъ, сверхъ чаянія, у меня есть еще средство едва ли не лучше Эмса. Въ Парижѣ, гдѣ столько знаменитыхъ спеціальныхъ врачей, одинъ дѣлаетъ чудеса по части чахотки. Это мнѣ сказывалъ Анненковъ, — и вотъ доказательство, что это не слухи, которые часто бываютъ обманчивы. Л. П. Языкова поѣхала за границу умирать отъ чахотки. Анненковъ сталъ ходить къ ней тотчасъ по ея пріѣздѣ въ Парижъ и самъ видѣлъ, что отъ перехода изъ одной комнаты въ другую она падала въ обморокъ отъ изнеможенія. Она обратилась къ этому доктору,—и теперь отправилась въ Россію даже безъ одышки, почти совсѣмъ здоровая. А она еще будетъ опять у него пользоваться, потому что въ августѣ опять ѣдетъ въ Парижъ. Все это произошло на глазахъ у Анненкова. Тильманъ, конечно, правъ, говоря, что я долженъ быть, какъ можно больше, на чистомъ воздухѣ; я такъ и дѣлаю, когда нѣтъ дождя, что бываетъ не весьма часто. Ну, довольно обо мнѣ. Теперь надо отвѣчать на твое письмо.

Изъ твоихъ писемъ замѣтно, что нашего переселенія въ Москву ты не считаешь необходимымъ, и мнѣ немножко досадно, что ты на этотъ счетъ не выразилась прямѣе и положительнѣе. Я бы объ этомъ подумалъ и поразмыслилъ. Такое дѣло одному рѣшить нельзя, и безъ обоюднаго согласія кончать его не слѣдуетъ. И потому прошу тебя объ этомъ написать ко мнѣ поподробнѣе и обстоятельнѣе; а я сейчасъ же скажу тебѣ мои резоны. Въ Москвѣ климатъ лучше. Разъ: тамъ нѣтъ сырости; потомъ, когда тамъ лѣтомъ стоитъ хорошая погода, то въ одиннадцать часовъ вечера захлебываешься волнами теплаго воздуха, чего въ Питерѣ не бываетъ: тамъ и въ хорошую лѣтнюю погоду въ 9 часовъ вечера уже берегись. Это, воля твоя, разница, и притомъ большая, и важно не для одного меня, но и для Оли. Отъ комнатной жизни освободиться нельзя, а гулять часъ-другой ежедневно можно и въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ. Потомъ, въ Москвѣ жить много дешевле: это—обстоятельство, важное для насъ. Подумай обо всемъ этомъ и напиши мнѣ. А съ Некрасовымъ мнѣ переписываться на этотъ разъ нечего: на этотъ счетъ у насъ съ нимъ переговорено и порѣшено. Что ты

сдала квартиру, меня это радуетъ; а что ты не поѣхала сейчасъ же въ Москву, потому что, по болѣзни, едва двигаешься,—нечего и говорить, что это хорошо, а не дурно. Изъ этого уже логически слѣдуетъ, что ты хорошо сдѣлаешь, переѣхавши на дачу. Ты проживешь на ней, можетъ быть, недѣль десять, т. е. тебя съ нея прогонятъ не холода и дожди, а ранніе и прохладные вечера, ибо надо ожидать осени удивительной, какая только бываетъ на югѣ. Я помню въ Питерѣ одну почти такую осень, когда почти до конца октября стояла погода сухая и ясная, безъ дождей. По возвращеніи же съ дачи ѣхать въ Москву тебѣ не совѣтую. Кромѣ того, что этотъ переѣздъ можетъ еще по какимъ-либо неожиданнымъ обстоятельствамъ затрудниться и отсрочиться,—во всякомъ случаѣ, лучше переѣзжать всѣмъ вмѣстѣ. А то я пріѣду въ Питеръ, и принужденъ буду прожить въ немъ долѣе, чѣмъ предполагалъ; а этого я не хочу. Разумѣется, квартиру не надо нанимать тамъ, куда Тильманъ не ѣздитъ вовсе; но забиваться и въ его сторону не слѣдуетъ. Къ Некрасову можно и ближе и дальше, какъ случится. Квартиру, на всякій случай, нанимать надо такую, чтобъ и зиму можно было на ней прожить. Я бы желалъ переѣхать въ Москву тотчасъ по возвращеніи въ Питеръ; но вѣдь это еще какъ удастся.

Что касается моего совѣта тебѣ—ѣхать за границу,—я не удивляюсь, что Тютчевъ пожалъ плечами: когда я получилъ его письмо и нѣсколько успокоился насчетъ твоего положенія, то и самъ пожалъ плечами, вспомнивъ, какую дичь напоролъ я тебѣ въ письмѣ.

Что же ты во второмъ письмѣ ничего не говоришь о Марьѣ Александровнѣ? Увѣдомь о Кронебергѣ, которому передай мой поклонъ, если увидишь его. Бѣдный Бееръ! Думалъ ли я тогда, что говорю съ человѣкомъ, уже отмѣченнымъ рукою смерти! Но еще больше жаль бѣдную Наталью Андреевну. Ей теперь ничего не остается, какъ поскорѣе умереть. Жаль, что не знаешь ея адреса и не можешь навѣстить ее. Напиши мнѣ, раздѣлалась ли ты съ кухаркою, у тебя ли еще Егоръ. Хочу знать даже о здоровьѣ Малки. Зачѣмъ Олѣ соленыя ванны? Вѣдь она здорова и весела, какъ ты пишешь? Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя извѣстія, сдала ли ты квартиру.

Вотъ тутъ и гуляй; сегодня поутру пасмурно и холодно. Съ закрытыми окнами немножко душно, а открыть—руки коченѣютъ, и писать нельзя. Пошли обѣдать, насъ встрѣтилъ дождь, лилъ

часа два. Теперь 6 часовъ вечера, на дворѣ и холодно, и сыро—выйти нельзя—осень да и только.

Прибавлю тебѣ насчетъ Зальцбрунна, что, по устройству и удобствамъ, это самыя дрянныя воды въ Германіи, которая славится, и въ этомъ отношеніи, своими водами. Это оттого, что воды недавно открыты, и все въ нихъ молодо и ново. Хуже всего то, что кормятъ гадко. Мы обѣдаемъ теперь въ лучшемъ трактирѣ (который помѣщается въ зданіи, гдѣ находится и колодезь, и котораго изображеніе помѣщено на первомъ листѣ моего письма), а иногда изжога мучаетъ. Готовятъ все мясное, и то плохо. По причинѣ гнусной погоды мы успѣли сдѣлать только двѣ прогулки въ окрестности, которыя удивительны. Одну—въ замокъ Фюрштенштейнъ, противъ котораго находятся развалины средневѣковаго рыцарскаго замка, какъ можешь сама видѣть на картинкѣ второго листа моего письма. Потомъ ѣздили въ Альтъ-Вассеръ, гдѣ есть соленыя ванны и копи каменнаго угля. Въ оба эти мѣста мы ѣздили, а дня два-три ходили на ферму, верстахъ въ двухъ отъ Зальцбрунна. Тамъ въ горахъ стоитъ большой трехъ-этажный домъ въ швейцарскомъ вкусѣ. Въ первомъ этажѣ кухня и коровій хлѣвъ, а въ хлѣву коровъ десять, величины, красоты и дородства неописаннаго, и съ ними быкъ англійской породы, толстый, жирный и длины непомѣрной. Зовутъ его Гамлетомъ. Рыло глупое и доброе, мы кормили его изъ рукъ травою. Всѣ эти звѣри съ желѣзными цѣпями на шеяхъ. А что за молоко! Святители! Если будетъ хорошая погода, каждый день буду ходить туда полдничать. Хорошо у нихъ и масло, только они солятъ его черезчуръ. Большой стаканъ молока пополамъ со сливками стоитъ зильбергрошъ (3 коп. сер.). На другой день по полученіи твоего второго письма получили мы два № «Современника»: для меня это было радостью къ радости.

Я теперь пью шесть стакановъ, немножко меньше полустакана сыворотки, остальное вода. Эта смѣсь непріятна. Кажется, я и кончу смѣсью, потому что Цемплинъ и слышать не хочетъ, чтобы я пилъ воду безъ сыворотки. А послѣобѣденное питье сыворотки, съ его рѣшенія, давно уже оставлено, потому что отъ него у меня усилился кашель, вѣроятно, отъ того, что сыворотка теплая, чуть не горячая, а погода-то все прохладная.

У насъ почти еще нѣтъ мухъ, и начали онѣ появляться не больше, какъ съ недѣлю.

Курсъ мой долженъ кончиться 4/16 іюля: ты этого не забывай

и сдѣлай такъ, чтобы я послѣднее письмо твое въ Зальцбруннѣ получилъ не позже 5/17 іюля.

Ольгѣ Виссаріоновнѣ въ прошлую пятницу исполнилось два года, и она все развивается, до того, что знаетъ твое и свое имя—браво! А меня, вѣрно, забыла, измѣнница!

Ну, вотъ я, какъ видишь, и спокоенъ насчетъ твоего положенія, даже веселъ; но это мнѣ не помѣшаетъ опять захандрить, если долго не получу отъ тебя письма. Теперь твой чередъ успокоиться насчетъ моего положенія. Желаю тебѣ всего хорошаго, цѣлую и обнимаю всѣхъ васъ, тебя, Ольгу и Агриппину. Тургеневъ и Анненковъ вамъ всѣмъ кланяются. Письмо это пойдетъ на почту завтра.

Къ М. В. Бѣлинской. 25 іюня, 1847.

7 іюля|25 іюня.

Спасибо тебѣ, chère Marie, за твое послѣднее письмо. Оно очень обрадовало меня, и потому, что я не ожидалъ его, и потому, что оно исполнено пріятныхъ вѣстей. Итакъ, ты раздѣлалась, наконецъ, съ квартирою, ты на дачѣ, гдѣ можно имѣть и Тильмана, а главное—тебѣ лучше. Мнѣ почти не о чемъ писать къ тебѣ, но, чтобы ты не была въ безпокойствѣ насчетъ моего долгаго молчанія, пишу какъ-нибудь и что-нибудь. Я знаю, что ты ожидала съ большимъ нетерпѣніемъ и, можетъ быть, безпокойствомъ моего письма (которое получила въ число, выставленное на этомъ письмѣ). Я, дѣйствительно, позапоздалъ съ своимъ отвѣтомъ; но это не отъ лѣни, не отъ невнимательности. Кромѣ того, что, какъ я уже писалъ тебѣ объ этомъ, я поджидалъ твоего второго письма, чтобы разомъ отвѣчать на оба,— тутъ была еще и другая, болѣе важная причина: мнѣ хотѣлось сказать тебѣ что-нибудь положительное о моемъ здоровьѣ,—и потому я ждалъ и медлилъ. А на этотъ счетъ я и теперь не могу сказать тебѣ ничего опредѣленнаго и положительнаго, ни въ хорошемъ, ни въ худомъ отношеніи. Съ одной стороны, мое здоровье плохо, ибо одышка, судорожное дыханіе и стукотня въ голову, не позволяющая откашливаться, мучатъ меня почти такъ же, какъ мучили въ Петербургѣ. Въ этомъ отношеніи, мнѣ въ Зальцбруннѣ гораздо хуже, нежели было въ Берлинѣ и Дрезденѣ. Съ другой стороны, я чувствую себя крѣпче не только того,

какъ я былъ въ Петербургѣ, но и чуть ли не крѣпче того, какъ я чувствовалъ себя въ прошлое лѣто, во время поѣздки (а я тогда чувствовалъ себя очень недурно). Языкъ мой чистъ, какъ у человѣка, совершенно здороваго, хотя я пользуюсь преподлѣйшимъ столомъ: это, явно, дѣйствіе водъ. Аппетитъ и сонъ у меня совершенно въ порядкѣ. И потому, другъ мой, ты не спѣши приходить въ волненіе отъ состоянія моего здоровья: вопросъ о немъ довольно запутанъ, и его можетъ рѣшить только время. Тутъ можетъ быть много причинъ. На иныхъ Зальцбруннъ дѣйствуетъ заднимъ числомъ, какъ я уже писалъ тебѣ объ этомъ. Дурное состояніе моей груди можетъ происходить отъ дѣйствія воды, и въ такомъ случаѣ это хорошо, а не дурно. Можетъ оно также происходить отъ дурной погоды и скверной пищи. А пока у насъ—вотъ еще въ первый разъ, какъ третій день сряду нѣтъ дождя. Съ прошлаго воскресенья (4 іюля) стало ясно, но вѣтрено и холодно, вчера опять ясно, но немного теплѣе, а сегодня (это письмо пишется во вторникъ, 6 іюля) ни облачка на небѣ и тепло, почти какъ лѣтомъ. А до сихъ поръ — осень, осень и осень, да еще какая—петербургская. Мнѣ остается скучать въ Зальцбруннѣ ровно девять дней, и въ четвергъ (15/3 іюля) послѣдній день моего водопитія. Въ этотъ же день мы и выѣзжаемъ, расплатившись и устроивши чемоданы въ середу. Съ Цемплинымъ рѣшительно ни о чемъ не хочу совѣтоваться. Это шарлатанъ и каналья. Тургеневъ говоритъ ему о моемъ удушьѣ, а онъ отвѣчаетъ: «Да, я это понимаю, это бываетъ, это отъ воды, но это пройдетъ». Скажи, пожалуйста, еслибъ я, вмѣсто доктора, посовѣтовался съ тобой, могла ли бы ты дать мнѣ отвѣтъ болѣе неопредѣленный и пустой? Есть тутъ и другой докторишка подъ командой Цемплина, но этотъ, кромѣ всего другого, еще и страшно глупъ. Оба они находятся во всеобщемъ презрѣніи у своихъ паціентовъ, которые обращаются къ нимъ не въ чаяніи помощи, а такъ, для успокоенія совѣсти.

Изъ Зальцбрунна мы ѣдемъ, черезъ Дрезденъ, во Франкфуртъ, побываемъ на Рейнѣ, взглянемъ на замѣчательнѣйшіе города Бельгіи, да и въ Парижъ. До Парижа пройдетъ недѣля, можетъ быть, полторы. Если въ это время я не почувствую значительнаго облегченія, сейчасъ же, по пріѣздѣ въ Парижъ, обращусь къ знаменитому Тира де Мальморъ. Есть слухи, что великій князь Михаилъ Павловичъ приглашаетъ его въ Петербургъ для великой княжны. Изъ этого можешь видѣть, какъ великъ авто-

ритетъ Тира де Мальмора въ дѣлѣ лѣченія легочныхъ болѣзней. Анненковъ говоритъ, что онъ рѣшительно не вѣритъ неизлѣчимости чахотки и творитъ чудеса. Онъ даетъ больнымъ какую-то водицу, которая разбиваетъ мокроту, даетъ больнымъ возможность легко отхаркиваться и быстро очищаетъ легкія. Можетъ быть, мнѣ придется пожить у него въ его Maison de santé, въ Елисейскихъ поляхъ. Изъ этого видишь, что меня въ Парижъ влекутъ не удовольствія, и что можетъ быть, что Парижъ будетъ для меня тѣмъ же Зальцбрунномъ. Это будетъ зависѣть отъ того, въ какомъ состояніи Тира де Мальморъ найдетъ мои легкія. Кланяйся отъ меня Тильману, но о моемъ намѣреніи лѣчиться у Тира де Мальморъ пока не говори ему. Можно будетъ сказать ему послѣ, представивъ дѣло такъ, что въ Парижѣ мнѣ стало хуже, и я поневолѣ обратился къ Тира де Мальморъ.

Вотъ думалъ, что нечего и не о чемъ писать, а, между тѣмъ, дѣло дошло и до второго листка. Твое предостереженіе насчетъ покупки холста приму къ свѣдѣнію и поступлю сообразно съ нимъ: если разница въ цѣнѣ будетъ большая, то сошью себѣ бѣлье, а если пустая — отложу на неопредѣленное время. Хотя морское путешествіе мнѣ и менѣе вредно, нежели сухопутное, но скорѣе умру, чѣмъ поѣду моремъ, особенно осенью. До сихъ поръ отъ ѣзды въ коляскѣ у меня кружится голова, а я выдержалъ на морѣ самую легкую качку. Тургеневъ и Анненковъ захохотали, когда я имъ сказалъ, что ты спрашиваешь меня, почему я не пишу тебѣ о зальцбруннскихъ окрестностяхъ. Судя по нынѣшнему дню, кажется, погода лѣтняя устанавливается, и эту послѣднюю недѣлю можно будетъ поѣздить по окрестностямъ, не нуждаясь въ шубахъ. Я привезу тебѣ раскрашенныя картинки замѣчательнѣйшихъ окрестностей Зальцбрунна, которыя, дѣйствительно, очаровательны. Анненковъ сперва пилъ за обѣдомъ по полбутылкѣ (то рейнвейна, то шампанскаго, то другихъ винъ), а теперь нашелъ, что для его здоровья полезнѣе пить по цѣлой бутылкѣ. Однако, онъ не очень здоровъ и частенько терпитъ отъ приливовъ крови къ головѣ. Онъ, видишь, созданъ такъ, что долженъ держаться режима, діаметрально противоположнаго моему. Онъ можетъ быть здоровъ только въ шумномъ городѣ, гдѣ нельзя ложиться спать раньше двухъ часовъ ночи. Ему необходимо истощать свое здоровье, чтобы быть здоровымъ. Радъ ли я ему былъ — объ этомъ нечего и спрашивать. Съ Тургеневымъ я безпрестанно бранюсь, потому что для моего здоровья

необходимо кого-нибудь бранить. А впрочемъ, мы живемъ хорошо и пока еще другъ другу не надоѣли. Ольга не забыла слова: «Володя?» Каково же? Хорошо еще, что это слово для нея не болѣе, какъ слово, звукъ пустой. По всему видно, что къ моему пріѣзду она крѣпко перемѣнится. Меня очень порадовали подробности, которыя ты сообщаешь мнѣ о ней, и я желалъ бы и впредь находить ихъ въ твоихъ письмахъ. Пиши о ней всякій вздоръ, вѣдь ребенокъ вздоромъ-то и милъ, и дорогъ.

Что за нищета въ Силезіи! Ужасъ! Нищихъ здѣсь больше, чѣмъ у насъ взяточниковъ. Нѣмцы — народъ добродушный, но тупой и безвкусный. Они мнѣ порядочно надоѣли.

Кланяйся отъ меня всѣмъ нашимъ знакомымъ. Некрасовъ, вѣроятно, давно уже воротился изъ Москвы; проси его и Панаева писать ко мнѣ о всевозможныхъ литературныхъ новостяхъ, слухахъ и сплетняхъ: это для меня будетъ невыразимымъ лакомствомъ. Что М. А. Комарова? Обнимаю всѣхъ васъ.

В. Б.

Письмо это идетъ сегодня (7-го), а бумаги еще много. Кстати: я вспомнилъ, что Тургеневъ носитъ на шеѣ красную шерстинку (шерстяную нитку, которой шьютъ по канвѣ) для предохраненія себя отъ горловыхъ простудъ. Не знаю, вѣрно ли это средство, но онъ увѣряетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ носитъ эту вещь, ни разу не простужался. Анненковъ очень расположенъ къ простудамъ этого рода, и у него начинало болѣть горло, но онъ надѣлъ, по совѣту Тургенева, шерстинку, и простуда прошла. Можетъ быть, это и не отъ того, но во всякомъ случаѣ, я думаю, ты не дурно бы сдѣлала, еслибъ надѣла Олѣ на шею ожерелье изъ цвѣтной берлинской шерсти, которое она приметъ за украшеніе.

Теперь уже пиши въ Парижъ на мое имя, poste restante.

Погода опять портится—утро было чудное, въ 5 часовъ было тепло, а въ $5^1/_2$—жарко, а вотъ теперь (10 ч.) сбираются тучи, и, кажется, быть бурѣ. Лишь бы не сдѣлалось холодно, а то ничего. Я чувствую, что холодная погода губитъ меня. Ну, прощай еще разъ. Обнимаю тебя.

Къ Н. В. Гоголю. 3 іюля, 1847.

Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка: этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ, дѣйствительно, не совсѣмъ лестнымъ, отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось въ немъ, но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства: нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своей страною, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я не видали самаго большого числа, и которые въ свою очередь тоже никогда не видали васъ. Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши, и нелитературные—Чичиковы, Ноздревы, городничіе... и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны. Вы видите сами, что отъ вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа съ ея духомъ. Если бы она и была написана вслѣдствіе глубокаго, искренняго убѣжденія, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатлѣніе. И если ее приняли всѣ (за исключеніемъ немногихъ людей, которыхъ надо видѣть и знать, чтобы не обрадоваться ихъ одобренію) за хитрую, но черезчуръ нецеремонную продѣлку для достиженія небеснымъ путемъ чисто земной цѣли, — въ этомъ виноваты только вы. И это нисколько не удивительно, а удиви-

тельно то, что вы находите это удивительнымъ. Я думаю, это оттого, что вы глубоко знаете Россію только, какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ вашей фантастической книгѣ. И это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что столько уже лѣтъ привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего прекраснаго далека; а вѣдь извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ издалека видѣть предметы такими, какими намъ хочется ихъ видѣть; потому, что въ этомъ прекрасномъ далекѣ вы живете совершенно чуждымъ ему, въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ, — права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе. А вмѣсто этого, она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ не человѣкъ; страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей! Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами, и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими и безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута трехвостною плетью.

Вотъ вопросы, которыми тревожно занята вся Россія въ ея апатическомъ снѣ! И въ это-то время великій писатель, который

своими дивно-художественными, глубоко-истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ—является съ книгою, въ которой во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше... И это не должно было привести меня въ негодованіе...? Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки... И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги! Нѣтъ! если бы вы дѣйствительно преисполнились истиною Христовою, а не дьяволова ученія—совсѣмъ не то написали бы въ вашей новой книгѣ. Вы сказали бы помѣщику, что, такъ какъ его крестьяне—его братья о Христѣ, а какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать имъ свободу, или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться ихъ трудами, какъ можно выгоднѣе для нихъ, сознавая себя, въ глубинѣ своей совѣсти, въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ.

А выраженіе: «Ахъ ты, неумытое рыло!» Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, сами себя не считаютъ за людей? А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго нашли вы въ глупой поговоркѣ, что должно пороть и праваго и виноватаго? Да, это и такъ у насъ дѣлается въ частую, хотя еще чаще всего порютъ только праваго, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія, и другая поговорка говоритъ тогда: безъ вины виноватъ! И такая-то книга могла быть результатомъ труднаго внутренняго процесса, высокаго духовнаго просвѣтлѣнія! Не можетъ быть! Или вы больны—и вамъ надо лѣчиться, или... не смѣю досказать моей мысли!.. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ — что вы дѣлаете! Взгляните себѣ подъ ноги,—вѣдь вы стоите надъ бездною... Что вы подобное ученіе опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачѣмъ вы примѣшали тутъ? Что вы нашли общаго между нимъ и какою-нибудь, а тѣмъ болѣе православною церковью? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и брат-

ства и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія. И оно только до тѣхъ поръ и было спасеніемъ людей, пока не организовалось въ церковь и не приняло за основаніе принципа ортодоксіи. Церковь же явилась іерархіей, стало быть, поборницей неравенства, льстецомъ власти, врагомъ и гонительницею братства между людьми,—чѣмъ продолжаетъ быть и до сихъ поръ. Но смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой-нибудь Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно, болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти его и кость отъ костей его, нежели всѣ ваши попы, архіереи, митрополиты, патріархи! Неужели вы этого не знаете! Вѣдь это теперь не новость для всякаго гимназиста... А потому, неужели вы, авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», неужели вы искренно, отъ души, пропѣли гимнъ гнусному русскому духовенству, поставивъ его неизмѣримо выше духовенства католическаго? Положимъ, вы не знаете, что второе когда-то было чѣмъ-то, между тѣмъ какъ первое никогда ничѣмъ не было, кромѣ какъ слугою и рабомъ свѣтской власти; но неужели же въ самомъ дѣлѣ вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщемъ презрѣніи у русскаго общества и русскаго народа? Про кого русскій народъ разсказываетъ похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Не есть ли попъ на Руси для всѣхъ русскихъ представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, безстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно! По вашему, русскій народъ самый религіозный въ мірѣ: ложь! Основа религіозности есть піэтизмъ, благоговѣніе, страхъ Божій. А русскій человѣкъ произноситъ имя Божіе, почесывая себѣ... Онъ говоритъ объ образѣ: годится—молиться, а не годится—горшки покрывать.

Приглядитесь попристальнѣе, и вы увидите, что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности. Суевѣріе проходитъ съ успѣхами цивилизаціи, но религіозность часто уживается съ ними; живой примѣръ Франція, гдѣ и теперь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными, и гдѣ многіе, отложившись отъ христіанства, все еще упорно стоятъ за какого-то Бога. Русскій народъ не таковъ; мистическая экзальтація не въ его натурѣ; у него слишкомъ много для этого здраваго смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-

то, можетъ быть, огромность историческихъ судебъ его въ будущемъ. Религіозность не прививалась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отдѣльныхъ исключительныхъ личностей, отличавшихся такою холодною аскетической созерцательностью, ничего не доказываютъ. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическимъ педантствомъ да дикимъ невѣжествомъ. Его грѣхъ обвинить въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ, его скорѣе можно похвалить за образцовый индиферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Религіозность проявилась у насъ только въ раскольническихъ сектахъ, столь противоположныхъ, по духу своему, массѣ народа и столь ничтожныхъ передъ нею числительно.

Не буду распространяться о вашемъ дифирамбѣ любовной связи русскаго народа съ его владыками. Скажу прямо: этотъ дифирамбъ ни въ комъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія и уронилъ васъ въ глазахъ даже людей, въ другихъ отношеніяхъ очень близкихъ къ вамъ по ихъ направленію. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совѣсти упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да—и выгодно), только продолжайте благоразумно созерцать его изъ вашего прекраснаго далека: вблизи-то оно не такъ прекрасно и не такъ безопасно... Замѣчу только одно: когда европейцемъ, особенно католикомъ, овладѣваетъ религіозный духъ, онъ дѣлается обличителемъ неправой власти, подобно еврейскимъ пророкамъ, обличавшимъ беззаконія сильныхъ земли. У насъ же наоборотъ: постигаетъ человѣка (даже порядочнаго) болѣзнь, извѣстная у врачей-психіатровъ подъ именемъ religiosa mania, онъ тотчасъ же земному богу подкуритъ болѣе, нежели небесному, да еще такъ хватитъ черезъ край, что тотъ и хотѣлъ бы его наградить за рабское усердіе, да видитъ, что этимъ окомпрометировалъ бы себя въ глазахъ общества... Бестія нашъ братъ, русскій человѣкъ!..

Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да проститъ васъ вашъ византійскій богъ за эту византійскую мысль, если только, передавши ее бумагѣ, вы не знали, что говорили... Но, можетъ быть, вы скажете: «Положимъ, что я заблуждался, и всѣ мои мысли ложны, но почему же отнимаютъ у меня право заблуждаться и не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій?» Потому, отвѣчаю я вамъ, что по-

добное направленіе въ Россіи давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполнѣ исчерпано Бурачкомъ съ братіею. Конечно, въ вашей книгѣ болѣе ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ; но зато они развили общее имъ съ вами ученіе съ большей энергіей и съ большей послѣдовательностью, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ, все отдали византійскому богу, ничего не оставили сатанѣ; тогда какъ вы, желая поставить по свѣчкѣ и тому и другому, впали въ противорѣчіе, отстаивали, напримѣръ, Пушкина, литературу и театры, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но много могутъ служить къ ея погибели... Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя съ Бурачкомъ? Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искренности подобныхъ убѣжденій. Что кажется естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ геніальномъ человѣкѣ. Нѣкоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственнаго разстройства, близкаго къ положительному сумасшествію. Но они скоро отступились отъ такого заключенія—ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а, можетъ быть, годъ, два или три; въ ней есть связь; сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ предержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну наслѣдника. Еще прежде въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ о Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете неудовольствіе своими прежними произведеніями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочиненіями, когда ими будетъ доволенъ царь. Теперь судите сами, можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики, и какъ писателя, и еще болѣе, какъ человѣка?

Вы, сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, но, сдавленныя тяжелымъ гнетомъ, не находя исхода, производятъ только унынie, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ, не-

смотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почтенно, почему у насъ такъ легокъ литературный успѣхъ даже при маленькомъ талантѣ. Титло поэта, званіе литератора у насъ давно уже затмило мишуру эполетъ и разноцвѣтныхъ мундировъ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое, такъ называемое, либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта, и почему такъ скоро падаетъ популярность великихъ талантовъ, искренно или неискренно отдающихъ себя въ услуженіе православію, самодержавію и народности. Разительный примѣръ Пушкинъ, которому стоило написать только два-три вѣрноподданническихъ стихотворенія и надѣть камеръ-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви! И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ, вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ» вы менѣе рѣзко, съ меньшею истиною и талантомъ и менѣе горькія правды высказали ей? И старая школа, дѣйствительно, сердилась на васъ до бѣшенства, но «Ревизоръ» и «Мертвыя Души» отъ того не пали, тогда какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ русскаго самодержавія, православія и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя еще въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутья, и это же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги!..

Не безъ нѣкотораго чувства самодовольствія скажу вамъ, что мнѣ кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного вліянія на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся въ Петербургѣ слухъ, что правительство хочетъ напечатать вашу книгу въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ и продавать ее по самой низкой цѣнѣ,—мои друзья пріуныли; но я тогда же сказалъ имъ, что, несмотря ни на что, книга не будетъ имѣть успѣха, и о ней скоро забудутъ. И дѣйствительно, она памятнѣе теперь

всѣми статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русскаго человѣка глубокъ, хотя и не развитъ еще, инстинктъ истины.

Ваше обращеніе, пожалуй, могло быть и искренно, но мысль — довести о немъ до свѣдѣнія публики—была самая несчастная. Времена наивнаго благочестія давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимаетъ, что молиться вездѣ все равно, и что въ Іерусалимѣ ищутъ Христа только люди, или никогда не носившіе его въ груди своей, или потерявшіе его. Кто способенъ страдать при видѣ чужого страданія, кому тяжко зрѣлище угнетенія чуждыхъ ему людей,—тотъ носитъ Христа въ груди своей, и тому незачѣмъ ходить пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Смиреніе, проповѣдуемое вами, во первыхъ, не ново, а во вторыхъ, отзывается, съ одной стороны, страшною гордостью, а съ другой—самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ, можетъ быть плодомъ или гордости или слабоумія и въ обоихъ случаяхъ ведетъ неизбѣжно къ лицемѣрію, ханжеству, китаизму. И при этомъ въ вашей книгѣ вы позволили себѣ цинически-грязно выражаться не только о другихъ (это было бы только невѣжливо), но и о самомъ себѣ—это уже гадко; потому что, если человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, то человѣкъ, бьющій самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены; вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени. Не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнію смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги!

И что за языкъ, что за фразы?—«Дрянь и тряпка сталъ теперь всякъ человѣкъ»,—неужели вы думаете, что сказать всякъ вмѣсто всякій—значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что, когда человѣкъ весь отдается лжи, его оставляетъ умъ и талантъ. Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, кто бы подумалъ, что эта надутая и неопрятная шумиха словъ и фразъ—произведеніе автора «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ».

Что же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошиблись, сочтя мою статью выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Если бы только это разсердило меня, я только объ этомъ и отозвался бы съ досадою, а обо всемъ остальномъ выразился бы спокойно, безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ по-

читателяхъ вдвойнѣ не хорошъ. Я понимаю необходимость щелкнуть иногда глупца, который своими похвалами, своимъ восторгомъ ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но и эта необходимость тяжела, потому что какъ-то по человѣчески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей, если не съ отличнымъ умомъ, то все же не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали, быть можетъ, гораздо больше восклицаній, нежели сколько высказали о нихъ дѣла; но все же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго и благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ головою общимъ ихъ и вашимъ врагамъ, да еще вдобавокъ обвинить ихъ въ намѣреніи дать какой-то превратный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы, конечно, сдѣлали это по увлеченію главной мыслью вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземскій, этотъ князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ, развилъ вашу мысль и напечаталъ на вашихъ почитателей (стало быть, на меня всѣхъ болѣе) частный доносъ. Онъ это сдѣлалъ, вѣроятно, въ благодарность вамъ за то, что вы его, плохого риѳмоплета, произвели въ великіе поэты, кажется, сколько я помню, за его «вялый, влачащійся по землѣ стихъ». Все это нехорошо. А что вы ожидали только времени, когда вамъ можно будетъ отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ), этого я не зналъ; не могъ, да, признаться, и не хотѣлъ бы знать. Передо мной была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ ее и перечитывалъ сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если бы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ, хотя и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоній, имѣя въ виду одну правду. Живя въ Россіи, я не могъ бы этого сдѣлать, ибо тамошніе «Шпекины» распечатываютъ чужія письма не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу службы, ради доносовъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ начинающаяся чахотка прогнала меня за границу, и Некрасовъ переслалъ мнѣ ваше письмо въ Зальцбруннъ, откуда я сегодня же ѣду съ Анненковымъ въ Парижъ, черезъ Франкфуртъ на Майнѣ. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ воз-

можность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить вполовину, не умѣю хитрить; это не въ моей натурѣ. Пусть вы или само время докажетъ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ. Я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи.

И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастье съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія.

Зальцбруннъ, 15 іюля 1847 года.

Къ М. В. Бѣлинской. 7 іюля, 1847.

Дрезденъ. $^{7}/_{19}$ *іюля, 1847.*

Послѣднее письмо твое отъ 24-го іюня не застало меня въ Зальцбруннѣ, и я получилъ его въ Дрезденѣ. Изъ него увидѣлъ я, какъ надо быть осторожными другъ съ другомъ. Я потому поопоздалъ письмомъ къ тебѣ, что хотѣлъ отвѣчать разомъ на оба письма твои и поджидалъ второго. Это было съ моей стороны непростительно глупо, и я давно уже догадался, что надѣлалъ бѣдъ. Ну, дѣлать нечего. Только, ради Бога, впередъ будь спокойнѣе, если долго не будешь получать отъ меня писемъ. Вѣдь не всегда же можно писать, когда нужно. Что же касается твоихъ опасеній насчетъ не только моего здоровья, но и жизни, то они, слава Богу, до того далеки отъ истины, что твое письмо къ Тургеневу даже разсмѣшило насъ противоположностью твоихъ страховъ съ моимъ состояніемъ. Противъ того, какимъ я чувствовалъ себя, выѣзжая изъ Питера, я теперь чувствую себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ, хотя кашель, удушье и головная боль и остались еще при мнѣ. Но нѣсколько теплыхъ дней (особенно послѣдніе два дня въ Дрезденѣ) даютъ мнѣ надежду, что хорошая

погода докончитъ дѣло зальцбруннской воды. Только два дня теплыхъ,—и я уже откашливаюсь, стукотня въ голову сдѣлалась гораздо сноснѣе, а припадки удушья рѣже. Но главное,—я сталъ несравненно крѣпче тѣломъ и бодрѣе духомъ. Сплю и ѣмъ, какъ нельзя лучше.

Я теперь въ Дрезденѣ съ Анненковымъ, а Тургеневъ улетѣлъ отъ насъ въ Лондонъ; впрочемъ, въ Парижѣ мы съ нимъ съѣдемся. Изъ Зальцбрунна мы выѣхали 3/15 іюля, въ четвергъ. Въ послѣдній разъ всталъ я въ 5 часовъ утра, проглотилъ насильно чашку ослинаго молока, въ послѣдній разъ пошелъ на водопой и насильно проглотилъ 6 стакановъ. Пришелъ домой—и сейчасъ укладываться. Въ 12 часовъ выѣхали. Въ Дрезденѣ мы остановились по слѣдующимъ причинамъ: Анненковъ давно не былъ въ Галлереѣ, а я—шить бѣлье. Ты очень кстати упомянула въ одномъ изъ твоихъ писемъ объ этомъ предметѣ. Я какъ-то сказалъ Анненкову, что думаю сдѣлать себѣ бѣлья въ Парижѣ.—«Зачѣмъ же въ Парижѣ?» — «Да гдѣ же? Вѣдь тамъ оно дешево». — «Дешевле, чѣмъ въ Россіи, и дороже, чѣмъ гдѣ-нибудь».—«Такъ гдѣ же надо шить бѣлье?»—«Разумѣется, или въ Дрезденѣ, или въ Брюсселѣ; но въ Дрезденѣ всего лучше, и я самъ тамъ шилъ себѣ бѣлье». Дюжину рубахъ взялись мнѣ сшить въ три дня. Принесли намъ кусковъ десять полотна. Цѣны: три, пять и шесть талеровъ за рубашку, съ полотномъ и работою. Мы выбрали голландскаго полотна по 6 талеровъ. Анненковъ говоритъ, что тоньше стыдно и носить бѣлье. Было тутъ саксонское полотно, еще тоньше того голландскаго, которое я выбралъ, цѣна тоже 6 талеровъ; но саксонское далеко уступаетъ въ прочности голландскому. Мы пріѣхали въ Дрезденъ въ пятницу часовъ въ 12 утра, и если сегодня принесутъ мнѣ рубашки, какъ обѣщались, то завтра ѣдемъ изъ Дрездена.

Ты писала, что въ Питерѣ, у Юнкера, штука порядочнаго голландскаго полотна стоитъ 50 руб. сер., да за работу 20, итого 245 асс. Но, во 1-хъ, Анненковъ сильно сомнѣвается, чтобы изъ куска могла выйти дюжина рубахъ; во 2-хъ, мы выбрали себѣ кусокъ не порядочнаго, а превосходнаго голландскаго полотна; а въ 3-хъ, все это мнѣ будетъ стоить не 245, а всего только 200 съ небольшимъ руб. асс. на наши деньги. 12 рубахъ по 6 талеровъ, это составитъ 72 талера, или 234 рубля асс. на наши деньги; да Анненковъ уторговалъ отъ общаго счета 10 талеровъ, почему и вышло всего 62 талера или 201 рубль съ полтиною.

Изъ Дрездена мы ѣдемъ на Веймаръ и Эрфуртъ по желѣзной дорогѣ. Эрфуртомъ желѣзная дорога прекращается, и намъ придется до Франкфурта на Майнѣ ѣхать сутокъ двое съ половиною, а можетъ быть, и трое въ дилижансѣ; зато изъ Франкфурта до самаго Парижа уже ни одной версты не проѣдемъ на лошадяхъ, а все или по желѣзной дорогѣ, или на пароходѣ по Рейну. Черезъ Брюссель поѣдемъ въ Парижъ. Если буду писать къ тебѣ съ дороги, то изъ Брюсселя, и то въ такомъ только случаѣ, если остановимся въ немъ дня на два, на три, иначе писать трудно, потому что дорога утомляетъ людей и покрѣпче меня. И потому, не безпокойся, если послѣ этого письма долго не будешь получать писемъ отъ меня. Можетъ случиться и такъ, что даже по пріѣздѣ въ Парижъ я не тотчасъ напишу къ тебѣ, а отдохнувъ, осмотрѣвшись, а главное, побывавши у Тира де Мальморъ. Тогда я буду въ состояніи написать тебѣ о себѣ что-нибудь положительное.

Знаешь ли, сколько я заплатилъ Цемплину? — Три талера— это такса. Не думай поэтому, чтобы онъ мало получалъ. Въ Зальцбруннъ ежегодно пріѣзжаетъ тысячи три народа. Если половина изъ нихъ заплатитъ ему по три талера, выйдетъ сумма въ 4,500 талеровъ, т.-е. въ 15.000 рублей асс. слишкомъ. Да сверхъ того онъ получаетъ много съ своего заведенія сыворотки, на которомъ еще мошенничаетъ, дѣлая ее изъ коровьяго молока, вмѣсто козьяго. Вообще, я въ Зальцбруннѣ прожилъ, съ квартирою, столомъ, сывороткою, ослинымъ молокомъ, водою, словомъ, всѣмъ, менѣе 250 франковъ. Это страшно дешево.

Письмо твое, другъ мой, немножко пахнетъ сумасшествіемъ. Письмо къ Тургеневу писано 22-го, по случаю неполученія отъ меня писемъ, а послано оно 24-го, когда уже ты получила мое письмо и увѣрилась, что я живъ. Въ отвѣтъ на мое письмо ни полстроки, ни полслова. Видно, что заметалась вовсе. Поэтому, мнѣ было бы крайне пріятно сейчасъ же, по пріѣздѣ въ Парижъ, отправиться на почту, въ отдѣленіе poste restante, и найти тамъ твое письмо, писанное въ спокойномъ духѣ, и съ хорошими извѣстіями о состояніи здоровья и духа всѣхъ васъ.

Послѣднее письмо изъ Зальцбрунна послалъ я къ тебѣ въ середу, 7-го іюля новаго стиля. Тамъ я писалъ, что день портится, но тучи прошли, и день былъ яркій и знойный. Мы поѣхали въ старый замокъ Фюрштенштейнъ,—и я, къ моему удивленію, съ интересомъ осматривалъ его 500-лѣтнія древности,

лазалъ по лѣстницамъ, уставалъ, тяжело дышалъ, но не задыхался и не чувствовалъ боли въ груди. Это отъ теплой погоды. Воротился я, порядочно уставши, съ полчаса покашливалъ въ постели, послѣ чего заснулъ такимъ богатырскимъ сномъ, что не слышалъ и не подозрѣвалъ ужаснѣйшей бури, почти всю ночь свирѣпствовавшей надъ Зальцбрунномъ. Четвергъ былъ опять зноенъ; часа въ два пополудни была буря съ громомъ, молніею, проливнымъ дождемъ и яркимъ солнцемъ вмѣстѣ. Потомъ все стало холоднѣе и холоднѣе. А въ день выѣзда я въ тепломъ пальто чуть не дрожалъ отъ холода. Но по выѣздѣ изъ Бреславля въ вагонѣ было душно, а по пріѣздѣ въ Дрезденъ и въ 10 часовъ вечера тяжело было дышать отъ жару. Предпрошлую ночь я почти всю не спалъ, а нынѣшнюю потому только спалъ, что окно было отворено, и я даже по утру не проснулся отъ свѣжести, покрывшись одной простынею. Однако, сегодня день довольно свѣжій. Прощай, другъ мой. Обнимаю тебя и всѣхъ васъ.

В. Б.

Здравствуй, другъ мой анганга, je t'aime, ma petite, и привезу тебѣ гостинку за то, что ты слушаешься маму.

Твой папаша.

Чуть было не забылъ сказать, что наканунѣ выѣзда изъ Зальцбрунна Анненковъ говорилъ съ Цемплинымъ обо мнѣ, спрашивалъ его о діэтѣ и пр. Цемплинъ между прочимъ сказалъ ему, что, судя по цвѣту лица моего, я сильно поправился противъ того, какъ пріѣхалъ въ Зальцбруннъ. Дѣйствительно, я самъ не надивлюсь теперь здоровому выраженію моего лица.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Коллежскій Секретарь Павелъ Васильевъ, сынъ Анненковъ, у исповѣди и Святого Причастія былъ, симъ свидѣтельствуетъ, что дворянинъ Виссаріонъ Григорьевъ, сынъ Бѣлинскій, не токмо что не преданъ землѣ заживо, какъ у нѣкоторыхъ подозрѣніе оказывается, но и намѣренъ сему воспротивиться всѣми своими силами и съ успѣхомъ, какой истинному старанію и усердію всегда предлежитъ. Мы же, въ отстраненіе всякихъ толковъ, сіе наше свидѣтельство даемъ, сколько для признанія истины, коей всегда были вѣрный слуга, столько и для того, чтобъ персонамъ, духомъ смущеннымъ, оное было не токмо въ успокоеніе, но и въ надежду

лучшаго порядка вещей, какъ изъ существа дѣла начинаетъ уже оказываться, въ увѣреніе чего и подпись нашу съ гербомъ вмѣсто печати прилагаемъ. Іюля 19-го, 1847.

Городъ Дроздъ.

Коллежскій Секретарь и не Кавалеръ Павелъ Васильевъ, сынъ Анненковъ.

Сіе свидѣтельство дано Марьѣ Васильевнѣ Бѣлинской, которой при семъ случаѣ датчикъ поручаетъ себя въ воспоминаніе.

Анненковъ хотѣлъ это свидѣтельство утвердить подписью саксонской палаты депутатовъ, но я увѣрилъ, что можно обойтись даже безъ его гербовой печати, за которою ему надо было лѣзть въ чемоданъ. Кланяйся отъ насъ всѣмъ нашимъ знакомымъ. Одинъ изъ трехъ листковъ послѣдняго моего письма къ тебѣ принадлежитъ Тютчеву, Некрасову и т. д. А ты, въ своемъ письмѣ, ни слова не сказала, что отдала его Языкову.

Къ В. П. Боткину. 7 іюля, 1847.

Дрезденъ. 7/19 іюля 1847.

Здравствуй, дражайшій мой Василій Петровичъ. Насилу-то собрался я писать къ тебѣ. Вотъ уже въ другой разъ я въ этомъ дрянномъ и скучномъ Дрезденѣ. Впрочемъ, это, можетъ быть, и вздоръ (т. е., что Дрезденъ дрянной и скучный городъ, а не то, что я въ немъ вторично—послѣднее обстоятельство не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію). Увы, плѣшивый другъ мой, я ѣздилъ въ Европу только затѣмъ, чтобъ убѣдиться, что я вовсе не для путешествій рожденъ. Былъ я, напр., въ Саксонской Швейцаріи; на минуту меня было заняли эти живописныя мѣста, но скоро мнѣ надоѣли, какъ будто я зналъ и выучилъ ихъ наизустъ давнымъ давно. Скука мой неразлучный спутникъ, и жду не дождусь, когда ворочусь домой. Что за тупой, за пошлый народъ нѣмцы—святители! У нихъ въ жилахъ течетъ не кровь, а густой осадокъ сквернаго напитка, извѣстнаго подъ именемъ пива, которое они лупятъ и наяриваютъ безъ мѣры. Однажды за столомъ былъ у нихъ разговоръ о штендахъ. Одинъ и говоритъ: «я люблю прогрессъ, но прогрессъ умѣренный, да и въ немъ больше люблю умѣренность, чѣмъ прогрессъ». Когда Тур-

геневъ передалъ мнѣ слова этого истаго нѣмца, я чуть не заплакалъ, что не знаю по-нѣмецки и не могу сказать ему: «я люблю супъ, свареный въ горшкѣ, но и тутъ я больше люблю горшокъ, чѣмъ супъ». Этотъ же юный нѣмецъ, желая похвалить одного оратора, сказалъ о немъ: «онъ умѣренно паритъ». Но всего не перескажешь объ этомъ народѣ, скроенномъ изъ остатковъ и обрѣзковъ. Короче: . . . . . ! Въ дѣлѣ сужденія о нѣмцахъ я сдѣлался авторитетомъ для Анненкова и Тургенева: когда нѣмецъ выведетъ ихъ изъ терпѣнія своею тупостію, они говорятъ: «правъ Бѣлинскій»! Что за нищета въ Германіи, особенно въ несчастной Силезіи, которую Фридрихъ Великій считалъ лучшимъ перломъ въ своей коронѣ. Только здѣсь я понялъ ужасное значеніе словъ: пауперизмъ и пролетаріатъ. Въ Россіи эти слова не имѣютъ смысла. Тамъ бываютъ неурожаи и голодъ мѣстами, тамъ есть плантаторы-помѣщики, третирующіе своихъ крестьянъ, какъ негровъ, тамъ есть воры и грабители чиновники; но нѣтъ бѣдности, хотя нѣтъ и богатства. Лѣность и пьянство производятъ тамъ грязь и лохмотья, но это все еще не бѣдность. Бѣдность есть безвыходность изъ вѣчнаго страха голодной смерти. У человѣка здоровыя руки, онъ трудолюбивъ и честенъ, готовъ работать—и для него нѣтъ работы: вотъ бѣдность, вотъ пауперизмъ, вотъ пролетаріатъ! Здѣсь еще счастливъ тотъ, кто можетъ, съ своею собакою и своими малолѣтными дѣтьми, запрячь себя въ телѣгу и босикомъ возить изъ-за Зальцбрунна во Фрейбургъ каменный уголь. Кто же не можетъ найти себѣ мѣста собаки или лошади, тотъ проситъ милостыню. По его лицу, голосу и жестамъ видно, что онъ не нищій по ремеслу, что онъ чувствуетъ весь ужасъ, весь позоръ своего положенія: какъ отказать ему въ зильберъ-грошѣ, а между тѣмъ, какъ же и давать всѣмъ имъ, когда ихъ гораздо больше, нежели сколько у меня въ карманѣ пфениговъ. Страшно!

Былъ я въ дрезденской галлереѣ, и видѣлъ Мадонну Рафаэля. Что за чепуху писали о ней романтики, особенно Жуковскій! По моему, въ ея лицѣ такъ же нѣтъ ничего романтическаго, какъ и классическаго. Это не мать христіанскаго Бога: это аристократическая женщина, дочь царя, idéal sublime du comme il faut. Она глядитъ на насъ не то, чтобы съ презрѣніемъ,—это къ ней не идетъ, она слишкомъ благовоспитанна, чтобы кого-нибудь оскорбить презрѣніемъ, даже людей, она глядитъ на насъ не какъ на каналій: такое слово было грубо и нечисто для ея бла-

городныхъ устъ; нѣтъ: она глядитъ на насъ съ холодною благосклонностію, въ одно и то же время опасаясь и замараться отъ нашихъ взоровъ и огорчить насъ, плебеевъ, отворотившись отъ насъ. Младенецъ, котораго она держитъ на рукахъ, откровеннѣе ея: у ней едва замѣтна горделиво сжатая нижняя губа, а у него весь ротъ дышитъ презрѣніемъ къ намъ, ракаліямъ. Въ глазахъ его виденъ не будущій Богъ любви, мира, прощенія, спасенія, а древній, ветхозавѣтный Богъ гнѣва и ярости, наказанія и кары. Но что за благородство, что за грація кисти! Нельзя наглядѣться! Я невольно вспомнилъ Пушкина: то же благородство, та же грація выраженія, при той же вѣрности и строгости очертаній! Не даромъ Пушкинъ такъ любилъ Рафаэля: онъ родня ему по натурѣ. Понравилась мнѣ сильно картина Микель-Анджело—Леда въ минуту сообщенія съ лебедемъ; не говоря уже о ея тѣлѣ (особенно les fesses), въ лицѣ ея удивительно схвачена мука, смерть наслажденія. Понравилось и еще кое-что, но обо всемъ писать не хочется.

Ѣду въ Парижъ и впередъ знаю, что буду тамъ скучать. Притомъ же, чортъ знаетъ, что мнѣ за счастіе! Въ Питерѣ, передъ зыѣздомъ, я только и слышалъ, что о шайкѣ воровъ съ Тришатнымъ и Добрышинымъ во главѣ; при пріѣздѣ въ Парижъ только и буду слышать, что о ворѣ Тестѣ и другихъ ворахъ, конституціонныхъ министрахъ, только подозрѣваемыхъ, но неуличенныхъ еще воромъ Эмилемъ Жирарденомъ. O, tempora! o, mores! O, XIX вѣкъ! O, Франція—земля позора и униженія! Ея лицо теперь—плевальница для всѣхъ европейскихъ государствъ. Только лѣнивый не бьетъ по щекамъ ее. Недавно была португальская интервенція, а скоро, говорятъ, будетъ швейцарская, которая принесетъ Франціи еще больше чести, нежели первая.

Прочелъ я книгу Луи Блана. Этому человѣку природа не отказала ни въ головѣ, ни въ сердцѣ; но онъ хотѣлъ ихъ увеличить собственными средствами,—и оттого у него, вмѣсто великой головы и великаго сердца, вышла раздутая голова и раздутое сердце. Въ его книгѣ много дѣльнаго и интереснаго: она могла бы быть замѣчательно хорошею книгою; но Блашка умѣлъ сдѣлать изъ нея прескучную и препошлую книгу. Людовикъ XIV, унизилъ, видишь, монархизмъ, эмансипировавши церковь во Франціи отъ Рима! O, лошадь! Буржуази у него еще до сотворенія міра является врагомъ человѣчества и конспирируетъ противъ его благосостоянія, тогда какъ по его же книгѣ выходитъ, что безъ

нея не было бы той революціи, которою онъ такъ восхищается, и что ея успѣхи—ея законное пріобрѣтеніе. Ухъ, какъ глупъ—мочи нѣтъ! Теперь читаю Ламартинишку, и не знаю, почему онъ на одной страницѣ говоритъ умныя и хорошо выраженныя вещи о событіи, а на другой спѣшитъ наболтать глупостей, явно противорѣчащихъ уже сказанному,—потому ли что онъ уменъ только вполовину, или потому, что, надѣясь когда-нибудь попасть въ министры, хочетъ угодить всѣмъ партіямъ. Надоѣли мнѣ эти ракаліи: плачу отъ скуки и досады, а читаю!

Я кончилъ мой курсъ водъ и немного поправился. Но, какъ, говорятъ, вода на многихъ дѣйствуетъ гораздо послѣ того, какъ ее пьютъ, надѣюсь еще больше поправиться. Во всякомъ случаѣ, по пріѣздѣ въ Парижъ, тотчасъ же обращусь къ знаменитому Тира де Мальморъ.

Жена писала ко мнѣ, что Краевскій въ Москвѣ и остановился у тебя. Поздравляю тебя съ новымъ другомъ. Найти на землѣ друга—великое дѣло, какъ объ этомъ не разъ такъ хорошо говорилъ Шиллеръ, особенно друга съ чувствительнымъ сердцемъ, такого, однимъ словомъ, какъ А. А. Краевскій. Говорятъ, дѣла сего кровопійцы, высосавшаго изъ меня остатки моего здоровья, плохи, и его всѣ оставляютъ. Если правда, я радъ, ибо отъ души желаю ему всего сквернаго, всякой пакости. Прощай, Боткинъ. Кланяйся всѣмъ нашимъ — Кавелину, Грановскому, Коршу, Кетчеру, Щепкину и пр. и пр.

В. Б. [1]).

Къ М. В. Бѣлинской. 22—23 іюля, 1847.

Парижъ, 3 августа, н. с., 1847.

Письмо твое отъ $^{3}/_{15}$ іюля, chère Marie, я получилъ въ poste restante, на третій день по пріѣздѣ въ Парижъ. Хоть ты въ немъ и не говоришь положительно, что твое положеніе опасно, но оно тѣмъ не менѣе почему-то произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Я теперь только о томъ и думаю, какъ бы поскорѣе домой, да чтобъ ужъ больше одному не ѣздить отъ семейства

[1]) За этимъ слѣдуетъ начало приписки, рукой Анненкова: «Тѣмъ же самымъ лицамъ съ включеніемъ и проч. и проч., прошу и отъ меня, мой почтеннѣйшій Василій Петровичъ, свершить»... Дальнѣйшаго листка недостаетъ.—*Прим. А. П.*

дальше, чѣмъ изъ Петербурга въ Москву. Вообще все письмо твое дышитъ нездоровьемъ. Конечно, къ нездоровью намъ давно уже пора привыкнуть, какъ къ нормальному нашему положенію, но мнѣ почему-то кажется, что ты не совсѣмъ въ безопасномъ положеніи. День, въ который новое письмо твое разувѣритъ меня въ этомъ предположеніи, будетъ однимъ изъ лучшихъ дней въ моей жизни. Мнѣ такъ тяжело и грустно отъ мысли о твоемъ здоровьѣ, что не хочется писать о себѣ, и если я дѣлаю это, то потому только, что могу сообщить тебѣ положительно хорошія извѣстія о состояніи моего здоровья и надѣюсь разсѣять твои болѣзненныя предположенія на мой счетъ.

Я уже писалъ тебѣ, что мы съ Анненковымъ остановились въ Дрезденѣ на 4 дня. Тамъ я сшилъ себѣ дюжину рубахъ. Оттуда до Эйзенаха ѣхали мы по желѣзной дорогѣ. Въ Эйзенахѣ остановились ночевать. Поутру осмотрѣли замокъ Вартбургъ, въ которомъ содержался Лютеръ. Въ часъ мы выѣхали изъ Эйзенаха во Франкфуртъ на Майнѣ, уже въ дилижансѣ, потому что на этомъ пространствѣ (140 верстъ) желѣзная дорога еще не готова. Ѣхать въ дилижансѣ послѣ желѣзной дороги — пытка: тѣсно, душно, да еще проклятые нѣмцы курятъ сигары—тоска, смерть, да и только. Но всякой пыткѣ бываетъ конецъ, и часовъ около 7 на другой день поутру мы пріѣхали во Франкфуртъ. Тутъ мы ночевали, а на другой день переѣхали, по желѣзной дорогѣ, ночевать въ Майнцъ. Изъ Майнца отправились на пароходѣ по Рейну. День былъ гнусный: осенній мелкій дождь, вѣтеръ, холодъ. Въ каютѣ душно, на палубѣ мокро, сыро и холодно; одно спасеніе въ боковой каютѣ на палубѣ, но тамъ курители сигаръ, эти мои естественные враги. Все это сдѣлало то, что я холодно смотрѣлъ на удивительныя мѣстоположенія, на виноградники, на средневѣковые замки, какъ реставрированные, такъ и въ развалинахъ. Вечеромъ прибыли въ Кельнъ. Когда я сказалъ Анненкову, что рѣшительно не намѣренъ терять цѣлый день, чтобы полчаса посмотрѣть на Кельнскій соборъ,— съ нимъ чуть не сдѣлался ударъ. Онъ дико хохоталъ, всплескивалъ руками—я думалъ, что съ ума сойдетъ. Поутру мы пустились по желѣзной дорогѣ на Брюссель, куда и прибыли вечеромъ. Въ Брюсселѣ ночевали и провели слѣдующій день, ради усталости отъ дороги. Были въ соборѣ, куда попали на отпѣваніе покойника. Еще прежде видѣлъ я католическихъ поповъ: верхъ безобразія. Наши . . . . . передъ ними красавцы; по крайней мѣрѣ, какъ

замѣтилъ Анненковъ, питторескны, съ ихъ длинными волосами, бородою и широкимъ длиннымъ платьемъ. А здѣшніе — бритые, коротко-остриженные, съ трехъуголками на головѣ, въ длинномъ, но узкомъ платьѣ, — мочи нѣтъ, какъ гадко. Но служба эффектна, особенно въ огромномъ соборѣ, когда, при пѣніи хора, органъ отвѣчаетъ трубѣ. Ну, да объ этомъ поговоримъ при свиданіи. На другой день, въ $8^1/_2$ часовъ поутру, отправились мы, по желѣзной дорогѣ, въ Парижъ, куда и прибыли часовъ въ 6 вечера. Когда еще мы приближались только къ французской границѣ, то уже начали чувствовать сильную перемѣну въ погодѣ: тепло, почти жарко, а въ Парижѣ нашли такую погоду, какой я уже не надѣялся нынѣшнимъ лѣтомъ и во снѣ видѣть. Переодѣвшись, поѣхали мы къ Герцену; тамъ всѣ были такъ рады намъ, особенно эта добрѣйшая Марья Ѳедоровна Коршъ. Проболтали часовъ до 12. На другой день (въ пятницу, 30 іюля) одинъ изъ моихъ парижскихъ друзей долженъ былъ привести ко мнѣ Тира де Мальморъ; однако-же явился безъ него, потому что, ждавши его нѣсколько часовъ, едва могъ переговорить съ нимъ нѣсколько минутъ и взять съ него слово пріѣхать съ нимъ завтра ко мнѣ. Отъ этого прожданья не успѣли мы съѣздить на почту; впрочемъ, оттого больше, что узнали, что почта открыта только до 4 часовъ вечеромъ. Пошли въ Тюльери. Меня съ перваго взгляда никогда и ничто не удовлетворяло — даже Кавказскія горы; но Парижъ съ перваго же взгляда превзошелъ всѣ мои ожиданія, всѣ мечты. Тюльерійскій дворецъ, съ его площадью, обсаженною каштанами, съ его террасою, съ которой смотришь на place de la Concorde (что̀ прежде была площадь Революціи), съ ея обелискомъ, великолѣпными фонтанами—это просто, братецъ ты мой, Шехеразада. Вечеромъ поѣхали мы (Герценъ съ Натальей Александровной, я и Анненковъ) въ Пале-Ройяль: новое чудо, новая Шехеразада! Представь себѣ огромный четвероугольникъ залитыхъ огнемъ роскошныхъ магазиновъ, а въ серединѣ каштановый лѣсъ, съ большимъ бассейномъ, въ центрѣ котораго бьетъ въ формѣ плакучей березы огромный фонтанъ! Вечеръ былъ до того тепелъ, что такъ и тянуло стать подъ самый фонтанъ, чтобъ освѣжиться его холодными брызгами. Но обо всемъ этомъ лучше говорить, чѣмъ писать.

На другой день (въ субботу), часу въ 12-мъ, пріѣхалъ докторъ. Долго, внимательно слушалъ онъ меня, и потомъ сказалъ, что нѣтъ никакого сравненія моего положенія съ положеніемъ,

въ которомъ онъ началъ лѣчить М-me Языкову, что онъ нисколько не считаетъ меня опаснымъ больнымъ и надѣется въ 1½ мѣсяца не только возстановить мою грудь, но и вогнать меня въ тѣло, т.-е. заставить потолстѣть и пожирѣть.

Августа 4.

Вчера я писалъ, словно пьяный, или какъ будто во снѣ: меня мучила тошнота отъ лѣкарства, и потому не удивляйся нескладицѣ моего языка. Продолжаю. Докторъ объявилъ затѣмъ, что мнѣ надо жить не въ Парижѣ, а въ maison de santé, въ Passy, предмѣстьѣ Парижа. Причины: тамъ лучше воздухъ, а въ Парижѣ нельзя еще и вести правильнаго образа жизни, тогда какъ мнѣ слѣдуетъ ложиться не позже 10 час. вечера, а вставать раньше. Отнялъ у меня кофе, говоря, что онъ раздражаетъ нервы и вредитъ легкимъ. Онъ нашелъ, что у меня въ легкихъ есть два завала, оба въ плечахъ, но что завалъ праваго плеча незначителенъ, а надо обратить вниманіе на завалъ лѣваго плеча и разбить его. Дѣйствительно, еще въ Зальцбруннѣ я не разъ говорилъ Тургеневу и Анненкову, что мнѣ нельзя лежать ни на которомъ боку, потому что отъ этого дѣлается у меня болѣзненное сжатіе въ груди. Я сказалъ ему, что, по словамъ моего доктора, у меня были раны на легкомъ тутъ-то, и указалъ ему мѣсто; онъ тотчасъ бросился слушать и сказалъ, что, дѣйствительно, раны были, но что онѣ совершенно затянулись и теперь уже ничего не значатъ въ моей болѣзни. Прописавши лѣкарства и давши адресъ дачи, онъ уѣхалъ. Мы поѣхали съ Тургеневымъ (который словно съ неба свалился къ намъ на другой день нашего пріѣзда въ Парижъ) на почту, гдѣ я получилъ твое письмо и отъ Некрасова, а Тургеневъ получилъ 7 № «Современника». Письмо твое нагнало на меня сильную тоску, какъ я уже говорилъ тебѣ. Передъ тѣмъ какъ ѣхать на почту, я принялъ микстуры и пилюли, а потомъ повторилъ это на ночь — и на утро мой кашель былъ уже легче. Въ воскресенье мы съ Анненковымъ пріѣхали въ Пасси. Черезъ полчаса пріѣхалъ туда и Тургеневъ. Они пробыли у меня часа 4, до пріѣзда доктора. Я выбралъ себѣ комнату по вкусу, очень уютную и спокойную. Когда я остался одинъ, на меня напала спячка, продолжающаяся до сихъ поръ. Въ понедѣльникъ докторъ прибѣгалъ ко мнѣ три раза. Во 2-й разъ онъ пришелъ, узнавши, что у меня Анненковъ. Толкуетъ, хлопочетъ, мечется; такого вниманія и вообразить

трудно. Самъ положилъ мнѣ пластырь на лѣвое плечо; самъ носитъ жаровню съ горячими угольями, на которые сыплетъ какой-то порошокъ, запахъ котораго сильно походитъ на ненавистный мнѣ ладанъ. И я долженъ вдыхать въ себя эту мерзость при закрытыхъ окнахъ. Третьяго дня я началъ принимать его радикальное, имъ изобрѣтенное лѣкарство — eau péctorale dissolvante,—и вотъ уже другое утро, какъ я ни разу не кашлянулъ, въ первый разъ послѣ столькихъ лѣтъ! (Днемъ же я уже нѣсколько дней, какъ не кашляю). Только отъ этого лѣкарства тошнитъ — въ немъ есть что-то ядовитое. Вчера m-r Tirat сказалъ Анненкову, послушавъ меня, что онъ вылѣчитъ меня уже не въ 1½ мѣсяца, а въ 15 дней, потому что лѣкарство на меня дѣйствуетъ удивительно.

Изъ этого ты видишь, что я бросился къ Tirat не по нежеланію пить воды въ Эмсѣ. О водахъ въ Эмсѣ мнѣ Тильманъ ничего не говорилъ, а Цемплину я не вѣрю, не потому, что онъ получаетъ 50,000 талеровъ, а потому, что онъ шарлатанъ, невѣжда и мошенникъ. А что Тильманъ меня послалъ къ нему, это очень просто: больше не къ кому было послать: на этихъ водахъ всего два доктора; одинъ шарлатанъ и невѣжда, но не дуракъ, а другой и шарлатанъ, и невѣжда, и дуракъ вдобавокъ. Я уже не говорю о томъ, что Тильманъ для меня совсѣмъ не то, что Магометъ для мусульманъ. Онъ прекрасный докторъ и прекрасный человѣкъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ люди, съ которыми онъ связанъ знакомствомъ, и которыхъ онъ хвалитъ, походили на него, и чтобы онъ не могъ ошибаться. Я обратился къ Tirat, какъ къ извѣстному въ Европѣ спеціальному для грудныхъ болѣзней доктору, изобрѣтшему новое и самое дѣйствительное противъ чахотки средство, тайну котораго онъ хранитъ для себя. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія умереть, а, напротивъ, имѣю сильное желаніе жить; сверхъ того, я обязанъ семействомъ стараться о сохраненіи моей жизни. Теперь: хорошъ бы я былъ, еслибъ предпочелъ г. Цемплина, доказавшаго мнѣ свое невѣжество и свое невниманіе къ больнымъ, г-ну Тира, о которомъ Анненковъ разсказывалъ мнѣ чудеса, которыхъ очевиднымъ свидѣтелемъ онъ былъ самъ, ежедневно посѣщая m-me Языкову. Но твое болѣзненное воображеніе и тутъ умѣло сочинить цѣлую небывалую исторію, чтобы мучить себя. Ты вообразила, что Языкова лѣчилась года полтора и т. д. Слушай же, какъ она лѣчилась. Она цѣлые дни палила и жгла

папиросы, несмотря на строжайшее запрещеніе Tirat, сама ихъ приготовляла на машинкѣ, сидя надъ кучею табаку и вдыхая въ себя его ядовитую пыль. Вмѣсто того, чтобы ложиться въ 9 и въ 10 часовъ, она просиживала ночи до 5 часовъ. Сверхъ того, она считаетъ себя большимъ знатокомъ въ медицинѣ и, лѣчась лѣкарствами Тира, принимала еще и свои. А лѣчилась она у него не $1^1/_2$ года, какъ пишешь ты, а только одну зиму,—и несмотря на все это, несмотря на то, что онъ нашелъ ее готовою умереть черезъ три дня,—онъ отпустилъ ее въ Россію почти здоровою. Вѣдь это уже не просто лѣченіе, а что-то въ родѣ чуда! Нѣтъ, что касается до меня, у меня есть какое-то глубокое убѣжденіе, что Tirat сдѣлаетъ меня совершенно здоровымъ, приведетъ въ лучшее положеніе, нежели въ какомъ я былъ лѣтъ 5 назадъ.

Ты все думаешь, что я бросился въ Парижъ для удовольствій, для кутежа; а если бы не слова Анненкова о Tirat, такъ я изъ Зальцбрунна бросился бы сломя голову въ Петербургъ. Я увѣренъ, что ты думаешь теперь, что я уже и Богъ знаетъ какъ повредилъ себѣ разными наслажденіями, и виномъ и прочимъ; но я—мое тебѣ честное слово—до сихъ поръ ни капли вина въ ротъ не взялъ, а о прочемъ, можетъ быть, и не подумалъ ни разу. Я совсѣмъ не такъ жаденъ къ удовольствіямъ, какъ ты думаешь, и если я, дѣйствительно, нѣсколько повредилъ себя виномъ прошлое лѣто,—такъ это вина не моя, а Тильмана: скажи онъ мнѣ, что у меня были раны на легкихъ, и что я легко, при невоздержаніи, могу дойти вотъ до такихъ-то и такихъ-то послѣдствій,—да мнѣ насильно никто не впустилъ бы въ ротъ капли вина. Вотъ и съ этой стороны мнѣ Tirat особенное внушаетъ къ себѣ довѣріе: онъ сказалъ, что считаетъ долгомъ обманывать только такихъ больныхъ, которые неизлѣчимы и близки къ смерти; но что, какъ скоро есть какая-нибудь надежда на излѣченіе, онъ никогда не скрываетъ отъ больного его положенія, но говоритъ ему сущую правду, а уже тотъ веди себя самъ, какъ хочетъ. Какъ только Tirat выпуститъ меня изъ своего maison de santé и скажетъ мнѣ, что ему больше нечего дѣлать со мною,—сейчасъ же скачу домой, и если промедлю недѣльку въ Парижѣ (мнѣ хочется посмотрѣть на театры), то въ такомъ только случаѣ, если извѣстія отъ тебя будутъ благопріятны.

Насчетъ шерстинки ты меня не такъ поняла: ее надо Олѣ носить постоянно, какъ предохранительное отъ горловой простуды средство, а не надѣвать временно, какъ лѣкарство. Я въ нее не

вѣрю, потому что самъ не ношу. Впрочемъ, Tirat надѣлъ на меня нѣчто похуже шерстинки: фланелевую фуфайку, и велѣлъ ее всю жизнь, и днемъ и ночью, и зимою и лѣтомъ, носить подъ рубашкою! И я ужъ надѣлъ. Вчера былъ день холодный, такъ ничего, а сегодня опять жаръ—такъ мочи нѣтъ, да еще пластырь рветъ грудь.

За комнату, столъ и прислугу я плачу 200 франковъ въ мѣсяцъ. Лѣченье съ лѣкарствами обойдется, вѣроятно, столько же. У дома садъ, а изъ саду калитка ведетъ въ Булонскій лѣсъ. Обѣдаю я въ 6 часовъ вечера, завтракаю часовъ въ одиннадцать. Кофею не пью.

Что это дѣлается съ Агриппиною? Впрочемъ, тамъ, гдѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ 12 градусовъ тепла—рѣдкость, мудрено быть здоровыми. Ты мнѣ ни слова не пишешь, лѣчитесь ли вы? Спасибо тебѣ за подробности объ «Ольгѣ Висаеновнѣ Гылголевнѣ»: онѣ меня много порадовали.

Анненковъ ѣздитъ ко мнѣ каждый день. Сегодня я поѣду къ нему обѣдать: это мнѣ позволено, лишь бы возвращаться домой часу въ десятомъ. Лѣкарство же я принимаю только по утрамъ, да на ночь, а днемъ свободенъ. А что касается до знакомства съ кондрашкою, то Анненковъ самъ давно знаетъ, что ему едва ли миновать его.

Скажи Тютчеву, что въ одномъ со мною домѣ будетъ жить осужденный ex-министръ Тестъ: онъ знаетъ, о комъ идетъ дѣло, и тебѣ объяснитъ. Кланяйся всѣмъ нашимъ знакомымъ, кого увидишь. Ровно черезъ недѣлю послѣ полученія этого письма ты получишь другое. Боюсь я, что долгое неполученіе этого письма тебѣ надѣлаетъ много зла. А что же мнѣ было дѣлать? Дорогою не до писанья, а изъ Парижа хотѣлось написать что-нибудь положительное. Затѣмъ, прощай. Обнимаю и цѣлую всѣхъ васъ.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Бѣлинской. 2 августа, 1847.

Парижъ. 14 августа, н. с. 1847.

Мнѣ почти нечего и не о чемъ писать къ тебѣ, chère Marie. И потому пишу больше потому, чтобы ты не безпокоилась обо

мнѣ. Я обѣщалъ въ прошломъ письмѣ послать тебѣ слѣдующее черезъ недѣлю; но это какъ-то не удалось. Я все ждалъ письма отъ тебя, самъ не знаю почему, а все ждалъ. Не получая давно извѣстій отъ тебя, я по этой причинѣ порядочно безпокоюсь и скучаю; но пока еще не теряю духа. Здоровье мое видимо поправляется. Я могу сказать тебѣ положительно и утвердительно, что теперь чувствую себя въ положеніи едва ли не лучшемъ, нежели въ какомъ я былъ до моей страшной болѣзни осенью 1845 года; если же не въ лучшемъ, то уже нисколько и не въ худшемъ. Кашлю почти нѣтъ вовсе, а если и случится иной день разъ закашляться,—это такъ легко въ сравненіи съ прежними припадками кашля, что и сказать нельзя. Иные же дни не случается кашлянуть ни разу—чего со мною уже сколько лѣтъ, какъ не бывало! Лучше всего то, что меня оставилъ утренній кашель, самый мучительный, какъ ты должна это помнить. Теперь я по утрамъ только харкаю и отхаркиваюсь безъ труда и усилія, но уже не кашляю вовсе. Прежде меня мучило такого рода ощущеніе въ груди, какъ будто мои легкія засыпаны пескомъ,—теперь этого ощущенія нѣтъ вовсе,—я дышу свободно и могу вздохнуть глубоко. Еще недавно, при глубокомъ вздохѣ, я чувствовалъ боль въ бокахъ, подъ ребрами—теперь и это проходитъ. Вообще, со стороны дыханія, я въ лучшемъ положеніи, нежели въ какомъ былъ въ 1844 году. Вотъ тебѣ всѣ новости о моемъ здоровьѣ. Сплю, какъ убитый, ѣмъ славно. Только желудокъ по временамъ бываетъ разстроенъ; но это, явно, дѣйствіе лѣкарствъ, которыя я принимаю. Что дѣлать! Лѣча одну болѣзнь, медикаменты производятъ другую; но это зло временное. Даже головная боль, появившаяся у меня прошлою осенью, при установкѣ книгъ, проходитъ видимо. Итакъ, что касается до меня, все хорошо. Скучаю сильно, хочется скорѣе домой, надоѣло шататься; безпокоюсь о васъ, боюсь получить дурное извѣстіе; но, за исключеніемъ этого, я въ такомъ положеніи, въ которомъ желалъ бы и вамъ быть.

Въ прошломъ письмѣ я забылъ тебѣ отвѣтить насчетъ переѣзда въ Москву. Этотъ вопросъ я предоставляю вполнѣ на твое рѣшеніе: какъ хочешь, такъ тому и быть. Пожалуй даже хоть и вовсе не переѣзжать. Въ послѣднемъ случаѣ мнѣ жаль только того, что я продалъ шкапы. Но что-жъ дѣлать!

Ахъ, какъ мнѣ хочется видѣть Олю — мочи нѣтъ. Но пока цѣлую ее заочно. Прощай. Пиши ко мнѣ, и если-бъ ты могла

написать мнѣ насчетъ твоего здоровья такія же хорошія вѣсти, какъ я тебѣ насчетъ моего, больше я ничего бы не желалъ. Что Агриппина? Лучше ли хоть ей? Прощай.

Твой В. Б.

Къ М. В. Бѣлинской. 10 августа, 1847.

Парижъ. 22 августа 1847.

Въ прошлую середу (18 авг.) неожиданно получилъ я твое письмо, chère Marie, котораго такъ долго ждалъ. Паспортъ мой постоянно находится у Анненкова, чтобы онъ могъ брать мои письма на poste restante. Герценъ съ Наталіей Александровной и сыномъ уѣхалъ въ Гавръ; его сыну докторъ предписалъ брать морскія ванны. Марья Ѳедоровна Коршъ осталась одна съ Наташею. Въ середу пріѣзжаю къ ней; черезъ часъ является Анненковъ и подаетъ мнѣ твое письмо. Еще за недѣлю передъ тѣмъ онъ подалъ мнѣ также письмо, но то было отъ Гоголя. Я и на этотъ разъ боялся, не отъ чужихъ ли отъ кого. Что сказать тебѣ о впечатлѣніи, которое произвело на меня и это письмо? Изъ него я увидѣлъ, что ты продолжаешь быть больною, и что болѣзнь твоя серьезна; ею отзывается каждое слово твоего письма, и ты высказываешь о ней больше, чѣмъ хочешь высказать. Я не хочу говорить, какъ это на меня дѣйствуетъ. Удивляюсь только тому, что ты ни слова не пишешь о томъ, лѣчишься или нѣтъ, бываетъ у тебя Тильманъ или нѣтъ.

Что касается до меня,—я, конечно, еще не выздоровѣлъ, но тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакого сравненія съ тѣмъ, что̀ я былъ, еще недавно, еще въ Зальцбруннѣ, и чѣмъ я сталъ теперь. Кашель еще есть, хоть онъ бываетъ рѣдко, и его припадки очень слабы, но бываетъ — не хочу тебя обманывать ложными извѣстіями. Но не забудь, что по утрамъ кашля у меня вовсе не бываетъ; а ты помнишь, что по утрамъ у меня были постоянные и сильные припадки кашля. Они продолжались и въ Зальцбруннѣ и дорогою; прекратились же дня черезъ три послѣ того, какъ я началъ лѣчиться у Тира. Если же теперь бываетъ кашель, то не въ опредѣленное время, а какъ-то нечаянно, неожиданно (и не по утрамъ); иногда его дня по два, по три вовсе не бываетъ. Вотъ, напр., дня два назадъ стояла въ Парижѣ такая знойная погода, что я два вечера трудно засыпалъ, метаясь

въ постели и чувствуя, что мнѣ не достаетъ воздуха для дыханія. Этотъ нестерпимый зной произвелъ нѣкоторое раздраженіе въ моихъ легкихъ, и я эти два дня покашливалъ изрѣдка и слегка, при чемъ чувствовалъ, что головная стукотня еще не прошла у меня. Вотъ тебѣ вся правда о моемъ кашлѣ; тутъ нѣтъ ни іоты преувеличенной или уменьшенной. Но ты вѣдь хорошо знаешь, что я страдалъ не однимъ кашлемъ, но еще и одышкою, что я не могъ быть въ лежачемъ положеніи, особенно не могъ лежать на спинѣ — какъ, бывало, лягу, такъ и закашляюсь; что дышать было для меня трудомъ, работою, да еще тяжелою, что я безпрестанно чувствовалъ, что мои легкія какъ будто засыпаны мукою или мелкою пылью. Что касается до одышки, она еще есть и теперь; но уже не такая, какъ была прежде—постоянная и безпричинная: теперь, если она бываетъ, то отъ усталости, отъ лѣстницы, отъ иного движенія, если и не труднаго, то быстраго (особенно отъ наклоненія корпусомъ къ полу, чтобы поднять что-нибудь). И притомъ, эта одышка до того легка въ сравненіи съ прежнею, что я ее почти не замѣчаю, тѣмъ болѣе, что иногда по цѣлымъ днямъ вовсе не испытываю ея. Въ лежачемъ положеніи мнѣ теперь такъ же удобно, какъ и въ стоячемъ, и я могу по нѣсколько часовъ сряду лежать на спинѣ, не чувствуя ни малѣйшаго раздраженія или стѣсненія въ груди и позыва къ кашлю. Дышу я теперь легко, а въ погоду теплую и нѣсколько сырую даже наслаждаюсь процессомъ дыханія; и ни въ какую погоду уже не чувствую, чтобы мои легкія были засыпаны какою-нибудь дрянью. Послѣднее радуетъ меня больше всего,—и въ этомъ отношеніи я чувствую себя рѣшительно и положительно лучше, нежели какъ я былъ весною и лѣтомъ 1845 года, до моей страшной болѣзни. По временамъ, чувствую нѣкоторую боль въ груди, но эта боль имѣетъ особенный характеръ: она не только легка, даже пріятна, какъ всякая боль послѣ ушиба или раны, когда больное мѣсто уже залѣчено, но еще отзывается старою болью. Вотъ тебѣ самый подробный и вѣрный отчетъ о состояніи моего здоровья. Заключаю: я еще не выздоровѣлъ, но крѣпко и видимо выздоравливаю. Узнать же, выздоровѣлъ ли я, можно только, проведя осень и зиму въ Петербургѣ.

Во вторникъ (наканунѣ полученія отъ тебя письма) у меня обѣдали Анненковъ и Тургеневъ. Кухарка, подавая кушанье, сказала имъ, что докторъ проситъ ихъ не уѣзжать, не перегово-

ривши съ нимъ. Онъ всегда радъ моимъ друзьямъ, потому что съ ними ему объясняться, конечно, легче, чѣмъ со мной. Пришедши, онъ объявилъ, qu'il me regarde comme guéri, и что я могу, если хочу, переѣхать въ Парижъ. При этомъ удивлялся скорому на меня дѣйствію лѣкарствъ. Я сказалъ, что переѣду черезъ недѣлю, и послѣзавтра я дѣйствительно переѣду въ Парижъ, въ сосѣди Анненкову. (А потому, на это письмо, когда будешь отвѣчать, адресуй на имя Анненкова, rue Caumartin, 41, съ передачею мнѣ. Это лучше, чѣмъ poste restante, да и если бы случилось, что послѣднее письмо твое не застало бы меня въ Парижѣ, оно все бы не пропало, потому что Анненковъ могъ переслать его). Я очень радъ моему переѣзду въ Парижъ, потому что въ Passy скучаю страшно, и время тянется для меня ужасно медленно,—для избѣжанія чего я часто ѣзжу въ Парижъ. Впрочемъ, переѣздомъ въ Парижъ ни мое лѣченье, ни мой régime не прекращаются. Я буду, по мѣрѣ надобности, видѣться съ m-r Tirat. Въ Парижѣ я думаю прожить до 15 сентября, т.-е. по вашему до 3 сентября. Я вѣдь вовсе не видалъ Парижа, не былъ ни разу въ театрѣ, не ѣздилъ ни въ Версаль, ни въ Сенъ-Клу, ни въ другія замѣчательныя мѣста. Если бы Герценъ утащилъ меня въ какую-нибудь поѣздку подальше, и извѣстія отъ тебя были бы поуспокоительнѣе, я, можетъ быть, остался бы въ Парижѣ и до 1 октября (т.-е. по вашему до 18 сентября) и вотъ, главное, въ какомъ разсчетѣ: отъ Парижа до Берлина идетъ желѣзная дорога, которая въ Ганноверѣ перерывается 30-ю часами ѣзды въ дилижансѣ, а въ октябрѣ этого перерыва не будетъ, ибо на этомъ клочкѣ откроется желѣзная дорога. Это, впрочемъ, предположеніе; всего вѣроятнѣе, что я не утерплю и отправлюсь 15 сентября н. ст. Но если бы я пробылъ до октября, то единственно по причинѣ ужаса, какой вдыхаетъ въ меня одна мысль о 30-часовой пыткѣ въ дилижансѣ. Страхъ дилижанса во мнѣ такъ великъ, что я ѣду изъ Берлина на Штетинъ, а оттуда моремъ вплоть до Питера, рискуя подвергнуться всѣмъ возможнымъ качкамъ. Если-бъ я не оставилъ моей шубы въ Берлинѣ, можетъ быть, я рѣшился бы 15 сентября н. ст. отправиться въ Гавръ (4 часа ѣзды по желѣзной дорогѣ), а оттуда моремъ до дому—8 сутокъ. И потому всего вѣроятнѣе, что я поѣду 15 сентября на Берлинъ, несмотря на 30 часовъ ѣзды въ дилижансѣ. Но путь мой лежитъ уже не черезъ Дрезденъ. Впрочемъ, въ Брюсселѣ голландское полотно не дороже, чѣмъ въ Дрезденѣ;

но для этого надо будетъ остановиться на сутки или больше, чего сохрани Боже! И потому, если можно будетъ, я въ Парижѣ куплю эту гостинку Олѣ; разница въ цѣнѣ будетъ небольшая, ибо въ Парижѣ дорого шитье, а не матеріалъ. Что же касается до твоего желанія на будущее лѣто быть за границей, объ этомъ теперь распространяться рано, и потому скажу коротко, что употреблю для этого всѣ силы, и что если будетъ какая-нибудь возможность, то непремѣнно всею семьею уѣдемъ, хоть мѣсяца на три, за границу. А что Агриппина учитъ Ольгу ругаться, это мнѣ вовсе не нравится. Замѣть, что Ольга называетъ ее «пожилою дѣвкою» не просто, а когда разсердится. Это дурно. Слову «чудище» нечего дивиться: она могла его слышать отъ каждой изъ васъ и запомнить. Ребенокъ долженъ знать только слова ласки и привязанности, а не брани. Я очень вѣрю, что Агриппина въ восторгѣ отъ такихъ выходокъ Оли: это совершенно въ ея эксцентрическомъ характерѣ; но я не понимаю, ты-то чему нашла тутъ радоваться?

Ты пишешь, что Панаевъ и Некрасовъ были у тебя, а не пишешь, взяла ли ты у Некрасова денегъ. Я получилъ отъ В. П. Боткина письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что 1000 руб. асс. тебѣ будетъ имъ непремѣнно доставлена.

Говоря о моемъ здоровьѣ, я забылъ сказать, что у меня такъ же не бываетъ кашлю, когда я ложусь спать, какъ и поутру, и что въ силахъ я себя чувствую, по крайней мѣрѣ, не хуже того, какъ я чувствовалъ себя въ 45 году, до болѣзни. Все это сущая правда, безъ всякаго преувеличенія. Пиши и ты о себѣ сущую правду, какова бы она ни была.

Забылъ я еще сказать тебѣ, что и на зиму въ Питеръ Тира снабдитъ меня своими лѣкарствами. Затѣмъ прощай. Кланяюсь Агриппинѣ и цѣлую Олю.

Кланяйся отъ меня Маріаннѣ и поздравь съ замужествомъ. Вотъ тебѣ и нянька Оли! Гдѣ вы найдете такую?

Твой В. Б.

Къ М. В. Бѣлинской. 22 августа, 1847.

Парижъ. 3 сентября, н. с., 1847.

Еще въ прошлую субботу думалъ ѣхать въ poste restante, но разсчелъ, что рано—нѣтъ еще двухъ недѣль отъ полученія тобою моего перваго письма изъ Парижа. Зато въ понедѣльникъ

—ровно двѣ недѣли—пріѣзжаю и спрашиваю письма на мое имя съ полною увѣренностію, что получу его; и вышло, что нѣтъ. Въ среду не удалось съѣздить; но вчера (четвергъ) получилъ. Спасибо тебѣ за него; оно успокоило меня. Ты бранишь меня, что я вообразилъ тебя умирающею. Вообразишь, братецъ ты мой, поневолѣ, читая твои письма. Но что толковать объ этомъ! Если ты дѣйствительно не такъ больна, какъ я воображалъ,— этого мнѣ и нужно. Конечно, еще было бы лучше, еслибъ ты вовсе не была больна и совершенно была здорова; но, за неимѣніемъ лучшаго, хорошо и не совсѣмъ худое.

Состояніемъ моего здоровья я продолжаю быть довольнымъ, хотя погода вотъ уже болѣе недѣли стоитъ подлѣйшая. Сегодня рѣшительная осень: даже Анненковъ, одаренный отъ природы шубою изъ толстаго слоя жиру, выходилъ сегодня въ тепломъ пальто. А меньше, чѣмъ за недѣлю назадъ, были жары невыносимые, по крайней мѣрѣ для меня, потому что даже вечеромъ я чувствовалъ, что мнѣ недостаетъ воздуха для дыханія, такъ какъ воздухъ въ жаркую погоду сухъ и жидокъ. Но все это еще бы ничего; худо то, что сѣверный климатъ опасенъ мнѣ не столько холодомъ, сколько этими быстрыми, неожиданными, крутыми переломами погоды. Вотъ гдѣ я обыкновенно простужаюсь и отъ чего я получилъ непрерывный катарръ, который чуть не обратился въ чахотку. И вотъ почему я желалъ переѣхать на житье въ Москву. Климатъ московскій не только не теплѣе, но я думаю, что еще холоднѣе петербургскаго; но онъ постояннѣе, менѣе измѣнчивъ и капризенъ, а оттого менѣе опасенъ мнѣ. Признаюсь, я сильно боюсь Питера.

Я думалъ ѣхать домой 15 сентября (по вашему 3 сентября); Тургеневъ обѣщалъ проводить меня до Берлина и, пожалуй, до Штетина; но на Тургенева плоха надежда—вотъ онъ показался, было, на нѣсколько дней въ Парижѣ, да и опять улизнулъ въ деревню къ Віардо. Обстоятельства заставляютъ воротиться домой Н. П. Боткина, и онъ мнѣ сказалъ было, что ѣдетъ тоже 15 сентября, чему я, разумѣется, очень обрадовался; но третьяго дня онъ сказалъ мнѣ, что нельзя ли еще недѣльку утянуть, потому что его жена заказываетъ для себя разныя вещи. Конечно, лучше мнѣ ѣхать черезъ три недѣли съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ, нежели черезъ двѣ недѣли одному; но я боюсь, чтобы вмѣсто одной недѣли не потерять, по крайней мѣрѣ, двухъ; тогда какъ мнѣ рѣшительно нечего дѣлать въ Парижѣ, страхъ

наскучило и домой тянетъ страшно. Да мнѣ и опасно долго оставаться въ Парижѣ: здѣшняя осень и зима, съ каминами вмѣсто печей, съ комнатами безъ зимнихъ рамъ, не по мнѣ. Кромѣ того, Н. П. Боткинъ любитъ ѣздить съ отдыхами. Напр., можно взять билетъ на желѣзную дорогу отъ Парижа прямо до Кельна,—и въ такомъ случаѣ до Кельна на таможняхъ чемодановъ смотрѣть не будутъ; но, какъ надо ѣхать часовъ 22 безъ отдыху, то, несмотря на его отвращеніе къ таможеннымъ осмотрамъ, онъ возьметъ билетъ только до Брюсселя, гдѣ будетъ отдыхать. Боюсь я, что съ этими отдыхами мы проѣдемъ до Берлина дней десять или и больше, вмѣсто какихъ-нибудь пяти дней. И потому, если Тургеневъ пріѣдетъ въ Парижъ около 15 числа и попрежнему будетъ предлагать провожать меня,—я думаю, что уѣду съ нимъ. Но изъ этого ты все-таки сама можешь видѣть, что я не могу назначить тебѣ съ точностію дня моего отъѣзда, и сдѣлаю это въ слѣдующемъ письмѣ, которое будетъ послѣднимъ моимъ письмомъ къ тебѣ изъ-за границы,—особенно, если не придется прожить нѣсколько дней въ Берлинѣ, дожидаясь отхода парохода,—а не то, такъ напишу еще изъ Берлина. Во всякомъ случаѣ, на это письмо ты мнѣ уже не отвѣчай: ибо мудрено, чтобы твой отвѣтъ засталъ меня въ Парижѣ.

Поклонъ твой Н. А. Герценъ я передалъ; она благодаритъ тебя и кланяется тебѣ. Она попрежнему худа на видъ, но увѣряетъ, что чувствуетъ себя хорошо. Насчетъ же того, что она скучаетъ въ Парижѣ,—не знаю, кто тебѣ сказалъ, но сказалъ неправду. Что̀ ей скучать—вѣдь они путешествуютъ всею семьею, съ дѣтьми.

Больше писать не о чемъ, и чѣмъ ближе къ отъѣзду, тѣмъ больше не хочется писать. Обнимаю и цѣлую всѣхъ васъ, а Ольгѣ Виссаріоновнѣ, еще сверхъ того, и нижайше кланяюсь. Анненковъ тебѣ кланяется.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ М. В. Бѣлинской. 10 сентября, 1847.

Парижъ. 22 сентября, 1847.

Второе письмо мое къ тебѣ было вложено въ письмо къ Некрасову; уже слишкомъ пять недѣль, какъ оно отправлено. Но вотъ уже ровно 31 день, какъ послалъ я къ тебѣ мое третье

письмо, прося адресовать его на имя Анненкова. И до сихъ поръ нѣтъ отвѣта. Въ ожиданіи его, я нарочно промедлилъ въ Парижѣ дня три. Что это значитъ? Боюсь отвѣчать себѣ на этотъ вопросъ. Сегодня отдамъ это письмо на почту; завтра пойдетъ оно въ Петербургъ,—и завтра же выѣзжаю и я самъ изъ Парижа. Письмо мое должно упредить меня, потому что мнѣ придется, можетъ быть, ждать въ Берлинѣ нѣсколько дней (сколько именно—не знаю), когда пойдетъ пароходъ. Попроси кого-нибудь изъ нашихъ повидаться съ Гончаровымъ и попросить его, нельзя ли ему доставить мнѣ нѣкую протекцію въ таможнѣ. Это, я думаю, не мудрено, потому что всѣ мои товары состоятъ единственно въ игрушкахъ Олѣ. Наталья Александровна Герценъ посылаетъ ей, отъ имени своей дочери Таты (Наташи), великолѣпную игрушку съ музыкою; отъ себя—платье; Марья Ѳедоровна Коршъ—швейцарскій домъ. Я купилъ кое-какой дряни, франковъ на десятокъ.

Здоровье мое въ хорошемъ положеніи. Больше писать не о чемъ, да и некогда. Если буду имѣть счастіе обнять васъ всѣхъ живыхъ и здоровыхъ, тогда разскажу все, чего въ письмахъ не перепишешь. Прощай, до скораго свиданія, другъ мой.

Если въ Берлинѣ мнѣ придется прожить больше трехъ дней, то буду писать оттуда.

Твой В. Б.

Къ П. В. Анненкову. 17 сентября, 1847.

Берлинъ. 29 сентября, 1847.

Вотъ я и въ Берлинѣ, и уже третій день, дражайшій мой Павелъ Васильевичъ. Пріѣхалъ я сюда часовъ около 5-ти, въ понедѣльникъ. Надо разсказать вамъ мой плачевно-комическій вояжъ, отъ Парижа до Берлина. Начну съ минуты, въ которую мы съ вами разстались. Огорченный непріятною случайностію, заставившею меня ѣхать безъ Фредерика, и боясь за себя остаться въ Парижѣ, заплативши деньги за билетъ, я побѣжалъ къ поѣзду и задохнулся отъ этого движенія до того, что не могъ сказать ни слова, ни двинуться съ мѣста,—я думалъ, что пришелъ мой послѣдній часъ, и въ тоскѣ, безсмысленно смотрѣлъ, какъ двинется поѣздъ безъ меня. Однако минуты черезъ три я пришелъ немного въ себя, могъ подойти къ кондуктору и

сказать: «première place». Только что онъ толкнулъ меня въ карету и захлопнулъ дверцы, какъ поѣздъ двинулся. Я пришелъ въ себя совершенно не прежде, какъ около первой станціи. Тогда овладѣли мною двѣ мысли: таможня и Фредерикъ. Спать хотѣлось смертельно, но лишь задремлю—и греза переноситъ меня въ таможню; я вздрагиваю судорожно и просыпаюсь. Такъ мучился я до самаго Брюсселя, не имѣя силы ни противиться сну, ни заснуть. Таково свойство нервической натуры. Что мнѣ дѣлать въ таможнѣ? Объявить мои игрушки? Но для этого меня ужасали 40 фр. пошлины, заплаченныя Герценомъ за игрушки же. Утаить? Но это вещи (особенно та, что съ музыкою) большія—найдутъ и конфискуютъ. Это еще хуже 40 фр. пошлины, потому что (и объ этомъ вы можете по секрету сообщить Марьѣ Ѳедоровнѣ и Натальѣ Александровнѣ) я очень дорожу этими игрушками,—и когда подумаю о радости моей дочери, то дѣлаюсь ея ровесникомъ по лѣтамъ. Гдѣ ни остановится поѣздъ, все думаю: вотъ здѣсь будутъ меня пытать, а Фредерика-то со мною нѣтъ, и чортъ знаетъ, кто за меня будетъ говорить. Наконецъ, дѣйствительно—вотъ и таможня. Ищу моихъ вещей—нѣтъ. Обращаюсь къ одному таможенному: je ne trouve pas mes effets?—Où allez-vous?—A Bruxelles.—C'est à Bruxelles qu' on visitra vos effets.—Ухъ! словно гора съ плечъ — отсрочка пыткѣ! Наконецъ я въ Брюсселѣ.—«Нѣтъ ли у васъ товаровъ—объявите!» сказалъ мнѣ голосомъ пастора или исповѣдника таможенный. Подлая манера! коварная, предательская уловка! Скажи—нѣтъ, да найдетъ—вещь-то и конфискуютъ, да еще штрафъ сдерутъ. Я говорю—нѣтъ. Онъ началъ рыться въ бѣльѣ, по краямъ чемодана, и ужъ совсѣмъ было сбирался перейти въ другую половину чемодана, какъ чортъ дернулъ его на полвершка дальше засунуть руку для послѣдняго удара—и онъ ощупалъ игрушку съ музыкой. Еще прежде онъ нашелъ свертокъ шариковъ—я говорю, что это игрушки, бездѣлушки, и онъ положилъ ихъ на мѣсто. Вынувши игрушку, онъ обратился къ офицеру и донесъ ему, что я не рекламировалъ этой вещи. Вижу—дѣло плохо. Откуда взялся у меня французскій языкъ (какой—не спрашивайте, но догадывайтесь сами). Говорю—я объявлялъ.—Да, когда я нашелъ.—Офицеръ спросилъ мой паспортъ. Дѣло плохо. Я объявилъ, что у меня и еще есть игрушка. Я уже почувствовалъ какую-то трусливую храбрость — стою, словно подъ пулями и ядрами, но стою смѣло, съ отчаяннымъ спокойствіемъ. Пошли въ другую половину чемодана; достали

игрушку Марьи Ѳедоровны. Разбойникъ ощупалъ въ карманѣ пальто коробочку съ оловянными игрушками. Думаю—вотъ дойдетъ дѣло до вещей Павла Васильевича. Однако дѣло кончилось этимъ. Офицеръ возвратилъ мнѣ паспортъ и потребовалъ, чтобъ я объявилъ цѣнность моихъ вещей. Вижу, что смиловались, и дѣло пошло къ лучшему—и отъ этого опять потерялся. Вмѣсто того, чтобы оцѣнить 1-ю игрушку въ 10 фр., 2-ю въ 5, а оловянныя въ $1^1/_2$,—я началъ толковать, что не знаю цѣны, что это подарки, и что я купилъ только оловянныя игрушки за 5 фр. Поспоривши со мною и видя, что я глупъ до святости, они оцѣнили все въ 35 фр. и взяли пошлины—$3^1/_2$ франка. Такъ вотъ изъ чего я страдалъ и мучился столько—изъ трехъ съ половиною франковъ! Чемоданъ Фредерика оставили въ таможнѣ. Вышелъ я изъ нея, словно изъ ада въ рай. Но мысль о Фредерикѣ все-таки безпокоила. Однако-жъ въ отелѣ тотчасъ разспросилъ и узналъ, что поѣздъ изъ Парижа приходитъ въ 8 часовъ утра, а въ Кельнъ отходитъ въ $10^1/_2$. Поутру отправился я на извощикѣ въ таможню, нашелъ тамъ моего bonhomme въ крайнемъ замѣшательствѣ на мой счетъ и привезъ его съ чемоданомъ къ себѣ въ трактиръ. До Кельна ѣхалъ уже довольно спокойно. Думаю: Бельгія—страна промышленная, со всѣхъ сторонъ запертая для сбыта своихъ произведеній—стало быть, таможни ея должны быть свирѣпы; но Германія—страна больше религіозная, философская, честная и глупая, нежели промышленная: вѣроятно, въ ней и таможни филистерски-добры. Но когда очутился въ таможнѣ, то опять струсилъ, отъ мысли: гдѣ меньше ожидаешь, тамъ-то и наткнешься на бѣду; игрушки-то я уже объявлю, да чтобъ вещей Анненкова-то не нашли бы! А кончилось только осмотромъ Фредерикова чемодана и ящика съ лѣкарствами. Въ мой чемоданъ плутъ-таможенный и не заглянулъ, но, схвативши его, понесъ въ дилижансъ,—за что я далъ ему франкъ. Поутру ѣхать надо было рано. Встали во время и убрались. Но Фредерикъ сдѣлалъ глупость—увѣрилъ меня, что до желѣзной дороги близехонько, и мы пошли пѣшкомъ, перешли по мосту черезъ Рейнъ и еще довольно прошли въ гору до мѣста. Я еле-еле дотащился. Но бѣда этимъ не кончилась—пожитки наши повезъ носильщикъ; звонятъ во второй разъ, а ихъ нѣтъ! Фредерикъ бросился въ кабріолетъ и поѣхалъ на встрѣчу нашимъ чемоданамъ. Я пошелъ въ залу, но ее уже затворяли, и я, только показавши билетъ, заставилъ себя пустить. Вообра-

зите мою тоску! Иду на галлерею: тамъ все отзывается послѣднею суетою. Слышу—звонятъ въ третій разъ; бѣгу въ залу—о, радость!—Фредерикъ вѣситъ пожитки. Я сѣлъ—и видѣлъ, какъ пронесли наши чемоданы. Я рѣшился брать вездѣ первыя мѣста, чтобъ не страдать отъ сигаръ и не жить тамъ, гдѣ живутъ другіе. Изъ Гама до Ганновера я проѣхалъ лучше, чѣмъ ожидалъ. Во 1-хъ, ѣхали мы не 30 часовъ, а ровно 24¼; во 2-хъ, Фредерикъ какъ-то умѣлъ всегда пихнуть меня въ купе, гдѣ и просторно, и свѣтло, и свѣжо. А это было нелегко, потому что на каждой станціи дилижансы перемѣнялись, чортъ знаетъ, зачѣмъ. Только послѣднюю станцію сдѣлалъ я внутри дилижанса, какъ будто для того, чтобы понять, отъ какой муки избавилъ меня Фредерикъ на ночь. Вообще, въ этотъ переѣздъ онъ былъ мнѣ особенно полезенъ, и безъ него я пропалъ бы. Въ воскресенье ночевали въ Брауншвейгѣ, гдѣ, сверхъ всякаго чаянія, я опять наткнулся на таможню. Но тутъ я уже былъ совершенно спокоенъ, потому что не спрашивали, а осматривали молча; вынули большую игрушку, свѣсили и взяли съ меня 7 зильбергрошей. Тѣмъ и кончилось. Въ Кельнѣ и Брауншвейгѣ Фредерикъ ночевалъ въ одной со мною комнатѣ, и это было хорошо—онъ вò-время будилъ меня, да и вообще по утрамъ былъ мнѣ полезенъ. Сначала онъ отговаривался отъ такой чести; но когда я настаивалъ, онъ замѣтилъ: je suis propre. Дѣйствительно, бѣлье на немъ было безукоризненно. Ночуй-ка въ одной комнатѣ, не то что съ лакеемъ, съ инымъ чиновникомъ русскимъ—онъ и обовшивитъ тебя, каналья! Замѣтилъ я за Фредерикомъ смѣшную вещь: онъ со всѣми нѣмцами заговаривалъ по-французски и не скоро замѣчалъ, что они его не понимаютъ, такъ что я часто напоминалъ ему, чтобъ онъ говорилъ по-нѣмецки. Экъ сила привычки-то! Вчера поутру онъ со мною простился.

Въ Кельнѣ, когда я изъ таможни ѣхалъ въ дилижансѣ въ трактиръ, со мною заговорилъ какой-то полякъ. Вдругъ одинъ изъ пассажировъ говоритъ мнѣ по-русски: «вы вѣрно изъ Парижа выгнаны, подобно мнѣ, за то, что смотрѣли на толпы въ улицѣ Saint-Honoré?» Завязался разговоръ, который продолжался въ отелѣ за столомъ. Какъ истинный русакъ, онъ умѣетъ говорить въ духѣ каждаго мнѣнія (т. е. приноровляться), но своего не имѣетъ никакого. Ругаетъ Луи-Филиппа и Гизо, Францію, и говоритъ, что недаромъ нѣкоторые французы отдаютъ преимущество нашему образу правленія. Я его осадилъ, и онъ сейчасъ

же согласился со мною. Было говорено и о славянофилахъ, которыхъ онъ всѣхъ знаетъ, и, между прочимъ, онъ сказалъ: «да за что ихъ хватать—что они за либералы? вотъ ихъ петербургскіе противники, такъ либералы». Разговоръ нашъ кончился вотъ какъ: «А вотъ у насъ драгоцѣнный человѣкъ!»—Кто?—Бѣлинскій. — Другой на моемъ мѣстѣ тутъ-то бы и продолжалъ разговоръ; но я постыдно обратился въ бѣгство, подъ предлогомъ, что холодно, да и спать пора.

Здоровье мое рѣшительно въ лучшемъ положеніи, нежели въ какомъ оно было до дня отъѣзда изъ Парижа. Первые два дня мнѣ было трудно, потому что было тепло, и я безпрестанно потѣлъ; но при выѣздѣ изъ Кельна погода сдѣлалась такая, что безъ халата у меня отмерзли бы ноги. Въ холодѣ я болѣе увѣренъ, что не простужусь, потому что больше берегусь. Сверхъ того, я постоянно (кромѣ переѣзда изъ Гама въ Ганноверъ) принимаю лѣкарство, и даже усилилъ пріемы: вечеромъ три ложки, да поутру пять. Кашель, появившійся было въ послѣдніе дни пребыванія въ Парижѣ, опять оставилъ меня и, я дышу вообще свободнѣе. Вообще, если я въ такомъ состояніи доѣду до дома, то ни для меня, ни для другихъ не будетъ сомнѣнія, что я таки поправился немного и, въ этомъ отношеніи, недаромъ ѣздилъ заграницу.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, я велѣлъ Фредерику сказать кучеру, чтобы везъ въ отель, ближайшую къ Behrenstrasse. Подвезли къ отели, но Фредерикъ хотѣлъ еще ближе, велѣлъ поворотить назадъ и—привезъ меня въ отель цѣлою улицею дальше. Пошелъ къ Щепкину—думаю—вотъ одолжитъ, если перемѣнилъ квартиру. Однако, нѣтъ. Только его не засталъ—онъ былъ въ театрѣ, и я вчера поутру увидѣлся съ нимъ. Онъ принялъ меня пріятельски, предложилъ и настоялъ, чтобъ я переѣхалъ къ нему, и я эту ночь ночевалъ у него. Спрашивалъ я его, что дѣлается въ Берлинѣ, въ Пруссіи, по части штандовъ и конституціи. Онъ говоритъ — ничего. Сначала штанды повели себя хорошо, такъ что король почувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи; но началось гладью, а кончилось гадью. Началось тѣмъ, что Финке предлагалъ собранію объявить себя палатою и захватить диктатурою конституцію, а кончилось тѣмъ, что король распустилъ ихъ съ полнымъ къ нимъ презрѣніемъ, и теперь держитъ себя восторжествовавшимъ деспотомъ.—Да отчего же это?—Оттого, что въ народѣ есть потребность на картофель, но на кон-

стиуцію ни малѣйшей; ее желаютъ образованныя городскія сословія, которыя ничего не могутъ сдѣлать. — Такъ ты думаешь, что изъ этого ничего не выйдетъ?—Убѣжденъ.

Знаете ли что, Анненковъ: это грустно, а похоже на дѣло, особенно, по прочтеніи 1-го тома исторіи Мишле, гдѣ показано, кто во Франціи-то сдѣлалъ революцію?... Видѣлъ я портретъ Мирославскаго съ его факсимиле: чудное, благородное, мужественное лицо! Щепкинъ говоритъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Мирославскій будетъ казненъ, ибо король благодарилъ procureur générale, который употреблялъ всѣ уловки, чтобъ запутать и погубить подсудимаго. Общественное мнѣніе въ Берлинѣ рѣшительно за поляковъ: публика часто прерывала рѣчи подсудимыхъ криками: «браво», такъ что подъ конецъ правительство просило публику вести себя смирнѣе. А все-таки будетъ такъ, какъ угодно деспотизму и неправдѣ, а не какъ общественному мнѣнію, что бы ни говорилъ объ этомъ вѣрующій другъ мой, Бакунинъ!

Вотъ вамъ подробный и даже скучный отчетъ о моемъ путешествіи. Теперь мнѣ грозитъ послѣдняя и самая страшная таможня — русская. Щепкинъ говоритъ, что она да англійская самыя свирѣпыя. Будь, что будетъ. Меня немножко успокоиваетъ то, что не будутъ спрашивать и исповѣдывать. А я купилъ цѣлый кусокъ голландскаго полотна, его теперь рѣжутъ и шьютъ на простыни. Воля ваша, а я родился рано—куда ни повернусь, все вижу, что жить нельзя, а путешествовать и подавно. Что ни говорите о таможняхъ, а въ моихъ глазахъ это гнусная, позорная для человѣческаго достоинства вещь. Я отвергаю ее не головою, а нервами; мое отвращеніе къ ней — не убѣжденіе только, но и болѣзнь вмѣстѣ съ тѣмъ. Когда дочь моя будетъ капризничать, я буду пугать ее не шифонье, какъ Тату, а таможнею.

Прощайте, милый мой Павелъ Васильевичъ, крѣпко жму вамъ руку и говорю мое горячее дружеское спасибо за все, что вы дѣлали для меня; это спасибо вы раздѣлите съ Герценомъ и Боткинымъ. Натальѣ Александровнѣ и Марьѣ Ѳедоровнѣ тысячу привѣтствій и добрыхъ словъ; Сашѣ поклонитесь, а Тату расцѣлуйте. Катеринѣ Николаевнѣ Б—ной мое почтеніе. Вспомнилось мнѣ, что, въ торопяхъ прощанія, я забылъ поблагодарить Константина за его чудныя макароны, божественный ризотъ et cetera et cetera: поправьте мою оплошность. Ну, еще разъ прощайте.

Скажите Марьѣ Ѳедоровнѣ, что, вопреки ея злымъ предчувствіямъ, я часто думалъ о всѣхъ жителяхъ avenue Marigni и о ней, что мнѣ было грустно, что я съ ними разстался, и что я, по пріѣздѣ домой, буду часто говорить о нихъ съ своими и слѣдить за ними въ ихъ вояжѣ.

Поклонитесь отъ меня Н. И. Сазонову и напомните ему о его обѣщаніи написать статью. Б—ну крѣпко жму руку.

В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. 4—8 ноября, 1847.

Спб. 1847, ноября 4.

Виноватъ я передъ тобою, дражайшій мой Василій Петровичъ, какъ чортъ знаетъ кто. Да что же дѣлать? Пріѣхалъ я на временную квартиру, отдохнувъ дня два-три, принялся искать новую. Нашелъ ее послѣ страшныхъ хлопотъ и скитаній. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я переѣхалъ, а повѣришь ли — третьяго дня было послѣднее воскресенье, когда столяръ покончилъ свои услуги по части устройства квартиры. Переѣзжая, мы перевозились съ временной квартиры, да перевозили мебель свою отъ Языкова и книги мои отъ Тютчева—изъ трехъ мѣстъ. Одна укладка книгъ взяла у меня дней пять. А тамъ немножко заболѣлъ, а тутъ работа приспичила, и я въ шесть дней написалъ около трехъ съ половиною печатныхъ листовъ. Теперь одеревенѣлая рука отошла, дѣла нѣтъ, все улажено и уставлено, и я пишу къ тебѣ.

Я приступалъ къ работѣ со страхомъ и трепетомъ; но, къ счастію, она-то и убѣдила меня ясно и несомнѣнно, что поѣздка моя за границу, въ отношеніи къ здоровью, была благодѣтельна, и что я не даромъ скучалъ, зѣвалъ и апатически страдалъ за границею. Во время усиленной работы я чувствовалъ себя даже здоровѣе, крѣпче, сильнѣе, бодрѣе и веселѣе, чѣмъ въ обыкновенное время. Итакъ, я еще могу работать; стало быть, пока еще не пропалъ.

Ноября 5.

Начало этого письма написано вчера поутру, а вчера вечеромъ я былъ у редакціи, и тамъ дали мнѣ твое письмо. Ты пишешь, что я кошусь на тебя, и что какая-то черная кошка

пробѣжала между нами. Стыдно тебѣ питать подобныя предположенія. За что мнѣ на тебя коситься? За разность мнѣній? Что за вздоръ—вѣдь я не мальчишка и романтикъ; философическія времена, когда никто изъ насъ не смѣлъ предаться свободно своему чувству или взгляду, подъ опасеніемъ оказаться въ собственныхъ глазахъ пошлецомъ и подлецомъ, для меня такъ же прошли, какъ и для тебя. Дѣйствительно, бываютъ такія расхожденія въ образѣ мыслей, за которыми необходимо должно слѣдовать и расхожденіе въ знакомствѣ. Но это бываетъ тамъ, гдѣ существуютъ партіи, гдѣ мнѣніе есть дѣло и жизнь. У насъ же это возможно только на условіи нравственной смерти одного изъ пріятелей. Но, любезный Боткинъ, я тебя считаю не только живымъ, даже здоровымъ, потому что, какъ ни мало видишь ты во мнѣ терпимости, но ты рѣшительно ошибаешься на мой счетъ, если думаешь, что я, подобно русскимъ раскольникамъ, ужасаюсь ѣсть изъ одной чашки съ человѣкомъ, который позволяетъ себѣ думать, какъ ему думается, а не какъ мнѣ угодно, чтобъ онъ думалъ. Чортъ возьми, да это уже былъ бы не фанатизмъ, а дуризмъ. Если въ спорахъ съ тобою я бывалъ рѣзокъ или неумѣренъ, Бога ради, не приписывай это даже моему характеру (который и въ этомъ отношеніи много измѣнился), а вспомни, или, лучше сказать, пойми, что прошлою зимою я былъ на волоскъ отъ смерти, и что Тильманъ и не надѣялся дотянуть нити моей жизни до минуты отъѣзда за границу. Вотъ почему на меня такъ болѣзненно подѣйствовала выходка покойнаго Майкова, и теперь я совершенно съ тобою согласенъ, что не на что было сердиться, а тогда—о, если-бы ты зналъ всѣ мои выходки въ семейной жизни! Вспоминая ихъ, я дивлюсь, какъ будто дѣло идетъ не обо мнѣ, а о комъ-то другомъ. Вообще, ты очень мало обращаешь вниманія на мою болѣзнь, потому только, что я на ногахъ, а не въ постели. Но въ такой болѣзни и умираютъ на ногахъ, въ полномъ сознаніи. Если бы ты теперь пріѣхалъ въ Петербургъ и засталъ бы меня въ такомъ положеніи, какъ я чувствую себя теперь, ты бы нашелъ во мнѣ совершенно другого человѣка въ сравненіи съ тѣмъ, котораго видѣлъ около года назадъ тому. А я и теперь еще не внѣ опасности. Вчера я оставилъ мое письмо къ тебѣ на столѣ, и жена заглянула въ него. Ты, сказала она мнѣ послѣ, пишешь къ Василію Петровичу, что былъ недавно немножко нездоровъ—ты ошибаешься: у тебя опять показались раны на легкихъ, и

Тильманъ струсилъ. Онъ говоритъ, что ты больной исключительный, какихъ у него не бывало: о всякомъ другомъ, въ этой болѣзни, онъ можетъ сказать навѣрное — умретъ-де и тогда-то, или выздоровѣетъ; о тебѣ онъ ничего не можетъ сказать, ибо много разъ считалъ тебя обреченнымъ на смерть и опредѣлялъ ея время, а ты, глядишь, черезъ три, четыре дня опять далеко отъ смерти. Дѣйствительно, дней черезъ пять раны на легкихъ опять исчезли, и теперь я чувствую себя препорядочно.

Но обращусь къ прерванной нити. Мнѣ хочется покончить разъ навсегда этотъ вопросъ. Какая еще можетъ быть причина, что я на тебя кошусь? Личныя твои ко мнѣ отношенія. Но пока ты былъ въ Питерѣ, они выражались тѣмъ, что ты всегда являлся ко мнѣ съ участіемъ, что ты прощалъ мнѣ, въ отношеніи къ моей нетерпимости, то, чего другимъ ты не могъ простить и въ меньшей степени.

Когда же ты уѣхалъ въ Москву, личныя твои ко мнѣ отношенія выразились тѣмъ, что ты, чортъ тебя знаетъ, какъ, устроилъ мою поѣздку за границу, которая безъ тебя, даже при готовности другихъ помочь мнѣ (которые и дѣйствительно помогли) никакъ бы не состоялась. Ну, за это мнѣ на тебя коситься было бы странно. Теперь остается одинъ пунктъ: твое участіе въ «Отечественныхъ Записках». Да, оно меня огорчаетъ, очень огорчаетъ, и я готовъ сказать тебѣ это и въ письмѣ и въ глаза; но коситься на тебя по этому поводу я не считаю себя вправѣ, и не кошусь. Вообще, первый признакъ кошенія есть молчаніе о предметѣ кошенья; а я объ этомъ давно хотѣлъ говорить съ тобою, и если собрался сдѣлать это поздно, то потому же, почему до сихъ поръ не писалъ, напримѣръ, къ Анненкову, на котораго я тоже вовсе не кошусь, и который, сверхъ того, не подалъ мнѣ ни малѣйшаго повода огорчаться. Благо зашла объ этомъ рѣчь, не поскучай выслушать меня внимательно, несмотря на мое многословіе. Вчера я увидѣлъ въ «Отечественныхъ Записках» страницу, наполненную обѣщаніемъ статей для будущаго года: она меня, что называется, положила въ лоскъ. И потому я пишу теперь объ этомъ предметѣ подробнѣе, чѣмъ намѣренъ былъ сдѣлать это прежде.

Да, твое участіе въ «Отечественныхъ Записках» глубоко огорчаетъ меня; но за него я и не думалъ коситься на тебя, потому что не считаю себя въ правѣ указывать дорогу твоей волѣ и дѣятельности. Это было бы и несправедливо, и глупо съ

моей стороны. Пріятель мой хочетъ жениться на А., а мнѣ кажется, что ему слѣдуетъ жениться на Б.: меня можетъ огорчать его рѣшеніе, но какъ же бы я могъ коситься на него, не будучи смѣшонъ не только въ его, но и въ своихъ собственныхъ глазахъ? А въ дѣлѣ твоего участія въ «Отечественныхъ Запискахъ» мнѣ уже слѣдуетъ коситься не на одного тебя: Кавелинъ и Грановскій какъ будто уговорились съ тобою губить «Современникъ», отнимая у него, своимъ участіемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», возможность стать твердо на ноги. Но ихъ непонятный для меня образъ дѣйствованія огорчаетъ меня, глубоко огорчаетъ; но не заставляетъ на нихъ коситься. А почему огорчаетъ—выслушай и суди. «Библіотека для Чтенія» всегда шла своею дорогою, потому что имѣла свой духъ, свое направленіе. «Отечественныя Записки» года въ два-три стали на одну съ нею ногу, потому что со дня моего въ нихъ участія пріобрѣли тоже свой духъ, свое направленіе. Оба эти журнала могли не уступать другъ другу въ успѣхѣ, не мѣшая одинъ другому, и если теперь «Библіотека для Чтенія» падаетъ, то не по причинѣ успѣха «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», а потому что Сенковскій вовсе ею не занимается. Совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ находится «Современникъ» къ «Отечественнымъ Запискамъ»: его успѣхъ могъ быть основанъ только на перевѣсѣ надъ ними. Духъ и направленіе его одинаковы съ ними, стало быть, ему, для успѣха, необходимо было доказать чѣмъ-нибудь свое право на существованіе при «Отечественныхъ Запискахъ». Тутъ, стало быть, прямое соперничество, и успѣхъ одного журнала необходимо условливается паденіемъ другого. Въ чемъ же долженъ состоять перевѣсъ «Современника» надъ «Отечественными Записками?» Въ переходѣ изъ нихъ въ него главныхъ ихъ сотрудниковъ и участниковъ, дававшихъ имъ духъ и направленіе. Объ этомъ переходѣ и было возвѣщено публикѣ, и это возвѣщеніе было единственною причиною необыкновеннаго успѣха «Современника», пріобрѣтшаго въ первый же годъ больше 2000 подписчиковъ, несмотря на то, что его объявленіе вышло только въ ноябрѣ. И это понятно: публика вправѣ была думать, что настоящее направленіе «Отечественныхъ Записокъ» перейдетъ въ «Современникъ», а въ «Отечественныхъ Запискахъ» останется только тѣнь, призракъ этого направленія. Но Краевскій — пошлецъ и мерзавецъ, стало быть, за него судьба и честные люди: два союзника, вѣчно обезпечивающіе успѣхъ негодяевъ. Я по-

могъ «Современнику» только моимъ именемъ, а дѣйствительнаго моего участія въ немъ мало замѣтно было и до моего отъѣзда за границу (умирая, мудрено писать хорошо, и даже такъ, какъ я писалъ, умирая, только я могъ писать по моей привычкѣ къ дѣлу, обратившейся у меня въ натуру); пока я былъ за границею, въ 5 №№ уже буквально не было никакого съ моей стороны участія. Отъ этого произошли тѣ важные недостатки «Современника», въ которыхъ ты его очень основательно обвиняешь. Это былъ сборникъ статей, весьма замѣчательный, можно сказать, превосходный; но журналъ плохой, вовсе не журналъ. Публика ожидала моихъ большихъ критическихъ статей, особенно о Лермонтовѣ и Гоголѣ, которыя были ей неоднократно обѣщаны, а вмѣсто того не нашла въ «Современникѣ» даже и библіографіи порядочной. Разумѣется, ей дѣла мало до моей болѣзни или моего отъѣзда; она видѣла только, что, какъ сборникъ (особенно со стороны повѣстей), «Отечественныя Записки» упали, но, какъ журналъ, имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ «Современникомъ». Судьба за мерзавца! Однако, несмотря на то, подписка на «Современникъ» шла, хотя и тихо, даже и лѣтомъ, и до сихъ поръ еще не прекратились требованія на «Современникъ» 1847 года. Но развратная судьба не удовлетворилась только этимъ въ помощи Кузьмѣ Рощину. Есть въ Питерѣ нѣкто господинъ Дудышкинъ, чиновникъ, кончившій курсъ въ Петербургскомъ университетѣ. Ему лѣтъ 30; онъ никогда ничего не писалъ и не воображалъ сдѣлаться литераторомъ. Покойникъ Майковъ убѣдилъ его, что онъ можетъ писать, и заставилъ писать въ «Отечественныя Записки»—и что же, этотъ Дудышкинъ дебютировалъ статьей о фонъ-Визинѣ, которая, по моему мнѣнію, просто превосходна. По пріѣздѣ, сейчасъ пустился я въ чтеніе того, что вышло безъ меня. Прежде всего мнѣ указали на статью о фонъ-Визинѣ. Я пришелъ отъ нея въ восторгъ, чрезмѣрность котораго понятна только во мнѣ, потому что всякое сколько-нибудь живое и замѣчательное явленіе въ русской литературѣ радуетъ меня въ тысячу разъ больше, нежели дѣйствительно огромное явленіе въ европейской литературѣ. Но вотъ я читаю въ «Отечественныхъ Записках» статью на книжку Григорьева о еврейскихъ сектахъ. Статья прекрасная, фактовъ въ ней больше, чѣмъ въ книжкѣ — и есть взглядъ, котораго нѣтъ въ книжкѣ. Чья это статья? — Да все Дудышкина же; онъ для нея ходилъ въ Публичную Библіотеку, рылся въ книгахъ. Читаю въ

8 № «Отечественныхъ Записокъ» статью о французской литературѣ—статья дѣльная; чья? Все Дудышкина же. Понравились мнѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» двѣ или три рецензіи: чьи?—Дудышкина. Одна о поэмѣ Вердеревскаго «Больной»; Майковъ покойникъ объ этой же поэмѣ писалъ въ «Современникѣ»; но рецензія «Отечественныхъ Записокъ» прекрасна, а въ «Современникѣ—пл-о-о-о-ха!!—Ну не . . . . ли, не . . . . ли судьба? Вѣдь это все случай: Дудышкинъ такъ же могъ бы печатать и у насъ, какъ и въ «Отечественныхъ Запискахъ», а случилось же, что онъ началъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Разумѣется, Заблоцкій намъ ничего не даетъ и, если не въ «Журналѣ Государственныхъ Имуществъ», то въ «Отечественныхъ Запискахъ» будетъ помѣщать свои лучшія статьи. Тутъ нѣтъ судьбы и случайности. Но надо же было, чтобы именно въ нынѣшнемъ году напечаталъ онъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» свою архи и просто—превосходнѣйшую статью (во мнѣніи о которой—я увѣренъ—ты à la lettre согласенъ и пересогласенъ со мною) о причинахъ колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи. А тамъ кто-то изъ неизвѣстныхъ прислалъ Краевскому прекрасную и преинтересную статью о золотыхъ пріискахъ въ Сибири. Счастіе подлецу! Но, несмотря на то, наше дѣло еще далеко не проиграно; даже была бы надежда на побѣду, ибо для этого есть всѣ средства. Повѣсти у насъ—объядѣніе, роскошь; ни одинъ журналъ никогда не былъ такъ блистательно богатъ въ этомъ отношеніи; а русскія повѣсти съ Гоголевскимъ направленіемъ теперь дороже всего для русской публики, и этого не видятъ только уже вовсе слѣпые. Отъ Краевскаго всѣ переходятъ къ намъ. Покойникъ Майковъ, передъ смертью, рѣшительно перешелъ было къ намъ. Пронюхавши о Дудышкинѣ, Некрасовъ сейчасъ же бросился въ Царское Село, поѣхалъ туда для порядка, а воротился пьянъ, но и Дудышкина оставилъ въ веселомъ расположеніи духа. Я, съ своей стороны, тотчасъ же поспѣшилъ съ нимъ познакомиться, расхвалилъ ему его статью, и онъ сказалъ мнѣ, да я и самъ это ясно видѣлъ, что ничья похвала не могла польстить его самолюбію столько, какъ моя. Теперь онъ нашъ. Онъ уже взялъ сочиненія Муравьева, Хемницера, Кантемира (въ новомъ изданіи Смирдина), чтобы писать о нихъ. Онъ человѣкъ умный и съ характеромъ—сразу понялъ Андрюшку и въ глаза язвилъ его ловкими выходками. Мы даже имѣемъ причину надѣяться, что ни одной строки Дудышкина не будетъ въ «Отечественныхъ

Запискахъ». Теперь есть еще въ Петербургѣ молодой человѣкъ, Милютинъ. Онъ занимается con amore и спеціально политическою экономіею. Изъ его статьи о Мальтусѣ ты могъ видѣть, что онъ слѣдитъ за наукою, и что его направленіе дѣльное и совершенно гуманное, безъ прекраснодушія. Правда, онъ пишетъ скоро, а потому многословно, часто повторяется, любитъ книжныя, иностранныя словца—принципы, аргументы и тому подобныя мерзости; но это отъ молодости: онъ еще выпишется, и даже очень скоро, ибо соглашается вполнѣ насчетъ своихъ недостатковъ. Онъ началъ у Краевскаго, перешелъ къ намъ, и есть надежда, что вовсе отъ него откажется. Я подалъ Некрасову мысль, такъ какъ на будущій годъ мы значительно раздвинемъ предѣлы библіографіи, поручить ему въ полную редакцію разборъ книгъ по его части. Есть еще въ Питерѣ нѣкто господинъ Веселовскій. Онъ относится къ Заблоцкому, какъ я относился къ Краевскому, съ тою только разницей, что Заблоцкій-то къ нему относится не какъ чугунная голова, пѣшка, способная загребать жаръ только чужими руками. Я и теперь помню нѣкоторыя рецензіи Веселовскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» на книги по части сельскаго хозяйства. Это человѣкъ съ знаніемъ дѣла, съ убѣжденіемъ и талантомъ. Я вчера съ нимъ познакомился и предложилъ Некрасову—предложить ему редакцію библіографіи по части литературы сельскаго хозяйства. Не знаю, чѣмъ кончились ихъ переговоры; но изъ всего видѣлъ ясно, что Веселовскій Краевскаго презираетъ, а съ нами симпатизируетъ. Еслибъ это удалось — куда бы хорошо! Сельское хозяйство — статья теперь важная. Если все это устроится, да мое здоровье позволитъ мнѣ поналечь на дѣло, было бы хорошо. Въ первой книжкѣ будетъ моя большая статья—«Обзоръ русской литературы въ 1847 году». Мнѣ хочется разобрать «Кто виноватъ?» и «Обыкновенную Исторію». Эти двѣ вещи даютъ возможность говорить обо многомъ такомъ, что интересно и полезно для русской публики, потому что близко къ ней. Во второмъ номерѣ—о Лермонтовѣ, благо кстати вышло новое его изданіе. Затѣмъ о Ломоносовѣ, Державинѣ и другихъ, изданныхъ теперь Смирдинымъ писателяхъ русскихъ, а тамъ, съ сентябрьской книжки,—о Гоголѣ. Такимъ образомъ «Современникъ» сдѣлается по преимуществу критическимъ журналомъ, и лишь бы только здоровье мое позволило, а ужъ въ этомъ отношеніи я доставлю «Современнику» огромный перевѣсъ надъ «Отечественными За-

писками». Тутъ важна мнѣ будетъ помощь Дудышкина. Кромѣ того, чтобы критика не была односторонняя, можно будетъ помѣщать статьи критическія по части политической экономіи, сельскаго хозяйства, въ чемъ надѣюсь на Милютина и Веселовскаго. Благодаря Кавелину, критика и библіографія по части русской исторіи уже и была болѣе, чѣмъ удовлетворительна; почему же не быть ей впередъ такою? Если бы Грановскій и Коршъ хоть статьи по три давали въ годъ, и по части исторіи «Современникъ» могъ бы щеголять и блистать.

Да, средствъ у насъ пропасть; а дѣло наше въ настоящее время никуда не годится. Ты видишь, что и въ Петербургѣ есть дѣльные молодые люди; они всѣ не любятъ Краевскаго и любятъ насъ. Стало быть, мы нашли тамъ, гдѣ не искали и гдѣ не думали найти; но зато потеряли тамъ, гдѣ не сомнѣвались найти. Московскіе наши пріятели поступаютъ съ нами, какъ враги, и губятъ насъ. Начну съ тебя. Ожидая твоего возвращенія изъ-за границы, я былъ увѣренъ, что ты будешь работать или въ одномъ журналѣ со мною, или нигдѣ. Что дѣлать—я привыкъ къ этой мысли. Да и другіе привыкли видѣть насъ съ тобою всегда вмѣстѣ. Это извѣстно, особенно въ Москвѣ, многимъ людямъ, которыхъ мы съ тобою даже не знаемъ. Новости литературныя у насъ то же самое, что за границей новости политическія. Всѣ знаютъ, что я работалъ въ «Телескопѣ»—и ты тоже; я въ «Наблюдателѣ»—и ты тоже; я въ «Отечественныхъ Записках»—и ты тоже. Что же подумаютъ эти люди, видя, что теперь ты и въ «Современникѣ» и въ «Отечественныхъ Записках», и еще въ послѣднихъ больше? Не въ правѣ ли они приписать это тому, что, если мы съ тобою и не перегрызлись, какъ собаки, то между нами пробѣжала черная кошка? Я уже говорилъ, что фундаментъ, основаніе и условіе (conditio sine qua non) успѣха «Современника» есть переходъ въ него главныхъ и важнѣйшихъ сотрудниковъ и участниковъ «Отечественныхъ Записокъ». Гдѣ же теперь этотъ переходъ? Его нѣтъ. Стало быть, программа «Современника»—пуфъ, а самъ «Современникъ» диверсія карманная, нѣчто вродѣ угрозы Краевскому. Почему не подумать публикѣ, что и я, Бѣлинскій, тоже не думалъ оставлять вовсе «Отечественныя Записки», а только рѣшился писать, для бо́льшихъ выгодъ, въ двухъ журналахъ, т.-е. работать и нашимъ и вашимъ? И Краевскій въ своихъ программахъ сильно напираетъ на то, что его сотрудники и не думали оставлять «Отечественныя Записки».

Почемъ знать, что на словахъ онъ многихъ не увѣряетъ, что такія-то и такія-то статьи въ «Отечественныхъ Записках» — мои? Вѣдь моего особеннаго участія въ «Современникѣ» не замѣтно. Почему не думать многимъ, что въ «Отечественныхъ Записках» можетъ явиться повѣсть или статья Герцена? Почему, наконецъ, мало-по-малу не образоваться въ публикѣ убѣжденію, что «Современникъ» есть не что иное, какъ слѣдствіе личной ссоры Панаева съ Краевскимъ, или попытка на наживу по примѣру Краевскаго, и что многіе изъ сотрудниковъ и участниковъ «Отечественныхъ Записокъ» согласились участвовать въ «Современникѣ» не по особенной къ нему симпатіи, а потому, что для нихъ «Современникъ» такъ же ничѣмъ не хуже «Отечественныхъ Записокъ», какъ и «Отечественныя Записки» ничѣмъ не хуже «Современника»? Какое вліяніе подобное мнѣніе произведетъ на подписку будущаго года—увидимъ... И какъ ожидать въ этомъ отношеніи успѣха, когда самое счастіе наше обратилось намъ въ несчастіе? Напримѣръ, твои «Письма объ Испаніи» были для насъ находкою. Я не скажу, чтобы они произвели въ публикѣ фуроръ; но я скажу утвердительно, что ихъ всѣ хвалятъ, всѣ довольны ими, и нѣтъ ни одного противъ нихъ голоса. Даже Куторга, этотъ человѣкъ, который ничего не хвалитъ, не разъ хвалилъ твои письма Панаеву. Это успѣхъ. Ты теперь составилъ себѣ въ литературѣ имя и пріобрѣлъ, въ отношеніи къ Испаніи, авторитетъ. Тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. Когда еще я только получилъ твои письма для моего альманаха, я предвидѣлъ этотъ успѣхъ, что было вовсе немудрено. Въ послѣднія десять лѣтъ безпрестанно писано было въ газетахъ объ Испаніи, но любопытство публики только было раздражено, а нисколько не удовлетворено, и чѣмъ болѣе читала она извѣстій объ Испаніи, тѣмъ болѣе Испанія оставалась для нея terra incognita. Теперь понятно, что, если бы кто-нибудь, не зная ни одного слова по-испански, не выѣзжая никогда изъ Россіи, по хорошимъ французскимъ, нѣмецкимъ или англійскимъ источникамъ, составилъ большую статью о нравахъ современной Испаніи—эта статья не могла бы не обратить на себя общаго вниманія. А тутъ пишетъ человѣкъ, видѣвшій Испанію собственными глазами, знающій ея языкъ, и пишетъ съ умомъ, знаніемъ и талантомъ, съ умѣніемъ писать для публики, а не для записныхъ читателей и писателей. И потому, говорю тебѣ, въ отношеніи къ Испаніи, ты сдѣлался авторитетомъ, такъ что о чемъ бы

ты ни писалъ другомъ, и какъ бы хорошо ни писалъ, всякая твоя статья, касающаяся Испаніи, будетъ имѣть, въ глазахъ публики, въ тысячу разъ больше интереса, чѣмъ статья о другомъ предметѣ. И вотъ ты теперь испанскимъ перцемъ поддаешь жизни и бодрости «Отечественнымъ Запискамъ», да еще обѣщалъ имъ статью: Взглядъ на Испанію за три послѣдніе вѣка!!! Ты, можетъ быть, въ этомъ случаѣ и совершенно правъ передъ самимъ собою и нисколько не виноватъ передо мною и «Современникомъ», но мнѣ-то отъ этого не легче, а напротивъ, тяжело, очень тяжело, горько, прискорбно. Моя жизнь сплетена съ твоею моими глупыми, но все-таки лучшими годами; у меня такъ много общихъ съ тобою воспоминаній; мы сошлись не на чемъ-нибудь, но насъ связало одно общее, благородное, человѣческое стремленіе. Не думалъ я, чтобы, приближаясь къ сорокалѣтнему возрасту, мы пойдемъ врозь, и что насъ раздѣлитъ — кто же? — каналья, ничтожный, презрѣнный Краевскій!.. Больно мнѣ также, что ты напрасно колеблешься между своимъ разсудкомъ, который наклоняетъ тебя на сторону мою и «Современника», и между непосредственнымъ стремленіемъ къ «Отечественнымъ Запискамъ». Вижу я, что «Современнику» нечего отъ тебя ожидать, что если ты, несмотря на данное слово, ничего не могъ сдѣлать для него, такъ это не по лѣни, а потому, что къ чему не лежитъ сердце, то какъ ни бейся, а для того ничего не сдѣлаешь. Но опять-таки повторяю тебѣ: мнѣ больно и тяжело, душа моя прискорбна до смерти, но я на тебя за это не кошусь, не дуюсь, ибо коситься и дуться значитъ молча сердиться, таить въ сердцѣ неудовольствіе, а я высказалъ тебѣ все откровенно, прямо. Я всегда и весь наружу — такова моя натура. И еще разъ: несмотря на все, я слишкомъ уважаю свободу человѣка, въ настоящемъ значеніи этого слова, чтобы считать тебя виноватымъ передо мною, а себя вправѣ сердиться на тебя. Ты правъ передо мною, но мнѣ тяжело и грустно; мнѣ тяжело и грустно отъ тебя и по причинѣ тебя, но я не сержусь, не кошусь, не дуюсь на тебя. Пойми это, умоляю тебя.

Обращаюсь теперь къ другимъ, ибо желаю, чтобы это письмо было прочтено соборнѣ, всѣмъ тѣмъ, до кого оно касается, и Николаю Петровичу тожъ (послѣднее для меня очень важно, потому именно, что Николай Петровичъ не сотрудникъ «Современника», а человѣкъ этому дѣлу посторонній). Я сказалъ, что подлецамъ счастіе, и докажу это. Мерзавцы во всемъ успѣваютъ,

а честные люди осуждены на горе жизни. Когда Герценъ не рѣшался отдать мнѣ «Кто виноватъ?» для альманаха, по ложной деликатности, я писалъ къ нему: подлецы потому и успѣваютъ въ своихъ дѣлахъ, что поступаютъ съ честными людьми, какъ съ подлецами, а честные люди поступаютъ съ подлецами, какъ съ честными людьми. Эта простая и вѣрная мысль привела Герцена въ восторгъ, а повѣсти-то онъ мнѣ все-таки не далъ, т.-е. все-таки рѣшился съ подлецомъ Краевскимъ поступить, какъ съ честнымъ человѣкомъ — вѣроятно, для подтвержденія фактомъ теоріи доктора Крупова о повальномъ сумасшествіи людей. Слушай же далѣе. Когда еще Краевскій далеко не обозначился вполнѣ, и на «Отечественныя Записки» мои московскіе друзья смотрѣли болѣе, какъ на мой, нежели какъ на Краевскаго журналъ—Грановскій не далъ въ нихъ ни строки, отговариваясь недосугомъ со стороны его профессорскихъ обязанностей. Ну, коли недосугъ мѣшаетъ доброй волѣ—жаль, а дѣлать нечего! Но что же? Вдругъ въ «Москвитянинѣ» является большая статья недосужаго Тимоѳея Николаевича! Почему же она явилась въ журналѣ презираемаго имъ человѣка, въ журналѣ противнаго и ненавистнаго ему направленія? Потому только, что Погодинъ, встрѣтивъ его, обругалъ его за лѣность и присталъ къ нему — дай статью! Вотъ она подобостранная-то, запуганная славянская природа! Презирайте послѣ этого русскаго мужика, который часто несговорчивъ и грубъ съ тѣмъ, кто обращается съ нимъ человѣчески, и внутренно благоговѣетъ передъ тѣмъ, любитъ даже того, кто начинаетъ съ нимъ объясненія съ . . . . . и съ треуха по салазкамъ! Дураки славянофилы, думающіе, что европеизмъ насъ выродилъ, и что между русскимъ мужикомъ и русскимъ профессоромъ легла бездна!—Но далѣе. Судьбѣ угодно было, чтобы Грановскій, наконецъ, не миновалъ же «Отечественныхъ Записокъ». Но когда это случилось: когда Краевскій обнаружился вполнѣ, а я отошелъ отъ «Отечественныхъ Записокъ». Но тутъ еще былъ смыслъ. Хомяковъ обругалъ статью Кавелина, напечатанную въ «Отечественныхъ Запискахъ», и отвѣту прилично было явиться въ «Отечественныхъ же Запискахъ». И потому какъ ни больно намъ было видѣть имя Грановскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», но ничего — въ чемъ есть смыслъ, то легче вынести. Но я спрашиваю тебя, Грановскій, и всѣхъ васъ: по какой достаточной причинѣ біографія Помбаля, писанная Грановскимъ, явится въ «Отечественныхъ Запискахъ», а не въ «Со-

временникѣ?» Я знаю, что такое Помбаль; составь объ этомъ предметѣ статью какой-нибудь Головачевъ—и тогда она могла бы быть страшно интересною; а у Грановскаго — что и говорить. Что же это значитъ? Тайное ли, ничѣмъ непобѣдимое нерасположеніе къ «Современнику», или — да скажите же, наконецъ, ради всего святого для васъ—что же это значитъ? У меня голова кружится, я боленъ отъ этого вопроса. Объявляетъ Краевскій о нѣсколькихъ критическихъ статьяхъ по части русской исторіи Кавелина, и о «Несторѣ» въ двухъ статьяхъ какого-то К. К—на. Ужасъ!

Вы, пожалуй, скажете, что я слишкомъ горячо принимаю дѣло, что не большая-де важность дать что-нибудь и въ «Отечественныя Записки». Нѣтъ, большая! Теперь время подписки. Первый годъ не окупился, и если не прибавится цѣлой тысячи подписчиковъ новыхъ (предполагая, что 2000 старыхъ останутся), бѣда еще будетъ не въ томъ только, что Панаевъ ничего не получитъ и на другой годъ, а Некрасовъ еще годъ будетъ существовать въ долгъ, въ надеждѣ будущихъ благъ, но и въ томъ еще, что надо будетъ съежиться, ибо на прежнемъ широкомъ основаніи издавать уже не будетъ никакой возможности. Надо будетъ думать не о будущемъ успѣхѣ, а объ уравненіи расходовъ съ приходомъ; для этого надо будетъ убавить число листовъ и установить новую плату сотрудникамъ (за исключеніемъ немногихъ), напр., хоть сравнять ее съ платою «Отечественныхъ Записокъ». А это убьетъ всякую возможность подняться въ 1849 году, ибо основательно принято будетъ за упадокъ журнала. Но какъ же надѣяться теперь хорошей подписки, когда наши московскіе друзья, надававши Краевскому столько статей, ясно показали этимъ публикѣ, что всѣ объявленія и толки о переходѣ сотрудниковъ и участниковъ «Отечественныхъ Записокъ» въ другой журналъ—пуфъ... «Отечественныя Записки» пользуются передъ «Современникомъ» страшнымъ преимуществомъ — девятилѣтнею, да еще почетною, давностью; къ нимъ привыкли, ихъ всѣ знаютъ; а извѣстное дѣло, что у насъ журналу легче подняться, чѣмъ, поднявшись, упасть. Вотъ «Библіотека для Чтенія» уже мерзость мерзостью, а можно смѣло пари держать, что и на будущій годъ у ней будутъ ея 3000 подписчиковъ. Но «Отечественныя Записки», благодаря судьбѣ, покровительствующей подлецовъ, и нашимъ московскимъ друзьямъ, дѣйствующимъ за одно съ судьбою, еще не упали. Онѣ страшно плохи въ отно-

шеніи къ повѣстямъ; но и это случай, т.-е. мой предполагавшійся альманахъ, такъ кстати обогатившій «Современникъ» повѣстями. Направленіе «Отечественныхъ Записокъ» одно съ «Современникомъ». За что же публика промѣняетъ старый журналъ на новый, который, сверхъ того, похожъ на пуфъ? Не всякій въ состояніи подписываться на два журнала, и, конечно, большая часть останется, въ этомъ выборѣ, на сторонѣ стараго. Насъ обвиняли за шарлатанскія объявленія. Мы сами знаемъ цѣну этимъ объявленіямъ; но безъ нихъ нечего было и за дѣло браться. По прошлогодней подпискѣ видно, что есть цѣлые уѣзды и полосы, куда не попалъ ни одинъ экземпляръ «Современника», и гдѣ, стало быть, не знаютъ о его существованіи: такъ надо дать знать, надо прокричать. Но пусть только «Современникъ» станетъ твердой ногою, пусть на будущій годъ у него будетъ 3000 подписчиковъ, и я ручаюсь честнымъ моимъ словомъ, что объявленіе о продолженіи «Современника» на 1849 годъ будетъ состоять въ нѣсколькихъ строкахъ такого содержанія: что будетъ-де продолжаться въ прежнемъ духѣ, и что редакція употребитъ все отъ нея зависящее, чтобы еще болѣе улучшить свое изданіе. Не будетъ никакихъ обѣщаній впередъ, перечней обѣщанныхъ, или предполагаемыхъ статей. А теперь безъ этого невозможно. Вонъ Краевскій дѣлаетъ это не по нуждѣ, а потому что у него натура лавочника. Журналъ его давно обезпеченъ, а онъ каждый годъ пишетъ огромныя объявленія гостинодворскимъ слогомъ, гдѣ вѣчно разсказываютъ одну и ту же исторію о тщетныхъ усиліяхъ враговъ «Отечественныхъ Записокъ» поколебать ихъ успѣхъ. Но что касается до его послѣдняго объявленія о статьяхъ—это съ его стороны умно, потому что необходимо. Онъ имѣетъ причины бояться «Современника», и ему надо показать на дѣлѣ, что его прежніе сотрудники и теперь его же сотрудники. Видите ли вы, какую ужасную силу даете вы ему и какой, слѣдовательно, ужасной силы лишаете «Современника»? Вѣдь это просто битье по карману! Какъ тутъ надѣяться на подписку?

Ты еще имѣлъ какія-нибудь причины вязаться съ Краевскимъ и снабжать его своими трудами: ты давно помѣщалъ свои статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», давно лично знакомъ съ Краевскимъ; въ послѣднее время онъ тебѣ даже оказалъ услугу. О Рѣдькинѣ я не говорю; онъ ко мнѣ не такъ близокъ, хотя все бы (скажу мимоходомъ) и ему слѣдовало бы сперва исполнить свое обѣщаніе дать намъ что-нибудь, а потомъ уже обѣщать и

другимъ. Нечего и говорить о Соловьевѣ. Это человѣкъ совершенно чуждый намъ, да не близкій и вамъ. Онъ не хочетъ принадлежать никакому журналу исключительно. Онъ наклоненъ къ славянофильству, но его отношенія къ Погодину не позволяютъ ему печатать своихъ статей въ «Москвитянинѣ». Поэтому для него «Отечественныя Записки» и «Современникъ»—все равно, и мы очень будемъ ему благодарны, если, печатая въ «Отечественныхъ Запискахъ», онъ будетъ и намъ давать статьи. Но наши друзья-враги совсѣмъ другое дѣло. Мы не того ожидали отъ нихъ, да и не то обѣщали они намъ. Давай они статьи свои въ «Библіотеку для Чтенія», намъ было бы это крайне прискорбно, но все далеко не такъ, какъ видѣть ихъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»; еще сноснѣе было бы намъ видѣть ихъ статьи въ какомъ-нибудь «Москвитянинѣ» (хотя тоже вовсе не весело), потому что между «Москвитяниномъ» и «Современникомъ» нѣтъ никакого соперничества. Сколько я помню, наши московскіе друзья-враги дали намъ свои имена и труды, сколько по желанію работать соединенно въ одномъ журналѣ, чуждомъ всякихъ постороннихъ вліяній, столько и по желанію дать средства къ существованію нѣкоему Бѣлинскому. Цѣль ихъ, кажется, достигнута. «Современникъ» имѣетъ свои недостатки, дѣйствительно, очень важные, но поправимые и происшедшіе отъ положенія моего здоровья. Едва ли можно обвинить его даже въ неумышленно другомъ направленіи, не только въ умышленномъ. И другая цѣль тоже достигнута. Я былъ спасенъ «Современникомъ». Мой альманахъ, имѣй онъ даже большой успѣхъ, помогъ бы мнѣ только временно. Безъ журнала я не могъ существовать. Я почти ничего не сдѣлалъ нынѣшній годъ для «Современника», а мои 8 тысячъ давно уже забралъ. Поѣздка за границу, лишившая «Современникъ» моего участія на нѣсколько мѣсяцевъ, не лишила меня платы. На будущій годъ я получаю 12 тысячъ — кажется, есть разница въ моемъ положеніи, когда я работалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но эта разница не оканчивается однѣми деньгами: я получаю много больше, а дѣлаю много меньше. Я могу дѣлать, что хочу. Вслѣдствіе моего условія съ Некрасовымъ, мой трудъ больше качественный, нежели количественный; мое участіе больше нравственное, нежели дѣятельное. Я уже говорилъ тебѣ, что Дудышкину отданы для разбора сочиненія Кантемира, Хемницера, Муравьева. А вѣдь эти книги — прямо мое дѣло. Но я могу не дѣлать и того, что̀ прямо относится къ роду

моей дѣятельности; стало быть, нечего и говорить о томъ, что выходитъ изъ предѣловъ моей дѣятельности. Не Некрасовъ говоритъ мнѣ, что я долженъ дѣлать, а я увѣдомляю Некрасова, что я хочу или считаю нужнымъ дѣлать. Подобныя условія были бы дороги каждому, а тѣмъ болѣе мнѣ, человѣку больному, не выходящему изъ опаснаго положенія, утомленному, измученному, усталому повторять вѣчно одно и то же. А у Краевскаго я писалъ даже объ азбукахъ, пѣсенникахъ, гадательныхъ книжкахъ, поздравительныхъ стихахъ швейцаровъ клубовъ (право!), о книгахъ о клопахъ, наконецъ, о нѣмецкихъ книгахъ, въ которыхъ я не умѣлъ перевести даже заглавія; писалъ объ архитектурѣ, о которой я столько же знаю, сколько объ искусствѣ плести кружева. Онъ меня сдѣлалъ не только чернорабочимъ, водовозною лошадью, но и шарлатаномъ, который судитъ о томъ, въ чемъ не смыслитъ ни малѣйшаго толку. Итакъ, то ли мое новое положеніе, доставленное мнѣ «Современникомъ»? «Современникъ» вся моя надежда; безъ него я погибъ въ буквальномъ, а не въ переносномъ значеніи этого слова. А между тѣмъ, мои московскіе друзья дѣйствуютъ такъ, какъ будто рѣшились погубить меня, но не вдругъ, и не прямо, а помаленьку и косвеннымъ путемъ, подъ видомъ сострадания къ Краевскому. Сатинъ пишетъ къ намъ, что московскіе друзья наши питаютъ къ «Современнику» больше симпатіи, чѣмъ къ «Отечественнымъ Записками», и что намъ они желаютъ всевозможныхъ успѣховъ, но жалѣютъ также и Краевскаго. О, милый, добрый Сатинъ, о, наивный драгоцѣнный субъектъ для психіатрическихъ наблюденій доктора Крупова надъ человѣческимъ родомъ! Ко мнѣ питаютъ больше симпатіи, чѣмъ къ Краевскому! Quel honneur, quel bonheur! Услышавъ объ этомъ, я выросъ въ собственныхъ глазахъ и подбѣжалъ къ зеркалу, чтобы увидѣть ликъ человѣка, который лучше даже Краевскаго. Цѣлый день ходилъ я индѣйскимъ пѣтухомъ, такъ что жена спросила меня, не получилъ ли я наслѣдства отъ богатаго дяди, индійскаго набоба. Намъ желаютъ всевозможныхъ успѣховъ, но жалѣютъ и Краевскаго. О, добрыя, чувствительныя, сострадательныя души! Какъ глубоко вникли они въ мысль писанія: блаженъ кто и скоты милуетъ! Ай да Галаховъ—молодецъ! То-то, я думаю, доволенъ, то-то смѣется! И «Отечественнымъ Записками» помогъ, слѣдовательно, и самому себѣ, и умныхъ людей заставилъ поступать по-своему. И какъ было не надавать Краевскому статей? Галаховъ кланялся, ползалъ, плакалъ, умолялъ, хлопоча о своемъ

отцѣ и командирѣ, благодѣтелѣ и покровителѣ, кормильцѣ и милостивцѣ! Форма пошла и гадка, но сущность поступка Галахова разумна. Ему въ «Современникѣ» не можетъ быть ни настолько работы, какъ въ «Отечественныхъ Записках», ни такой, какъ въ нихъ, роли. Тамъ онъ теперь первый и главный; у насъ всегда былъ бы однимъ изъ нѣсколькихъ. Но вы-то, господа профессоры, изъ чего разжалобились? Девять лѣтъ издаетъ Краевскій «Отечественныя Записки». Начались онѣ плохо, безъ всякаго направленія; я спасъ ихъ, давъ имъ направленіе, нелѣпое и дикое, но направленіе. Съ третьяго (1841) года начали онѣ поправляться денежно; на четвертый (1842) Краевскій былъ въ барышахъ. Пятый (1843) годъ былъ послѣдній, въ который онъ вдовѣ Свиньина заплатилъ пять тысячъ рублей. Теперь, неужели въ пять послѣднихъ лѣтъ онъ ежегодно получалъ менѣе тридцати тысячъ серебромъ? Положимъ, въ 1843 меньше, зато въ 1846 и 1847 больше; значитъ: у него по крайней мѣрѣ полтораста тысячъ серебромъ лежитъ теперь въ ломбардѣ, т.-е. больше полумилліона ассигнаціями! Какъ не пожалѣть его, бѣдняжку! Что вы не сложитесь для него на подписку? Изъ доходовъ «Отечественныхъ Записокъ» онъ не потратилъ ни копѣйки. Онъ всегда жилъ, какъ жидъ, и жилъ на деньги «Литературной Газеты» (которая никогда не давала ему меньше двухъ тысячъ серебромъ, а въ 1845 г. дала двѣнадцать тысячъ ассигнаціями), на жалованье за «Инвалидъ» (4500 руб. асс.), на жалованье по корпусу, гдѣ онъ учитъ. У него всегда бывало больше 3000 сер. постороннихъ доходовъ. Нѣтъ, господа, еслибъ Краевскій и не былъ подлецомъ и мерзавцемъ, и тогда бы, видя его въ полумилліонѣ, вамъ нечего было бы колебаться между нимъ, постороннимъ вамъ, хотя и хорошимъ человѣкомъ, и мною, котораго вы зовете своимъ, вашимъ, въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова, да къ тому еще и нищимъ. Не вѣрю я этой всеобщей любви, равно на всѣхъ простирающейся и не отличающей своихъ отъ чужихъ, близкихъ отъ дальнихъ: это любовь философская, нѣмецкая, романтическая. Можетъ быть, она и хороша, да чортъ съ ней, непотребною . . . . . , поднимающею хвостъ равно для всѣхъ и каждаго! Но вѣдь вы, къ довершенію эксцентричности вашего средневѣковскаго поступка, еще знали, что Краевскій подлецъ, Ванька Каинъ, человѣкъ безъ души, безъ сердца, вампиръ, готовый высосать кровь изъ бѣднаго работника, вогнать его въ чахотку и хладнокровно разсчитывать на работу его по-

слѣднихъ дней, потомъ, при разсчетѣ, обсчитать и гроша мѣднаго не накинуть ему на сосновый гробъ. Вѣдь онъ у тебя, Василій Петровичъ, укралъ тридцать копѣекъ мѣдью, а не больше, потому что больше не могъ, а не потому, чтобъ не хотѣлъ. Странное дѣло! Года два или три назадъ Краевскій ѣздилъ въ Москву; тогда еще онъ только начиналъ обозначаться — и его приняли холодно, презрительно, и покойникъ Крюковъ, и здравствующій донынѣ Искандеръ (да продолжитъ Аллахъ дни его въ безконечность, какъ человѣка, который уже Краевскому не даетъ ни полстроки), и всѣ вы. А прошлое лѣто Краевскій пріѣхалъ въ Москву уже съ клеймомъ на лбу за воровство—и его приняли хорошо; онъ укралъ тридцать копѣекъ мѣди—и къ нему пошли жрать, не будучи даже увѣрены, что это онъ даетъ обѣдъ, и положившись только на увѣренія Боткина, почему-то великодушно отважившагося распинаться за такого благороднаго субъекта, даже съ рискомъ оказаться его козломъ грѣхоносцемъ. Мало того: эта ракалія, этотъ стервецъ презрѣнный осмѣлился предложить тебѣ, о, Василій Петровичъ! въ видѣ условія его драгоцѣннаго у тебя пребыванія, чтобъ ему не встрѣтиться съ Кетчеромъ. Тебѣ бы слѣдовало замѣтить ему, что это очень легко, что ему стоитъ только взять шляпу и уйти, когда войдетъ Кетчеръ; но ты, кажется, ничего ему на это не сказалъ, и воръ имѣлъ полное право думать, что онъ предпочтенъ честному и благородному человѣку, нашему общему и старому другу. Кстати ужъ разскажу новый анекдотъ о вашемъ новомъ другѣ, чтобы еще болѣе усилить ваше къ нему состраданіе. Нанялъ онъ себѣ на Невскомъ проспектѣ великолѣпный отель, за четыре тысячи асс. Увидѣвъ, что у него одна комната лишняя, онъ рѣшился извлечь изъ нея всевозможную выгоду и пустилъ въ нее двухъ своихъ protegés, взявъ съ каждаго по сту рублей сер. Одинъ изъ нихъ— Бутковъ. Краевскій оказалъ ему великую услугу: на деньги общества посѣтителей бѣдныхъ, онъ выкупилъ его отъ мѣщанскаго общества и тѣмъ избавилъ отъ рекрутства. Такимъ образомъ, помогши ему чужими деньгами, онъ рѣшился заставить его расплатиться съ собою съ лихвою, завалилъ его работою, и бѣднякъ уже не разъ приходилъ къ Некрасову жаловаться на желтаго паука, высасывающаго изъ него кровь. Кстати: Бутковъ далъ намъ повѣсть, кажется, порядочную (двѣ его повѣсти въ «Отечественныхъ Записках» нынѣшняго года куда плохи!); впрочемъ, если только сносна, и тогда я радъ смертельно. По-

вѣстей у насъ мало, и тѣ нужны на будущій годъ, такъ въ послѣднюю книжку куда ни шла, а главное—Краевскому одолженіе. Второй его protegé, нѣкто господинъ Крешевъ; онъ его употребляетъ и для «Отечественныхъ Записокъ», и для посылокъ. Разъ Краевскій говоритъ человѣку: позвать ко мнѣ Крешева. Крешевъ является.—Сходите туда и туда, да не торопитесь, время терпитъ, лишь бы только сегодня.—Выполнивъ всѣ порученія, т.-е. побывавъ на разныхъ концахъ Петербурга, Крешевъ является къ своему патрону, отдаетъ отчетъ въ порученіяхъ и проситъ цѣлковаго, чтобъ заплатить извозчику.—Какъ цѣлковый, на что цѣлковый?—воскликнулъ въ ужасѣ поблѣднѣвшій Плюшкинъ.—Да вѣдь я ѣздилъ для васъ же туда и сюда. — Да вѣдь я же вамъ сказалъ, чтобъ вы не торопились, что время терпитъ, стало быть, вы могли бы и пѣшкомъ сходить.—Честные люди всегда имѣютъ дурную привычку со стыдомъ опускать глаза передъ наглой и нахальной подлостью. Крешевъ струсилъ, какъ Грановскій передъ Погодинымъ, когда тотъ, ругая его, просилъ у него статью — и сталъ просить цѣлковаго въ счетъ слѣдующей ему платы. — А, это другое дѣло,— сказалъ смягченный вампиръ;—на свой счетъ возьмите; только что вамъ за охота мотать деньги!

Хорошъ! Когда онъ уѣхалъ отъ тебя, говорятъ, ты сказалъ, что, посмотрѣвъ его вблизи, тебѣ стало гадко. Гадко-то тебѣ стало, а испанскаго-то перцу ты все-таки подсыпалъ въ «Отечественныя Записки»—чтобъ поперхнуться тебѣ этимъ перцемъ!

Вотъ еще обстоятельство, о которомъ меня просили не говорить никому изъ васъ; но, какъ я пишу отъ себя, и у меня отъ избытка сердца уста глаголятъ, такъ ужъ кстати все, чтобъ потомъ объ этой дряни нечего было больше говорить. Я уже говорилъ, что еслибъ «Современникъ» зналъ заранѣе, что его московскіе друзья будутъ дѣйствовать въ минуту жизни трудную для него, какъ его враги—онъ долженъ былъ бы итти поскромнѣе, основываясь на дѣйствительныхъ своихъ средствахъ, т.-е. на 2000 подписчиковъ, а не на обѣщаніяхъ, увы! не всегда надежныхъ даже и со стороны самыхъ, повидимому, надежныхъ людей. Руководствуясь такимъ правиломъ, онъ бы и вовсе не напечаталъ иного изъ того, что имъ напечатано, а за иное не далъ бы той цѣны, которую далъ. Для журнала статьи ученаго содержанія тогда только важны и дороги, когда онѣ, по общности интереса и по изложенію, имѣютъ всю заманчивость и легкость беллетристической статьи. Такова, напр., статья Заблоцкаго о

колебаніи цѣнъ на хлѣбъ: ее прочли многіе и изъ тѣхъ, которые, кромѣ повѣстей, стиховъ да рецензій, ничего не читаютъ и о сельскомъ хозяйствѣ и торговлѣ понятія не имѣютъ. Такова же статья Кавелина о юридическомъ бытѣ древней Россіи. И вотъ почему статьи Кавелина для насъ въ тысячу разъ важнѣе и дороже статей Соловьева, и были бы такими даже и тогда, когда бы намъ доказали, какъ $2 \times 2 = 4$, что для науки статьи послѣдняго въ тысячу разъ важнѣе статей перваго. Я никогда не забуду, какъ Герценъ въ Парижѣ, прочтя объ отношеніяхъ князей Рюрикова дома, сказалъ мнѣ: очень хорошо, только страшно скучно, и читать—мука. А вѣдь Герценъ—не публика! Но каѳедра—иное дѣло; и тамъ цѣнится высоко живое и краснорѣчивое изложеніе; но, какъ бы сухо и мертво и неуклюже ни читалъ профессоръ, если въ его лекціи есть крупицы фактовъ и воззрѣнія чистаго золота—молодые служители науки будутъ отъ него даже въ восторгѣ. Журналъ—другое дѣло. Онъ занимается и наукою, но не для науки; его цѣль—не просвѣщеніе, а образованіе; его задача: поставить незанимающагося наукою человѣка въ возможность обратить для себя вопросы науки въ вопросы жизни. Вотъ, напр., статья о государственномъ хозяйствѣ при Петрѣ Великомъ—очень дѣльная статья, но для журнала она не большая находка. Составленіе ея стоило автору невѣроятныхъ трудовъ; но не иди она въ «Современникъ» отъ Кавелина, за нее Современникъ не далъ бы того, что́ онъ за нее далъ, а не взяли бы меньше—«Современникъ», могъ бы и безъ нея обойтись. Но почему же онъ далъ за нее по 150 асс. съ своего листа, т. е. 200 руб. съ листа «Отечественныхъ Записокъ», и еще далъ охотно, какъ говорится, съ удовольствіемъ? Разумѣется, столько же по желанію сдѣлать пріятное сотруднику, которымъ онъ дорожитъ, сколько и по разсчету, что излишній расходъ въ частномъ случаѣ, съ избыткомъ вознаградится выгодою въ общемъ исключительнаго участія въ «Современникѣ» москвичей. Но во всякомъ случаѣ статья эта не Богъ знаетъ какая находка для журнала, но напечатанія стоила; и если я сказалъ, что не стоила заплаченной за нее цѣны, такъ это потому, что цѣна опредѣляется обыкновенно не объемомъ труда, котораго вещь стоила, а большею или меньшею степенью нужды въ ней покупающаго. Но вотъ статьи господина Фролова, особенно о Гумбольдтѣ—другое дѣло. Редакція «Современника» содрогнулась этой статьи, а напечатала ее потому только, что господинъ

Фроловъ явился въ редакцію съ толками о Грановскомъ, одномъ изъ исключительныхъ сотрудниковъ «Современника», какъ о своемъ другѣ. Фроловъ безспорно человѣкъ хорошій, но литераторъ онъ плохой. Онъ холоденъ, сухъ, пишетъ сонно, нескладно и варварскимъ языкомъ. Будь его статья для одного номера—еще куда ни шло, а то вѣдь, кажется, номеровъ на десять пойдетъ пугать читателей и подписчиковъ «Современника». Ужасъ! Да еще надѣлалъ шуму изъ того, что статью его напечатали сжато, и насилу убѣдили его въ необходимости поправлять слогъ его статей. А дали ему по 150 съ нашего листа, т.-е. почти по 200 съ листа «Отечественныхъ Записокъ», тогда какъ, повторяю, было бы во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе ничего не дать, т.-е. вовсе не печатать статьи. Также точно, основываясь на выгодахъ исключительнаго участія москвичей въ «Современникѣ», и въ Питерѣ многимъ платили по 150 съ нашего листа, вмѣсто того, чтобъ платить по листу «Отечественныхъ Записокъ». Такая роскошь имѣла смыслъ и оправданіе только въ надеждахъ, которыя подавало редакціи «Современника исключительное сотрудничество моихъ московскихъ друзей. Безъ него и за журналъ никто бы не взялся, а, взявшись, повели бы дѣло на основаніи собственныхъ средствъ. Тягаться «Современнику» съ «Отечественными Записками» трудно. Краевскій, какъ подлецъ, въ сорочкѣ родился. Сколько подарили ему статей Боткинъ и Герценъ! Даже моихъ двѣ даромъ были напечатаны въ отдѣлѣ наукъ! Нѣсколько лѣтъ сряду какая-то барыня переводила ему оптомъ все, что ни назначалъ онъ ей, за 600 руб. асс. въ годъ. Правда, ему много было труда выправлять эти переводы, но зато тысячъ десять оставалось у него въ карманѣ. Даровыхъ статей у него всегда было много и есть теперь, а за переводы онъ и теперь платитъ пакостью. А сколько усчитаетъ, отжилитъ, сколько возьметъ нажимомъ, наглостью, безстыдствомъ! Листъ его больше, а обходится онъ ему меньше нашего: его бумага сѣрая, дешевая, а за работу съ него онъ платитъ меньше, потому уже, что онъ больше нашего. Расходы наши всяческіе больше. И вотъ теперь листокъ его съ обѣщаніями рѣжетъ насъ безъ ножа. Обѣщанія, хоть и шарлатанскія, но тѣмъ не менѣе они возьмутъ свое. Онъ обѣщаетъ повѣсти, явно не написанныя (Кудрявцева и Гончарова), статью Милютина и Веселовскаго. Онъ самъ сочинилъ заглавіе: они ему обѣщали, сами еще не зная, что, только чтобъ отвязаться отъ него. Онъ обѣщалъ статью Пере-

вощикова, обѣщанную намъ, о чемъ Панаевъ писалъ къ Перевощикову и получилъ отвѣтъ, что статья—наша, и что ея Краевскому не обѣщалъ. Все это пуфъ, но онъ грозитъ нашей подпискѣ. А тутъ, какъ нарочно, друзья наши придали пуфу дѣйствительность истины, на нашу гибель. А не будь у него этой едва ли ожиданной имъ помощи, гибнуть-то пришлось бы ему. Его бѣда—повѣсти; не то, что у него нѣтъ хорошихъ повѣстей, а то, что онъ печатаетъ мерзости вродѣ: Минутъ изъ жизни деревенской дамы (Жуковой), Вѣры (пошлѣйшая повѣсть въ 3 №), Противорѣчій (идіотская глупость), Хозяйки Достоевскаго (нервическая . . . .), да еще безъ конца. Не будь у него чего пообѣщать—онъ не даромъ струсилъ и натравилъ на вашу сострадательность холопское усердіе Галахова.

Да, счастливы подлецы! А Краевскій и изъ нихъ-то счастливѣйшій. Примѣра подобнаго не бывало въ русской литературѣ. Какой нибудь Гречъ и тотъ не даромъ пріобрѣлъ извѣстность, а что-нибудь да сдѣлалъ. А Краевскій укралъ свою извѣстность—да еще какую! Ни ума, ни таланта, ни убѣжденія (не по одному тому, что онъ подлецъ, но и потому, что въ деревянной башкѣ своей неспособенъ связать двухъ мыслей необращенныхъ въ рубли), ни знанія, ни образованности—и издаетъ журналъ, бывшій лучшимъ русскимъ журналомъ и доселѣ одинъ изъ лучшихъ, журналъ слишкомъ съ 4000 подписчиковъ!!!... Какой нибудь Погодинъ, на котораго онъ всѣхъ больше похожъ по безстыдству, наглости и скаредной скупости, что-нибудь знаетъ, имѣетъ убѣжденія, хотя и гнусныя, что-нибудь сдѣлалъ. Конечно, надо сказать правду, и Краевскій имѣетъ передъ Погодинымъ свои преимущества: онъ имѣетъ чистое бѣлье, моетъ руки, полощетъ во рту, ... , какъ это дѣлаетъ трижды гнусный Погодинъ, вѣчно воняющій. А впрочемъ, ... , обоихъ подлецовъ!

Уфъ! какъ усталъ! Но зато, болтая много, все сказалъ. Знаю, что не убѣжду этимъ москвичей; но люблю во всемъ, и хорошемъ и худомъ, лучше знать, нежели предполагать; это необходимо для истинности отношеній. Знаю горькимъ опытомъ, что съ Славянами пива не сваришь, что Славянинъ можетъ дѣлать только отъ себя, а для совокупнаго, дружнаго дѣйствія обнаруживаетъ сильную способность только по части обѣдовъ на складчину. Никакого практическаго чутья: что заломилъ, то и давай ему — никакой уступки ни въ самолюбіи, ни въ убѣ-

жденіи; лучше ничего не станетъ дѣлать, нежели дѣлать настолько, насколько возможно, а не настолько, насколько хочетъ. А посмотришь на дѣлѣ, глядишь—возитъ на себѣ Погодина или Краевскаго, которые ѣдутъ да посмѣиваются надъ нимъ же. А послушать: общее дѣло, мысль, стремленіе, симпатія, мы, мы, и мы—соловьями поютъ. Эхъ, братецъ ты мой, Василій Петровичъ, когда бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело жить на свѣтѣ, какъ все тяжелѣй день ото дня, чѣмъ больше старю и хирѣю!..

Вѣроятно, ты уже получилъ XI № «Современника». Тамъ повѣсть Григоровича, которая измучила меня; читая ее, я все думалъ, что присутствую при экзекуціяхъ. Страшно! Вотъ поди ты: дуракъ пошлый, а талантъ! Цензура чуть ее не прихлопнула; конецъ передѣланъ—выкинута сцена разбоя, въ которой Антонъ участвуетъ. Мою статью страшно ошельмовали. Горше всего то, что совершенно произвольно. Выкинуто о Мицкевичѣ, о шапкѣ мурмолкѣ, а мелкихъ фразъ, строкъ—безъ числа. Но объ этомъ я еще буду писать къ тебѣ, потому что это меня довело до отчаянія, и я выдержалъ нѣсколько тяжелыхъ дней. Получилъ я недавно письмо отъ Тургенева, и радъ, что этотъ несовершеннолѣтній юноша не пропалъ, а нашелся. Онъ зиму проводитъ въ Парижѣ, гдѣ и Анненковъ пробудетъ до новаго года, а Герценъ уѣхалъ въ Италію.

Прощай, Василій Петровичъ. Да что ты тамъ усѣлся въ своей Москвѣ? Ты ли домосѣдъ, ты ли не любишь рыскать? Что бы тебѣ прокатиться въ Питеръ? Кланяйся отъ меня милому, доброму Николаю Петровичу, котораго я люблю отъ всей души.

Твой В. Б.

Ноября 8.

Пока возился съ этимъ письмомъ, узналъ новыя черты изъ жизни великаго Краевскаго. Такъ какъ мнѣ суждено быть Плутархомъ сего мужа, то не могу удержаться, чтобъ не разсказать вамъ, какъ сейчасъ буду подробно разсказывать Анненкову (равно какъ и о счастіи Краевскаго находить сотрудниковъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ). Бутковъ ищетъ квартиры—жить ему у Краевскаго стало не въ мочь—бѣжитъ отъ него. Кромѣ того, что баринъ замучилъ работою, лакеи (которымъ онъ пла-

титъ 5 руб. сер. за метеніе и топку комнаты) грубятъ, а комнаты и не метутъ и не топятъ, и бѣднякъ замерзъ. Разъ Бутковъ проситъ у Некрасова «Отечественныхъ Записокъ».—Да зачѣмъ вамъ мои «Отечественныя Записки»? Вѣдь вы живете не только въ одномъ домѣ съ Краевскимъ, но даже у него на квартирѣ—что-жъ не возьмете у него?—Сколько разъ просилъ—не даетъ; говоритъ: подпишитесь.—Продалъ онъ Крешеву диванъ, набитый клопами. Крешеву эта набивка показалась очень неудобною, диванъ понравился Достоевскому, и Крешевъ продалъ ему его за 4 руб. серебромъ, за ту же цѣну, которую взялъ съ него Краевскій. Въ этотъ вечеръ Крешевъ не ночевалъ дома, и поутру на другой день безъ него явились ломовые извощики и потащили диванъ. Краевскій узналъ и взбѣсился: «Я продалъ имъ диванъ, чтобъ у нихъ комната была не пустая, а они его перепродаютъ—вздоръ!» и остановилъ диванъ.

Веселовскій принялъ предложеніе Некрасова. Онъ радъ, какъ я думаю, что будетъ мочь печатать свои статьи съ своимъ именемъ, а то Краевскій ихъ приписываетъ себѣ, и недавно Заблоцкій (достойный другъ Краевскаго, хотя умный и даровитый человѣкъ) въ Географическомъ Обществѣ прочелъ статью Веселовскаго—за свою!! Молодцы!

Къ П. Н. Кудрявцеву. 8 ноября, 1847.

Спб. 1847, ноября 8 дня.

Здравствуйте, дражайшій Петръ Николаевичъ. Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались мы съ вами. А вѣдь въ Зальцбруннѣ-то чуть было не увидались. Вольно вамъ было не пріѣхать. Денегъ ждалъ изъ Питера! Да чего же бы лучше, какъ ждать ихъ въ Зальцбруннѣ, гдѣ насъ было трое, и у каждаго вы могли взять до полученія изъ Питера столько, сколько вамъ нужно было. А какъ бы весело было вчетверомъ-то! Да что будешь дѣлать съ вами, мой неисправимый, милый дикарь?

Какъ вы поживаете, что подѣлываете? Дайте о себѣ вѣсточку. А какъ женѣ моей хотѣлось повидаться съ вами, сколько разъ писала она ко мнѣ въ Зальцбруннъ, чтобы я далъ вамъ ея адресъ. Она вамъ, при сей вѣрной оказіи, кланяется. Думаю, что вамъ пока едва ли до журнальныхъ работъ и всякихъ подобныхъ

дрязгъ. Но если, сверхъ чаянія, найдется у васъ время и охота написать повѣсть или что-нибудь вродѣ повѣсти: можетъ ли «Современникъ» надѣяться на вашу готовность быть и ему полезнымъ? Вотъ еще вопросъ въ такомъ же родѣ: мы и не думаемъ о вашемъ постоянномъ участіи по какой-нибудь отдѣльной части, но если бы вамъ пришла когда охота разобрать какую-нибудь книгу, особенно, почему-нибудь васъ интересующую: можемъ ли мы надѣяться, что вы дадите намъ вашу рецензію? Нечего и говорить, что и для вашей ученой статьи найдется почетное мѣсто въ нашемъ журналѣ, лишь бы только вы захотѣли занять его. Затѣмъ, желая вамъ всего хорошаго, остаюсь весь вашъ

В. Бѣлинскій.

Къ П. В. Анненкову. 20 ноября, 1847.

Дражайшій мой Павелъ Васильевичъ, виноватъ я передъ вами, какъ чортъ знаетъ кто, такъ виноватъ, что и оправдываться нѣтъ духу, даже на письмѣ, хотя въ винѣ моей передъ вами и есть circonstances atténuantes. И потому, не теряя лишнихъ словъ, предаю себя вашему великодушію, которое въ васъ сильнѣе справедливаго негодованія.

Не можете представить, какъ, съ одной стороны, обрадовало меня письмо ваше, а съ другой—какимъ жгучимъ упрекомъ кольнуло оно мою трикраты виновную передъ вами совѣсть. Но довольно объ этомъ. Пущусь въ повѣствовательный слогъ и разскажу вамъ о себѣ и о прочемъ все, въ хронологическомъ порядкѣ. Гибельная привычка быть подробнымъ и обстоятельнымъ въ письмахъ главная причина моей несостоятельности въ перепискѣ. Отправивши къ вамъ письмо изъ Берлина, въ которомъ я расхвастался моимъ здоровьемъ, я черезъ нѣсколько же часовъ почувствовалъ, что мнѣ хуже, что я, значитъ, простудился. Такова моя участь. Изъ Парижа только-что расхвастался женѣ чуть не совершеннымъ выздоровленіемъ, какъ на другой же день и простудился, и сталъ никуда не годенъ. Въ Берлинѣ погода стояла гнусная. Мы съ Щепкинымъ выходили только обѣдать, да еще по утрамъ онъ ходилъ къ своему египтологу, Лепсіусу, а я все сидѣлъ дома. Кстати, о Щепкинѣ. Онъ самолюбивъ до гадости, до омерзѣнія, это правда; но онъ все-таки не чуждъ многихъ весьма хорошихъ качествъ, и малый съ головой. Мо-

жетъ быть, я такъ говорю потому, что дружеское расположеніе, съ какимъ обошелся со мною Щепкинъ, затронуло, подкупило мое самолюбіе. Да, я, въ этомъ отношеніи, въ сорочкѣ родился: многіе люди, различно, а иногда и противоположно, враждебно даже, относящіеся другъ къ другу, ко мнѣ относятся почти одинаково. Можетъ быть, тутъ не одно счастіе, а есть немножко и заслуги съ моей стороны; а эта заслуга, по моему мнѣнію, заключается въ моей открытости и прямотѣ. Напр., Тургеневъ былъ оскорбленъ обращеніемъ съ нимъ Щепкина, и этимъ и ограничился. Я же, напротивъ, не оскорблялся, а чуть замѣчалъ, что онъ заносится, показывалъ ясно, что это вижу, и не уступалъ ему, какъ это одни дѣлаютъ по робости характера, другіе по гордости, третьи по уклончивости. Впрочемъ, у Щепкина есть въ манерѣ нѣчто странное и пошлое, независимо отъ его самолюбиваго характера, а это мало знающіе его приписываютъ его самолюбію. Но вотъ я и заболтался, вдался въ диссертацію, и ужъ самъ не знаю, какъ выйти изъ нея приличнымъ образомъ. Проживъ съ Щепкинымъ съ недѣлю въ одной комнатѣ, я уразумѣлъ предметъ его занятій и восчувствовалъ къ нему уваженіе. Для него искусство важно, какъ пособіе, какъ источникъ для археологіи. Онъ выучился по-коптски, читаетъ бойко іероглифы, и Египетъ составляетъ главный предметъ его изученія. Археологію я высоко уважаю, и слушать знающаго по ея части человѣка готовъ цѣлые дни. И Щепкинъ сообщилъ мнѣ много интереснаго касательно Египта. Его профессоръ Лепсіусъ такъ обшарилъ весь Египетъ, что теперь послѣ него нѣтъ никакой возможности поживиться надписью или іероглифомъ, хоть останься для этого жить въ Египтѣ. Большая комната у Лепсіуса кругомъ обставлена шкапами, наполненными только матеріалами для исторіи Египта. Онъ возстановилъ (по источникамъ) хронологію Египта за 5000 лѣтъ до нашего времени, слѣдовательно, слишкомъ за 3000 лѣтъ до Р. Х. И въ этомъ отношеніи Лепсіусъ сдѣлался уже авторитетомъ, на него всѣ ссылаются, всѣ его цитируютъ. Теперь онъ обработываетъ грамматику коптскаго языка, послѣ чего приступитъ къ другимъ важнымъ работамъ по части исторіи Египта. Поразилъ меня особенно фактъ, что египтяне называли евреевъ прокаженными. Вотъ и дивись послѣ этого, что иной индивидуумъ грязенъ и вонючъ не по бѣдности и нуждѣ, а по безкорыстной любви къ грязи и вони (какъ Погодинъ),—когда цѣлый народъ, съ самаго своего по-

явленія на сцену исторіи до сихъ поръ, подобно Петрушкѣ, носитъ съ собою свой особенный запахъ!

Въ пятницу я уѣхалъ въ Штетинъ, а на другой день, ровно въ часъ, тронулся нашъ Адлеръ. Лишь только начали мы выбираться изъ Свинемюнде, какъ началась качка. Я пообѣдалъ въ субботу, часа въ два, а потомъ позавтракалъ во вторникъ, часовъ въ 10 утра. Въ промежуткѣ я лежалъ въ моей койкѣ то въ дремотѣ, то въ рвотѣ. Во вторникъ я обѣдалъ и оправился. Были слабѣе меня, напр. Полуденскій (братъ мужа сестры Сазонова), который лежалъ въ агоніи вплоть до Кронштадта. Въ Кронштадтъ прибыли мы въ середу, часовъ въ 6. Началась переписка и отмѣтка паспортовъ—церемонія длинная и варварски скучная. Между тѣмъ, переложились на малый пароходъ. Да, я забылъ было сказать, что при видѣ Кронштадта намъ представилось странное зрѣлище: все покрыто снѣгомъ, и наканунѣ (намъ сказали) въ Петербургѣ была санная ѣзда. Страдая морскою болѣзнію, я поправился въ моей хронической болѣзни, и прибылъ здоровехонекъ. Тутъ я вполнѣ убѣдился, что ѣздить по ночамъ по желѣзнымъ дорогамъ, словомъ, спать тепло одѣтому на открытомъ воздухѣ—для меня своего рода лѣченіе, едва ли не болѣе дѣйствительное всѣхъ другихъ родовъ лѣченій. Недаромъ я такъ не люблю спать въ трактирахъ. Если не въ моей комнатѣ, въ которой я привыкъ спать, то всего лучше на вольномъ воздухѣ, одѣтому. Если судьба опять накажетъ меня путешествіемъ, я буду ѣздить по ночамъ, а останавливаться на отдыхи днемъ. Оно и здорово и полезно: можно и пообѣдать, не торопясь, и городъ осмотрѣть, и кости расправить ходьбою.

Но вотъ и Питеръ. Что-то у меня дома? Такъ и полетѣлъ бы, а изволь итти въ таможню. Часа 4 прошло въ мукѣ ожиданія и хлопотъ, но дѣло сошло съ рукъ лучше, нежели гдѣ-нибудь. Да, я забылъ было: въ понедѣльникъ была на морѣ буря, и пароходъ нѣсколько часовъ былъ въ опасности. Къ счастію, я ничего не зналъ.

Дома я нашелъ все и всѣхъ въ положеніи, довольно порядочномъ. Тильманъ назвалъ Тира шарлатаномъ, лѣкарства его велѣлъ оставить. Это меня страшно огорчило. Плакали мои 68 франковъ! Черезъ нѣсколько дней, послѣ обѣда, сдѣлалось мнѣ худо: я хрипѣлъ, задыхался, словомъ, это былъ вечеръ хуже самыхъ худыхъ дней прошлой зимы, когда я безпрестанно умиралъ. Жена пристала, чтобъ я началъ принимать лѣкарство Тира. Что

дѣлать? Не принимать — пожалуй, издохнешь, пока дождешься пріѣзда Тильмана; принимать — какъ сказать объ этомъ Тильману? Эти доктора хуже женщинъ по части самолюбія и ревности. Однако, дѣло обошлось хорошо. Мнѣ было лучше, и Тильманъ не только не разсердился, но еще и велѣлъ продолжать микстуру Тирашки. Онъ, видите ли, досталъ рецептъ этой микстуры. Надо вамъ сказать, что Тильманъ лѣчитъ m-me Языкову. Онъ говоритъ, что средства Тира всѣ самыя извѣстныя и обыкновенныя, что ими и онъ, Тильманъ, часто лѣчитъ, и что, зная теперь составъ Тирашкиныхъ снадобій—онъ можетъ позволить ихъ употребленіе. Кстати: Языкова нѣсколько разъ была въ опасности, харкала кровью. Теперь ей лучше. Дочь ея замужемъ и въ Москвѣ. Сама она, кажется, и не думаетъ сбираться заграницу. Я все сбираюсь побывать у ней, да все не соберусь: то заболѣю, то работа. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ былъ я у вашихъ братьевъ. Что это за добрыя души! Они обрадовались мнѣ, словно родному, какъ говорится. Что у нихъ теперь за квартира! Въ нижнемъ этажѣ, окна на бульваръ, и какъ ихъ комнаты выступаютъ изъ улицы, угломъ, то изъ ихъ оконъ видны Адмиралтейство и Зимній Дворецъ. Видъ несравненный!

Жена моя жила на квартирѣ временной; надо было искать новую. Съ ногъ сбился, а не нашелъ. Изъ нѣсколькихъ гадкихъ порѣшились взять менѣе другихъ гадкую. Она до того мала, что половина мебели нашей не вошла бы въ нее, и я задохнулся бы въ ней. Я сбирался перейти въ нее, какъ сбирается человѣкъ, осужденный за долги на тюремное заключеніе, переѣзжать на эту квартиру. Къ счастію, случайно нашли квартиру большую, красивую и дешевую. Кромѣ кухни и передней—шесть комнатъ, большія стекла, полы парке, обои, цѣна 1320 руб. асс. Переѣздъ былъ хлопотенъ; мы перевозились изъ трехъ мѣстъ: съ старой квартиры, а большая часть мебели была у Языкова, книги—у Тютчева. При переѣздѣ я простудился, и у меня открылись раны на легкихъ (о чемъ я узналъ послѣ). Тильманъ говорилъ женѣ, что такого больного у него не бывало, что онъ уже не одинъ разъ назначалъ день моей смерти—и я его неожиданно обманывалъ. Это хорошо, но это только одна сторона медали, а вотъ и другая: не разъ считалъ онъ меня внѣ всякой опасности и назначалъ время совершеннаго моего выздоровленія—и я опять каждый разъ его обманывалъ. Самаринъ тиснулъ въ «Москвитянинѣ» статью (весьма пошлую и подлую) о «Совре-

менникѣ»; мнѣ надо было отвѣтить ему. Взялся было за работу— не могу — лихорадочный жаръ, изнеможеніе. Какъ я испугался! Стало быть, я не могу работать! Стало быть, мнѣ надо искать мѣста въ больницѣ, а женѣ въ богадѣльнѣ! Но дня черезъ два, черезъ три лихорадка прошла совершенно, Тильманъ велѣлъ мнѣ оставить всѣ лѣкарства; я принялся за работу, и въ шесть дней намахалъ три съ половиною печатныхъ листа. И все это съ отдыхами, съ лѣнью, съ потерею времени: иногда принимался не раньше 12 часовъ, а послѣ обѣда работалъ только три дня, и то отъ 7 до 9 часовъ, не болѣе. И во все это время я чувствовалъ себя не только здоровѣе и крѣпче, но бодрѣе и веселѣе обыкновеннаго. Это меня сильно поощрило. Значитъ—я могу работать, стало быть, могу жить. Вообще, чтобъ ужъ больше не возвращаться къ этому предмету, скажу вамъ, что, какъ ни хилъ и ни плохъ я, а все гораздо лучше, нежели какъ былъ до поѣздки за границу—просто, сравненья нѣтъ!

Въ литературѣ нашелъ я много новаго. «Отечественныя Записки» гнусны по части изящной словесности, но во всемъ остальномъ—журналъ хоть куда! Разумѣется, тутъ не умъ и таланты Краевскаго виноваты, а его счастіе въ качествѣ подлеца. Нужно же было Заблоцкому именно въ нынѣшнемъ году написать превосходнѣйшую статью (которую я выпросилъ у автора и для себя и для васъ, а контора взялась переслать вамъ). Прочелъя въ «Отечественныхъ Записках» превосходную критику сочиненій Фонвизина, таковую же на книжку о религіозныхъ сектахъ Евреевъ и нѣсколько прекрасныхъ рецензій. Авторъ ихъ—нѣкто г. Дудышкинъ. Онъ никогда не писалъ и не думалъ писать; но покойникъ Майковъ убѣдилъ его взяться за перо. Ну, не счастіе ли подлецамъ? Вѣдь онъ могъ начать и у насъ, а что онъ началъ въ «Отечественныхъ Записках»—это дѣло чистаго случая. Теперь Дудышкинъ—нашъ, а все-таки «Отечественнымъ Записками» онъ помогъ, и этого не воротишь. Какой-то тутъ прислалъ въ «Отечественныя Записки» превосходную статью, или, лучше сказать, рядъ превосходнѣйшихъ статей о золотыхъ пріискахъ въ Сибири Опять счастіе! Боясь, что «Современникъ» подрѣжетъ его при новой подпискѣ, Краевскій велѣлъ Галахову валяться въ ногахъ у москвичей, чтобы выпросить у нихъ названій будто бы обѣщанныхъ въ «Отечественныя Записки» статей; и тѣ дали! Что-жъ тутъ удивительнаго: подлецы всегда выѣзжаютъ на дуракахъ! В. П. Боткинъ обѣщалъ исторію Испаніи за три послѣднія сто-

лѣтія; Грановскій—біографію Помбаля, Кавелинъ разныя вещи по части русской исторіи. Это рѣшительная гибель для «Современника». Они оправдываются тѣмъ, что желаютъ намъ всякихъ успѣховъ, но жалѣютъ и Краевскаго!! Я написалъ къ Боткину длинное письмо. Онъ сложилъ вину на Некрасова — зачѣмъ де онъ ихъ не предупредилъ. Грановскій отвѣчалъ прямо, что, такъ какъ «Отечественныя Записки» издаются въ одномъ духѣ съ «Современникомъ», то онъ очень радъ, что у насъ, вмѣсто одного, два хорошихъ журнала, и готовъ помогать обоимъ. Подите, растолкуйте такому шуту, что именно по одинаковости направленія оба журнала и не могутъ съ успѣхомъ существовать вмѣстѣ, но должны только мѣшать и вредить другъ другу. А между тѣмъ, отложеніе отъ «Отечественныхъ Записокъ» главныхъ ихъ сотрудниковъ «Современникъ» выставилъ въ своей программѣ, какъ право на свое существованіе. Краевскій же увѣряетъ печатно, что сотрудники его все тѣ же, и наши московскіе друзья—враги теперь торжественно оправдали Краевскаго и выставили лжецомъ «Современника». Мы крѣпко боимся, чтобы за это не сѣсть на мель при новой подпискѣ. Одинаковое направленіе! Эти господа не хотятъ понять, что направленіемъ своимъ теперь «Отечественныя Записки» обязаны только случаю да счастію, а не личности ихъ редактора. Кстати, объ этой прекрасной личности. Вы знаете, что Краевскій прошлое лѣто ѣздилъ въ Москву и останавливался у Боткина. Какъ conditio sine qua non своего драгоцѣннаго пребыванія у Боткина, онъ сказалъ ему, что не хочетъ встрѣчаться съ Кетчеромъ. Вмѣсто того, чтобы сказать ему, что это очень легко, стоитъ де вамъ взять шляпу да уйти, когда придетъ Кетчеръ, ему ничего не сказали, и подлецъ имѣлъ право заключить, что честный и благородный человѣкъ ему принесенъ въ жертву. По совѣту Н. Ф. Павлова, Краевскій купилъ за 4 р. 70 к. мѣди примочку для рощенія волосъ. Въ день отъѣзда онъ входитъ въ комнату Боткина съ пузырькомъ въ рукѣ и горько жалуется, что Павловъ заставилъ его потерять деньги на дрянь. Всякій другой сказалъ бы ему, выкиньте-де за окно, если это дрянь; но Василій Петровичъ почелъ долгомъ быть благоговѣйно и преданно деликатнымъ въ отношеніи къ Краевскому.—Отдайте мнѣ; что вы заплатили? — Пять рублей. (Видите ли, подлецъ укралъ у Боткина 30 к. мѣдью). На этомъ дѣло не кончилось. Въ минуту отъѣзда Краевскій пришелъ къ Боткину съ пустымъ пузырькомъ и попросилъ его отлить ему на дорогу примочки.

—Приглашаетъ Краевскій москвичей обѣдать къ Шевалье. Въ назначенное для сбора время приглашенные колеблятся, боясь, что придется расплачиваться каждому за себя; но Боткинъ, великодушно посвятившій себя въ козлы-грѣхоносцы Краевскаго, клянется и божится, что Краевскій заплатитъ за всѣхъ. И онъ, дѣйствительно, заплатилъ, даже велѣлъ подать 2 или 3 бутылки лафиту—и больше ничего по части винъ. Видя, что въ одной бутылкѣ осталось до половины вина, Краевскій тщательно заткнулъ ее пробкою и положилъ въ карманъ. На другой день назначенъ былъ пикникъ, на который каждый долженъ былъ явиться съ какимъ-нибудь съѣстнымъ или питейнымъ запасомъ,—и Краевскій явился съ недопитою наканунѣ бутылкою лафита! Не подумайте, чтобы я тутъ что-нибудь переиначивалъ или преувеличивалъ: нѣтъ, я историкъ тѣмъ болѣе точный и правдивый, чѣмъ болѣе желаю выставить Краевскаго въ настоящемъ его видѣ. Малѣйшая ложь могла бы оправдать его въ главномъ, а этого-то я и не хочу. Это его московскіе подвиги; а вотъ и петербургскіе. Нанялъ онъ себѣ великолѣпный отель, на Невскомъ, надъ рестораномъ Доминика, за 4000 руб. асс. Разъ были у него Дудышкинъ, Милютинъ и еще кто-то третій, все люди, которыми онъ дорожитъ для «Отечественныхъ Записокъ». Нужно ему было съ ними переговорить, а время было обѣденное,—и онъ пригласилъ ихъ къ Доминику, такъ какъ въ этотъ день у него не готовили столъ. Ну, тѣ рады — думали пообѣдаютъ на славу. Но Краевскій велѣлъ подать 4 обѣда трехрублевые—и ни капли вина: онъ насчетъ вина придерживается Магометова закона, и разрѣшаетъ только на чужое вино. Собесѣдники его велѣли подать вина; но Краевскій не шевельнулъ и бровью, заплатилъ за 4 обѣда, а за вино великодушно предоставилъ расплачиваться своимъ гостямъ. — Выкупилъ онъ изъ мѣщанскаго общества (и тѣмъ спасъ отъ рекрутства) Буткова, но выкупилъ на деньги Общества Посѣщенія Бѣдныхъ, и за такое благодѣяніе запрягъ Буткова въ свою работу. Тотъ уже не разъ приходилъ со слезами жаловаться Некрасову на своего вампира. Разъ Бутковъ проситъ у Некрасова № «Отечественныхъ Записокъ». Но прежде вамъ надо сказать, что Бутковъ живетъ у Краевскаго, вмѣстѣ съ другимъ молодымъ человѣкомъ—Крешевымъ. Онъ далъ имъ лишнюю комнату, взявши съ каждаго изъ нихъ по 100 руб. сер. въ годъ. Некрасовъ замѣтилъ Буткову, что ему лучше брать «Отечественныя Записки» у Краевскаго, съ которымъ онъ жи-

ветъ въ одномъ домѣ.—Просилъ не разъ, да не даетъ: говоритъ—подпишитесь.—Продалъ Краевскій Крешеву старый диванъ, набитый клопами, за 4 руб. сер. Диванъ этотъ понравился Достоевскому, и онъ, за ту же цѣну, перекупилъ его у Крешева. Поутру является два ломовыхъ извощика отъ Достоевскаго, и они понесли было диванъ. Но Краевскій, узнавъ объ этомъ, велѣлъ остановить: я, говоритъ, далъ имъ (продать за деньги — по его мнѣнію, значитъ дать), чтобы комната не была пуста, и было бы, на что сѣсть. За отопленіе и метеніе этой комнаты люди Краевскаго получаютъ отъ Буткова 5 руб. сер. въ мѣсяцъ, но не топятъ и не метутъ, а только грубіянятъ Буткову, благо онъ тихъ и робокъ.—Разъ Краевскій говоритъ человѣку: позвать ко мнѣ Крешева.—Пришелъ Крешевъ, и Краевскій надавалъ ему коммиссій, по которымъ онъ долженъ былъ побывать въ разныхъ частяхъ города.—Только не торопитесь—время терпитъ.—Выполнивъ коммиссіи и отдавъ въ нихъ отчетъ, Крешевъ проситъ цѣлковаго заплатить извощику.—Какъ извощику? — Да вѣдь я ѣздилъ.—А почему же вы не сходили пѣшкомъ? Вѣдь я же вамъ сказалъ, что время терпитъ, и торопиться не къ чему.—Сконфуженный такою наглостію, Крешевъ проситъ цѣлковаго въ счетъ слѣдующей ему платы.—Ну, коли на вашъ счетъ—извольте; только, что у васъ за охота мотать деньги.—Каковъ?—Разъ приходитъ къ нему Дудышкинъ.—Что говорятъ въ городѣ объ «Отечественныхъ Запискахъ?»—спрашиваетъ Краевскій.—Да говорятъ, что единство направленія въ нихъ исчезаетъ.—А, да! это надо поправить; я открою у себя вечера по четвергамъ для моихъ сотрудниковъ.—Здѣсь, вы видите, будто онъ хочетъ давать направленіе (котораго у него-то самого никогда и не бывало) своимъ сотрудникамъ; но умыселъ другой тутъ былъ: ему нужно набираться чужого ума, за отсутствіемъ своего собственнаго. Дѣйствительно, что ни напечатаетъ, обо всемъ настоятельно требуетъ мнѣнія Дудышкина, и потомъ выдаетъ это мнѣніе за свое собственное. Вечера онъ открылъ, да только къ нему никто на нихъ не ходитъ, ибо всѣ его не терпятъ и презираютъ. А онъ было рѣшился уже поить своихъ гостей выпареннымъ на самоварѣ чаемъ, отъ котораго пахнетъ человѣческимъ потомъ.

И вотъ кого поддерживаютъ наши московскіе друзья, во вредъ «Современнику»! Хороши гуси, нечего сказать!

Достоевскій славно подкузмилъ Краевскаго: напечаталъ у него первую половину повѣсти, а второй половины не написалъ, да

и никогда не напишетъ. Дѣло въ томъ, что его повѣсть до того пошла, глупа и бездарна, что на основаніи ея начала ничего нельзя (какъ ни бейся) развить. Герой—какой-то нервическій . . . . . .—какъ ни взглянетъ на него героиня, такъ и хлопнется онъ въ обморокъ. Право!

Ваше послѣднее письмо—прелесть во всѣхъ отношеніяхъ, и даже со стороны слога и языка безукоризненно. А что, дражайшій мой авторъ «Кирюши», что бы вамъ тряхнуть еще повѣстцой? Написали одну (и весьма порядочную), стало быть, можете написать и другую, и еще лучше. Говорятъ, вы скучаете. Это мнѣ странно. Вотъ бы отъ скуки-то и приняться за дѣло.

Я очень радъ, что мальчишка нашъ нашелся. Подлинно, чему не пропасть, то всегда найдется. Кланяюсь ему, но писать теперь некогда, а на письмо его отвѣчу черезъ нѣкоторое время. Некрасовъ выполнилъ всѣ его порученія. Смотрите за нимъ.

Слегка за шалости браните
И въ Тюльери гулять водите.

Григоровичъ написалъ удивительную повѣсть. Въ той же книжкѣ увидите вы мою статью противъ Самарина, страшно изуродованную цензурою.

Мои всѣ вамъ кланяются. Я скоро (право, не вру) опять буду писать къ вамъ. Кланяйтесь Герценымъ и Марьѣ Ѳедоровнѣ и всѣмъ нашимъ.—А что же статья объ «Эстетикѣ» Гегеля?

Вашъ В. Б.

Спб. 1847, 20 ноября—2 декабря.

Къ К. Д. Кавелину. 22 ноября, 1847.

Сейчасъ только получилъ и разобралъ (съ большимъ трудомъ) ваше, писанное небывалыми до васъ на свѣтѣ гіероглифами, письмо, милый мой Кавелинъ,—и сейчасъ отвѣчаю на него. Что вы лѣтомъ ничего не дѣлали для «Современника», за это никто изъ насъ и не думалъ сердиться на васъ. Вы нашъ соучастникъ, а не работникъ, не поденщикъ, обязанный не имѣть ни лѣни, ни отдыха, ни другихъ дѣлъ, болѣе для васъ важныхъ. И вы напрасно извиняетесь, потому что никто васъ и не обвинялъ. Вотъ, что вы губите насъ, помогая сквернавцу Краевскому—это намъ больно; но объ этомъ послѣ. Отзывъ вашъ о моей

статьѣ тронулъ меня глубоко, хотя въ то же время и посмѣшилъ своею преувеличенностью. Статья моя, дѣйствительно, не дурна, особенно въ томъ видѣ, какъ написана (а не какъ напечатана), но и далеко не такъ хороша, какъ вы ее находите. Не называю васъ за это ни мальчишкою (изо всѣхъ моихъ друзей и пріятелей, этимъ именемъ я называю только Тургенева), ни рыцаремъ. Дѣло просто: вы меня любите, а между тѣмъ сочли за человѣка, который заживо умеръ, и отъ котораго больше нечего было ожидать. И такое мнѣніе съ вашей стороны не было ни несправедливо, ни опрометчиво: оно основывалось на фактахъ моей прошлогодней дѣятельности для «Современника». Дѣло прошлое: а я и самъ ѣхалъ за границу съ тяжелымъ и грустнымъ убѣжденіемъ, что поприще мое кончилось, что я сдѣлалъ все, что дано было мнѣ сдѣлать, что я измочалился, выписался, выболтался, и сталъ похожъ на выжатый и вымоченный въ чаю лимонъ. Каково мнѣ было такъ думать, можете посудить сами: тутъ дѣло шло не объ одномъ самолюбіи, но и о голодной смерти съ семействомъ. И надежда возвратилась мнѣ съ этою статьею. Неудивительно, что она всѣмъ вамъ показалась лучше, чѣмъ есть, особенно вамъ, по молодости и темпераменту болѣе другихъ наклонному къ увлеченію. Спасибо вамъ. Ваше сравненіе моей статьи съ Пушкина и Лермонтова послѣдними сочиненіями, и еще съ послѣдними распоряженіями кого-то, чье имя я не разобралъ въ вашихъ гіероглифахъ, — это сравненіе дышитъ увлеченіемъ и вызываетъ улыбку на уста. Такъ! но есть преувеличенія, лжи и ошибки, которыя иногда дороже намъ вѣрныхъ и строгихъ опредѣленій разума; это тѣ, которыя исходятъ изъ любви; видишь ихъ несостоятельность, а чувствуешь себя человѣчески тепло и хорошо. Еще разъ спасибо вамъ, милый мой Кавелинъ. Кстати о статьѣ. Я уже писалъ къ Боткину, что она искажена цензурою варварски и—что всего обиднѣе—совершенно произвольно. Вотъ вамъ два примѣра. Я говорю о себѣ, что, опираясь на инстинктѣ истины, я имѣю на общественное мнѣніе больше вліянія, чѣмъ многіе изъ моихъ дѣйствительно ученыхъ противниковъ: подчеркнутыя слова не пропущены, а для нихъ-то и вся фраза составлена. Я мѣтилъ на ученыхъословъ — Надеждина и Шевырева. Самаринъ говоритъ, что согласіе князя съ вѣчемъ было идеаломъ новгородскаго правленія. Я возразилъ ему на это, что и теперь, въ конституціонныхъ государствахъ, согласіе короля съ палатою есть осуще-

ствленіе идеала ихъ государственнаго устройства: гдѣ же особенность новгородскаго правленія? Это вычеркнуто. Цѣлое мѣсто о Мицкевичѣ и о томъ, что Европа и не думаетъ о славянофилахъ, тоже вычеркнуто. Отъ этихъ помарокъ статья лишилась своей ровноты и внутренней діалектической полноты. Ну, да чортъ съ ней! Мнѣ объ этомъ вспоминать—ножъ вострый! Скажу кстати, что и вамъ угрожаетъ такая же участь. Въ засѣданіи Географическаго Общества Панаевъ столкнулся съ маленькимъ, черненькимъ, плюгавенькимъ Поповымъ.—Я читалъ отвѣтъ Самарину.—Что-жъ мудренаго, когда онъ напечатанъ! — Нѣтъ, вторую статью Кавелина.—Какъ же это?—Мнѣ показывалъ Срезневскій (цензоръ), а я уговорилъ его кое-что смягчить.—Видите ли, сколько у насъ цензоровъ, и какіе подлецы славянофилы!

Насчетъ вашего несогласія со мною касательно Гоголя и натуральной школы, я вполнѣ съ вами согласенъ, да и прежде думалъ такимъ же образомъ.—Вы, юный другъ мой, не поняли моей статьи, потому что не сообразили, для кого и для чего она писана. Дѣло въ томъ, что писана она не для васъ, а для враговъ Гоголя и натуральной школы, въ защиту отъ ихъ фискальныхъ обвиненій. Поэтому, я счелъ за нужное сдѣлать уступки, на которыя внутренно и не думалъ соглашаться, и кое-что изложилъ въ такомъ видѣ, который мало имѣетъ общаго съ моими убѣжденіями касательно этого предмета. Напр., все, что вы говорите о различіи натуральной школы отъ Гоголя, по моему, совершенно справедливо; но сказать этого печатно я не рѣшусь: это значило бы наводить волковъ на овчарню, вмѣсто того, чтобы отводить ихъ отъ нея. А они и такъ нашли на слѣдъ, и только ждутъ, чтобы мы проговорились. Вы, юный другъ мой, хорошій ученый, но плохой политикъ, какъ слѣдуетъ быть истому москвичу. Повѣрьте, что въ моихъ глазахъ г. Самаринъ не лучше г. Булгарина, по его отношенію къ натуральной школѣ, а съ этими господами надо быть осторожну.

Вы обвиняете меня въ славянофильствѣ. Это не совсѣмъ неосновательно; но только и въ этомъ отношенія я съ вами едва ли расхожусь. Какъ и вы, я люблю русскаго человѣка и вѣрю великой будущности Россіи. Но, какъ и вы, я ничего не строю на основаніи этой любви и этой вѣры, не употребляю ихъ, какъ неопровержимыя доказательства. Вы уже пустили въ ходъ идею развитія личнаго начала, какъ содержаніе исторіи русскаго народа. Намъ съ вами жить недолго, а Россіи—вѣка, можетъ быть,

тысячелѣтія. Намъ хочется поскорѣе, а ей торопиться нечего. Личность у насъ еще только наклевывается, и оттого гоголевскіе типы пока самые вѣрные русскіе типы. Это понятно и просто, какъ $2 \times 2 = 4$. Но какъ бы мы ни были нетерпѣливы, и какъ бы ни казалось намъ все медленно идущимъ, а вѣдь оно идетъ страшно быстро. Екатерининская эпоха представляется намъ уже въ миѳической перспективѣ, не стариною, а почти древностью. Помните ли вы то время, когда я, не зная исторіи, посвящалъ васъ въ тайны этой науки? Сравните-ка то, что мы тогда съ вами толковали, съ тѣмъ, о чемъ мы теперь толкуемъ. И придется воскликнуть: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Терпѣть не могу я восторженныхъ патріотовъ, выѣзжающихъ вѣчно на междометіяхъ или на квасу да кашѣ; ожесточенные скептики для меня въ 1000 разъ лучше, ибо ненависть иногда бываетъ только особенною формою любви, но, признаюсь, жалки и непріятны мнѣ спокойные скептики, абстрактные человѣки, безпачпортные бродяги въ человѣчествѣ. Какъ бы ни увѣряли они себя, что живутъ интересами той или другой, по ихъ мнѣнію, представляющей человѣчество странѣ, — не вѣрю я ихъ интересамъ. Любовь часто ошибается, видя въ любимомъ предметѣ то, чего въ немъ нѣтъ, — правда; но иногда только любовь же и открываетъ въ немъ то прекрасное или великое, которое недоступно наблюденію и уму. Петръ Великій имѣлъ бы больше, чѣмъ кто-либо, право презирать Россію, но онъ—

Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

На этомъ и основывалась возможность успѣха его реформы. Для меня Петръ — моя философія, моя религія, мое откровеніе во всемъ, что касается Россіи. Это примѣръ для великихъ и малыхъ, которые хотятъ что-нибудь дѣлать, быть чѣмъ-нибудь полезными. Безъ непосредственнаго элемента все гнило, абстрактно и безжизненно, такъ же, какъ при одной непосредственности все дико и нелѣпо. Но что-жъ я разоврался? Вѣдь вы и сами то же думаете, или, по крайней мѣрѣ, чувствуете, можетъ быть, наперекоръ тому, что думаете.

Ну-съ, теперь о житейскихъ дѣлахъ. Во первыхъ, вы не дали мнѣ отвѣта на мой вопросъ: хотите ли вы, по примѣру прошлаго года, составить обзоръ литературной дѣятельности за 1847 годъ по части русской исторіи. Знаю, какъ скучно писать

нѣсколько разъ объ одномъ и томъ же, а потому и не настаиваю. Но вѣдь это можно сдѣлать покороче, лишь бы видно было, что говоритъ человѣкъ, знакомый съ дѣломъ. Какъ вы думаете? Если согласитесь, то не откладывайте вдаль, и во всякомъ случаѣ не замедлите прислать мнѣ ваше да или нѣтъ.

Милютина зовутъ Владиміромъ Александровичемъ. Его адресъ: на Владимірской, въ домѣ Фридрихса, квартира № 54.

На счетъ вашего зловреднаго и опаснаго для «Современника» участія въ «Отечественныхъ Записках» отвѣчу всѣмъ вамъ заразъ. Я очень жалѣю, что потерялъ напрасно трудъ и время на большое письмо къ Боткину, и безъ пользы оскорбилъ людей, которыхъ люблю и уважаю. Дѣло вотъ въ чемъ: вы обѣщали статьи Краевскому потому, что, во 1-хъ, вы не видѣли въ этомъ вреда для «Современника», во 2-хъ, потому, что два журнала съ одинаково хорошимъ направленіемъ лучше одного. Это ваше мнѣніе, и вы совершенно правы. Что касается до насъ, мы думаемъ иначе. По нашему убѣжденію, журналъ, издаваемый свинцовою ж . . . , вмѣсто мыслящей головы, не можетъ имѣть никакого направленія, ни хорошаго, ни дурного, а если «Отечественныя Записки» доселѣ имѣютъ направленіе, и еще хорошее, это потому, что онѣ еще не успѣли простыть отъ жаркой топки—вы знаете кѣмъ сдѣланной, а потомъ еще отъ разныхъ случайностей, изъ которыхъ главная — участіе Дудышкина. Но уже несмотря на то, противорѣчій, путаницы, промаховъ — довольно; погодите немного—то ли еще будетъ, несмотря на ваше участіе. Вспомните мое слово, если въ будущемъ году не появится тамъ такихъ статей и мнѣній, которыя лучше всѣхъ моихъ доводовъ охладятъ ваше участіе къ этому журналу. Далѣе: мы убѣждены, что у насъ два журнала съ одинаковымъ направленіемъ существовать не могутъ: одинъ долженъ жить на счетъ другого, или оба чахнуть. Если, несмотря на вашу помощь «Отечественнымъ Запискамъ», подписка на «Современникъ» окажется хорошею, это будетъ послѣднимъ признакомъ паденія «Отечественныхъ Записокъ». Но мы, благодаря вамъ, ожидаемъ противнаго. Тогда я въ особенности буду имѣть причины быть вамъ благодарнымъ. Вотъ наше мнѣніе. Вы стоите на своемъ, мы—на своемъ. Ссориться, стало быть, не изъ чего. Пиша мое письмо, я ожидалъ отъ васъ всякаго отвѣта, кромѣ того, который вы дали. Еслибъ я это предвидѣлъ, вмѣсто яростнаго и длиннаго письма, написалъ бы вамъ три-четыре спокойныхъ строки. И

потому я беру назадъ мое письмо и раскаиваюсь передъ вами въ его написаніи. Что же касается до статьи Афанасьева, вы, милый мой Кавелинъ, вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало, меня поняли. Это мѣсто моего письма, взятое отдѣльно, для васъ оскорбительно, а мнѣ мало дѣлаетъ чести. Если вы взглянете на него съ главной точки зрѣнія всего письма, вы увидите, что тутъ для васъ ничего нѣтъ обиднаго. Исключительное участіе москвичей въ «Современникѣ» мы понимаемъ, какъ главную силу нашего журнала, и, основываясь на ней, начали дѣйствовать широко и размашисто, въ надеждѣ будущихъ благъ. Оттого первый годъ принесъ убытокъ. Знай мы заранѣе, что вы поддержите Краевскаго въ тяжелую для него годину, мы повели бы дѣло иначе, поскромнѣе, т.-е. платили бы хорошія деньги только немногимъ, а всѣмъ остальнымъ поумѣреннѣе; тогда расходъ не превзошелъ бы прихода. Я совершенно согласенъ съ вами на счетъ достоинствъ статьи Афанасьева, но болѣе, какъ статьи ученой, нежели журнальной. Считая васъ исключительно нашими сотрудниками, мы и не думали видѣть въ 150 руб. за листъ непомѣрно большой цѣны за эту статью; но теперь — другое дѣло; теперь мы имѣемъ причины горько жалѣть и о томъ, что, вмѣсто обѣщанныхъ 250 листовъ, дали 400,—а вѣдь это сдѣлано не по вашему же совѣту. Поняли ли вы теперь смыслъ моихъ словъ по поводу статьи Афанасьева? Если нѣтъ,— то вашу руку — извините меня, и забудемъ объ этомъ такъ, какъ будто бы я вовсе не писалъ, а вы не читали моего письма.

Что касается до статей Фролова, еще прежде этой исторіи, лишь только я пріѣхалъ и узналъ о его безконечномъ Гумбольдтѣ, какъ содрогнулся и сказалъ Некрасову: это зачѣмъ вы печатаете?—Да что-жъ такое—онъ хорошъ съ Грановскимъ, почему же не напечатать — отвѣчалъ мнѣ Некрасовъ.—Фроловъ человѣкъ умный, но умъ его пораженъ хронической болѣзнію, не то насморкомъ, не то запоромъ. Такіе сотрудники—гибель для журналовъ. Но я все-таки не понимаю, чѣмъ я обидѣлъ Грановскаго, сказавши ему, что изъ желанія сдѣлать ему пріятное, мы сдѣлали то, за что онъ на насъ вовсе не осердился, еслибъ мы это не сдѣлали, тѣмъ болѣе, что онъ насъ и не просилъ объ этомъ? Впрочемъ—чортъ знаетъ, можетъ быть, я какъ-нибудь неуклюже выразился, въ такомъ случаѣ, опять прошу извинить меня и дружески забыть все это.

Къ В. П. Боткину я не пишу по причинѣ слуховъ о его скоромъ прибытіи въ Питеръ; боюсь, что мое письмо его не застанетъ въ Москвѣ.

Вамъ, милый мой юноша, понравилось то, что Самаринъ говоритъ о народѣ: перечтите-ка, да переводите эти фразы на простыя понятія—такъ и увидите, что это цѣликомъ взятыя у французскихъ соціалистовъ и плохо понятыя понятія о народѣ, абстрактно примѣненныя къ нашему народу. Еслибъ объ этомъ можно было писать, не рискуя впасть въ тонъ доноса, я бы потѣшился надъ нимъ за эту страницу. Повѣсть «Антонъ»—прекрасна, хотя и не божественна, какъ вы говорите. Читать ее—пытка: точно присутствуешь при экзекуціи.

Позвольте побранить васъ за неаккуратность. Вашею статьею (второю) о книгѣ Соловьева вы поставили насъ въ затруднительное положеніе: 12 № долженъ раздуться чудовищно. Если бы вы недѣлями двумя раньше увѣдомили, что пришлете такую-то статью такого-то приблизительно размѣра, тогда изъ отдѣла словесности была бы выкинута комедія. Охъ, вы, москвичи, вѣчно полѣнитесь во-время сказать нужное словцо.

Тютчевъ вамъ кланяется, а я крѣпко жму руку и остаюсь вашимъ

В. Бѣлинскимъ.

СПБ. 1847, ноября 22.

Къ К. Д. Кавелину. 7 декабря, 1847.

СПБ. 1847, декабря 7.

Что съ вами дѣется, милый мой Кавелинъ! Прислали вы мнѣ письмо въ тетрадь, вызвали на разные вопросы, я отвѣчалъ, какъ могъ. Ждалъ скораго отвѣта,—а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Ужъ не больны ли вы, или ваша жена? Или вамъ не до писемъ по случаю отставки Строганова? Это я считаю очень возможнымъ. Я человѣкъ посторонній московскому университету, а вѣсть объ отставкѣ Строганова огорчила меня даже помимо моихъ отношеній къ вамъ, Грановскому, Коршу. Это событіе, прискорбное для всѣхъ друзей общаго блага и просвѣщенія въ Россіи. О васъ, господа, я и не говорю: во все это время не было дня, чтобъ я не думалъ объ этомъ, и это думанье вовсе не веселое и не легкое. Соколъ съ мѣста, ворона на мѣсто.

Тяжело и грустно! Чортъ возьми, иной разъ, право, дѣлается легко и весело отъ мысли, что жизнь фантасмагорія, что, какъ мы ни волнуемся, а придетъ же время, когда и кости наши обратятся въ пыль,

И будетъ спать въ землѣ безгласно
То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь.

Статья ваша противъ Самарина жива и дѣльна, какъ все, что вы пишете, но я крайне недоволенъ ею съ одной стороны. Этотъ баричъ третировалъ насъ съ вами du haut de sa grandeur, какъ мальчишекъ; а вы возражали ему, стоя передъ нимъ на колѣняхъ. Ваше заключительное слово было то, что онъ—даровитый человѣкъ! Что Самаринъ человѣкъ умный—противъ этого я ни слова, хотя его умъ парадоксальный и безплодный; что Самарина нельзя никакъ назвать бездарнымъ человѣкомъ—и съ этимъ я совершенно согласенъ.—Но не быть бездарнымъ и быть даровитымъ, это вовсе не одно и то же. Это, впрочемъ, общій всѣхъ насъ недостатокъ—легкость въ производствѣ въ геніи и таланты. Причина этому — молодость нашего образованія и нашей литературы; мы еще не приглядѣлись къ геніямъ и талантамъ. Если человѣкъ написалъ статью или двѣ такъ, что въ этихъ статьяхъ видно умѣнье владѣть языкомъ и болѣе или менѣе прилично и ловко выражать свои мысли, каковы бы онѣ ни были,—мы ужъ и разѣваемъ ротъ отъ удивленія и кричимъ: талантъ, талантъ, огромный талантъ! Пора бы, кажется, намъ разстаться съ этою, немножко дѣтскою, привычкою и быть поскупѣе на хвалебные эпитеты. Какъ ни молода наша литература, а ужъ сколько фактовъ успѣла она намъ дать для нашего возмужанія! Я помню, что такое были эти люди: Языковъ, Марлинскій, Баратынскій, Подолинскій, Брамбеусъ, Бенедиктовъ. Толковали уже не о томъ, таланты ли они, а не геніи ли? И гдѣ же они теперь, гдѣ ихъ слава, кто говоритъ о нихъ, кто помнитъ? Не обратились ли они въ какія-то темныя преданія? А между тѣмъ, всѣ они, дѣйствительно, были люди не только не бездарные, но и съ талантами. Это доказываетъ, что и талантъ, самъ по себѣ, еще не Богъ знаетъ что! А Загоскинъ и Лажечниковъ? Даже Булгаринъ въ свое время? Да это были колоссы родосскіе въ наше время и дѣлили славу съ Пушкинымъ. Вся Русь о нихъ знала, за ихъ романы платили десятками тысячъ.

С. Т. Аксаковъ и Н. С. Степановъ отвалили за «Рославлева» 40000 руб. асс., не получили, правда, ни копѣйки барыша, но свои деньги и издержки на печатаніе воротили, несмотря на то, что романъ продавался 20 руб. асс. экземпляръ. А теперь? Даже «Юрій Милославскій» печатается только для бывшихъ читателей романовъ Александра Анѳимовича Орлова. Итакъ, если и талантъ такъ дешевъ (а Загоскинъ и Лажечниковъ люди съ талантомъ), то что же намъ падать ницъ передъ тѣмъ, что только не бездарность? Г. Самаринъ въ два года высидѣлъ двѣ статьи. Первая книжка «Современника» вышла перваго января, а статья на нее явилась въ сентябрѣ. Стало быть, авторъ обтесывалъ и отчеканивалъ ее, по крайней мѣрѣ, пять мѣсяцевъ. Было время придать ей ума и таланта! Вы скажете, у кого нѣтъ ни ума, ни таланта, тому досугъ и работа не дадутъ ихъ. Это не совсѣмъ такъ. Я вамъ прочту иную живую и горячую, но сплеча написанную статью мою; она вамъ понравится, можетъ быть, приведетъ васъ въ восторгъ. Но дайте мнѣ время обработать эту импровизацію—вы не узнаете ее; живость и теплота въ ней останутся, а силы ума и таланта прибавится на 20 процентовъ.— Иногда сгоряча напишешь глупость — и не замѣтишь; станешь потомъ читать въ печати, и покраснѣешь до ушей, да потомъ дня три ходишь самъ не свой. Имѣя время, не просмотришь этой глупости. Когда пишешь сгоряча и къ спѣху, о чемъ надо говорить, по логическому развитію мысли, сперва, о томъ говоришь послѣ, и наоборотъ; о чемъ надо сказать вскользь, глядишь, расползется въ существенную часть статьи, а иная существенная часть выходитъ замѣткою à propos; а сколько водяныхъ мѣстъ, вялыхъ фразъ, реторики, болтовни, и все это поневолѣ, по неимѣнію времени добиться до яснаго изложенія собственной мысли! Дайте время, и все будетъ, какъ надо! Знаете ли, какія лучшія мои статьи? Вы ихъ не знаете: это тѣ, которыя не только не напечатаны, а никогда не были и написаны, и которыя я слагалъ въ головѣ моей во время поѣздокъ, гуляній, словомъ, въ нерабочее мое время, когда ничто извнѣ не понуждало меня приняться за работу. Боже мой! Сколько яркихъ неожиданныхъ мыслей, сколько страницъ живыхъ, страстныхъ, огненныхъ! И многое, что особенно хорошо въ моихъ печатныхъ статьяхъ, бо̀льшею частію—удержанные въ памяти и ослабленные урывки изъ этихъ на свободѣ слагавшихся въ праздной головѣ статей.—Я не обольщенъ моимъ талантомъ (скажу вамъ

кстати, благо ужъ разболтался, увлекшись, по обыкновенію, отступленіемъ), я знаю, что моя сила не въ талантѣ, а въ страсти, въ субъективномъ характерѣ моей натуры, въ томъ, что моя статья и я — всегда нѣчто нераздѣльное. Но опять-таки я не скажу о себѣ, чтобъ я былъ только не бездарный человѣкъ, и чтобы у меня не было положительнаго таланта: безъ таланта невозможно объектировать ни своей мысли, ни своего чувства; я хочу только сказать, что я нисколько не ослѣпленъ объемомъ моего таланта, ибо знаю, что это далеко не Богъ знаетъ что! Вотъ, напр., Некрасовъ—это талантъ, да еще какой! Я помню, кажется, въ 42 или 43 году онъ написалъ въ «Отечественныхъ Записках» разборъ какого-то Булгаринскаго издѣлія, съ такою злостью, ядовитостью, съ такимъ мастерствомъ — что читать наслажденье и удивленье; а между тѣмъ, онъ тогда же говорилъ, что не питаетъ къ Булгарину никакого непріязненнаго чувства. Разумѣется, его теперешнія стихотворенія тѣмъ выше, что онъ, при своемъ замѣчательномъ талантѣ, внесъ въ нихъ и мысль сознательную и лучшую часть самого себя.—А вотъ и еще примѣръ, еще болѣе поразительный, замѣчательнаго таланта, какъ таланта—Григоровича. Если бы вы видѣли этого добраго, но пустѣйшаго малаго—вашему удивленію не было бы конца!

Но я заболтался и сбился—отступленія всегда точки преткновенія для меня. Поворачиваю круто къ прежней матеріи. Въ чемъ увидѣли вы даровитость Самарина? Въ томъ, что онъ пишетъ не такъ, какъ Студитскій или Брантъ? Но вѣдь это дураки, а онъ уменъ. Вспомните, что онъ человѣкъ съ познаніями, съ многостороннимъ образованіемъ, говоритъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, читалъ на нихъ все лучшее, да не забудьте при этомъ, что онъ свѣтскій человѣкъ. Что-жъ удивительнаго, что онъ умѣетъ написать статью такъ же порядочно (comme il faut), какъ умѣетъ порядочно держать себя въ обществѣ? Оставляя въ сторонѣ его убѣжденія, въ статьѣ его нѣтъ ничего пошлаго, глупаго, дикаго, въ отношеніи къ формѣ все, какъ слѣдуетъ; но гдѣ же въ ней проблески особеннаго таланта, вспышки ума и мысли? Надо быть слишкомъ предубѣжденнымъ въ пользу такого, чтобы видѣть въ немъ что-нибудь другое, кромѣ человѣка сухого, черстваго, съ умомъ парадоксальнымъ, больше возбужденнымъ и развитымъ, нежели природнымъ, человѣка холоднаго, самолюбиваго, завистливаго, иногда блестящаго по причинѣ злости, но всегда мелкаго и посредственнаго. Можетъ быть, я ошибаюсь, и

онъ со временемъ докажетъ, что у него есть талантъ—тогда я первый признаю его; но пока—воля ваша—спѣшить не вижу нужды. Вы имѣли случай раздавить его, вамъ это было легче сдѣлать, чѣмъ мнѣ. Дѣло въ томъ, что въ своихъ фантазіяхъ онъ опирается на источники русской исторіи; тутъ я пасъ. Мнѣ онъ сказалъ объ Ипатьевской лѣтописи, а я не знаю и о существованіи ея; вы — другое дѣло, вы ее читали и изучали, и ею же его и могли бить. Вы это и сдѣлали, но съ такимъ уваженіемъ къ нему, что иной читатель можетъ подумать, будто вамъ и Богъ вѣсть какъ тяжело бороться съ такимъ могучимъ противникомъ, и что вы хотите задобрить его, чтобъ онъ ужъ больше не подвергалъ васъ случайностямъ и опасностямъ такой трудной борьбы. А вмѣсто этого, вамъ слѣдовало бы подавить его вѣжливою ироніею, презрительною насмѣшкою.—Вы же такъ способны и ловки на это. Надо вамъ сказать, что вашу статейку на Погодина, въ смѣси «Современника», я прочелъ, видно, въ недобрый часъ, что ли, и то не прочелъ, а какъ-то просмотрѣлъ, перелистывая, словно во снѣ. Но недавно, отъ нечего дѣлать, послѣ обѣда, перечитывая и то и другое въ смѣси, добрался я и до вашей статейки и — проглотилъ ее, перечелъ два раза. Это не просто зло, c'est mordant. И чѣмъ эта злость добродушнѣе и спокойнѣе, тѣмъ вострѣе ея щучьи зубы. Какъ все ловко, мѣтко, какъ съ начала до конца ровно выдержанъ тонъ. Этого я, признаться, и не ожидалъ отъ васъ, ученый другъ мой. Ваша статья, несмотря на ея содержаніе и тяжесть многихъ доводовъ, вышла истинно фельетонная — родъ сочиненій, который такъ рѣдко дается русскимъ литераторамъ, не говоря уже объ ученыхъ. Что, если бы вы такъ же высѣкли Самарина, какъ Погодина. А церемониться съ славянофилами нечего. Я не знаю Кирѣевскихъ, но, судя по разсказамъ Грановскаго и Герцена, это фанатики, полупомѣшанные (особенно Иванъ), но люди благородные и честные; я хорошо знаю лично К. С. Аксакова, это человѣкъ, въ которомъ благородство — инстинктъ натуры; я мало знаю брата его И. С. и не знаю, до какой степени онъ славянофилъ, но не сомнѣваюсь въ его личномъ благородствѣ. За исключеніемъ этихъ людей, всѣ остальные славянофилы, знакомые мнѣ лично или только по сочиненіямъ, подлецы страшные и на все готовые, или, по крайней мѣрѣ, пошлецы. Г. Самаринъ не лучше другихъ; отъ его статьи несетъ мерзостью. Эти господа чувствуютъ свое безсиліе, свою слабость и хотятъ замѣнить ихъ

дерзостью, наглостью и ругательнымъ тономъ. Въ ихъ рядахъ нѣтъ ни одного человѣка съ талантомъ. Ихъ журналъ, «Москвитянинъ», читаемый только собственными сотрудниками и «Московскій Сборникъ»—изданія для охотниковъ. А журналы ихъ противниковъ расходятся тысячами, ихъ читаютъ, о нихъ говорятъ, ихъ мнѣнія въ ходу. Да что объ этомъ толковать много! Катать ихъ, мерзавцевъ! И Богъ вамъ судья, что вы отпустили живымъ одного изъ нихъ, имѣя его подъ пятою своею. Вѣрьте, когда удастся наступить на гадину, надо давить ее, непремѣнно давить.

Теперь я хочу въ послѣдній разъ и серьезно поговорить съ вами о дѣлѣ вашего сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ».—Я на это и не жду отъ васъ отвѣта, ибо эти строки не вопросъ, а окончательное объясненіе недоразумѣнія. Мнѣ досадно, что я написалъ по тому поводу столько же глупое, сколько и длинное письмо къ Боткину. А досадно потому, что вижу теперь, что письмо мое было холостымъ выстрѣломъ въ воздухъ и, вмѣсто того, чтобы попасть въ васъ съ Грановскимъ, никуда не попало, и я остался въ дуракахъ.—А все потому, что вы не хотѣли быть со мною откровеннымъ,—за что я, впрочемъ, на васъ не сержусь, потому что источникъ этой неоткровенности—деликатность: въ увѣренности, что убѣдить меня нельзя, вы не хотѣли попусту тревожить меня тѣмъ, что, казалось вамъ, можетъ дѣйствовать на меня непріятно. Дѣло въ томъ, что разговоръ съ Н. М. Щепкинымъ раскрылъ мнѣ глаза. Какъ ни деликатно и ни мягко намекнулъ онъ мнѣ о дѣлѣ, я понялъ все.—Позвольте же мнѣ на этотъ счетъ объясниться съ вами прямо, откровенно. Вы давали и прежде статьи Краевскому, теперь дали обѣщаніе участвовать на будущій годъ въ его журналѣ. Вы это сдѣлали не потому, что (какъ я думалъ) творили, не вѣдая, что, а какъ люди, дѣйствующіе сознательно. Хоть въ письмѣ вашемъ и Грановскаго главная и истинная причина обойдена вовсе, но вы отвѣчали мнѣ твердо, какъ люди, поступившіе по убѣжденію. Одно это должно бы мнѣ открыть глаза, но я только усумнился, да тутъ же и подавилъ свое сомнѣніе. Итакъ, дѣло вотъ въ чемъ: вы остаетесь при томъ дурномъ мнѣніи о Некрасовѣ, при той недовѣрчивости къ нему, о которой вы писали мнѣ великимъ постомъ нынѣшняго года.—Я, съ моей стороны, вполнѣ сознавая несправедливость и неделикатность поступка со мною Некрасова, тѣмъ не менѣе не вижу въ немъ дурного человѣка. Это

потому, что я знаю его, знаю давно и хорошо, и знаю всѣ circonstances atténuantes его поступка со мною, прямой его источникъ. Вы предполагаете возможнымъ, что при паденіи «Отечественныхъ Записокъ» «Современникъ» будетъ ими, а Некрасовъ вполнѣ замѣнитъ Краевскаго.—Я глубоко убѣжденъ, что вы ошибаетесь.—Но, къ несчастію, вы правы въ отношеніи къ самимъ себѣ, потому что онъ далъ вамъ, поступкомъ со мною, поводъ и основаніе такъ думать о немъ. На всѣ мои доводы въ его защиту вы вправѣ сказать мнѣ: пусть вы его знаете хорошо, да мы-то не знаемъ, а судимъ по факту. Я, любезный Кавелипъ, пишу къ вамъ это не для того, чтобы поднимать старыя дрязги, даже не изъ желанія, какъ говорится, помочь дѣлу, но только для того, чтобы показать и доказать вамъ, что я вовсе не такой человѣкъ, которому что войдетъ въ голову, такъ гвоздемъ не выколотишь, который не умѣетъ влѣзть на минуту въ чужую кожу и посмотрѣть на дѣло глазами людей, которые это дѣло видятъ иначе, и съ которымъ, слѣдовательно, необходимы умолчанія, обходы и т. п. Мнѣ эта исторія обошлась дорого. Если я ее, болѣзнь и потерю ребенка выдержалъ прошлою осенью, зимою и весною, это доказываетъ, что, несмотря на мою слабость, я физически живущъ страшно. Вы мнѣ повѣрите, если я вамъ скажу, что посягательство на мои личные, матеріальные интересы слишкомъ мало на меня дѣйствовало, и то въ началѣ только исторіи, и что я страдалъ больше за него. Я долженъ вамъ сознаться, что до сихъ поръ я чувствую, что мнѣ съ нимъ не такъ тепло и легко, какъ было до этой исторіи. Вообще, по причинѣ ея, все начало «Современника» какое-то неблагодатное: что-то нетвердое и шаткое видѣлось въ самыхъ успѣхахъ его, чуялось, что не таковы бы еще были его успѣхи, еслибъ раздѣленіе и охлажденіе не проникли туда, гдѣ все зависѣло отъ единодушія и общаго одушевленія. Въ первой же книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» была ваша статья, потомъ это продолжалось и потомъ, а это было куда нехорошо для новаго журнала! Я признаюсь, у меня недоставало духа взглянуть на дѣло прямо. Да и то сказать: боленъ, близокъ къ смерти, безъ средствъ, я долженъ же былъ, волею или неволею, ухватиться за «Современникъ», какъ за надежду и за спасеніе. Вотъ вамъ моя исповѣдь, послѣ которой вы должны вполнѣ понять меня въ отношеніи къ извѣстному вопросу. Больше объ этомъ чтобъ не было и рѣчи.—Покажите мое это письмо

(или только эти строки) только Грановскому, такъ какъ это дѣло больше всѣхъ касается только васъ двоихъ, да и письмо мое къ Боткину писалось преимущественно объ васъ и для васъ двоихъ. Я о немъ очень жалѣю, что написалъ его, особенно о той выходкѣ, которая оскорбила васъ: признаюсь, она была неумѣстна и неловка.—Я опять-таки повторяю, что вы ее не совсѣмъ такъ поняли, но я вижу, что иначе понять вамъ было бы мудрено.—Забудьте ее—я прошу объ этомъ васъ и Грановскаго именемъ тѣхъ симпатій и убѣжденій, которыя соединяютъ насъ; а доказать мнѣ, что вы забыли ее, вы можете только тѣмъ, что опять возьметесь хлопотать въ томъ же дѣлѣ на счетъ извѣстныхъ статей. Самый разсчетъ запрещаетъ теперь намъ хотя малѣйшее ограниченіе въ расходахъ, напротивъ, требуетъ еще большей готовности на большія издержки, несмотря на то, что и нынѣшній годъ можетъ принести опять убытки.

Принимаясь за это письмо, я перечелъ снова ваше, и хочу, ужъ заразъ, еще кое-что сказать по его поводу, въ дополненіе моего прежняго отвѣта. Вы спрашиваете: «Представляетъ ли современная русская жизнь такую другую сторону, которая, будучи художественно воспроизведена, представила бы намъ положительную сторону нашей народной физіономіи?» и видите съ моей стороны уступку славянофиламъ въ утвердительномъ моемъ отвѣтѣ. Но, несмотря на него, я и не думалъ съ ними соглашаться, по причинамъ, изложеннымъ въ вашемъ письмѣ, и съ которыми я всегда былъ вполнѣ согласенъ. Но поймите, что въ отношеніи къ этому вопросу въ печати необходимо или обходить его, или рѣшать утвердительно. Но этотъ вопросъ многими поставляется проще, т.-е. многіе, не видя въ сочиненіяхъ Гоголя и натуральной школы такъ называемыхъ «благородныхъ» лицъ, а все плутовъ или плутишекъ, приписываютъ это будто бы оскорбительному понятію о Россіи, что въ ней де честныхъ, благородныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умныхъ людей быть не можетъ. Это обвиненіе нелѣпое, и его-то старался я и буду стараться отстранить. Что хорошіе люди есть вездѣ, объ этомъ и говорить нечего, что ихъ на Руси, по сущности народа русскаго, должно быть гораздо больше, нежели какъ думаютъ сами славянофилы (т. е. истинно хорошихъ людей, а не мелодраматическихъ героевъ), и что, наконецъ, Русь есть по преимуществу страна крайностей и чудныхъ, странныхъ, непонятныхъ исключеній,—все это для меня аксіома, какъ 2×2=4. Но вотъ горе-

то: литература все-таки не можетъ пользоваться этими хорошими людьми, не входя въ идеализацію, реторику и мелодраму, т.-е. не можетъ представлять ихъ художественно такими, какъ они есть на самомъ дѣлѣ, по той простой причинѣ, что ихъ тогда не пропуститъ цензурная таможня. А почему? Потому именно, что въ нихъ человѣческое въ прямомъ противорѣчіи съ тою общественною средою, въ которой они живутъ. Мало того: хорошій человѣкъ на Руси можетъ быть иногда героемъ добра, въ полномъ смыслѣ слова, но это не мѣшаетъ ему быть съ другихъ сторонъ Гоголевскимъ лицомъ: честенъ и правдивъ, готовъ за правду на пытку, на колесо, но невѣжда, колотитъ жену, варваръ съ дѣтьми и т. д. Это потому, что все хорошее въ немъ есть даръ природы, есть чисто человѣческое, которымъ онъ нисколько не обязанъ ни воспитанію, ни преданію; словомъ, средѣ, въ которой родился, живетъ и долженъ умереть: потому, наконецъ, что подъ нимъ нѣтъ terrain, а, какъ вы говорите справедливо, не пловучее море, а огромное стекло. Вотъ, напр., честный секретарь уѣзднаго суда. Писатель реторической школы, сообразивъ его гражданскіе и юридическіе подвиги, кончитъ тѣмъ, что за его добродѣтель онъ получаетъ большой чинъ и дѣлается губернаторомъ, а тамъ и сенаторомъ. Это цензура пропуститъ со всею охотою, какими бы негодяями ни былъ обставленъ этотъ идеальный герой повѣсти, ибо онъ одинъ выкупаетъ съ лихвою наши общественные недостатки. Но писатель натуральной школы, для котораго всего дороже истина, подъ конецъ повѣсти представитъ, что героя опутали со всѣхъ сторонъ и запутали, засудили, отрѣшили съ безчестіемъ отъ мѣста, которое онъ портилъ, и пустили съ семьею по міру, если не сослали въ Сибирь, и общество наградило его за добродѣтель справедливости и неподкупности эпитетами безпокойнаго человѣка, ябедника, разбойника и пр. и пр. Изобразитъ ли писатель реторической школы доблестнаго губернатора—онъ представитъ удивительную картину преобразованной кореннымъ образомъ и доведенной до послѣднихъ крайностей благоденствія губерніи. Натуралистъ же представитъ, что этотъ, дѣйствительно, благонамѣренный, умный, знающій, благородный и талантливый губернаторъ видитъ, наконецъ, съ удивленіемъ и ужасомъ, что не исправилъ дѣла, а только еще больше испортилъ его, и что, покоряясь невидимой силѣ вещей, онъ долженъ себя считать счастливымъ, что, по своему крупному чину, вмѣстѣ съ породой

и богатствомъ, онъ не могъ покончить точь въ точь, какъ вышеупомянутый секретарь уѣзднаго суда. Кто-жъ будетъ пропускать такія повѣсти? Во всякомъ обществѣ есть солидарность—въ нашемъ страшная: она основывается на пословицѣ: съ волками надо выть по волчьи. Теперь вы видите ясно, какъ я понимаю этотъ вопросъ и почему рѣшаю его не такъ, какъ бы слѣдовало.

Итакъ, вы видите, что я вполнѣ и во всемъ согласенъ съ вами. Найдутся, впрочемъ, и несогласія, но не въ мысляхъ, а въ оттѣнкахъ мыслей, о чемъ писать скучно. Говоря, что Гоголь изображаетъ не пошлецовъ, а человѣка вообще, я имѣлъ въ виду отстоять отъ его враговъ сущность его художественнаго таланта. Съ этой стороны и вы не совсѣмъ правы, видя въ немъ только комика. Его «Бульба» и разныя отдѣльныя черты, разсѣянныя въ его сочиненіяхъ, доказываютъ, что онъ столько же трагикъ, сколько и комикъ, но что отдѣльно тѣмъ или другимъ онъ рѣдко бываетъ въ отдѣльномъ произведеніи, но чаще всего слитно тѣмъ и другимъ. Комизмъ—слово узкое для выраженія Гоголевскаго таланта. У него и комизмъ-то выше того, что мы привыкли называть комизмомъ. Что касается до добродѣтелей Собакевича и Коробочки, вы опять не поняли моей цѣли; а я совершенно съ вами согласенъ. У насъ всѣ думаютъ, что, если кто, сидя въ театрѣ, отъ души гнушается лицами въ «Ревизорѣ», тотъ уже не имѣетъ ничего общаго съ ними, и я хотѣлъ замѣтить, съ одной стороны, что самые лучшіе изъ насъ не чужды недостатковъ этихъ чудищъ, а съ другой, что эти чудища—не людоѣды же. А вы правы, что собственно въ нихъ нѣтъ ни пороковъ, ни добродѣтелей. Вотъ почему заранѣе чуствую тоску при мысли, что мнѣ надо будетъ писать о Гоголѣ, можетъ быть, не одну статью, чтобы сказать о немъ мое послѣднее слово; надо будетъ говорить многое не такъ, какъ думаешь. Въ этомъ отношеніи о Лермонтовѣ писать гораздо легче. Что между Гоголемъ и натуральною школою цѣлая бездна; но все-таки она идетъ отъ него, онъ отецъ ея, онъ не только далъ ей форму, но и указалъ на содержаніе. Послѣднимъ она воспользовалась не лучше его (куда ей въ этомъ бороться съ нимъ), а только сознательнѣе. Что онъ дѣйствовалъ безсознательно, это очевидно, но Коршъ больше, чѣмъ правъ, говоря, что всѣ геніи такъ дѣйствуютъ. Я отъ этой мысли года три назадъ съ ума сходилъ, а теперь она для меня аксіома, безъ исключеній. Петръ Великій не исключеніе. Онъ былъ домо-

строитель, хозяинъ государства, на все смотрѣлъ съ утилитарной точки зрѣнія. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Россіи нѣчто въ родѣ Голландіи и построилъ было Петербургъ-Амстердамъ. Но то ли только вышло, или должно выйти изъ его реформы? Геній—инстинктъ, а потому и откровеніе, броситъ въ міръ мысль и оплодотворитъ ею его будущее, самъ не зная, что сдѣлалъ, и думая сдѣлать совсѣмъ не то! Сознательно дѣйствуетъ талантъ, но зато онъ кастратъ, безплоденъ; своего ничего не родитъ, но зато лелѣетъ, роститъ и крѣпитъ дѣтей генія. Посмотрите на Жоржъ-Сандъ въ тѣхъ ея романахъ, гдѣ рисуетъ она свой идеалъ общества: читая ихъ, думаешь читать переписку Гоголя. Но довольно объ этомъ.

Статья ваша о Соловьевѣ дѣльна, и я читалъ ее съ наслажденіемъ. У васъ вездѣ мысль, и всегда одна и та же, отъ этого въ самыхъ сухихъ матеріяхъ вы живы и литературны. Продолжайте ваше дѣло. Кстати: вамъ, вѣрно, будетъ досадно, что статья ваша не вся напечатана въ 12 №. Что дѣлать—сами виноваты. Но объ этомъ я много говорилъ Боткину. Что это дѣлается съ Погодинымъ? Что за слухи? Ничего не понимаю. Онъ скотина, но уменъ, очень уменъ, даже безъ сравненія съ славянофилами, которые умомъ всѣ очень небогаты. А впрочемъ, чѣмъ онъ умнѣе, тѣмъ отвратительнѣе, потому что лицемѣръ.

Отвѣчайте мнѣ, ради Аллаха, что вы думаете на счетъ моего предложенія обозрѣть вкратцѣ литературную дѣятельность по части русской исторіи за нынѣшній годъ? Не стѣсняйте себя ни малѣйше, если не имѣете времени, или даже просто охоты. Обойтись безъ этого можно: скажу просто, что объ этомъ въ «Современникѣ» отдавались постоянные и подробные отчеты—и дѣло съ концомъ. Только увѣдомьте, чтобъ я уже зналъ, чего держаться. Да, забылъ я въ письмѣ къ Боткину спросить: на старой ли квартирѣ (въ Доброй Слободкѣ) живетъ Галаховъ: я писалъ къ нему туда, со вложеніемъ письма къ Кудрявцеву, и отвѣта не получилъ. Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ П. В. Анненкову. Начало декабря, 1847.

Дражайшій мой Павелъ Васильевичъ! Не удивляйтесь сему посланію, столь интересному по его содержанію: вы его получаете изъ Берлина. Больше ничего не скажу на этотъ счетъ;

но прямо приступлю къ изложенію тѣхъ необыкновенно интересныхъ русскихъ новостей, которыя заставили меня на этотъ разъ взяться за перо.

Тотчасъ же по пріѣздѣ, услышалъ я, что въ правительствѣ нашемъ происходитъ большое движеніе по вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права. Государь Императоръ, вновь и съ бо́льшею противъ прежняго энергіею, изъявилъ свою рѣшительную волю касательно этого великаго вопроса. Разумѣется, тѣмъ болѣе рѣшительной воли и искусства обнаружили окружающіе его отцы отечества, чтобы отвлечь его волю отъ этого, крайне непріятнаго имъ предмета. Искренно раздѣляетъ желаніе Государя Императора только одинъ Киселевъ; самый рѣшительный и, къ несчастію, самый умный и знающій дѣло противникъ этой мысли— Меншиковъ. Вы помните, что нѣсколько назадъ тому лѣтъ движеніе тульскаго дворянства въ пользу этого вопроса было остановлено правительствомъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Теперь, напротивъ, посланъ былъ тульскому дворянству запросъ: такъ ли же расположено оно теперь въ отношеніи къ вопросу? Перовскій выписалъ въ Питеръ Маслова, для совѣщанія съ нимъ о средствахъ разрѣшить вопросъ на дѣлѣ. Трудность этого рѣшенія заключается въ томъ, что правительство рѣшительно не хочетъ дать свободу крестьянамъ безъ земли, боясь пролетаріата, и въ то же время не хочетъ, чтобы дворянство осталось безъ земли, хотя бы и при деньгахъ. Вы имѣете понятіе о Масловѣ. Это человѣкъ неглупый, даже очень неглупый, но пустой и ничтожный, болтунъ на всѣ руки, либералъ на словахъ, и ничто на дѣлѣ. Роль, которую онъ теперь играетъ, забавляетъ его самолюбіе и даетъ пищу болтовнѣ, а онъ и безъ того помолчать не любитъ. Онъ говоритъ, что въ губерніи его считаютъ Вашингтономъ (по его, это значитъ быть радикаломъ въ либерализмѣ), а вотъ мы, молодое поколѣніе, хотѣли бы его повѣсить, какъ консерватора, хотя, по правдѣ, мы и не считаемъ его достойнымъ такого строгаго наказанія, а думаемъ, что довольно было бы прогнать его по шеѣ къ его лошадямъ, на его заводъ— писать для нихъ конституцію: это его настоящее мѣсто — конюшня. Разъ, въ домѣ Колзакова (зятя нашего Языкова) Масловъ принималъ у себя молодое поколѣніе аристократіи, которая все рвется служить по выборамъ, и прочелъ имъ свой проектъ освобожденія крестьянъ. Пріѣхалъ, въ половинѣ чтенія, пріятель его Жихаревъ (сенаторъ), и онъ вновь прочелъ весь

свой проектъ, написанный преглупо и начиненный текстами изъ св. писанія. «С . . . ты с . . . , ... », сказалъ ему Жихаревъ, при всѣхъ этихъ Шуваловыхъ, Строгановыхъ и пр., ни мало не привыкшихъ къ такому демократическому краснорѣчію въ порядочномъ обществѣ. «Ты сдѣлалъ смѣшнымъ твой проектъ». — А мнѣ что за дѣло! лишь бы я сдѣлалъ мое дѣло, а тамъ пусть смѣются!—Да . . . . . ! коли ты сдѣлаешь смѣшнымъ свое дѣло, ты погубишь его. Дай сюда!—Вырываетъ бумагу, складываетъ и кладетъ себѣ въ карманъ.—Я обдѣлаю это дѣло самъ, я примусь за это con amore, ночи не буду спать—я не говорю, чтобы ты написалъ все вздоръ, у тебя есть идеи, да не такъ все это надо сдѣлать. — И Масловъ послѣ говорилъ Языкову, что онъ жалѣетъ, что тутъ не было Виссаріона, который посмотрѣлъ бы, какая это была минута, когда Жихаревъ и пр. Видите ли, какой это государственный человѣкъ! И Жихаревъ принялся за дѣло ревностно. Какой былъ результатъ, т.-е. что̀ и ка̀къ написалъ онъ, не знаю, ибо вотъ уже 4-я недѣля, какъ, по причинѣ гнусной погоды, не выхожу изъ дому, а пріятели рѣдко ко мнѣ заглядываютъ, потому что живу теперь не по дорогѣ всѣмъ, какъ прежде. Но знаю, что Масловъ уже выгодно продалъ свой заводъ конскій троимъ изъ молодыхъ аристократовъ и, по условію, остался, за хорошее жалованье, смотрителемъ и распорядителемъ завода. Итакъ, дѣло обошлось не безъ пользы, если не для крестьянъ, то для Маслова! Перовскій, который въ душѣ своей противъ освобожденія рабовъ, а по своему шаткому положенію (онъ теперь въ немилости) объявилъ себя (съ Уваровымъ) за необходимость освобожденія, радъ, что нашелъ въ Масловѣ человѣка, къ которому можетъ посылать всѣхъ для переговоровъ. Но не думайте, чтобы дѣло это было въ такомъ положеніи. Все зависитъ отъ воли Государя Императора, а она рѣшительна. Вы знаете, что послѣ выборовъ назначается обыкновенно двое депутатовъ отъ дворянства, чтобы благодарить Государя Императора за продолженіе дарованныхъ дворянству правъ, и вы знаете, что въ настоящее царствованіе эти депутаты никогда не были допускаемы до Государя Императора. Теперь вдругъ смоленскимъ депутатамъ велѣно явиться въ Питеръ. Государь Императоръ милостиво принялъ ихъ, говорилъ, что онъ всегда былъ доволенъ смоленскимъ дворянствомъ и пр. И потомъ вдругъ перешелъ къ слѣдующей рѣчи.—Теперь я буду говорить съ вами не какъ Государь, а какъ первый дво-

рянинъ имперіи. Земля принадлежитъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашею кровью, пролитою за государство; но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещію, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростію и обманомъ съ одной стороны, и невѣжествомъ — съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. Крѣпостное право причиною, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности. — Затѣмъ онъ сказалъ имъ, чтобы они ѣхали въ свою губернію и, держа это въ секретѣ, побудили бы смоленское дворянство къ совѣщаніямъ о мѣрахъ, какъ приступить къ дѣлу. Депутаты, пріѣхавъ домой, сейчасъ же составили протоколъ того, что говорилъ имъ Государь Императоръ, и потомъ явились къ Орлову разсказать о дѣлѣ. Тотъ не повѣрилъ имъ; тогда они представили ему протоколъ, прося показать его Государю Императору—точно ли это слова Его Величества. Государь Императоръ, просмотрѣвъ протоколъ, сказалъ, что это его подлинныя слова, безъ искаженія и прибавокъ. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи депутатовъ въ ихъ губернію, Перовскій получилъ отъ смоленскаго губернатора донесеніе, что двое изъ дворянъ смущаютъ губернію, распространяя гибельныя либеральныя мысли. Государь Императоръ приказалъ Перовскому отвѣтить губернатору, что, въ случаѣ бунта, у него есть средства (войска и пр.), а чтобы до тѣхъ поръ онъ молчалъ и не въ свое дѣло не мѣшался. Я забылъ сказать, въ рѣчи своей къ депутатамъ Государь Императоръ сказалъ, что онъ даже намекалъ (указомъ объ обязанныхъ крестьянахъ) на необходимость освобожденія, да этого не поняли. Недавно Государь Императоръ былъ въ Александринскомъ театрѣ съ Киселевымъ, и оттуда взялъ его съ собою къ себѣ пить чай: фактъ, прямо относящійся къ освобожденію крестьянъ. Конечно, несмотря на все, дѣло это можетъ опять затихнуть. Друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага, окружающіе Государя Императора, утомятъ его проволочками, серединными, неудовлетворительными рѣшеніями, разными препятствіями, истинными и вымышленными, потомъ воспользуются маневрами или чѣмъ нибудь подобнымъ, и отклонятъ его вниманіе отъ этого вопроса, и онъ останется нерѣшеннымъ при такомъ монархѣ, который одинъ, по своей мудрости и твердой волѣ, способенъ рѣшить его. Но тогда онъ рѣшится самъ собою, другимъ образомъ, въ 1000 разъ болѣе непріятнымъ для русскаго дворянства. Крестьяне

сильно возбуждены, спятъ и видятъ освобожденіе. Все, что дѣлается въ Питерѣ, доходитъ до ихъ разумѣнія въ смѣшныхъ и уродливыхъ формахъ, но въ сущности очень вѣрно. Они убѣждены, что царь хочетъ, а господа не хотятъ. Обманутое ожиданіе ведетъ къ рѣшеніямъ отчаяннымъ. Перовскій думалъ предупредить необходимость освобожденія крестьянъ мудрыми распоряженіями, которыя юридически опредѣлили бы патріархальныя, по ихъ сущности, отношенія господъ къ крестьянамъ, и обуздали бы произволъ первыхъ, не ослабивъ повиновенія вторыхъ: мысль, достойная человѣка благонамѣреннаго, но ограниченнаго! Попытку свою началъ онъ съ Бѣлоруссіи возобновленіемъ уже забытаго тамъ, со временъ присоединенія Литвы къ Россіи, инвентарія. Поляки и жиды растолковали мужикамъ, что инвентарій значитъ то, что царь хочетъ ихъ освободить, а господа не хотятъ, и что царь, бывши въ Кіевѣ, хотѣлъ къ нимъ заѣхать, а господа не пустили его. Я думаю, что тутъ даже не нужна была интервенція поляковъ и жидовъ, и что такое толкованіе могло само собою родиться въ крестьянскихъ головахъ, уже настроенныхъ къ мыслямъ о свободѣ. Итакъ, Перовскій достигъ цѣли, совершенно противоположной той, какую имѣлъ. Все и понятно: когда масса спитъ, дѣлайте, что хотите, все будетъ по вашему; но когда она проснется—не дремлите сами, а то быть худу...

Сейчасъ я узналъ, что Масловъ, а потомъ Жихаревъ, писали не проектъ, а совѣтъ смоленскому предводителю дворянства; бумага неважная, изъ которой и не вышло никакихъ слѣдствій.

Такъ вотъ-съ, мой дражайшій, и у насъ не безъ новостей и даже не безъ признаковъ жизни. Движеніе это отразилось, хотя и робко, и въ литературѣ. Проскальзываютъ тамъ и сямъ то статьи, то статейки, очень осторожныя и умѣренныя по тону, но понятныя по содержанію. Вы, вѣрно, уже получили статью Заблоцкаго. Въ другое время нельзя было бы и думать напечатать ее, а теперь она прошла. Мало этого: недавно, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ее разбирали съ похвалою и выписали мѣсто о злѣ обязательной ренты. Помѣщики наши проснулись и затолковали. Видно по всему, что патріархально-сонный бытъ весь изжитъ, и надо взять иную дорогу. Очень интересна теперь «Земледѣльческая Газета»— органъ мнѣній помѣщиковъ. Толкуютъ о съѣздахъ помѣщиковъ

и т. д. Обо всемъ этомъ вамъ дадутъ понятіе XI и особенно XII №№ «Современника» (смѣсь).

Что еще у насъ новаго? Разнесся было слухъ, что Воронцовъ, по неудовольствію, отказывается отъ Кавказа, ссылаясь на болѣзнь глазъ. Но эта болѣзнь была не выдуманная, онъ выздоровѣлъ и не думаетъ оставлять Кавказа. А то было говорили, что на его мѣсто пошлютъ Меншикова, чтобъ избавиться отъ докучнаго оппонента по вопросу объ освобожденіи. Строгановъ вышелъ въ отставку и, разсказываютъ, вотъ по какому случаю. Онъ получилъ именное секретное предписаніе (что-то въ родѣ того, какъ носятся темные слухи, чтобы наблюдать надъ славянофилами) и отвѣчалъ Уварову, что, находя исполненіе этого предписанія противнымъ своей совѣсти, онъ скорѣе готовъ выйти въ отставку. Разумѣется, Уваровъ поспѣшилъ изложить это дѣло, какъ явный бунтъ—и Строгановъ былъ уволенъ. На мѣсто его утвержденъ скотина Голохвастовъ. То и другое—большое несчастіе для московскаго университета.

Перовскій въ немилости и, говорятъ, еле держится. Причина: онъ скрутилъ, по дѣлу Клевенскаго, полицмейстера Брянчанинова, какъ уличеннаго члена шуллерской шайки, и посадилъ его подъ арестъ, отдавъ подъ судъ. Это было во время отсутствія Государя Императора въ Питерѣ. Одна особа женскаго пола, весьма значительная при дворѣ, по родству съ Брянчаниновымъ, написала къ нему письмо, чтобы онъ не безпокоился, что лишь бы пріѣхалъ Государь, а то все будетъ хорошо, и ему дадутъ хоть другое, но такое же мѣсто. Перовскій, захвативъ бумаги Брянчанинова, велѣлъ пришить къ дѣлу и это письмо... Такъ говорятъ.

Наводилъ я справки о Шевченкѣ и убѣдился окончательно, что, внѣ религіи, вѣра есть никуда негодная вещь. Вы помните, что вѣрующій другъ мой говорилъ мнѣ, что онъ вѣритъ, что Шевченко—человѣкъ достойный и прекрасный. Вѣра дѣлаетъ чудеса—творитъ людей изъословъ и дубинъ, стало быть, она можетъ и изъ Шевченки сдѣлать, пожалуй, мученика свободы. Но здравый смыслъ въ Шевченкѣ долженъ видѣть осла, дурака и пошлеца, а сверхъ того, горькаго пьяницу, любителя горѣлки по патріотизму хохлацкому. Этотъ хохлацкій радикалъ написалъ два пасквиля—одинъ на Государя Императора, другой—на Государыню Императрицу. Читая пасквиль на себя, Государь хохоталъ, и, вѣроятно, дѣло тѣмъ и кончилось бы, и дуракъ не постра-

далъ бы за то только, что онъ глупъ. Но когда Государь прочелъ пасквиль на Императрицу, то пришелъ въ великій гнѣвъ, и вотъ его собственныя слова: «положимъ, онъ имѣлъ причины быть мною недовольнымъ и ненавидѣть меня, но ее-то за что?» И это понятно, когда сообразите, въ чемъ состоитъ славянское остроуміе, когда оно устремляется на женщину. Я не читалъ этихъ пасквилей, и никто изъ моихъ знакомыхъ ихъ не читалъ (что̀, между прочимъ, доказываетъ, что они нисколько не злы, а только плоски и глупы), но увѣренъ, что пасквиль на Императрицу долженъ быть возмутительно гадокъ, по причинѣ, о которой я уже говорилъ. Шевченку послали на Кавказъ солдатомъ. Мнѣ не жаль его: будь я его судьею, я сдѣлалъ бы не меньше. Я питаю личную вражду къ такого рода либераламъ. Это враги всякаго успѣха. Своими дерзкими глупостями они раздражаютъ правительство, дѣлаютъ его подозрительнымъ, готовымъ видѣть бунтъ тамъ, гдѣ ровно ничего нѣтъ, и вызываютъ мѣры крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія. Вотъ вамъ доказательство. Вы помните, что въ «Современникѣ» остановленъ переводъ Пиччинино (въ «Отечественныхъ Запискахъ» тожъ), Манонъ Леско и Леонъ Леони. А почему? Одна скотина изъ хохлацкихъ либераловъ, нѣкто Кулешъ (экая свинская фамилія!) въ Звѣздочкѣ (иначе называемой, ...), журналѣ, который издаетъ Ишимова для дѣтей, напечаталъ исторію Малороссіи, гдѣ сказалъ, что Малороссія или должна отторгнуться отъ Россіи, или погибнуть. Цензоръ Ивановскій просмотрѣлъ эту фразу, и она прошла. И немудрено: въ глупомъ и бездарномъ сочиненіи всего легче недосмотрѣть и за него попасться. Прошелъ годъ—и ничего, какъ вдругъ Государь получаетъ отъ кого-то эту книжку съ отмѣткою фразы. А надо сказать, что эта статья появилась отдѣльно, и на этотъ разъ ее пропустилъ Куторга, который, понадѣясь, что она была цензорована Ивановскимъ, подписалъ ее, не читая. Сейчасъ же велѣно было Куторгу посадить въ крѣпость. Къ счастію, успѣли предупредить графа Орлова и объяснить ему, что настоящій-то виноватый—Ивановскій! Графъ кое-какъ это дѣло замялъ и утишилъ, Ивановскій былъ прощенъ. Но можете представить, въ какомъ ужасѣ было министерство просвѣщенія и особенно цензурный комитетъ? Пошли придирки, возмездія, и тутъ-то казанскій татаринъ Мусинъ-Пушкинъ (страшная скотина, которая не годилась бы въ попечители конскаго завода) накинулся на переводы французскихъ повѣстей, вообра-

жая, что въ нихъ-то Кулешъ набрался хохлатскаго патріотизма,— и запретилъ Пиччинино, Манонъ Леско и Л. Леони.

Вотъ, что дѣлаютъ эти скоты, безмозглые либералишки! Охъ, эти мнѣ хохлы! Вѣдь бараны—а либеральничаютъ во имя галушекъ и варениковъ съ свинымъ саломъ! И вотъ теперь писать ничего нельзя—все марaютъ. А съ другой стороны, какъ и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволитъ печатно проповѣдовать отторженіе отъ него области? А вотъ и еще слѣдствіе этой исторіи. Ивановскій былъ прекрасный цензоръ, потому что благородный человѣкъ. Послѣ этой исторіи, онъ, естественно, сталъ строже, придирчивѣе, до него стали доходить жалобы литераторовъ,—и онъ вышелъ въ отставку, находя, что его должность несообразна съ его совѣстью. И мы лишились такого цензора, по милости либеральной свиньи, годной только на сало.

Такъ вотъ опытъ вѣры моего вѣрующаго друга. Я эту вѣру опредѣляю такъ: вѣра есть поблажка празднымъ фантазіямъ, или способность все видѣть не такъ, какъ оно есть на дѣлѣ, а какъ намъ хочется и нужно, чтобы оно было. Страшная глупость эта вѣра! Вещь, конечно, невинная, но тѣмъ болѣе пошлая.

Ну, что бы вамъ еще сказать? Книги мои я получилъ $\frac{\text{21 ноября}}{\text{3 декабря}}$. Скоренько—нечего сказать! То-то ждалъ, то-то проклиналъ удобство и скорость европейскихъ сношеній.

Письмо ваше, или, вѣрнѣе сказать, Тургенева, получилъ. Благодарю васъ обоихъ. Тургеневу буду отвѣчать, теперь недосугъ, и это письмо измучился, пиша урывками. Скажите ему, чтобы въ письмахъ своихъ ко мнѣ онъ не употреблялъ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, напр., имени моего вѣрующаго друга. Можно быть взрослому дѣтинѣ съ просѣдью въ волосахъ ребенкомъ, но всему есть мѣра,—и такъ компрометировать друзей своихъ, право, ни на что не похоже. Бога ради, увѣдомьте меня о брошюркѣ противъ Ламартина, по поводу Робеспьера.

А затѣмъ, прощайте. Да, кстати: Историческое Общество въ Москвѣ открыло документъ, изъ котораго видно, что князь Пожарскій употребилъ до 30,000 рублей, чтобы добиться престола. Возникло преніе—печатать или нѣтъ этотъ документъ. Большинствомъ голосовъ рѣшено—печатать. Славянофилы въ отчаяніи. Читали-ль вы «Домби и сынъ»? Если нѣтъ, спѣшите

прочесть. Это чудо. Все, что написано до этого романа Диккенсомъ, кажется теперь блѣдно и слабо, какъ будто совсѣмъ другого писателя. Это что-то до того превосходное, что боюсь и говорить: у меня голова не на мѣстѣ отъ этого романа.

Къ В. П. Боткину. Декабрь, 1847.

Спб. 1847, декабря .

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ Кавелину, дражайшій мой Василій Петровичъ, писалъ я о причинѣ, почему не отвѣчалъ на письмо твое. Я надѣялся крѣпко, что ты на это отзовешься и скажешь опредѣлительно, когда именно ѣдешь въ Питеръ, или вовсе не ѣдешь, или отложилъ эту поѣздку на неопредѣленное время. Но ни отъ тебя, ни отъ Кавелина ни слова въ отвѣтъ. Пріѣзжаетъ сюда Н. М. Щепкинъ,—первое мое слово ему было: когда ѣдетъ сюда Боткинъ?—Не знаю, отвѣчалъ онъ, я видѣлъ его передъ моимъ отъѣздомъ, но онъ ни слова не сказалъ мнѣ, что сбирается, такъ что я отъ васъ только и узнаю, что онъ хотѣлъ ѣхать.—Но вотъ Щепкинъ и пріѣхалъ и уѣхалъ, а все нѣтъ ни тебя, ни отвѣта отъ тебя. И мнѣ пришла въ голову вотъ какая мысль: ты всегда меня считалъ немножко дикимъ человѣкомъ, и, поэтому, ужъ не думаешь ли ты, что я сержусь на тебя за исторію съ объявленіемъ Краевскаго? Я, дѣйствительно, горячъ и раздражителенъ, и, когда взбѣшусь на пріятеля, то непремѣнно выстрѣлю въ него длиннымъ письмомъ, отъ котораго смертельно устану. Эта ли усталость или то, что въ письмѣ я выблевываю на пріятеля всю дрянь, какая во мнѣ противъ него была (и такимъ образомъ письмо мнѣ служитъ пургативомъ), только послѣ этого я уже не чувствую никакой досады, кромѣ развѣ, какъ на себя, потому что припомнится вдругъ, что то сказалъ рѣзко, а вотъ этого вовсе бы не слѣдовало говорить. И потому сердиться (въ смыслѣ сохраненія надолго непріятнаго чувства) вовсе не въ моей натурѣ. Я способнѣе вовсе разойтись навсегда съ пріятелемъ, если поступокъ его противъ меня будетъ таковъ, что долженъ охолодить меня къ нему, нежели сердиться. А твой поступокъ таковъ, что даже и съ натяжками, при явномъ желаніи растолковать его, какъ личную обиду мнѣ, изъ него нельзя сдѣлать обиды мнѣ. Напротивъ, я бы жестоко

оскорбилъ тебя, еслибъ послѣ всего, что ты для меня дѣлалъ всегда, и особенно въ послѣднее время, я обнаружилъ, что могу подозрѣвать тебя въ желаніи нагадить мнѣ. Все, что ты писалъ мнѣ въ оправданіе свое насчетъ Переса, не только убѣдило, но и тронуло меня. Ты прямо безъ увертокъ говоришь, что, не чуствуя къ Краевскому никакой пріязни, ты тѣмъ не менѣе не можешь отворотиться отъ него, хотя бы и хотѣлъ, пока онъ будетъ хорошъ съ тобою. Я понимаю это тѣмъ болѣе, что я самъ не изъ сильныхъ характеровъ и не разъ въ жизни, по этой причинѣ, важивалъ на спинѣ своей не одну каналью. Обвиненіе твое Некрасова въ томъ, что онъ не предупредилъ васъ не давать Краевскому обѣщаній, довольно странно; но и въ немъ даже видно, что тебѣ непріятно, что дѣло сдѣлано. Этимъ ты меня много утѣшилъ. Но довольно объ этомъ. Я прошу тебя забыть объ этомъ такъ же, какъ я забылъ. Повторяю еще разъ— я могъ на минуту вспылить на всѣхъ на васъ за вашъ поступокъ, какъ необдуманный и нелѣпый; но у меня никогда не было въ головѣ дикой мысли видѣть въ немъ личную обиду мнѣ.

Ну-съ, Василій Петровичъ, что-то будетъ, а пока дѣла не совсѣмъ хороши. Подписка нынѣшній годъ идетъ преплохо на всѣ журналы. Разумѣется, «Современникъ» далеко уже обогналъ не только «Отечественныя Записки», но и «Библіотеку для Чтенія». Вотъ что у насъ значитъ право давности! Можно ли вообразить себѣ журналъ болѣе сухой, мертвый, пустой, скучный, какъ была «Библіотека для Чтенія» нынѣшній годъ? Не сдѣлала ли редакція всего, чтобъ уронить свой журналъ? И все-таки онъ и на будущій годъ не выйдетъ изъ свохъ 3000 подписчиковъ!

Выпустили мы 12 №—чудище въ родѣ Левіаѳана; безъ машины нельзя ни читать, ни держать. Это устроилъ мой новый другъ Кавелинъ. Прислалъ, не предувѣдомивъ, огромнѣйшую статью въ половинѣ мѣсяца. Смотритъ разъ Некрасовъ въ окно, и видитъ: на ихъ дворъ везутъ груды бумагъ на трехъ парахъ воловъ, въ трехъ огромныхъ фургонахъ.—Что такое?—Статья г. Кавелина. Некрасовъ вмѣстѣ съ волами отправился въ типографію; Працъ, услышавъ, что все это необходимо напечатать въ 12 №, почувствовалъ припадки холеры; однако-жъ, хоть и съ сомнѣніемъ, а взялся набирать. А между тѣмъ статья была еще не вся— кончикъ вышлю на дняхъ, писалъ Кавелинъ. Некрасовъ думалъ, что этотъ кончикъ привезутъ къ нему уже на одной ломовой лошади—глядитъ, анъ тащутъ на парѣ воловъ. Тогда Працъ

рѣшительно отказался набирать конецъ статьи, потому что невозможно было успѣть. Каково наше положеніе? Конецъ прошлогодней статьи надо переносить въ новый годъ. Не въ вправѣ ли будутъ многіе подумать, что это ловушка для подписчиковъ? Кавелину, вѣрно, непріятно будетъ увидѣть, что его статья разорвана. А кто-жъ виноватъ?—самъ. Оставить ее всю было нельзя, ибо большая половина была набрана—не разбирать же; а оставить въ наборѣ—на это Працъ не согласенъ. Въ 1 № помѣстить конца нельзя, потому что въ первой книжкѣ должны быть все свѣжія статьи, а не хвосты прошлогоднихъ. А между тѣмъ, увѣдомь онъ заранѣе, что статья будетъ, молъ, очень велика, да пришли начало ея пораньше,—тогда не было бы напечатано кое-что другое, и взяты были бы свои мѣры, чтобы вся статья вошла въ этотъ №. Да книжка бы вышла въ 9 часовъ 1 числа, а не въ 3, и приходившіе въ контору съ билетами не выходили бы изъ нея съ огорченными лицами. Любопытно мнѣ знать, что ты скажешь о «Полинькѣ Саксъ». Эта повѣсть мнѣ очень понравилась. Герой черезчуръ идеализированъ и ужъ слишкомъ напоминаетъ сандовскаго Жака, есть положенія довольно натянутыя, мѣстами пахнетъ мелодрамою, все юно и незрѣло,—и несмотря на то хорошо, дѣльно, да еще какъ! Некрасовъ давалъ мнѣ читать въ рукописи. Прочтя, я сказалъ: если это произведеніе молодого человѣка, отъ него можно многаго надѣяться; но если зрѣлаго—ничего, или почти ничего. Оказалось, что это человѣкъ 25 лѣтъ, а повѣсть эта написана имъ три года назадъ; но что всего болѣе меня порадовало, такъ это то, что авторъ очень недоволенъ своею первою повѣстью. Эта повѣсть нежданно прислана намъ цензоромъ Куторгою и пришлась кстати: Бутковъ надулъ Некрасова и конца своей повѣсти не доставилъ. Нельзя сказать, чтобы и «Современникъ» не пользовался иногда особенною благосклонностію фортуны: должно быть, и онъ—подлецъ?

Кстати, о повѣстяхъ. Съ твоимъ мнѣніемъ о повѣсти Григоровича я не совсѣмъ согласенъ. Длинноты изъ нея были выкинуты—это вялыя описанія природы,—я самъ зачеркнулъ одно такое мѣсто. Остались длинноты существенныя, которымъ повѣсть обязана своими достоинствами. Наша разница въ воззрѣніи происходитъ отъ разницы нашихъ отношеній къ русской повѣсти. Для меня иностранная повѣсть должна быть слишкомъ хороша, чтобы я могъ читать ее безъ нѣкотораго усилія, особенно вна-

чалѣ; и трудно воообразить такую гнусную русскую, которой бы я не могъ осилить (доказательство—я прочелъ съ начала до конца «Вѣру» въ «Отечественныхъ Записках»—да и задамъ же я ей при обзорѣ!), а будь повѣсть русская хоть сколько-нибудь хороша, главное—сколько-нибудь дѣльна—я не читаю, а пожираю съ жадностью собаки, истомленной голодомъ. Я знаю, плохой иностранной повѣсти ты читать не станешь, а не очень хорошей—и начнешь да кончишь; но къ русской повѣсти ты еще требовательнѣе и строже. Стало быть, мы съ тобою сидимъ на концахъ. Ты, Васинька, сибаритъ, сластена—тебѣ, вишь, давай поэзіи да художества—тогда ты будешь смаковать и чмокать губами. А мнѣ поэзіи и художественности нужно не больше, какъ настолько, чтобы повѣсть была истинна, т.-е. не впадала въ аллегорію, или не отзывалась диссертаціею. Для меня—дѣло въ дѣлѣ. Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатлѣніе. Если она достигаетъ этой цѣли и вовсе безъ поэзіи и творчества,—она для меня тѣмъ не менѣе интересна, и я ее не читаю, а пожираю. Я съ удовольствіемъ прочелъ, напр., повѣсть не повѣсть, даже разсказъ не разсказъ, и разсужденіе не разсужденіе—«Записки человѣка» Галахова (въ 12 № «Отечественныхъ Записокъ»), да еще съ какимъ удовольствіемъ! Разумѣется, если повѣсть возбуждаетъ вопросы и производитъ нравственное впечатлѣніе на общество, при высокой художественности, — тѣмъ она для меня лучше; но главное-то у меня все-таки въ дѣлѣ, а не въ щегольствѣ. Будь повѣсть хоть расхудожественна, да если въ ней нѣтъ дѣла-то, братецъ, дѣла-то: je m'en fous. Я знаю, что сижу въ односторонности, но не хочу выходить изъ нея и жалѣю и болѣю о тѣхъ, кто не сидитъ въ ней. Вотъ почему въ «Антонѣ» я не замѣтилъ длиннотъ, или, лучше сказать, упивался длиннотами, какъ амброзіею боговъ, т.-е. шампанскимъ (которое теперь для меня тѣмъ соблазнительнѣе, что запрещено мнѣ на всю жизнь). Боже мой! какое изученіе русскаго простонародья въ подробныхъ до мелочности описаніяхъ ярмарки! Поди ты, вѣдь дуракъ набитый, по крайней мѣрѣ пустѣйшій человѣкъ, а талантъ, да еще какой! Но перечитывать «Антона» я не буду, хотя всегда перечитываю по нѣсколько разъ всякую русскую повѣсть, которая мнѣ понравится. Ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнія: читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонамѣренный помѣщикъ

поретъ и истязуетъ цѣлую вотчину—законное наслѣдіе его благородныхъ предковъ.

А читаешь ли ты «Домби и Сынъ»? Это что-то уродливо, чудовищно-прекрасное! Такого богатства фантазіи на изобрѣтеніе рѣзко, глубоко, вѣрно нарисованныхъ типовъ я и не подозрѣвалъ, не только въ Диккенсѣ, но и вообще въ человѣческой натурѣ. Много написалъ онъ прекрасныхъ вещей, но все это въ сравненіи съ послѣднимъ его романомъ блѣдно, слабо, ничтожно. Теперь для меня Диккенсъ—совершенно новый писатель, котораго я прежде не зналъ. Зачѣмъ онъ такъ мало личенъ, такъ мало субъективенъ, такъ мало человѣкъ—и такъ много англичанинъ! Зачѣмъ онъ ближе къ Вальтеру-Скотту, чѣмъ къ Байрону! Зачѣмъ не дано ему сознательныхъ симпатій и стремленій хоть настолько, сколько ихъ у Eugène Sue! Онъ и безъ того такъ неизмѣримо выше этого наемнаго писаки по столько-то су со строки, что ихъ смѣшно и сравнивать: что же было бы тогда? Кстати, о французскихъ романистахъ. «Пиччинино» я не читалъ. Всѣ говорятъ, что больно плохъ. Мнѣ что-то и не хочется приняться. Больно, когда такой талантъ падаетъ, издавая недостойное себя произведеніе. А вѣдь кромѣ G. Sande, право, некого у нихъ теперь читать. Все пошлецы страшные. Я ужъ не говорю о твоемъ protégé, А. Дюма: это сквернавецъ и пошлецъ, Булгаринъ по благородству инстинктовъ и убѣжденій, а по таланту—у него, дѣйствительно, есть талантъ, противъ этого я ни слова, но талантъ, который относится къ искусству и литературѣ точно такъ же, какъ талантъ канатнаго плясуна или наѣздницы изъ труппы Франкони относится къ сценическому искусству. Ахъ, кстати: недавно я одержалъ блистательную побѣду по части терпѣнія—прочелъ «Оттилію». Святители! Думалъ ли я, что великій Гете, этотъ олимпіецъ нѣмецкій, могъ явиться такою нѣмчурою въ этомъ прославленномъ его романѣ. Мысль основная умна и вѣрна, но художественное развитіе этой мысли—Аллахъ, Аллахъ, — зачѣмъ ты сотворилъ нѣмцевъ?.. Умолкаю....

Недавно прочелъ я записки Дюкло о концѣ царствованія Луи XIV, регентствѣ и началѣ царствованія Луи XV. Прелесть что за книга, и что за умный человѣкъ этотъ Дюкло! Больно мнѣ думать, что въ молодости я перечелъ горы вздору и только на старости принялся читать дѣльныя книги, когда потерялъ свѣжесть воспріемлемости и засорилъ печатнымъ навозомъ память.

Теперь о письмахъ Герцена. Впечатлѣніе, которое они про-

извели на Корша, Грановскаго, тебя и другихъ москвичей, доказываетъ мнѣ только отсутствіе у васъ, москвичей, той терпимости, которую вы считаете главною вашею добродѣтелью. Въ твоемъ отзывѣ, я, дѣйствительно, вижу еще что-то похожее на терпимость: ты хоть не сердишься на письма, за то, что они думаютъ не по твоему, а по своему, не краснѣешь, какъ Коршъ, и не называешь ерническимъ тономъ того, что надо по настоящему называть шуткою, остротою, отсутствіемъ педантизма и семинаризма. Ты, по моему, не правъ только въ томъ отношеніи, что не хотѣлъ признать ничего хорошаго во взглядѣ и мнѣніи, противоположномъ твоимъ. Эти письма, особенно послѣднее, писались при мнѣ, на моихъ глазахъ, вслѣдствіе тѣхъ ежедневныхъ впечатлѣній, отъ которыхъ краснѣли и потупляли голову честные французы, да и мошенники-то мигали не безъ замѣшательства. Если и есть въ письмахъ Герцена преувеличеніе—Боже мой — что-жъ за преступленіе—и гдѣ совершенство? Гдѣ абсолютная истина? Считать же взглядъ Герцена неоспоримо ошибочнымъ, даже не стоющимъ возраженія—не знаю, господа, можетъ быть, вы и правы, но я что-то слишкомъ глупъ, чтобы понять васъ въ вашей мудрости. Я не говорю, что взглядъ Герцена безошибочно вѣренъ, обнялъ всѣ стороны предмета, я допускаю, что вопросъ о bourgeoisie—еще вопросъ, и никто пока не рѣшилъ его окончательно, да и никто не рѣшитъ—рѣшитъ его исторія, этотъ высшій судъ надъ людьми. Но я знаю, что владычество капиталистовъ покрыло современную Францію вѣчнымъ позоромъ, напомнило времена регентства, управленіе Дюбуа, продававшаго Францію Англіи, и породило оргію промышленности. Все въ немъ мелко, ничтожно, противорѣчиво; нѣтъ чувства національной чести, національной гордости. Взгляни на литературу—что это такое? Все, въ чемъ блещутъ искры жизни и таланта, все это принадлежитъ къ оппозиціи—не къ паршивой парламентской оппозиціи, которая, конечно, несравненно ниже даже консервативной партіи, а къ той оппозиціи, для которой bourgeoisie—сифилитическая рана на тѣлѣ Франціи. Много глупостей въ ея анаѳемахъ на bourgeoisie, — но за то, только въ этихъ анаѳемахъ и проявляется и жизнь, и талантъ. Посмотри, что дѣлается на театрахъ парижскихъ. Умная, тщательная постановка, прекрасная игра актеровъ, грація и острота французскаго ума прикрываютъ тутъ пустоту, ничтожность, пошлость. Искусство напоминаетъ о себѣ только Рашелью и Расиномъ: а

не то, напомнитъ его иногда своими «Ветошниками», при помощи Леметра, какой-нибудь Феликсъ Піа, человѣкъ вовсе безъ таланта, но достигающій таланта силою (à force) ненависти къ буржуази. Герценъ не говорилъ, что прокуроры французскіе — шуты и дураки, но только распространился о поступкѣ одного прокурора (при процессѣ бовалонова секунданта), поступкѣ, достойномъ шута, дурака, да еще и подлеца вдобавокъ. Этотъ фактъ имъ не выдуманъ — онъ во всѣхъ журналахъ французскихъ. Кстати, о французскихъ журналахъ, изъ извѣстій которыхъ будто бы Герценъ сшиваетъ свои письма: это упрекъ до того смѣшной, что серьезно и отвѣчать на него не стоитъ. Да развѣ можно сказать о Франціи какой-нибудь фактъ, о которомъ бы уже не было говорено во французскихъ журналахъ? Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, какъ отразился этотъ фактъ въ личности автора, какъ изложенъ имъ. Касательно послѣдняго пункта, Герценъ и въ своихъ письмахъ остается, какъ и во всемъ, что ни писалъ онъ, человѣкомъ съ талантомъ, и читать его письма—наслажденіе даже и для тѣхъ, кто замѣчаетъ въ нихъ преувеличеніе, или не совсѣмъ согласенъ съ авторомъ во взглядѣ. А то, пожалуй, вонъ г. Арапетовъ и о письмахъ Анненкова отозвался съ презрѣніемъ, какъ о компиляціи изъ фельетоновъ парижскихъ журналовъ. А что касается до Н. Ф. Павлова, то, вмѣсто писемъ о Парижѣ съ Срѣтенскаго Бульвара, я бы посовѣтовалъ ему позаняться третьимъ письмомъ къ Гоголю, да на этомъ ужъ и кончить, такъ какъ дальше итти ему, видимо, не суждено Провидѣніемъ. Когда мы получили въ Парижѣ тотъ № «Современника», гдѣ IV-е письмо, я захохоталъ, а Герценъ пресерьезно остановилъ меня замѣчаніемъ, что, вѣрно, 3-е письмо не пропущено цензурою. Я даже покраснѣлъ отъ нелѣпости моего предположенія. Но, воротясь въ Питеръ, я узналъ, что я былъ правъ, и что, въ отношеніи къ литературѣ, какъ и многому другому, москвичи, дѣйствительно, находятся на особыхъ правахъ у здраваго смысла, и смѣло могутъ издать сперва конецъ, потомъ середину, а наконецъ—начало своего сочиненія.

Я согласенъ, что одною буржуази нельзя объяснить à fond и окончательно гнуснаго позорнаго положенія современной Франціи, что это вопросъ страшно сложный, запутанный, и прежде всего и больше всего — историческій, а потомъ уже, какой хочешь — нравственный, философскій и т. д. Я понимаю, что буржуази явленіе не случайное, а вызванное исторіею, что она яви-

лась не вчера, словно грибъ выросла, и что, наконецъ, она имѣла свое великое прошедшее, свою блестящую исторію, оказала человѣчеству величайшія услуги. Я даже согласился съ Анненковымъ, что слово bourgeoisie не совсѣмъ опредѣленно, по его многовмѣстительности и эластической растяжимости. Буржуа и огромные капиталисты, управляющіе такъ блистательно судьбами современной Франціи, и всякіе другіе капиталисты и собственники, мало имѣющіе вліяніе на ходъ дѣлъ и мало правъ, и, наконецъ, люди, вовсе ничего не имѣющіе, т.-е. стоящіе за цензомъ. Кто же не буржуа? Развѣ ouvrier, орошающій собственнымъ потомъ чужое поле. Всѣ теперешніе враги буржуазіи и защитники народа такъ же не принадлежатъ къ народу, и такъ же принадлежатъ къ буржуазіи, какъ и Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ. Вотъ съ точки зрѣнія этой неопредѣленности и сбивчивости въ словѣ буржуазіи, письма Герцена sont attaquables. Это ему тогда же замѣтилъ Сазоновъ, сторону котораго принялъ Анненковъ противъ Мишеля (этого нѣмца, который родился мистикомъ, идеалистомъ, романтикомъ, и умретъ имъ, ибо отказаться отъ философіи еще не значитъ перемѣнить свою натуру), и Герценъ согласился съ ними противъ него. Но если въ письмахъ есть такой недостатокъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что они дурны. Но это въ сторону. Итакъ, не на буржуазіи вообще, а на большихъ капиталистовъ надо нападать, какъ на чуму и холеру современной Франціи. Она въ ихъ рукахъ, а этому-то бы и не слѣдовало быть. Средній классъ всегда является великимъ въ борьбѣ, въ преслѣдованіи и достиженіи своихъ цѣлей. Тутъ онъ и великодушенъ и хитеръ, и герой и эгоистъ, ибо дѣйствуютъ, жертвуютъ и гибнутъ изъ него избранные, а плодами подвига или побѣды пользуются всѣ. Въ среднемъ сословіи сильно развитъ esprit de corps. Оно удивительно смышленно и ловко дѣйствовало во Франціи и, правду сказать, не разъ эксплуатировало народомъ; подожжетъ его, да потомъ и вышлетъ Лафайета и Бальи разстрѣливать пушками его же, т.-е. народъ же. Въ этомъ отношеніи основной взглядъ на буржуазіи Луи Блана не совсѣмъ неоснователенъ, только доведенъ до той крайности, гдѣ всякая мысль, какъ бы ни справедлива была она въ основѣ, становится смѣшною. Кромѣ того, онъ выпустилъ изъ виду, что буржуазіи въ борьбѣ, и буржуазіи торжествующая—не одна и та же, что начало ея движенія было непосредственное, что тогда она не отдѣляла своихъ интересовъ отъ интересовъ народа. Даже и при Assemblée Con-

stituante она думала вовсе не о томъ, чтобы успокоиться на лаврахъ побѣды, а о томъ, чтобы упрочить побѣду. Она выхлопотала права не одной себѣ, но и народу: ея ошибка была сначала въ томъ, что она подумала, что народъ съ правами можетъ быть сытъ и безъ хлѣба; теперь она сознательно ассервировала народъ голодомъ и капиталомъ, но вѣдь теперь она—буржуази, не борющаяся, а торжествующая. Но это все еще не то, что хочу я сказать тебѣ, а только предисловіе къ тому, не сказка, а присказка. Вотъ сказка: я сказалъ, что не годится государству быть въ рукахъ капиталистовъ, а теперь прибавлю: горе государству, которое въ рукахъ капиталистовъ, это люди безъ патріотизма, безъ всякой возвышенности въ чувствахъ. Для нихъ война или миръ значатъ только возвышеніе или упадокъ фондовъ—далѣе этого они ничего не видятъ. Торгашъ есть существо, по натурѣ своей пошлое, дрянное, низкое и презрѣнное, ибо онъ служитъ Плутусу, а этотъ богъ ревнивѣе всѣхъ другихъ боговъ и больше ихъ имѣетъ право сказать: кто не за меня, тотъ противъ меня. Онъ требуетъ себѣ человѣка всего, безъ раздѣла и тогда щедро награждаетъ его; приверженцевъ же неполныхъ онъ бросаетъ въ банкротство, а потомъ въ тюрьму, а наконецъ въ нищету. Торгашъ—существо, цѣль жизни котораго нажива; поставить предѣлы этой наживѣ невозможно. Она, что морская вода; не удовлетворяетъ жажды, а только сильнѣе раздражаетъ ее. Торгашъ не можетъ имѣть интересовъ, не относящихся къ его карману. Для него деньги не средство, а цѣль, и люди—тоже цѣль; у него нѣтъ къ нимъ любви и состраданія, онъ свирѣпѣе звѣря, неумолимѣе смерти, онъ пользуется всѣми средствами, дѣтей заставляетъ гибнуть въ работѣ на себя, прижимаетъ пролетарія страхомъ голодной смерти (т.-е. сѣчетъ его голодомъ, по выраженію одного русскаго помѣщика, съ которымъ я встрѣтился въ путешествіи), снимаетъ за долгъ рубище съ нищаго, пользуется развратомъ, служитъ ему, и богатѣетъ отъ бѣдняковъ. Торгашъ — жидъ, армянинъ, грекъ, Погодинъ, Краевскій. Торгашу недоступны никакія человѣческія чувства, и если какое-нибудь явится у него, напр., любовь къ сыну или дочери, то не какъ естественное чувство, а какъ уродливая страсть, какъ кара за его отверженіе человѣчества. Не спѣши обвинять меня въ фантазерствѣ и преувеличеніи, дай сперва высказаться. Это портретъ не торгаша вообще, а торгаша—генія, торгаша—Наполеона. Съ литературой знакомятся и знакомятъ не черезъ

обыкновенныхъ талантовъ, а черезъ геніевъ, какъ истинныхъ ея представителей. Я знаю, что между торгашами бываютъ (особенно бывали) фанатики торговой чести, мученики добродѣтелей по своему; но это не мѣшаетъ имъ быть людьми черствыми, безъ поэзіи, ихъ добродѣтели уважаешь, а не любишь. Но главное—это торгаши—таланты, а не геніи, порода смѣшанная, а не чистая. Я знаю, что Жакъ Лафитъ былъ благороднѣйшій человѣкъ, истинный патріотъ; но за то-то онъ и разорился: Плутусъ—богъ ревнивый. Вонъ Ротшильдъ—тотъ не разорится: онъ жидъ, стало быть, торгашъ par excellence.

Возьмемъ противоположную крайность—мотовъ, расточителей, проживателей, гулякъ, даже развратниковъ: въ нихъ не рѣдкость встрѣтить черты доброты, человѣколюбія, широту натуры, человѣчность. Вспомни Алкивіада, Лукулла, Антонія, вспомни регента (duc d'Orléans) — кто больше его сдѣлалъ зла Франціи своимъ управленіемъ? И все-таки это былъ человѣкъ добрый и гуманный, который почти никого не сдѣлалъ несчастнымъ. Вспомни сатиру Гранжа, гдѣ регентъ обвиняется въ отравленіи королевской фамиліи—выслушавъ ее, онъ пришелъ въ ужасъ, а Гранжу ничего не сдѣлалъ. Вспомни шекспировскаго «Тимона Аѳинскаго».

Изъ этой параллели ты, пожалуй, заключишь, что я не уважаю труда, и въ гулякѣ праздномъ вижу идеалъ человѣка. Нѣтъ, это не такъ. Въ гулякахъ я только вижу потерянныхъ людей, но людей, а въ наживальщикахъ я не вижу никакихъ людей. Тимонъ Аѳинскій Шекспира есть великій нравственный урокъ гулякамъ съ широкими натурами. Онъ, что̀ посѣялъ, то и пожалъ. Но объ этомъ много нечего говорить. Я уважаю разсчетливость и аккуратность нѣмцевъ, которые умѣютъ никогда не забываться и не увлекаться, и за то, не зная большихъ кутежей, часто успѣваютъ не знать и большой нищеты, уважаю нѣмцевъ за это, но не люблю ихъ. А люблю я двѣ націи—француза и русака, люблю ихъ за то, общее имъ обоимъ свойство, что тотъ и другой цѣлую недѣлю работаетъ для того, чтобы въ воскресенье прокутить все заработанное. Въ этомъ есть что-то широкое, поэтическое. Извѣстно, что французъ и русакъ и по понедѣльникамъ плохіе работники, потому что провожаютъ воскресенье. Работать для того, чтобы не только имѣть средства къ жизни, но и къ наслажденію ею — это значитъ понять жизнь человѣчески, а не по-нѣмецки. Ты скажешь,

что наслажденіе русака состоитъ въ томъ, чтобы до зари нарѣзаться свиньею и цѣлый день валяться — безъ заднихъ ногъ. Правда, но это показываетъ только его гражданское положеніе и степень образованности; а натура-то остается все тою же натурою, вслѣдствіе которой на Руси рѣшительно невозможно фарисейско-англійское чествованіе праздничныхъ дней. Народъ гулящій! Изстари, чуть только—какъ сказалъ Кантемиръ—

Сегодня одинъ изъ тѣхъ дней свѣтъ Николаю,
Какъ ужъ весь городъ пьянъ отъ края до краю.

Обращаясь къ торгашамъ, надо замѣтить, что человѣка искажаетъ всякая дурная овладѣвшая имъ страсть, и что, кромѣ наживы, такихъ страстей много. Такъ, но это едва ли не самая подлая изъ страстей. А потомъ она даетъ esprit de corps и тонъ всему сословію. Каково же должно быть такое сословіе? И каково государству, когда она въ его рукахъ? Въ Англіи средній классъ много значитъ—нижняя палата представляетъ его; а въ дѣйствіяхъ этой палаты много величаваго, а патріотизма просто бездна. Но въ Англіи среднее сословіе контра балансируется аристократіею, оттого англійское правительство столько же государственно, величаво и славно, сколько французское либерально, низко, пошло, ничтожно и позорно. Кончится время аристократіи въ Англіи — народъ будетъ контрабалансировать среднему классу; а не то — Англія представитъ собою, можетъ быть, еще болѣе отвратительное зрѣлище, нежели какое представляетъ теперь Франція. Я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые утверждаютъ за аксіому, что буржуази—зло, что ее надо уничтожить, что только безъ нея все пойдетъ хорошо. Такъ думаетъ нашъ нѣмецъ—Мишель, такъ, или почти такъ, думаетъ Луи Бланъ. Я съ этимъ соглашусь только тогда, когда на опытѣ увижу государство, благоденствующее безъ средняго класса, а какъ пока я видѣлъ только, что государства безъ средняго класса осуждены на вѣчное ничтожество, то и не хочу заниматься рѣшеніемъ а пріори такого вопроса, который можетъ быть рѣшенъ только опытомъ. Пока буржуази есть и пока она сильна, я знаю, что она должна быть и не можетъ не быть. Я знаю, что промышленность—источникъ великихъ золъ, но знаю, что она же—источникъ и великихъ благъ для общества. Собственно, она только послѣднее зло въ владычествѣ капитала, въ его тиранніи надъ трудомъ. Я согласенъ, что даже и отвержен-

ная порода капиталистовъ должна имѣть свою долю вліянія на общественныя дѣла; но горе государству, когда она одна стоитъ во главѣ его! Лучше замѣнить ее лѣнивою, развратною и покрытою лохмотьями сволочью: въ ней скорѣе можно найти патріотизмъ, чувство національнаго достоинства и желаніе общаго блага. Недаромъ всѣ націи въ мірѣ, и западныя и восточныя, и христіанскія и мусульманскія, сошлись въ ненависти и презрѣніи къ жидовскому племени: жидъ—не человѣкъ; онъ—торгашъ par excellence.

Перечитывая твое письмо, я остановился на строкахъ, что ты отложилъ свой пріѣздъ, ожидая увѣдомленія, ловко ли будетъ тебѣ остановиться у Некрасова и Панаева, послѣ этого объявленія? Что за вздоръ такой—стыдно слышать! Еще другое дѣло, еслибъ ты стороною узналъ, что мы огорчились вашимъ пособіемъ Краевскому; но мы вамъ сказали прямо—какія-жъ тутъ предположенія затаеннаго сердца? Короче: я поступилъ бы, какъ пошлецъ, еслибъ, зная, что Некрасову и Панаеву твой пріѣздъ къ нимъ могъ быть хоть сколько-нибудь тяжелъ, сталъ увѣрять тебя въ противномъ, вмѣсто того, чтобъ поспѣшить сказать тебѣ правду. Пріѣзжай прямо къ нимъ—тебѣ будутъ рады и примутъ тебя радушно: я отвѣчаю за это. Вотъ какъ мудрено понимать другъ друга на такомъ большомъ разстояніи! Слушай, Боткинъ: вѣдь я могу же за что-нибудь взбѣситься на тебя, и притти къ тебѣ обѣдать, да, пожирая твой столъ и твое вино, перебраниться съ тобою, а кончить ссору фразою: приходи-ка завтра ко мнѣ жрать? Между такою пріятельскою размолвкою и между тѣмъ неудовольствіемъ, которое дѣлаетъ уже невозможнымъ продолженіе пріятельскихъ отношеній—цѣлая бездна. И еслибъ мы вашъ поступокъ съ Краевскимъ приняли въ послѣднемъ смыслѣ, вы имѣли бы полное право отвѣтить намъ, что съ этой минуты и всѣ статьи ваши пойдутъ въ «Отечественныхъ Записках», а въ «Современникѣ» ни одной. Я считаю вашъ поступокъ неразумнымъ; но вѣдь надо сойти вовсе съ ума, чтобъ растолковать его, какъ низкій поступокъ. Вотъ Грановскій и Кавелинъ даже не признаютъ его и неразумнымъ,—и они правы съ своей точки зрѣнія, если и ошибаются, потому что кто же не имѣетъ права ошибаться? По крайней мѣрѣ, изъ всѣхъ моихъ правъ, за это я всегда готовъ стоять съ особеннымъ остервенѣніемъ.

Письма твои объ Испаніи (12 № «Современника») продолжаютъ быть страшно интересными, и всѣ хвалятъ ихъ наповалъ. Хоть

я столько же не люблю испанцевъ, сколько ты обожаешь ихъ, а письма твои и теперь прочелъ съ большимъ наслажденіемъ. Особенно заинтересовали меня подробности о Мурильо. Еслибъ ты вздумалъ передавать свои впечатлѣнія отъ каждой картины и пустился въ разборъ отдѣльныхъ произведеній, это было бы скучно и пошло; но взглядъ на цѣлую живопись народа, столь оригинальную, столь непохожую на самыя извѣстныя школы живописи, это—другое дѣло. Жаль только, что уничтоженіе монастырей и истребленіе монаховъ у тебя являются какъ-то вскользь, а объ андалузкахъ и обожаніи тѣла подробно. Но это я говорю, какъ мое личное впечатлѣніе: андалузки для меня не существуютъ, а мои отношенія къ тѣлу давно уже совершаются только черезъ посредство аптеки. Но и это я читалъ не безъ удовольствія, ибо въ каждомъ словѣ видѣлъ передъ собою лысую, чувственную, грѣшную фигуру моего стараго развратнаго друга Боткина. О, козлиная природа! Дай тебѣ хоть на минуту всемогущества Зевеса, ты мигомъ употребилъ бы его на то, чтобъ весь міръ обратить въ . . . . . и всѣхъ женщинъ — въ . . . . . Но это-то все и доставило мнѣ наслажденіе при чтеніи подробностей о такомъ предметѣ, отъ котораго я заснулъ бы, еслибъ это не ты описывалъ его. Затѣмъ, прощай. Будь здравъ и дай узрѣть тебя и наговориться съ тобою—жажду этого со дня на день все сильнѣе и сильнѣе. Николаю Петровичу мой дружескій поклонъ. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ Д. П. Иванову. 10 декабря, 1847.

СПБ. 1847, декабря 10.

Здравствуй, любезный Дмитрій! Вотъ уже почти четыре мѣсяца, какъ я воротился, а только теперь собрался написать къ тебѣ. Что дѣлать? Это моя всегдашняя исторія: то некогда, то нездоровится, то развлеченъ чѣмъ-нибудь, то просто лѣнь. Вотъ завтра да завтра, а смотришь—изъ этихъ завтраковъ составляются недѣли и мѣсяцы. Воротился я лучше, нежели какъ поѣхалъ, даже очень лучше; но въ Питерѣ опять такъ простудился въ началѣ октября, что легкія опять покрылись ранами, и докторъ перепугался. Однако, дѣло обошлось лучше, нежели можно было ожидать. Я скоро (недѣли черезъ двѣ) оправился, принялся

за работу, и теперь чувствую себя очень порядочно. Оно, конечно, я слабъ, хилъ и плохъ, да дѣло въ томъ, что уже нѣтъ никакого сравненія между теперешнимъ моимъ состояніемъ и тѣмъ, въ которомъ я былъ прошлаго года въ это время. Насчетъ переѣзда въ Москву думать не перестаю; но смущаетъ мысль, что до открытія желѣзной дороги еще далеко. Посмотрю, какъ перенесу зиму и весну: коли плохо, то въ іюнѣ въ Москву на переселеніе. Ну, какъ и что ты? Какъ живешь, что дѣлаешь? Какія вѣсти отъ нашихъ и о нашихъ изъ пензенской губерніи? Что Алеша (кланяйся ему и крѣпко пожми руку отъ меня)? Что всѣ твои? Жена, дѣти? У меня пока все порядочно. Оля болтаетъ безъ умолку. Только жена все прихварываетъ.

Былъ я въ Зальцбруннѣ, прожилъ тамъ полтора мѣсяца, пилъ воду. Оттуда проѣхалъ въ Парижъ, гдѣ прожилъ мѣсяца два и лѣчился.

Пожалуйста, отвѣчай мнѣ поскорѣе. Адресъ мой: на Лиговкѣ, противъ Кузнецкаго моста, въ домѣ Галченковыхъ.

Я писалъ съ мѣсяцъ назадъ къ Галахову и адресовалъ письмо въ Добрую Слободку: тамъ ли еще онъ живетъ? Увѣдомь меня. Боюсь, что и ты перемѣнилъ квартиру, и письмо это пропадетъ. Когда будешь писать къ своимъ, не забудь отъ меня кланяться.

Пока прощай. Некогда—работать пора, и работать сильно. И потому, прощай. Цѣлую тебя и всѣхъ твоихъ.

В. Бѣлинскій.

Отрывокъ изъ письма къ А. Д. Галахову. 4 января, 1848.

Въ письмѣ къ вамъ было письмо къ Петру Николаевичу, — и отъ него ни слова, хоть бы черезъ васъ. Предложеніемъ его на счетъ повѣсти я никакъ не могу воспользоваться. Онъ далъ мнѣ повѣсть въ альманахъ, въ минуту жизни, трудную для меня, и этимъ доказалъ мнѣ свою готовность помочь въ бѣдѣ старому пріятелю, чѣмъ можетъ, и я принялъ эту повѣсть, какъ подарокъ, и не думалъ церемониться и ломаться. Но альманахъ мой не состоялся, дѣла приняли другой оборотъ. Конечно, я и теперь не въ малинѣ, но ужъ и не въ репейникѣ. На нынѣшній годъ я получаю 12.000, а главное — впереди у меня пока не тьма кромѣшная, какъ было въ то время, когда я въ изданіи

альманаха видѣлъ единственное средство къ спасенію отъ голодной смерти. Чтобы поправить меня въ теперешнихъ обстоятельствахъ, надо поправить радикально, а этого не въ состояніи сдѣлать люди и не съ такими средствами, какъ всѣ мы, горемычные: я, вы, Кудрявцевъ и пр. А въ то время это была поправка, да еще какая, вмѣстѣ съ другими статьями. Теперь посудите: на какомъ бы основаніи, по какой бы достаточной причинѣ воспользовался я 600 руб. асс., слѣдующими Кудрявцеву,—тѣмъ болѣе, что его собственное положеніе едва ли не хуже моего? Нѣтъ, объ этомъ нечего и говорить. Случись со мною бѣда, я сейчасъ же обращусь къ Кудрявцеву съ просьбою о подобномъ вспоможеніи, а если онъ упредитъ ее, не подумаю отговариваться, ибо одолжиться такимъ человѣкомъ, какъ онъ, для меня вовсе не тягостно; но теперь было бы пошло и низко. Итакъ, это дѣло порѣшенное: Петръ Николаевичъ получитъ отъ редакціи деньги за «Безъ разсвѣта».

Я бы очень былъ радъ удостовѣриться, что онъ не прочь писать иногда и въ «Современникѣ». Я далекъ отъ мысли докуками и просьбами вытягивать отъ него статью: нѣтъ, что захочетъ, что сможетъ, и когда вздумаетъ—вотъ условіе! Надѣюсь отъ него или черезъ васъ (это все равно) получить на это отвѣтъ рѣшительный.

Къ П. В. Анненкову. 15 февраля, 1848.

Дражайшій Павелъ Васильевичъ, случайно узналъ я, что вашъ отъѣздъ изъ Парижа въ февралѣ отложился еще на два мѣсяца; но это еще не заставило бы меня приняться за перо чужою рукою, еслибъ не представился случай пустить это письмо помимо русской почты. Я, батюшка, боленъ уже шестую недѣлю—привязался ко мнѣ проклятый гриппъ; мучитъ сухой и нервическій кашель, по поверхности тѣла пробѣгаетъ ознобъ, а голова и лицо въ огнѣ; истощеніе силъ страшное—еле двигаюсь по комнатѣ; 2 № «Современника» вышелъ безъ моей статьи, теперь диктую ее черезъ силу для 3-го; вытерпѣлъ двѣ мушки, а сколько переѣлъ разныхъ аптечныхъ гадостей—страшно сказать, а все толку нѣтъ до сихъ поръ; вотъ уже недѣли двѣ, какъ не ѣмъ ничего мясного, а ко всему другому потерялъ всякій аппетитъ. Къ довершенію всего, выѣзжаю пользоваться воздухомъ

въ намордникѣ, который выдумалъ на мое горе какой-то чортъ англичанинъ, чтобъ ему подавиться кускомъ ростбифа! Это для того, чтобъ на холодѣ дышать теплымъ воздухомъ черезъ машинку, сдѣланную изъ золотой проволоки, а стоитъ эта вещь 25 сер. Человѣкъ богатый, я, изволите видѣть—и дышу черезъ золото, и только попрежнему въ карманахъ не нахожу его. Легкія же мои, по увѣренію доктора, да и по моему собственному чувству, въ лучшемъ состояніи, нежели какъ были назадъ тому три года. Насчетъ гриппа Тильманъ утѣшаетъ меня тѣмъ, что теперь въ Петербургѣ тяжелое время для всѣхъ слабогрудыхъ, и что я еще не изъ самыхъ страждущихъ, но это меня мало утѣшаетъ.

Поговоривши съ вами о моей драгоцѣнной особѣ, хочу говорить о вашей драгоцѣнной особѣ, но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобъ опять обратиться къ моей драгоцѣнной особѣ. Читалъ я вашу повѣсть и скажу вамъ о ней мое мнѣніе съ подобающею въ такомъ важномъ случаѣ откровенностію. Вы сами вѣрно оцѣнили себя, сказавши, что вы не поэтъ, а обыкновенный разсказчикъ; я прибавлю къ этому отъ себя, что между обыкновенными разсказчиками вы необыкновенный разсказчикъ. Не то, чтобъ у васъ было мало таланта, чтобъ быть поэтомъ, а родъ вашего таланта не такой, какой нуженъ поэту; для разсказчика же у васъ гораздо больше таланта, чѣмъ сколько нужно, но я отдамъ вамъ отчетъ въ порядкѣ въ моихъ впечатлѣніяхъ въ продолженіе чтенія вашей повѣсти. Вступленіе мнѣ не понравилось. Толкуете вы на двухъ или болѣе страницахъ, что оба пріятеля, несмотря на всю разницу ихъ характеровъ, ничѣмъ не разнились между собою. Я это понялъ (не безъ труда и поту) такъ, что оба они были—дрянь. Если вы хотѣли сказать это, мнѣ кажется, вы могли бы сказать и короче, и простѣе, и прямѣе, а то перехитрили, повели дѣло черезчуръ тонко, а гдѣ тонко, тамъ и рвется. Но все это не важно; по праву дружбы, мы сами сократили и перемѣнили бы это мѣсто: вѣдь дружба на то и создана, чтобъ друзья при всякой возможности гадили своимъ друзьямъ, особенно за глаза, когда тѣ далеко. Сильно заинтересовала меня ваша повѣсть съ того мѣста, гдѣ герой утѣшаетъ горемычную вдову Прѣснову; письмо къ нему армейскаго его пріятеля привело меня въ восторгъ; встрѣча его со вдовой, пьяный извощикъ, урезонившійся оплеухами, пребываніе друзей на дачѣ у вдовы, сама вдова, ея тетка, ея гости,

наконецъ прогулка верхами, сперва на двухъ лошадяхъ, а потомъ на одной, ночное объясненіе друзей — все это прекрасно, превосходно; но конецъ повѣсти ни къ чорту не годится. Разсказъ армейскаго друга о его изгнаніи изъ деревни дѣлаетъ вдову совершенно непонятною; а слова обоихъ пріятелей: она погибнетъ — слова, которыя должны намекать на смыслъ всей повѣсти и быть ея заключительнымъ аккордомъ — ничего не объясняютъ и ничего не заключаютъ, и аккордъ дребезжитъ такими неладными звуками, какъ будто бы его не написали, а пропѣли, да еще вмѣстѣ съ Тургеневымъ, что еще сквернѣе, нежели когда каждый изъ васъ поетъ особо. Итакъ, конецъ повѣсти — пшикъ. Какъ хотите, а, по моему мнѣнію, въ такомъ видѣ печатать ее не представляется никакой возможности. Чѣмъ выше будетъ удовольствіе читателей при чтеніи ея, тѣмъ болѣе будутъ оскорблены ея неожиданно вялымъ и совершенно непонятнымъ концомъ. Мнѣ кажется, вы тутъ опять перетонили. Воля ваша, конецъ вы должны передѣлать, потому что жаль бросать такую прекрасную вещь. Но, вѣдь, у васъ, я думаю, не осталось черновой? Такъ напишите намъ, прислать что ли вамъ назадъ. Бога ради, не бросайте этой вещи — она такъ хороша, изъ нея видно, что вы во всемъ успѣваете, и вамъ все дано — кромѣ пѣнія и каламбуровъ, отъ которыхъ снова дружески прошу васъ воздержаться. Съ чего вы это, батюшка, такъ превознесли «Лебедянь» Тургенева? Это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ разсказовъ его, а послѣ вашихъ похвалъ онъ мнѣ показался даже довольно слабымъ. Цензура не вымарала изъ него ни единаго слова, потому что рѣшительно нечего вычеркивать.

«Малиновая вода» мнѣ не очень понравилась, потому что я рѣшительно не понялъ Степушки. Въ «Уѣздномъ лѣкарѣ» я не понялъ ни единаго слова, а потому ничего не скажу о немъ; а вотъ моя жена такъ въ восторгѣ отъ него—бабье дѣло! Да вѣдь и Иванъ-то Сергѣевичъ бабье порядочное! Во всѣхъ остальныхъ разсказахъ много хорошаго, но вообще они мнѣ показались слабѣе прежнихъ. Больше другихъ мнѣ понравились «Бирюкъ» и «Смерть». Богатая вещь—фигура Татьяны Борисовны, недурна старая дѣвица; но племянникъ мнѣ крайне не понравился, какъ списокъ съ Андрюши и Кирюши, на нихъ непохожій. Да воздержите этого милаго младенца отъ звуко-подражательной поэзіи— Рррркаліооонъ! Че-о-экъ. Пока это ничего, да я боюсь, чтобъ онъ не пересолилъ, какъ онъ пересаливаетъ въ употребленіи

словъ орловскаго языка, даже отъ себя употребляя слово: зеленя, которое такъ же безсмысленно, какъ лѣсяня и хлѣбеня, вмѣсто лѣса и хлѣба. А какую Дружининъ написалъ повѣсть новую — чудо! 30 лѣтъ разницы отъ «Полиньки Саксъ»! Онъ для женщинъ будетъ то же, что Герценъ для мужчинъ. «Сорока-воровка» напечатана, и прошла съ небольшими измѣненіями — несмотря на нихъ, мысль ярко выказывается. Я и забылъ сказать, что вашу повѣсть прежде меня читалъ Боткинъ, и мы совершенно сошлись съ нимъ во мнѣніи о ней. Послѣдніе разсказы Тургенева всѣ безъ исключенія очень нравятся Боткину и всѣмъ нашимъ друзьямъ, публикѣ тожъ. «Сорока-воровка» имѣла большой успѣхъ. Но повѣсть Дружинина не для всѣхъ писана, такъ же какъ и «Записки Крупова». Не знаю, писалъ ли я вамъ, что Достоевскій написалъ повѣсть «Хозяйка»—ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавши немного Гоголя. Онъ и еще кое-что написалъ послѣ того, каждое его новое произведеніе—новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о «Бѣдныхъ Людяхъ». Я трепещу при мысли перечитать ихъ, такъ легко читаются они! Надулись же вы, другъ мой, съ Достоевскимъ—геніемъ! О Тургеневѣ не говорю — онъ тутъ былъ самимъ собою, а ужъ обо мнѣ, старомъ чортѣ, безъ палки нечего и толковать. Я, первый критикъ, разыгралъ тутъ осла въ квадратѣ. Читаю теперь романы Вольтера, и ежеминутно мысленно плюю въ рожу дураку, ослу и скоту Луи-Блану. Изъ Руссо я только читалъ его «Исповѣдь» и, судя по ней, да и по причинѣ религіознаго обожаніяословъ, возымѣлъ сильное омерзѣніе къ этому господину. Онъ такъ похожъ на Достоевскаго, который убѣжденъ глубоко, что все человѣчество завидуетъ ему и преслѣдуетъ его. Жизнь Руссо была мерзка, безнравственна. Но что за благородная личность Вольтера! Какая горячая симпатія ко всему человѣческому, разумному, къ бѣдствіямъ простого народа! Что онъ сдѣлалъ для человѣчества! Правда, онъ иногда называетъ народъ vil populace, но за то, что народъ невѣжественъ, суевѣренъ, изувѣръ, кровожаденъ, любитъ пытки и казни. Кстати, мой вѣрующій другъ и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я, въ спорахъ съ вами о буржуази, называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи

въ рукахъ буржуази, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, и народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль, какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная аркадская мысль! Послѣ этого, отчего же не предположить, что живущіе въ русскихъ лѣсахъ волки соединятся въ благоустроенное государство, заведутъ у себя сперва абсолютную монархію, потомъ конституціонную, и, наконецъ, перейдутъ въ республику? Пій IX въ два года доказалъ, что значитъ великій человѣкъ для своей земли. Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуази. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуази. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуази съ правами. Страшный я человѣкъ, когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость; здравомыслящимъ людямъ рѣдко удастся выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, піэтистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли—тутъ я и назадъ. Вѣрующій другъ и славянофилы наши оказали мнѣ большую услугу. Не удивляйтесь сближенію: лучшіе изъ славянофиловъ смотрятъ на народъ совершенно такъ, какъ мой вѣрующій другъ; они высосали эти понятія изъ соціалистовъ, и въ статьяхъ своихъ цитируютъ Жоржъ-Занда и Луи-Блана. Но довольно объ этомъ. Дѣло объ освобожденіи крестьянъ идетъ и впередъ не подвигается. На дняхъ прошелъ въ Государственномъ Совѣтѣ законъ, позволяющій крѣпостному крестьянину имѣть собственность—съ позволенія своего помѣщика! Черезъ годъ снимутся таможни на русско-польской границѣ. Передѣлывается, говорятъ, тарифъ вообще. Когда будете писать Герцену, крѣпко кланяйтесь отъ меня Наталіи Александровнѣ и Марьѣ Ѳедоровнѣ. Тургенева обнимаю и мыслію и руками. Слышалъ я, дѣла его плохи, а живетъ онъ, чортъ знаетъ, гдѣ, и чортъ знаетъ, зачѣмъ, и по всему этому представляется мнѣ какимъ-то миѳомъ. Усталъ диктовать, а потому и говорю вамъ: прощайте, мой благоутробный, и не мистическій, а раціонально обожаемый другъ мой, Павелъ Васильевичъ.

Спб. 1848, февраля 27|15.

Къ М. М. Попову. 27 марта, 1848.

Милостивый Государь,
Михаилъ Максимовичъ!

Изъ послѣдней вашей ко мнѣ записки я увидѣлъ, что вы не получили моего отвѣта на первую,—отвѣта, который я вручилъ вашему же посланному. Это обстоятельство вдвойнѣ для меня непріятно и прискорбно: и вы, и Его Превосходительство, Леонтій Васильевичъ, можете думать, что я отлыниваю и, какъ будто, хочу притаиться несуществующимъ въ этомъ мірѣ, потому что и не являюсь, и не даю отъ себя никакого отзыва. Если бы я и дѣйствительно предвидѣлъ себѣ въ этомъ приглашеніи бѣду, — и тогда такая манера избѣгнуть ея была бы слишкомъ дѣтскою и смѣшною. Ваша первая записка сначала, точно, привела меня въ большое смущеніе и даже напугала, тѣмъ болѣе, что нервы у меня все это время такъ раздражены, что и менѣе важныя обстоятельства дѣйствуютъ на меня тяжело и болѣзненно; но потомъ я скоро успокоился, тѣмъ болѣе, что былъ увѣренъ въ доставленіи вамъ моего отвѣта. Въ немъ писалъ я къ вамъ, что, по болѣзни, не выхожу изъ дому. Я и теперь еще не оправился, и докторъ запретилъ мнѣ ходить до тѣхъ поръ, пока не просохнетъ земля, и не установится теплая погода. Теперь же для меня, какъ для всѣхъ чахоточныхъ, самое опасное время: чуть простудишься слегка, и опять появятся ранки на легкихъ, какъ это уже не разъ со мною было. Конечно, я не въ постели, и только безъ опасности для моего здоровья не могу выйти изъ дому, но въ крайности выйти могу. Только, въ такомъ случаѣ, я очень боюсь, что Его Превосходительство, вмѣсто того, чтобы, изъ разговора со мною, узнать, что̀ я за человѣкъ, узнаетъ только, какъ я кашляю до рвоты и до истерическихъ слезъ. И ваше послѣднее письмо застало меня въ актѣ рвоты, такъ что я ужъ и не знаю, какъ я смогъ расписаться въ книгѣ о полученіи. Со спины моей не сходятъ мушки да горчичники, и я съ трудомъ хожу по комнатѣ. Смѣю надѣяться, что такія причины могутъ мнѣ дать право, не боясь навлечь на себя дурного мнѣнія со стороны Его Превосходительства, отсрочить мое съ нимъ свиданіе еще на нѣкоторое время, пока не установится весна, и я не почувствую себя хоть немного крѣпче. Будьте добры,

Михаилъ Максимовичъ, какъ Вы прежде бывали ко мнѣ добры, потрудитесь увѣдомить меня, могу ли я поступить такъ. Меня пользуетъ главный докторъ Петропавловской больницы, г. Тильманъ: онъ можетъ подтвердить справедливость моихъ словъ о состояніи моего здоровья.

Въ надеждѣ вашего отвѣта, имѣю честь остаться вашимъ, Милостивый Государь, покорнымъ слугой

В. Бѣлинскій.

27 марта, 1848 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. 1. Письмо къ М. В. Орловой отъ 3 сентября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1895, № 101.

— «m-r l'Adolescent»—А. Д. Галаховъ.

— «m-lle Ostrooumoff»—классная дама въ Александровскомъ институтѣ, въ Москвѣ, гдѣ съ 1835 г. была классной дамой и М. В. Орлова. Въ подлинникѣ сокращенно: «m-lle Ostr.».

— «его сестра»—Марья Ѳедоровна Коршъ.

— «его жена»—Софья Карловна Коршъ.

— «въ Сокольникахъ» — лѣтомъ 1843 г. М. В. Орлова жила въ Сокольникахъ на дачѣ у своихъ родственниковъ, потерявши, по болѣзни, мѣсто въ институтѣ. Въ подлинникѣ сокращенно: «въ Скл.».

Къ стр. 5. «Аграфенѣ Васильевнѣ» — Орловой, сестрѣ Марьи Васильевны, занявшей мѣсто послѣдней въ институтѣ, когда она захворала. Въ сборникѣ «Лепта Бѣлинскаго» (М., 1892) напечатаны написанныя ею въ 1891 г., уже послѣ смерти М. В. Бѣлинской, двѣ главы «Изъ воспоминаній о семейной жизни В. Г. Бѣлинскаго».

— Письмо къ М. В. Орловой отъ 7—8 сентября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1895, № 101.

— «принять на себя видъ равнодушія»—чтобы скрыть отъ родственниковъ.

Къ стр. 8. Письмо къ М. В. Орловой отъ 14 сентября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1895, № 101.

Къ стр. 12. «съ Миловзоромъ»—съ А. Д. Галаховымъ.

— Письмо къ М. В. Орловой отъ 18—20 сентября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1895, № 109.

— «двѣ именинницы»—такъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; въ собраніи Пыпина: «двѣ племянницы». Беремъ текстъ «Русскихъ Вѣдомостей», какъ болѣе вѣроятный.

Къ стр. 13. «а въ шенѣ»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» слово «шенѣ» пропущено.

— «нѣтъ, какъ нѣтъ»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» слова «какъ нѣтъ» пропущены.

Къ стр. 16. «чтобы вамъ отвѣтить»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «чтобы вы могли отвѣтить».

Къ стр. 18. «какъ показалась вамъ статья моя»—говорится, вѣроятно, о статьѣ, помѣщенной въ послѣдней, сентябрской, книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Это—вторая статья о сочиненіяхъ Пушкина.

Къ стр. 21. Письмо къ М. В. Орловой отъ 25—29 сентября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1895, № 109.

Къ стр. 25. Письмо къ Д. П. Иванову отъ 1 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

— «писалъ я къ тебѣ недѣли двѣ назадъ»—это письмо не сохранилось.

— «Петру Петровичу»—Иванову, отцу Дмитрія Петровича.

— Въ письмѣ отъ 8 октября 1843 г. Д. П. Ивановъ отвѣчалъ, что все, что нужно было сдѣлать для выхлопотанія Бѣлинскому грамоты о дворянствѣ, имъ уже исполнено.

— Письмо къ М. В. Орловой отъ 1 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1895, № 163.

Къ стр. 26. «вы легко могли бы»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «вы лично могли бы».

Къ стр. 27. «Что касается до моей статьи»—2-ой статьи о сочиненіяхъ Пушкина, о которой Бѣлинскій писалъ къ М. В. Орловой 20 сентября (стр. 18).

Къ стр. 28. Письмо къ М. В. Орловой отъ 2 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1895, № 163.

Къ стр. 29. «Въ церемоніи вѣнчанія я вижу необходимость чисто юридическаго смысла» — въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» эта фраза пропущена.

Къ стр. 35. Письмо къ М. В. Орловой отъ 2 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1895, № 163. Это—официальное письмо, которое М. В. Орлова, по плану Бѣлинскаго, должна была показать своему дядюшкѣ и остальнымъ родственникамъ.

— «которыми пугаютъ» — въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «которые пугаютъ».

— «исполненіе которыхъ»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «исполненіе ихъ».

— «раздается за меня»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» слова «за меня» пропущены.

Къ стр. 37. Письмо къ М. В. Орловой отъ 3—4 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ

сборникѣ «Починъ» Общества Любителей Россійской Словесности на 1896 г.

Къ стр. 38. «обществъ (sociétés)»—въ сборникѣ «Починъ» «(sociétés)» пропущено.

Къ стр. 42. «нравственная смерть»—въ сборникѣ «Починъ»: «праведная смерть».

— Письмо къ М. В. Орловой отъ 10 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникѣ «Починъ» на 1896 г.

— «я опять узналъ»—въ сборникѣ «Починъ» «опять» пропущено.

Къ стр. 43. «ѣхать въ Петербургъ»—въ подлинникѣ очевидная описка: «ѣхать въ Москву», отмѣчаемая и въ собраніи Пыпина, и въ сборникѣ «Починъ».

— «такъ важны»—въ сборникѣ «Починъ»: «такъ сложны».

— «ребячествами и мелочами»—въ сборникѣ «Починъ»: «ребяческими мелочами».

— «a indisposé»—въ сборникѣ «Починъ»: «но и не здоровымъ».

— «истинный славянинъ»—въ сборникѣ «Починъ»: «истинный семьянинъ».

Къ стр. 45. Письмо Баландина, о которомъ пишетъ Бѣлинскій, тоже было полностью напечатано въ сборникѣ «Починъ» на 1896 г. Вотъ это письмо:

«*Суббота, октября 8-го дня, 1843 г.*

Говорятъ, что вы больны. Очень сожалѣю, что не могу самъ зайти къ вамъ. Дѣла ваши почти устроены. Если дворянскаго свидѣтельства не пришлютъ, то попъ совершитъ бракъ и безъ него. На вашемъ свидѣтельствѣ будетъ написано: бракъ совершенъ при такихъ-то свидѣтеляхъ, а свидѣтели подпишутъ. Свидѣтельства о смерти отца вашего не нужно. Окличка будетъ сдѣлана, начиная съ завтрашняго дня, если только вы потрудитесь доставить немедленно имя и званіе вашей невѣсты. Поторопитесь. Попъ говорилъ мнѣ, что окликъ можно начать и за всенощной. Вамъ самимъ остается уладить только одно обстоятельство. Я говорилъ вамъ, что баронъ Притвицъ, директоръ строительнаго училища, запрещаетъ попу вѣнчать постороннихъ въ церкви училища. Это очень глупо, но «у всякаго барона своя фантазія». Совѣтую вамъ обратиться къ Петру Александровичу: онъ можетъ легко устранить и это послѣднее препятствіе.

Душевно преданный вамъ

А. Баландинъ.

P.S. Совсѣмъ было забылъ сказать, что для совершенія брака необходимы метрическое свидѣтельство невѣсты и позволеніе ея родителей, если таковые имѣются. Впрочемъ, я думаю, вы сами это знали!»

— «о которомъ онъ говоритъ»—въ сборникѣ «Починъ»: «о которомъ я говорю».

Къ стр. 46. «давитъ ногами»—такъ въ сборникѣ «Починъ»; въ собраніи Пыпина: «давитъ погоняя». Первое чтеніе, конечно, вѣроятнѣе.

Къ стр. 47. «пойдетъ завтра (11 октября)»—такъ напечатано въ сборникѣ «Починъ»; въ текстѣ собранія Пыпина: «пойдетъ завтра (12 окт.); здѣсь, вѣроятно, просто описка.

— Письмо къ М. В. Орловой отъ 12 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникѣ «Починъ» на 1896 г.

Къ стр. 54. Письмо къ М. В. Орловой отъ 13 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникѣ «Починъ» на 1896 г.

Къ стр. 55. «Я ругалъ себя за это сомнѣніе»—въ сборникѣ «Починъ» эти слова пропущены.

Къ стр. 56. «гувернанты»—въ сборникѣ «Починъ»: «гувернантки».

Къ стр. 59. «мысль гложетъ, точитъ»—въ сборникѣ «Починъ» «гложетъ» пропущено.

— «отвѣтъ на это письмо»—въ сборникѣ «Починъ»: «ваше письмо».

— «вы однѣ»—въ сборникѣ «Починъ»: «вы одиноки».

Къ стр. 60. Письмо къ М. В. Орловой отъ 15 октября 1843 г. (первое) печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникѣ «Починъ» (1896), причемъ тамъ было указано, что этимъ письмомъ обрывается переписка между Бѣлинскимъ и его невѣстою. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, она продолжалась еще цѣлыхъ двѣ недѣли, до 30 октября.

Къ стр. 63. Письмо къ М. В. Орловой отъ 15 октября 1843 г. (второе) печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1895, № 185.

Къ стр. 64. «накажи меня Богъ, если я, до сего времени, не готовъ былъ поклясться всѣмъ и каждому, что вы, моя избранная, чужды всякихъ предразсудковъ, что вы стоите выше ихъ! И»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» эти слова пропущены.

Къ стр. 65. «два подлѣйшія въ Россіи сословія»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» эти слова пропущены.

Къ стр. 66. «обожанія и удивленія»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» слова «и удивленія» пропущены.

Къ стр. 71. Письмо къ М. В. Орловой отъ 18 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Печатается впервые.

Къ стр. 72. Письмо къ М. В. Орловой отъ 20 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Печатается впервые.

— «въ отвѣтъ на мое, отъ одиннадцатаго октября»—это письмо не сохранилось. Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь Бѣлинскій просто ошибается въ числахъ и имѣетъ въ виду или письмо отъ 10 октября, или письмо отъ 12 октября.

Къ стр. 73. «статьи для одиннадцатой книжки»—это четвертая статья о сочиненіяхъ Пушкина.

Къ стр. 74. Письмо къ М. В. Орловой отъ 22—23 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Печатается впервые.

Къ стр. 78. Письмо къ М. В. Орловой отъ 25 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Печатается впервые.

Къ стр. 80. Письмо къ М. В. Орловой отъ 27 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Печатается впервые.

Къ стр. 81. Письмо къ М. В. Орловой отъ 30 октября 1843 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Печатается впервые.

— Письмо къ Д. П. Иванову отъ 12 апрѣля 1844 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

— Письмо это является отвѣтомъ на письмо Д. П. Иванова отъ 20 декабря 1843 г. Въ немъ Ивановъ писалъ, что дворянское собраніе нашло неудовлетворительнымъ свидѣтельство о крещеніи, что секретарь дворянскаго собранія, Григорій Сергѣевичъ Волковъ, совѣтуетъ Бѣлинскому, для ускоренія дѣла, написать губернскому предводителю, Ѳедору Ивановичу Никифорову, и что самъ Волковъ, имѣя авторскія наклонности, проситъ позволенія присылать въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» свои произведенія.

Къ стр. 82. «Что это за герольдія»—Дворянское собраніе признало Бѣлинскаго имѣющимъ право на потомственное дворянство, но герольдія Правительствующаго Сената опредѣленіемъ своимъ отъ 13 іюля 1844 г. не утвердила постановленія дворянскаго собранія изъ-за отсутствія въ дѣлѣ метрическаго свидѣтельства. Лишь въ 1847 г. Бѣлинскому удалось разыскать свое метрическое свидѣтельство и представить его въ геральдію, послѣ чего онъ 3 іюля 1847 г. былъ утвержденъ въ потомственномъ дворянствѣ (см. «Новое Время», 1910, № 12364).

Къ стр. 83. Письмо къ И. С. Тургеневу, относящееся, какъ видно изъ его содержанія, къ осени 1844 г., печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ И. С. Тургенева въ маѣ 1874 г. Печатается впервые. Оно написано на оборотѣ нижеслѣдующей записки Тургенева къ Бѣлинскому:

«Любезный Бѣлинскій,

Вотъ Вамъ 2-я корректура «Разговора»... Мой человѣкъ черезъ часъ зайдетъ за ней, потому что я обѣщался Працу доставить ему сегодня же эту корректуру. Все, что Вы замѣтите, отмѣтьте карандашомъ.

Вашъ Тургеневъ».

— Какъ видно изъ печатнаго текста «Разговора», Тургеневъ принялъ во вниманіе замѣчанія Бѣлинскаго и замѣнилъ указанныя мѣста слѣдующимъ образомъ:

1) «А звѣзды вѣчныя спокойной чередою
Торжественно неслись въ туманной вышинѣ».
2) «Изъ подъ густыхъ его бровей».
3) «Какъ птица спугнутая, сонъ
Слетѣлъ съ полей»...
4) «Великой матери людей».

— Рукопись «Разговора» носитъ на себѣ помѣтку: «20 августа, 1844 г. С. Парголово». Напечатанъ «Разговоръ» отдѣльнымъ изданіемъ въ типографіи Праца въ 1845 г.

Къ стр. 84. «ни на землѣ, ни въ небесахъ»—въ подлинникѣ: «не на землѣ, не въ небесахъ».

— Письмо къ Т. А. Бакуниной отъ 5 декабря 1844 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— Въ заголовкѣ этого письма вкралась опечатка: напечатано «4 декабря», вмѣсто «5 декабря».

Къ стр. 85. «Саша»—сынъ В. А. Дьяковой.

— Письмо къ А. И. Герцену отъ 26 января 1845 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (232 — 233). Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Новыя выдержки даетъ Р. В. Ивановъ-Разумникъ («Вел. Иск.»), причемъ у него это письмо ошибочно помѣчено 26 января 1846 года. Полностью печатается впервые.

— Изъ довольно оживленной переписки между Бѣлинскимъ и Герценомъ сохранилась лишь незначительная часть. Кромѣ этого письма, извѣстны въ настоящее время только 9 писемъ Бѣлинскаго къ Герцену, которыя были напечатаны Герценомъ въ «Полярной Звѣздѣ» за 1859 г., а послѣ перепечатаны въ «Русской Мысли» за 1891 г. Въ «Дневникѣ» Герцена находимъ слѣдующія записи, касающіяся его переписки съ Бѣлинскимъ:

14 ноября 1842 г.: «Письмо отъ Бѣлинскаго. Фанатикъ, человѣкъ экстремы, но всегда открытый, сильный, энергичный. Его можно любить или ненавидѣть, середины нѣтъ. Я истинно его люблю. Типъ этой породы людей—Робеспьеръ. Человѣкъ для нихъ ничего, убѣжденіе все».

15 февраля 1843 г.: «Письмо отъ J. Elisard'a и отъ Бѣлинскаго. Одинъ умомъ дошелъ до того, чтобъ выйти изъ паутины, въ которой сидѣлъ; другой страдаетъ, глубоко страдаетъ, безпокойный духъ его мечется, ломаетъ себя. И когда же онъ дойдетъ до свѣтлаго, гармоническаго развитія? или есть натуры, которыхъ вся жизнь въ томъ и состоитъ, что онѣ ломаются? Впрочемъ, много и внѣшнихъ обстоятельствъ имѣютъ вліяніе на него. Не деньги, а недостатокъ симпатій, недостатокъ близкихъ людей, одиночество, на которое обрекъ его Петербургъ».

15 апрѣля 1843 г.: «Письмо отъ Огарева, письмо отъ Бѣлинскаго... И все-таки какъ прекрасны люди, какъ Огаревъ, и въ другомъ родѣ, какъ Бѣлинскій. Какой любовью и какимъ привѣтомъ мы окружены!»

15 мая 1843 г.: «Скоро будетъ Бѣлинскій; жду, очень жду его. Я мало имѣлъ близкихъ отношеній по внѣшности съ нимъ, но мы много понимаемъ другъ друга. И я люблю его рѣзкую односторонность, всегда полную энергіи и безстрашную. Потомъ онъ по своему симпатиченъ. Мнѣ надобны эти обновленія, какъ свѣжія примочки воспаленному мѣсту; я какъ-то быстро изнашиваю жизнь. Онъ пишетъ мнѣ о моемъ счастіи, а я ему хочу высказать, какъ я не умѣлъ понять его, какъ я забылся, зазнался. Онъ меня осудитъ, и мнѣ останется, покраснѣя и затаивъ слезу, слушать».

17 мая 1844 г.: «Огромное письмо, въ родѣ диссертаціи, отъ Бѣлинскаго. Возраженіе на мое, писанное къ Ивану Павловичу; энергія и не-

возможность дѣла сломили его. Возможность внутренняя и невозможность внѣшняя превращаютъ силы въ ядъ, отравляющій жизнь; онѣ загниваютъ въ организмѣ, бродятъ и разлагаютъ, отсюда взглядъ гнѣва и желчи, односторонность въ самомъ мышленіи. Бѣлинскій пишетъ: «я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу»; онъ страдаетъ и за свои страданья хочетъ ненавидѣть и ругать филистимлянъ которые вовсе не виноваты въ его страданіяхъ. Филистимляне для него славянофилы, я самъ не согласенъ съ ними, но Бѣлинскій не хочетъ понять истину въ fatras ихъ нелѣпостей. Онъ не понимаетъ славянскій міръ; онъ смотритъ на него съ отчаяніемъ, и неправъ, онъ не умѣетъ чаять жизни будущаго вѣка, а это чаяніе есть начало возникновенія будущаго. Отчаяніе — умерщвленіе плода въ чревѣ матери. Буду писать къ нему такое же длинное письмо. Странное положеніе мое, какое-то невольное juste milieu въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними я человѣкъ Запада, передъ ихъ врагами человѣкъ Востока. Изъ этого слѣдуетъ, что для нашего времени эти одностороннія опредѣленія не годятся».

30 мая 1844 г.: «Писалъ къ Бѣлинскому, утѣшалъ его, а въ сущности я вовсе не такъ далекъ отъ многихъ воззрѣній его».

14 августа 1844 г.: «Письмо отъ Бѣлинскаго съ желчью и досадой писанное. Странный человѣкъ, онъ ищетъ любви, онъ полонъ нѣжности и, между тѣмъ, такъ раздражителенъ, такъ невѣротерпимъ, что при малѣйшемъ разномысліи готовъ обругать человѣка. Я знаю его и люблю, но иной могъ бы отвѣчать въ квадратѣ колко; Бѣлинскій не остался бы назади, и прекрасныя отношенія лопнули бы. Не такъ ли онъ разошелся съ Аксаковымъ? Разумѣется, онъ къ мнѣніямъ Аксакова симпатій наконецъ не могъ имѣть; Аксаковъ свое москвобѣсіе довелъ до absurdissimum, но нельзя же было и порвать такъ холодно связи многихъ лѣтъ. Дружба должна быть снисходительна и пристрастна, она должна любить лицо, а не идею; идея—общій элементъ сближенія, она можетъ дать товарища, единовѣрца, но дружба требуетъ признанія лица, а не всеобщей мысли его. Психологически занимательный вопросъ, отчего пріятель, любящій другого, любитъ непремѣнно укорить его, радуется, старается доказать, высказать его маленькій недостатокъ и готовъ, можетъ быть, въ то же время скрыть его пороки, пожертвовать собою, защищая его. Sonderbar!»

Кромѣ того, въ IV-ой части «Былого и Думъ», въ главѣ XXX-ой, озаглавленной «Не наши», Герценъ приводитъ еще слѣдующую выдержку изъ письма къ нему Бѣлинскаго: «Я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу... Грановскій хочетъ знать, читалъ ли я его статью въ «Москвитянинѣ». Нѣтъ, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія». Въ очеркѣ Д. Свіяжскаго (псевдонимъ Д. Д. Минаева), напечатанномъ въ «Дамскомъ Вѣстникѣ» (1860, кн. 1 и 2) и вышедшемъ потомъ отдѣльно, эта выдержка приводится неточно.

Къ стр. 86. «Вильменъ»—французскій писатель, филологъ и историкъ, и государственный дѣятель (1790—1870).

— «твои статьи о лекціяхъ Грановскаго»—онѣ были напечатаны въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

— «рѣшительное пронунціаменто» — Пыпинъ указываетъ, что здѣсь,

вѣроятно, имѣются въ виду лекціи Шевырева или «Москвитянинъ», новой редакціи.

— «Спасибо тебѣ за стихи Языкова» — написанное Н. М. Языковымъ въ 1844 г. стихотвореніе «Къ не-нашимъ», направленное противъ западниковъ и настолько рѣзкое, что вызвало отпоръ въ средѣ самихъ славянофиловъ.

Къ стр. 87. «моя статья не произвела на ханжей впечатлѣнія»—это статья «Русская литература въ 1844 году» («Отеч. Зап.», 1845, кн. 1).

— «о Парижскомъ Ярбюхерѣ» — органѣ Арнольда Руге, издававшемся въ Парижѣ, послѣ запрещенія «Deutsche Jahrbücher».

— «А чортъ ли»—въ подлинникѣ «ли» пропущено.

— «воображаю»—въ подлинникѣ: «его воображаю».

Къ стр. 88. Письмо къ А. И. Герцену отъ 2 января 1846 г. печатается по тому тексту, который былъ данъ А. И. Герценомъ въ «Полярной Звѣздѣ» (1859, кн. V), гдѣ оно напечатано впервые. Было перепечатано въ «Русской Мысли», 1891, I.

— «о твоихъ статьяхъ «Объ изученіи природы»—«Письма объ изученіи природы» были напечатаны въ 4, 7, 8 и 11-ой книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1845 г. Окончаніе ихъ появилось въ 3 и 4 книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1846 г.

— «о твоей превосходной повѣсти» — 1-ой части «Кто виноватъ?», напечатанной въ 12-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1845 г.

— «о г. Ведринѣ» — «Путевыя записки г. Ведрина» были напечатаны въ 11-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1843 г. Это—злая пародія на печатавшіяся въ то время въ «Москвитянинѣ» «Путевыя записки» М. П. Погодина.

— «Ярополкѣ Водянскомъ»—въ 3-ей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1845 г. была напечатана статья Герцена «Москвитянинъ и вселенная», за подписью «Ярополкъ Водянскій».

Къ стр. 89. «писалъ большую статью о «жизни и сочиненіяхъ Кольцова»—для отдѣльнаго изданія его стихотвореній.

Къ стр. 90. «Тургеневъ—повѣсть и поэму»—это мѣсто основывается, между прочимъ, на слѣдующемъ, печатаемомъ по тексту собранія Пыпина, письмѣ Тургенева:

«*Москва, 28-го марта 1845 г.*

Любезный Бѣлинскій,

Некрасовъ проситъ меня черезъ брата отдать ему по обѣщанію «Помѣщика» и требуетъ отвѣта. Я все это дѣло предоставляю совершенно на ваше благоусмотрѣніе, хотя не могу сказать, чтобы мнѣ хотѣлось напечатать эту вещь отдѣльно; мнѣ кажется даже, что она совсѣмъ не годится для отдѣльнаго напечатанія. Можетъ быть, съ помощью политипажей она разойдется—но мнѣ отъ этого не будетъ легче. Дѣлайте, какъ знаете.

Я теперь пишу двѣ вещи: 1) статью для «Отечественныхъ Записокъ» по поводу двухъ статей Кирѣевскаго въ «Москвитянинѣ», 2) поэму подъ названіемъ «Недолгая любовь», о которой я говорилъ Некрасову.

оканчиваю — и эту я готовъ напечатать либо отдѣльно, либо отдавши вамъ (если планъ, о которомъ вы мнѣ говорили, состоится).

Извините меня, что я ничего больше не пишу; я въ нехорошемъ расположеніи духа. Будьте здоровы, и напишите мнѣ два слова, если вздумается.

Вашъ Т.»

Къ стр. 91. «въ этомъ родѣ»—т.-е. историческомъ.

— Кавелинъ далъ Бѣлинскому свою извѣстную статью «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», но, такъ какъ его идея издать альманахъ не получила осуществленія, статья эта была напечатана въ 1-ой же книжкѣ «Современника» новой редакціи, куда были переданы Бѣлинскимъ и всѣ остальныя, полученныя имъ для своего альманаха, произведенія.

Къ стр. 92. Письмо къ А. И. Герцену отъ 14 января 1846 г. печатается по тому тексту, который былъ данъ А. И. Герценомъ въ «Полярной Звѣздѣ» (1859, кн. V), гдѣ оно напечатано впервые. Было перепечатано въ «Русской Мысли», 1891, I.

— «Кузьмѣ Рощину»—такъ называлъ иногда Бѣлинскій въ своихъ письмахъ А. А. Краевскаго. Кузьма Рощинъ—герой одного изъ романовъ Загоскина «Кузьма Рощинъ». Онъ былъ напечатанъ въ 1836 г.

Къ стр. 93. «кто по горло въ золотѣ умираетъ съ голоду» — рѣчь идетъ о денежныхъ обязательствахъ, принятыхъ на себя Н. П. Огаревымъ по отношенію къ своей женѣ, Маріи Львовнѣ, рожденной Рославлевой, съ которой онъ тогда уже разошелся.

Къ стр. 94. «и ты совсѣмъ не богачъ»—письмо написано при жизни отца Герцена, стало быть, въ то время, когда Герценъ еще не имѣлъ самостоятельныхъ средствъ.

— «прочелъ «Хаджи-Бабу»—въ первой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1846 г. помѣщена рецензія Бѣлинскаго объ этой книгѣ (Мирза Хаджи-Баба Исфагани. Сочиненіе Моріера. Вольный переводъ Барона Брамбеуса. Изд. 2-е. СПБ. 1845).

Къ стр. 95. «надъ жидомъ»—т.-е. А. А. Краевскимъ.

Къ стр. 96. Письмо къ А. И. Герцену отъ 26 января 1846 г. печатается по тому тексту, который данъ въ «Русской Мысли» (1891, I), гдѣ оно напечатано впервые.

Къ стр. 97. «Альманахъ Некрасова»—подъ заглавіемъ «Петербургскій Сборникъ».

— Письмо къ А. И. Герцену отъ 6 февраля 1846 г. печатается по тому тексту, который данъ А. И. Герценомъ въ «Полярной Звѣздѣ» (1859, кн. V), гдѣ оно напечатано впервые. Было напечатано въ «Русской Мысли», 1891, I.

— «Сорока-Воровка»—была напечатана въ февральской книжкѣ «Современника» за 1848 г.

Къ стр. 98. «Кто виноватъ?» ушелъ у меня изъ рукъ»—1-ая часть этого романа Герцена появилась въ 12-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1845 г. Продолженіе его, которое хотѣлъ получить для своего альманаха Бѣлинскій, было напечатано въ 4-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1846 г. Полностью этотъ романъ потомъ былъ данъ въ видѣ приложенія къ 1-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г.

— «Сбритыя бакенбарды»—повѣсть Достоевскаго подъ этимъ заглавіемъ не извѣстна.

Къ стр. 99. «Статьѣ г. Соловьева» — «Даніилъ Романовичъ, Король Галицкій»; была напечатана въ «Современникѣ» за 1847 г.

Къ стр. 100. «Статьѣ г. Мельгунова»—«Иванъ Филипповичъ Вернетъ, швейцарскій уроженецъ и русскій писатель». За подписью «Л.» была потомъ напечатана во 2-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г.

Къ стр. 101. Письмо къ А. И. Герцену отъ 19 февраля 1846 г. печатается по тому тексту, который данъ А. И. Герценомъ въ «Полярной Звѣздѣ» (1859, кн. V), гдѣ оно напечатано впервые. Было перепечатано въ «Русской Мысли», 1891, I.

Къ стр. 102. «не виновата въ успѣхѣ альманаха»—т.-е. «Петербургскаго Сборника».

Къ стр. 103. «Вчера и сегодня»—литературные сборники, составленные гр. В. А. Соллогубомъ и изданные Смирдинымъ. 1-ая книжка вышла въ 1845 г., 2-ая—въ 1846 г.

Къ стр. 104. Письмо къ А. И. Герцену отъ 20 марта 1846 г. печатается по тому тексту, который данъ А. И. Герценомъ въ «Полярной Звѣздѣ» (1859, кн. V), гдѣ оно впервые напечатано. Было перепечатано въ «Русской Мысли», 1891, I.

— «отрывокъ Михаила Семеновича»—«Изъ записокъ артиста» М. С. Щепкина; этотъ отрывокъ былъ напечатанъ въ 1-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г.

Къ стр. 105. «Рулье»—Карлъ (1814—1858), профессоръ зоологіи въ московскомъ университетѣ. Авторъ нѣсколькихъ спеціальныхъ сочиненій и многихъ статей. Издавалъ нѣкоторое время журналъ «Вѣстникъ естественныхъ наукъ».

— «Николай Платоновичъ»—Огаревъ.

Къ стр. 106. Письмо къ В. П. Боткину отъ 26 марта 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина, позднѣе у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

— Во время написанія этого письма Боткинъ былъ за границей, куда поѣхалъ въ сентябрѣ 1843 г. съ своей женой, неоднократно упоминавшейся въ прежнихъ письмахъ Бѣлинскаго Armance, съ которою онъ очень скоро разошелся. Это единственное сохранившееся письмо Бѣлинскаго къ Боткину за время пребыванія послѣдняго за границей; таковыхъ писемъ во всякомъ случаѣ было нѣсколько.

— «Мая 30... стукнетъ мнѣ 36 лѣтъ»—отсюда слѣдуетъ, что въ 1846 г. Бѣлинскій считалъ днемъ своего рожденія 30 мая 1810 г. (пишемъ «считалъ» потому, что намъ кажется довольно затруднительнымъ видѣть здѣсь, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, какъ напр., г. Л. въ «Русской Старинѣ», 1911, V, простую описку: вѣдь, нѣсколькими строками ниже Бѣлинскій опять говоритъ то же самое уже другими словами: «Пройдутъ незамѣтно и еще 4 года—и мнѣ 40 лѣтъ»). Между тѣмъ, подавая 31 августа 1829 г. прошеніе объ опредѣленіи въ университетъ, Бѣлинскій въ

немъ писалъ: «отъ роду имѣю 18 лѣтъ», т.-е. считалъ годомъ своего рожденія 1811-ый годъ (Сборникъ «Памяти Бѣлинскаго», М. 1899). Итакъ, самъ Бѣлинскій сначала считалъ годомъ своего рожденія 1811-ый годъ, а потомъ, къ концу жизни, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, сталъ считать годомъ своего рожденія 1810-ый годъ. Основываясь на сообщеніи друга дѣтства и родственника Бѣлинскаго, Д. П. Иванова, Пыпинъ въ своей біографіи Бѣлинскаго говорилъ, что Б-ій родился въ февралѣ 1810 г. На ошибочность своего сообщенія указывалъ Пыпину самъ Д. П. Ивановъ, между прочимъ, въ письмѣ отъ 16 іюня 1876 г.: «къ сожалѣнію годъ, мѣсяцъ и число рожденія Бѣлинскаго остались неисправлены и въ отдѣльномъ изданіи его біографіи, вѣроятно, потому, что свѣдѣнія о томъ были доставлены уже послѣ отпечатанія первыхъ листовъ. Изъ метрическаго свидѣтельства, хранящагося въ архивѣ, сынъ мой узналъ, что Бѣлинскій родился въ 1811 г. 30-го мая. Первоначальное показаніе мое объ этомъ предметѣ основано на загадочномъ сообщеніи сестры Виссаріона, Александры Григорьевны». Выдержка эта появилась въ печати лишь въ 1908 г., при напечатаніи книги Пыпина 2-мъ изданіемъ, когда ее далъ въ примѣчаніяхъ Е. А. Ляцкій (стр. 640—641), но еще въ 1898 г. въ «Саратовскомъ Дневникѣ», № 113, была напечатана небольшая замѣтка Б. А. Марковича, устанавливающая, на основаніи изученія архива пензенскаго дворянскаго собранія, ту же дату рожденія Бѣлинскаго, т.-е. 30 мая 1811 г., а въ 1899 г., на основаніи тѣхъ же документовъ, къ тѣмъ же результатамъ пришелъ проф. А. С. Архангельскій («Русская Старина», 1899, № 4), и время рожденія Бѣлинскаго изслѣдователи стали считать точно установленнымъ. Однако, въ 1910 г. В. Е. Рудаковъ напечаталъ въ «Новомъ Времени» (№ 12364) замѣтку: «Новыя данныя о времени рожденія В. Г. Бѣлинскаго» основанную на данныхъ архива департамента герольдіи, гдѣ содержится между прочимъ, выпись изъ метрической книги Свеаборгской крѣпостной Александро-Невской церкви, въ которой говорится, что Бѣлинскій родился 1 іюня 1811 г., каковую дату В. Е. Рудаковъ и считалъ окончательно установленной своимъ сообщеніемъ. Это вызвало возраженіе со стороны г. С. Никольскаго («Новое Время», 1910, № 12395), указавшаго на противорѣчіе между документами, признаваемыми самимъ В. Е. Рудаковымъ, и считавшаго вопросъ о мѣсяцѣ и днѣ рожденія Бѣлинскаго открытымъ. Въ отвѣтъ на это В. Е. Рудаковъ продолжалъ отстаивать свое мнѣніе, что Бѣлинскій родился 1 іюня, признавая безусловную достовѣрность выписи изъ метрической книги и заподозрѣвъ достовѣрность противорѣчащихъ ей документовъ. Между тѣмъ, г. Л. въ «Русской Старинѣ», 1911, V, указывалъ на часто встрѣчающіяся въ метрическихъ книгахъ ошибки и, даже послѣ сообщенія В. Е. Рудакова, продолжалъ считать твердо установленнымъ время рожденія Бѣлинскаго 30 мая 1811 г. Р. В. Ивановъ-Разумникъ и А. А. Корниловъ принимаютъ дату 1 іюня 1811 г., не указывая, впрочемъ, своихъ основаній. Намъ кажется, что пока, при тѣхъ данныхъ, которыя опубликованы, и при тѣхъ соображеніяхъ, которыя высказаны, вопросъ этотъ не можетъ считаться окончательно выясненнымъ. Больше данныхъ за дату 30 мая, противъ нея лишь выпись изъ метрической книги; за дату 1 іюня только выпись изъ метрической книги, противъ нея же нѣсколько документовъ, оспорить достовѣрность кото-

рыхъ нельзя безъ значительныхъ натяжекъ. Во всякомъ случаѣ, можно считать, что документально вполнѣ установленъ годъ рожденія Бѣлинскаго—1811-ый; вопросъ же о томъ, родился онъ 30 мая или 1 іюня, нельзя считать окончательно выясненнымъ.

Къ стр. 107. «Отъ Николая Петровича»—Боткина.

— «прочти письмо къ Анненкову»—это письмо неизвѣстно.

— Письмо къ А. И. Герцену отъ 6 апрѣля 1846 г. печатается по тому тексту, который данъ А. И. Герценомъ въ «Полярной Звѣздѣ» (1859, кн. V). Выдержки изъ него приводились въ книгѣ Пыпина. Затѣмъ полностью было перепечатано въ «Русской Мысли», 1891, I.

— «А. А. Т.»—неясно, о комъ говоритъ здѣсь Бѣлинскій.

Къ стр. 111. Письмо къ Д. П. Иванову отъ 15 апрѣля 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

Къ стр. 112. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 1 мая 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ этого письма впервые приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ сборникахъ «Братская помощь армянамъ» (1-ое изд. 1897, 2-ое изд. 1898) и «Памяти Бѣлинскаго» (1898).

— «просѣкалъ»—въ сборникахъ: «проникалъ».

— «презираетъ всѣхъ худыхъ и тонкихъ» — самъ М. С. Щепкинъ отличался тучностью.

— «Наталья Александровна»—Герценъ.

Къ стр. 113. «Объ Олѣ»—дочери Бѣлинскаго.

— Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 4 мая 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникахъ «Братская помощь армянамъ» и «Памяти Бѣлинскаго».

— «то нельзя вамъ выѣхать»—въ Гапсаль, на лѣто.

Къ стр. 114. «У Н. И. Остроумовой» — въ подлинникѣ: «У Н. И. О.»

— «съѣхались туда»—въ сборникахъ: «съѣхались сюда».

— «оттого такъ весело»—въ сборникахъ «такъ» пропущено.

— «и не говорю»—въ сборникахъ: «я не говорю».

— «Мамкѣ»—въ сборникахъ: «Малкѣ».

— Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 7 мая 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

— «увѣрилъ»—въ подлинникѣ: «увѣдомилъ».

Къ стр. 115. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 7—8 мая 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

— «Маслова» — Ивана Ильича; онъ былъ очень близокъ къ Бѣлинскому въ послѣдніе годы его жизни и къ «Современнику». Напечатанное въ 1-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г. извѣстное стихотвореніе Некрасова «Тройка» посвящено И. И. Маслову.

— «Надъ драматическою пьесою Кудрявцева» — «Ошибка», напечатанная въ 10-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1845 г. и названная тамъ авторомъ «драматическимъ анекдотомъ».

— «въ этомъ монастырѣ»—въ Александровскомъ институтѣ.

Къ стр. 116. «отъ прихоти»—въ сборникѣ: «отъ прихода».

— «куда опять писать»—въ сборникѣ: «опять» пропущено.

— Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 14 мая 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

Къ стр. 117. «успокоительнаго письма» — въ сборникѣ: «утѣшительнаго письма».

— «Съ 9-го мая»—въ сборникѣ: «Съ 8-го мая».

Къ стр. 118. «У Александры Петровны» — Тютчевой; въ подлинникѣ сокращенно: «У Ал. Петр.»

— «попроси его вложенное здѣсь письмо»—можетъ быть, здѣсь рѣчь идетъ о письмѣ Бѣлинскаго къ Гончарову. Если это и такъ, то, во всякомъ случаѣ, письмо это до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ.

— Письмо къ П. Н. Кудрявцеву отъ 15 мая 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. Д. Галахова. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— «вашъ безцѣнный подарокъ»—это повѣсть Кудрявцева «Безъ разсвѣта», напечатанная впослѣдствіи въ «Современникѣ», но не имѣвшая въ публикѣ того успѣха, который предсказывалъ ей Бѣлинскій.

— «ваша драматическая пьеса»—«Ошибка».

— «Послѣдній визитъ» — онъ напечатанъ въ 10-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1844 г.

Къ стр. 119. Сдѣланныя Бѣлинскимъ указанія на недостатки повѣсти были приняты Кудрявцевымъ во вниманіе: исключены и прибавленіе къ заглавію «Водевиль не для сцены», и вся вторая сцена въ канцеляріи.

— «статья ваша о Бельведерѣ» — въ 5-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1846 г. была напечатана статья Кудрявцева «Бельведеръ», дающая оцѣнку и характеристику итальянскихъ художниковъ и навѣянная на него его поѣздкой въ Италію въ 1845 г.

— Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 11 — 12 іюня 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ него были приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ сборникахъ «Братская помощь армянамъ» и «Памяти Бѣлинскаго», причемъ тамъ оно помѣчено 10-мъ іюня, а не 11-мъ, какъ въ текстѣ Пыпина. Въ настоящемъ изданіи въ заголовкѣ правильно: «11—12 іюня, 1846», дальше же напечатано: «*Харьковъ. 1846, іюня 10*», т.-е. не выправлена вкравшаяся сюда опечатка. Слѣдуетъ читать: «*Харьковъ. 1846, іюня 11*».

— «твое послѣднее письмо»—въ сборникахъ «послѣднее» пропущено.

— «выѣзда» —въ сборникахъ: «отъѣзда».

— О проводахъ Бѣлинскаго изъ Москвы разсказалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Панаевъ.

— О знакомствѣ Бѣлинскаго съ А. О. Смирновой въ Калугѣ упоминается въ письмахъ къ роднымъ И. С. Аксакова.

Къ стр. 120. «въ «Ревелѣ» — такъ въ сборникахъ; въ текстѣ Пыпина очевидная описка: «въ Питерѣ».

Къ стр. 121. «Языковъ»—Михаилъ Александровичъ.

Къ стр. 122. «умеръ Скобелевъ» — въ дѣйствительности Скобелевъ умеръ въ 1849 г.

— «Тильманомъ» — врачомъ, лѣчившимъ Бѣлинскаго въ Петербургѣ.

— «пошелъ дождь»—въ сборникахъ: «полилъ дождь».

Къ стр. 123. «въ субботу, 8 іюня»— такъ въ сборникахъ, и это вѣрно; въ текстѣ же Пыпина: «въ пятницу, 8 іюня». Вѣроятно, это ошибка, или описка самого Бѣлинскаго, исправленная редакціей сборниковъ.

Къ стр. 124. «къ Александру Александровичу»—Комарову.

Къ стр. 125. «Милкѣ»—въ сборникахъ: «Малкѣ».

— «Ахъ, милочка, барашекъ» — такъ въ сборникахъ; въ текстѣ же Пыпина: «Ахъ, собачка, барашекъ».

Къ стр. 126. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 14—15 іюня 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ него впервые приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

Къ стр. 129. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 24 іюня 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ него впервые приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

— «*Одесса. 1846, іюня 24, понедѣльникъ*»—такъ въ текстѣ собранія Пыпина. Въ сборникѣ же: «*Одесса.* 1846, іюня 22, понедѣльникъ», что, очевидно, невѣрно, такъ какъ въ 1846 г. на 22 іюня приходилась суббота.

Къ стр. 131. «на берегу Днѣпра»—въ сборникѣ: «у Днѣпра».

Къ стр. 133. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 28 іюня 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

— «ихъ уже получила»—въ сборникѣ «уже» пропущено.

— «даже въ увѣренности, что все хорошо» — такъ въ сборникѣ; въ текстѣ собранія Пыпина этихъ словъ нѣтъ.

Къ стр. 134. «Спимъ»—въ сборникѣ: «Спишь».

Къ стр. 135. «что вотъ-молъ вамъ»—въ сборникѣ «что» пропущено.

— «а тамъ онѣ много»—въ сборникѣ: «а тамъ это много».

— «даже Михаилъ Семеновичъ»—въ сборникѣ «даже» пропущено.

— «А спать»—въ сборникѣ: «Я спать».

Къ стр. 136. «Поэтому, я купался» — въ сборникѣ: «Поэтому и купался».

— «надо будетъ быть»—такъ въ текстѣ собранія Пыпина; въ сборникѣ «будетъ» пропущено.

— Письмо къ А. И. Герцену отъ 4 іюля 1846 г. печатается по тому тексту, который данъ А. И. Герценомъ въ «Полярной Звѣздѣ» (1859, кн. V). Извлеченія изъ этого письма были приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью перепечатано въ «Русской Мысли», 1891, I.

Къ стр. 137. «Статья Самарина»—это напечатанная въ «Московскомъ литературномъ и ученомъ сборникѣ» на 1846 г. критическая статья о «Тарантасѣ» гр. Соллогуба, подписанная «М... З... К...»

— «За то Хомяковъ» — рѣчь идетъ о его статьѣ «Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ» въ томъ же сборникѣ.

— «читать Данта, т.-е. купаться въ морѣ» — намекъ на извѣстный тогда стихъ Шевырева: «что въ морѣ купаться, то Данта читать».

Къ стр. 138. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 8 іюля 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ него приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

Къ стр. 139. «помнится, какъ сквозь сонъ» — въ сборникѣ «какъ» пропущено.

— «меня послабило» — въ сборникѣ эти слова были выпущены. Всѣ аналогичныя мѣста при напечатаніи въ разныхъ изданіяхъ выпускались; въ дальнѣйшемъ мы уже не будемъ оговаривать это въ примѣчаніяхъ.

Къ стр. 141. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 12 іюля 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Было полностью напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

— «лучше было бы остаться» — въ сборникѣ слова «было бы» пропущены.

— «у Александра Александровича» — Комарова.

Къ стр. 143. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 17—23 іюля 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ этого письма впервые были приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

Къ стр. 144. «Въ будущемъ меня интересуетъ» — въ сборникѣ «меня» пропущено.

— «и мнѣ начинаетъ хотѣться» — въ сборникѣ «и» пропущено.

— «и гдѣ мы проживемъ» — въ сборникѣ «и» пропущено.

— «ѣдемъ туда» — въ сборникѣ: «поѣдемъ туда».

Къ стр. 145. «Абрикосы» — въ текстѣ собранія Пыпина въ обоихъ случаяхъ: «Априкосы».

— «мѣди» — въ сборникѣ въ обоихъ случаяхъ: «мѣдью».

— Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 30 іюля 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

— «адресованныя въ Одессу на имя А. И. Соколова» — въ сборникѣ эти слова пропущены.

Къ стр. 146. «подписывая» — въ сборникѣ: «надписывая».

— «особенно дурного» — въ сборникѣ: «особеннаго дурного».

— «не научитъ» — въ сборникѣ: «не научило».

Къ стр. 147. «въ обоихъ» — въ сборникѣ: «у обоихъ».

— «не только безъ всякаго желанія оскорбить или кольнуть ее» — эти слова въ сборникѣ пропущены.

— «ты убѣждена, что» — въ сборникѣ: «ты убѣждена въ томъ, что».

— «присутствіе» — въ сборникѣ: «пребываніе».

Къ стр. 148. «днѣй пять» — въ сборникѣ: «дней съ пять».

— Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 6 августа 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

Къ стр. 149. «Я такъ уже вовсе простылъ» — въ сборникѣ «уже» пропущено.

— «заѣхалъ» — въ сборникѣ: «уѣхалъ».

— «какъ бы этотъ августъ»—въ сборникѣ: «кабы этотъ августъ».

Къ стр. 150. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 13 августа 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

Къ стр. 152. «будетъ мнѣ очень полезенъ»—въ сборникѣ «очень» пропущено.

— «застать письмо»—въ сборникѣ: «застать письма».

— «пришлешь»—въ сборникѣ: «отошлешь».

— «очень насъ ласкаютъ»—въ сборникѣ «очень» пропущено.

— «потоньше пѣночки»—такъ въ сборникѣ; въ текстѣ собранія Пыпина: «потолше пѣночки». Выбираемъ первое чтеніе, какъ болѣе вѣроятное.

— «закинуть тоню»—въ сборникѣ: «закинуть сѣти».

— «варили уху»—такъ въ сборникѣ; въ текстѣ собранія Пыпина этихъ словъ нѣтъ.

Къ стр. 153. «Александрѣ Балтазаровнѣ»—матери жены Н. Н. Тютчева.

Къ стр. 154. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 22—23 августа 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ него впервые приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго».

Къ стр. 155. «Lettres d'un voyageur»—вѣроятно, рѣчь идетъ о романѣ Жоржъ-Зандъ.

— Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 4—5 сентября 1846 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ него впервые приводятся въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго»

Къ стр. 156. «знаменитаго петербургскаго врача»—Николая Ѳедоровича (1786—1859), выдающагося хирурга, занимавшаго видные посты по врачебному управленію.

Къ стр. 157. «То-то бы гулять! А я сегодня еще въ первый разъ вышелъ»—такъ въ сборникѣ; въ текстѣ собранія Пыпина этихъ словъ нѣтъ.

— «ни за какія блага»—эти слова въ сборникѣ пропущены.

— «Особенно по Россіи»—въ сборникѣ: «Особенно въ Россіи».

— «такая миленькая»—такъ въ сборникѣ; въ текстѣ собранія Пыпина этихъ словъ нѣтъ.

Къ стр. 158. «Les confessions»—вѣроятно, Прудона.

— Письмо къ А. И. Герцену печатается по тому тексту, который данъ А. И. Герценомъ въ «Полярной Звѣздѣ» (1859, кн. V). Извлеченія изъ этого письма были затѣмъ приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью было перепечатано въ «Русской Мысли», 1891. I.

Къ стр. 160. Отрывокъ изъ письма къ И. И. Панаеву, относящійся къ осени 1846 г., печатается по тому тексту, который данъ А. Я. Головачевой-Панаевой въ ея «Воспоминаніяхъ», гдѣ онъ впервые напечатанъ. Тамъ же разъяснены и тѣ обстоятельства, при которыхъ было написано это письмо.

— Къ этому же времени относится слѣдующее, печатаемое по тексту собранія Пыпина, письмо Некрасова:

«Здравствуйте, Бѣлинскій! Я было на дняхъ написалъ къ вамъ о печальномъ состояніи вашего альманаха, но письмо какъ-то залежалось, и я очень радъ: теперь могу сообщить вамъ вѣсти хорошія. Но все-таки сначала обращусь къ нехорошимъ. Еще до моего пріѣзда въ Петербургъ (а я пріѣхалъ въ концѣ іюня) Гончаровъ хныкалъ и жаловался, и скулѣлъ, что отдалъ вамъ свой романъ ни за что, будто увлеченный и сконфуженный всеобщими похвалами и тѣмъ, что вы (его собственныя слова) просили «именемъ своего семейства» и т. д.; онъ ежедневно повторялъ это Языкову, Панаеву и другимъ, съ прибавленіемъ, что Краевскій далъ бы ему три тысячи, и, наконецъ, отправился къ Краевскому. Узнавъ все это, я поспѣшилъ съ нимъ объясниться и сказать ему за васъ, что вы, вѣрно, не захотѣли бы и сами послѣ всего этого связываться съ нимъ, и что, если онъ отказывается отъ своего слова, то и дѣло кончено и пр. По моему мнѣнію, больше и нечего было дѣлать съ этимъ скотомъ. Достоевскій Краевскому повѣсть далъ, а вамъ—неизвѣстно, когда, и кончитъ ли; отъ Тургенева ни слуху, ни духу. Панаева повѣсть поспѣетъ не ранѣе, какъ къ декабрю... Все это весьма прискорбно и поставило бы меня въ крайнія затрудненія касательно вашего альманаха, еслибъ не слѣдующее обстоятельство. Еще въ Казани рѣшили мы съ Толстымъ и съ Панаевымъ хлопотать о пріобрѣтеніи журнала, чтобъ съ 1847 года приступить къ его изданію. На это предпріятіе Толстой и Панаевъ рѣшились употребить значительныя деньги. Въ іюнѣ я отправился въ Петербургъ, въ августѣ прибылъ и Панаевъ, и, наконецъ, мы на дняхъ кончили съ Плетневымъ и взяли у него «Современникъ». Отвѣтственнымъ редакторомъ будетъ Никитенко, ибо иначе сдѣлать было нельзя,—впрочемъ, вліяніе его ограничивается наблюденіемъ за журналомъ въ отношеніи къ цензурѣ и нѣсколькими мелкими льготами, кои онъ себѣ выторговалъ. Подробнѣе узнаете дѣло, когда свидимся. На дняхъ мы выпустимъ объявленіе.

Еще въ Казани мы имѣли въ виду, когда дѣло удастся, списаться съ вами касательно уступки вашего альманаха намъ въ журналъ. Но теперь, при вышеописанныхъ обстоятельствахъ, я нахожу этотъ оборотъ дѣла выгоднѣйшимъ для васъ и не думаю, чтобъ вы находили иначе. Мы заплатимъ вамъ за всѣ статьи, имѣющіяся для вашего альманаха, и за тѣ, кои будутъ для него доставлены—хорошія деньги, и это будетъ вашъ барышъ съ предполагавшагося альманаха. Пишите, что вы обо всемъ этомъ думаете, и когда вы пріѣдете, ибо можете судить, какъ ваше присутствіе въ Петербургѣ для насъ теперь важно. Само собою разумѣется, что мы предложимъ вамъ условія самыя лучшія, какія только въ нашихъ средствахъ. Работой также вы слишкомъ обременены не будете, ибо мы будемъ вамъ помогать по мѣрѣ силъ.

Краевскій дѣлаетъ гадости попрежнему. Недавно еще, когда ему былъ выговоръ за направленіе «Отечественныхъ Записокъ», онъ сказалъ, что этого впередъ не будетъ, ибо онъ удалилъ уже сотрудниковъ, которые поддерживали такое направленіе. Пишите къ Герцену, чтобъ онъ не давалъ ему конца «Кто виноватъ?» Намъ хочется напечатать этотъ романъ вполнѣ отдѣльной книжкой, и дать въ приложеніи къ журналу безденежно. Это была бы порядочная пилюля Андрюшкѣ...

Мы объяснили Гончарову дѣло о журналѣ, онъ сказалъ, что Краевскій ему даетъ по 200 руб. за листъ; мы предложили ему эти же деньги, и романъ этотъ будетъ у насъ. Другую его повѣсть я тоже купилъ у него.

До свиданія. Адресуйте ко мнѣ письмо: на Фонтанкѣ, между Аничкинымъ и Семіоновскимъ мостомъ, въ домѣ княгини Урусовой.

Кланяется вамъ Авдотья Яковлевна, и всѣ ваши знакомые. Языковъ и Тютчевъ открыли контору Агентства и Комиссіонерства.

Весь къ услугамъ вашимъ

Н. Некрасовъ».

— Представляютъ интересъ для исторіи «Современника» и очень многое уясняютъ въ дальнѣйшихъ письмахъ Бѣлинскаго слѣдующія, печатаемыя по тексту собранія Пыпина, письма И. И. Панаева къ Н. Х. Кетчеру:

«*СПБ. 26 сент. 1846.*

Любезнѣйшій другъ, Николай Христофоровичъ,—изъ письма сего увидишь ты, что мы не тщетно проводимъ время. Съ самаго пріѣзда въ Петербургъ Некрасова до 10 сего сентября включительно метались мы, отыскивая журналъ. Узнали мы, что г. Масальскій съ барономъ Розеномъ съ будущаго года издаютъ «Сынъ Отечества», и потому о «Сынѣ Отечества» думать было нечего. Оставались «Маякъ», «Финскій Вѣстникъ» и «Современникъ». Мы толкались въ двери всѣхъ сихъ журналовъ—и, наконецъ, двери «Современника» отверзлись намъ. Я купилъ у Плетнева журналъ сей. Кажется, лучше этого быть ничего не можетъ. Журналъ не запачканный, глухо и неслышно тянувшій свое существованіе и носящій такое удивительное имя!..

«Современникъ», обновляющійся и расширяющійся—ожидаетъ теперь вашей поддержки, господа!.. Журналъ этотъ съ 1847 года столько же мой, сколько и вашъ. Надобно доказать Андрюшкѣ, что не онъ одинъ своею благородною личностью довелъ «Отечественныя Записки» до 4000 подписчиковъ, что онъ, по прекрасному выраженію Искандера, хотя и Наполеонъ, но все-таки послѣ Ватерлоо, Наполеонъ безъ арміи, и потому ровно ничего не значитъ, несмотря на свой геній. А все это доказать можно только усиленными и общими трудами. Безъ васъ, безъ вашей помощи, намъ нельзя существовать... Вы давно хотѣли имѣть журналъ свой, независимый. Желаніе ваше исполнилось.—Дѣйствуйте же и помогайте намъ...

Я рискнулъ на него деньгами—вы поддержите его трудами.—Уже я увѣренъ, что ни одна строка, принадлежащая вамъ, не исключая и конца повѣсти Искандера «Кто виноватъ?», не будетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».—Всю эту повѣсть мы напечатаемъ отдѣльно и приложимъ въ видѣ преміи подписчикамъ «Современника».—Съ такимъ мѣднымъ лбомъ, съ такою свинцовою [1])..., какъ Андрюшка, кажется, деликатничать и церемониться нечего... Вспомни, Кетчеръ, какъ онъ велъ себя въ отношеніи

[1]) Точки въ подлинникѣ.

ко всѣмъ къ вамъ, не исключая и Искандера... Напомни послѣднему исторію Львицкаго креселъ и прочее... Великодушіе съ нимъ просто непростительно и безнравственно.

Въ объявленіи нашемъ о журналѣ будетъ сказано, что такіе-то и такіе-то участвуютъ исключительно въ «Современникѣ». Да не испугаются этого Искандеръ и другіе! Это только avis aux lecteurs «Отечественныхъ Записокъ». «Московскія Вѣдомости», газета Драшусова—не журналъ, слѣдовательно, печатайся тамъ, сколько хочешь... а не станутъ же они печататься въ «Москвитянинѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и въ «Отечественныхъ Запискахъ»!.. Надобно употребить всѣ мѣры, всѣ эффекты для пріобрѣтенія подписчиковъ—согласись съ этимъ.

Подробныя условія платежа денегъ за статьи и прочаго пришлетъ вамъ Некрасовъ.

Отвѣтственнымъ передъ правительствомъ редакторомъ взялся быть Никитенко,—это важно. Безъ такой гарантіи нельзя было въ настоящую минуту и приниматься за это дѣло. Никитенко человѣкъ честный, хорошій и питающій ко всѣмъ нашимъ большое уваженіе. По всему видно, что ему даже лестно называться редакторомъ журнала, въ которомъ участвуютъ такія знаменитости. Съ Никитенкою мною также заключаются условія. Его власть этими условіями ограничена.

Теперь до тебя слѣдующія просьбы:

1) Нельзя ли завербовать къ намъ Галахова? буде же онъ не рѣшится разстаться съ Андреемъ, то нельзя ли пріискать человѣка, который могъ бы съ успѣхомъ замѣнить его?

2) Намъ необходима къ 1 № статья: Взглядъ на настоящее положеніе европейской литературы (французской, англійской и нѣмецкой). Статья эта должна быть не слишкомъ велика, но забористо и ловко написана, ибо въ статьѣ этой выразится profession de foi журнала, его взглядъ на европейское движеніе. Кто бы взялся за эту статью? Какъ ты думаешь? Такую статью нельзя поручать студенту,—ты понимаешь это... Разумѣется, за нее заплатятся хорошія деньги и тотчасъ же. Посовѣтуйся объ этомъ со всѣми нашими друзьями и тотчасъ увѣдомь меня (Если бы взялся за это Коршъ,—славное бы дѣло!).

3) Къ Грановскому я пишу. Прошу у него статью для 2 № въ «Науки». Онъ обѣщалъ еще Бѣлинскому въ альманахъ статью... Расшевелите профессора и подвигните его на этотъ подвигъ.

4) Похлопочи вмѣстѣ съ Коршемъ объ устройствѣ намъ въ Москвѣ конторы (объ этомъ уже писалъ къ Коршу Некрасовъ).

5) Понудь Искандера къ отвѣту на письмо Некрасова, въ которомъ онъ просилъ его спросить позволенія у Соловьева и друг.—выставить ихъ имена въ числѣ сотрудниковъ журнала... Это надобно какъ можно скорѣе, ибо объявленіе должно уже печататься.

6) Не задерживайте Бѣлинскаго въ Москвѣ и объясните ему выгоды для него нашего журнала. Съ альманахомъ своимъ онъ рѣшительно бы сѣлъ. Объ этомъ уже и писали къ нему.

Вотъ покуда все... Адресъ мой: близъ Аничкина моста, на Фонтанкѣ, въ домѣ княгини Урусовой.

Не оставляйте насъ совѣтами и прочимъ. Жду отъ тебя отвѣта.—Серафимѣ Николаевнѣ мое почтеніе, и жена моя ей также сильно кланяется, равно какъ и тебѣ.

Твой И. Панаевъ».

«1 октября. Спб. 1846.

Ты, я думаю, не забылъ, Кетчеръ, сколько разъ, въ бытность твою въ Петербургѣ, мы толковали о тяжелыхъ, невыносимыхъ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ Краевскому и мечтали вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ о томъ, какъ бы хорошо было завести свой журналъ. Мечта эта казалась намъ очень привлекательною, но почти неосуществимою. Объ этомъ мечтали и не мы одни. Всѣ наши московскіе пріятели мечтали о томъ же. Всѣ мы (кажется, это такъ) хотѣли дѣйствовать за одно, общими силами, каждый, разумѣется, по мѣрѣ своихъ способностей. Всѣ готовы были какими-нибудь средствами исхитить Бѣлинскаго (говоря высокимъ слогомъ) изъ желѣзныхъ лапъ безсовѣстнаго и безстыднаго спекулятора. Желанія наши были горячи, да средствъ не было.—Наконецъ, теперь нашлись средства, и осуществились мечты.—Имѣя въ виду купить журналъ, я прежде всего думалъ о Бѣлинскомъ. Журналъ и Бѣлинскій нераздѣльны въ моихъ понятіяхъ. И для чего же бы мнѣ было рисковать покупкою журнала, употреблять на это мои послѣднія деньги, еслибы я не былъ убѣжденъ въ томъ, что это вмѣстѣ и желаніе Бѣлинскаго, и единственное средство, остающееся ему къ поддержанію своего матеріальнаго существованія? Тебѣ извѣстенъ мой образъ мыслей. Неужели же я рѣшился бы пріобрѣтать журналъ съ тѣмъ, чтобы духовно поручить его Брандту, Масальскому или кому бы то ни было?.. Не такъ ли?..

И я надѣялся, приступая къ этому дѣлу и обдумавъ его, не на одного Бѣлинскаго, я надѣялся на всѣхъ васъ... Я твердо былъ увѣренъ, что всѣ вы примете въ этомъ участіе, такое участіе, какъ бы въ своемъ дѣлѣ... Имѣлъ ли я право питать такія надежды? И могла ли мнѣ иначе прійти мысль о покупкѣ журнала?..

О томъ, что Бѣлинскій не имѣетъ никакихъ средствъ къ существованію безъ журнала, ты, я думаю, не сомнѣваешься. Мои выгоды еще неизвѣстны, а Бѣлинскій уже будетъ обезпеченъ съ той минуты, какъ начнется журналъ, или, по крайней мѣрѣ, будетъ имѣть опредѣленный, вѣрный доходъ, безъ чего ему существовать невозможно.—Всѣ другого рода труды и предпріятія ненадежны. Сборники?.. Но Некрасову его сборникъ едва окупился,—да къ тому же сборникъ Бѣлинскаго и не могъ состояться... Господа здѣшніе просто безъ церемоніи объявили, что они не могутъ отдать Бѣлинскому статей, обѣщанныхъ ими (Достоевскій, Гончаровъ и др.), ибо-де они—люди бѣдные, и имъ нужны деньги сейчасъ, а отъ Бѣлинскаго они имѣютъ еще только отдаленныя надежды на деньги; да и наконецъ, еслибы сборникъ Бѣлинскаго и удался,—много ли онъ отъ него получилъ бы за расходами?.. Итакъ, на сборникъ нѣтъ надежды... Что же остается Бѣлинскому? — Ни въ какомъ изъ существующихъ въ Петербургѣ журналовъ онъ не можетъ и не будетъ участвовать... Къ Краевскому возвращаться ему уже нѣтъ никакой возможности... Онъ опо-

зорилъ бы этимъ самого себя.—Писать брошюры, книги?.. Пріискивать покупателей и издателей, предлагать труды свои книгопродавцамъ?.. Но Бѣлинскому надобны деньги сейчасъ, сію минуту, а ты знаешь нашихъ книгопродавцевъ... Каково же его положеніе?.. И, кажется, я ничего не преувеличилъ въ этомъ положеніи,—согласись съ этимъ. Изъ всего этого ясно, что только одинъ журналъ и одинъ нашъ журналъ есть спасеніе Бѣлинскаго.—Тутъ чистыя деньги, а не надежды на деньги, часто обманчивыя. Бѣлинскому писано объ этомъ, и самъ Бѣлинскій не можетъ не понять этого, ибо все это ясно, какъ Божій день.

Поводъ къ этому длинному предисловію, которое, можетъ быть, удивляетъ тебя, письмо Герцена къ Некрасову, нѣсколько поразившее меня и оскорбившее. Отъ тебя я не могу скрыть этого,—но я желалъ бы, чтобы Герценъ не зналъ объ этомъ.

На письмо Некрасова къ Герцену о дозволеніи объявить имена такихъ-то и такихъ-то (все нашихъ близкихъ знакомыхъ) Герценъ отвѣчаетъ:

«Мое имя, если хотите, можете напечатать». (Если хотите, это весьма странно, тогда какъ я, покупая «Современникъ», думалъ, что это столько же вашъ журналъ, сколько и мой, о чемъ я даже неоднократно и говорилъ Герцену и всѣмъ вамъ въ бытность мою въ Москвѣ). «Но другіе желаютъ знать: 1-е) согласится ли Бѣлинскій принять участіе въ этомъ журналѣ и завѣдывать духомъ и направленіемъ журнала? И будетъ ли журналъ вѣренъ своему направленію?»...

Какъ отвѣчать на эти вопросы? Кто же эти другіе? Люди, близко знакомые намъ, не могли бы и предложить такихъ вопросовъ, ибо они, кажется, должны знать, съ какою цѣлью употребляли мы всѣ мѣры и средства на пріобрѣтеніе журнала... И это, право, было не такъ легко!.. И откуда сомнѣніе, что Бѣлинскій не будетъ или не согласится участвовать? Какія же Бѣлинскій имѣетъ надежды на будущее?..

Будетъ ли журналъ вѣренъ своему направленію?.. Но на это отвѣчать легко. Я убѣжденъ въ томъ, что у меня и у Некрасова достанетъ столько смысла, чтобы не допускать статьи, противорѣчащія направленію журнала.. Въ этомъ мы ужъ, вѣрно, имѣемъ перевѣсъ передъ Андреемъ Краевскимъ.—Если же въ годъ разъ помѣстится статья Никитенко, какъ отвѣтственнаго редактора,—это, я думаю, не большая бѣда. Къ тому же это неизбѣжно. Безъ Никитенко ничего бы не состоялось, и всякій пойметъ, почему помѣщена его статья... У Краевскаго помѣщались чортъ знаетъ какія и чортъ знаетъ чьи статьи, однако, это не мѣшало всѣмъ порядочнымъ людямъ участвовать въ его журналѣ, ибо тамъ участвовалъ Бѣлинскій?..

Объясни мнѣ, Бога ради, кто эти другіе, предложившіе эти вопросы?.. И что все это значитъ?.. Или я совершенно не понялъ письма Герцена и дурно истолковалъ его?.. Отчего же, однако, письмо это произвело на меня самое грустное и тяжелое впечатлѣніе? Ты знаешь, какъ я тебя люблю и уважаю. Будь со мною откровененъ. Разрѣши мои недоумѣнія...

Объявленіе должно скоро печататься. Жду отъ тебя отвѣта на это и на первое письмо мое. Не медли отвѣтомъ.—Герцену я писалъ.—Крѣпко жму руки всѣмъ нашимъ — Сатину, Огареву, Грановскому, Коршу, сло-

вомъ, всѣмъ, всѣмъ. Скажи имъ, что мы въ нихъ все-таки не сомнѣваемся, хотя, повидимому, они въ насъ почему-то сомнѣваются.

Твой И. Панаевъ.

Кланяйся отъ меня и отъ жены моей Серафимѣ Николаевнѣ.

Попроси отъ меня позволенія у Рѣдкина выставить его имя въ числѣ сотрудниковъ.

2 октября.

Сейчасъ дошли до меня весьма вѣрные слухи о томъ, что Краевскій послалъ въ Москву агентовъ для смущенія всѣхъ васъ на счетъ журнала. Говорятъ, будутъ распускать слухи, что мы подчинили себя Никитенкѣ и Плетневу, что будто Никитенко и Плетневъ не позволятъ дѣйствовать Бѣлинскому, и проч. и проч. Не нужно повторять, что все это грязная и самая безстыдная ложь, что я гарантировалъ себя условіями съ Никитенкою и Плетневымъ, вслѣдствіе которыхъ свободное дѣйствіе въ журналѣ всякаго совершенно обезпечено (иначе чортъ ли бы мнѣ велѣлъ соваться въ это дѣло?)—Краевскій и здѣсь распускаетъ разные слухи, подосланы были люди къ Никитенкѣ, чтобы отклонить его отъ согласія съ нами. Словомъ, Краевскій въ тревогѣ... Ратьковъ и компанія въ сильномъ движеніи. Неужели же вы дадитесь на удочку, опозорите насъ, доставите торжество Краевскому и погубите дѣло, столь вѣрное для всѣхъ насъ и для Бѣлинскаго, въ самомъ зародышѣ?.. Письмо Герцена уже даетъ мнѣ подозрѣніе, что вы смущены... Бога ради, скорѣй отвѣтъ,—скорѣй, скорѣй... Повторяю, объявленіе должно печататься.—Проси Кавелина и всѣхъ не вѣрить распускаемымъ слухамъ.

Еще разъ, увѣдомь насъ обо всемъ скорѣй... Надо печатать имена.—Кетчеръ! у меня вся надежда на тебя.

Адресъ мой: Близъ Аничкина моста, въ домѣ княгини Урусовой, на Фонтанкѣ».

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 29 января 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— Повѣсть Григоровича, о которой говорится въ письмѣ,—«Деревня», напечатанная въ 12-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1846 г. Бѣлинскому она очень нравилась изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ крѣпостного быта, а Некрасовъ былъ противъ помѣщенія въ «Современникѣ» благопріятнаго о ней отзыва, какъ о повѣсти, напечатанной въ конкурирующемъ журналѣ. О «Деревнѣ» см. также въ «Воспоминаніяхъ» Тургенева.

Къ стр. 163. «онъ только консеквентнѣе»—рѣчь идетъ о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», о которыхъ Бѣлинскій только что закончилъ статью для 2-ой книжки «Современника».

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 6 февраля 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

Къ стр. 165. «сваленія вины на другихъ»—въ подлинникѣ: «сваленія вины для другихъ».

— «Статья объ Элевзинскихъ Таинствахъ»—напечатанныя во 2-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г. «Изслѣдованія объ Элевсинскихъ таинствахъ», графа С. С. Уварова (переводъ съ французскаго).

— «Статья о физіологіи Литтре»—это «Важность и успѣхи физіологіи», напечатанная во 2-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г.

Къ стр. 166. «за похвалы «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ»—во второй книжкѣ «Современника», въ отдѣлѣ «Смѣсь» (Современныя Замѣтки).

Къ стр. 167. Письмо къ В. П. Боткину отъ 7 февраля 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Извлеченія изъ него приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— «къ Кавелину, Галахову и Иванову»—изъ этихъ писемъ сохранилось только одно—къ Иванову; первыя же два до сихъ поръ неизвѣстны.

— «лоскутокъ бумажки для тебя»—и эта записка не сохранилась.

Къ стр. 168. «Статью о Шевыревѣ»—въ 1-ой книжкѣ «Сына Отечества» за 1847 г. былъ помѣщенъ разборъ книги: «Исторія Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII публичныя лекціи Орд. Профессора С. Шевырева. Выпускъ I-й и выпускъ 2-й».

— «Какой Павловъ написалъ статью о Гоголѣ»—Николай Филипповичъ; его статьи о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» Гоголя были напечатаны въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1847 г.

Къ стр. 169. «Листокъ»—первая московская ежедневная газета, «Московскій Городской Листокъ», выходившая въ 1847 г. Ея издателемъ былъ Вл. Драшусовъ.

— Письмо къ Д. П. Иванову отъ 7 февраля 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

Къ стр. 171. «Г. Перевлесскому»—Петру Мироновичу (1815—1866), писателю-педагогу, составителю многихъ учебниковъ и хрестоматій.

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 17 февраля 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина, затѣмъ, по тексту собранія Пыпина, у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»).

— «1-ая часть романа Гончарова»—«Обыкновенной исторіи».

— «романъ Диккенса»—«Битва жизни», въ переводѣ А. И. Кронеберга.

— «Небольсину»—Григорію Павловичу (1811—1896), извѣстному своими статистическими и научно-литературными трудами, впослѣдствіи сенатору и члену Государственнаго Совѣта.

Къ стр. 172. «профессоръ Савичъ» — Алексѣй Николаевичъ (1810—1883), извѣстный астрономъ, профессоръ петербургскаго университета, авторъ многихъ статей и цѣнныхъ научныхъ изысканій. Съ 1862 г.—академикъ.

— «помѣщеніемъ своихъ критическихъ статей на книгу Погодина»—во 2-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г. былъ помѣщенъ

въ отдѣлѣ критики разборъ К. Д. Кавелина: «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, М. Погодина, о Русской Исторіи. Изданы Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. 1846, три тома». Вторая статья Кавелина объ этомъ сочиненіи напечатана въ 3-ей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г.

— «о романѣ Бульвера» — знаменитаго англійскаго писателя и государственнаго дѣятеля (1803 — 1873). Говорится, вѣроятно, о вышедшемъ въ 1846 г. романѣ «Caxtons». Въ русскомъ переводѣ романъ этотъ появился подъ заглавіемъ «Какстоны» (семейная картина, 2 т., Москва, 1851).

Къ стр. 173. «повѣсть Панаева» — это «Родственники», «нравственная повѣсть», напечатанная въ 1 и 2 книжкахъ «Современника» за 1847 г.

— «повѣсть Кудрявцева»—«Безъ разсвѣта», напечатанная въ 1-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г.

— «Сессе» — Эмиль (1814—1863), извѣстный въ свое время французскій философъ, не отличавшійся, впрочемъ, оригинальностью и самостоятельностью мышленія, весьма склонный къ эклектизму. Своей извѣстностью, кромѣ многихъ сочиненій по философскимъ вопросамъ, обязанъ также переводамъ на французскій языкъ сочиненій Спинозы и Платона.

Къ стр. 176. «вычеркнуть его сужденіе о Лукреціи Флоріани»—во 2-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г. въ письмѣ изъ Парижа П. В. Анненкова содержалось сужденіе о «Лукреціи Флоріани». Въ подлинникѣ это мѣсто читалось такъ: «... Этотъ перлъ романовъ Ж. Санда, въ которомъ не знаешь, чему болѣе удивляться, широтѣ ли кисти, глубинѣ ли характеровъ, мастерству ли разсказа, *и который многіе приняли за снятіе всякаго запрещенія, между тѣмъ какъ онъ есть напротивъ самое строгое наложеніе правилъ на праздношатаніе страстей, по моему мнѣнію, разумѣется, и моральный вопросъ разрѣшается превосходно*»...

Напечатанныя курсивомъ слова были въ печати выпущены Бѣлинскимъ; объ этомъ онъ и пишетъ Боткину. «Лукреція Флоріани» въ переводѣ А. И. Кронеберга дана была въ видѣ приложенія при 1-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г.

— «книгу Макса Штирнера»—«Единственный и его собственность»; вышла на нѣмецкомъ языкѣ въ 1845 г.

Къ стр. 177. «отвѣты на оба пойдутъ завтра» — они не сохранились; можетъ быть, впрочемъ, они и не были написаны.

— «беллетристическаго»—въ подлинникѣ здѣсь и всюду: «бельлетристическаго».

— Письмо къ И. С. Тургеневу отъ 19 февраля 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ И. С. Тургенева въ маѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма, съ нѣкоторыми не существенными измѣненіями, были приведены И. С. Тургеневымъ въ его «Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ» («Вѣстн. Европы», 1869, кн. 4). Новыя выдержки даны въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

Къ стр. 178. «я отдѣлалъ его, какъ слѣдуетъ, въ письмѣ на 4½ большихъ почтовыхъ листахъ» — это письмо къ Кавелину не сохранилось.

Къ стр. 179. «и не ссорилъ бы» — въ подлинникѣ «не» пропущено.

Къ стр. 180. «Достоевскаго переписка шуллеровъ» — «Романъ въ девяти письмахъ», напечатанный въ 1-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г. въ отдѣлѣ «Смѣси».

— «Только, ради Аллаха»—въ подлинникѣ: «Толь, ради Аллаха».

Къ стр. 181. «страшно-хорошее стихотвореніе» — «Нравственный человѣкъ»; было напечатано въ 3-ей книжкѣ «Современника» за 1847 г.

«Повѣсть Кудрявцева» — «Безъ разсвѣта».

— «не исключая вашего крестника»—сына Бѣлинскаго.

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 26 февраля 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

Къ стр. 183. Письмо къ В. П. Боткину отъ 28 февраля 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма впервые приведены въ книгѣ Пыпина. Новыя выдержки у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»).

Къ стр. 184. «пароходѣ»—въ подлинникѣ здѣсь и вездѣ дальше: «параходѣ».

— «О статьѣ моей о Гоголѣ» — напечатанной во 2-ой книжкѣ «Современника».

Къ стр. 185. «ее пропустившій»—въ подлинникѣ «ее» пропущено.

— «Пансара»—такъ въ подлинникѣ; слѣдуетъ: «Понсара». Пьеса этого знаменитаго французскаго драматурга (1814—1867), о которой идетъ здѣсь рѣчь, «Agnès de Méranie», была написана въ 1846 г. Отзывъ о ней П. В. Анненкова содержится въ его «письмѣ изъ Парижа», помѣщенномъ въ 3-ей книжкѣ «Современника» за 1847 г. Вотъ изъ этого отзыва то мѣсто, которое имѣетъ въ виду Бѣлинскій: «Паденіе Агнесы нанесло ударъ такъ называемой школѣ здраваго смысла, которая образовалась изъ академиковъ, избранныхъ, т.-е. неизвѣстныхъ, литераторовъ и людей хорошаго тона. Школа эта, поставивъ Понсара во главѣ своей, хотѣла посредствомъ его противодѣйствовать драматическимъ вольностямъ Гюго, Дюма и пр. Увы! послѣдствія доказали, что здравый смыслъ можетъ производить точно такія же нелѣпости, какъ и всякій другой смыслъ, и даже хуже—производить скучныя нелѣпости».

Къ стр. 186. «Что Михаилъ Семеновичъ?»—Щепкинъ.

— Письмо къ П. В. Анненкову отъ 1 марта 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ П. В. Анненкова въ февралѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ книгѣ «П. В. Анненковъ и его друзья» (СПБ., 1892).

— «ожидалъ отъ васъ»—въ подлинникѣ «отъ» пропущено.

— «преисполнить меня радостью»—въ подлинникѣ описка: «преисполнить меня радость».

Къ стр. 188. «Петру Николаевичу» —Кудрявцеву.

— На это письмо Анненковъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ, печатаемымъ по тексту собранія Пыпина:

«И боюсь еще радоваться, мой почтенный Виссаріонъ Григорьевичъ, а радоваться мнѣ все-таки хочется при мысли, что встрѣчу въ басурманскихъ земляхъ особу вашу. Грецiя! Константинополь! Чортъ возьми! Существовали же они на зло всему образованному міру съ 15-го столѣтія до дня сего, такъ годикъ еще могутъ протянуть, я думаю. Жизни у меня много впереди, а если не много, паче чаянія, такъ, значитъ, она подлѣе биржевого аферіста, и не стоитъ объ ней говорить. Терпѣть я не могу вдобавокъ ни тѣхъ людей, ни тѣхъ земель, ни тѣхъ наукъ, ни тѣхъ мыслей, которыхъ надобно знать. Ничто такого отвращенія не возбуждаетъ во мнѣ, Бѣлинскій, скажу по сущей правдѣ, какъ голая необходимость. Повѣрите ли, я такъ долго думалъ объ Аѳинахъ, что обрадовался, какъ счастію, возможности ѣхать въ Breславль. Эту услугу вы мнѣ оказали--говорю услугу, безъ шутокъ, какъ честный человѣкъ!

Итакъ, итакъ... Кудрявцевъ съ недѣлю уѣхалъ въ Италію и черезъ три мѣсяца будетъ держать восходящій путь въ Россію черезъ Берлинъ. Писать къ нему буду на дняхъ въ Римъ. Вы непремѣнно заверните къ братьямъ моимъ при отъѣздѣ, да также не забудьте увѣдомить о днѣ выѣзда своего и о имени цѣлительнаго мѣстечка, къ которому посланы въ гости. Ключей въ Силезіи вѣдь столько же, сколько орденовъ у баварскаго капитана. И у меня есть новости, которыя васъ удивятъ, а главное, докажутъ мою способность оцѣнки точекъ зрѣнія и другихъ знаковъ препинанія въ людяхъ. Поклонитесь всѣмъ нашимъ, а Некрасову сочините особенный, почетный поклонъ за его послѣднія стихотворенія. Подарите также Маслова ласковой улыбкой. Жму вамъ крѣпко руку, Бѣлинскій—и до свиданія!

П. Анненковъ.

25 марта.

Марьѣ Васильевнѣ [1]) съ потомствомъ выражаю симъ много добрыхъ желаній.

Герценъ сейчасъ пріѣхалъ и уже наполнилъ Парижъ грохотомъ желудочнаго своего смѣха. Я очень ему радъ».

— Письмо къ И. С. Тургеневу отъ 1 марта 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ И. С. Тургенева въ маѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма приведены въ «Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ» Тургенева («Вѣстн. Европы», 1869, кн. 4) и въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

Къ стр. 189. «веденія счетовъ»—въ подлинникѣ: «веденія и счетовъ».

Къ стр. 190. «повѣсть Гончарова»—«Обыкновенная исторія».

— «повѣсти Панаева»—напечатанная въ 1-ой и 2-ой книжкахъ «Современника» «нравственная повѣсть» «Родственники».

Къ стр. 191. «какой былъ въ 1 №»—помѣщенный въ отдѣлѣ критики и подписанный «Т.» разборъ трагедіи въ стихахъ Н. Кукольника «Генералъ-Поручикъ Паткуль».

Къ стр. 192. «въ Дрезденѣ»—въ подлинникѣ «въ» пропущено.

— «я увѣренъ»—въ подлинникѣ «я» пропущено.

— «смотрю на него»—въ подлинникѣ «него» пропущено.

---

[1]) Въ подлинникѣ: Александровнѣ.—*Прим. А. П.*

Къ стр. 193. Письмо къ В. П. Боткину отъ 4 марта 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Начало письма получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ маѣ 1874 г. Конецъ письма взятъ Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (300). Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

Къ стр. 194. «только для людей близкихъ къ автору»—какъ разъ этотъ взглядъ на повѣсти Кудрявцева и отношеніе къ нимъ Бѣлинскаго высказывалъ Н. В. Станкевичъ, и Бѣлинскій возражалъ ему (см. письмо къ Н. В. Станкевичу отъ 29 сентября—8 октября 1839 г., т. I, с. 342).

Къ стр. 195. «перечелъ я твою статью»—начало «Писемъ объ Испаніи».

— «Письмо Тургенева изъ Берлина интересно»—оно подписано буквой «Т».

— «статья Савича»—подъ заглавіемъ: «Опытъ общепонятнаго историческаго разсказа о томъ, какъ открыта новая планета Нептунъ».

— «Леверрье»—Урбэнъ Жанъ Іосифъ (1811—1877), химикъ и знаменитый астрономъ. Онъ предсказалъ открытіе планеты Нептуна на основаніи вычисленій. Въ сентябрѣ 1846 г. Галле дѣйствительно открылъ новую планету почти въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ предсказывалъ Леверрье.

— Со словъ «Ясна и понятна» начинается листокъ, находившійся въ собраніи Солдатенкова.

Къ стр. 196. Письмо къ В. П. Боткину отъ 8 марта 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Извлеченія изъ него приведены въ книгѣ Пыпина, позднѣе у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

Къ стр. 197. «поправляешься ли»—въ подлинникѣ: «поправляешь ли».

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 15—17 марта 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (234—235). Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

Къ стр. 198. «перепечатать его статью»—Н. Ф. Павловъ, дѣйствительно, далъ разрѣшеніе перепечатать въ «Современникѣ» свои «Письма къ Н. В. Гоголю», и они появились тамъ въ майской и августовской книжкахъ за 1847 г. (причемъ 3-ье письмо не было перепечатано).

Къ стр. 199. «имѣлъ успѣхъ»—въ подлинникѣ «имѣлъ» пропущено.

— Письмо къ И. С. Тургеневу отъ 12 апрѣля 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ И. С. Тургенева въ маѣ 1874 г. Извлеченія изъ него приведены И. С. Тургеневымъ въ его «Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ» («Вѣстн. Европы», 1869, кн. 4), затѣмъ въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— «о здоровьѣ моего сына»—крестника Тургенева.

Къ стр. 200. «Я уже публикуюсь»—объ отъѣздѣ за границу тогда необходимо было дѣлать публикаціи въ газетахъ.

— «въ Физикатъ»—высшія врачебно-административныя учрежденія, введенныя въ 1739 г. для Москвы и Петербурга.

— На это письмо Тургеневъ отвѣтилъ слѣдующимъ, печатаемымъ по тексту собранія Пыпина, письмомъ:

«Берлинъ, 3-го мая н. с. 47.

Спѣшу отвѣтить вамъ на ваше послѣднее письмо, любезный Бѣлинскій. О прошедшемъ говорить нечего—надо думать о будущемъ. Я васъ буду ожидать въ Штеттинѣ непремѣнно. Въ этомъ вамъ не позволяется сомнѣваться. Только вы, пожалуйста, напишите мнѣ еще письмо за недѣлю до вашего отъѣзда, т.-е. до дня, назначеннаго компаніей. Если ледъ васъ задержитъ нѣсколько дней лишнихъ—это ничего не значитъ. Я точно такъ же охотно проживу эти дни въ Штеттинѣ, какъ въ Берлинѣ; буду ѣсть разныхъ морскихъ рыбъ, кататься по морю и ждать васъ. И будьте увѣрены, что вы здѣсь выздоровѣете совершенно. Вы остановитесь у меня на квартирѣ въ Берлинѣ, я васъ свезу къ Шенлейну—а потомъ мы отправимся въ Силезію.—Итакъ, до скораго свиданія. NB. Пароходы отъ Петербурга до Штеттина ходятъ не 5 дней, какъ вы пишете, а всего двое сутокъ.

Я не смѣю самъ писать къ Некрасову. Попросите отъ моего имени у него прощенія за неисполненіе обѣщаній. Я находился въ такомъ положеніи, что, право, не до литературы было. Но теперь надѣюсь кончить обѣщанное. Четвертый № «Современника» я получилъ отъ какого-то таинственнаго незнакомца, который оставилъ его у меня, не сказавши, кто онъ, ни гдѣ живетъ.—Будьте всѣ здоровы—вы въ особенности. Жму вамъ всѣмъ руки и остаюсь.

Вашъ Тургеневъ».

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 22 апрѣля 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма помѣщены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

Къ стр. 202. «подобно г. Драмусову» — здѣсь опечатка; слѣдуетъ: «подобно г. Драшусову». Драшусовъ былъ редакторомъ-издателемъ начавшей выходить въ 1847 г. ежедневной газеты: «Московскій Городской Листокъ». О немъ, между прочимъ, упоминается въ отрывкѣ Герцена «Станція Едрово».

— «его письмо о Берлинѣ»—напечатанное въ 3-ьей книжкѣ «Современника» за 1847 г. и упоминаемое въ письмѣ къ Боткину отъ 4 марта 1847 г. (стр. 195).

Къ стр. 203. «О Москвѣ и Петербургѣ можно написать статью»—въ 4-ой книжкѣ «Современника» за подписью «Л.» и была помѣщена статья Мельгунова «Нѣсколько словъ о Москвѣ и Петербургѣ».

Къ стр. 204. «Краевскій статью Грановскаго... успѣлъ же напечатать»—подъ заглавіемъ «Письмо изъ Москвы»; въ немъ говорится о напечатанной въ «Московскомъ Сборникѣ» 1847 г. статьѣ Хомякова «О возможности Русской Художественной Школы».

Къ стр. 205. «На 12.000 я въ Москвѣ могу жить»—по условію Бѣлинскій долженъ былъ получать въ «Современникѣ»: первый годъ — 8.000 руб. асс., второй годъ—12.000 руб. асс.

Къ стр. 207. «Хорь и Калинычъ» былъ напечатанъ въ 1-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г., въ отдѣлѣ смѣси.

Къ стр. 208. Письмо къ В. П. Боткину отъ 5 мая 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (236—237). Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— «Къ Анненкову я писалъ обо всемъ недѣли три слишкомъ назадъ»—это письмо неизвѣстно.

— «въ то же время писалъ и къ Тургеневу» — это письмо отъ 12 апрѣля (стр. 199).

Къ стр. 209. Письмо къ Д. П. Иванову отъ 5 мая 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

Къ стр. 210. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 10 мая 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ него были приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1898, № 112.

— «Пишу къ тебѣ»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «пишу тебѣ». Текстъ собранія Пыпина отличается отъ уже напечатаннаго весьма несущественно, и въ дальнѣйшемъ будутъ оговорены лишь важнѣйшія разночтенія.

— «не совсѣмъ по себѣ» — вѣроятно, должно быть такъ; въ текстѣ собранія Пыпина словъ «по себѣ» нѣтъ, а въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» они заключены въ скобки.

Къ стр. 211. «тебя такъ долго»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» слово «такъ» пропущено.

— Къ этому письму имѣется слѣдующая приписка Тургенева: «Любезная Марья Васильевна, вчера вечеромъ, къ крайнему моему удовольствію, нашелъ я у себя на квартирѣ Вашего мужа, и хоть мнѣ досадно было, что я его не встрѣтилъ по обѣщанію въ Штеттинѣ (чему, впрочемъ, я не виноватъ),—но радость видѣть его въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ я ожидалъ, заглушила всѣ другія чувства. Вы можете теперь быть совершенно покойны на его счетъ; я его беру на свое попеченье и отвѣчаю Вамъ за него своей головой. Мы, вѣроятно, недолго останемся въ Берлинѣ и сперва съѣздимъ въ Дрезденъ — (потому что сейчасъ еще рано ему ѣхать въ Силезію, на воды)—Вы можете писать къ Вашему мужу на имя здѣшняго банкира «Meyer et C°», Behrenstrasse, № 44, pour remettre à m-r Belinsky или, если хотите, на имя банкира «Mendelssohn et C°» (это послѣднее еще лучше, потому что вексель Вашего мужа адресованъ на его имя; а онъ (т. е. банкиръ) будетъ знать, гдѣ будетъ находиться Вашъ мужъ; когда же мы, наконецъ, попадемъ въ Силезію на постоянное жительство, мы Вамъ оттуда вышлемъ свой адресъ. Повторяю Вамъ: будьте на его счетъ совершенно спокойны—старайтесь сами быть здоровыми. Кланяюсь Вамъ, Вашей сестрѣ и Вашей маленькой. Жму Вамъ искренно руку и остаюсь преданный Вамъ

И. Тургеневъ».

— Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 24 мая 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ него были приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью, за исключеніемъ приписки, напечатано въ сборникѣ

«Братская помощь пострадавшимъ армянамъ»; приписка напечатана въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1898, № 112.

Къ стр. 217. «вспомнилось и то и другое» — такъ въ сборникѣ; въ текстѣ собранія Пыпина этихъ словъ нѣтъ.

— «романъ Фильдинга «Томъ Джонсъ»—этотъ романъ, признающійся лучшимъ изъ романовъ знаменитаго англійскаго романиста, былъ переведенъ на русскій языкъ Кронебергомъ и напечатанъ въ 5—12 книжкахъ «Современника» за 1848 г.

— «гетевскаго романа «Средства» — въ текстѣ здѣсь не выправлена опечатка; слѣдуетъ: «гетевскаго романа «Сродства». Это уже не разъ упоминавшійся въ письмахъ Бѣлинскаго романъ «Wahlverwandschaften». Совѣта Тургенева не послушали, и въ 7-ой и 8-ой книжкахъ «Современника» за 1847 г. былъ напечатанъ переводъ этого романа, озаглавленнаго «Оттилія» (таково и первоначальное его нѣмецкое заглавіе).

Къ стр. 218. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 29 мая 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Было полностью напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1898, № 112.

— «Или ни твоей болѣзни, ни этой погодѣ»—такъ въ текстѣ собранія Пыпина; въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «Или твоей болѣзни по этой погодѣ».

— «М. А. Комарова»—вѣроятно, должно быть такъ. И въ текстѣ Пыпина, и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ: «М. А. К—ва».

Къ стр. 220. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 16 іюня 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Было полностью напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1898, № 112.

Къ стр. 221. «boules de neige»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «boule de neige»; въ текстѣ собранія Пыпина: «bouls de neige», причемъ эта ошибка отмѣчена Пыпинымъ на поляхъ, такъ что въ подлинникѣ несомнѣнно написано «bouls».

Къ стр 222. «Маріенгофѣ»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «Маріуполѣ».

Къ стр. 224. «о Марьѣ Александровнѣ»—Комаровой.

Къ стр. 225. «на первомъ листѣ»—такъ въ текстѣ собранія Пыпина; въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «на первомъ мѣстѣ». Пыпинъ въ своемъ собраніи дѣлаетъ къ этому письму такое примѣчаніе: «письмо на двухъ почтовыхъ листкахъ, съ извѣстными картинками; на первомъ—«Brunnen und Elisenhalle zu Salzbrunn»; на второмъ—«Fürstenstein».

— «каменнаго угля»—такъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; въ текстѣ собранія Пыпина: «каменнаго уголья».

Къ стр. 226. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 25 іюня 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ него приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1898, № 124.

Къ стр. 227. «Это шарлатанъ и каналья» — въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» слова «и каналья» пропущены.

Къ стр. 228. «даетъ больнымъ возможность легко отхаркиваться»— въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» эти слова пропущены.

— Фраза, начинающаяся словами «Твое предостереженіе» и кончающаяся словами «неопредѣленное время», въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» пропущена.

Къ стр. 229. «не забыла слова: «Володя?»—такъ звали умершаго сына Бѣлинскаго.

— «проси его и Панаева писать ко мнѣ о всевозможныхъ литературныхъ новостяхъ, слухахъ и сплетняхъ»—какъ разъ наканунѣ написанія Бѣлинскимъ этого письма писалось слѣдующее, печатаемое по тексту собранія Пыпина, письмо Некрасова, съ приписками Щепкина, Панаева, Гончарова и Кронеберга:

«1847. 24 іюня. Спб.

Письмо ваше, Бѣлинскій, Тургеневъ и Анненковъ, мы получили; я сейчасъ прочелъ его вслухъ Панаеву и М. С. Щепкину, который здѣсь теперь на нѣсколько дней. Новостей у насъ, господа, накопилось много, да вдругъ не вспомнишь; памятна мнѣ одна: что въ прошломъ мѣсяцѣ мы бросили переводъ и наборъ «Манонъ-Леско» и «Леоне-Леони», а въ нынѣшнемъ не будемъ продолжать «Пиччинино». Это все потому, что это романы французскіе, а къ французскимъ романамъ, по обстоятельствамъ, независящимъ отъ редакціи, мы съ Панаевымъ почувствовали сильное нерасположеніе. Былъ я въ Москвѣ; чтобъ вы поняли силу этой поѣздки, разскажу вамъ анекдотъ: Краевскій пріѣхалъ въ Москву позже меня четырьмя днями; въ этотъ самый день я давалъ обѣдъ московскимъ сотрудникамъ. Боткинъ съ Галаховымъ берутъ шляпы и идутъ.—Куда?—спрашиваетъ Краевскій.—На обѣдъ, къ Некрасову—отвѣчаетъ Боткинъ.—А развѣ Некрасовъ здѣсь?—спрашиваетъ Краевскій.—Здѣсь,—отвѣчаетъ Боткинъ.—Онъ меня предупредилъ!—восклицаетъ Краевскій, а Боткинъ клянется, что въ этомъ восклицаніи слышались рыданія и проклятія. И дѣйствительно, было о чемъ пожалѣть ему: Боткинъ въ это время былъ уже, такъ сказать, законтрактованъ мною для «Современника»; Кавелинъ, которому еще прежде Краевскій предлагалъ взять на себя редакцію и составленіе историческихъ статей для Энциклопедическаго Лексикона, съ помощію моею сосчиталъ буквы въ листѣ Энциклопедическаго Лексикона сравнительно съ листомъ «Современника» и не рѣшается меньше взять съ листа Энциклопедическаго Лексикона, какъ 150 руб. сер., и сверхъ того 200 руб. сер. за редакцію, а между тѣмъ Краевскій предлагалъ ему только по 100 руб. за листъ, безъ всякой платы за редакцію, и, не случись меня, можетъ быть, Кавелинъ и ошибся бы. Вообще, поѣздка моя была полезна для «Современника»: Коршъ пишетъ намъ статью «Исторія Венеціи», и взялся составлять статьи объ аглицкой литературѣ. Грановскій написалъ намъ статью «Валленштейнъ» (дѣйствительно написалъ!) и пишетъ уже другую о проклятыхъ народахъ; пріискалъ сотрудниковъ для разбора московскихъ книгъ; имѣется въ виду много хорошихъ составныхъ статей: дѣло въ томъ, что Грановскій назвалъ мнѣ много интересныхъ новыхъ книгъ, о которыхъ мы съ Панаевымъ въ Петербургѣ и во снѣ не видали,—и вотъ изъ нихъ-то поручено составить статьи; редакцію этихъ статей, понуканіе къ скорѣйшему ихъ выполненію и пересылку ко мнѣ взялъ на себя Боткинъ; и на будущее время обязанность его будетъ состоять въ томъ, чтобъ пріискивать въ Москвѣ сотрудниковъ и заказывать для насъ составныя статьи изъ новыхъ книгъ иностранныхъ. Важно и то, что я узналъ на-

стоящія мысли москвичей о «Современникѣ» и пр. и пр., чего не выразишь словами, но что вы легко можете себѣ представить. А живутъ москвичи весело: сойдутся двое — посылаютъ за бутылкой, хоть бы въ 10 часовъ утра; придетъ третій—посылаютъ; перейдутъ къ четвертому—посылаютъ, и т. д.,—славная жизнь!.. Какъ смѣются они надъ Мельгуновымъ, по поводу его Современныхъ Замѣтокъ!.. Жаль, что нѣтъ времени разсказать всѣхъ анекдотовъ, которые случились по этому случаю! Онъ ужасно обидѣлся; цѣлую недѣлю ходилъ отъ одного пріятеля къ другому разсказывать о томъ, какъ Панаевъ и Некрасовъ несправедливо съ нимъ поступили, — и лицо у него было блѣдно и строго, въ голосѣ отзывались слезы и благородное негодованіе. Уморительный анекдотъ разсказываетъ о немъ Коршъ. Высидѣвъ у Корша часовъ десять и надоѣвъ ему смертельно, онъ ушелъ и забылъ какой-то свертокъ. Посидѣлъ!—говоритъ Коршъ, развертывая забытый свертокъ (онъ думалъ, что это какія-нибудь брошюры),—и вдругъ посыпались на полъ вяземскіе пряники—въ это самое время отворяется дверь, и выглядываетъ блѣдная фигура Мельгунова. Бормоча что-то, онъ принялся подбирать пряники и съ тѣхъ поръ не могъ взглянуть въ глаза Коршу... Въ самомъ дѣлѣ, Мельгуновъ—и вяземскіе пряники!.. Будетъ о москвичахъ и о «Современникѣ», да! еще вы спрашиваете, кто писалъ вторую половину разбора «Донъ-Жуана»—Кронебергъ (а первую Майковъ). Кронебергъ злой человѣкъ, и мнѣ хочется его уговорить хоть изрѣдка разбирать книжонки. А въ помѣщеніи разсказа Бартенева виноватъ я—какъ у насъ нестало въ этомъ № двухъ романовъ, да еще разсказа «Жидъ», который мы было хотѣли напечатать безъ имени, то съ горя и попали тутъ Петербургское Купечество и разсказъ Бартенева.

Я не отвѣчалъ вамъ, Тургеневъ, на ваши письма и ничего не писалъ объ успѣхѣ вашихъ разсказовъ—по злобѣ на васъ за надуванье статьей объ нѣмецкой литературѣ. Ну, чортъ вамъ проститъ! Успѣхъ вашихъ разсказовъ повторился еще въ бо̀льшей степени въ Москвѣ,—всѣ знакомые вамъ москвичи отъ нихъ въ восторгѣ и утверждаютъ, что о нихъ говорятъ съ восторгомъ и въ московской публикѣ. Нисколько не преувеличу, сказавъ вамъ, что эти разсказы сдѣлали такой же эффектъ, какъ романы Герцена и Гончарова и статья Кавелина, — этого, кажись, довольно! Въ самомъ дѣлѣ, это настоящее ваше дѣло; Бѣлинскій говоритъ, что вы еще написали разсказъ; если не думаете скоро написать другой, то высылайте хоть этотъ; это намъ къ осени куда хорошо; насъ то и дѣло спрашиваютъ, будутъ ли въ «Современникѣ» еще ваши разсказы. Вотъ оно куды пошло! На предложеніе Мюллера мы согласны и даже очень рады; по 50 талеровъ будемъ платить съ охотой; только ужъ, пожалуйста, возьмитесь сами списаться съ нимъ обстоятельно, какого рода статьи намъ нужны (въ особенности хорошо, если онъ возьмется писать намъ объ нѣмецкой литературѣ), присылайте намъ его адресъ—мы заведемъ съ нимъ переписку черезъ Кронеберга. «Пѣтушкова» я вамъ вышлю; оригиналъ «Каратаева» сохраню. Вы заработали у насъ довольно много денегъ—за вами немного; если нужны деньги, я вамъ пришлю въ Парижъ, только напишите еще разсказа два къ осени.

Напишу слово къ вамъ, Павелъ Васильевичъ, во-первыхъ, жму вамъ

руку, т.-е. руку, написавшую письма изъ Парижа. Во-вторыхъ, попадете въ Парижъ—пожалуйста, пишите опять, а я даю вамъ слово перечитывать корректуру вашихъ писемъ внимательнѣй, или лучше: заключимъ условіе,—за каждую опечатку вы отнынѣ имѣете право взыскать съ меня бутылку шампанскаго при свиданіи; сколь ни подло, но я буду всѣ мѣры употреблять, чтобъ вамъ никогда не пришлось пить моего шампанскаго; только пишите иностранныя слова и собственныя имена разборчивѣе. Вообще, я похлопочу, чтобъ опечатокъ въ «Современникѣ» было меньше; вся бѣда въ томъ, что у насъ нѣтъ хорошаго корректора, а во второй корректурѣ всѣхъ ошибокъ иногда не усмотришь; придется перечитывать по два раза. Письма адресуйте такъ: въ Петербургъ, въ контору «Современника». Прощайте, веселый и злой человѣкъ; когда-то я опять васъ увижу?

[На этомъ кончается письмо Некрасова; далѣе слѣдуютъ приписки:]

Здравствуй, Бѣлинскій, будь здоровъ—это отъ души тебѣ желаетъ Щепкинъ, потому что при семъ, какъ нарочно, явился я въ Питеръ, чтобы заочно обнять тебя и пожелать всего хорошаго. Какъ и зачѣмъ явился я въ Питеръ, долго разсказывать. Поклонись Анненкову и Тургеневу. Прощай. Твой, хотя съ меньшимъ брюхомъ, но все тотъ же

Щепкинъ.

Бѣлинскій, очень радъ, что вы поправляетесь. Буду писать къ вамъ въ Парижъ. Безъ васъ совершилось много любопытнаго. Скажите Тургеневу, чтобъ онъ хорошенько растолковалъ Миллеру, въ какомъ родѣ должны быть статьи, и чтобы Миллеръ поскорѣе принимался писать, ибо у насъ еще не было ни слова о германской литературѣ. Анненкову низкій поклонъ.

И. Панаевъ.

Всѣ почитатели ваши, Виссаріонъ Григорьевичъ, съ радостью, и я въ томъ числѣ, разумѣется, услышали объ улучшеніи вашего здоровья, и всѣ хоромъ взываемъ къ вамъ: возвращайтесь скорѣй. Ваша послѣдняя статья, Иванъ Сергѣевичъ, произвела благородный furore, только не между читающею чернью, а между порядочными людьми: что за прелесть!

И. Гончаровъ.

Скоро ли вернетесь?

Здравствуйте, Бѣлинскій, Тургеневъ и Анненковъ! Holdes Kleeblatt! Будьте здоровы.

Вашъ А Кронебергъ».

Кромѣ того, на слѣдующій день Некрасовъ написалъ Бѣлинскому, Тургеневу и Анненкову въ Зальцбруннъ еще слѣдующее, печатаемое по тексту собранія Пыпина, письмо:

«1847. 25 іюня.

Любезный Тургеневъ! Есть у меня еще до васъ просьба, исполненіемъ которой въ возможной степени вы меня обяжете превыше всѣхъ благодарностей. Видите, въ чемъ дѣло: по поводу того, что неудобно печатать французскіе романы—мы въ большомъ затрудненіи на счетъ приложеній, которыя обѣщаны публикѣ; покуда у насъ есть только Записки Бенвенуто Челлини, которыя уже переводятся. Но этого мало. Мы рѣшились дать въ приложеніи къ 10-му или 11-му № Иллюстрированный альманахъ, состоящій изъ небольшихъ юмористическихъ статей въ стихахъ и прозѣ. Этимъ расквитаемся мы и въ другомъ долгѣ передъ публикой, которой мы обѣщали политипажи. Для этого заготовлены и заказаны нами статьи, между прочимъ, Гончарову и Достоевскому, также Аполлону Майкову, я произвелъ три стихотворенія, а Панаевъ разсказъ; есть и еще кое-что; сюда же думаемъ мы помѣстить и вашъ «Маскарадъ», если только вы о немъ не забыли. А если забыли, такъ, пожалуйста, вспомните, кончите и пришлите поскорѣй, ибо его нужно иллюстрировать. Рисовать картинки будутъ (и уже начали) Неваховичъ, Степановъ, Агинъ и Аполлонъ Майковъ. Но этого намъ кажется мало. Намъ хотѣлось бы парижскихъ политипажей, это произвело бы сильный эффектъ, а между тѣмъ этого достигнуть не трудно, если вы не полѣнитесь. Стоитъ только, если не вамъ, такъ Анненкову, который такъ долго жилъ въ Парижѣ, набросать нѣсколько очерковъ парижской жизни (хоть уличной), обратиться къ хорошему парижскому художнику, чтобъ онъ нарисовалъ къ этой статьѣ картинки, потомъ къ хорошему граверу на деревѣ, чтобъ онъ ихъ вырѣзалъ—прислать къ намъ доски и статью—и дѣло кончено: мы въ Петербургѣ щегольнемъ парижскими политипажами! Пожалуйста, господа! расходовъ не бойтесь: платимъ же мы здѣсь большія деньги за посредственные политипажи, такъ за парижскіе и грѣхъ было бы не заплатить. Если вы согласны взять на себя эту коммиссію, напишите — я тотчасъ вышлю вамъ денегъ. Павелъ Васильевичъ! Я думаю, если вы захотите, для васъ немного будетъ стоить труда сдѣлать мнѣ это одолженіе, а одолженіе будетъ великое! Потому что вы не можете себѣ представить, какой вѣсъ придастъ намъ это въ глазахъ публики. Бѣлинскій! пожалуйста, понудьте этихъ господъ: мнѣ этого смерть хочется, потому что я предвижу тутъ сильную пользу. Книга будетъ отлично напечатана на отличной бумагѣ, и не будетъ въ ней ни одной опечатки. Прощайте, господа. Желаю вамъ здравія и веселья. Во всякомъ случаѣ отвѣчайте мнѣ, какъ вы найдете это предложеніе, немедля.

Вашъ Н. Некрасовъ.

25 іюня, 1847. СПБ.

Намъ нѣтъ нужды называть этого альманаха ни юмористическимъ, ни какъ-нибудь иначе: всякая статья легкаго свойства будетъ въ немъ имѣть мѣсто; поэтому, если бы вамъ, Бѣлинскій, вздумалось что-нибудь набросать слегка, то это было бы очень хорошо. Къ Герцену я также пишу объ этомъ.

Бѣлинскій! напишите, что вы думаете вообще о такого рода приложеніи. Оно намъ будетъ дорого стоить, но я основываю на немъ большія надежды».

— «а бумаги еще много»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: «а будетъ еще много».

Къ стр. 230. Письмо къ Н. В. Гоголю отъ 3 іюля 1847 г. печатается по тексту, данному С. А. Венгеровымъ въ «Библіотекѣ Свѣточа» (1905). Письмо это было впервые напечатано Герценомъ въ 1-ой книжкѣ «Полярной Звѣзды», 1855 (2-ое изд. 1858), затѣмъ за границей нѣсколько разъ перепечатывалось съ этого текста. Въ Россіи оно расходилось въ многочисленныхъ рукописныхъ спискахъ; въ печати извлеченія изъ него впервые появились въ статьѣ Чижова въ «Вѣстникѣ Европы», 1872, № 7, затѣмъ въ книгѣ Пыпина. Почти цѣликомъ, но съ пропускомъ нѣкоторыхъ, наиболѣе рѣзкихъ, мѣстъ, напечаталъ это письмо Н. П. Барсуковъ въ 8-мъ томѣ своего труда «Жизнь и труды М. П. Погодина» (СПБ., 1894), руководствуясь спискомъ А. А. Краевскаго, хранящимся въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Далѣе оно было помѣщено въ 1902 г. въ Сочиненіяхъ Н. В. Гоголя, изд. «Народной Пользы», т. V. Въ 1905 г. письмо это было издано отдѣльной брошюрой подъ редакціей и съ предисловіемъ С. А. Венгерова (2-ое изд. 1906), а въ 1906 г. было напечатано Селичевскимъ въ журналѣ «Пробужденіе» (1906, № 2). Всѣ эти тексты имѣютъ много разночтеній, но весьма несущественныхъ, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ говорится о тѣлесныхъ наказаніяхъ; здѣсь мы имѣемъ: ослабленіе, уничтоженіе и отмѣненіе. Установить подлинный текстъ пока не представляется еще возможнымъ.

— Письмо это во всѣхъ спискахъ помѣчено: «Зальцбруннъ, 15 іюля». Такъ какъ Бѣлинскій, какъ видно изъ его письма къ женѣ отъ 7/19 іюля 1847 г. (стр. 240), выѣхалъ изъ Зальцбруннa 3/15 іюля, то помѣта «15 іюля» сдѣлана имъ по новому стилю и относится ко дню окончанія письма. Писалъ его Бѣлинскій, какъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Анненковъ, три дня.

— Письмо это явилось отвѣтомъ на письмо Гоголя, написанное имъ Бѣлинскому по прочтеніи въ «Современникѣ» его статьи о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями». Гоголь въ свою очередь отвѣчалъ Бѣлинскому письмомъ; кромѣ того, въ его бумагахъ былъ найденъ проектъ отвѣта Бѣлинскому, разорванный и неотправленный. Всѣ эти письма были напечатаны въ «Сочиненіяхъ и письмахъ Н. В. Гоголя», изд. П. А. Кулиша, 1857; перепечатаны въ 8-мъ томѣ труда Н. П. Барсукова о М. П. Погодинѣ; далѣе—у В. И. Шенрока: «Письма Н. В. Гоголя», СПБ., 1901, т. III, стр. 491—493 и т. IV, стр. 32—41 и 44—46.

Къ стр. 239. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 7 іюля 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1898, № 124.

Къ стр. 240. Все мѣсто со словъ «Дюжину рубахъ взялись мнѣ» до словъ «201 рубль съ полтиною» въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» выпущено.

Къ стр. 242. «Здравствуй. . . *папаша*»—это обращеніе къ дочери въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» пропущено.

— «у исповѣди и Святого Причастія былъ»—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» эти слова пропущены.

Къ стр. 243. Письмо къ В. П. Боткину отъ 7 іюля 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина, позднѣе у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.»). Полностью печатается впервые.

Къ стр. 244. «милостыню»—въ подлинникѣ: «милостину».

Къ стр. 245. «о шайкѣ воровъ съ Тришатнымъ и Добрышинымъ во главѣ»—о дѣлѣ главнаго начальника резервнаго корпуса, генерала Тришатнаго, есть запись въ «Записках» и Дневникѣ» А. В. Никитенко отъ 2 апрѣля 1847 г. (Изд. 2-ое, СПБ., 1905, т. I, стр. 369—370).

— «о ворѣ Тестѣ»—Жанѣ-Батистѣ (1780—1852), видномъ французскомъ государственномъ дѣятелѣ; былъ привлеченъ къ суду и осужденъ за то, что въ бытность свою министромъ общественныхъ работъ принялъ при отдачѣ въ аренду соляныхъ копей большую взятку.

— «Эмилемъ Жирарденомъ»—знаменитымъ публицистомъ и журналистомъ (1806—1884); издаваемые имъ журналы и газеты расходились въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, благодаря ихъ исключительно низкой подписной платѣ. Политическіе взгляды его не отличались устойчивостью.

— «Прочелъ я книгу Луи Блана»—«Исторію французской революціи». начавшую выходить въ 1847 г.

Къ стр. 246. «Теперь читаю Ламартинишку»—восьмитомную «Исторію Жирондистовъ», напечатанную въ 1847 г.

— Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 22—23 іюля 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ него приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникѣ «Дѣло», выпущенномъ въ пользу СПБ. Женскаго Медицинскаго Института (М. 1899).

Къ стр. 247. «Тамъ я сшилъ себѣ дюжину рубахъ» — такъ напечатано въ сборникѣ «Дѣло». Въ текстѣ собранія Пыпина этой фразы нѣтъ.

— «Брюссель»—и въ текстѣ собранія Пыпина, и въ сборникѣ «Дѣло» здѣсь и вездѣ дальше въ этомъ письмѣ: «Бриссель».

Къ стр. 248. «съ Натальей Александровной»—въ сборникѣ «Дѣло»: «съ Натальей Алексѣевной».

Къ стр. 252. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 2 августа 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ него приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникѣ «Дѣло».

Къ стр. 254. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 10 августа 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникѣ «Дѣло».

— Помѣтка «22 августа» сдѣлана, очевидно, по новому стилю. Отъ 22 августа по старому стилю мы имѣемъ другое письмо, помѣченное Бѣлинскимъ: «сент. 3, н. с.» (стр. 257).

— «но то было отъ Гоголя»—изъ Остенде, въ отвѣтъ на письмо Бѣлинскаго отъ 3 іюля.

Къ стр. 257. «нянька Оли!»—въ сборникѣ «Дѣло»: «нянька она!»

— Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 22 августа 1847 г. печатается по

тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ него приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникѣ «Дѣло».

Къ стр. 258. «уже болѣе»—въ сборникѣ «Дѣло»: «ужъ около».

— «двѣ недѣли одному»—въ сборникѣ «Дѣло» слово «недѣли» пропущено.

Къ стр. 259. Письмо къ М. В. Бѣлинской отъ 10 сентября 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Полностью было напечатано въ сборникѣ «Дѣло».

— Письмо помѣчено 22 сентября по новому стилю.

— Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Парижа Бѣлинскій получилъ слѣдующее, печатаемое по тексту собранія Пыпина, письмо Тургенева:

«*Куртавнель, 17-го сент. 47.*

Вы ѣдете въ Россію, любезный Бѣлинскій; я не могу лично проститься съ вами—но мнѣ не хочется отпустить васъ, не сказавши вамъ прощальнаго слова (кстати, я выслалъ вамъ въ письмѣ къ Анненкову билетъ на полученіе шубы, причемъ прошу у васъ извиненія въ томъ, что давно этого не сдѣлалъ). Анненковъ мнѣ ничего не написалъ объ вашемъ здоровьѣ; онъ предпочелъ наполнить свою записку той аттической солью своего остроумія, которая иногда, къ изумленью, какъ говоритъ Гоголь, напоминаетъ вкусъ славянскаго бузуна.—Надѣюсь, что д-ръ Тира вамъ помогъ: прошу васъ написать мнѣ объ этомъ. Мнѣ нечего васъ увѣрять, что всякое хорошее извѣстіе объ васъ меня обрадуетъ; я хотя и мальчишка, какъ вы говорите, и вообще человѣкъ легкомысленный, но любить людей хорошихъ умѣю и надолго къ нимъ привязываюсь. Въ теченіе этого времени я ничего не сдѣлалъ путнаго; написалъ однако еще два большихъ очерка. Старые я переписалъ и отправилъ къ Некрасову. Если до вашего пріѣзда въ Петербургъ ихъ еще не напечатали, сдѣлайте божескую милость, возьмите на себя корректуру. Самъ я надѣюсь, если какая-нибудь дьявольщина не помѣшаетъ, явиться въ Петербургъ къ Новому Году. Пока—я ничего не могу сказать положительнаго. Что будетъ, то будетъ—великое слово фаталистовъ и людей безмозглыхъ, какъ я. По прибытіи въ Петербургъ поклонитесь пожалуйста отъ меня нижайше всей вашей семьѣ, всѣмъ друзьямъ—и напишите мнѣ два слова; вы меня этимъ очень обяжете.—Да, ради Бога, обратите вниманіе на вашу кухню—а то опять вы себѣ разстроите желудокъ. А теперь прощайте. Ото всего сердца желаю, чтобы ваша поѣздка не оказалась безполезной и дала бы вамъ новыя силы. Крѣпко обнимаю васъ. До свиданья.

Вашъ Тургеневъ.»

Къ стр. 260. «Въ ожиданіи его, я нарочно промедлилъ въ Парижѣ дня три. Что это значитъ?»—такъ въ сборникѣ «Дѣло»; въ текстѣ собранія Пыпина этихъ словъ нѣтъ.

— Письмо къ П. В. Анненкову отъ 17 сентября 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ П. В. Анненкова въ февралѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина; полностью было напечатано въ книгѣ «П. В. Анненковъ и его друзья» (СПБ., 1892).

— Письмо помѣчено 29 сентября—по новому стилю.

Къ стр. 264. «Пошелъ къ Щепкину»—Дмитрію Михайловичу (1817—1857), сыну знаменитаго артиста, М. С. Щепкина. О немъ Бѣлинскій говоритъ еще въ письмѣ къ Анненкову отъ 20 ноября 1847 г. (стр. 289—290). Это тотъ самый Щепкинъ, который упоминался въ помѣщенныхъ въ I томѣ письмахъ московскаго періода жизни Бѣлинскаго (братъ «барышни» въ письмѣ къ Н. В. Станкевичу отъ 29 сент.—8 окт. 1839 г.). Впослѣдствіи Д. М. Щепкинъ сталъ довольно извѣстнымъ археологомъ. Въ 1859—1861 г.г. вышла его книга «Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія», въ двухъ выпускахъ; при первомъ выпускѣ была помѣщена краткая его біографія.

— «Финке»—Георгъ-Эрнстъ-Фридрихъ (1811—1875), прусскій политическій дѣятель, впервые выдвинувшійся въ соединенномъ ландтагѣ 1847 г. своей энергичной защитой конституціонныхъ принциповъ.

— «захватить диктатурою конституцію»—въ подлинникѣ: «захватить диктатурою конституціонною».

Къ стр. 265. «Мирославскій»—такъ въ подлинникѣ; теперь пишутъ: «Мѣрославскій». Этотъ знаменитый польскій революціонеръ, участвовавшій въ нѣсколькихъ возстаніяхъ, былъ тогда, дѣйствительно, приговоренъ къ смертной казни; но казнь была замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ. Въ 1848 г. былъ освобожденъ, благодаря вызванной успѣхами революціи амнистіи.

Къ стр. 266. «Н. И. Сазонову»—Николаю Ивановичу (1813—1863).

— «Б—ну»—вѣроятно, М. А. Бакунину.

— Письмо къ В. П. Боткину отъ 4—8 ноября 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (250—271) съ копіи, писанной рукой Н. Х. Кетчера. Въ «Русскомъ Словѣ», 1859, кн. XI, впервые въ печати появилась выдержка изъ этого письма, перепечатанная потомъ въ «Сѣверной Пчелѣ», 1859, № 247. Затѣмъ письмо это было напечатано, хотя и съ довольно значительными пропусками и сокращеніемъ именъ нѣкоторыхъ лицъ, въ СПБургскихъ Вѣдомостяхъ», 1869, №№ 187—188, куда оно было доставлено Скандовскимъ. Находившаяся въ распоряженіи Пыпина копія Кетчера называетъ всѣ имена полностью, даетъ возможность возстановить всѣ пропуски и исправить нѣкоторыя мелкія неточности. Напечатаніе этого письма въ «СПБургскихъ Вѣдомостяхъ» вызвало много шума и толковъ во всѣхъ газетахъ и журналахъ того времени и привело, между прочимъ, А. А. Краевскаго къ напечатанію въ своей газетѣ «Голосъ» нѣсколькихъ выдержекъ изъ писемъ къ нему Бѣлинскаго (перечень всей этой литературы приложенъ къ книгѣ Пыпина).

— Того же 4-го ноября по поводу участія московскихъ друзей Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» писалъ и Некрасовъ Кетчеру (печатается по тексту собранія Пыпина):

«*СПБ. 1847. Ноября 4-го.*

Любезный Николай Христофоровичъ!

Первую часть твоего перевода мы получили—поздно, да дѣлать нечего—причина законная. Въ 12-ой книжкѣ этого романа печатать нельзя,

ибо онъ, кажется, будетъ листовъ 15 печатныхъ—на одну книжку много, а переносить на слѣдующій годъ неудобно. Первая книжка у насъ, вѣроятно, обойдется безъ переводныхъ статей, — итакъ романъ этотъ, вѣроятно, понадобится на вторую, т.-е. въ январѣ вторая часть должна быть у насъ.

Скажу тебѣ, любезный другъ, что объявленіе въ 11-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» (гдѣ означены заготовленными статьи многихъ нашихъ сотрудниковъ, самыхъ капитальныхъ, и на которыхъ основывался перевѣсъ нашего журнала) насъ чрезвычайно сконфузило. Я еще понемногу крѣплюсь, но Бѣлинскій впалъ въ совершенное уныніе, которое въ самомъ дѣлѣ весьма основательно. Какъ ни смотри на дѣло, а «Современникъ» все-таки находится въ соперничествующемъ отношеніи къ «Отечественнымъ Запискамъ». Чѣмъ же онъ могъ взять верхъ надъ ними? Явнымъ перевѣсомъ, но перевѣсъ этотъ уничтоженъ: публика видитъ теперь, что въ «Отечественныхъ Запискахъ» она будетъ имѣть статьи тѣхъ же, которыхъ получила бы и въ «Современникѣ», а между тѣмъ къ этому еще у «Отечественныхъ Записокъ» перевѣсъ девятилѣтней хорошей репутаціи, исправности доказанной, привычки и пр. Ты скажешь, перевѣсъ остался въ Бѣлинскомъ? Но въ нынѣшнемъ году у насъ статей Бѣлинскаго почти не было, и, стало быть, въ глазахъ публики и этого перевѣса не существуетъ, ибо не имѣетъ она основанія думать, что въ слѣдующемъ году Бѣлинскій будетъ дѣятельнѣе.

Ты еще, можетъ быть, скажешь, что найдутся подписчики и для насъ и для него. Нѣтъ, выписывать два журнала съ однимъ направленіемъ и съ одинаковыми сотрудниками—не у многихъ явится охота.

Конечно, у насъ остались еще нѣкоторыя преимущества, но они извѣстны только намъ, и публика въ нихъ входить не можетъ и не станетъ. Они обнаружатся, но уже будетъ поздно: дѣло все рѣшатъ послѣдніе два мѣсяца нынѣшняго года, и нѣтъ сомнѣнія, значительной прибыли подписчиковъ намъ ожидать нельзя. Я положительно увѣренъ, что у насъ прибудетъ развѣ какихъ-нибудь сто подписчиковъ.

Между тѣмъ, мы въ нынѣшнемъ году слишкомъ 25 тысячъ въ убыткѣ (въ декабрѣ, послѣ 12-ой книжки, я окончу годовой счетъ и, пожалуй, пришлю тебѣ копію для подтвержденія этого). Надѣясь на слѣдующій годъ, мы тратили безъ оглядки: мы дали 400 листовъ вмѣсто 250, мы дали оригинальныхъ листовъ двумя третями больше, чѣмъ «Отечественныя Записки». Сообрази эту разницу: переводный листъ относится къ оригинальному, какъ 50 руб. асс. къ 175. Наконецъ, мы платили съ листа больше, и значительно! Конечно, все это мы дѣлали добровольно, но если бы мы знали, что намъ должно надѣяться только на себя, необходимость заставила бы насъ дѣйствовать иначе. Конечно, можетъ быть, мы не должны были простирать такъ далеко своихъ надеждъ, но за ошибку мы платимся слишкомъ сильно.

Даже свистунъ Панаевъ и тотъ пріунылъ и ходитъ живымъ упрекомъ мнѣ, и можешь представить, какъ пріятно мое положеніе: никто тутъ не виноватъ, потому что я затѣялъ дѣло и втянулъ Панаева, я за все брался и ручался,—конечно, я виноватъ,—и еще болѣе тѣмъ виноватъ, что въ моихъ рукахъ все-таки было настолько средствъ, чтобъ вести дѣло безъ

убытковъ, только не претендуя на первенство между журналами. Но я не сообразилъ и не предвидѣлъ.

Я знаю, что наши пріятели худа намъ не желаютъ, а желаютъ добра, но увѣряю тебя, что въ настоящемъ случаѣ они сдѣлали гораздо больше вреда намъ, чѣмъ пользы Краевскому.

Пожалуйста, этого письма никому не показывай; я не имѣю причины претендовать ни на кого; они въ своемъ правѣ, — тѣмъ болѣе, что не отказываются работать и у насъ, за что все-таки я не могу не благодарить ихъ. Отвѣчай мнѣ.

Весь твой Н. Некрасовъ.

Твой братъ тебѣ кланяется. Онъ иногда бываетъ у Тютчева на сборищахъ по субботамъ. Поклонись Сатину, котораго я очень полюбилъ».

— «около трехъ съ половиною печатныхъ листовъ» — это помѣщенный въ 11-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г. «Отвѣтъ Москвитянину».

Къ стр. 267. «выходка покойнаго Майкова»—послѣ ухода Бѣлинскаго изъ «Отечественныхъ Записокъ» В. Н. Майковъ принялъ на себя веденіе въ этомъ журналѣ критическаго отдѣла и велъ его до самой своей смерти (15 іюля 1847 г.).

— «главныхъ ихъ сотрудниковъ»—конечно, должно быть такъ. И въ кетчеровской копіи, и въ «СПБургскихъ Вѣдомостяхъ»: «главныхъ его сотрудниковъ».

Къ стр. 270. «Дудышкинъ»—Степанъ Семеновичъ (1820—1866). Статья его о Фонвизинѣ была напечатана въ 8-ой и 9-ой книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г. Надежды Бѣлинскаго на Дудышкина не оправдались: Дудышкинъ не только не порвалъ съ Краевскимъ, а напротивъ очень сблизился съ нимъ и сдѣлался черезъ нѣкоторое время фактическимъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ».

— «на книжку Григорьева»—въ 6-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г. была напечатана большая рецензія о вышедшей въ 1847 г. книгѣ В. В. Григорьева «Еврейскія религіозныя секты въ Россіи».

Къ стр. 271. Вердеревскій—Евгеній Александровичъ; началъ свою литературную дѣятельность въ 20-хъ годахъ, а закончилъ въ 50-хъ. Писалъ преимущественно стихами, но оставилъ и нѣсколько прозаическихъ произведеній.

— «Заблоцкій»-Десятовскій, Андрей Парѳеновичъ (1807—1881); въ то время служилъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. Былъ убѣжденнымъ противникомъ крѣпостного права. Написалъ много трудовъ по политической экономіи и статистикѣ.

— «превосходнѣйшую статью»—эта статья Заблоцкаго была напечатана въ 5-ой и 6-ой книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г.

— «статью о золотыхъ пріискахъ въ Сибири» — въ 6—12 книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г. и въ 1 и 2 книжкахъ за 1848 г. было напечатано 8 статей подъ заглавіемъ: «Разсказы о сибирскихъ золотыхъ пріискахъ». Первыя статьи не были подписаны, 4-ая статья была

подписана иниціалами «П. Н.», а подъ 7-ой и 8-ой появилась полная подпись: «П. Небольсинъ».

Къ стр. 272. «Милютинъ»—Владиміръ Алексѣевичъ (1826—1855). Первая статья его, сразу же обратившая на него всеобщее вниманіе, «Пролетаріи и пауперизмъ», была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1846 г.

— «изъ его статьи о Мальтусѣ»—въ 8-ой и 9-ой книжкахъ «Современника» были напечатаны двѣ статьи В. А. Милютина подъ заглавіемъ «Мальтусъ и его противники».

— «Веселовскій»—Константинъ Степановичъ (1819—1901); извѣстенъ, главнымъ образомъ, своими статистическими работами.

— Изъ намѣченнаго Бѣлинскимъ на 1848 г. почти ничто не было осуществлено; была лишь напечатана статья «Взглядъ на русскую литературу 1847 года» въ 1-ой и 3-ей книжкахъ «Современника», да нѣсколько небольшихъ рецензій въ первыхъ четырехъ книжкахъ журнала.

Къ стр. 275. «Николаю Петровичу»—Боткину.

Къ стр. 276. «Помбаль»—знаменитый португальскій государственный дѣятель эпохи просвѣщеннаго абсолютизма (1699—1782).

Къ стр. 277. «какой-нибудь Головачевъ» — Григорій Филипповичъ (1818—1880); онъ составлялъ компилятивныя статьи по всеобщей исторіи; такъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1847 г. напечатана большая статья «Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты», подписанная: «Г. Головачевъ».

Къ стр. 281. «вдовѣ Свиньина»—Павла Петровича (1788—1839), основавшаго въ 1818 г. «Отечественныя Записки», право на изданіе которыхъ перешло къ Краевскому отъ него.

Къ стр. 282. «укралъ тридцать копеекъ»—въ чемъ дѣло, выясняется изъ письма къ П. В. Анненкову отъ 20 ноября 1847 г. (стр. 294).

— «Бутковъ»—Яковъ Петровичъ (ум. въ 1856). Писалъ повѣсти изъ быта городского простонародья, печатавшіяся въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ 1845—1846 г.г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 2-хъ томахъ его «Петербургскія вершины».

— «далъ намъ повѣсть»—повѣсть эта, однако, не могла быть напечатана, такъ какъ, какъ видно изъ декабрскаго письма къ Боткину (стр. 323), Бутковъ не доставилъ ея окончанія. И въ 1848 г. въ «Современникѣ» не появилось ни одной повѣсти Буткова; наоборотъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1848 г. было напечатано три его повѣсти: «Новый Годъ» (т. LVI), «Темный человѣкъ» (т. LVII) и «Невскій проспектъ, или путешествія Нестора Залетаева» (т. LIX).

— «двѣ его повѣсти въ «Отечественныхъ Запискахъ»—это «Горюнъ» («Отеч. Зап.», т. LI) и «Кредиторы, любовь и заглавія» («Отеч. Зап.», т. LIV).

Къ стр. 283. «Крешевъ»—Иванъ Петровичъ (ум. въ 1859), извѣстный въ свое время переводчикъ; авторъ и нѣсколькихъ оригинальныхъ стихотвореній и статей.

— «испанскаго-то перцу ты все-таки подсыпалъ» — въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1847 г. (т.т. LIV и LV) были напечатаны двѣ статьи Боткина, озаглавленныя: «Антоніо Пересъ и Филиппъ II». Статьи эти не были подписаны.

— «статья Заблоцкаго» — упоминавшаяся уже статья въ 5-ой и 6-ой книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г.

Къ стр. 284. Разбору сочиненія С. М. Соловьева «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» посвящены три статьи К. Д. Кавелина: въ 8-ой и 12-ой книжкахъ «Современника» за 1847 г. и въ 5-ой за 1848 г.

— «статья о государственномъ хозяйствѣ при Петрѣ Великомъ» — помѣщенная въ 5-ой и 7-ой книжкахъ «Современника» за 1847 г., по рекомендаціи Кавелина, статья А. Н. Афанасьева (1826—1871), его университетскаго слушателя, впослѣдствіи извѣстнаго этнографа и библіографа.

— «статьи господина Фролова» — въ 9-ой книжкѣ «Современника» была напечатана статья Н. Г. Фролова «Исправительныя тюрьмы въ Швейцаріи», а съ 10-ой книжки начался цѣлый рядъ его статей, подъ заглавіемъ «Александръ фонъ-Гумбольдтъ и его Космосъ».

Къ стр. 286. «Перевощикова» — извѣстнаго астронома, упоминавшагося въ I томѣ (стр. 21, 383).

— «Противорѣчій» — эта повѣсть съ подзаголовкомъ «повѣсть изъ повседневной жизни» и съ посвященіемъ В. А. Милютину была напечатана въ 11-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г. за подписью «М. Непановъ».

— «Эпизодъ изъ жизни деревенской дамы» — повѣсть Маріи Семеновны Жуковой (1801—1853). Была напечатана въ 5-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г.

— «Вѣры» — этотъ романъ въ 3-хъ частяхъ былъ напечатанъ въ 6-ой 7-ой и 8-ой книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г. Подъ нимъ подпись: «И. К. О.».

— «Хозяйки» — эта повѣсть была напечатана въ 10-ой и 12-ой книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г., такъ что Бѣлинскій не зналъ ея окончанія во время написанія этого письма.

Къ стр. 287. «повѣсть Григоровича» — «Антонъ-Горемыка».

— «Мою статью страшно ошельмовали» — это напечатаный въ 11-ой книжкѣ «Современника» «Отвѣтъ Москвитянину», о которомъ говорится и въ началѣ письма.

Къ стр. 288. Письмо къ П. Н. Кудрявцеву отъ 8 ноября 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. Д. Галахова и Копосова. Печатается впервые.

Къ стр. 289. Письмо къ П. В. Анненкову отъ 20 ноября 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ П. В. Анненкова въ февралѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью было напечатано въ книгѣ «П. В. Анненковъ и его друзья» (СПБ., 1892).

— До написанія этого письма Бѣлинскій получилъ слѣдующее, печатаемое по тексту собранія Пыпина, письмо Тургенева съ припиской Анненкова:

«Парижъ, 26/14 ноября 47-го г.

Что-жъ это вы не откликнетесь, отецъ и командиръ? Четыре недѣли тому назадъ пустилъ я къ вамъ письмо — и хоть бы строчку въ отвѣтъ. Нехорошо, ей Богу, нехорошо. И главное, непоощрительно для нашего

брата, который готовъ исправиться, но требуетъ, чтобы его за хорошее намѣренье по головкѣ погладили. Впрочемъ, мы здѣсь всѣ теперь удовлетворены: №№ «Современника» достигли, наконецъ, береговъ Сены. Мы ихъ теперь читаемъ съ волчьей жадностью. И во-первыхъ скажите отъ меня Некрасову, что его стихотвореніе въ 9-ой книжкѣ меня совершенно съ ума свело; денно и нощно твержу я это удивительное произведеніе— и уже наизустъ выучилъ. «Вотъ эдакихъ бы людей-то сѣчь-то» и т. д.— Круповъ восхитителенъ; письма также. Изъ статьи о Гумбольдтѣ (которую я, разумѣется, не прочту) мнѣ пріятно заключить, что другъ нашъ, Н. Г. Фроловъ, продолжаетъ, по вашему выраженію, держаться на высотѣ ума. Эдакъ онъ, пожалуй, допотѣетъ до учености. Тѣмъ болѣе заслуги съ его стороны. Ждемъ теперь 11-го № и вашей статьи. Да поторопите контору. Словомъ, «Современникъ» идетъ хорошо. Одно: опечатки! Ни въ одномъ трактирномъ тюфякѣ, ни въ одной женской кровати нѣтъ столько блохъ и клоповъ, какъ опечатокъ въ «Современникѣ». Въ моихъ «Отрывкахъ» я ихъ насчиталъ 22 важныхъ, иногда обидно искажающихъ смыслъ — «сторожился» вмѣсто «сторонился», «ложась» вмѣсто «ложились» (вслѣдствіе чего выходитъ, что мальчишки бѣгаютъ ложась) — фразы цѣликомъ пропущены и т. д. Сіе есть непріятно. Нельзя ли хоть на будущій годъ взять корректора? Ась? Скажите это г.г. издателямъ. Вы, небось, захотите отъ меня теперь парижскихъ новостей?—Гмъ—Вопросъ затруднительный. Вышла 2-ая часть исторіи Мишле, которую умные люди хвалятъ.—Брошюра одного старика, современника революціи — «Le Robespierre de M-r de Lamartine», въ которой онъ доказываетъ, что Ламартинъ сочинилъ небывалаго Робеспьера.—Я ея не читалъ, но прочту.— Къ крайнему моему горю, «Клеопатра», трагедія г-жи де Жирардень, удалась, т.-е. имѣла успѣхъ, потому что удасться въ другомъ смыслѣ она не могла.—Клеопатра и г-жа де Жирардень, поддерживаемая г-мъ Теофилемъ Готье!—Смѣхъ и горе!—Безсильные евнухи, пигмеи и синіе чулки— и женщина, переварившая двухъ людей, какъ Цезарь и Антоній, и подавившаяся только на третьемъ, Октавіи!—Вотъ пока, кажется, все. Музыкальныя новости васъ мало интересуютъ—политическихъ я не знаю, художественныя тоже васъ не очень волнуютъ... Перейдемъ къ обыкновеннымъ матеріямъ.

Всѣ мы здѣсь, по мѣрѣ возможности, здоровы. Я работаю усердно, ей Богу. На дняхъ я послалъ еще разсказецъ Некрасову, а черезъ недѣлю пошлю д в а большихъ.—Вотъ мы какъ дѣйствуемъ! Отъ Герцена изрѣдка приходятъ письма. Онъ тоже работаетъ. Изъ программы «Современника» вижу я, что хотятъ печатать моего поручика Пѣтушкова. Такъ какъ они мнѣ его не вышлютъ, то будьте великодушны, отмѣтьте карандашомъ мѣста слабыя и попросите отъ меня Некрасова въ нѣсколькихъ словахъ ихъ исправить—какъ-то: я с н о сказать, что Василиса его любовницей сдѣлалась и пр. и пр. — Совѣстно мнѣ его утруждать — у него, чай, и безъ того хлопотъ полонъ ротъ—да дѣлать нечего. Къ альманаху его, скрѣпя сердце, кончу «Маскарадъ» — и закаюсь писать стихи. Затѣялъ я тоже статью подъ названьемъ «Славянофильство и Реализмъ»—можетъ быть, хорошо выйдетъ. Вообще, я не намѣренъ тратить время по пустому.

Ну, а вы что, отецъ? Какъ ваше здоровье? Напишите хоть словечко

Въ ожиданьи отвѣта жму вамъ руку крѣпко на крѣпко, кланяюсь всему вашему семейству и всѣмъ друзьямъ. — Холера къ вамъ успѣла пожаловать? Смотрите, будьте осторожны. Я не франкирую письма въ надеждѣ, что и вы такъ со мной поступите. Прощайте; будьте здоровы и веселы.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

И мы живемъ, Бѣлинскій, хотя не давая тѣхъ особенныхъ признаковъ жизни, какими можетъ похвастаться пріятель, выше сего писавшій. Знаете ли, что я тоже отъ одурѣнія скуки сталъ писать повѣсть и совершенно не знаю, просто ли она дурна или отвратительно дурна. Вы мнѣ это скажете, когда я перешлю ее. Письмецо въ «Современникъ» послалъ и на дняхъ перешлю къ Герцену полученные нами №№ книжки.

Я встрѣтилъ недавно Тира-Мальмора и переговорилъ съ нимъ на счетъ новой пересылки его лѣкарствъ, если они вамъ понадобятся. Вамъ стоитъ только написать, а хотѣлось бы знать, какъ живется внутри васъ. Сіе сдѣлайте.

Кланяюсь всему вашему семейству. Adieu.

П. Анненковъ».

— «которое въ васъ»—въ подлинникѣ «въ» пропущено.

— «Лепсіусу»—Рихарду (1810—1884), знаменитому нѣмецкому египтологу и археологу.

Къ стр. 296. «напечаталъ у него первую половину повѣсти, а второй половины не написалъ, да и никогда не напишетъ»—рѣчь идетъ о «Хозяйкѣ», начало которой было напечатано въ 10-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г.; конецъ ея появился въ 12-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за тотъ же годъ.

Къ стр. 297. «мой авторъ «Кирюши»—эта повѣсть П. В. Анненкова была напечатана въ 5-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г.

— «мальчишка нашъ»—И. С. Тургеневъ.

— «Въ той же книжкѣ»—въ 11-ой за 1847 г.

— Письмо къ К. Д. Кавелину отъ 22 ноября 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма впервые приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русской Мысли», 1892, кн. 1.

— «гіероглифами»—какъ указываетъ въ примѣчаніи редакція «Русской Мысли», Кавелинъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ писалъ, дѣйствительно, очень неразборчиво, въ 60-хъ же и 70-хъ годахъ, напротивъ, выработалъ себѣ очень четкій и красивый почеркъ.

— «отзывъ вашъ о моей статьѣ»—рѣчь идетъ о статьѣ Бѣлинскаго по поводу «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» Гоголя.

Къ стр. 298. «поприще мое кончилось» — вотъ, между прочимъ, что писалъ Краевскому Боткинъ 3 апрѣля 1847 г., незадолго до отъѣзда Бѣлинскаго за границу: «скажу вамъ по секрету: я считаю литературное поприще Бѣлинскаго покончennымъ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло. Теперь нужно и больше такта, и больше знанія. Еще о русской литературѣ онъ можетъ говорить (да и она у него, увы, сдѣлалась рутиною), а чуть не-

много выходитъ изъ нея, изъ рукъ вонъ плохо: доказательствомъ, напримѣръ, рецензія его въ 3 № «Современника» на романы Дюма» («Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки» за 1889 г., приложеніе, стр. 79).

— «согласіе князя съ вѣчемъ» — въ подлинникѣ: «согласіе князя съ вече».

Къ стр. 299. «Поповымъ»—Александромъ Николаевичемъ (1821—1877), университетскимъ товарищемъ Кавелина, примкнувшимъ къ славянофильству, уже тогда извѣстнымъ своими работами по исторіи русскаго права.

— «статью Кавелина»—это напечатанный въ 12-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г. «Отвѣтъ Москвитянину», содержащій возраженія на разборъ Самарина статьи Кавелина «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи».

— «Срезневскій»—Измаилъ Ивановичъ (1812—1880), профессоръ, славистъ.

Къ стр. 300. «посвящалъ васъ въ тайны этой науки»—съ осени 1834 г; съ Кавелинымъ Бѣлинскій занимался русскимъ языкомъ, исторіей и географіей, по рекомендаціи кн. Черкасскаго.

— «по примѣру прошлаго года»—въ напечатанной въ 1-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г. статьѣ Бѣлинскаго «Взглядъ на русскую литературу 1846 г.» вставленъ обзоръ литературы по русской исторіи, написанный Кавелинымъ.

Къ стр. 301. «Милютина зовутъ Владиміромъ Александровичемъ»—Бѣлинскій здѣсь ошибается: Милютина звали Владиміромъ Алексѣевичемъ.

Къ стр. 303. «была бы выкинута комедія»—въ 12-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г. была напечатана комедія Шекспира «Много шуму изъ ничего», въ переводѣ А. И. Кронеберга.

— Письмо къ К. Д. Кавелину отъ 7 декабря 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (272—279). Извлеченія изъ этого письма впервые приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью было напечатано въ «Русской Мысли», 1892, кн. 1.

— «объ отставкѣ Строганова»—гр. С. Г. Строгановъ былъ попечителемъ съ 1835 по 1847 г. На его мѣсто былъ назначенъ Д. П. Голохвастовъ.

Къ стр. 306. «Студитскій»—Александръ Ефимовичъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Москвитянина» по отдѣлу критики и библіографіи. Переводилъ также стихами Байрона и Шекспира.

— «Брантъ»—Леонидъ Васильевичъ; въ 40-хъ гг. былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества»; нѣкоторыя его произведенія выходили и отдѣльными изданіями.

Къ стр. 307. «вашу статейку на Погодина» — въ 8-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г., въ отдѣлѣ «Смѣси», была, между прочимъ, помѣщена статья «Возрожденіе Москвитянина. Что такое статья Погодина о трудахъ г.г. Бычкова, Бѣляева, Калачева, Кавелина и Соловьева по части русской исторіи?» Эта замѣтка по поводу разбора Погодинымъ трудовъ всѣхъ названныхъ ученыхъ, помѣщеннаго въ 1-ой книжкѣ «Москвитянина» за 1847 г., написана Кавелинымъ, но напечатана безъ его подписи.

Къ стр. 308. «съ Н. М. Щепкинымъ»—въ «Русской Мысли»: «съ Д. М. Щепкинымъ», и сдѣлано примѣчаніе, поясняющее, кто такое былъ Д. М. Щепкинъ.

Къ стр. 309. «въ первой же книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» была ваша статья»—это статья о «Критическихъ отрывкахъ» М. Погодина; затѣмъ въ 1847 г. Кавелинымъ были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» еще двѣ статьи объ «Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ» Погодина.

Къ стр. 313. «не вся напечатана въ 12 №»—окончаніе ея появилось въ 5-ой книжкѣ «Современника» за 1848 г.

— «я писалъ къ нему туда, со вложеніемъ письма къ Кудрявцеву»—оба эти письма неизвѣстны.

— Письмо къ П. В. Анненкову, безъ даты, относящееся, какъ видно изъ его содержанія, къ началу декабря 1847 г., печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ П. В. Анненкова въ февралѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма впервые приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью было напечатано въ книгѣ «П. В. Анненковъ и его друзья» (СПБ., 1892).

— «получаете изъ Берлина» — до Берлина это письмо довезъ, вѣроятно, кто-нибудь изъ друзей или знакомыхъ Бѣлинскаго, такъ какъ посылать его русской почтой Бѣлинскій, очевидно, не рѣшался.

Къ стр. 314. «Государь Императоръ»—въ подлинникѣ здѣсь и вездѣ дальше сокращенно: «Г. И.»

— «Маслова»—Степана Алексѣевича (1793—1879); былъ извѣстенъ главнымъ образомъ своею дѣятельностью въ области сельскаго хозяйства.

— «Жихаревъ»—Степанъ Петровичъ (1787—1860), авторъ извѣстныхъ «Записокъ Современника».

Къ стр. 316. «къ Орлову»—гр. Алексѣю Ѳедоровичу (1788—1861), съ 1844 г. бывшему шефомъ жандармовъ.

— въ 1000 разъ болѣе»—въ подлинникѣ «разъ» пропущено.

Къ стр. 318. «по дѣлу Клевенскаго»—можетъ быть, Клевецкаго, предсѣдателя управы благочинія, о дѣлѣ котораго есть упоминаніе въ «Запискахъ и Дневникѣ» А. В. Никитенко отъ 2 апрѣля 1847 г. (изд. 2-ое, СПБ., 1905, т. I, стр. 369).

— «Брянчанинова»—о немъ см., между прочимъ, въ X главѣ «Былого и Думъ».

— «вѣрующій другъ мой»—М. А. Бакунинъ.

Къ стр. 319. «остановленъ переводъ «Пиччинино»—въ 6-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г. были напечатаны 1-ая часть и начало 2-ой части этого романа Жоржъ-Зандъ.

— «Манонъ Леско»—романъ французскаго писателя Антуана Франсуа Прево Д'Эгзила (1697—1763).

— «Леонъ Леони»—романъ Жоржъ Зандъ.

— «нѣкто Кулешъ...»—въ №№ 17, 18 и 19 журнала «Звѣздочка» за 1846 г. была напечатана «Повѣсть объ украинскомъ народѣ», за подписью «П. Кулѣшъ» (П. А. Кулишъ). Обо всемъ разсказанномъ здѣсь Бѣлинскимъ эпизодѣ записалъ и А. В. Никитенко въ «Запискахъ и Дневникѣ» 5—17 мая 1847 г. (Изд. 2-ое, СПБ., 1905, т. I, стр. 371—373).

— «Мусинъ-Пушкинъ» — Михаилъ Николаевичъ (1795 — 1862); съ 1829 г.—попечитель казанскаго учебнаго округа, съ 1845—петербургскаго; занималъ также должность предсѣдателя цензурнаго комитета.

Къ стр. 320. «Домби и сынъ» печатался тогда и въ «Современникѣ», и въ «Отечественныхъ Записках».

Къ стр. 321. Письмо къ В. П. Боткину, помѣченное декабремъ 1847 г., безъ указанія числа, печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Извлеченія изъ него приведены въ книгѣ Пыпина; новыя выдержки даны Е. А. Ляцкимъ при 2-мъ изданіи книги Пыпина. Полностью печатается впервые.

— «за исторію»—въ подлинникѣ: «на исторію».

— «противъ него была»—въ подлинникѣ: «противъ меня была».

Къ стр. 323. «въ 1 № помѣстить конца нельзя»—онъ былъ помѣщенъ, какъ мы уже указывали въ примѣчаніи къ стр. 313-ой, въ 5-ой книжкѣ «Современника» за 1848 г.

— «о «Полинькѣ Саксъ»—эта повѣсть А. В. Дружинина напечатана въ 12-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г.

— «конца своей повѣсти не доставилъ»—говорится, вѣроятно, о той же повѣсти, что и въ письмѣ къ Боткину отъ 4 — 8 ноября 1847 г. (стр. 282).

Къ стр. 324. «Записки Человѣка» А. Д. Галахова были напечатаны въ 12-ой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за обычной подписью Галахова «Сто-одинъ». Продолженіе ихъ печаталось въ «Отечественнахъ Записках» 1848 г., причемъ тонъ этихъ «Записокъ» былъ уже замѣтно измѣненъ и смягченъ, вслѣдствіе высказаннаго митрополитомъ московскимъ Филаретомъ неудовольствія по поводу первыхъ главъ.

Къ стр. 325. «Оттилію»—романъ Гете «Wahlverwandschaften» («Совр.», 1847, кн. 7—8).

— «Дюкло»—Шарль-Пино (1704—1772), французскій историкъ, исполнявшій обязанность королевскаго исторіографа. Писалъ романы и историческія сочиненія. Здѣсь Бѣлинскій говоритъ о его «Mémoires secrets sur les règnes de Louis XIV et XV» (напечатано во Франціи лишь въ 1791 г., уже послѣ смерти Дюкло).

— «о письмахъ Герцена»—«Письма изъ Avenue Marigny» печатались тогда въ «Современникѣ»: первыя три — въ 10-ой книжкѣ, четвертое — въ 11-ой.

Къ стр. 327. «Піа» — въ подлинникѣ: «Пія». Въ 6-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г. было напечатано «Письмо изъ Парижа» (6-ое) П. В. Анненкова, въ которомъ онъ говоритъ «о драмѣ Феликса Піята «Вѣтошникъ» (Le Chiffonier)».

— «г. Арапетовъ»—Иванъ Павловичъ (1811—1887), впослѣдствіи одинъ изъ дѣятелей крестьянской реформы.

— «гдѣ IV-е письмо» — это 8-ая книжка «Современника» за 1847 г.; 1-ое и 2-ое письмо Павлова къ Гоголю были напечатаны въ 5-ой книжкѣ, а 3-ье такъ и не было перепечатано.

Къ стр. 330. «Жакъ Лафитъ»—(1767—1844), французскій банкиръ и государственный дѣятель, нажившій огромное состояніе, но впослѣдствіи разорившійся, именно благодаря своей политической дѣятельности.

— «сатиру Гранжа»—такъ въ подлинникѣ; Жозефъ Лагранжъ Шансель (1677—1758) — извѣстный французскій драматургъ и сатирикъ. За три написанныя имъ противъ регента сатиры, подъ заглавіемъ «Philippiques»,

былъ заключенъ въ тюрьму, откуда бѣжалъ въ Испанію и Голландію, гдѣ написалъ еще четвертую и пятую сатиры; могъ вернуться во Францію лишь по смерти регента.

Къ стр. 331. «все тою же натурою» — въ подлинникѣ: «все то натурою».

— «на Руси рѣшительно невозможно» — въ подлинникѣ «невозможно» пропущено.

Къ стр. 333. Письмо къ Д. П. Иванову отъ 10 декабря 1847 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые.

Къ стр. 334. Отрывокъ изъ письма къ А. Д. Галахову печатается по тексту собранія Пыпина. Самаго письма къ Галахову въ собраніи Пыпина нѣтъ, но имѣется письмо Галахова къ Кудрявцеву, въ которое вставленъ Галаховымъ этотъ отрывокъ.

Вотъ это письмо:

«1848, января 11.

Любезный другъ! Давнымъ давно Бѣлинскій спрашивалъ меня, куда вамъ переслать деньги (600 руб. асс.) за повѣсть «Безъ Разсвѣта». На вопросъ мой—уже по возвращеніи вашемъ въ Москву—вы отвѣчали, что вы не считаете себя въ правѣ получить эти деньги, такъ какъ повѣсть презентована вами Бѣлинскому въ его альманахъ. На увѣдомленіе мое объ отвѣтѣ вашемъ, вотъ что пишетъ Бѣлинскій, отъ 4 января:

(слѣдуетъ напечатанный въ текстѣ отрывокъ изъ письма Бѣлинскаго къ Галахову).

Это отъ Бѣлинскаго, теперь отъ меня.

Я виноватъ передъ вами, любезный другъ, даже невѣжливъ, что до сихъ поръ не былъ у васъ на новой квартирѣ, тогда какъ вы у меня были нѣсколько уже разъ. Но—меня извиняютъ обстоятельства.

Вчера мы въ одно время давали урокъ въ В. Д. Въ 3½ часа мнѣ очень хотѣлось повидать васъ, да помѣшали власти, васъ окружившія. Устрашенный ими, я удалился съ досадой и горестью. До свиданья.

Вашъ А. Г.».

Къ стр. 335. Письмо къ П. В. Анненкову отъ 15 февраля 1848 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ П. В. Анненкова въ февралѣ 1874 г. Извлеченія изъ него впервые приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью было напечатано въ книгѣ «П. В. Анненковъ и его друзья» (СПБ., 1892). Все это письмо написано рукой жены Бѣлинскаго, и только датировано самимъ Бѣлинскимъ.

— «2 № «Современника» вышелъ безъ моей статьи» — все-таки въ немъ было нѣсколько рецензій Бѣлинскаго.

— «диктую ее черезъ силу для 3-го» — это вторая статья, посвященная обзору русской литературы за 1847 г. (первая—въ 1-ой книжкѣ «Современника» за 1848 г.).

Къ стр. 337. «слабѣе прежнихъ» — «Записки Охотника» печатались въ «Современникѣ» въ такомъ порядкѣ: 1847, кн. 1: «Хорь и Калинычъ»;

1847, кн. 2: «Петръ Петровичъ Каратаевъ»; 1847, кн. 6: «Ермолай и Мельничиха», «Мой сосѣдъ Радиловъ», «Однодворецъ Овсянниковъ», «Льговъ»; 1847, кн. 10: «Бурмистръ», «Контора»; 1848, кн. 2: «Малиновая вода», «Уѣздный лѣкарь», «Бирюкъ», «Лебдянь», «Татьяна Борисовна и ея племянникъ», «Смерть».

Къ стр. 338. «повѣсть новую»—это «Разсказъ Алексѣя Дмитрича», во 2-ой книжкѣ «Современника» за 1848 г.

— «Изъ сочиненія доктора Крупова» было напечатано въ 9-ой книжкѣ «Современника» за 1847 г.

— «плюю въ рожу... Луи-Блану»—за то, конечно, что онъ не сумѣлъ понять Вольтера въ своей «Исторіи революціи».

Къ стр. 340. Письмо къ М. М. Попову отъ 27 марта 1848 г. печатается по тому тексту, который данъ въ журналѣ «Былое», 1906, окт., гдѣ оно впервые напечатано. Тамъ же изложенъ во всѣхъ подробностяхъ эпизодъ, вызвавшій приглашеніе Бѣлинскаго къ Л. В. Дуббельту. Два письма Попова къ Бѣлинскому съ приглашеніемъ явиться къ Дуббельту были напечатаны въ «Русской Старинѣ», 1882, ноябрь.

— М. М. Поповъ, бывшій гимназическій учитель Бѣлинскаго, письмо къ которому напечатано въ I томѣ, служилъ во время написанія этого письма въ III Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

— «Леонтій Васильевичъ» — Дуббельтъ (1792—1862), съ 1835 г. начальникъ штаба корпуса жандармовъ, съ 1839 г.—управляющій III отдѣленіемъ.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

Приводимъ письмо Бѣлинскаго къ А. А. Бееръ отъ 13 января 1838 г., печатаемое нами по тексту А. А. Корнилова («Рус. Мысль», 1912, XII);— см. наше примѣчаніе къ стр. 181 перваго тома настоящаго изданія.

Благодарю васъ за довѣренность, которой вы меня удостоили, и которой я знаю и побужденіе и цѣну. Я совершенно согласенъ съ вами насчетъ того, что Варвара Александровна не должна ѣхать въ Ивановское. Это-то ея неосторожное и необдуманное намѣреніе и заставило Мишеля ѣхать въ Козицыно. Письмо отца, о которомъ вы уже знаете, было второю важною причиною, побудившею его окончательно уяснить всѣ эти отношенія, сколько запутанныя, столько и пошлыя. Уѣзжая, онъ далъ мнѣ слово писать каждый день, и, по обыкновенію, не сдержалъ его, почему я насчетъ его семейства и его самого нахожусь въ такой же мучительной неизвѣстности, какъ и вы.

Почтеннѣйшій Александръ Михайловичъ является человѣкомъ очень двусмысленнымъ, такъ что многое, что мы всѣ приписывали извѣстной особѣ, должно теперь отнести къ его итальянской политикѣ. Ужасный человѣкъ! Я теперь принялъ за правило вѣрить только тѣмъ людямъ, которыхъ могу почитать родными себѣ по чувству и взгляду на вещи. Бога ради, не увидьте здѣсь скептицизма: люблю людей, но презираю пошляковъ, а между тѣми и другими большая разница, хотя тѣ и другіе равно необходимыя звенья въ цѣпи жизни.

Впрочемъ, я со дня на день болѣе и болѣе мирюсь съ прекраснымъ Божіимъ міромъ и увѣряюсь, что въ немъ все благо и истинно, даже и то, что прежде я почиталъ зломъ. Но съ

собою я еще не могу помириться, почему все еще живу въ пошлой области прекраснодушія. Извините за эти подробности о себѣ самомъ, которыхъ вы не требовали: я потому рѣшился говорить о нихъ, что ваше письмо пристыдило меня, показавъ мнѣ, что вы лучше меня успѣли понять жизнь, хотя я, и еще недавно, почиталъ себя ближе къ истинѣ....

II.

Въ библіографическомъ указателѣ статей и писемъ о Бѣлинскомъ Пыпинъ отмѣчаетъ подъ 1864 г. «Русскій Вѣстникъ», февр., стр. 694, сопровождая свою отмѣтку знакомъ вопроса. Указаніе это относится къ роману В. П. Клюшникова (племянника Ивана Петровича) «Марево». Герой послѣдняго получаетъ въ свое распоряженіе въ деревнѣ пачку старыхъ писемъ, среди которыхъ находится и приводимое ниже. Оно по своему стилю и внутреннему характеру принадлежитъ несомнѣнно Бѣлинскому, хотя и носитъ очевидные слѣды передѣлки и искаженій, имѣвшихъ, вѣроятно, цѣлью затушевать имя того, къ кому оно было направлено. Намъ кажется, что упомянутыя передѣлки и искаженія сравнительно ничтожны, и что основная часть текста является подлиннымъ письмомъ Бѣлинскаго къ И. П. Клюшникову. Насъ убѣждаютъ въ этомъ прежде всего раскрывающіяся въ письмѣ обстоятельства, совпадающія съ обстоятельствами жизни Бѣлинскаго въ 1844—1845 гг.; затѣмъ въ немъ встрѣчаются указанія на извѣстныя лица (Краевскій, Скобелевъ), съ которыми Бѣлинскій находился въ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Упреки, дѣлаемые авторомъ письма своему корреспонденту, за то, что онъ оставилъ оба кружка (здѣсь какое-то искаженіе) и удалился въ свое малороссійское помѣстье, какъ бы говорятъ за то, что письмо было написано именно къ И. П. Клюшникову, переселившемуся незадолго передъ тѣмъ въ свое помѣстье Сумского уѣзда Харьковской губерніи.

3 октября. С.-Петербургъ.

Если я обращаюсь къ тебѣ, любезный Николай Терентьевичъ, значитъ: солоно пришлось. Я тебя люблю и уважаю, какъ бывшаго учителя; но, согласись самъ, бросить оба кружка въ такое тяжелое для насъ время, забиться въ глушь и не подавать живого голоса въ высшей степени двусмысленно. Мы думали, что у тебя, по крайней мѣрѣ, уважительныя причины, какъ вдругъ узнаемъ о твоей свадьбѣ и сибаритской жизни подъ тѣнью хохлацкихъ садовъ. Я не баронъ, а понимаю, что у бароновъ бываютъ свои фантазіи.

Все это очень хорошо, но все это ты могъ продѣлать въ Петербургѣ, не покидая общаго дѣла и не измѣняя современ-

ному движенію. Право, я иногда такъ золъ на тебя, что пугаюсь мысли объ нашей встрѣчѣ.

Перехожу къ просьбѣ. Каковы мои обстоятельства, можешь заключить изъ того, что я рѣшаюсь просить у тебя денегъ. Скотина*** [Краевскій] эксплуатируетъ меня хуже любого пропріетера. Жена осаждаетъ домашними дрязгами. С*** [Скобелевъ] продолжаетъ отпускать свои остроты, встрѣчаясь со мной на Невскомъ: когда же къ намъ-то? къ намъ-то? говоритъ, приготовилъ ужъ и даровую квартиру. Въ довершеніе удовольствій—кровь горломъ.

Если ты мнѣ пришлешь рублей двѣсти, надѣюсь черезъ мѣсяцъ кончить статью о Пушкинѣ и возвратить тебѣ долгъ. Если самъ пріѣдешь, прощу и расцѣлую.

«*Б*».

Приписка карандашомъ: «исполнено 4 октября».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Нѣсколько мелочныхъ данныхъ для біографіи В. Г. Бѣлинскаго.

Очеркъ Д. П. Иванова; октябрь, 1873.

Фамилія Бѣлынскаго, смягченная Виссаріономъ Григорьевичемъ въ Бѣлинскаго, происходитъ отъ села Бѣлыни, въ Нижне-Ломовскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи. Отецъ Виссаріона Григорьевича, Григорій Никифоровичъ, былъ сынъ священника этого села. Первоначальное воспитаніе свое онъ получилъ, кажется, въ Пензенской семинаріи, гдѣ, вѣроятно, и дана ему фамилія Бѣлынскаго по обычаю, издавна существовавшему въ семинаріяхъ, различать своихъ воспитанниковъ по городамъ и селамъ, въ которыхъ они родились. Изъ семинаріи Григорій Никифоровичъ поступилъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію на казенное содержаніе, и, по окончаніи курса, въ званіи лѣкаря, былъ опредѣленъ на службу въ Балтійскій флотъ. Во время пребыванія своего въ Кронштадтѣ Григорій Никифоровичъ женился на дочери какого-то флотскаго офицера, Маріи Ивановнѣ. Флотскій экипажъ, въ которомъ служилъ Григорій Никифоровичъ, стоялъ въ Свеаборгѣ, и тамъ, въ 1810 году, февраля (?) дня [1]), родился у него первый сынъ Виссаріонъ. Заочнымъ воспріемникомъ новорожденнаго былъ Великій князь Константинъ Павловичъ. Не знаю, какихъ лѣтъ Виссаріонъ Григорьевичъ былъ привезенъ въ уѣздный городъ Чембаръ, Пензенской губерніи, въ который отецъ его, въ званіи Штабъ-лѣкаря, опредѣлился городовымъ и уѣзднымъ врачемъ. Когда я началъ помнить семейство Бѣлинскихъ, оно состояло уже изъ шести человѣкъ: у Виссаріона были братья Константинъ и Никаноръ и сестра Александра. Внѣшнее благосостояніе семейства было, повидимому,

[1]) Неточно; см. III, стр. 353.

удовлетворительно: у него былъ на базарной площади небольшой домъ о 7 комнатахъ, довольно обширный дворъ съ хозяйственнымъ строеніемъ, амбарами, погребомъ, каретнымъ сараемъ, конюшнею и особою кухнею, примыкавшею къ заднему входу въ домъ и отдѣленною отъ него большими сѣнями. Позади двора тянулся довольно обширный огородъ, засѣвавшійся на лѣто овощами; на огородѣ была выстроена особая баня, съ двумя передбанниками, настолько помѣстительная и чистая, что могла служить жильемъ и временнымъ лазаретомъ для привозимыхъ изъ деревни больныхъ. Прислуга Бѣлынскихъ состояла изъ семьи дворовыхъ, крѣпостныхъ людей, въ числѣ которыхъ былъ среднихъ лѣтъ кучеръ съ женою и двѣ рослыя горничныя. Для личныхъ услугъ при домѣ употреблялись иногда оспенники: такъ назывались мальчики, присылавшіеся поперемѣнно отъ казенныхъ крестьянъ и помѣщиковъ для обученія оспопрививанію. При домѣ содержались лошадь, двѣ коровы и домашняя птица. Годовой доходъ Григорія Никифоровича состоялъ изъ ограниченнаго жалованія, къ которому присоединялась особенная сумма, отпускавшаяся на содержаніе городской больницы и наемъ для нея частнаго дома. Практика Григорія Никифоровича, хотя была и обширная, судя по густо населенному уѣзду, но паціенты мало платили деньгами за труды, вознаграждая ихъ преимущественно присылкою разной провизіи къ годовымъ праздникамъ. Бо́льшею щедростію въ этомъ отношеніи отличалась г-жа Владыкина (мать автора комедій: Купецъ лабазникъ, Образованность и проч.), родная племянница Григорія Никифоровича, бывшая замужемъ за богатымъ помѣщикомъ. Ограниченность денежныхъ доходовъ объясняется и личнымъ характеромъ Григорія Никифоровича. Природный умъ и доступное по времени образованіе естественно ставили его выше малограмотнаго провинціальнаго общества. Совершенно чуждый его предразсудковъ, притомъ склонный къ остротамъ и насмѣшкѣ, онъ открыто высказывалъ всѣмъ и каждому въ глаза свои мнѣнія и о людяхъ, и о предметахъ, о которыхъ имъ и подумать было страшно. Въ религіозныхъ убѣжденіяхъ Григорій Никифоровичъ пользовался репутаціею Аммоса Ѳедоровича, съ тою только разницею, что не одинъ городничій, но и все грамотное населеніе города и уѣзда обвиняло Григорія Никифоровича въ невѣріи въ Христа, нехожденіи въ церковь, въ чтеніи Вольтера, Экскаргаузена, Юнга, любимыхъ писателей Григорія Никифоровича. Всѣ эти обстоятельства заставляли избѣгать общества съ врачемъ, не довѣрять ему лѣченія, особенно психическихъ болѣзней, происходившихъ вслѣдствіе желчнаго раздраженія противъ провинившихся супруговъ, вслѣдствіе ханжества и ипохондріи. Недовѣрчивый и подозрительный въ высшей степени, Григорій Никифоровичъ смѣло обличалъ притворство, неохотно принимался за лѣченіе и даже прямо отказывался отъ исполненія своихъ обязанностей тамъ, гдѣ болѣзнь не угрожала видимою опасностію, и гдѣ могли обой-

тись домашними средствами и безъ его попеченій. Но такое равнодушіе къ богатымъ и знатнымъ паціентамъ не распространялось на бѣдныхъ и дѣйствительно страждущихъ: Григорій Никифоровичъ оказывалъ имъ не только личныя услуги своимъ опытомъ и знаніями, но очень часто снабжалъ безвозмездно лѣкарствами и деньгами для содержанія. Ограниченная, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, практика почти совершенно прекратилась съ появленіемъ въ уѣздѣ вольнопрактикующихъ шарлатановъ, бродячихъ съ походными аптеками венгерцевъ и особенно съ водвореніемъ въ городѣ на постоянныя квартиры 9-го егерскаго полка. Я нарочно распространился съ такою смѣшною наивностію о доходахъ и личномъ характерѣ отца Бѣлинскаго: я хочу показать этимъ на средства, какими располагалъ Григорій Никифоровичъ для воспитанія своихъ дѣтей, и нравственное вліяніе его на Виссаріона, который былъ любимымъ его сыномъ. Съ самой ранней поры даровитаго ребенка, отецъ не могъ не отличить и остроумія рѣчей, и страсти къ чтенію, и пытливой любознательности, съ которою мальчикъ прислушивался къ разсказамъ отца о прошедшемъ, къ его сужденіямъ о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, и мало по малу раскрывалась между ними живая симпатія, сохранившаяся навсегда и благодѣтельно дѣйствовавшая на обоихъ въ рѣзкихъ случаяхъ жизни. Виссаріонъ Григорьевичъ и лицомъ болѣе всѣхъ дѣтей походилъ на отца, и одинъ только ростъ наслѣдовалъ отъ матери. Она была женщина чрезвычайно добрая, радушная; но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне воспріимчивая, раздражительная. Образованіе ея ограничивалось посредственнымъ знаніемъ русской грамоты. Вся заботливость ея, какъ и большей части провинціальныхъ матерей, сосредоточивалась въ томъ, чтобы прилично одѣть, и особенно досыта накормить дѣтей. Я живо помню ея безконечныя хлопоты о печеніи сдобныхъ булокъ, о густомъ молокѣ, сливочномъ маслѣ, копченыхъ гусяхъ. Страсть къ жирной, неудобоваримой пищѣ, перешедшая и къ дѣтямъ, усиливала въ нихъ золотушныя начала и расположила къ худосочію, что было отчасти причиною постоянныхъ болѣзней желудка и преждевременной смерти Виссаріона Григорьевича. Попеченія о матеріальныхъ нуждахъ дѣтей естественно вызывали мать на частыя денежныя требованія, которыхъ отецъ, по ограниченности своихъ доходовъ, не могъ удовлетворять, и это служило всегдашнимъ поводомъ къ размолвкѣ между супругами, которые и безъ того мало сочувствовали другъ другу по разности характеровъ и воспитанія. Мать не умѣла и не могла, вслѣдствіе раздражительности, облекать свои требованія въ благовидную форму; отецъ отвѣчалъ ей или холоднымъ молчаніемъ, но, чаще всего, веселою шуткою; молнія болѣе забавной, чѣмъ оскорбительной остроты зажигала грозу, и все бѣжало тогда въ разныя стороны. Спасенія отъ этихъ бурь и вмѣстѣ средствъ къ ихъ утишенію Виссаріонъ искалъ въ нашемъ домѣ. Мать моя, родная племянница Григорія Никифоро-

вича, бѣжала всегда въ эти скорбныя минуты въ домъ его и своимъ посредничествомъ старалась возстановить нарушенное согласіе между супругами. Благодушно перенося укоризны той и другой стороны за свое вмѣшательство, она не переставала бодрствовать надъ домомъ Бѣлынскихъ, входила въ нужды семейства, и ласкою, кроткими увѣщаніями часто успѣвала склонить Григорія Никифоровича къ удовлетворенію многихъ мелкихъ домашнихъ потребностей, которыя онъ считалъ прежде совершенно лишними и о которыхъ не хотѣлъ прежде слышать, возмущенный оскорбительными представленіями жены. Отчужденіе отъ семейныхъ заботъ происходило у Григорія Никифоровича сколько по отсутствію средствъ къ ихъ выполненію, столько же и вслѣдствіе раздраженія и обиды на несправедливыя обвиненія и ложную подозрительность жены въ предосудительномъ его поведеніи, на что онъ часто жаловался моей матери. Да, у жизни есть свои сынки и пасынки, и Виссаріонъ Григорьевичъ принадлежалъ къ числу самыхъ нелюбимыхъ своею лихою мачихою. Не радостно она встрѣтила его въ родной семьѣ, и дѣтство его, эта веселая, беззаботная пора, была исполнена тревогъ и огорченій столько же, сколько и позднѣйшіе возрасты, и надобно было ему имѣть много воли, много любви, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой страшной борьбы съ роковыми случайностями.

Ученіе Виссаріона Григорьевича началось внѣ дома. Въ Чембарѣ и до сихъ поръ существуетъ привилегированная учительница русской грамоты, Екатерина Павловна Ципровская, дочь протоколиста Дворянской опеки. Цѣлыя поколѣнія начали у нея свое азбучное образованіе, и до сихъ привозимые въ Москву изъ Чембара кандидаты въ учебныя заведенія сказываютъ, что у Ципровской выучились чтенію и письму. Въ ветхомъ домикѣ ея сходятся мальчики и дѣвочки, и черезъ полгода, или черезъ годъ, кончивъ курсъ чтенія гражданской и Церковной печати, возвращаются домой или поступаютъ въ уѣздное училище для дальнѣйшаго образованія.

Всѣ дѣти семейства Бѣлынскихъ и нашего учились у Ципровской. Выучившись читать и писать у нея, Виссаріонъ Григорьевичъ продолжалъ свое ученіе дома, вѣроятно, подъ надзоромъ отца, который, помню, научилъ его чтенію и письму по-латыни. Положительное ученіе началось для Виссаріона Григорьевича съ открытіемъ въ Чембарѣ уѣзднаго училища. Я и братъ мои были первыми учениками, приведенными въ новооткрытое заведеніе; черезъ нѣсколько дней поступилъ въ него и Виссаріонъ. Весь педагогическій штатъ училища заключался въ лицѣ смотрителя, Авраама Григорьевича Грекова, который былъ вмѣстѣ и учителемъ по всѣмъ предметамъ училищнаго курса. Не знаю, откуда былъ присланъ этотъ смотритель и гдѣ получилъ образованіе; но помню, что онъ былъ человѣкъ добрый и кроткій, дѣйствовавшій на дѣтей болѣе ласкою и совѣтомъ, чѣмъ угрозами и

наказаніями; въ крайнихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ съ жалобами къ родителямъ. Вскорѣ штатъ учителей увеличился опредѣленіемъ въ преподаватели закона Божія старшаго соборнаго священника, Василія Чембарскаго, и въ учители русскаго языка исключеннаго изъ семинаріи Василія Рубашевскаго, сына второго соборнаго священника. Рубашевскій былъ страстный любитель наказаній, розогъ, которыя онъ употреблялъ иногда въ видѣ ласки, наказывая ими сквозь платье, ради личной потѣхи, совершенно невиннаго и прилежнаго мальчика; отодравши его немилосердно, старался потомъ успокоить поцѣлуями и щекоткою. Когда родители выговаривали учителю за эти выходки, онъ извинялся пользою будущихъ вмѣненій, плѣнившись, вѣроятно, системою спартанскаго воспитанія или обычаями своей бурсы. Благородное негодованіе на этотъ вандализмъ Виссаріона возбудило энергическія жалобы къ смотрителю со стороны Григорія Никифоровича, который не любилъ варварскихъ наказаній и, кажется, былъ въ городѣ единственнымъ изъ отцовъ, понимавшихъ, что для воспитанія въ мальчикѣ человѣка не должно обращаться съ нимъ, какъ съ скотомъ. Это обстоятельство, повидимому, самое обыкновенное, вполнѣ характеризуетъ Виссаріона: въ этомъ поступкѣ открывался зародышъ тѣхъ убѣжденій въ правахъ человѣчества, за которыя всегда такъ горячо стоялъ Бѣлинскій. Надобно замѣтить, что онъ никогда не былъ предметомъ этихъ дикихъ любезностей бурсака-учителя и вмѣшался въ дѣло не столько по участію къ товарищамъ, которые были моложе его классомъ, но потому, что находилъ подобные поступки возмутительными. Преподаваніе въ училищѣ совершалось въ духѣ патріархальной простоты. Часто учителя оставляли насъ на попеченія неба, отправляясь сами по квартирамъ для жертвоприношеній Вакху. Бывало, завидимъ въ окно старика казначея, дѣти котораго учились въ училищѣ, и лица наши просіяютъ. Казначей былъ задушевный пріятель смотрителя и, возвращаясь домой изъ присутствія, постоянно заходилъ къ нему напомнить объ адмиральскомъ часѣ. Смотритель предупреждалъ приходъ своего друга, немедленно оставляя классъ для встрѣчи дорогого гостя. Сколько разъ, руководимые личными побужденіями, мы уходили цѣлымъ училищемъ на рѣку купаться и опаздывали приходомъ къ уроку законоучителя, который, замѣтивъ, что ему доводилось быть гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ, отправлялся домой.

II.

„Сообщенія [Д. П.] Иванова при чтеніи біографіи В. Г. Бѣлинскаго [А. Н. Пыпина]".

Ноябрь, 1875.

Пребываніе Бѣлинскаго въ гимназіи.

Почти все сказанное въ біографіи Бѣлинскаго о пребываніи его въ Пензенской гимназіи въ общихъ чертахъ вѣрно, и я опасаюсь, что мои сообщенія не прибавятъ къ тому ничего существеннаго. Какъ бы то ни было, но нѣкоторыя мелочныя подробности, которыя я желаю передать здѣсь, не будутъ лишены относительной цѣны: онѣ послужатъ, можетъ быть, къ разъясненію обстоятельствъ, заключающихъ въ себѣ загадочный характеръ, и отчасти къ разрѣшенію небольшихъ противорѣчій, встрѣчаемыхъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ самихъ очевидцевъ, произносившихъ свои рѣзкіе приговоры о жизни Бѣлинскаго въ Пензѣ единственно на основаніи случайныхъ явленій и своихъ минутныхъ личныхъ впечатлѣній.

Не берусь судить о томъ, насколько безукоризненно правдивы и точны разсказы Лажечникова о томъ состояніи Пензенской гимназіи, въ какомъ онъ засталъ ее при вступленіи своемъ въ директоры, и тѣхъ улучшеніяхъ, которыя удалось ему сдѣлать въ ней; но думаю, что болѣзни, вредившія Пензенской гимназіи, принадлежали не исключительно ей одной: онѣ были повсемѣстны, и отъ нихъ въ равной степени страдали всѣ однородныя съ нею учебныя заведенія. Главнѣйшею причиною неустойчивости тогдашнихъ нашихъ гимназій былъ недостатокъ въ способныхъ и особенно опытныхъ преподавателяхъ. Да откуда и взять было ихъ, когда въ самихъ университетахъ порядочные профессора были рѣдкость? И чѣмъ могла привлекать къ себѣ гимназія? — Матеріальная обстановка учительской жизни была крайне незавидна: содержаніе учителя обезпечивалось скуднымъ жалованіемъ и правомъ пользоваться казенною квартирою; казенныхъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Пензѣ не было; изъ пансіоновъ открытъ одинъ, но и тотъ скончался почти при самомъ рожденіи; частные уроки по зажиточнымъ домамъ были большою рѣдкостью и оплачивались ничтожною цѣною. Однимъ только могла манить къ себѣ гимназія: скорѣйшею возможностью получить чинъ ассессорскій, по выраженію Нахимова: «толико вожделѣнный, да-

вавшій тогда право на пріобрѣтеніе потомственнаго дворянства». Ради этого блага поступали въ гимназію иногда и даровитые, дѣльные люди, но съ полученіемъ его немедленно выходили изъ заведенія; самые казеннокоштные студенты, присылаемые Казанскимъ университетомъ, оставались въ гимназіи не долѣе срока обязательной своей службы.—Само собою разумѣется, что, въ силу недалекаго нравственнаго своего развитія, они не считали учительство своимъ призваніемъ, а только средствомъ для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей, а потому не воспитывали въ себѣ добросовѣстныхъ педагоговъ, а вели дѣло преподаванія спустя рукава, по усвоенной издѣтства рутинѣ: задавались уроки по книгѣ отъ сихъ до сихъ мѣстъ, безъ всякихъ поясненій и дополненій, способствующихъ легкому усвоенію заданнаго, выслушивались уроки съ строгимъ напоминаніемъ пропусковъ не въ содержаніи какой-либо мысли, а простого, незначительнаго слова. За незнаніе урока или ошибку въ немъ, за шалость или невниманіе къ передаваемому товарищемъ уроку, суровый педагогъ не только ставилъ дурныя отмѣтки въ такъ называвшихся аттестатахъ, или учительскихъ тетрадкахъ, уносимыхъ на домъ для вѣдома родителей, но и грубою бранью, постановкою на колѣни, но нерѣдко и потасовкою за волосы, за уши, полновѣсными ударами линейкой по ладонямъ и спинѣ, отнятіемъ шапки для оставленія безъ обѣда и, наконецъ, даже розгами.

Право такихъ наказаній принадлежало безконтрольно всякому учителю, въ лицѣ котораго сосредоточивалась, при отсутствіи надзирателей, не полагавшихся при гимназіи, и обязанность воспитателя. Отсюда естественно происходилъ тотъ страхъ, который чувствовалъ гимназистъ, завидѣвъ на улицѣ неизбѣжную встрѣчу съ учителемъ.

Подъ вліяніемъ такихъ грозныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ гимназіи и сохранившихся въ памяти, съ невольнымъ недовѣріемъ относишься къ разсказу Лажечникова о погребеніи кота мышами, не уцѣлѣвшемъ, впрочемъ, въ преданіяхъ гимназіи. Нисколько не сомнѣваясь въ возможности подобнаго явленія и будучи далекъ отъ мысли подозрѣвать извѣстнаго нашего романиста въ изобрѣтеніи и преувеличеніяхъ, я недоумѣваю только о томъ, какъ могъ я забыть о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыми сопровождалось посѣщеніе Чембарскаго училища Лажечниковымъ, о книгѣ, подаренной имъ Виссаріону и, по всей вѣроятности, видѣнной мною. Особенно страннымъ кажется сообщеніе, лично переданное директору смотрителемъ училища, Грековымъ, о польскомъ происхожденіи отца Бѣлинскаго (тогда еще Бѣлынскаго). Въ такомъ маленькомъ городкѣ, каковъ Чембаръ, всѣ жители на перечетъ, и въ средѣ мѣстной бюрократіи всякій знаетъ своего собрата, какъ говорится, вдоль и поперекъ, всю его родословную, всю подноготную объ немъ: не могъ же смотритель не знать о родѣ-племени Бѣлынскаго, Григорія Никифоровича, если не отъ него самого, то отъ его кровныхъ родныхъ, издавна

жившихъ въ томъ же городѣ. Смотритель Грековъ, уѣздный казначей Великопольскій и штабъ-лѣкарь Бѣлынскій составляли тріумвиратъ закадычныхъ друзей, сходившихся почти ежедневно и любившихъ покалякать и о старинѣ, и о современномъ имъ бытѣ, какъ собственномъ, такъ и личностей, жившихъ въ городѣ и его уѣздѣ; трудно предположить, чтобы среди этихъ частыхъ бесѣдъ не встрѣтилось ни одно обстоятельство, которое могло бы, хотя косвенно, намекнуть о происхожденіи Григорія Никифоровича. Считаю при этомъ не лишнимъ сообщить объ отцѣ его то, что пишетъ мнѣ изъ Красноярска сестра, Катерина Петровна, отъ 10 декабря 1874 года. Вотъ слова ея: «дѣдушка Виссаріона Григорьевича былъ священникъ, благочестивой, святой жизни, его считали за праведника, да и дѣйствительно онъ такимъ и былъ тогда, какъ я его знала и помню: онъ жилъ въ кельѣ и постоянно молился: это былъ аскетъ. Я помню его очень хорошо. Разъ онъ пріѣхалъ въ Чембаръ на похороны своей дочери, а нашей бабушки, Маріи Никифоровны, остановился у насъ, и какъ рады были наши родители принять такого праведника».

Этотъ пріѣздъ отца Никифора могъ быть совершенно неизвѣстенъ Грекову, какъ обстоятельство, совершившееся, по всей вѣроятности, раньше открытія въ Чембарѣ уѣзднаго училища и водворенія въ немъ смотрителя, но такая рѣзкая особенность жизни отца не могла не быть когда-либо предметомъ разговора для его сына въ бесѣдѣ съ друзьями. Какъ бы то ни было, но, ссылаясь на смотрителя въ своемъ разсказѣ о польскомъ происхожденіи отца Бѣлинскаго, Лажечниковъ не даетъ ли здѣсь слишкомъ широкій просторъ вымыслу, которымъ не всегда осторожно пользовался въ своихъ романахъ въ ущербъ исторической истинѣ? Такимъ характеромъ отличается и сказаніе Лажечникова о домашней жизни Бѣлинскаго, помѣщенное на 211 страницѣ его біографіи. Здѣсь вся рѣчь почтеннаго романиста отъ слова до слова есть не что иное, какъ общія мѣста: никогда никакихъ попоекъ ни съ какими чинами полиціи въ домѣ Григорія Никифоровича не бывало; онъ всегда держался вдали отъ этого общества, надъ которымъ возвышался умомъ, образованіемъ, нравственными убѣжденіями. Эти чины полиціи состояли изъ исправника и засѣдателей, выбиравшихся изъ дворянъ Чембарскаго уѣзда. Не всѣ изъ нихъ были воры, мошенники и пьяницы; штабъ-лѣкарь входилъ въ соприкосновеніе съ ними по дѣламъ, требовавшимъ медицинскаго изслѣдованія, но не участвовалъ въ ихъ продѣлкахъ, если бы онѣ были. По разсказу Лажечникова читатель можетъ заподозрить отца Бѣлинскаго въ солидарности съ ними, чего быть не могло. Крестное цѣлованіе понятыхъ, покупаемое за ведро вина, есть не болѣе, какъ ходульное преувеличеніе. Вѣрнѣе сказать, на Виссаріона сильно дѣйствовали разсказы отца и городскіе слухи о разныхъ продѣлкахъ чиновъ полиціи. Его сильно возмущала тираннія помѣщиковъ съ крѣпостными людьми. Этимъ

отличалась въ семьѣ сосѣдей нашихъ, князей Кугушевыхъ, сама княгиня: отъ общенія съ дочерьми ея Виссаріонъ предостерегаетъ сестру Катерину Петровну въ письмахъ своихъ къ ней и радуется новому дружеству ея съ Мосоловой и Скопиной. Крайней бѣдности Бѣлинскій въ малолѣтствѣ своемъ тоже не терпѣлъ. Бѣдность и нужда начали преслѣдовать его съ выхода изъ университета. Такимъ образомъ и указаніе Лажечникова на безлюдье въ составѣ гимназическихъ учителей, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ неудовлетворительнаго ученія, нельзя не назвать слишкомъ рѣшительнымъ: между преподавателями, которыхъ засталъ новый директоръ и которыхъ оставилъ послѣ себя, были лица, достойныя уваженія и признательной памяти. Такимъ былъ, во-первыхъ, преподаватель математики Яковъ Прохоровичъ Ляпуновъ, человѣкъ, превосходно знавшій свой предметъ и толково передававшій его своимъ ученикамъ. Строгій и взыскательный къ отвѣтамъ ихъ, онъ не скучалъ повтореніемъ своихъ объясненій и, вызывая ученика къ доскѣ при спрашиваніи урока, не отпускалъ онъ его до тѣхъ поръ, пока не увѣрялся въ томъ, что рѣшаемая имъ задача вполнѣ понята, и преподанное имъ усвоено. Подъ руководствомъ Ляпунова можно было бы легко изучить предметъ въ предѣлахъ гимназическаго курса; но, къ глубокому сожалѣнію, почтенный преподаватель былъ уже старъ и притомъ калѣка, разбитый параличемъ, потерявшій отъ своей жестокой болѣзни употребленіе лѣвой руки и ноги. При такомъ недужномъ плачевномъ состояніи онъ нерѣдко манкировалъ уроками, пріѣзжалъ въ гимназію на особенныхъ дрогахъ, приспособленныхъ къ его положенію, входилъ въ классъ и оставался въ немъ подъ бдительнымъ надзоромъ сопровождавшаго его крѣпостного человѣка, не оставлявшаго его ни на минуту; съ помощью его подходилъ къ доскѣ и, поддерживаемый своимъ вожатымъ, онъ не могъ продолжительно оставаться у доски и чаще всего диктовалъ свои объясненія вызванному къ ней надежному ученику. И при такой неблагопріятной, повидимому, обстановкѣ преподаваніе математики шло удовлетворительно, благодаря осязательноясному изложенію предмета Ляпуновымъ; но почтенный старичекъ, по своему болѣзненному состоянію или по другимъ какимъ причинамъ, оставилъ гимназію и переселился въ Саратовскую губернію. Послѣ его выхода заведеніе нѣсколько мѣсяцевъ оставалось безъ преподавателя, именно до поступленія въ него директоромъ Григорія Абрамовича Протопопова. Этотъ новый начальникъ гимназіи, уже пожилой человѣкъ, былъ нѣкогда преподавателемъ математики въ какомъ-то заведеніи, и потому, до пріѣзда изъ Казани учителя для занятія вакантной должности, принялъ на себя его обязанность и, какъ опытный наставникъ, вооруженный притомъ всѣми правами высшей власти, повелъ дѣло превосходно: подъ его руководствомъ гимназисты не только возобновили все усвоенное у Ляпунова, но и быстро пошли впередъ. Главнѣйшая причина всеобщаго успѣха учениковъ Про-

топопова не только въ мастерской вразумительности, толковости его объясненій, но и въ томъ, что строгій заботливый директоръ никогда не скучалъ неоднократнымъ повтореніемъ ихъ, когда кто-либо изъ слушателей его заявлялъ о своихъ недоразумѣніяхъ. Какъ врагъ всякаго безплоднаго заучиванія на память, зубренія, почтенный директоръ до того дорожилъ дѣломъ пониманія, что всякое даже частное объясненіе заканчивалъ вопросомъ ученикамъ: «понимаете или нѣтъ», произносимымъ обыкновенно скороговоркою, такъ что въ голосѣ вопрошающаго слышалось: поймаете аль нѣтъ, и ученики, самодовольно улыбаясь, шептали между собою въ шутку: поймали, поймали!

Совершенную противоположность съ этимъ почтеннымъ наставникомъ представлялъ собою присланный изъ Казани преподаватель математики Меркушевъ. Насколько первый былъ стоически терпѣливъ и заботливъ въ усвоеніи ученикамъ преподаваемаго предмета, настолько второй былъ раздражителенъ, вспыльчивъ, безучастенъ къ успѣхамъ ихъ. Воображая въ себѣ профессора университета, въ классной комнатѣ аудиторію, а въ сидящихъ въ ней мальчуганахъ взрослыхъ студентовъ, молодой, красивый и всегда изящно одѣтый педагогъ постоянно считалъ своею обязанностію прочесть лекцію, доказать какую-нибудь теорему, сколько возможно скорѣе, и затѣмъ успокоиться, нисколько не помышляя о томъ, усвоено ли переданное имъ внимательными слушателями, и, когда не только кто-либо одинъ изъ нихъ, но даже и всѣ, поголовно отзывались непониманіемъ и просили повторить объясненія, вспыльчивый наставникъ, принимая за личное себѣ оскорбленіе, нерѣдко неистово кричалъ: чортъ васъ возьми, какъ хотите, такъ и понимайте: я повторять вамъ объясненій не стану,—и, бѣшено разбивая въ дребезги мѣлъ о доску, раздраженный выходилъ изъ класса. На слѣдующій урокъ начиналось спрашиваніе заданнаго, и послѣ неудовлетворительныхъ отвѣтовъ, за которыми слѣдовали дурныя отмѣтки въ спискѣ, преподаватель невольно долженъ былъ повторять свою прошедшую лекцію. Конечно, подобнаго рода сцены происходили въ первый годъ: впослѣдствіи нетерпѣливый учитель математики, вѣроятно, подъ вліяніемъ внушеній строгаго директора, становился уступчивѣе и, какъ человѣкъ умный, самъ понялъ и обсудилъ всю невыгоду своихъ рѣзкихъ выходокъ и спустился съ высоты профессорской кафедры до скромнаго и болѣе плодотворнаго положенія школьнаго учителя. О послѣдствіяхъ дальнѣйшаго пребыванія Меркушева въ гимназіи я ничего больше не знаю, потому что при немъ не долго оставался въ заведеніи, да и самъ преподаватель, вслѣдствіе выгодной женитьбы, вскорѣ оставилъ въ немъ службу, переселился въ Петербургъ и устроился въ какомъ-то министерствѣ.

Другимъ достойнымъ уваженія лицомъ въ составѣ учителей во времена Лажечникова былъ преподаватель латинскаго языка, исправлявшій потомъ до вступленія Протопопова должность ди-

ректора гимназіи, Николай Степановичъ Дмитревскій. Это былъ, послѣ Михаила Максимовича Попова, любимѣйшій всѣми учитель. Онъ былъ добръ, ласковъ, привѣтливъ въ обращеніи съ дѣтьми и вѣжливъ до того, что усвоенная во многихъ нашихъ провинціяхъ привычка прибавлять въ концѣ рѣчи смягчительное *съ* доходила у него до рѣзко замѣтной крайности: онъ привязывалъ эту частицу почти къ каждому слову. Дмитревскій горячо любилъ свой предметъ, держался хорошей методы въ своемъ преподаваніи: онъ не ограничивался сухимъ заучиваніемъ правилъ латинской грамматики; но, выводя ихъ изъ анализа данныхъ примѣровъ и чаще всего при переводахъ съ одного языка на другой, примѣнялъ ихъ такимъ образомъ къ дѣлу и легко усвоивалъ своимъ ученикамъ. Вообще, Николай Степановичъ обладалъ способностью, которая дается не многимъ, а именно: привлекать къ своему предмету, возбуждать въ своихъ ученикахъ вниманіе къ дѣлу, соревнованіе; его уроки при личномъ одушевленіи преподавателя и дружной работѣ всего класса проходили скоро и весело; добрый наставникъ умѣлъ въ иную пору и кстати освѣжить своихъ слушателей среди скучныхъ, по своему содержанію, занятій какой-нибудь остротой, шуткой, вызывавшею общій смѣхъ и на мгновеніе нарушавшею обычный строгій порядокъ. Благодаря личнымъ качествамъ и поведенію учителя—его гуманному обращенію съ учениками, разумнымъ педагогическимъ пріемамъ и умѣнью возбуждать расположеніе къ труду,—преподаваніе латыни шло, въ предѣлахъ гимназическаго курса, довольно успѣшно.

Совсѣмъ иначе велось дѣло у педагога, заступившаго, по разсказу Лажечникова, мѣсто погребеннаго мышами кота. Этотъ педагогъ, Василій Егоровичъ Яблонскій, былъ уже пожилой, но высокій, довольно толстый и дюжій человѣкъ, постоянно расхаживавшій по классу и нетерпѣливо выслушивавшій заданные имъ уроки изъ грамматики, логики и реторики. Учась латыни, воспитанники находили жизнь и одушевленіе въ мертвомъ языкѣ; а въ классахъ русской словесности изучали живой отечественный языкъ, какъ мертвый; здѣсь вся суть ученія заключалась въ буквальномъ запоминаніи сухихъ, ни къ чему не прилагавшихся правилъ, и если бы посторонній посѣтитель, вошедшій въ классъ во время репетиціи, до прихода учителя, и, прислушиваясь къ невнятному жужжанію воспитанниковъ, спросилъ ихъ: что вы учите, дѣти?—они вправѣ были бы отвѣчать, какъ Гамлетъ: слова, слова, слова! Въ самомъ дѣлѣ, къ чему вело это заучиваніе изъ логики формъ обще-утвердительныхъ и обще-отрицательныхъ, частно-утвердительныхъ и частно-отрицательныхъ сужденій и силлогизмовъ, этихъ: Barbara, Cebarent, Darii, Ferio? Для чего пригодились впослѣдствіи эти 24 источника изобрѣтенія, эти исчисленія троповъ и особенно фигуръ. Во всемъ этомъ зубреніи была только одна крайне-относительная польза: заучивая стихотворные и прозаическіе примѣры, взятые изъ нѣкоторыхъ образцовыхъ писателей, ученики обогащали память свою запасомъ изящныхъ художествен-

ныхъ оборотовъ рѣчи, плѣнительныхъ для воображенія картинъ природы, мудрыхъ изреченій опыта въ народныхъ пословицахъ и геніальныхъ мыслителей, — безспорно драгоцѣнный матеріалъ, усвоивающій плоды продолжительной начитанности: но все это заучиваніе производилось безъ предварительнаго не только разбора, но и объяснительнаго прочитыванія изящнаго отрывка въ цѣломъ и частяхъ, слѣдовательно, приносило крайне относительную пользу. Письменныя упражненія, на которыхъ преимущественно долженствовало бы сосредоточиваться преподаваніе, были очень рѣдки и состояли въ крайне неудачныхъ опытахъ подражаній указаннымъ въ реторикѣ образцамъ. Отсутствіе письменныхъ работъ и чрезмѣрно рѣдкіе опыты въ нихъ были главнѣйшею причиною того, что мы, при переходѣ въ 3-ій классъ, къ новому учителю Шапошникову, а потомъ съ выходомъ его изъ гимназіи, къ Михаилу Максимовичу Попову, временно принявшему на себя обязанность преподавателя словесности въ 4 классѣ, отличались у нихъ и безобразною нескладицею въ изложеніи, и уродливою орѳографіею въ первыхъ заданныхъ намъ письменныхъ опытахъ. Съ глубокою благодарностью вспоминаю я и, вѣроятно, всѣ мои товарищи эту великодушную заботливость и то святое терпѣніе, съ которыми благоговѣйно уважаемый нами Михаилъ Максимовичъ Поповъ разбиралъ и исправлялъ наши ежедневныя письменныя работы; ему одному мы обязаны были тою посильною грамотностію, съ которою окончили курсъ въ Пензенской гимназіи. Лажечниковъ честитъ Яблонскаго наименованіями педанта и школяра; но, строго говоря, виноватъ ли былъ въ этомъ неутомимый, усердный почитатель Лежо? Откуда или гдѣ было ему знакомиться съ здравыми педагогическими началами?—Какъ учили его издѣтства, съ молоду его наставники, такъ училъ и онъ, такъ учили почти повсемѣстно во всѣхъ гимназіяхъ. Надобно припомнить при этомъ, что въ славнѣйшемъ и старѣйшемъ университетѣ Московскомъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ занималъ каѳедру профессоръ словесности для студентовъ перваго общаго курса Петръ Васильевичъ Побѣдоносцевъ, толковавшій не лучше Яблонскаго и объ источникахъ изобрѣтенія, о хріяхъ ординарныхъ и превращенныхъ, припомнить надобно, что пресловутая реторика Кошанскаго, по которой училъ Яблонскій въ Пензенской гимназіи, красовалась въ программахъ, изданныхъ для поступленія въ Московскій университетъ, едва ли не до пятидесятыхъ годовъ, если не далѣе. Таково было тогда время, и его надобно винить за отсталость и косность. По всей вѣроятности, убѣжденія Лажечникова о ложномъ взглядѣ Яблонскаго на преподаваніе словесности сложились позднѣе, подъ вліяніемъ совершившихся повсюду преобразованій, иначе: когда бы питалъ эти убѣжденія въ двадцатыхъ годахъ директоръ Пензенскихъ училищъ, тогда кто же мѣшалъ ему смѣнить ненравившагося учителя или дать болѣе правильное, разумное направленіе его преподаванію? Что-нибудь одно изъ двухъ мѣшало Лажечникову

поступить такимъ образомъ: или некѣмъ было замѣнить школяра-учителя, или его преподаваніе не возмущало его до того порицанія, съ которымъ онъ отзывался объ немъ впослѣдствіи.

У того же Яблонскаго мы учились въ первомъ и второмъ классѣ французскому языку. Хотя объ его урокахъ по этому предмету у меня сохранились самыя смутныя воспоминанія, но помню очень хорошо одно: мы усердно заучивали грамматику, особенно спряженія глаголовъ, для изученія которыхъ Яблонскій составлялъ особенныя таблицы глагольныхъ формъ, заставляя учениковъ списывать эти таблицы и твердить. Яблонскій слѣдовалъ въ этомъ дѣлѣ общепринятой въ то время методѣ гувернеровъ и гувернантокъ: научивши своего ученика или ученицу кое-какъ читать и писать по-французски, затѣмъ зубрить Ломондову грамматику съ самаго начала, со словъ: la grammaire est l'art de parler et d'ecrire correctement etc. и такое заучиваніе продолжалось до конца книги. Не помню, сопровождалось ли это заучиваніе правилъ какими-нибудь упражненіями устными или письменными, гдѣ на самомъ дѣлѣ объяснялось бы употребленіе той или другой грамматической формы. Кажется, этихъ упражненій и даже простыхъ диктантовъ не было, и вообще Яблонскій не любилъ обременять себя письменными ученическими работами; всѣ онѣ отсылались къ высшимъ классамъ, а задачею низшихъ оставалось одно изученіе грамматики, которое безъ соотвѣтствующихъ ей упражненій немыслимо. Не думаю, чтобы эти упражненія не нравились Яблонскому потому, что превышали его силы: онъ любилъ щеголять знаніемъ французскаго языка и бранилъ воспитанниковъ не иначе, какъ по-французски даже и во время уроковъ по русскому языку: bête, que vous êtes, cochon!—восклицалъ гнѣвно Василій Егоровичъ, поймавъ ученика въ какой-нибудь шалости. Съ переходомъ въ высшій 3-ій классъ спряженія французскихъ глаголовъ, эти полезные начатки знанія, о которыхъ такъ усердно хлопоталъ Яблонскій, понемногу забывались и терялись, оставаясь безъ повторенія и приложенія за отсутствіемъ учителей. Французскій языкъ, какъ заколдованный кладъ, не давался въ руки гимназіи: когда я былъ въ третьемъ классѣ, у насъ смѣнились два учителя, Гото и Ломбаръ, и оставались въ гимназіи на самое короткое время, покинувъ заведеніе вслѣдствіе полученія другого, болѣе выгоднаго мѣста. Такъ Ломбаръ вышелъ потому, что помѣстился гувернеромъ у богатой помѣщицы, Владыкиной, жившей въ Чембарскомъ уѣздѣ. Въ 4 классѣ мы вовсе не учились французскому языку, за неимѣніемъ учителя, и такимъ образомъ кончили курсъ въ гимназіи почти съ тѣми же ограниченными свѣдѣніями въ этомъ языкѣ, съ какими вступили въ нее и какія пріобрѣли дома.

Бо́льшимъ постоянствомъ, но также не особенно блестящими результатами отличалось преподаваніе нѣмецкаго языка у Александра Христофоровича Зоммера, постоянно жившаго въ са-

мой гимназіи и вслѣдствіе этой близости приходившаго иногда въ классъ съ закуренною фарфоровою съ короткимъ чубукомъ трубкою. На урокахъ нѣмецкаго языка также прилежно изучалась грамматика; но здѣсь давалось мѣсто и кое-какимъ упражненіямъ: составленію примѣровъ на грамматическія правила, диктанту и особенно заучиванію отдѣльныхъ словъ, относящихся къ той или другой части рѣчи. Самое заботливое вниманіе обращалъ преподаватель на красивость почерка и чистоту тетрадей, въ которыя вписывались эти вокабулы, басни, мелкія стихотворенія и прозаическіе отрывки. Польза отъ этого списыванія и заучиванія была несомнѣнная: ученики пріобрѣтали большой запасъ словъ, знаніе которыхъ пригодилось бы впослѣдствіи, если бы на употребленіе ихъ почаще обращалось вниманіе въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій и обратно; но, къ сожалѣнію, эти переводы были такъ рѣдки, что у меня объ нихъ не сохранилось никакого воспоминанія, кромѣ того, что на вступительномъ экзаменѣ въ университетѣ я испытывалъ не малыя затрудненія при переводѣ даже съ нѣмецкаго языка на русскій, а между тѣмъ въ гимназіи считался у Зоммера въ числѣ порядочныхъ учениковъ. Ясно, что пріобрѣтаемый простымъ заучиваніемъ запасъ словъ, безъ употребленія ихъ въ связной рѣчи, постепенно забывался и терялся. Курсъ нѣмецкой грамматики былъ растянутъ въ гимназіи на всѣ классы, чистое письмо, котораго строго требовалъ отъ учениковъ преподаватель, занимало много времени, хотя и не безъ пользы для правописанія. Къ сокращенію и непроизводительности уроковъ способствовалъ также необыкновенно раздражительный и вспыльчивый характеръ учителя: малѣйшаго движенія, поворота головы къ сидящему позади товарищу со стороны ученика, достаточно было для того, чтобы вызвать свирѣпое негодованіе подозрительнаго преподавателя, и тогда начинались не только упреки и ожесточенная брань: мужикъ, сиволапъ, но и потасовки и ушедраніе, о которыхъ сказано было выше. Эти ежеминутно повторяющіяся расправы много вредили классным занятіямъ, несвоевременно прерывая ихъ. Нерѣдко при судахъ и расправахъ, чинимыхъ въ классѣ, происходила слѣдующая, памятная и до сихъ поръ комическая сцена: щепетильный и всегда щегольски одѣтый нѣмецъ, почувствовавъ зудъ въ мягкихъ оконечностяхъ своего тѣла, прибѣгалъ для утоленія непріятнаго ощущенія, не нарушая приличія, къ такой хитрой уловкѣ. Замѣтивъ ученика, занесшаго руку за спину за платкомъ, или просто, ни съ того ни съ сего, учитель кричалъ, обращаясь къ нему: что ты, мужикъ, невѣжа, тамъ чешешься!—и при этомъ начиналъ самъ преусердно чесать то мѣсто, которое требовало успокоительнаго движенія ногтей. Бѣшеная вспыльчивость Зоммера, какъ разсказывали жившіе у него пансіонеры, доходила до того, что однажды въ яромъ гнѣвѣ на своего племянника онъ бросилъ въ него часовую гирю, и мальчикъ, во время и счастливо

увернувшись въ сторону, успѣлъ избѣгнуть гибельнаго удара. Впрочемъ, на ежеминутно пламенѣвшаго нѣмца находилъ иногда и добрый стихъ: онъ приходилъ въ классъ веселый и радостный, смѣялся и шутилъ съ учениками, и тѣ, дорожа этими свѣтлыми минутами, старались всѣми силами угодить доброму, по своей природѣ, но уродливо раздражительному преподавателю. По особенной трудности поладить съ нимъ многіе не учились нѣмецкому языку, пользуясь правомъ необязательности его при занятіяхъ языкомъ французскимъ.

Самымъ мирнымъ характеромъ отличалось преподаваніе географіи, статистики и исторіи. Степанъ Ивановичъ Знаменскій, учитель этихъ предметовъ, мужчина высокій, коренастый, съ тяжелою походкой и съ глубокомыслящимъ лицомъ, былъ питомецъ Казанскаго университета, по происхожденію изъ духовнаго званія и, повидимому, уроженецъ одной изъ Сѣверныхъ губерній, о чемъ сразу заявлялъ своимъ нарѣчіемъ, полнозвучнымъ выговоромъ *о* и *е* безъ смягченія ихъ въ *а* и *ё* по законамъ просодическимъ и по требованію благозвучія господствующаго нарѣчія. Не знаю, что было университетскою спеціальностію Знаменскаго, но въ преподаваемыхъ имъ въ гимназіи предметахъ онъ не могъ считаться полнымъ хозяиномъ: онъ не выходилъ изъ предѣловъ избранныхъ руководствъ: всеобщей исторіи Кайданова, географіи Арсеньева и краткаго учебника русской исторіи, изданнаго департаментомъ Народнаго Просвѣщенія въ руководство для народныхъ училищъ. Не дополняя заданныхъ имъ уроковъ никакими особенными своими разсказами и поясненіями, преподаватель вполнѣ удовлетворялся, если ученикъ, передавая урокъ, не опускалъ ничего въ его содержаніи и удерживалъ въ изложеніи тѣ фигурные обороты цвѣтистаго слога, которыми щеголялъ учебникъ Кайданова. Съ особенною похвалою и одобреніемъ относился преподаватель къ тому ученику, который дополнялъ свой разсказъ какими-нибудь новыми подробностями, сохранившимися въ его памяти отъ прочитаннаго имъ нѣкогда другого учебнаго руководства — «Хорошо, очень хорошо,—говорилъ тогда довольный учитель,—спасибо вамъ! Гдѣ все это вы читали?» Когда ученикъ называлъ книгу и часто даже невпопадъ, Степанъ Ивановичъ повторялъ свою признательность, въ знаменіе которой ставилъ въ спискѣ высшій баллъ. Очевидно, что учитель не коротко былъ знакомъ съ литературою обязательныхъ для него наукъ. Преподаваніе географіи сопровождалось указаніями на картахъ, но о черченіи послѣднихъ не имѣли тогда и понятія. Къ чести и доброй памяти Степана Ивановича Знаменскаго должно сказать, что всѣ гимназисты учились у него охотно и прилежно, и причина особеннаго сочувствія къ его предметамъ заключалась отчасти въ естественной занимательности ихъ содержанія, отчасти и въ гуманномъ обращеніи преподавателя съ учениками: онъ былъ всегда вѣжливъ, обходителенъ, ласковъ и, ограничивая свои

взысканія кроткими замѣчаніями и совѣтами, никогда не прибѣгалъ къ крутымъ мѣрамъ,—рѣзкой брани и тѣлеснымъ истязаніямъ. Можетъ быть, въ предметахъ своего преподаванія онъ былъ не особенно силенъ потому, что они случайно выпали на его долю для отбыванія казенной повинности, т.-е. прослуженія, за свое содержаніе въ университетѣ, въ учительствѣ положеннаго срока, по минованіи котораго онъ, дѣйствительно, выѣхалъ въ обѣтованный Петербургъ. Преподаваніе Закона Божія не отличалось никакими особенностями. Буквальное заучиваніе Катихизиса и священной исторіи ветхаго и новаго Завѣта вмѣнялось въ непремѣнную обязанность гимназиста: о богослуженіи и исторіи церкви тогда не было еще и помина. Въ бытность мою въ гимназіи смѣнилось трое законоучителей; перваго изъ нихъ, уже пожилого протоіерея, я едва помню; за нимъ слѣдовали соборные священники, Островидовъ, перешедшій вскорѣ въ санѣ протоіерея въ настоятели Чембарскаго соборнаго храма, и наслѣдовавшій ему Жмакинъ, остававшійся въ гимназіи и послѣ моего выхода изъ нея. Оба законоучителя избраны были епархіальнымъ начальствомъ, какъ люди вполнѣ способные вести съ успѣхомъ возложенное на нихъ дѣло. Они дѣйствительно усердно и свято исполняли его, подчиняясь господствовавшимъ въ то время убѣжденіямъ о преподаваніи Закона Божья, сохранившимъ силу свою и до сихъ поръ въ большей части учебныхъ заведеній: произносили въ качествѣ объясненій цѣлыя проповѣди передъ своими учениками и болѣе всего для собственнаго самоуслажденія, не заботясь о томъ, усвоены ли эти толкованія смиренными слушателями, и въ концѣ концовъ довольствовались знаніемъ мертвой буквы учебника. Легче дышалось гимназистамъ на урокахъ изъ священной исторіи, когда Дмитрій Ивановичъ Жмакинъ дозволялъ своеобразность разсказа.

Заключу мой длинный перечень учебныхъ предметовъ и преподавателей благодарнымъ воспоминаніемъ о Михаилѣ Максимовичѣ Поповѣ, котораго вполнѣ справедливо назвалъ Лажечниковъ кладомъ для гимназіи, и надобно прибавить, что это былъ кладъ самый рѣдкій и драгоцѣнный, который не всегда дается заведеніямъ. М. М. Поповъ былъ для Пензенской гимназіи то же, чѣмъ нѣкогда были для Московскаго Университета Грановскій, Кудрявцевъ. Служба Михаила Максимовича въ гимназіи была особенно важна и замѣчательна по нравственному вліянію на нее этого высокаго человѣка: не только ученики, но и сами товарищи, преподаватели дорожили добрымъ мнѣніемъ о себѣ Михаила Максимовича и старались въ присутствіи его воздерживаться отъ своихъ невзрачныхъ поступковъ. Такъ рѣзкій крикъ Зоммера мгновенно утихалъ, и лицо, пламенѣвшее отъ гнѣва, принимало иное, болѣе спокойное выраженіе, когда Михаилу Максимовичу доводилось проходить въ 4-ый классъ мимо этого бѣшенаго нѣмца, сидѣвшаго въ третьемъ. Самые отъявленные

шалуны вели себя сдержанно и прилично въ классѣ этого преподавателя изъ благосклоннаго уваженія къ нему, и если кто-нибудь изъ нихъ позволялъ себѣ нарушить даже довольно обычный порядокъ и тишину во время урока, тотъ, по окончаніи его, долженъ былъ перенести ярую бурю негодованія и упрековъ со стороны товарищей.

Впрочемъ, во время уроковъ изъ естественныхъ наукъ шалостямъ и разсѣянности учениковъ былъ полнѣйшій недосугъ при мастерскомъ умѣньи преподавателя сосредоточивать и приковывать ихъ вниманіе живою прелестью своихъ одушевленныхъ разсказовъ или объясненій при наглядномъ изученіи предмета. Такъ, собравъ вокругъ стола своего учениковъ, Михаилъ Максимовичъ, перелистывая составленный имъ гербарій, заставлялъ по очереди повторять латинскія названія указываемыхъ имъ растеній. Нерѣдко предпринимались ботаническія экскурсіи за городъ, и эти прогулки по полямъ и садамъ были настоящимъ праздникомъ для гимназистовъ: описаніе встрѣченныхъ цвѣтовъ и травъ, собираніе ихъ, ловля бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ наполняли время, которое среди оживленной бесѣды проходило весело и быстро, часто до солнечнаго заката. Благодаря такому разумному преподаванію и благородной, великодушной заботливости Михаила Максимовича, гимназисты основательно знакомы были съ флорою Пензенской губерніи.

Вотъ все, что сохранилось въ моей памяти о преподавателяхъ современной мнѣ и Бѣлинскому гимназіи и ихъ преподаваніи. Послѣднее отличалось вообще крайнею неустойчивостью, сколько по отсутствію въ немъ правильной, разумной методы, недостатку строгаго контроля со стороны гимназическаго начальства надъ легкомысленнымъ, неодобрительнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу преподавателей, столько, и даже болѣе всего, по совершенному прекращенію на продолжительное время самаго ученія вслѣдствіе выхода изъ заведенія учителя. Въ четырехлѣтнее пребываніе мое въ гимназіи смѣнилось три учителя Закона Божія, три по русскому языку, три по математикѣ, три по французскому языку, два по исторіи и географіи, постоянными оставались только преподаватели двухъ языковъ: латинскаго и нѣмецкаго, естественныхъ наукъ и рисованія. Мѣняясь, какъ китайскія тѣни, учителя не имѣли возможности освоиться ни съ заведеніемъ, ни съ предметомъ, нерѣдко случайно выпавшимъ на ихъ долю, ни съ учениками; и нѣкоторые, отбывая свою срочную службу, не заботились о выборѣ лучшей методы преподаванія и, по своему ограниченному нравственному развитію имѣя смутное и даже превратное понятіе о дѣлѣ, ограничивали свою учительскую дѣятельность простымъ задаваніемъ уроковъ по учебнику отъ сихъ и до сихъ, и спрашиваніемъ заданнаго, вмѣняя при этомъ въ обязанность и въ особенное достоинство буквальную передачу урочнаго содержанія, ни на волосъ не отступая отъ книги. Таково было, какъ выше сказано,

преподаваніе исторіи. Инспекторскаго надзора тогда не существовало, самое директорское мѣсто, послѣ выхода Лажечникова, оставалось свободнымъ въ продолженіе почти трехъ лѣтъ, если не болѣе, и должность начальника гимназіи исправляли по очереди старѣйшіе по службѣ учителя: сначала Яблонскій, потомъ Дмитревскій. Завѣдуя дирекціею всѣхъ Пензенскихъ училищъ, имѣя на рукахъ свой собственный предметъ обученія и множество дѣла по канцелярской перепискѣ съ попечителемъ Казанскаго Округа и смотрителями уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, такой временный правитель заведенія, калифъ на часъ, считалъ неумѣстнымъ и, пожалуй, неделикатнымъ строго относиться къ поведенію своихъ товарищей, такихъ же учителей, которые могли не нынче, завтра помѣняться съ нимъ ролями и платить ему равною монетою, особенно въ то время, когда эгоистическіе разсчеты, побужденія личнаго мелочнаго самолюбія преобладали надъ общественнымъ благомъ. Всякій преподаватель велъ свои дѣла по крайнему разумѣнію, самостоятельно, безназаканно со стороны даже воображаемаго контроля. Всего болѣе вредилъ успѣхамъ гимназическаго ученія продолжительный застой въ немъ, происходившій вслѣдствіе выхода учителя изъ заведенія и медленнаго замѣщенія его другимъ. Такіе застои въ преподаваніи были гибельны по математикѣ, и особенно по французскому языку, которому, можно сказать, мы вовсе не учились въ старшихъ классахъ за неимѣніемъ учителя. Вообще, современная мнѣ и Бѣлинскому гимназія только что складывалась, переживала тяжелое переходное время на пути къ улучшенію, начало которому было положено, можетъ быть, Лажечниковымъ, но которое пошло впередъ со вступленіемъ въ должность директора честнаго, заботливаго старичка Протопопова, строго слѣдившаго за успѣхами воспитанниковъ и принимавшаго на себя обязанность преподавателя математики до пріѣзда изъ Казани молодого кандидата Меркушева, умнаго и знающаго основательно свой предметъ, но черезчуръ заносчиваго и нетерпѣливаго.

Всѣ эти воспоминанія о гимназіи, конечно, не только незанимательны, но утомительны и скучны. Я позволилъ себѣ такъ продолжительно остановиться на нихъ для того, чтобы показать, насколько ограниченность свѣдѣній, вынесенныхъ Бѣлинскимъ изъ этого заведенія, зависѣла лично отъ него самого и насколько отъ вліянія внѣшнихъ и неблагопріятно дѣйствовавшихъ на него обстоятельствъ. Бѣлинскій поступилъ въ Пензенскую гимназію въ Августѣ 1825-го года; а въ Февралѣ 1829 вычеркнутъ изъ списковъ, съ отмѣткою: за нехожденіе въ классъ. Такъ сказано въ біографіи и, вѣроятно, на основаніи наведенныхъ въ гимназіи справокъ. Слѣдовательно, Бѣлинскій пробылъ въ заведеніи три съ половиною года: одинъ въ первомъ классѣ, одинъ во второмъ и полтора года въ третьемъ, изъ котораго и вышелъ. Какъ поступившій годомъ раньше меня, Бѣлинскій былъ впереди на одинъ

классъ, и я догналъ его въ 1828 году въ третьемъ классѣ, когда онъ былъ оставленъ въ немъ за неуспѣшность, причины которой будутъ объяснены ниже. Объ удовлетворительномъ ученіи Бѣлинскаго въ первомъ классѣ свидѣтельствуетъ безпрепятственный переходъ его во второй; притомъ же первоначальный гимназическій курсъ немногимъ разнится отъ училищнаго, а въ Чембарѣ Бѣлинскій слылъ за ученика даровитаго и прилежнаго. Я очень хорошо помню, съ какою любовью относился къ нему нашъ Законоучитель, соборный священникъ Василій Чембарскій: онъ называлъ обыкновенно Бѣлинскаго ласковыми «Висяша, умница, душенька», восхищенный его отвѣтами. Считаясь отличнымъ и прилежнымъ ученикомъ у смотрителя Грекова по другимъ предметамъ, Виссаріонъ хорошо зналъ ариѳметику и начальныя основанія геометріи въ предѣлахъ училищнаго курса; изъ подробнаго этимологическаго разбора, на который, къ нашему счастью, обращали въ училищѣ строгое вниманіе, мы вынесли изъ этой первоначальной нашей школы прочный задатокъ къ разумѣнію русской грамматики, хотя въ то же время были далеко не свободны отъ орѳографическихъ ошибокъ по недостатку навыка, вслѣдствіе рѣдкости письменныхъ упражненій. Такимъ образомъ, при хорошей училищной подготовкѣ, Бѣлинскому легко было учиться въ первомъ классѣ.

Затрудненія могли быть только въ иностранныхъ языкахъ; но нѣмецкому онъ вовсе не учился, слѣдовательно, онъ былъ необязательнымъ для него предметомъ; преподаваніе французскаго языка въ первомъ и второмъ классахъ у Яблонскаго ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и заучиваніемъ глагольныхъ формъ въ спряженіяхъ.

Начало къ изученію языковъ латинскаго и французскаго, по крайней мѣрѣ, въ чтеніи и письмѣ, было положено дома: въ первомъ при помощи, вѣроятно, отца, а во второмъ при содѣйствіи, какъ мнѣ помнится, сестры моей, Катерины Петровны, которая одна въ цѣломъ городѣ знала тогда этотъ языкъ.

Доказательствомъ прилежнаго ученія и отличныхъ успѣховъ Бѣлинскаго во 2-мъ классѣ служитъ полученная имъ въ награду и лежащая теперь передо мною книга: «Руководство къ Механикѣ, изданное для народныхъ училищъ Россійской Имперіи по Высочайшему повелѣнію царствующія Императрицы Екатерины вторыя. Вторымъ тисненіемъ. Цѣна безъ переплета 40 копѣекъ. Въ Санктпетербургѣ 1790 года». На оборотной сторонѣ бумажнаго переплета написано рукою исправлявшаго должность директора, Дмитревскаго: «Пензенской Гимназіи ученику 2 класса Виссаріону Бѣлынскому за благонравіе и успѣхи изъ логики и реторики, Исторіи и Географіи, дана въ торжественномъ собраніи Іюня 26 дня 1827 года. Исправляющій должность Директора Николай Дмитревскій». Внизу подписи, слѣва приложена сургучная казенная печать. Награда была дана за успѣхи только по четыремъ предметамъ, объ остальныхъ не упоминается, потому что ученіе по

нимъ не заслуживало публичной похвалы; однако же оно было настолько удовлетворительно, что не мѣшало назначенію награды по означеннымъ четыремъ. Поощрить Бѣлинскаго начальство и педагогическій совѣтъ гимназіи считалъ необходимымъ не по одному ходатайству преподавателей этихъ предметовъ, но и по личному убѣжденію въ дарованіяхъ и нравственномъ достоинствѣ ученика. Забавнымъ кажется при этомъ выборъ книги, данной въ награду. Оставляя въ сторонѣ отсутствіе прямого отношенія механики къ логикѣ, реторикѣ, географіи и исторіи, всякій невольно спроситъ, какое значеніе могла имѣть для мальчика наука, которой ему не приходилось учиться въ гимназіи и которой онъ не зналъ, слѣдовательно, и не чувствовалъ никакого расположенія. Выборъ книги объясняется очень простою причиною: у гимназіи не было денегъ, опредѣленныхъ для ученическихъ наградъ, библіотека была бѣдна, экономическія сбереженія употреблялись на болѣе существенныя нужды, а потому по неволѣ приходилось выбирать наградныя книги изъ стараго хлама, присланнаго когда-то, лѣтъ за тридцать, для распродажи и оставшагося неприкосновеннымъ бременемъ въ библіотекѣ заведенія за неимѣніемъ покупателей. Подобныя же награды получали мы съ Бѣлинскимъ въ Чембарскомъ училищѣ; а въ первые годы онѣ состояли изъ похвальныхъ листовъ, которые намъ позволялось изготовлять самимъ дома; въ выборѣ орнаментовъ каждый руководствовался собственнымъ своимъ вкусомъ, раскрашивая по краямъ листъ обыкновенной писчей бумаги, то въ видѣ рамки, обвитой цвѣточными гирляндами, то вѣнкомъ изъ распустившихся розъ; въ срединѣ собственноручно по линейкамъ и крупными буквами выводили слѣдующую обычную надпись: «Похвальный листъ» и затѣмъ въ строкахъ: «данъ при публичномъ испытаніи ученику такого-то класса, такому-то, за отличные успѣхи и прилежаніе, тогда-то». Такіе похвальные листы, заранѣе приготовленные съ помощью моего брата, Александра Петровича, хорошаго рисовальщика и постояннаго друга и пріятеля Виссаріона Григорьевича, относились къ смотрителю Грекову, который скрѣплялъ ихъ подписью собственною и всѣхъ учителей, прикладывая сургучную училищную печать, и выдавалъ по принадлежности на публичномъ экзаменѣ въ присутствіи довольно многочисленнаго собранія родителей и родственниковъ учениковъ.— Бѣлинскій вполнѣ заслуживалъ полученной имъ награды; по предметамъ, указаннымъ въ надписи на подаренной книгѣ, онъ едва ли не всегда былъ первымъ ученикомъ. Рѣдкая, счастливая память, которою онъ постоянно отличался, помогала ему легко усвоить тѣ примѣры изъ Карамзина, Жуковскаго и другихъ, которые наполняютъ реторику Кошанскаго; сверхъ того, по своей обширной, сообразно съ лѣтами и средствами, начитанности, онъ могъ представить множество иныхъ, подходящихъ къ образцамъ, примѣровъ, особенно на тропы и фигуры, изъ разнообразнаго запаса стихотвореній, которыя издѣтства любилъ записывать въ

толстыя тетради и всегда сохранялъ въ свѣжей памяти. Руководствомъ къ логикѣ, которую такъ непроизводительно заучивали наизустъ, служила небольшая книжечка безъименнаго автора или составителя; она начиналась, помнится, такъ: «мыслить и мысли свои сообщать другимъ—вотъ двѣ способности, которыми отличается человѣкъ отъ прочихъ животныхъ». Уроки изъ этой книжечки задавались небольшіе, по страницѣ и даже менѣе, и оттого затверживались легко, особенно при очередномъ повтореніи одного и того же учениками всего класса при спрашиваніи учителемъ уроковъ. Заслуги Бѣлинскаго при изученіи логики и отличіе, пріобрѣтенное имъ, заключались, конечно, не въ буквальной передачѣ заданныхъ уроковъ; но въ изобрѣтательности и находчивости, съ которыми онъ умѣлъ пріискать къ тому или другому опредѣленію или положенію науки соотвѣтствующій примѣръ, свидѣтельствовавшій о пониманіи его. Благодаря подобнымъ примѣрамъ, заученнымъ по книгѣ и слышаннымъ въ классѣ отъ лучшихъ товарищей своихъ, ученики усвоивали хотя поверхностное пониманіе нѣкоторыхъ научныхъ терминовъ, которые безъ того оставались бы въ ихъ памяти глухими звуками, насильственно втѣсненными въ нее школяромъ-учителемъ безъ всякаго предварительнаго объясненія; таковы, напримѣръ: недѣлимое, видъ, родъ, объемъ и содержаніе понятій, сужденіе, виды его по категоріямъ Канта, силлогизмъ, составныя его части, силлогизмы сложные: соритъ, дилемма и т. п. Признательное участіе преподавателя къ Бѣлинскому возбуждено было, всего вѣроятнѣе, письменными работами его, хотя онѣ были вообще очень рѣдки. Обладая, въ силу своей начитанности, богатымъ матеріаломъ для сочиненій, Бѣлинскій лучше всѣхъ могъ упражняться въ составленіи разнаго рода періодовъ, хрій ordinata и inversa и другихъ хитросплетеній по источникамъ изобрѣтенія. Въ этомъ отношеніи сообщенія Лажечникова, помѣщенныя на 217-й страницѣ біографіи Бѣлинскаго и характеризующія преподавателя русской словесности (Василія Егоровича Яблонскаго), въ общихъ своихъ чертахъ почти вѣрны; справедливо и вѣрно и то, что Бѣлинскій долго (2 года) находился подъ ферулой его, но выраженіе Лажечникова, что Бѣлинскій, съ врожденной ему энергіей, не поддался ей, должно принимать только въ томъ смыслѣ, что это схоластическое, мертвящее ученіе не оставило на немъ никакого слѣда, или онъ не вынесъ ничего изъ этого ученія, кромѣ отвращенія къ реторикѣ вообще и къ реторикѣ Кошанскаго въ особенности, которое не разъ высказывалъ впослѣдствіи во многихъ статьяхъ, когда приходилось заводить рѣчь о ней. Понимать подъ выраженіемъ Лажечникова враждебныя отношенія между Бѣлинскимъ и преподавателемъ русской словесности невозможно, потому что онъ не считалъ бы его любимымъ ученикомъ и не ходатайствовалъ бы о его наградѣ. Помѣщенное на 219 стр. въ сноскѣ замѣчаніе Лажечникова о томъ, что Бѣлинскій, еще будучи въ гимназіи, составилъ грамматику, что, не удовлетворяясь

школьными учебниками, онъ тогда уже не подчинялся авторитетамъ и хотѣлъ работать самостоятельно, лишено, говоря языкомъ газетъ, всякаго основанія. Подобный трудъ, требовавшій продолжительнаго приготовительнаго изученія, личныхъ наблюденій надъ составомъ языка, историческимъ его движеніемъ въ памятникахъ словесности и живой рѣчи, подробнаго знакомства съ существовавшими тогда руководствами, критической оцѣнки ихъ, самостоятельныхъ разумныхъ убѣжденій и многихъ другихъ условій, былъ въ ту пору не по силамъ Бѣлинскому и не могъ прійти ему въ голову среди срочныхъ школьныхъ занятій и даже въ часы досуга, которые посвящались обыкновенно чтенію журналовъ, поэтическихъ произведеній, бесѣдѣ съ товарищами и театру. Въ письмахъ Бѣлинскаго къ роднымъ въ первые годы пребыванія его въ Москвѣ мѣстами встрѣчаются орѳографическія погрѣшности, извиняемыя, конечно, поспѣшностью, разсѣянностью, но невозможныя въ такомъ случаѣ, когда онъ относился бы съ такимъ строгимъ вниманіемъ къ грамматикѣ, что не удовлетворялся школьными учебниками Востокова и Греча, которые въ то время пользовались огромнымъ, неприступнымъ авторитетомъ и служили единственными руководствами во всѣхъ гимназіяхъ, слѣдовательно, и въ Пензенской. Вѣроятно, Лажечниковъ въ своемъ замѣчаніи смѣшалъ двѣ разныя эпохи въ жизни Бѣлинскаго: ученіе въ гимназіи и событія, послѣдовавшія послѣ выхода его изъ университета, когда, по желанію и порученію графа Сергѣя Григорьевича Строганова, написалъ русскую грамматику, трудъ, по времени появленія своего, замѣчательный во многихъ отношеніяхъ.

По исторіи и географіи Бѣлинскій считался отличнѣйшимъ ученикомъ: никто лучше его не обладалъ прелестью, увлекательностью разсказа; онъ былъ природный ораторъ, маленькій Периклъ, философъ, какимъ и назвали его сами товарищи. Степанъ Ивановичъ Знаменскій, преподаватель исторіи, былъ дилетантъ своей науки. Не дополняя заданнаго по книгѣ урока собственными подробностями и поясненіями, онъ въ то же время съ особенною любовью и одобреніемъ выслушивалъ того ученика, который, передавая заданное, расширялъ объемъ его вставкою обстоятельствъ, почерпнутыхъ изъ другого историческаго руководства, хотя бы они прямо и не относились къ дѣлу, принадлежали другому вѣку или относились къ другому историческому лицу. Бѣлинскій, по своей начитанности и мастерскому изложенію, лучше всѣхъ удовлетворялъ этой наивной любознательности учителя, который по окончаліи разсказа всегда, бывало, говаривалъ: хорошо, очень хорошо, отлично, очень вамъ благодаренъ. Скажите, откуда вы это вычитали?—И когда Бѣлинскій называлъ источникъ, преподаватель снова разсыпался въ похвалахъ и благодарности и ставилъ въ заключеніе высшій баллъ. Съ географіей Бѣлинскому еще легче было сладить при изумительно рѣдкой памяти. Быстро передавая, напримѣръ, наименованіе морей, озеръ, рѣкъ и т. п. въ извѣстной части свѣта, онъ въ то же время безъ

всякаго замедленія указывалъ ихъ на картѣ, чѣмъ и сопровождалось въ гимназіи преподаваніе географіи, о черченіи картъ не было тогда и помина. Бѣлинскій издѣтства охотно занимался географіею, едва ли не съ училища зналъ наперечетъ всѣ города Россійской Имперіи и принадлежность ихъ къ той или другой губерніи; и впослѣдствіи всѣ московскія квартиры его постоянно украшались картами всѣхъ частей свѣта, и сверхъ того, Россіи особенно.

По всѣмъ другимъ предметамъ второклассnаго курса Бѣлинскій, какъ я сказалъ, получилъ удовлетворительные баллы: иначе онъ не былъ бы переведенъ въ 3-й классъ, и сомнительно, чтобы получилъ указанную выше награду, потому что ни директоръ, ни учителя не рѣшились бы поощрять успѣхи воспитанника по однимъ предметамъ на счетъ совершеннаго невниманія къ другимъ. Дѣйствительно, французскому языку Бѣлинскій учился во 2 классѣ у того же Яблонскаго, преподавателя русской словесности, у котораго считался по ней первымъ или отличнымъ ученикомъ; притомъ ему, при здоровой памяти, легко было овладѣть таблицами спряженій, которыя составилъ Яблонскій, и на заучиваніи которыхъ преимущественно вращалось у него преподаваніе французскаго языка. По латыни Бѣлинскій учился хорошо, и у меня свѣжо сохранились въ памяти тѣ латинскія похвалы, которыя подписывалъ намъ любимый преподаватель Николай Степановичъ Дмитревскій на переводахъ Бѣлинскаго съ русскаго языка на латинскій. Съ видимымъ удовольствіемъ показывалъ, бывало, Виссаріонъ мнѣ и жившимъ съ нами на одномъ дворѣ семинаристамъ на собственноручныя подписи учителя на тетрадяхъ, на эти optime, excellentissime и т. п. и однажды, возвратившись изъ гимназіи съ скучнымъ лицомъ, онъ на вопросъ мой: что подписалъ тебѣ Николай Степановичъ на переводѣ, съ величайшимъ огорченіемъ отвѣчалъ: плохо, братъ, поспѣшилъ я съ своимъ переводомъ и непростительно навралъ въ немъ; добрый Николай Степановичъ подписалъ только cura melius, когда я заслужилъ male и даже pessime. Подобными совѣтами, въ родѣ cura melius, Дмитревскій щадилъ лучшихъ своихъ учениковъ, къ которымъ питалъ особенное расположеніе; съ ними нерѣдко шутилъ онъ въ часы досуга, иногда и между дѣломъ, добродушно смѣялся при остротахъ, которыми перестрѣливались между собою ученики; но все это дозволялось на мгновеніе и никогда не доходило до крайностей. Первенствующимъ лицомъ въ средѣ остряковъ былъ всегда Бѣлинскій, умѣвшій искусно примѣнить пословицу, отрывокъ изъ басни или стихотворный отрывокъ къ положенію своего противника—товарища. Болѣе всѣхъ доставалось отъ Бѣлинскаго, но уже въ 3 классѣ, пансіонеру нѣмецкаго учителя Зоммера, Латышеву. Это былъ довольно рослый парень, лѣтъ 17 или 18-ти, порядочный тупица и лѣнтяй; но въ то же время, какъ говорится, шутъ гороховый или гороховое чучело, мастерски умѣвшій копировать учителей, передразнивать товарищей для потѣхи празднаго населенія гимназіи, въ кото-

рой постоянно слылъ забавникомъ, смѣхотворцемъ, шутомъ. Однажды Дмитревскій, напрасно ожидая отвѣта отъ Латышева, сказалъ ему: нѣтъ, Латышевъ, отъ васъ толку не добьешься; вамъ не помогаютъ и мои поощрительныя отмѣтки; тогда Бѣлинскій началъ, какъ бы про себя, декламировать вслухъ изъ Державина:

Оселъ всегда останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ надо дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.

Такое умѣстное примѣненіе изъ извѣстной оды къ обстоятельству, на которое указывалъ учитель, вызвало смѣхъ его, а за нимъ и всего класса. Но эти веселые порывы не всегда допускались: бывало, когда Бѣлинскій черезчуръ дастъ волю своему рѣзвому остроумію, Дмитревскій мгновенно усмирялъ его однимъ повелительнымъ возгласомъ: Бѣлынскій! я попрошу замолчать!— Такъ легко, безъ наказаній, сходили шалости во время урока только лучшимъ ученикамъ, и Бѣлинскій былъ въ числѣ ихъ. Допекать Латышева своими насмѣшками Бѣлинскій имѣлъ особенныя побужденія: никто такъ не надоѣдалъ ему въ свободное отъ уроковъ время, до прихода учителя, какъ Латышевъ. Онъ или его соквартирантъ у Зоммера Архиповъ, далъ Бѣлинскому прозвище Брынскаго козла, распространенное между всѣми гимназистами; многіе изъ нихъ находили, что это прозвище шло къ Бѣлинскому: къ его мужественному, не по лѣтамъ, серьезному, лицу, большимъ глазамъ, осѣненнымъ длинными рѣсницами, и къ обыкновенію держать голову наклонно, особенно въ минуты размышленія, которое рѣдко покидало его. Латышевъ мѣшалъ Бѣлинскому читать, подходилъ къ нему съ простертыми руками и, безпрестанно повторяя: «Бѣлынскій, козелъ Брынскій!», старался вызвать его на бѣготню вокругъ столовъ; Бѣлинскій отбивался отъ него ногами и, если не удавалось ему ловкимъ ударомъ отогнать наглеца, обращался за помощью къ товарищамъ, которые и помогали ему усмирить празднаго и глупаго пустомелю. Досаждали Бѣлинскому и другіе товарищи, подобные Латышеву и не отличавшіеся особеннымъ прилежаніемъ. Передъ приходомъ М. М. Попова въ классъ Бѣлинскаго обыкновенно упрашивали о томъ, чтобы онъ завелъ съ нимъ споръ о писателяхъ, надѣясь этимъ способомъ утратить время, назначенное для спрашиванія уроковъ и освободиться отъ непріятной отвѣтственности за неприготовленіе ихъ. Бѣлинскій съ негодованіемъ отвергалъ эти просьбы, какъ непримиримый врагъ всякой лжи, отгонялъ назойливыхъ просителей, называя ихъ подлецами и негодяями, а между тѣмъ, нечувствительно, противъ своей воли и принятаго намѣренія потворствовать, поддавался увлекающей его потребности разрѣшить волновавшія его сомнѣнія и недоумѣнія, и тогда неудержимо начинались тѣ сцены, о которыхъ говоритъ самъ Михаилъ Максимо-

вичъ (на 220 стр. біографіи). Все разсказанное мною происходило уже въ 3-мъ классѣ, потому что въ немъ начиналось преподаваніе естественной исторіи.

Математикѣ во 2-мъ классѣ Бѣлинскій учился у Ляпунова и, при толковомъ преподаваніи этого недужнаго старичка, успѣлъ усвоить свѣдѣнія, достаточныя для перехода въ 3-й классъ и помогшія ему впослѣдствіи благополучно сдать этотъ предметъ у профессора Чумакова на пріемномъ университетскомъ экзаменѣ. Нѣмецкому языку, помнится мнѣ, Бѣлинскій не учился; законъ Божій также не мѣшалъ его переводу въ высшій классъ. Такимъ образомъ, ученіе Бѣлинскаго до 3-го класса шло по нѣкоторымъ предметамъ отлично, а въ другихъ вполнѣ удовлетворительно. Назвать его плохимъ ученикомъ невозможно: этому противорѣчитъ и полученная имъ награда и безпрепятственный переходъ въ 3-ій классъ; подозрѣвать его въ лѣни и нерадѣніи было бы тяжкимъ грѣхомъ: ни одна минута не пропадала у него даромъ: онъ или читалъ, или списывалъ что-нибудь прочитанное въ тетрадь, или бесѣдовалъ съ дѣльными людьми, или предавался въ одиночку размышленіямъ. — Чѣмъ же объяснить охлажденіе его къ ученію и преждевременный, до окончанія курса, выходъ изъ гимназіи? Все это объясняется очень простою причиною: еще въ 1828 г. Бѣлинскій задумалъ поступить въ университетъ. Въ это время Бѣлинскому было 17 и даже 18 лѣтъ, слѣдовательно, возрастъ не мѣшалъ его вступленію. Одни ограниченныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ гимназіи, могли пугать его; но съ этой стороны онъ могъ успокоиться, во-первыхъ, возможностью подготовиться дома, а во-вторыхъ, всего болѣе нетрудностію вступительнаго экзамена, въ которой увѣрили его земляки, студенты Московскаго университета (Ягнъ, Терентьевъ, Григорьевъ), пріѣзжавшіе въ Пензу и въ Чембаръ на вакацію.— Сроднившись съ мыслію объ университетѣ, Бѣлинскій охладѣлъ къ гимназическому ученію; притомъ, за выходомъ учителей и при безпрестанной смѣнѣ ихъ, много свободнаго времени пропадало даромъ, о чемъ я уже говорилъ выше; съ вступленіемъ директора Протопопова, человѣка заботливаго и строгаго, начались непривычныя для гимназистовъ взысканія и наказанія. Бѣлинскій въ концѣ учебнаго 1827—28 года сталъ рѣже посѣщать заведеніе, не держалъ, помнится мнѣ, годичнаго экзамена на переходъ въ 4 классъ, надѣясь въ августѣ ѣхать въ Москву; но надежда эта не осуществилась, онъ долженъ былъ возвратиться послѣ вакаціоннаго времени въ Пензу и продолжать ученіе въ томъ же 3-мъ классѣ, какъ не державшій экзамена и получившій неудовлетворительныя отмѣтки по многимъ предметамъ, о чемъ указано въ сноскѣ на 216 стр. біографіи. Повторительное ученіе въ 3 классѣ продолжалось около пяти мѣсяцевъ: къ Рождеству онъ уѣхалъ въ Чембаръ и не возвращался уже въ гимназію; заявленій о своемъ выходѣ изъ нея онъ не дѣлалъ: никакихъ документовъ получать ему было не нужно, и вотъ почему

въ январѣ 1829 года въ гимназическихъ вѣдомостяхъ объ немъ было отмѣчено, что за нехожденіе въ классъ не рекомендуется, а въ февралѣ того же года онъ былъ вычеркнутъ изъ списковъ, съ отмѣткою: за нехожденіе въ классъ.

Перейду теперь къ домашней жизни Бѣлинскаго, внѣ гимназіи. Ни у родителей Бѣлинскаго, ни у моихъ не было въ Пензѣ короткихъ знакомыхъ и такихъ близкихъ родныхъ, у которыхъ они могли бы помѣстить насъ за умѣренную плату и порадѣть объ насъ. Правда, жилъ тамъ со всѣми удобствами достаточнаго человѣка родной дядя моей матери по отцу, слѣдовательно, родня и Бѣлинскимъ, помощникъ губернскаго почтмейстера, Андрей Яковлевичъ Невѣшкинскій; но онъ содержалъ у себя взрослую племянницу жены, и въ казенной квартирѣ его не было особеннаго уголка, чтобы пріютить меня, своего внука. Госпожа Невѣшкинская поспѣшила предупредить о томъ мать мою на другой же день послѣ пріѣзда нашего въ Пензу, когда мы, по предварительному письменному приглашенію этого сильнаго родственника, остановились въ его квартирѣ. Мать моя, съ своей стороны, спѣшила увѣрить, что она и не помышляла безпокоить дядю о пріемѣ сына ея въ домъ, и что для него уже пріискана квартира. Тогда совѣстливая хозяйка, не желая казаться совершенно безучастною къ близкимъ родственникамъ ея мужа, настоятельно потребовала, чтобы я и Виссаріонъ непремѣнно приходили бы къ ней обѣдать по воскресеньямъ и въ другіе праздники, свободные отъ ученія. Квартира, о которой мать моя сказала своей теткѣ, дѣйствительно была заранѣе приготовлена для меня. Въ Пензенской семинаріи, въ классѣ реторики, или философіи учились въ то время два наши земляка Чембарцы: Аркадій Степановичъ Голубинскій (родной братъ дѣвицы Голубинской, владѣтельницы автографа Лермонтова), сынъ тогда уже умершаго соборнаго протоіерея, крестникъ моего отца или матери, и Михаилъ Семеновичъ Меридіановъ, сынъ соборнаго діакона. Оба они считались отличнѣйшими учениками въ семинаріи по ученію и поведенію, оба, по окончаніи курса въ семинаріи, вступили казеннокоштными студентами въ Казанскій университетъ и вышли изъ него лѣкарями перваго разряда на обязательную службу въ армію. Заботливости и участію этихъ двухъ благонадежныхъ молодыхъ людей были ввѣрены Виссаріонъ и я. Совершенно не помню, съ ними ли и гдѣ жилъ Бѣлинскій въ первый годъ пребыванія своего въ гимназіи; но по пріѣздѣ моемъ въ Пензу и соединеніи съ нимъ и семинаристами мы квартировали и очень долго въ Верхней Пѣшей улицѣ, довольно видной и чистой, застроенной порядочными домами и выходившей на соборную площадь, самую лучшую часть города. Хозяиномъ нашимъ былъ мѣщанинъ, Яковъ Аврамовичъ Петровъ, пожилой вдовецъ. У него былъ большой деревянный съ мезониномъ домъ, обращенный фасадомъ на улицу и занятый тогда сыномъ его, учителемъ рисованія въ гимназіи, Иваномъ Яковлевичемъ Петровымъ; справа отъ

этого дома на особенномъ небольшомъ дворѣ, оканчивавшемся маленькимъ фруктовымъ садомъ, построены были три флигеля, изъ которыхъ въ одномъ, состоявшемъ изъ двухъ съ кухнею комнатъ, помѣщался самъ хозяинъ съ кухаркою; въ другомъ, въ одну большую комнату, жили семинаристы въ числѣ четырехъ или пяти человѣкъ, и наконецъ часть третьяго флигеля, состоявшую изъ одной довольно просторной комнаты, занимали Бѣлинскій и я; другая половина этого флигеля, занята была кухнею и людскою учителя Петрова. Меблировка комнатъ была очень незатѣйлива: деревянная, досчатая и некрашенная кровать, такіе же столы съ однимъ или двумя ящиками, смотря по величинѣ стола, легкія переносныя скамейки и стулья съ сквозною, рѣшетчатою изъ круглыхъ спицъ спинкою, съ досчатою, ни чѣмъ необитою подушкою; на стѣнахъ полки для книгъ и тетрадей—и болѣе ничего. Вся эта мебель, произведеніе кустарной промышленности, была обычною не только въ деревняхъ, но и въ уѣздныхъ и даже губернскихъ городахъ; столярныхъ заведеній тогда не существовало, или они были очень рѣдки, столяровъ было очень мало. Понятно, что эта мебель, привозимая изъ деревень, закупалась на рынкахъ, особенно въ базарные и ярмарочные дни, болѣе удобные по возможности лучшаго выбора издѣлій и дешевизнѣ ихъ. Вотъ почему и неудивительно, что Иванисовъ [1]), котораго Бѣлинскій, вѣроятно, принялъ въ квартирѣ семинаристовъ, встрѣтилъ въ ней квасные боченки вмѣсто стульевъ. Дѣйствительно, на такіе импровизованные табуреты любили садиться рослые, дюжіе реторики, философы и богословы; такія сѣдалища были для нихъ надежнѣе и прочнѣе наскоро сколоченныхъ и скрѣпленныхъ деревянными гвоздями стульевъ, за поломку которыхъ тяжело было бы отвѣчать передъ расчетливымъ хозяиномъ бѣдняку, получавшему отъ отца пять или шесть рублей въ мѣсяцъ на свое содержаніе. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства невзыскательные жильцы Петрова не настаивали на покупкѣ лучшей мебели, и самъ онъ, зная по опыту непрочность рыночныхъ стульевъ, не спѣшилъ замѣнить поломанные изъ нихъ новыми. Мѣщанинъ Петровъ былъ человѣкъ небогатый; большой домъ принадлежалъ, кажется, его сыну или выстроенъ на его деньги; самъ же старикъ велъ какой-то мелочной торгъ и жилъ преимущественно доходами, которые получались съ жильцовъ и нахлѣбниковъ. Еще рѣзче бросилась въ глаза Иванисову встрѣча Бѣлинскаго въ нагольномъ тулупѣ. Это обстоятельство требуетъ также разъясненія. Не помню, въ какомъ году, Бѣлинскому не успѣли приготовить дома теплой шинели, или пожелали сшить ее въ Пензѣ, находя это удобнѣе и дешевле; запоздали присылкою на это денегъ, и портной замедлилъ исполненіемъ заказанной работы, и Бѣлинскій принужденъ былъ въ

[1]) Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1861, № 135, напечатано «Воспоминаніе о Бѣлинскомъ» Н. Иванисова.

глубокую осень ходить нѣкоторое время въ дорожномъ, некрытомъ калмыцкомъ тулупѣ; байковая или фризовая зеленаго цвѣта шинель была готова, и тулупъ сброшенъ съ плечъ. Какъ теперь гляжу на эту новомодную шинель, складывавшуюся, какъ пальто, въ сборки по тесьмѣ, которая завязывалась изнутри вокругъ таліи, живо представляю этотъ коротенькій капюшонъ въ видѣ нѣсколькихъ уступами ниспадавшихъ круглыхъ фальшивыхъ перелинъ, отороченныхъ свѣтлозеленою каймою. Такія фризовыя или байковыя, зеленыя и черныя, но описаннаго покроя шинели были тогда въ большой модѣ въ провинціи; я совершенно помню то видимое удовольствіе, съ которымъ Бѣлинскій щеголялъ въ своей обновкѣ, и какъ я завидовалъ ему. Калмыцкій тулупъ, который временно носилъ Бѣлинскій, былъ вещію не совсѣмъ дешевою даже и въ старинную пору: подобные тулупы съ коричневою и особенно черною мездрою продавались отъ 30 до 60 рублей по тогдашнему счету на ассигнаціи, и носившаго подобный тулупъ нельзя было признать крайнимъ бѣднякомъ. Появляться на свѣтъ Божій въ некрытыхъ шубахъ и калмыцкихъ тулупахъ тогда не считалось неприличнымъ, многіе зажиточные помѣщики постоянно разъѣзжали по городу въ некрытыхъ медвѣжьихъ шубахъ, находя, что суконная покрышка увеличитъ вѣсъ и безъ того тяжелой ноши; носить дубленые, сшитые изъ русскихъ бараньихъ овчинъ полушубки и до сихъ поръ сохранилось въ обыкновеніи во многихъ уѣздныхъ городахъ. Наши провинціи на этотъ счетъ не взыскательны: я помню богатаго, молодого, лѣтъ 30-ти, помѣщика, Хомякова, который расхаживалъ по Чембару и посѣщалъ дворянскіе дома въ простомъ малиновомъ плисовомъ ахалукѣ (родъ казакина), распещренномъ тиснеными, въ родѣ крендельковъ, узорами, какіе виднѣются на халатахъ и одѣялахъ, продаваемыхъ татарами. Я вдался невольно въ эти утомительныя и скучныя подробности съ единственною цѣлію показать, что мнѣніе Иванисова о жизни Бѣлинскаго въ Пензѣ, основанное на минутныхъ случайныхъ впечатлѣніяхъ, скоропостижно и опрометчиво, и также смѣлое заключеніе о его большой бѣдности и даже нищетѣ положительно несправедливо. Иванисовы были въ то время богатые купцы въ Пензѣ; двухъ или трехъ-этажный домъ ихъ выходилъ одною половиною на соборную площадь, а другою на Московскую улицу. Понятно, что обитателю лучшей, красивѣйшей части города, привыкшему видѣть въ домѣ своемъ раззолоченныя кресла, обитыя малиновымъ бархатомъ или штофомъ, носившему зимою или осенью бекешъ на собольемъ мѣху съ богатымъ бобровымъ воротникомъ, могли казаться: Верхняя Пѣшая улица, застроенная чистенькими деревянными домами, самою дурною частію города, квасные боченки вмѣсто стульевъ, некрытый калмыцкій тулупъ поражающими признаками крайней бѣдности и нищеты. Правда, Бѣлинскій былъ сынъ небогатаго уѣзднаго врача, жившаго небольшимъ жалованьемъ, которое дополнялось кое-какими полученіями отъ рѣдкой

практики, не всегда щедро награждаемой; поддерживая разъ заведенное полное хозяйство—домъ съ его надворными строеніями или службами, при немъ лошадь, двухъ коровъ, птицъ, обязанный содержаніемъ жены, четырехъ дѣтей, четырехъ человѣкъ прислуги, онъ, конечно, часто нуждался въ деньгахъ, нерѣдко высылалъ ихъ несвоевременно сыну, заставляя его откладывать до благопріятной минуты починку сапогъ, платья; но сынъ его, несмотря на то, былъ вполнѣ обезпеченъ въ главныхъ своихъ нуждахъ: у него былъ большой запасъ бѣлья, какъ носильнаго, такъ и постельнаго, будничное и праздничное платье, обувь; всѣ учебныя пособія: книги, бумага, перья, карандаши, а что всего важнѣе, у него были сухая и теплая квартира, сытный столъ съ утреннимъ и вечернимъ чаемъ. Хозяинъ нашъ, Петровъ, самъ любившій вкусно и плотно покушать, кормилъ насъ хорошо: горячее, которое составляли перемѣнно щи, супъ или похлебка, борщъ, лапша, всегда приготовлялось изъ свѣжей и лучшей провизіи съ крѣпкимъ мяснымъ наваромъ или бульономъ; мясо, подаваемое къ горячему блюду, всегда заранѣе вынималось изъ горшка и слегка поджаривалось въ вольномъ печномъ духу, и оттого было вкуснѣе и очень нравилось намъ съ Виссаріономъ. Сверхъ этого мяса, накрошеннаго мелкими кусками въ супу или щахъ, подавалось особенное жареное съ картофелемъ, и при немъ огурцы; иногда въ лѣтнее или осеннее время жаркое состояло изъ бѣлыхъ свѣжихъ грибовъ или, такъ называемыхъ, маслятъ, жаренныхъ въ сметанѣ и маслѣ и облитыхъ яйцами, нерѣдко по воскресеньямъ и въ большіе праздники жаркое состояло изъ гуся или утки, и всегда въ праздникъ пеклись пироги, въ числѣ которыхъ бывалъ и сладкій, съ яблочнымъ или другимъ варенъемъ, по временамъ жаркое замѣнялось молочною пшенною или гречневою кашею. Всѣ посты столъ приготовлялся изъ соленой и свѣжей рыбы и грибовъ. Иногда, послѣ обѣда, хозяинъ лакомилъ насъ яблоками и мелкими грушами, произведеніями своего садика, и арбузами, что было для него не особенно убыточно, потому что всѣ эти плоды продавались въ Пензѣ по очень недорогой цѣнѣ. Хлѣбы черный, ситный и бѣлый пеклись дома; квасъ былъ тоже домашній. Чай съ молокомъ и безъ него пили въ прикуску, при чемъ давался увѣсистый ломоть бѣлаго хлѣба, называвшагося папошникомъ. За такое, далеко не бѣдное содержаніе, вмѣстѣ съ квартирою мы платили баснословно дешевую и, по нынѣшнему времени, невѣроятную цѣну: всего семь или восемь рублей въ мѣсяцъ порознь съ каждаго изъ насъ, слѣдовательно, вдвоемъ 16 рублей. При такой обстановкѣ въ главнѣйшихъ потребностяхъ жизни положеніе Бѣлинскаго въ Пензѣ нельзя назвать заброшеннымъ. Притомъ, какъ согласить свидѣтельство Иванисова о томъ, что «Бѣлинскій жилъ въ Пензѣ въ большой бѣдности» съ тѣмъ разсказомъ, который слѣдуетъ ниже: «онъ страстно любилъ театральныя зрѣлища и часто посѣщалъ Пензенскій театръ»? Для ча-

стыхъ посѣщеній театра нужны были постоянныя деньги, хотя и не великія: откуда же бралъ ихъ Бѣлинскій при своей большой бѣдности? Болѣе справедливымъ было впечатлѣніе М. М. Попова объ отсутствіи женскаго призора, хотя и оно, какъ основанное на явленіи одиночномъ, внѣшнемъ и, можетъ быть, случайномъ, не могло служить поводомъ къ рѣшительному заключенію о заброшенности мальчика. Въ дѣтскіе и первые юношескіе годы свои Бѣлинскій былъ небережливъ на платье, неопрятенъ и даже неряшливъ. Форменной одежды сначала въ гимназіи не было: она введена впослѣдствіи, да и тогда не была обязательною; гимназисты носили платье разнообразное по своему покрою и, по обычаю того времени, узкое, плотно облегавшее тѣло. Естественно, что сѣренькій суконный казакинъ, въ которомъ первоначально хаживалъ Бѣлинскій, не могъ уберечься отъ прорѣхъ, рванья при этой погонѣ вокругъ стола съ линейкой или палкой за шалунами товарищами, дразнившими его Брынскимъ козломъ, при этихъ играхъ въ мячъ, лапту и городки, требовавшихъ широкаго размаха руки, и, наконецъ, при особенной наклонности Бѣлинскаго повозиться, сохранившейся у него въ зрѣлые годы, хотя и не съ одинаковыми побужденіями; позаботиться во время о починкѣ было некому: женскаго призора, дѣйствительно, въ домѣ не было; кухарка, или, по пензенски, стряпуха, единственное женское лицо въ нашей квартирѣ, не могла, какъ простая деревенская баба, сладить съ мудреной починкой, да ей, занятой вознею съ горшками и прочей кухонной посудой, и некогда было обращать вниманіе на дѣло, котораго ей не поручали; самъ Бѣлинскій, по безпечности, свойственной тогда его возрасту, и сосредоточенный на иныхъ, болѣе важныхъ интересахъ, могъ не замѣтить какой-нибудь прорѣхи на рукавѣ, подъ мышкой. Могло случиться, что Бѣлинскій, избѣгая лишней ходьбы изъ Пѣшей улицы, отправился прямо изъ гимназіи вмѣстѣ съ племянникомъ Михаила Максимовича за обѣщанными для прочтенія книгами къ нему въ домъ, находившійся въ той же Троицкой улицѣ, на углу которой стояла и гимназія, и при случайной встрѣчѣ съ уважаемымъ учителемъ произвелъ на него грустное впечатлѣніе неприглядымъ аттрибутомъ на платьѣ, пріобрѣтеннымъ, можетъ быть, въ тотъ же день въ заведеніи. Какъ бы то ни было, но подобное одѣяніе Бѣлинскаго нельзя назвать постояннымъ, и невозможно изъ одного этого обстоятельства, безъ уясняющей его причины, составить рѣзкій приговоръ о нищетѣ. Сверхъ обыденнаго, будничнаго ветхаго платья, у Бѣлинскаго было новое, крѣпкое, въ которомъ хаживалъ къ хорошимъ знакомымъ, живщимъ на широкую барскую ногу, какъ, напримѣръ, въ домъ Совѣтника гражданской или уголовной Палаты, Ѳеодора Ѳеодоровича Максимова, къ его сыновьямъ, нашимъ товарищамъ по гимназіи, изъ которыхъ съ старшимъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ, былъ очень друженъ, бралъ у него для прочтенія книги, читалъ съ нимъ вмѣстѣ или бесѣдовалъ о литературѣ. Выше

этого, упоминая о первомъ пріѣздѣ своемъ въ Пензу, я сказалъ, что госпожа Невѣшкинская, жена родного дяди моей матери, вмѣнила мнѣ и Бѣлинскому въ непремѣнную обязанность обѣдать у нея по воскресеньямъ и вообще по праздникамъ. Сначала мы аккуратно являлись по этому приглашенію къ дѣдушкѣ моему, Андрею Яковлевичу Невѣшкинскому; но потомъ посѣщенія наши стали рѣдки: привыкшіе къ простотѣ и свободѣ, уединенной жизни, мы охотнѣе оставались по праздникамъ дома изъ желанія отдохнуть послѣ шестидневнаго ученическаго труда, почитать данную на срокъ книгу, погулять за городомъ; за свое отсутствіе у Невѣшкинскихъ иногда въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль мы получали отъ нихъ строгіе выговоры; оправдываться всякій разъ вымышленными предлогами: болѣзнію, учебными недосугами было невозможно, и мы рѣже позволяли себѣ нарушать обычный порядокъ посѣщеній, потому болѣе, что въ ласкѣ нашихъ добрыхъ родственниковъ, въ самомъ тонѣ упрековъ серьезной бабушки моей, Александры Евграфовны Невѣшкинской, не было ничего притворнаго, покровительственнаго, способнаго оскорбить самолюбіе бѣдняковъ. Черезъ Невѣшкинскихъ мы получали изъ Чембара письма простыя и страховыя, въ крайнихъ нуждахъ намъ позволено было обращаться къ нимъ за деньгами; но, помнится, мы только разъ воспользовались даннымъ позволеніемъ. Максимовы и Невѣшкинскіе по своему общественному положенію и средствамъ принадлежали къ Пензенской аристократіи, и являться къ нимъ какимъ-нибудь оборванцемъ, неряхою Бѣлинскому было совѣстно, и онъ ходилъ въ эти дома, хотя и бѣдно, но прилично и опрятно одѣтый. Исправлять недостатки своей будничной одежды Бѣлинскій имѣлъ довольно частую возможность: мы четыре раза въ году пріѣзжали въ Чембаръ для свиданія съ родными: на Рождество, масляницу, Пасху и лѣтнюю вакацію; за нами присылали нарочныхъ лошадей съ покойнымъ экипажемъ и надежныхъ проводниковъ изъ дома моихъ родителей; очень рѣдко случалось отправляться домой съ такъ называемой оказіей. Впрочемъ, на масляницу Виссаріонъ оставался большею частію въ Пензѣ, не желая затруднять себя и родныхъ кратковременной поѣздкою и надѣясь провести сырную недѣлю спокойнѣе въ уединенной квартирѣ за книгою и побывать лишній разъ въ театрѣ. Святки, Пасху и особенно лѣтнюю вакацію Бѣлинскій постоянно проводилъ въ Чембарѣ, въ домѣ родителей, и въ это болѣе продолжительное пребываніе свое въ родной семьѣ Бѣлинскій имѣлъ возможность исправлять всѣ свои нужды относительно бѣлья и платья съ помощію заботливой матери и тѣхъ денегъ, которыми ссужалъ ее мужъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ своей практики. Весь мой широковѣщательный, но, ручаюсь головою, фактически достовѣрный разсказъ приводитъ самъ собою къ слѣдующему заключенію. Бѣлинскій въ пребываніе свое въ Пензенской гимназіи, обезпеченный въ главныхъ статьяхъ содержанія, не

имѣлъ ни въ чемъ крайней нужды, слѣдовательно, не терпѣлъ и крайней бѣдности; внѣшняя обстановка его жизни, лишенная особенныхъ удобствъ, какъ напримѣръ: свѣтлой, просторной, хорошо меблированной квартиры, барски сервированнаго стола, поварскихъ блюдъ, заботливой прислуги, доступныхъ дѣтямъ зажиточныхъ родителей, могла казаться въ глазахъ такого богатаго человѣка, какимъ былъ тогда Иванисовъ, непривлекательною; но, въ то же время, не служила явнымъ признакомъ и большой бѣдности; вслѣдствіе неаккуратной, запоздалой присылки изъ Чембара денегъ, Бѣлинскій терпѣлъ нужду и въ верхнемъ платьѣ и, можетъ быть, въ крѣпкихъ сапогахъ, но не постоянную, а только временную, случайную; имѣя подъ рукою новое праздничное платье, въ которомъ являлся къ знатнымъ знакомымъ и родственникамъ, не остерегался замѣнять имъ будничное, разорванное, когда это было необходимо; по небрежности и безпечности, свойственной тогдашнему его возрасту, не обращалъ вниманія на свою внѣшность и не заботился отдать въ свободное отъ ученія время портному свою одежду для починки, требовавшей небольшой затраты тѣхъ денегъ, которыми Бѣлинскій располагалъ для театра; очевидно, что жалкій видъ, который принималъ отъ прорѣхъ костюмъ Бѣлинскаго, отчасти по собственной винѣ его, краснорѣчиво свидѣтельствовалъ объ отсутствіи за нимъ женскаго призора; но выводимыя отсюда изъ рѣзкихъ заключеній Иванисова заброшенность и нищета, становясь въ явное противорѣчіе съ тѣмъ, что сказано на 212 стр. о матеріальныхъ средствахъ Бѣлинскихъ, способны были бы возбудить противъ родителей Виссаріона Григорьевича нареканіе, на самомъ дѣлѣ нисколько ими незаслуженное, а потому несправедливое и оскорбительное для этихъ памяти. Иванисовъ въ число признаковъ бѣдности Бѣлинскаго включаетъ и совмѣстное житье его съ семинаристами, считая ихъ, повидимому, какими-то паріями или прирожденными сынами нищеты. Конечно, между ними есть много бѣдняковъ, дѣтей сельскихъ причетниковъ, но тѣ помѣщались большею частію въ бурсѣ на казенномъ содержаніи; но жившіе на вольныхъ квартирахъ были обезпечены во всѣхъ своихъ нуждахъ родителями, находившими возможность обойтись своими средствами при воспитаніи дѣтей въ семинаріи. Къ такимъ состоятельнымъ личностямъ принадлежали всѣ семинаристы, жившіе съ нами, за исключеніемъ одного земляка нашего Голубинскаго, который былъ бѣднѣе другихъ и потому поступилъ впослѣдствіи въ бурсу на казенное содержаніе. Нанимая у хозяина Петрова только квартиру съ отопленіемъ въ особомъ флигелѣ, они держали столъ отъ себя, и онъ разнился отъ нашего тѣмъ, что, вмѣсто жаренаго, вторымъ блюдомъ у нихъ была большею частію каша; провизію они закупали сами на артельную сумму, слагавшуюся изъ ежемѣсячныхъ частныхъ вкладовъ каждаго. Обѣдать и ужинать они ходили въ кухню хозяина изъ желанія быть поближе къ печкѣ и горшку, не осту-

жать перенесеніемъ черезъ дворъ горячаго кушанья и имѣть подъ рукою возможность къ дополненію имъ общей чаши по общему или одиночному требованію лицъ, сидѣвшихъ за трапезой. Чай въ прикуску составлялъ уже роскошь, которую позволяли себѣ только нѣкоторые изъ питомцевъ семинаріи, и притомъ не постоянно, а только вечеромъ, въ болѣе свободные часы, имѣя въ виду поберегать данную отцомъ копейку на другія, существенныя нужды. Кромѣ земляковъ нашихъ, Голубинскаго и Меридіанова, о которыхъ я уже упоминалъ, съ нами на одномъ дворѣ и въ томъ же флигелѣ жили другіе семинаристы, а именно: братья Василій и Николай Гавриловичи Соколовы, уроженцы Саратовской губерніи (въ то время эта губернія была соединена съ Пензенской въ одну епархію и состояла въ вѣдѣніи Пензенскаго архіерея, и воспитанники духовныхъ училищъ ея поступали для высшаго образованія въ Пензенскую семинарію); съ послѣднимъ, т.-е. съ Николаемъ Соколовымъ, Бѣлинскій былъ особенно друженъ; съ семинаристами жилъ нѣкоторое время еще чиновникъ удѣльной конторы Константинъ Ивановичъ, кажется, Вздвиженскій, по происхожденію тоже изъ духовнаго званія; такимъ образомъ семинарскій флигель былъ довольно густо населенъ. Всѣ обитатели его были люди смирные, трезвые, трудолюбивые; никогда не было у нихъ шумныхъ вакханалій, тѣхъ неистовыхъ оргій, которыя нерѣдко происходятъ въ кругу взрослой молодежи, живущей на свободѣ: хозяинъ нашъ, какъ человѣкъ вполнѣ трезвый и притомъ суровый и строгій, не потерпѣлъ бы у себя безпокойныхъ жильцовъ; близкое сосѣдство съ гимназическимъ учителемъ, сыномъ хозяина, естественно должно было предостеречь отъ всякихъ недозволенныхъ движеній, изъ опасенія, что слухъ о нихъ дойдетъ до семинарскаго начальства; а оно держало своихъ питомцевъ въ ежевыхъ рукавицахъ, деспотически расправляясь съ ними за малѣйшее нарушеніе благопристойности. Безъ сомнѣнія, бывали случаи, которые и у нашихъ семинаристовъ не обходились безъ попоекъ, какъ напримѣръ, во время лѣтнихъ неожиданныхъ рекреацій, большихъ праздниковъ, при посѣщеніи дорогого гостя, пріѣзжаго изъ роднаго города или села, хорошаго знакомаго, близкаго родственника; но эти угощенія были всегда умѣренныя, не вели за собой никакихъ безобразныхъ, возмутительныхъ послѣдствій. Совмѣстное житье съ семинаристами было благодѣтельно для насъ во многихъ отношеніяхъ. Видя передъ своими глазами суровую, полную патріархальной простоты, жизнь этихъ закаленныхъ въ нуждѣ труженниковъ школьнаго ученія, умѣвшихъ довольствоваться самыми малыми средствами, терпѣливо переносившихъ всякаго рода лишенія при встрѣчѣ съ враждебною случайностію, мы сами невольно учились безропотному перенесенію житейскихъ невзгодъ, мужали и крѣпли духомъ, запасались тою силою, безъ которой невозможна никакая борьба: ни съ самимъ собою, ни съ противодѣйствующими намъ стремленіями другихъ. Не

малую пользу приносили Бѣлинскому оживленные споры и бесѣды семинаристовъ о предметахъ, касавшихся философіи, богословія, общественной и частной жизни; при этихъ спорахъ онъ не всегда былъ только простымъ, внимательнымъ слушателемъ, но принималъ въ нихъ и самъ дѣятельное участіе; отъ такихъ преній возрастала и развивалась та неотразимая діалектическая сила, которою всегда отличался Бѣлинскій, и противъ которой, дѣйствительно, трудно было устоять. Иванисовъ разсказываетъ, что Бѣлинскій спорилъ съ семинаристами о достоинствѣ произведеній Сумарокова и Хераскова. Я позволю себѣ отнестись съ недовѣріемъ къ этому извѣстію. Могло статься, что Бѣлинскій имѣлъ въ то время смутныя понятія объ историческомъ правдоподобіи лицъ въ драмѣ, объ искаженномъ представленіи Сумароковымъ въ Самозванцѣ неистоваго злодѣя; нравилась, можетъ быть, Бѣлинскому искусная постановка піесы на сценѣ Пензенскаго театра, увлекательное исполненіе роли Лжедимитрія талантливымъ актеромъ Григоріемъ Сулеймановымъ; но трудно предположить, что Бѣлинскій съ природнымъ свѣтлымъ умомъ, эстетическимъ чувствомъ, вкусомъ, естественно, хоть сколько-нибудь развитыми на чтеніи первыхъ произведеній Пушкина, балладъ Жуковскаго, Бѣлинскій, ласкавшій слухъ свой гармоніею стиховъ Батюшкова, знакомый изъ чтенія и представленія на томъ же Пензенскомъ театрѣ съ «Эдипомъ въ Аѳинахъ» и «Дмитріемъ Донскимъ» Озерова, которому не отказывалъ въ дарованіи и въ своихъ литературныхъ обозрѣніяхъ, чтобы Бѣлинскій могъ отстаивать какія-то небывалыя достоинства въ драматическихъ произведеніяхъ Сумарокова; полагаю, что предметомъ споровъ, если они существовали, были только эти произведенія и преимущественно «Дмитрій Самозванецъ», часто дававшійся на сценѣ, а не весь Сумароковъ, прочесть котораго у Бѣлинскаго не достало бы ни терпѣнія, ни охоты, и относительно достоинства котораго, какъ явленія не безслѣднаго въ литературѣ, Бѣлинскій въ ту пору опредѣлить не могъ. Еще менѣе правдоподобнаго въ томъ, что Бѣлинскій защищалъ достоинства «Владиміра» и «Россіяды», подражательныхъ эпопей Хераскова; мало правды въ томъ, чтобы человѣкъ, прочитавшій, можетъ быть, сотню разъ и заучившій почти наизустъ «Руслана и Людмилу», «Братьевъ разбойниковъ», «Кавказскаго плѣнника», «Бахчисарайскій фонтанъ», первыя главы «Евгенія Онѣгина» и множество мелкихъ стихотвореній Пушкина, съ одинакимъ настроеніемъ духа и такимъ же удовольствіемъ сталъ бы читать подобныя тяжелыя вирши:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ, ихъ гордость низложенну.

Не оспариваю извѣстія Иванисова, о томъ, что Бѣлинскій восхищался романами «Радклифъ»: загадочными приключеніями своихъ героевъ, таинственными явленіями подземнаго міра, при-

видѣніями и прочею небывальщиной они способны были плѣнять пылкое воображеніе юнаго читателя. Сколько припомню, семинаристы, жившіе съ нами, считали себя въ литературныхъ познаніяхъ ниже Бѣлинскаго и настолько довѣряли его вкусу, что нерѣдко просили его выслушать школьныя произведенія пера своего. Бѣлинскій, бывало, читалъ имъ вслухъ статьи изъ добытыхъ имъ журналовъ, сообщалъ свои мнѣнія и воззрѣнія, дѣлился впечатлѣніями; особенными соучастниками этихъ чтеній были Голубинскій и Николай Соколовъ, очень даровитые люди. Съ своей стороны они не оставались у него въ долгу: помогали ему въ занятіяхъ древними языками, провѣряли его переводы съ русскаго на латинскій и обратно. Въ наше время въ гимназіи не учили греческому языку, и Бѣлинскій, задумавшій поступить въ университетъ на филологическій (по тогдашнему словесный) факультетъ, приготовился изъ греческаго съ помощью семинаристовъ настолько, что порядочно зналъ этимологію и коекакъ переводилъ краткія предложенія и въ состояніи былъ выдержать вступительный университетскій экзаменъ, требованія котораго были въ ту пору не очень строги. Латинскій языкъ Бѣлинскій зналъ несравненно лучше, начавъ изученіе его еще въ Чембарѣ, гдѣ, вѣроятно, при помощи отца ознакомился съ чтеніемъ, потомъ занимаясь латынью въ гимназіи подъ руководствомъ добрѣйшаго учителя Дмитревскаго, и на квартирѣ при дѣятельномъ пособіи семинаристовъ. Питомцы нашихъ духовныхъ училищъ издавна славились знаніемъ древнихъ языковъ; въ бытность нашу съ Бѣлинскимъ въ Пензѣ, въ семинарской бурсѣ жилъ рослый и уже возмужалый ученикъ философскаго или богословскаго класса, Масловскій, котораго за удивительную память и знаніе древнихъ языковъ товарищи прозвали олицетвореннымъ греческимъ и латинскимъ словаремъ и часто обращались къ нему съ вопросами о значеніи того или другого слова, и живой лексиконъ вполнѣ удовлетворялъ ихъ, сообщая скороговоркою не только понятіе, выражаемое словомъ, но и нѣсколько фразъ и перифразъ, объясняющихъ его разнообразное употребленіе въ рѣчи. Такое знаніе возможно только при постоянномъ, усидчивомъ трудѣ, образцомъ котораго всегда служили семинаристы, и въ этомъ отношеніи они могущественно вліяли на обоихъ насъ; видя передъ своими глазами рослыхъ молодыхъ людей, заучивающихъ цѣлыя страницы латинскаго текста, неподвижно сидящихъ до поздней ночи надъ латинскимъ или греческимъ переводомъ, мы и сами, увлекаемые общею ревностью и благимъ примѣромъ, принимались за приготовленіе гимназическихъ уроковъ, обращаясь въ трудныхъ случаяхъ, особенно при переводахъ съ русскаго на латинскій, за совѣтомъ и помощью къ своимъ добрымъ менторамъ. Вообще, положительно можно сказать, что своими очень порядочными свѣдѣніями въ латинскомъ языкѣ, умѣніемъ переводить изъ Корнелія Непота и отчасти Цицерона (De officiis) Бѣлинскій обязанъ большею частью семи-

наристамъ; неудовлетворительныя отмѣтки, полученныя имъ въ послѣднее время пребыванія въ гимназіи, объясняются охлажденіемъ къ обязательному ученію при задуманномъ намѣреніи оставить гимназію. Участіе, которое принимали въ насъ семинаристы, не ограничивалось однимъ ученіемъ: ихъ совѣты, предостереженія, одобреніе, укоризны касались нашего личнаго поведенія, нашихъ отношеній къ гимназическимъ товарищамъ и нашихъ матеріальныхъ нуждъ, какъ-то покупки необходимыхъ вещей, заказовъ обуви и платья, однимъ словомъ, мы сливались съ ними въ одинъ родственный кружокъ. Одинъ только выборъ удовольствій могъ дѣлать разницу между нами, какъ еще несовершеннолѣтними, и семинаристами, людьми уже взрослыми, но многія изъ удовольствій сближали насъ, какъ напр., игра въ мячъ, шашки и карточная въ дураки, свои козыри, короли; между семинаристами, жившими съ нами, впослѣдствіи, при переѣздѣ изъ Верхней Пѣшей улицы въ Среднюю Пѣшую, въ домъ Маленина, былъ очень молодой изъ малороссіянъ ученикъ реторическаго класса; фамиліи его не припомню; съ нимъ и съ Николаемъ Соколовымъ Бѣлинскій любилъ вступать въ единоборство: подкравшись сзади, онъ наносилъ имъ ловкій ударъ въ спину или давалъ щелчекъ въ затылокъ и быстро обращался въ бѣгство, вызывая издали на дворѣ различными гримасами и подражниваніями на погоню за собою; если вызванный на преслѣдованіе настигалъ Бѣлинскаго въ комнатѣ или на дворѣ, тогда начиналась возня на постели или на полу, оканчивавшаяся всегда въ пользу семинариста, какъ болѣе рослаго противника. Самое лучшее, соединявшее всѣ вкусы, удовольствіе доставлялъ театръ; страсть къ нему не была исключительною принадлежностью одного Бѣлинскаго: она въ равной, если не въ большей, степени овладѣвала душою всей учащейся молодежи, и семинаристовъ въ особенности; я очень хорошо помню наружность двухъ бурсаковъ Пензенской семинаріи, Сахарова и Кандачарова, которые вышли чуть ли не изъ послѣдняго богословскаго курса для того, чтобы поступить на сцену; живо помню, какъ первый въ роли крестьянина въ операѣ Аблесимова «Мельникъ» до того увлекся, что въ ссорѣ со своею женою, урожденною дворянкою, далъ представлявшей ее актрисѣ сильный толчокъ, свалившій ее съ ногъ съ неприличною наготою и вызвавшій неистовый хохотъ невѣжественнаго партера и негодующій свистъ и брань со стороны ложъ и креселъ. Для театра откладывались, приберегались особыя деньги, присланныя изъ дому или полученныя на кондиціяхъ, для посѣщенія театра употреблялись всякаго рода средства, дозволенныя и недозволенныя, какъ-то: подкупъ театральной прислуги, поддѣлка билетовъ, бланки для которыхъ печатались въ губернской типографіи, обратная тайная передача уже предъявленныхъ на ненумерованныя мѣста; но не помню, чтобы семинаристы, жившіе съ нами, прибѣгали къ подобнымъ мѣрамъ. Когда у Бѣлинскаго не доставало собственныхъ денегъ для театра, онъ прибѣгалъ

къ займамъ, которые всегда уплачивались при полученіи изъ дома денегъ. Величайшее удовольствіе доставляли намъ внезапныя, неожиданно даруемыя, бывало, рекреаціи въ маѣ или въ началѣ іюня. Обыкновенно это происходило такъ: въ ясный и притомъ жаркій день, часу въ восьмомъ или девятомъ утра, на обширномъ дворѣ семинаріи, стоявшей наискось противъ гимназіи, вдругъ грянетъ пятисотенный хоръ передъ окнами ректорской квартиры слѣдующую оглушительную, но довольно стройную пѣснь: reserendissime pater et noster rector dignissime! rogamus recreationem; пѣснь повторяется по нѣскольку разъ до тѣхъ поръ, пока не раскроется завѣтное окно, и пока рука ректора не осѣнитъ своимъ разрѣшающимъ рекреацію благословеніемъ многочисленнѣйшей толпы; подобныя попытки и просьбы семинаристовъ почти всегда вѣнчались полнымъ успѣхомъ, потому что онѣ начинались съ предварительнаго согласія главы заведенія, сообщеннаго заранѣе кому-либо изъ его приближенныхъ или профессорамъ. Увлекаемые соблазнительнымъ примѣромъ, и гимназисты обращались въ тотъ же день къ директору съ такою же просьбою, но съ тѣмъ только различіемъ, что громогласная пѣснь семинаристовъ замѣнялась нѣмою надписью на доскахъ всѣхъ классовъ того же самаго латинскаго обращенія съ замѣною словъ pater и rector словами domime и director. Пришедшій въ гимназію начальникъ сперва холодно принималъ затѣи воспитанниковъ, отвѣчалъ на нихъ рѣшительнымъ отказомъ; но въ концѣ концовъ склонялся на неотступныя просьбы учениковъ старшихъ классовъ и отпускалъ гимназистовъ, совѣтуя имъ передъ отдыхомъ приготовить уроки, заданные къ слѣдующему дню. Рекреаціи посвящались большею частью загороднымъ прогулкамъ: мы отправлялись въ лѣса и рощи и нерѣдко на рѣку Суру, протекающую невдалекѣ отъ Пензы, и тамъ купались и ловили рыбу удочкою и бреднемъ; подобныя, болѣе отдаленныя прогулки предпринимались не иначе, какъ въ обществѣ жившихъ съ нами семинаристовъ. Изъ всего сказаннаго очевидно, что сближеніе съ ними Бѣлинскаго не только не могло служить поводомъ къ заключенію о невыгодномъ внѣшнемъ положеніи его, но во многихъ отношеніяхъ было для него благодѣтельно. На Рождество, Пасху и на вакаціонное лѣтнее время мы и земляки наши, семинаристы Меридіановъ и Голубинскій, переселялись изъ Пензы въ Чембаръ, стоящій на большомъ сибирскомъ трактѣ, въ 120 верстахъ отъ губернскаго города. Поѣздки наши рѣдко совершались чрезъ посредство оказій, хотя послѣднія были и очень часты: обыкновенно за мною и Бѣлинскимъ присылались, какъ я уже упомянулъ, нарочныя лошади изъ дома моихъ родителей, возницею былъ почти всегда Ѳедоръ Петровичъ Сурковъ, крѣпостной дворовый служитель, ремесломъ портной, человѣкъ очень неглупый, расторопный и распорядительный, но въ то же время большой картежникъ и, при удобномъ случаѣ, поклонникъ Вакха; оттого иногда происходило,

что Сурковъ при минутной остановкѣ у кабака или во время кормежки лошадей на постояломъ дворѣ, угощаясь самъ отраднымъ зельемъ, попотчуетъ имъ и насъ, ради согрѣванія крови зимою или крѣпкаго сна и веселаго пути и въ лѣтнюю пору; погрузившись въ вынужденный сонъ, мы не замѣчали, что нашъ кучеръ не замедлялъ послѣдовать нашему примѣру, предоставивъ лошадямъ итти мѣрнымъ шагомъ по торной и знакомой уже имъ дорогѣ; мы замѣчали такую свободу дѣйствій со стороны нашего проводника, когда при большомъ ухабѣ вылетали изъ саней или просто опрокидывались вмѣстѣ съ ними; однажды въ лѣтнюю ночь мы очутились съ повалившеюся на бокъ бричкою въ канавѣ, идущей вдоль дороги. Очнувшійся при этомъ, къ счастью, безвредномъ паденіи нашъ Ѳедоръ Петровичъ быстро поднимался и исправлялъ свою оплошность, умоляя насъ не жаловаться на него по пріѣздѣ домой, что, конечно, исполнялось: при радостной, веселой встрѣчѣ съ родными всякая непріятность дороги совершенно забывалась. До наступленія Святокъ время проводилось въ приготовленіи къ нимъ разныхъ увеселеній; Бѣлинскій любилъ маскарады, и онъ заранѣе запасался къ нимъ и костюмами, и масками собственнаго своего издѣлія. Впрочемъ, о костюмахъ Виссаріонъ рѣдко заботился: онъ любилъ наряжаться русскимъ мужичкомъ, и для того всегда находилъ готовое платье у кучера своего, Василія: въ суконномъ чепанѣ, въ теплой кучерской шапкѣ съ заломомъ, въ кожаныхъ рукавицахъ, въ бородатой маскѣ, Бѣлинскій отправлялся, бывало, въ домъ, къ намъ, Ивановымъ, и скоро узнанный по голосу, хотя и искусно измѣненному, и походкѣ, онъ снималъ маску и начиналъ гримасничать, пѣть нескладныя пѣсни, шатаясь изъ стороны въ сторону, представлялъ собою сильно подгулявшаго Антона или Вавилу. Въ домѣ нашемъ жила дальняя родственница наша, Авдотья Александровна, дѣвица лѣтъ 19 или 20, очень красивая, но отъ природы или несчастнаго паденія хромая, съ сведенною лѣвою ногою и ходившая поэтому на костылѣ. Виссаріонъ особенно любилъ забавлять и потѣшать ее, когда она сидѣла за пяльцами у окна. Принявши на себя роль захмелѣвшаго мужичка и называя Авдотью Александровну своею женою, онъ начиналъ напѣвать ей несвязную пѣснь: Молода жена, Авдотьюшка, полюби меня, добра молодца. Этою и подобными пѣснями, гримасами, кривляньями, пачканьемъ лица сажею онъ старался разсмѣшить серьезную, постоянно углубленную въ свою работу Авдотью Александровну, и часто приводилъ ее въ неудержимый смѣхъ, а иногда надоѣдалъ до того, что молода жена поднимала надъ нимъ угрожающій костыль и нерѣдко слегка ударяла его, замѣтивъ на рукахъ своихъ и на работѣ слѣды сажи отъ поцѣлуевъ неотвязчиваго муженька. Вообще, когда Бѣлинскій былъ въ духѣ и въ кружкѣ людей, къ которымъ относился съ довѣріемъ и любовью, неугомонной веселости его не было конца, и его приходилось остепенять или настоятельною просьбою, или

обращеніемъ вниманія на вопросъ, требующій холоднаго спокойнаго разсужденія. На маскарадныхъ и простыхъ вечеринкахъ Виссаріонъ, хотя особенно и не любившій танцевъ, охотно принималъ въ нихъ участіе, когда въ средѣ танцующихъ дамъ были личности, пользовавшіяся его премущественнымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Танцамъ мы учились еще до поступленія въ гимназію у какой-то заѣзжей танцмейстерши; тогда были въ полномъ ходу и матрадуры, и менуэты, и другіе старинные, теперь забытые танцы. Виссаріонъ Григорьевичъ, по своей сутуловатости и неуклюжести, не отличался въ танцахъ граціей и больше ходилъ въ нихъ скорымъ шагомъ, чѣмъ танцовалъ; а затѣйливое solo въ кадрили выдѣлывалъ такъ же отчетливо, какъ на танцовальномъ урокѣ. Нерѣдко во время святокъ и лѣтней вакаціи устраивались въ нашемъ домѣ спектакли: однажды, на Рождествѣ, разыграли мы оперу Аблесимова—«Мельникъ, колдунъ, обманщикъ, сватъ». Хорошо помню, что роль мельника исполнялъ семинаристъ Михаилъ Семеновичъ Меридіановъ, роль молодого крестьянина, Анкудина, другой семинаристъ Аркадій Степановичъ Голубинскій, роль Анюты, невѣсты этого крестьянина, игралъ я, какъ самый младшій изъ актеровъ; на долю Бѣлинскаго выпала роль отца Анюты, но кто игралъ жену его, урожденную дворянку, я совершенно не помню; аріи свои Виссаріонъ передавалъ неискуснымъ речитативомъ, потому что къ музыкѣ и пѣнію былъ совершенно неспособенъ. На вакаціи 27-го или 28-го года мы давали на домашнемъ театрѣ своемъ серьезную пьесу: драму Шекспира «Отелло», но въ переводѣ съ французской искаженной передѣлки этого творенія великаго англійскаго драматурга, состроенной Дюси. Здѣсь искажены не только многія подробности, монологи, но и самыя имена дѣйствующихъ лицъ безъ всякой нужды замѣнены другими: вмѣсто Дездемоны является Эдельмона, вмѣсто злодѣя Яго — Пезарро, вмѣсто глупой жены его Амаліи, выставлена какая-то наперсница Дездемоны — Эмилія. Роли были распредѣлены такъ: 1) Венеціанскій дожъ—старшій братъ мой, Алексѣй Петровичъ Ивановъ, неизмѣнный издѣтства другъ и пріятель Виссаріона Григорьевича, 2) Брабанціо, сенаторъ, отецъ Дездемоны—семинаристъ М. С. Меридіановъ, 3) Отелло—семинаристъ А. С. Голубинскій, 4) Яго или (по Дюси) Пезарро—В. Г. Бѣлинскій, 5) Дездемона (по Дюси Эдельмона)— пишущій эти строки, 6) Кассіо—второй старшій братъ мой, Николай Петровичъ Ивановъ; 7) Амалія или (по Дюси) Эмилія—братъ Виссаріона, Константинъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Нѣмыя роли сенаторовъ, солдатъ исполняли канцелярскіе чиновники земскаго суда. Пока шли ежедневныя репетиціи, дамскіе члены нашихъ семействъ усердно заботились о приготовленіи костюмовъ: всѣ шали и платки обращались въ плащи и мантіи, на головѣ Отелло, кажется, красовался дамскій беретъ со страусовымъ перомъ, прикрѣпленнымъ къ нему металлическою пряжкою; Мавръ былъ вооруженъ неподдѣльною саблею и деревяннымъ кинжа-

ломъ, которымъ долженъ былъ заколоть Дездемону, а потомъ и себя. Роли были разучены превосходно, и представленіе пьесы привело въ восторгъ городскую публику; особенно отличились своей игрой Голубинскій, Меридіановъ и Виссаріонъ. Онъ съ большимъ стараніемъ приготовлялся къ спектаклю: просилъ другихъ выслушивать его монологи, сходился съ Голубинскимъ для повторенія своихъ съ нимъ сценъ; сопровождая рѣчь свою приличными тѣлодвиженіями, онъ становился передъ большимъ зеркаломъ и вообще исполнялъ роль свою съ большимъ одушевленіемъ. Трагедія, разыгранная нами, не обошлась безъ комизма: братъ Виссаріона, Константинъ, говорившій всегда тихо, при появленіи на сцену въ роли Амаліи или Эмиліи до того понизилъ голосъ отъ робости и застѣнчивости, что рѣчь его едва была слышна и въ первомъ ряду зрителей; бабушка Марія Ивановна, мать его, желая ободрить сконфузившагося актера, начала громко апплодировать ему и тѣмъ окончательно заглушила едва слышный голосъ. Когда Отелло въ полномъ изступленіи своей ревности занесъ кинжалъ, готовясь поразить склонившуюся передъ нимъ на колѣняхъ Дездемону, матушка моя, Ѳедосья Степановна, опасаясь воображаемаго вреда для меня, закричала со своего мѣста Голубинскому: «Аркадій Степановичъ, пожалуйста, потише, не убейте Митеньку!» Видя, что дѣло обошлось благополучно, сама начала вторить возбужденному ею смѣху въ публикѣ. Этотъ забавный фактъ свидѣтельствуетъ и о томъ искусствѣ и правдоподобіи, съ которыми Голубинскій исполнялъ принятую на себя роль. Въ числѣ удовольствій на Святкахъ и масляницѣ, кромѣ катанія на лошадяхъ по городу, особенно любимымъ Бѣлинскимъ и всѣми нами было катаніе съ большихъ снѣжныхъ горъ, которыя метались общими усиліями на дворѣ Бѣлинскихъ и нашемъ, обильно поливались въ морозы съ вечера водою изъ колодца; катались съ горъ на салазкахъ, корытахъ и особенно на ледянкахъ (такъ назывались рѣшета, дно которыхъ снаружи заклацывалось навозомъ и заливалось ежедневно утромъ и вечеромъ водою для замораживанія). На Святой недѣлѣ обычною забавою было катаніе яицъ въ комнатѣ, а на дворѣ качаніе на качеляхъ, также собственноручно устроенныхъ и остававшихся неприкосновенными на все лѣто. Въ вакацію, кромѣ вечернихъ прогулокъ за длинною шеренгою дамъ и дѣвицъ, предпринимались прогулки и даже поѣздки съ самоваромъ въ отдаленные лѣса за ягодами и грибами. Я съ намѣреніемъ распространился въ указаніи этихъ игръ и удовольствій, желая показать, насколько Бѣлинскій былъ способенъ предаваться разнообразнымъ впечатлѣніямъ въ свои юношескіе и дѣтскіе годы, при какихъ условіяхъ росла и зрѣла его жизнь, и какъ подъ вліяніемъ этой безпечной, рѣзвой поры своей онъ могъ укрѣпить свое здоровье, сулившее ему долгіе дни, но преждевременно погубленное не столько вслѣдствіе враждебныхъ встрѣчъ съ бѣдностью и нуждою, сколько по своему неблаго-

разумію, самонадѣянности и невоздержности и неумѣренности въ удовольствіяхъ, свойственныхъ зрѣлому возрасту. Какъ до поступленія въ гимназію, такъ и во время отпусковъ изъ нея, Бѣлинскій большую часть времени, и, можно безошибочно сказать, даже ежедневно проводилъ въ нашемъ домѣ, частью и для того, чтобы избѣгать тягостнаго зрѣлища бѣдственной размолвки между родителями, а болѣе всего для того, чтобы пріятно провести время въ бесѣдѣ съ матушкою и сестрою Катериною Петровною, которыя пользовались задушевною привязанностью и особеннымъ уваженіемъ, и въ обществѣ старшихъ моихъ братьевъ, Алексѣя и Николая, которые были сверстниками его съ небольшою разницею въ лѣтахъ. Желая повѣрить мои воспоминанія и давно минувшія впечатлѣнія относительно дѣтства Виссаріона и особенно враждебныхъ отношеній, существовавшихъ между его родителями, я просилъ сообщеній о Бѣлинскомъ у сестры Катерины Петровны, и вотъ что она написала ко мнѣ.

Отъ 15-го октября 1874 года: «Третьяго дня получила письмо Ваше, дорогой братецъ, спѣшу отвѣтить на него. Очень рада случаю услужить Вамъ въ этомъ дѣлѣ, о которомъ Вы пишете; посылаю вамъ два письма Бѣлинскаго: одно къ родителямъ нашимъ, другое ко мнѣ и брату Алешѣ. Письма эти писалъ Виссаріонъ Григорьевичъ въ первый годъ поступленія своего въ университетъ. У меня были еще его письма, не помню, кому я ихъ передала, какъ будто Вѣрѣ Петровнѣ, а, можетъ быть, оставила ихъ въ Пачелмѣ, у матушки: не помню. Что касается до сочиненія, о которомъ напоминаетъ г. Пыпинъ, то я навѣрное могу только припомнить, что это была драма, но ни содержанія ея, ни названія не помню; отрывками онъ читалъ ее, но вѣдь около пятидесяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Помню, что я совѣтовала оставить это предпріятіе, зная, какъ онъ способенъ былъ увлекаться и во многомъ поступалъ безразсудно, дѣлалъ промахи. Что касается до семейной жизни его родителей, то я нахожу, что Вы передали ее совершенно вѣрно; одно только вы не досказали, что дѣдушка былъ человѣкъ безпечный, за что справедливо роптало его семейство. Жена его безпрестанно за это упрекала, изъ чего происходили серьезныя ссоры; еще дѣдушку можно упрекнуть въ томъ, что онъ любилъ подсмѣиваться надъ своей женой; она по своей раздражительности не могла переносить шутокъ; а потому не проходило дня безъ ссоры. Виссаріону Григорьевичу тяжело было смотрѣть на семейную жизнь родителей: онъ приходилъ къ намъ и почти жилъ у насъ. Г-нъ Пыпинъ, вѣроятно, много собралъ свѣдѣній о характерѣ Бѣлинскаго. Я знала его ребенкомъ и юношей, и только могу сказать, что это былъ самый пылкій характеръ, онъ подмѣчалъ смѣшныя стороны у людей, осмѣивалъ безпощадно. Вотъ все, что могла припомнить».—Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ отъ 10 декабря 1874 года сестра пишетъ: «Вѣроятно, вы уже получили мое письмо, въ которомъ вложено два письма Бѣлинскаго. Все,

что я могла припомнить о немъ, я Вамъ сообщила; а на новые вопросы я могу положительно сказать только то, что дѣдушка Виссаріона Григорьевича былъ священникъ благочестивой, святой жизни; его считали за праведника, да и дѣйствительно онъ такъ и былъ, тогда, когда я его знала и помню, онъ жилъ въ кельѣ и постоянно молился: это былъ аскетъ. Я помню его очень хорошо: какъ онъ пріѣзжалъ въ Чембаръ на похороны своей дочери, а нашей бабушки, Маріи Никифоровны (родной матери нашей матушки, Ѳедосьи Степановны. NB. Д. П. И.), останавливался у насъ, и какъ рады были наши родители принять такого праведника.—Что же касается до семейной жизни родителей Виссаріона Григорьевича, то Вы можете подробнѣе узнать отъ Александры Григорьевны Козьминой (NB. Д. П. И.: родная сестра Виссаріона Григорьевича, которая наотрѣзъ отказала мнѣ въ сообщеніи этихъ свѣдѣній, считая оскорбительнымъ для памяти родителей помѣщать въ печати извѣстіе о ихъ семейныхъ несогласіяхъ. Несмотря на мое подробное письмо, разъясняющее ей мои добрыя намѣренія при этомъ, старушка не отвѣчала мнѣ ни слова, съ тѣмъ и умерла въ началѣ августа 1875 года), она уже была въ такихъ лѣтахъ, что могла понять ихъ. По моему мнѣнію, хотя дѣдушка Григорій Никифоровичъ былъ человѣкъ очень умный и добрый, но совершенно безпечный и даже лѣнивый, и наконецъ предался пьянству до того, что совсѣмъ потерялъ практику, и, дѣйствительно, они въ послѣднее время жили въ нуждѣ. Но я не думаю, чтобы у Виссаріона не было приличной шубы, и онъ носилъ бы нагольный тулупъ: все-таки такой крайности не было. Семейный ихъ разладъ начался съ перваго времени ихъ женитьбы, и я все-таки виню въ этомъ дѣдушку: онъ безпрестанно поддразнивалъ свою жену, женщину вспыльчивую, раздражительную; но все-таки она была хорошая, заботливая мать, да какъ ей и не возмущаться, видя такое равнодушіе къ дѣтямъ и своимъ семейнымъ обязанностямъ мужа? Вы справедливо вспоминаете, что матушка наша была ихъ миротворительницею: они часто посылали за нею, чтобы разобрать и разсудить, кто изъ нихъ виноватъ; матушка ихъ мирила, успокаивала, но не надолго».

Вотъ все, что я получилъ отъ сестры. Свидѣтельство ея о личномъ поведеніи родителей Бѣлинскаго во время возникавшей между ними размолвки въ сущности сходно съ моими показаніями о томъ же предметѣ; но въ своихъ заключеніяхъ она беретъ подъ защиту мать и вооружается противъ отца, тогда какъ я старался оградить его отъ нареканій. Сестра Катерина Петровна далеко старше меня лѣтами, ея впечатлѣнія и сужденія должны быть основательнѣе и справедливѣе моихъ. Въ ту пору я былъ еще очень молодъ: мнѣ не исполнилось 16 лѣтъ при поступленіи въ студенты университета; пропущенный въ метрикахъ, я получилъ свидѣтельство о своемъ рожденіи по

слѣдствію, произведенному духовной консисторіею, и въ этомъ свидѣтельствѣ мой нормальный возрастъ увеличенъ на цѣлый годъ, и потому только безпрепятственно принятъ въ университетъ. Я ничего не зналъ о безпечности и лѣни дѣдушки, въ которыхъ обвиняетъ его сестра; я не могъ составить опредѣленнаго понятія о пагубной наклонности его въ вину; я никогда не видалъ его въ положеніи человѣка, сильно опьянѣвшаго; я думалъ тогда, что употребленіе вина, унаслѣдованное имъ на службѣ во флотѣ, обратилось у него въ привычку и производилось въ умѣренныхъ размѣрахъ. Послѣ сообщеній сестры мнѣ становится яснымъ, что, кромѣ причинъ, зависѣвшихъ отъ личнаго характера дѣдушки и уже указанныхъ въ біографіи, къ уменьшенію практики его содѣйствовала и нетрезвая жизнь его: трудно было довѣряться человѣку, постоянно пребывавшему въ возбужденномъ состояніи, здѣсь кроется и причина той недовѣрчивости, тѣхъ опасеній за жизнь, о которыхъ говорится на 213 стр.: это была галлюцинація сильно пившаго человѣка. Не винить отца Бѣлинскаго за такую безхарактерную опущенность, за такую невоздержность и происходившія отъ нея безпечность, лѣнь, равнодушіе къ семьѣ—невозможно; но нельзя оставить безъ вниманія и тѣхъ обстоятельствъ, которыя возбудили и воспитали въ немъ пагубную страсть. Видя вокругъ себя совершенную пустоту: и въ общественной, служебной средѣ, и въ семействѣ, гдѣ жена, вмѣсто того, чтобы кротко, любовно, довѣрчиво относиться къ мужу съ своими нуждами, встрѣчала его позорною, неприличною бранью (какъ напр., анаѳема—обычная и любимая ея брань), гдѣ собственныя его дѣти смотрѣли на него изподлобья, какъ на дикаго звѣря, видя передъ собою бездну нуждъ и ограниченность средствъ къ покрытію ихъ, — человѣкъ обезсилѣлъ, опустился отъ тяжкой борьбы съ ними, низошелъ до постыднаго поведенія. Совершенно ясно помню, какъ однажды дѣдушка, зашедшій къ намъ поутру, на увѣщанія моей матери относительно снисхожденія къ женѣ, отвѣчалъ своей племянницѣ: да, если бы она была похожа на васъ и такъ обращалась съ мужемъ, какъ вы съ своимъ. Это подлинныя, личныя слова его, свидѣтельствовавшія о возможности лучшихъ отношеній къ женѣ подъ условіемъ ласковаго обхожденія съ мужемъ. По окончаніи университетскаго курса въ 1834 году я уѣхалъ на отдыхъ въ Пензенскую губернію и въ августѣ былъ свидѣтелемъ смерти бабушки, Маріи Ивановны. Когда она закрыла навсегда глаза, и начались приготовленія къ ея одѣванію, я, не видя дѣдушки въ домѣ, выбѣжалъ искать его на дворѣ и нашелъ на огородѣ, лежавшимъ ничкомъ на копнѣ сѣна; услышавъ глухія рыданія, я обратился къ дѣдушкѣ съ невольными, хотя и неумѣстными въ такую трудную минуту утѣшеніями, и онъ, поднявъ голову, отвѣчалъ мнѣ прерывающимся отъ рыданій голосомъ: «ахъ, Дмитрій Петровичъ, ты еще молодой человѣкъ и не понимаешь всей великости моей потери!» Что говорили эти слезы, проливаемыя

безъ свидѣтелей, втайнѣ? Въ нихъ оплакивалъ онъ дѣйствительно великую потерю доброй, любящей матери, заботливой хозяйки, личности, хотя и враждебно относившейся къ нему, но съ которою онъ сроднился силою привычки. Если же эти слезы были выраженіемъ сердечной привязанности, раскаянія въ своемъ неблагоразумномъ поведеніи относительно жены, тогда въ нихъ сказывается лучшій человѣкъ. Бабушка была добрая женщина и заботливая мать, но попеченія ея о дѣтяхъ преимущественно сосредоточивались на однѣхъ матеріальныхъ потребностяхъ дѣтей: на пищѣ и нарядахъ. Дочь ея, съ большимъ природнымъ умомъ, находившаяся подъ ея непосредственнымъ надзоромъ, осталась безъ всякаго образованія; она не пріучила ее даже къ чтенію, не могла внушить ей расположеніе пользоваться даровыми уроками французскаго языка и музыки у сестры моей Катерины Петровны такъ же, какъ это сдѣлала младшая сестра моя, Вѣра Петровна, научившаяся очень порядочно понимать этотъ языкъ и музыкальную технику у своей старшей сестры и прекрасно владѣющая отечественнымъ языкомъ вслѣдствіе начитанности. Если бы бабушка съ такимъ же усердіемъ учила дочь свою, съ какимъ наряжала ее и готовила ей приданое, тогда Александра Григорьевна не осталась бы навѣкъ малограмотною и не испытала бы преждевременной и плачевной кончины. Отецъ сдѣлалъ для сыновей, что могъ: оба они, Виссаріонъ и Константинъ, учились въ уѣздномъ училищѣ, первый пошелъ далѣе, а второй, по неспособности, ограничился училищнымъ образованіемъ: попытки провести его черезъ гимназію въ университетъ не удались и самому Виссаріону. Третій сынъ, Никаноръ, вначалѣ испорченный непростительнымъ баловствомъ отца, повѣдавшаго въ немъ впервые сыновнюю привязанность и сквозь пальцы смотрѣвшаго на его бѣщеную рѣзвость и озорничество, но впослѣдствіи, съ переѣздомъ въ Москву совершенно остепенившійся и смиренный юноша, не поступившій въ университетъ по непріязни профессора Степана Петровича Шевырева къ Виссаріону Бѣлинскому, умеръ въ военной службѣ на Кавказѣ, куда такъ опрометчиво сослалъ его братъ, слишкомъ сурово рѣшившій судьбу молодого человѣка, достойнаго лучшей участи. Въ гимназіи Виссаріонъ содержался средствами отца, въ которыхъ онъ ему не отказывалъ; съ поступленіемъ въ университетъ на казенный коштъ Виссаріонъ не вправѣ былъ требовать денегъ отъ отца, и самъ уклонялся отъ полученія ихъ. Я не знаю и не помню ни одного случая жестокосердаго обращенія дѣдушки съ Виссаріономъ, и разсказъ какого-то современника, близко знавшаго его, о побояхъ, нанесенныхъ отцомъ 10-лѣтнему сыну, считаю неправдоподобнымъ; самъ ли разсказчикъ былъ очевидцемъ этого звѣрскаго поступка или слышалъ объ немъ отъ кого и когда, въ біографіи не объяснено; отъ Виссаріона и родныхъ я не слыхалъ ничего подобнаго. Авторитетъ Виссаріона, на который опирались мать и братъ въ своихъ доносахъ и жалобахъ, свидѣтельствуетъ уже

о нѣкоторомъ уваженіи отца къ старшему сыну. Укорительныя письма его къ отцу скрывались домашними изъ опасенія его гнѣва: значитъ, въ нихъ говорилось по поводу и такихъ доносовъ, которые своею несправедливостью были достойны этого гнѣва. Въ нѣкоторыхъ шуткахъ Григорія Никифоровича, которыми возмущались жена и дѣти, въ сущности не было ничего оскорбительнаго. Долгоносый куликъ, носанъ (большеносый) были не что иное, какъ ласковыя прозвища, данныя мнѣ дѣдушкою и Виссаріономъ; подобныхъ прозвищъ не терпѣли Константинъ Григорьевичъ и бабушка. Впрочемъ, я не знакомъ съ содержаніемъ писемъ, полученныхъ Бѣлинскимъ изъ дому, и не могу судить о томъ, насколько поведеніе дѣдушки, изображаемое въ нихъ, было неодобрительно. Для меня ясно теперь одно то, что пагубная невоздержность была причиною неблаговидныхъ поступковъ Григорія Никифоровича, такъ противорѣчившихъ его превосходному уму и сердцу. По природѣ своей Виссаріонъ ближе подходилъ къ отцу, чѣмъ къ матери. Высокія нравственныя черты характера, прямодушіе, стойкость убѣжденій, наклонность къ шуткамъ, насмѣшкѣ—наслѣдовалъ онъ отъ отца; доброе, чадолюбивое сердце (Бѣлинскій очень любилъ дѣтей младенческаго возраста), вспыльчивость, раздражительность, неумѣренная чувственность перешли къ нему отъ матери. Я вполнѣ увѣренъ, что тайная симпатія Виссаріона принадлежала отцу, и сынъ не даромъ оплакивалъ его. Въ 1835 году я получилъ отъ матушки письмо о смерти Григорія Никифоровича, въ которомъ она описала, какъ дѣдушка въ послѣднія минуты свои искренно раскаивался въ своихъ прошедшихъ заблужденіяхъ, искренно просилъ прощеніе у всѣхъ, кто окружалъ его смертную постель. Когда я осторожно передалъ это извѣстіе Виссаріону, жившему тогда на Козихѣ, онъ легъ ничкомъ на кушетку, скрывъ лицо въ подушкѣ, и тяжело дышалъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ всталъ, и я замѣтилъ на глазахъ его слезы. Я далъ прочесть ему письмо матери и недолго оставался у него, желая дать покой душѣ его, встревоженной горестною вѣстью.

Вотъ все, что я могъ припомнить о дѣтствѣ и юности Бѣлинскаго.

III.

Мое знакомство съ В. Г. Бѣлинскимъ.

[Воспоминанія Н. Н. Тютчева. 19 февр. 1874 г.].

При чтеніи воспоминаній К. Д. Кавелина о В. Г. Бѣлинскомъ мнѣ пришло на память нѣсколько мелкихъ подробностей, касающихся Бѣлинскаго, съ которымъ я былъ дружески знакомъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ его жизни.

Въ началѣ 1841 года я прибылъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ департаментъ податей и сборовъ, сперва канцелярскимъ чиновникомъ, какъ это тогда водилось, а потомъ переводчикомъ [1]).

Сперва я жилъ одинъ, но весною 1842 года познакомился со мною пріѣхавшій въ Петербургъ, бывшій редакторъ Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостей Александръ Яковлевичъ Кульчицкій. Онъ имѣлъ рекомендательныя письма ко мнѣ и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ. То былъ человѣкъ съ организмомъ нервнымъ и болѣзненнымъ, по природѣ своей въ высшей степени впечатлительный, во время болѣзненныхъ припадковъ склонный къ раздраженію, но притомъ самаго честнаго нравственнаго направленія, въ умственномъ отношеніи идеалистъ и романтикъ. Онъ имѣлъ влеченіе къ литературнымъ занятіямъ, былъ надѣленъ легкимъ юморомъ, но талантъ его былъ слишкомъ незначителенъ, и чувство безсилія составляло мученіе его жизни. Онъ вообще расположенъ былъ къ ипохондріи, харьковская среда не удовлетворяла его, и въ Петербургъ его влекло преимущественно желаніе сблизиться съ литературнымъ міромъ. На службу онъ поступилъ Секретаремъ въ Канцелярію Военнаго Министерства.

Оба мы чувствовали себя одинокими въ Петербургѣ и, несмотря на совершенное различіе характеровъ, сошлись съ нимъ довольно близко и рѣшились поселиться на одной квартирѣ [2]). Впослѣдствіи къ намъ присоединился К. Д. Кавелинъ, прибывшій

---

[1]) Я родился въ 1815 году въ Смоленской губерніи; въ 1825 году покойный отецъ, помѣщикъ Рославльскаго уѣзда, отвезъ меня въ Саксонію, гдѣ я прошелъ гимназическій курсъ въ одномъ частномъ учебномъ заведеніи; затѣмъ въ тридцатыхъ годахъ я окончилъ университетскій курсъ въ Дерптѣ, кандидатомъ по отдѣленію камеральныхъ наукъ, и до поступленія на службу провелъ нѣсколько лѣтъ, по семейнымъ дѣламъ, въ поѣздкахъ за границею и по Россіи.

[2]) Онъ не разлучался со мною до смерти, послѣдовавшей отъ чахотки въ апрѣлѣ 1845 года.

въ Петербургъ изъ Москвы и поступившій на службу по Министерству Юстиціи помощникомъ столоначальника.

Всѣ трое мы занялись въ скоромъ времени переводами съ иностранныхъ языковъ для редакціи «Отечественныхъ Записокъ», получая по 10 руб. сер. съ печатнаго листа. Квартира наша находилась близъ Михайловскаго дворца, въ домѣ Жербина, на дворѣ, во 2-мъ этажѣ. Мы занимали 4 большія комнаты, съ кухнею и переднею, и за это просторное помѣщеніе въ центрѣ города, на хозяйскихъ дровахъ, платили по 100 руб. асс. въ мѣсяцъ, т.-е. около 343 руб. сер. въ годъ.

Еще до переѣзда къ намъ Кавелина Кульчицкій ввелъ меня въ семейство И. И. Панаева, жившаго тогда въ 4-мъ этажѣ дома Лопатина (нынѣ Семянникова) у Аничкина моста. Тамъ я познакомился съ Бѣлинскимъ, И. И. Масловымъ и прочими лицами, упоминаемыми въ воспоминаніяхъ Кавелина. П. В. Анненковъ находился тогда преимущественно за границею, но во время пріѣздовъ въ Петербургъ бывалъ постояннымъ членомъ нашего общества.

Съ первой встрѣчи Бѣлинскій отнесся ко мнѣ радушно и сердечно, а на меня произвелъ глубокое впечатлѣніе, не только своимъ свѣтлымъ умомъ и крупнымъ талантомъ, но преимущественно глубоко-страстною искренностью, составлявшею главное основаніе его натуры. Онъ всегда искалъ истины, постоянно служилъ ей. Онъ искалъ ее со страстью, онъ увлекался, онъ могъ ошибаться, но умъ его всегда жаждалъ истины, онъ внималъ голосу противника, если вѣрилъ въ его добросовѣстность, и первый сознавался въ своихъ ошибкахъ, казнилъ себя безпощадно, какъ скоро убѣждался, что противникъ его правъ.

Въ немъ не было ни искры мелкаго самолюбія, ни предвзятыхъ мыслей, ни упорства,—никакихъ притязаній на доктринерство и непогрѣшимость, столь часто встрѣчающихся у вожаковъ партій въ ученомъ и особенно въ литературномъ мірѣ.

Когда я познакомился съ Бѣлинскимъ, онъ занималъ небольшую квартиру во дворѣ вышеупомянутаго дома Лопатина. Въ томъ же дворѣ занималъ квартиру и А. А. Краевскій, редакторъ и издатель «Отечественныхъ Записокъ»,—тогда не имѣвшій еще собственнаго дома. Квартира Бѣлинскаго находилась надъ сараями во 2-мъ этажѣ и состояла изъ 4-хъ весьма небольшихъ комнатъ. Болѣе просторная комната, о двухъ окнахъ, служила ему кабинетомъ,—направо отъ оконъ стояли его письменный столъ и конторка. Стѣна передъ столомъ была покрыта цѣлою группою портретовъ, отчасти лицъ историческихъ, отчасти близкихъ знакомыхъ. Особенно мнѣ врѣзался въ память акварельный портретъ Николая Станкевича.

Остальныя стѣны кабинета были обставлены простыми открытыми полками, на которыхъ помѣщалась его библіотека, богатая преимущественно по части русской исторіи и русской словесности. Книги съ верхнихъ полокъ онъ доставалъ посредствомъ складного табурета, открывавшагося въ видѣ лѣстницы.

Въ другой комнатѣ, служившей гостиною, находилась на стѣнѣ группа литографій, изображавшихъ женскіе типы изъ романовъ Жоржа Санда.—Упомяну кстати, что по части живописи Бѣлинскій имѣлъ вкусъ весьма опредѣленный. Онъ не придавалъ особой цѣны картинамъ историческаго, духовнаго и аллегорическаго содержанія, но очень любилъ пейзажъ и жанръ, реальную, особенно фламандскую школу,—не допуская, впрочемъ, ничего грубаго, обличительнаго, карикатурнаго. Онъ былъ проникнутъ глубокимъ чувствомъ изящнаго, но не любилъ оставлять реальную почву. Цѣлыя утра проводилъ онъ въ фламандскомъ отдѣленіи Эрмитажа и съ восторгомъ вспоминалъ о картинахъ, произведшихъ на него особое впечатлѣніе. Картинъ онъ, конечно, по ограниченности средствъ, покупать не могъ, но небольшія свободныя деньги тратилъ на покупку книгъ и на пріобрѣтеніе хорошихъ, особенно старыхъ гравюръ, которыя онъ очень любилъ.

Будучи критикомъ «Отечественныхъ Записокъ» и работая сверхъ силъ, онъ получалъ годового жалованья 1286 руб. сер. (4500 руб. асс.), а когда онъ въ ноябрѣ 1843 г. женился, то ему было прибавлено 143 руб. (500 руб. асс.), такъ что до основанія «Современника» въ 1848 году онъ съ семействомъ долженъ былъ довольствоваться годовымъ содержаніемъ въ 1429 руб. (5000 асс.). Понятно, какъ трудно было ему сводить концы съ концами. Онъ долженъ былъ отказывать себѣ во всемъ. Но бѣдность его была почтенная. Никогда онъ не жаловался на трудность своего положенія, и квартира его содержалась всегда въ безукоризненной чистотѣ. У него было много цвѣтовъ и растеній, за которыми онъ всегда самъ ухаживалъ съ особенною любовью и старательностью.

Я навѣщалъ его въ свободное для него время, но изрѣдка случалось заходить и въ часы, посвященные журнальной срочной работѣ.

Писалъ онъ съ большимъ одушевленіемъ, быстро, крупнымъ почеркомъ, почти безъ помарокъ, на одной сторонѣ полулистовъ, приготовленныхъ для работы. Дописавъ страницу, онъ откладывалъ исписанный, еще мокрый отъ чернилъ полулистъ, и продолжалъ писать на другомъ полулистѣ. Вторая страница полулиста оставалась бѣлою.

Между тѣмъ, не помню, въ которомъ именно году, переѣхалъ изъ Харькова въ Петербургъ извѣстный переводчикъ Андрей Ивановичъ Кронебергъ; онъ сошелся близко съ нашимъ кружкомъ. На службѣ онъ не состоялъ, жилъ исключительно литературными трудами и работалъ преимущественно для редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Свободное время онъ посвящалъ шахматамъ и музыкѣ. Онъ очень любилъ симфоническую музыку и самъ прекрасно игралъ на фортепіано.

Разъ какъ-то иду я по Невскому, встрѣчается со мною Андрей Ивановичъ и разсказываетъ мнѣ, что онъ перевелъ между

прочимъ съ французскаго романъ «Королеву Марго», получилъ условленную плату за переводъ, помѣщенный въ «Отечественныхъ Запискахъ», но что сейчасъ онъ прочелъ въ газетахъ объявленіе о томъ, будто романъ, въ его переводѣ, изданъ особою книжкою, а такъ какъ онъ позволенія на то никому не давалъ, то и хочетъ удостовѣриться, кѣмъ изданъ романъ особо. Зашли мы въ книжный магазинъ. Кронебергъ купилъ экземпляръ романа въ новомъ изданіи, удостовѣрился, что романъ изданъ Краевскимъ, купилъ вслѣдъ затѣмъ X томъ Свода Законовъ Гражданскихъ, отыскалъ законъ о литературной собственности, положилъ замѣтку противъ статьи, взялъ обѣ книги подъ мышку и отправился къ Андрею Александровичу. Встрѣтивъ отпоръ, онъ объявилъ хладнокровно, что дѣло поступитъ въ судъ, если онъ не получитъ денежнаго вознагражденія на точномъ основаніи закона; при этомъ онъ объявилъ размѣръ своего требованія и назначилъ срокъ уплаты. Наканунѣ дня, назначеннаго Кронебергомъ, Андрей Александровичъ прислалъ Андрею Ивановичу причитавшіяся ему деньги (кажется, съ чѣмъ-то 500 р. сер.) и вмѣстѣ съ тѣмъ отказъ отъ дальнѣйшаго участія въ переводахъ для «Отечественныхъ Записокъ».

Кронебергъ пришелъ ко мнѣ подѣлиться вѣстью о своей побѣдѣ. Отправились мы оба къ Бѣлинскому. Кронебергъ съ свойственною ему трезвостью и дѣловитостью выраженій передалъ Бѣлинскому голый разказъ о ходѣ дѣла, не разукрасивъ его ни одною фразою. Бѣлинскій слушалъ напряженно, съ величайшимъ вниманіемъ: не проронивъ ни одного слова, онъ вышелъ въ переднюю, подошелъ къ углу, взялъ въ руки трость, возвратился къ Кронебергу, молча передалъ ему трость, сталъ передъ нимъ на колѣни, и тогда только сказалъ ему: «Андрей Ивановичъ, голубчикъ, поучите меня дурака».

Въ ноябрѣ 1843 года Бѣлинскій женился на Маріи Васильевнѣ Орловой, получившей воспитаніе въ одномъ изъ московскихъ институтовъ и бывшей впослѣдствіи гувернанткою въ частныхъ домахъ, между прочимъ, у Ив. Ив. Лажечникова, а затѣмъ классною дамою въ томъ самомъ институтѣ, гдѣ она воспитывалась. Марія Васильевна была высокаго роста и въ молодости, говорятъ, была недурна собою. Выходя замужъ она была уже зрѣлыхъ лѣтъ, насквозь болѣзненная, и съ нервическою дрожью во всемъ тѣлѣ. Движенія ея были угловаты и лишены всякой граціи; походка ея была какая-то порывистая, при каждомъ шагѣ она точно всѣмъ тѣломъ падала впередъ.

Мнѣ неизвѣстно, въ какой средѣ провелъ Бѣлинскій свои дѣтскіе годы, но я полагаю, что онъ росъ внѣ благотворнаго вліянія семьи и образованнаго женскаго общества. Ему приходилось вырабатываться самостоятельно, собственными усиліями. И онъ выработался блистательно въ спеціальности, которой посвятилъ себя, но въ отношеніи общества онъ остался дикаремъ. Когда онъ переселился уже въ Москву и поступилъ въ число

студентовъ, то, кромѣ товарищей и учениковъ, онъ мало съ кѣмъ встрѣчался, поэтому былъ совершенно чуждъ женскому обществу и почти вовсе не зналъ женщинъ.

Во время поѣздки въ Москву, лѣтомъ 1843 года, онъ увидѣлся съ Марьею Васильевною, которую встрѣчалъ, хотя изрѣдка, еще въ то время, когда самъ былъ студентомъ, а она гувернанткою. Въ 1843 году она была классною дамою. При свиданіи съ нею завязался литературный разговоръ. Марья Васильевна, слѣдившая за русскою журналистикою, привела Бѣлинскаго въ совершенный восторгъ разсужденіями, вычитанными изъ его же статей. Повторенный ею урокъ онъ принялъ за проявленіе собственнаго развитія; онъ увлекся ею страстно, какъ вообще былъ склоненъ увлекаться идеалами собственной фантазіи, предложилъ ей руку, и не успокоился, пока не получилъ ея согласія.

На маленькую квартиру въ домѣ Лопатина переѣхала къ женатому Бѣлинскому вскорѣ и свояченица его, Аграфена Васильевна, называвшаяся, впрочемъ, «Agrippine».

Обѣ сестры, уже не молодыя, почти всю жизнь проведшія въ институтѣ, смотрѣли и на весь міръ преимущественно сквозь институтскую призму. Говорили онѣ между собою почти всегда по-французски, о различнѣйшихъ мелочахъ и дрязгахъ, и всего чаще я слыхалъ изъ устъ то одной, то другой: «Ma soeur, ou sont les clefs?», «Ma soeur, donnez moi les clefs».

Понятно, что въ этой средѣ Бѣлинскій не могъ найти того, что искалъ, именно полнаго духовнаго общенія, семейнаго союза, въ высокомъ значеніи этого слова. Но когда хроническая болѣзнь его приняла характеръ болѣе угрожающій, онъ нашелъ въ пустой женѣ и въ придурковатой свояченицѣ, — усердныхъ, хотя и ворчливыхъ сидѣлокъ.

Бѣлинскій былъ женатъ $4^1/_2$ года. У него было двое дѣтей.— Сперва родилась дочь Ольга, которую крестилъ Ив. Ил. Масловъ и Аграфена Васильевна Орлова. Дочь Бѣлинскаго воспитана матерью и находится при ней и теперь. Затѣмъ родился сынъ, у котораго воспріемниками были И. С. Тургеневъ и жена моя Александра Петровна. Онъ умеръ въ младенчествѣ и былъ горько оплаканъ Бѣлинскимъ. Дѣтей своихъ Виссаріонъ Григорьевичъ любилъ нѣжно и страстно. Прійдешь, бывало, къ нему и зачастую застанешь, какъ онъ возится на четверенькахъ, несмотря на свою чахотку, и не отстаетъ отъ дѣтскихъ игръ, пока не впадетъ въ полное изнеможеніе. — Когда умеръ его сынъ, то я съ женою пошли навѣстить его. Мы застали его въ страшномъ горѣ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, совершенно потерянный, остановился у притолки и, указывая на мертваго ребенка, сказалъ: «Сейчасъ легъ бы на площади подъ кнутъ, если бы это могло воскресить его».

Въ концѣ 1844 года я женился на югѣ Россіи и привезъ жену въ Петербургъ, а въ концѣ 1845 г. переѣхало къ намъ и семейство моей жены, состоявшее изъ ея матери и сестры.—Мы

наняли въ домѣ Лопатина, въ 3-мъ этажѣ, квартиру, выходившую на уголъ Невскаго проспекта и Фонтанки.

Бѣлинскій очень полюбилъ мою жену и родныхъ ея и часто проводилъ у насъ свободные часы. У насъ много занимались музыкою, особенно классическою. Бывало, сидитъ и слушаетъ безучастно. Затѣмъ подойдетъ къ фортепіано и скажетъ: «Ну, а теперь сыграйте для меня». Эта фраза означала, что нужно сыграть «Leiermann» Шуберта и danse infernale изъ Роберта, единственныя двѣ музыкальныя піесы, которыя онъ, по собственному его отзыву, понималъ и любилъ.

Помню и я сцену изъ «Лючіи», разсказанную Кавелинымъ. Сколько я понимаю, тутъ на Бѣлинскаго подѣйствовала не музыка, а трагизмъ сцены проклятія. Какъ теперь вижу его лицо, блѣдное, потерянное, изображающее ужасъ и отчаяніе.

Вспоминаю еще одно мелкое происшествіе, случившееся весною 1845 г., которое бросаетъ яркій свѣтъ на семейный бытъ Бѣлинскаго.

Отработавшись, Бѣлинскій заходитъ къ намъ въ одинъ прекрасный майскій или іюньскій день и предлагаетъ съѣздить въ Биржевой скверъ. Мы согласились, спустились къ Фонтанкѣ и наняли лодку, въ которой помѣстились Бѣлинскій съ своими двумя дамами и я съ женою. День былъ прекрасный. Бѣлинскій веселъ, какъ ребенокъ. На биржѣ его все радовало: и птицы, и рыбы, и раковины, и особенно растенія. Увидѣлъ онъ кактусъ съ краснымъ цвѣткомъ, какого онъ давно желалъ, плѣнился имъ и купилъ его. Бережно завернулъ онъ свое сокровище и сталъ насъ звать въ лодку для обратнаго пути. Усѣлись мы, гребецъ началъ работать веслами, а жена и свояченица Бѣлинскаго стали разсуждать о томъ, какъ безразсудно человѣку бѣдному и семейному бросать деньги на пустыя растенія, которыхъ и безъ того дѣвать некуда. Разговоръ этотъ подѣйствовалъ на В. Г. поразительно. Онъ умолкъ, съежился, нахмурился, довезъ молча цвѣтокъ до дома, молча взялъ его на руки у пристани и, мрачный, унесъ его на свою квартиру.

По случаю слабости его груди доктора приказывали ему нанимать дачу гдѣ-либо около сосноваго лѣса. Помню, какъ одно лѣто онъ провелъ на крошечной дачкѣ, въ самомъ лѣсу, около Поклонной горы. Онъ жилъ тамъ съ семействомъ въ совершенномъ уединеніи, и любимою забавою его было брать грибы. На несчастіе его и Аграфена Васильевна раздѣляла его страсть. Бывало, пойдутъ въ лѣсъ, и Бѣлинскаго, который въ большомъ и маломъ былъ равно страстенъ, трясетъ лихорадка отъ одной мысли, что свояченица перебьетъ у него какой-нибудь грибъ. Близорукій, съ слабою грудью, онъ спѣшитъ, озирается, и если вдали увидитъ грибъ, то бѣжитъ къ нему, падаетъ, закрываетъ его руками и громко заявляетъ свои права на усмотрѣнный имъ грибъ. Набравъ много грибовъ, онъ возвращается домой совершенно счастливый, и съ спокойнымъ духомъ принимается опять за прерванныя литературныя занятія.

Ожидая рожденія сына, Бѣлинскій переѣхалъ, кажется въ 1846 году, на болѣе просторную квартиру, чуть ли не въ домъ Ѳедорова, на Фонтанкѣ, между Аничкинымъ и Семеновскимъ мостами, но тамъ онъ потерялъ новорожденнаго и долго на этой квартирѣ не оставался.

Лѣтомъ 1846 года онъ ѣздилъ съ М. С. Щепкинымъ на югъ Россіи, посѣтилъ Одессу, Николаевъ и, кажется, Крымъ. Онъ очень полюбилъ Черноморскихъ моряковъ, встрѣтившихъ съ большимъ радушіемъ заслуженнаго артиста и первоклассnаго критика.

Въ 1847 г. онъ поѣхалъ за границу искать облегченія отъ развивавшейся чахотки. Облегченія онъ, конечно, не могъ найти, но страшно соскучился по родинѣ и по семьѣ, и осенью 1847 г. поспѣшилъ обратно въ Петербургъ.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ нынѣ находится станція Николаевской желѣзной дороги, тогда еще не существовавшая, на Лиговкѣ, противъ Кузнечнаго мостика, онъ нанялъ въ домѣ Галченковыхъ, на дворѣ, особый деревянный, довольно просторный, полутораэтажный флигель, окруженный деревьями, разсчитывая, что квартира эта будетъ служить ему и дачею.

На этой квартирѣ онъ провелъ послѣднюю зиму, радуясь на свои растенія, которымъ было много солнца, а болѣзнь его принимала все болѣе и болѣе угрожающій характеръ, и опасность становилась очевидною.

Работать онъ уже не могъ. Мы посѣщали его часто, развлекая его бесѣдою, и уносили съ собою тяжелое убѣжденіе въ неминуемости послѣдняго кризиса.

Во второй половинѣ мая 1848 г. посылаетъ онъ какъ-то разъ за мною. Прійдя къ нему, я застаю его въ страшномъ волненіи и безпокойствѣ. Дѣло въ томъ, что къ нему явился жандармъ, съ повѣсткою, приглашавшею его въ III отдѣленіе. Стоитъ только вспомнить начало 1848 года и репрессивныя мѣры, принятыя у насъ вслѣдъ за февральской революціей въ Парижѣ и за мартовскими волненіями въ Германіи, чтобы понять, какое впечатлѣніе должно было произвести неожиданное и загадочное появленіе жандарма въ квартирѣ Бѣлинскаго.

Виссаріонъ Григорьевичъ, не вставшій уже съ кресла, задыхающимся отъ волненія и отъ слабости голосомъ просилъ меня побывать въ III отдѣленіи, отыскать тамъ бывшаго учителя Бѣлинскаго, а въ то время служившаго старшимъ чиновникомъ въ III отдѣленіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Попова, и узнать: для чего его требуютъ.

Пріѣхавъ въ 3-е отдѣленіе, я объяснилъ Попову о тяжкой болѣзни Бѣлинскаго, приковавшей его къ креслу, и спросилъ: чего отъ него желаютъ.

Поповъ вспомнилъ съ нѣжностью о дѣтскихъ годахъ Бѣлинскаго, выразилъ участіе къ его болѣзненному состоянію, просилъ меня успокоить больного и объяснить ему, что онъ вы-

зывался не по какому-либо частному дѣлу или обвиненію, но, какъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы, «единственно для того, чтобы лично познакомиться съ Леонтьемъ Васильевичемъ Дуббельтомъ, хозяиномъ русской литературы» (Sic).

Черезъ нѣсколько дней скончался Виссаріонъ Григорьевичъ, и мы похоронили его на деньги, собранныя между близкими его знакомыми; участвовавшіе въ складчинѣ согласились вносить и впредь ежегодно опредѣленную каждымъ сумму, пока не будетъ пристроено семейство покойнаго.

Тутъ явилась мысль разыграть въ лотерею, въ пользу семейства, библіотеку покойнаго. Для этого надобно было выхлопотать разрѣшеніе правительства. Вспомнивъ мои недавніе переговоры съ Поповымъ и теплый отзывъ послѣдняго о Бѣлинскомъ, друзья Бѣлинскаго возложили на меня переговоры и въ настоящемъ случаѣ.

Услышавъ о смерти Бѣлинскаго, Поповъ выразилъ сожалѣніе о столь преждевременной кончинѣ замѣчательнаго критика, но, только что я заговорилъ о лотереѣ, онъ весь измѣнился въ лицѣ, окрысился и зашипѣлъ на меня: «это все равно, милостивый государь, какъ если бы Вы просили разрѣшенія на объявленіе о лотереѣ въ пользу семейства государственнаго преступника Рылѣева».

Переѣхавъ на житье въ Москву, вдова Бѣлинскаго нѣсколько времени спустя получила въ своемъ институтѣ мѣсто кастелянши, сестра ея опредѣлилась классною дамою, а дочь пользовалась уроками въ томъ же заведеніи.

Когда 12 лѣтъ спустя былъ основанъ литературный фондъ, то онъ назначилъ вдовѣ и дочери Бѣлинскаго пенсію въ размѣрѣ 600 руб., которая впослѣдствіи, по собственному заявленію Маріи Васильевны, была сокращена до 300 руб., во вниманіе къ тому обстоятельству, что благодаря стараніямъ Н. Х. Кетчера, взявшаго на себя весь трудъ редакціи и корректуры, и матеріальному содѣйствію К. Т. Солдатенкова и Н. М. Щепкина—полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго было издано въ 12-ти томахъ, и успѣшная продажа ихъ окончательно обезпечила безбѣдное существованіе семейства этого даровитаго, честнаго, неутомимаго труженика, всю жизнь свою посвятившаго служенію истинѣ и общественному благу.

ПОПРАВКИ.

На стр. 84. Напечатано: **„4 декабря“**. Слѣдуетъ: **„5 декабря“**.

На стр. 119. Напечатано: «*Харьковъ. 1846, іюня 10*». Слѣдуетъ: «*Харьковъ. 1846, іюня 11*».

На стр. 185. Напечатано: «Пансара». Слѣдуетъ: «Понсара».

На стр. 202. Напечатано: «г. Драмусову». Слѣдуетъ: «г. Драшусову».

На стр. 217. Напечатано: «Средства». Слѣдуетъ: «Сродства».

Уже по отпечатаніи 25-го листа настоящаго тома, гдѣ на стр. 393—394 помѣщено нами письмо Бѣлинскаго къ А. А. Бееръ по тексту, данному А. А. Корниловымъ въ его работѣ «Семейство Бакуниныхъ» («Рус. Мысль», 1912, XII), мы получили отъ А. А. Корнилова нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія относительно этого письма.

Начинается письмо слѣдующими словами:

«*Москва. 1838 года, генваря 13 дня.*

Милостивая Государыня,

Александра Андреевна!».

Затѣмъ, послѣ приведеннаго дословно текста, слѣдуетъ конецъ письма:

«Впрочемъ, это меня радуетъ: дай Богъ, чтобы все, что достойно счастія, было счастливо. Постарайтесь достать себѣ «Современника» за прошлый годъ: кто не читалъ его, тотъ не знаетъ Пушкина. О, какой великій поэтъ, какая огромная, глубокая душа! Я недавно узналъ, чего лишилась въ немъ Россія. Мое почтеніе Натальѣ Андреевнѣ и Аннѣ Константиновнѣ; желаю, чтобы онѣ такъ же помнили обо мнѣ, какъ я объ нихъ.

Благодаря случай, дозволившій мнѣ писать къ Вамъ, остаюсь преданный Вамъ всею душою

Виссаріонъ Бѣлинскій».

На верху письма приписано рукою К. А. Беера: «Пріѣхалъ ноньче въ 5 часовъ утра. И потому не могу писать. Извините меня передъ матерью. Бѣлинскій посылаетъ твое письмо, Саша, къ Мишелю».

Указатель личныхъ именъ.

А. А. Т. III, 107, 354.
Абдель-Кадеръ II, 257, 412.
Аблесимовъ, Александръ Анисимовичъ III, 434, 437.
Августинъ, св. II, 421.
Авдотья (крѣпостная Бѣлинскихъ) I, 52, 59, 390. II, 98, 389.
Авдотья Александровна I, 10. III, 436.
Авдотья Павловна II, 257.
Авзоній I, 211.
Агаша II, 21, 52. III, 170.
Агинъ III, 376.
Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ III, 137, 307, 355.
Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ I, 64, 71—75, 101—104, 124, 132, 140, 151, 158, 182, 187, 211, 212, 224, 227, 285, 294, 314, 317, 326, 327, 332—334, 336, 341, 357, 358, 368, 370, 378, 392, 394, 397, 414, 419. II, 13, 22—25, 34, 56, 69, 78, 107, 135—138, 154, 192, 201, 301, 357, 381 — 384, 393, 395, 405. III, 88, 98, 185, 203, 307, 349.
Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ I, 72, 75, 104, 285, 394, 397, 403. II, 25, 138, 154, 301, 382. III, 305.
Акулина I, 52.
Аланы III, 191.
Александра Балтазаровна III, 153, 358.
Александра Михайловна I, 57, 58, 389.
Александра Николаевна I, 53.
Александра Ѳедоровна (императрица, супруга Николая I) III, 318, 319.
Александръ I I, 6, 93.
Александръ II III, 235.
Александръ Ефремовичъ I, 26, 31, 384.
Александръ Македонскій I, 253. II, 246, 410.
Александръ Никаноровичъ II, 288.
Алексѣевъ II, 161, 167.
Алексѣй Михайловичъ (царь) I, 92. II, 210.
Алексѣй Михайловичъ I, 16.
Алена Дмитріевна II, 304. III, 195.
Алкивіадъ II, 246. III, 330.
Алфераки, Николай Дмитріевичъ III, 114, 116, 123, 140, 148.
Амалія II, 17.
Амфитеатровъ II, 388.
Анакреонъ II, 285.
Анахарсисъ II, 243.
Андросовъ, Василій Петровичъ I, 131, 136, 211, 363, 399, 406, 409. II, 54, 101, 383.
Анемподистъ II, 150, 258.
Анна Ларіоновна II, 14.
Анна Матвѣевна II, 302.
Анна, m-lle II, 329.
Анненковъ, Павелъ Васильевичъ II, 133, 135, 144, 160, 166, 190, 214,

221, 408, 426. III, 92, 93, 107, 176, 182—188, 191, 193, 195,204, 208, 209, 217, 220, 221, 223, 226, 228, 229, 238, 240, 242—244, 246—252, 254—256, 258—266, 268, 287, 289—297, 313—321, 327, 328, 335—339, 354, 366—368, 371, 373—377, 379, 383, 384, 386, 388—390, 445.
Антоній III, 330, 385.
Антоновъ II, 288.
А. П. I, 9, 383.
Аракетовъ, Иванъ Павловичъ III, 327.
Арендтъ, Андрей Ѳедоровичъ III, 156, 157.
Арендтъ, Николай Ѳедоровичъ III, 156, 358.
Аристофанъ I, 414.
Аришка I, 387.
Armance II, 354, 363, 364, 366—371, 430, 432. III, 3, 4, 23, 26, 49, 68, 76, 87, 352.
Арсеньевъ III, 413.
Артемовскій II, 150, 395.
Артемовъ II, 150, 385, 386.
Архиповъ III, 422.
Асенкова, Варвара Николаевна II, 7.
Афанасьевъ, Александръ Николаевичъ III, 302, 384.

Бабушка I, 53.
Байронъ I, 401. II, 110, 193, 267, 277, 295, 417—420. III, 44, 325, 387.
Бакунина, Александра Александровна I, 160, 161, 168, 179—181, 193, 197—199, 202, 206, 216, 237, 242—246, 251, 252, 293, 317, 351, 397—399, 402, 403, 407, 408, 412—414, 416, 418, 421. II, 2, 11, 28, 49, 57—59, 63, 81, 82, 86, 88, 94, 95, 100, 122, 169, 172, 179, 180, 211, 222, 224, 226, 236, 271, 286, 293, 318, 324, 337, 339—341, 343, 345—353, 356, 363, 378—381, 385—387, 389, 390, 398—403, 406, 421, 422, 428, 430. III, 8, 85, 107.
Бакунина, Варвара Александровна I, 128, 180, 200, 201, 209, 215, 222, 261, 300, 351, 399, 415. II, 2, 237, 318, 324, 362, 378, 400, 403. III, 393.
Бакунина, Варвара Михайловна I. 182, 208.
Бакунина, Любовь Александровна I, 162, 175, 179, 180, 201, 207, 213—215, 217, 221, 223, 224, 226, 252, 253, 257, 262, 270, 274, 299, 306, 308, 350, 351, 397—399, 407, 408, 412, 413, 415—417, 421. II, 6, 13, 151, 171, 182, 297, 395.
Бакунина, Татьяна Александровна I, 159, 162, 165, 179, 180, 197, 198, 202, 216, 237, 249, 250, 274, 356, 361, 397, 402, 403, 412. II, 3, 11, 57, 58, 236, 271, 286, 293, 295, 297, 301, 307, 318, 324, 337, 341—343, 379, 400, 422, 428, 430. III, 8, 84, 85, 348.
Бакунина, Татьяна Михайловна I, 395, 405.
Бакунинъ, Александръ Александровичъ I, 401. II, 378, 390.
Бакунинъ, Александръ Михайловичъ, старикъ I, 128, 134, 135, 146, 149, 152, 180, 201, 206, 208—210, 221, 228, 229, 261, 273, 274, 392, 399, 400, 407—409. II, 2, 10, 11, 28, 88, 93, 96, 101, 145, 237, 318, 324, 356, 362, 380, 382, 390, 400, 401, 403, 406. III, 393.
Бакунинъ, Алексѣй Александровичъ I, 401. II, 13, 63, 378, 381, 390, 413, 436.
Бакунинъ, Илья Александровичъ I, 159, 401—403. II, 226.
Бакунинъ, Михаилъ Александровичъ, Мишель, Мишка, мой вѣрующій другъ I, 64, 65, 74, 77—80, 83, 91, 105—182, 185—210, 212—310, 317, 320, 321, 323—325, 330, 333, 346, 348—352, 356, 361, 365—367, 376, 388, 392, 393, 395—400, 402—408, 412—419, 421, 422. II, 1—6, 10—13, 19, 30, 33—35, 43, 47—50, 57, 60—67, 72, 75—89, 91, 94—98, 100, 101, 104, 106, 109, 115, 118, 121, 124—126, 131, 144—149, 153, 162—166, 179, 180, 182, 206, 222, 223, 230—232, 237, 251, 259, 268, 273, 306, 317, 318, 322,

321, 333, 338, 339, 341, 342, 349, 353—359, 378—380, 383, 385—390, 392, 394, 395, 397, 400, 402, 403, 408, 413, 427, 429—431, 436. III, 164, 265, 266. 320, 328, 331. 338, 339, 348, 380, 388, 393, 452.

Бакунинъ, Николай Александровичъ глуздырь II, 3, 6, 11, 30, 32, 34, 37, 47, 49, 50, 57, 59, 62, 63, 65—67, 78—82, 88, 89, 91, 93—96, 100, 101, 116—118, 121—124, 131, 145, 161, 226, 229 238, 251, 271—276, 316—324, 337 353, 362. 371, 377, 378—380, 383, 387, 388, 390, 392, 408, 409, 413, 422, 427—429, 433, 435. III, 85.

Бакунинъ, Павелъ Александровичъ, I, 401. II, 9, 62, 93, 273, 342, 377, 387, 390, 398, 401, 429.

Баландинъ III, 45, 345.

Бальзакъ, Оноре II, 93.

Бальи, Жанъ-Сильвенъ III, 328.

Банкаль, Жанъ-Анри II, 265, 413.

Барантъ II, 93, 110, 390.

Баратынскій, Евгеній Абрамовичъ I, 384. II. 285, 319. 328, 428. III, 304.

Барбье, Огюстъ II, 334, 429.

Барро II, 397.

Барсовъ I, 287.

Барсовъ, Константинъ Петровичъ I, 332. III, 170.

Бартеневъ, П. Д. II, 307, 365. III, 374.

Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ II, 308. III, 432.

Бауманъ I, 266. II, 188.

Баумъ II, 220.

Бауэръ, Бруно II, 418.

Башуцкій, Александръ Павловичъ II, 303, 424.

Беверъ, Александра Андреевна I, 115, 123, 147, 160, 268, 284, 320, 364, 365, 400, 401, 404, 405, 413, 416, 422. II, 324, 401, 402. III, 393, 394, 452.

Беверъ, Константинъ Андреевичъ I, 115, 123, 132, 147, 158, 160, 178, 181, 268, 284, 320, 364, 365, 400, 404, 405. II, 9, 378. III, 107, 219, 224, 452.

Беверъ, Наталія Андреевна I, 115, 123, 147, 160, 233, 234, 251, 268, 284, 320, 364, 365, 400, 401, 404, 414—416, 421, 422. II, 324, 340, 341, 428, 429. III, 224, 452.

Бемъ II, 177, 237.

Бенедиктовъ, Владиміръ Григорьевичъ I, 342. II, 44, 239, 409. III, 76, 304.

Бенкендорфъ, гр. Александръ Христофоровичъ II, 303.

Бенкръ I, 393.

Беранже, Пьеръ-Жанъ I, 64. II, 234, 250, 269, 410, 411.

Берліозъ, Гекторъ III, 202, 204.

Бернетъ (псевдонимъ А. К. Жуковскаго) I, 213, 412.

Бернсторфъ II, 430.

Берта I, 337, 342, 347.

Берхъ III, 145, 148.

Беттина (Елизавета фонъ Арнимъ) I, 191, 251, 293, 297, 358. II, 51, 222.

Бетховенъ, Людвигъ I, 130, 194, 407. II, 18.

Билибинъ II, 11.

Бланъ, Луи II, 360, 431. III, 166, 245, 328, 331, 338, 339, 378, 391.

Б—на, Екатерина Николаевна III, 265.

Богдановичъ, Ипполитъ Ѳедоровичъ II, 228. 408.

Богдановъ I, 298.

Болле II, 248.

Борб. III, 95.

Бородинъ II, 177.

Боткина, Анна Ивановна II, 37. 235. 383, 386, 408.

Боткина, Marie II. 37, 235.

Боткинъ, Василій Петровичъ I, 64, 75, 98, 109, 117, 124, 125, 127—133, 139, 142, 150, 151, 153, 155, 158, 161, 164, 168, 169, 180—183, 185, 186, 189, 191, 196, 199—204. 212. 213, 217, 219, 223, 236—238, 243, 249, 250, 255—259, 262, 271, 276—278, 283, 291. 294—299, 302, 306, 315—317, 321, 323—334. 344. 351—359, 361, 363—369, 373, 399—401, 405, 407, 408, 410, 412, 414—419, 421. II, 1—10, 12—21, 23, 26—51, 54, 56—72, 75, 77. 78. 80—82, 84—95,

99—118, 121—135, 140 -149, 155—227, 235, 236, 238, 239, 243—251, 256, 261—271, 279—287, 289—302, 305—307, 310—312, 315, 316, 318—321, 326—336, 339, 341—343, 348, 352—373, 375, 377, 378—394, 396—410, 412—435. III, 3, 4, 6, 11, 23, 26, 49, 68, 69, 93, 106, 107, 160—169, 171—178, 180—186, 188, 189, 191, 193—209, 219, 243—246, 257, 266—288, 293—295, 298, 301, 303, 308, 310, 313, 321—333, 338, 352, 364—367, 369—371, 373, 378, 380, 383, 386, 389.

Боткинъ, Иванъ Петровичъ II, 316.

Боткинъ, Николай Петровичъ II, 245, 246, 306, 316, 364, 391, 412, 425, 427, 432. III, 107, 191, 258, 259, 265, 275, 287, 333, 354, 383.

Боткинъ, Петръ Кононовичъ I, 416. II, 37, 131, 307, 327, 383, 386, 403, 426.

Брантъ, Леопольдъ Васильевичъ III, 306, 387.

Брейтингъ II, 36.

Бронзини II, 177, 193, 195.

Бруно, Джордано I, 153.

Брюлловъ, Карлъ Павловичъ II, 45, 116, 328, 384.

Брянская, Елизавета Яковлевна II, 298, 300. III, 15.

Брянскіе II, 298.

Брянскій, Яковъ Григорьевичъ II, 302, 424.

Брянчаниновъ III, 318, 388.

Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ II, 359.

Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ I, 66, 68, 104, 312, 409. II, 6, 9, 39, 42, 44, 54, 81, 90, 92, 102, 103, 115, 118, 126, 177, 187, 197—199, 208, 243, 256, 258, 301, 303, 308, 320, 333, 390, 409, 412. III, 70, 89, 90, 95, 160, 299, 304, 306, 325.

Булыгинъ I, 213, 412.

Бульверъ-Литтонъ III, 172, 366.

Бульдоговъ, Петръ (псевдонимъ Бѣлинскаго) II, 280, 289, 292, 304, 414.

Бурачокъ, Степанъ Анисимовичъ II, 173, 256, 257, 399. III, 235.

Буторова II, 251, 254, 288, 292.

Бутковъ, Яковъ Петровичъ III, 282, 287, 288, 295, 296, 323, 383.

Бычковъ, Аоанасій Ѳедоровичъ III, 387.

Бѣлинская, Александра Григорьевна, впослѣдствіи Козьмина I, 35, 53, 386, 387, 389, 390. II, 98, 99, 140, 389. III, 353, 399, 440, 442.

Бѣлинская, Александра Каллистоновна, рожденная Исаева, жена К. Г. Бѣлинскаго (у нихъ дѣти — Миша и Саша) II, 98.

Бѣлинская, Марья Васильевна, рожденная Орлова II, 414. III, 82, 83, 87, 93, 105, 112—136, 138—158, 162, 163, 167, 169, 171, 181, 182, 188, 195, 208—229, 239—243, 246—260, 267, 288, 291, 292, 334, 343, 354—358, 368, 371, 372, 377—379, 395, 447 449, 451.

Бѣлинская, Марья Ивановна, мать Виссаріона Григорьевича I, 1, 2, 4—6, 19—21, 23, 24, 29—35, 38, 45—51, 56, 59, 381, 385—390. II, 112, 314, 389. III, 399, 401, 402, 424, 429, 430, 438—443.

Бѣлинская, Марія Никифоровна III, 406, 440.

Бѣлинская, Ольга Виссаріоновна III, 93, 113, 115, 117, 119, 123, 125—128, 130, 133, 136, 138, 139, 143, 148, 150, 151, 154, 157, 163, 167, 169, 171, 193, 216, 218—220, 224, 226, 229, 242, 251—253, 257, 259, 260, 265, 334, 354, 371, 377, 378, 448, 451.

Бѣлинскій, Владиміръ Виссаріоновичъ III, 171, 181, 193, 199, 209, 220, 229, 367, 369, 373, 448, 450.

Бѣлинскій, Григорій Никифоровичъ I, 1—6, 20, 21, 23, 24, 28—35, 38, 39, 47—49, 53—55, 381, 382, 385—389, 406. II, 112, 314, 389. III, 25, 44, 53, 83, 345, 399—403, 405, 406, 424, 426, 427, 429, 430, 439—443.

Бѣлинскій Константинъ Григорьевичъ I, 28, 31, 34—41, 43—45, 48, 51—53, 55—57, 59, 60, 381, 384—390, 406. II, 98, 99, 314, 355, 389, 427. III, 83, 399, 437, 438, 442, 443.
Бѣлинскій, Никаноръ Григорьевичъ I, 28, 35, 39, 42, 47, 48, 53, 63, 67, 75—77, 82, 86, 87, 102, 118, 119, 381, 384, 386, 387, 389, 394—396, 406, 421. II, 20—22, 52—55, 73, 74, 139, 140, 167, 168, 196, 240—242, 250, 251, 260, 261, 312—314, 355, 388, 389, 397, 409, 412. III, 83, 399, 442.
Бѣлинскій, Никифоръ (дѣдъ) III, 406, 440.
Бѣляевъ, Иванъ Дмитріевичъ III, 387.

Вальтеръ-Скоттъ I, 355. II, 37, 107, 108, 125, 126, 130, 132, 137, 145, 165, 170, 193, 209, 256, 434. III, 90, 325.
Ванька-Каинъ (Иванъ Осиповъ Каинъ, р. 1718) III, 281.
Ваня I, 76, 82, 101, 396. II, 21, 52, 55.
Ваня III, 7, 12.
Варвара Савельевна I, 53, 389.
Варнагенъ фонъ Эпзе, Карлъ-Августъ I, 362.
Василій I, 52. III, 436.
Вашингтонъ, Джорджъ III, 314.
Ведринъ (псевдонимъ Герцена) III, 88, 350.
Великопольскій, Иванъ Ермолаевичъ (псевдонимъ его: Ивельевъ) I, 68, 332, 388, 394.
Великопольскій, Сергѣй Васильевичъ I, 52, 388.
Великопольскій (казначей) III, 403, 406.
Веллингтонъ III, 105.
Вельегорскій, гр., Матвѣй Юрьевичъ II, 303, 424.
Вельегорскій, гр., Михаилъ Юрьевичъ II, 424.
Вельтманъ, Александръ Ѳомичъ II, 91, 389.
Веневитиновъ, Дмитрій Владиміровичъ II, 210, 398.
Венелинъ, Юрій Хуца II, 375.
Вердеревскій, Евгеній Александровичъ III, 271, 382
Вердеръ, Карлъ I, 307, 308, 318, 329, 342, 352, 417. II, 165, 317.
Вержбицкій II, 306. III, 12, 22, 31, 39, 56.
Верленковъ II, 277.
Вернетъ, Иванъ Филипповичъ III, 352.
Верне II, 283, 415.
Веселовскій, Константинъ Степановичъ III, 272, 273, 285, 288, 383.
Вецель, Іоганъ-Карлъ II, 69.
Вздвиженскій, Константинъ Ивановичъ III, 431.
Викторія II, 258. III, 87.
Вильменъ, Абель-Франсуа III, 86, 349.
Віардо-Гарсіа, Полина III, 214, 215, 258.
Владиміръ Ѳедоровичъ I, 16, 17, 383,
Владиславлевъ, Владиміръ Андреевичъ I, 314, 315, 322, 335, 418. II, 67, 94, 102, 103, 387, 406.
Владыкина, Лукерья Савельевна I, 6, 11, 32, 33, 87, 381—383, 385, 389, 396, 416, 419. III, 170, 400, 411.
Владыкинъ, Алеша I, 87, 396.
Владыкинъ, Иванъ Николаевичъ I, 1, 3, 10, 13, 16, 17, 381—383, 396. III, 400.
Владыкинъ, Николай Михайловичъ I, 6, 10, 383.
Владыкинъ, Степанъ Михайловичъ I, 10.
Водянскій Ярополкъ (псевдонимъ Герцена) III, 88, 350.
Войтяховскій. Ефимъ Дмитріевичъ I, 5, 382.
Волковъ, Григорій Сергѣевичъ III 81, 82, 347.
Волконская, кн. I, 60.
Волконскій, кн. I, 60.
Волконскій, кн., Петръ Михайловичъ II, 35. III, 198.
Волконскій, кн. (сынъ министра) II, 104.
Вологжаниновъ, Иванъ Ивановичъ I, 84, 101, 397.

Вологжаниновъ. Николай Ивановичъ I, 76, 81, 84, 87, 100, 395—397. II, 42. 51, 138.
Вологжаниновъ, ихъ отецъ I, 84.
Вольтеръ I, 68. II, 267. III, 108. 166, 338, 400.
Воронцовъ, кн., Михаилъ Семеновичъ III, 116, 124, 318.
Воскресенскій II, 208.
Востоковъ, Александръ Христофоровичъ III, 420.
Враскій, Борисъ Алексѣевичъ II, 48, 102—104, 386, 390.
Вронскій II, 386.
Вронченко, Михаилъ Павловичъ I, 67, 393. II, 43, 175.
Вульфъ I, 161, 275, 403.
Высоцкій I, 335. II, 104.
Вяземскій, кн., Петръ Андреевичъ I. 65. III, 238.

Галаховъ, Алексѣй Дмитріевичъ I, 321, 337, 419. II, 94, 176. 279, 287, 294, 295, 302. 336, 356, 357. 372, 411, 414, 416, 429, 435. III, 1, 12, 18, 73. 74, 82, 83, 91, 93, 97, 101, 105, 111. 113, 114, 119, 120, 167, 194, 195, 280. 281, 286, 293, 313, 324, 334, 335, 343, 355, 361, 365, 373, 389, 390.
Галаховъ, Иванъ Павловичъ III, 348.
Галле, Іоганъ Готфридъ III, 369.
Галченковы III, 334, 450.
Гансъ, Эдуардъ II, 90.
Ганъ, Елена Андреевна II, 282, 294, 415.
Гебель II, 67.
Гегель, Георгъ-Фридрихъ-Вильгельмъ I. 91, 136, 139, 153. 160, 163, 173, 178. 198. 219. 250, 266, 268, 306, 333, 334, 337. 346. 348. 349, 402, 408, 413, 414, 421. II. 43. 44. 68, 121, 136, 143, 159, 169, 188, 212—214, 224, 232, 247, 270, 283, 287, 293, 306, 319, 356, 358, 387, 394, 420, 427. III, 109, 173, 297.
Гегель (замоскворѣцкій) II, 319.
Гедеоновъ, Александръ Михайловичъ II, 428.
Гедеоновъ, Степанъ Александровичъ II, 328, 428.
Гезіодъ II, 188.
Гейне, Генрихъ I, 280, 314, 338, 341, 342, 348, 350. II, 187, 207, 214, 397.
Гердеръ, Іоганнъ Готфридъ III, 160.
Герценъ, Александръ Ивановичъ, Искандеръ, Ведринъ, Ярополкъ Водянскій I, 401. II, 19, 28, 119. 121, 131. 132, 162, 188, 190.191, 195, 207, 251, 258, 286, 297, 330, 331, 334, 336, 365—367. 370—372, 381, 391, 393, 397. 404—406. 412, 416, 423, 425. 429, 430, 432, 433. III, 67, 68, 85—112, 125. 135—138. 142. 158. 159, 162, 191, 194. 195, 204, 248, 254. 256, 261. 265. 274, 276, 282, 284. 285. 287, 297. 307, 325—328. 338, 339. 348—352. 354, 356, 358—361, 363, 364. 368, 370, 374, 376, 377, 386, 389.
Герценъ, Наталія Александровна II, 326, 357, 366, 367, 431. III, 67, 68, 87, 92. 94, 95, 112, 138, 195, 248, 254, 259—261, 265, 297, 339, 354, 378.
Герценъ, Наташа (дочь) III, 254. 260. 265.
Герценъ, Саша (сынъ) III, 95, 97, 254. 265.
Герцъ III, 86, 88.
Гессъ II, 103.
Гете, Іоганъ Вольфгангъ I, 86, 163, 191. 213, 236, 251, 293, 295, 306, 313. 314, 317. 318. 333—335. 341, 349, 421. II, 13, 16, 18, 24, 42, 44, 62, 68. 69. 80. 95, 106, 110, 113, 125, 130, 185, 188, 193, 196, 207, 210, 212, 217, 219, 232, 244, 275, 282, 295, 312, 350—352. 358, 385, 400, 406, 407, 415, 417, 418, 426, 430. III, 217, 325, 372, 389.
Гешель, Карлъ-Фридрихъ I, 266.
Гизо, Франсуа-Пьеръ-Гильомъ III, 187. 263.
Глазуновъ I, 16, 145, 335, 393. II, 374.
Глинка, Михаилъ Ивановичъ II. 45.
Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ II, 23, 104. 186, 257, 276—278, 304, 413.

Г. М. II, 331. 429.
Гнѣдичъ. Николай Ивановичъ I, 318. III, 103.
Говорецкій I, 74.
Гоголь, Николай Васильевичъ I, 213, 313, 319, 345, 357, 398, 404, 408. II, 8, 9, 24, 25, 45, 56, 65, 94, 107, 108, 122, 130, 137, 138, 164, 192, 193, 197, 281, 282, 291, 294, 295, 299, 303, 304, 306, 308 - 310, 320, 328, 333, 358, 361, 380, 381, 383, 384, 387, 422, 423, 426, 432. III, 100, 108, 109, 120, 163, 165, 166, 168, 175—177, 181, 184, 185, 197, 198, 206, 217, 230 — 239, 254, 270—272, 300, 310—313, 327, 338, 365, 367, 369, 377—379, 386, 389.
Голиковъ, Иванъ Ивановичъ I, 359. II, 210.
Голицынъ, кн., Дмитрій Владиміровичъ I, 48, 388. II, 422.
Голицынъ, кн. I, 285.
Головачевъ, А. Ф. I, 420.
Головачевъ, Григорій Филипповичъ III, 277, 383.
Голохвастовъ, Дмитрій Павловичъ I, 48—50, 388. III, 318, 387.
Голубинская III, 424.
Голубинскій, Аркадій Степановичъ III, 424, 430, 431, 433, 435, 437, 438.
Гомеръ I, 318, 335, 344, 349. II, 24, 68, 77, 80, 189, 193, 405.
Гончаровъ, Иванъ Александровичъ III, 118, 171, 190, 194, 195, 198, 199, 207, 260, 285, 355, 359, 360, 362, 365, 368, 373—376.
Горбуновъ, Кириллъ Антоновичъ II, 11, 36, 45, 69, 94, 101, 116, 121, 122, 135, 177, 191, 193, 195, 197, 238, 266, 270, 298, 328, 378, 380, 383, 384, 405, 423, 435.
Горнъ I, 38, 39, 386.
Гото—III, 411.
Готье, Теофиль III, 385.
Гофманъ, Эрнстъ - Теодоръ - Вильгельмъ-Амедей I, 75, 156, 190, 196, 212, 226, 317, 335. II, 91, 93, 95, 106, 107, 115, 150, 172, 184, 193, 236, 252, 350, 380, 381, 390. III, 338.
Гофмейстеръ, Карлъ I, 306, 417. II, 221, 408.
Граккп II, 246.
Гранжъ III, 330, 389.
Грановская, Елизавета Богдановна III, 68.
Грановскій, Тимоѳей Николаевичъ, шепелявый профессоръ I, 308, 319, 337, 338, 340, 342, 345, 371, 417, 420. II, 8, 9, 16, 29, 36, 43, 47, 50, 56, 69, 71, 91, 94, 105, 115, 122, 128, 161, 167, 175, 211, 221, 227, 283, 286, 293, 331, 336, 361, 371, 375, 380, 382, 391, 422, 424, 425, 431, 433. III, 17, 68, 86—88, 90, 94, 95, 99, 105, 204, 246, 269, 273, 276, 277, 283, 285, 294, 302, 303, 307, 308, 310, 326, 332, 349, 361, 363, 370, 373, 414.
Гребенка, Евгеній Павловичъ I, 313, 315. II, 209, 211.
Грековъ, Авраамъ Григорьевичъ III, 402, 403, 405, 406, 417, 418.
Гречъ, Николай Ивановичъ I, 66, 68, 71, 81, 100, 103, 104, 313, 395, 409. II, 24, 44, 54, 81, 90, 92, 102 — 104, 115, 118, 177, 187, 197 — 199, 208, 256, 308, 390, 406. III, 86, 286, 420.
Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ II, 216, 308.
Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ III, 161, 287, 297, 303, 306, 323—325, 364, 384.
Григорьевъ II, 286.
Григорьевъ II, 156.
Григорьевъ, В. В. III, 270, 382.
Григорьевъ, Н. Львовичъ I, 6, 9, 57, 382. III, 423.
Гризетка I, 183, 285, 288, 329, 330, 375, 405, 416. II, 381.
Губеръ, Эдуардъ Ивановичъ I, 213, 313, 315. II, 212, 407. III, 176, 185.
Гумбольдтъ, Александръ-Фридрихъ-Генрихъ III, 284, 302, 384, 385.
Гурцевъ II, 253, 254.
Гуттенбергъ I, 336.
Гуцковъ, Карлъ II, 358, 431.
Гюго, Викторъ I, 347. II, 44, 93, 125, 193. III, 367.

Давыдовъ, Иванъ Ивановичъ I, 322, 419.
Давыдовъ, П. Г. I, 61.
Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ III, 177.
Даль, Владиміръ Ивановичъ III, 173, 180.
Данілъ Галицкій III, 102, 352.
Данте Алигьери I, 334, 335. III, 137, 357.
Даррагонъ II, 397.
Дарья Евсеевна I, 52.
Дарья Титовна I, 75, 76, 82, 395. II, 21, 51, 55, 138, 139, 194, 239, 241, 261, 314, 381.
Двигубскій, Иванъ Алексѣевичъ I, 29—31, 34, 385.
Девріентъ I, 342, 420.
Декартъ I, 153.
Де-Минъ II, 329.
Демутъ II, 48.
Депре III, 103.
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ I, 6. II, 67, 68, 142, 197, 291, 331, 332, 357, 422, 423, 431. III, 171, 272, 422.
Дестунисъ, Спиридонъ Юрьевичъ II, 246, 410.
Джемсонъ, Анна II, 188, 209, 217, 404.
Диккенсъ, Чарльзъ II, 150. III, 171, 196, 320, 321, 325, 365.
Дмитревскій, Николай Степановичъ III, 409, 416, 417, 421, 422, 433.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ I, 398.
Дмитріевъ, Михаилъ Александровичъ I, 111, 398. II, 327, 428.
Дмитрій II, 315.
Дмитрій Самозванецъ II, 375.
Добрынинъ III, 245, 378.
Долгоруковъ I, 11, 17.
Доминикъ III, 205, 295.
Достоевскій, Ѳедоръ Михайловичъ III, 90, 98, 102, 126, 142, 151, 158, 176, 180, 286, 288, 296, 297, 338, 352, 362, 367, 376.
Драшусовъ III, 202, 361, 365, 370.
Дроздовъ I, 219, 399.
Дружининъ, Александръ Васильевичъ III, 323, 338, 389.
Дуббельтъ, Леонтій Васильевичъ III, 340, 391, 451.
Дудышкинъ, Степанъ Семеновичъ III, 270, 271, 273, 279, 293, 295, 296, 301, 382.
Дундукъ (кн. Михаилъ Александровичъ Дондуковъ-Корсаковъ) II, 104, 257.
Дунька I, 387.
Дурасовъ, Андрей Зиновьевичъ I, 1, 2, 381.
Дьякова, Варвара Александровна, рожденная Бакунина I, 127, 133, 135, 151, 152, 180, 183, 186, 197, 200, 215, 227, 236, 247, 248, 255, 368, 397, 398, 400, 404—406, 412. II, 11, 30, 144, 149, 153, 182, 206, 316, 318, 323, 324, 340, 341, 343, 356, 358, 359, 378, 380, 395, 409, 429, 430. III, 393.
Дьяковъ, Николай Николаевичъ I, 133—135, 151, 180, 182, 183, 248, 275, 368, 397, 398, 404, 405. II, 182, 206, 356, 358.
Дьяковъ, Саша (ихъ сынъ) I, 412. II, 11, 153, 318, 341, 378, 380, 429. III, 85, 348.
Дюбуа, Гильомъ III, 326.
Дюкло, Шарль Пино III, 325, 389.
Дюма, Александръ II, 320. III, 325, 367, 387.
Дюмурье, Шарль-Франсуа II, 413.
Дюси, Жанъ-Франсуа III, 437.
Дядьковскій, Устинъ Евдокимовичъ I, 371, 422.

Евреиновъ I, 387.
Евфимъ I, 3, 381.
Егоръ I, 189, 406.
Егоръ III, 122, 224.
Екатерина II III, 131, 300, 417.
Елизавета Петровна, императрица I, 93.
Ефремова I, 133, 179.
Ефремовъ, Александръ Павловичъ I, 74, 78, 79, 111, 112, 122, 125, 129, 149, 150, 161, 171, 190, 193, 197, 200, 206—208, 221, 310, 364, 365, 377—

379, 394, 396, 400, 407, 408, 417, 422. II, 144, 149. 151—153, 395. III, 100.
Eugénie III, 62, 66, 68.

Жаненъ, Юлій I, 52.
Жанна д'Аркъ II, 410.
Жербинъ III, 445.
Живокини, Василій Игнатьевичъ II, 7.
Жирарденъ, Эмиль III, 245, 378.
Жирарденъ, Дельфина Гэ III, 385.
Жихаревъ, Степанъ Петровичъ III, 314, 315, 317, 388.
Жмакинъ, Дмитрій Ивановичъ III, 414.
Жоржъ-Зандъ (псевдонимъ Авроры Дюдеванъ II, 203, 249, 318, 325, 327, 328, 338, 341, 352, 358, 378, 410, 428, 429, 436. III, 313, 319, 320, 323, 325, 339, 358, 366, 388, 446.
Жукова, Марія Семеновна III, 286, 384.
Жуковскій, Алексѣй Кирилловичъ (его псевдонимъ: Бернетъ) I, 412.
Жуковскій, Василій Андреевичъ I, 7, 8, 22, 101, 212, 306, 342. II, 24, 35, 104, 193, 219, 351. III, 12, 21, 244, 418, 432.
Жуковъ II, 187, 329, 404.
Жураховскій III, 144, 149, 151.

З. II, 357.
Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Парѳеновичъ III, 271, 272, 283, 288, 293, 382, 384.
Завадскій II, 365.
Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ I, 248. II, 9, 213, 257, 301. III, 304, 305, 351.
Зайкинъ, А. Ѳ. II, 10, 379, 390.
Зайкинъ, П. Ѳ. II, 2, 5, 6, 10, 28, 30, 36, 41, 43, 47, 48, 50, 53, 63, 64, 72, 75, 101, 117, 118, 120, 122, 123, 232, 409.
Зедергольмъ II, 292, 423.
Зейдлицъ II, 93.
Зеленый II, 134.
Зиновьевъ II, 343, 356, 358, 431.
Знаменскій, Степанъ Ивановичъ III, 413, 414, 420.
Зоммеръ, Александръ Христофоровичъ III, 411—414, 421, 422.
Зотовъ, Рафаилъ Михайловичъ II, 9.
Зотовъ, Николай Зотовичъ II, 140.
Зыковъ I, 57.

Иванисовъ III, 425—427, 429, 432.
Иванова, Вѣра Петровна I, 10, 43, 382, 387. II, 99, 261, 393, 412. III, 439, 442.
Иванова, Екатерина Петровна, впослѣдствіи Лопатина I, 6—19, 32, 61, 88, 382, 383, 385, 390, 396. III, 406, 417, 439—442.
Иванова, Зинаида (дочь Д. П. Иванова) II, 19, 54, 140, 241, 288, 314, 381.
Иванова, Леонора Яковлевна II, 20, 54, 74, 140, 241, 261, 288, 314, 381. III, 83, 210, 334.
Иванова, Ѳедосья Степановна I, 7, 24—28, 41—43, 60, 61, 382, 384, 387, 390. II, 54, 99, 140, 314. III, 401, 402, 424, 429, 438—441, 443.
Ивановскій, П. І. III, 319, 320.
Ивановъ III, 207.
Ивановъ, Алексѣй Петровичъ I, 6—19, 27, 28, 38, 39, 42, 61, 76, 82, 84, 100, 382, 383, 389. II, 21, 52, 55, 242, 261, 288, 314, 355, 381, 413. III, 83, 170, 210, 334, 402, 418, 437, 439.
Ивановъ, Дмитрій Петровичъ, долгоносый I, 10, 27, 38, 61, 75—77, 81—101, 360, 369, 382, 384, 387, 388, 390, 395, 396, 421. II, 20—22, 42, 51—56, 73, 74, 138—140, 167, 168, 239, 242, 251, 259, 261, 277, 278, 288, 312—315, 355, 381, 386—389, 393, 397, 409, 412, 413, 416, 427, 431. III, 25, 81—83, 111, 112, 120, 167, 169, 171, 209, 210, 333, 334, 344, 347, 353, 354, 365, 371, 390, 399—443.
Ивановъ (иногородній) II, 327.
Ивановъ, Леонидъ (сынъ Д. П. Иванова) II, 288.

Ивановъ, Николай Петровичъ III, 437.
Ивановъ, Петръ Петровичъ (отецъ) I, 24—28, 36, 37, 41—43, 60, 61, 382, 384, 387, 390. II, 54, 140, 314. 355. III, 25, 82, 83, 344, 439.
Ивановъ, Петръ Петровичъ (сынъ), татаринъ I, 10, 26, 28, 42, 53, 60, 61, 67, 76, 77, 82, 102, 118, 119, 369, 382, 388, 389, 394 396, 421. II, 21, 74, 242. 261, 314, 381, 409, 413.
Иванъ II. 306.
Иванъ I. 52.
Иванъ Великій I. 15. 17. 82. 190. II. 108.
Иванъ Александровичъ I, 78.
Иванъ Осиповичъ I, 53.
Изеръ, Иванъ Ивановичъ III. 205.
Илья I, 98.
Имберъ, Варинька I, 79, 395.
Иннокентій (Смирновъ) II, 240.
Исаева, Александра Капитоновна II, 427.
Исаевъ, Дмитрій Капитоновичъ II, 99, 312, 314, 389, 427.
Исаевъ, Капитонъ Андреевичъ II, 99, 389, 427.
Ишимова, Александра Іосифовна III. 84. 319.
Ишутинъ I, 39.

Іоаннъ (апостолъ) I. 88, 126. II. 85.
Іоаннъ Грозный III, 104.
Іосифъ II III, 131.

Кавелинъ, Константинъ Дмитріевичъ II, 335. 429. III. 91—93, 96, 98, 99, 102. 104, 167, 172, 177, 178, 182, 189, 203, 204, 206, 209, 246, 269, 273, 276. 277, 284. 294, 297 — 313. 321 — 323, 332. 351, 364 — 366, 373, 374, 384, 386 388. 444, 445. 449.
Казначей II, 203, 212, 227, 406.
Кайдановъ, Иванъ Кузьмичъ II, 244, 410. III, 413.
Калайдовичъ III. 86.
Калачовъ, Николай Васильевичъ III, 387.
Калмыкъ II, 150.
Каменскій, Павелъ Павловичъ I. 313. 315, 321. II 27, 382.
Кандачаровъ III, 434.
Кантемиръ, Антіохъ Дмитріевичъ, кн. III, 271, 279, 330.
Кантъ, Иммануилъ I, 91, 174, 219, 396. III, 109, 419.
Каниташка II. 319.
Карамзинъ, Николай Михайловичъ I. 6, 421. II. 222, 375. III. 109, 418.
Каратыгинъ, Василій Андреевичъ I, 4, 203. II, 19, 125, 188.
Карно, Лазарь-Николай-Маргеритъ II 424.
Карташевскій, Ал. II, 35.
Карташевскій, Григорій Ивановичъ I, 53, 54, 338, 389.
Касаткинъ-Ростовскій, кн. I, 67.
Каталани II. 103. 390.
Катенинъ. Павелъ Александровичъ II. 109.
Катерина Гавриловна I, 255.
Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ I. 117. 130. 132. 139. 153. 214. 219. 257, 290, 310. 314—316. 328. 329. 332. 333. 335. 341. 343. 344. 348. 354 — 356, 359, 361 — 363, 365, 370. 413, 417—419. 421. II. 4. 6. 8. 11. 12. 18. 19. 26. 29. 31. 34. 38. 47. 64. 65. 69, 71, 92, 94, 104, 106, 107, 109. 113 — 115. 118. 120—123, 125 — 128. 131. 133. 134. 144—149. 152. 153, 159. 162 — 164. 167. 171 — 173. 175. 187. 191 — 193. 195. 200 — 203, 211, 215, 217, 238, 268, 294, 302, 306, 335, 344, 353, 379 — 381, 383, 384, 390 — 392, 394. 395, 397, 398, 401 — 406, 409, 425, 429, 430.
Катонъ Старшій, Цензоръ II, 246.
Катонъ Младшій, Утическій II. 246.
Качановскій. Михаилъ Трофимовичъ I. 314. II. 261.
Каширинъ, I, 27.
Кенигъ I, 211, 409.
Кетчеръ, Александръ Христофоровичъ I. 153, 402. II. 259. III. 382.

Кетчеръ. Николай Христофоровичъ, нелѣпый I, 80, 130, 131, 150, 151, 158, 257, 278, 335, 378, 390—392, 395, 399, 402. II, 11, 28, 93, 105, 106, 115, 118, 119, 128, 149, 150, 173, 176, 177, 196, 202, 219, 227, 242, 243, 249, 251, 254—259, 277, 281, 283, 284, 304, 336, 361, 377, 391, 394, 409—412, 424, 425, 434, 435. III, 73, 80, 87, 88, 91, 92, 94, 95, 97, 99—102, 104, 179, 205, 246, 282, 294, 360—364, 380—382, 451.

Кетчеръ, Христоферъ Христофоровичъ III, 205.

Кизеветтеръ I, 81, 91, 396.

Кипъ, Эдмундъ I, 393.

Кирѣевскіе III, 307.

Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ III, 307, 351.

Киселевъ, Павелъ Дмитріевичъ, гр. III, 314, 316.

Клевенскій III, 318, 388.

Клеопатра III, 385.

Клыковъ II, 18, 122, 219, 286, 336. III, 2.

Клюшниковъ, Иванъ Петровичъ I, 77, 80, 109—111, 124, 129—132, 139, 182, 200, 206, 207, 212, 223, 257, 262, 276, 287, 290, 292, 314, 317, 325, 341—343, 346, 358—361, 363—366, 368, 371, 394, 397, 399, 400, 407, 408, 420, 421. II, 9, 31, 34, 35, 57, 69, 71, 78, 113, 149, 172, 220, 221, 239, 253, 270, 280, 281, 292—294, 316, 333, 359, 375, 380, 383, 391, 408, 414. III, 394, 395.

Клюшниковъ, Петръ Петровичъ I, 201, 206—208, 217, 223, 249, 258, 260—262, 279, 287, 288, 297, 299, 300, 309, 310, 351, 394, 407, 415, 422. II, 9, 380, 412.

Козловскій, кн., К. П. I, 161, 180, 188, 214, 403, 404, 407, 408, 412. II, 238, 242, 243, 253, 270, 277, 278.

Козловскій II, 7.

Козьминъ (мужъ А. Г. Бѣлинской) II, 98, 389.

Колзаковъ III, 314.

Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ I, 85, 99, 182, 184, 199, 201, 212, 257, 310, 314, 341, 343, 376, 389, 396, 399, 405. II, 31, 73, 121, 127, 134, 161, 167, 172—174, 176, 177, 183, 191, 194, 196, 199, 206, 209, 253, 270, 287, 291, 319, 323, 326, 327, 330, 331, 393, 396, 398, 404, 405, 428. III, 89, 92, 350.

Кольчугинъ II, 220, 283, 287, 331, 336, 422.

Комарова, Марья Александровна III, 10, 14, 16, 36, 39, 218, 224, 229, 372.

Комаровъ, Александръ Александровичъ II, 133, 200, 290, 358, 361, 374, 375, 393, 431. III, 10, 11, 22, 31, 33, 36, 37, 39, 124, 141, 171, 172, 192, 356, 357.

Конари I, 13.

Конп, Ѳедоръ Алексѣевичъ II, 177, 241, 243, 252, 306, 383, 409—411, 426. III, 89.

Константинъ III, 265.

Константинъ Павловичъ, Вел. Кн. I, 188. II, 314. III, 399.

Контъ, Огюстъ III, 166, 173—175.

Кон-фу-дзы II, 286.

Корсаковъ, Петръ Александровичъ I, 213, 412. II, 173, 308, 398, 426. III, 166, 204.

Корфъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, бар. I, 336.

Коршъ, Евгеній Ѳедоровичъ II, 433—435. III, 1, 10, 12, 27, 67, 87, 88, 94, 110, 114, 138, 160, 161, 246, 273, 303, 326, 361, 363, 373, 374.

Коршъ, Марья Ѳедоровна II, 433, 435. III, 1, 2, 10, 12, 27, 67, 87, 138, 248, 254, 260—262, 265, 266, 297, 339, 343.

Коршъ, Софья Карловна III, 1, 2, 10, 12, 27, 67, 87, 343.

Коршъ, Ѳеодя III, 87.

Косиковскій II, 374—376. III, 142.

Кошанскій III, 410, 418, 419.

Кошихинъ. Григорій Карповичъ II, 238. III, 159.

Краевская, Анна Яковлевна II, 295, 297—299, 302, 423, 424.

Краевская, Варвара Николаевна II, 295, 423.
Краевскій, Андрей Александровичъ I, 65—71, 99, 102, 311, 315, 319—323, 334—337, 392—394, 418—420. II, 6—8, 11, 23, 24, 27, 29, 35, 42, 45, 51, 53, 58, 64, 72, 74, 90—92, 94, 97, 98, 102—106, 110, 114, 119, 148, 150, 157, 163, 164, 174—176, 198, 200, 209, 210, 219, 227—229, 239, 241, 252—255, 259, 283, 291, 292, 294—303, 306, 307, 312, 316, 319, 320, 327, 329, 332, 333, 338, 344, 353, 355, 364, 365, 369, 371—379, 383, 385, 408, 411, 414, 415, 429, 432—435. III, 3, 15, 16, 18, 25, 31, 33, 36—39, 43, 52, 58, 62, 69—71, 73, 74, 77, 87—93, 95, 96, 98, 100, 101, 104, 105, 109—111, 160, 176, 178, 180, 187, 189—191, 193, 204, 206, 207, 246, 269—278, 280—283, 285—288, 293—297, 301, 302, 308, 309, 321, 322, 329, 332, 351, 359—364, 370, 373, 377, 380, 382, 383, 386, 394, 395, 445, 447.
Красовскій, Авениръ Ивановичъ I, 53, 61, 76, 389, 395.
Красовъ, Василій Ивановичъ I, 212, 236, 314, 315, 378, 394. II, 35, 69, 127, 149, 167, 174, 178, 189, 196, 197, 209, 211, 214, 219, 227, 253, 333, 336.
Кречетовъ, В. И. II, 291, 360, 369.
Крешевъ, Иванъ Петровичъ III, 283, 288, 295, 296, 383.
Кронебергъ, Андрей Ивановичъ I, 412. II, 35, 43, 46, 69, 116, 127, 128, 149, 156, 157, 160, 161, 166, 175, 176, 188, 208, 219, 307, 385, 394, 396—398, 407, 426. III, 89, 90, 101, 118, 123, 125, 130, 133, 136, 138, 139, 141, 148, 172, 173, 184, 187, 192, 197, 224, 365, 366, 372—374, 387, 446, 447.
Кронебергъ, Иванъ Яковлевичъ I, 212, 257, 400, 410—412, 415, 423. II, 93, 156, 240, 385, 386, 396.
Кронебергъ, Коля III, 130.
Кронебергъ, Софья II, 39—41, 61, 72, 161, 384, 386, 391, 396, 407.
Кругъ I, 136, 401.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ I, 248, 267. II, 18, 24, 381.
Крюковъ, Дмитрій Львовичъ II, 375, III, 282.
Ксенофанъ Колофонскій I, 343.
Кугушевы, кн. III, 407.
Кудрявцевъ, Петръ Николаевичъ I, 212, 255, 266, 318, 319, 342—345, 362, 409, 414. II, 8, 31, 69—71, 94, 105, 107, 108, 115, 116, 119—122, 130, 131, 134, 160, 161, 166—168, 176, 189, 191, 195, 197, 215, 219, 251—253, 270, 283, 331, 372, 383, 391, 392, 397, 403, 405, 411, 413. III, 1, 21, 92, 115, 118, 119, 161, 173, 181, 188, 194, 195, 217, 285, 288, 289, 313, 334, 335, 354, 355, 366—369, 384, 388, 390, 414.
Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ I, 212, 409. II, 127, 197, 199, 303, 424. III, 368.
Кулишъ, Пантелеймонъ Александровичъ III, 319, 320, 388.
Кульчицкій, Александръ Яковлевичъ I, 423. II, 8, 40—42, 72, 93, 117, 149, 155-157, 160, 173, 177, 195, 211, 269, 270, 280, 283, 284, 286, 291, 307, 335, 361, 384, 386, 394—396, 414, 415, 429, 431. III, 140, 444, 445.
Кульчицкій (братъ А. Я. Кульчицкаго) III, 140.
Кунтъ II, 36.
Куперъ, Джемсъ Фенниморъ I, 114, 335. II, 107, 108, 126, 130, 132, 137, 145, 165, 166, 170, 176, 184, 193, 242, 256, 394, 397.
Куртенеръ, Оедоръ Оедоровичъ I, 27, 384.
Кусаковъ II, 74.
Куторга, Степанъ Семеновичъ II, 8, III, 182, 195, 196, 274, 319, 323.
Кутузовъ-Голенищевъ, св. кн. Смоленскій, Михаилъ Илларіоновичъ III, 105.

Лавровъ, Николай Владиміровичъ II, 35.
Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ I, 2, 21—23, 170, 178, 381, 383, 384, 395.

403, 404, 406. II, 25, 27, 121. III, 304, 305, 404—411, 414, 416, 419, 420, 447.
Ламартинъ II, 193. III, 246, 320, 378, 385.
Ламеннэ, Гюгъ - Фелиситэ - Роберъ I, 94, 397.
Лангеръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ I, 77, 117, 130 — 132, 151, 154, 156, 161, 175, 181, 193, 198 — 200, 202, 216, 217, 236—238, 244, 249, 395, 403, 414. II, 3, 9, 36, 71, 160, 219, 227, 316, 336, 371, 433.
Лангеръ (жена Ѳ. Ѳ. Лангера) I, 216. II, 316.
Лангеръ, Коля I, 217, 413. II, 316.
Лангеръ, Эдка (сынъ Л. Лангера*) I, 216, 412. II, 316.
Латышевъ III, 421, 422.
Лафайетъ III, 328.
Лафитъ, Жакъ III, 330, 389.
Левашовы I, 150, 151, 155, 214, 402, 415.
Леверрье, Урбанъ III, 195, 369.
Левіаѳанъ II, 331, 429.
Левушка II, 369.
Лежо III, 410.
Леметръ, Фредерикъ III, 327.
Леоновъ II, 35.
Лепсіусъ, Рихардъ III, 289, 290, 386.
Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ I, 199, 336, 339, 340, 384, 385. II, 23, 31, 35, 57, 68—70, 108, 109, 123, 127, 128, 130, 144, 163, 197, 209, 219, 220, 227, 233, 234, 239, 249, 252, 253, 256, 278, 284, 285, 288, 291, 294, 295, 297, 308, 312, 318, 333, 334, 352, 355, 359, 383, 388, 392, 394, 407, 409, 410, 416, 419, 420. III, 206, 270, 272, 298, 312, 424.
Леру, Пьеръ II, 300, 425. III, 173, 176.
Лесажъ I, 79. III, 155.
Лерхъ III, 205.
Либерофонкъ I, 191, 407.
Лизавета Семеновна II, 304.
Лизавета Яковлевна II, 298, 300, 423. III, 15.
Липпертъ, К. Ѳ. II, 251, 311, 411, 426.
Листъ, Францъ II, 297.
Литтре III, 165, 166, 173, 365.
Л. М. I, 9, 383.
Ломбаръ III, 411.
Ломондъ III, 411.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ I, 6, 66. II, 24. III, 174, 272.
Лопатинъ (мужъ Е. П. Ивановой) I, 88.
Лопатинъ II, 315, 318, 355, 432. III, 4, 83, 92, 112, 116, 121, 122, 126, 445, 448, 449.
Лоренцъ, Фридрихъ Карловичъ II, 283, 284, 291, 415, 422.
Лукинъ II, 56, 74, 93, 99, 140.
Лукуллъ III, 330.
Львицкій III, 361.
Львовъ, Д. В., кн. I, 385.
Любовь III, 67.
Людовикъ-Филиппъ II, 269. III, 263.
Людовикъ XIV III, 245, 325, 389.
Людовикъ XV III, 389.
Лютеръ, Мартинъ II, 267. III, 247.
Ляпуновъ, Яковъ Прохоровичъ III, 407, 423.

Магометъ III, 250, 295.
Мазепа I, 58.
Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ II, 70, 282, 284, 285, 388, 415. III, 90, 376.
Майковъ, Валерьянъ Николаевичъ III, 206, 267, 270, 271, 293, 374, 382.
Майковы III, 118.
Максимовичъ, Михаилъ Александровичъ II, 109, 391, 392.
Максимовъ, Алексѣй Ѳедоровичъ III, 428, 429.
Максимовъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ III, 428, 429.
Маленина III, 434.
Мальбраншъ, Николай I, 153.
Мальтусъ, Томасъ-Робертъ III, 272, 283.
Малютка I, 58.
Маматова, Парасковья Андреевна I, 28.

*) Въ I т., стр. 412, ошибочно указано, что «Эдка» (Эдмундъ) былъ сыномъ Ѳ. Лангера.

Маратъ, Жанъ-Поль II, 246.
Марбахъ, Освальдъ Готтгардъ I, 139, 197, 266, 334, 401. II, 222.
Маргграффъ, Германъ II, 51, 386.
Маріанна III, 257.
Марлинскій, (псевдонимъ А. А. Бестужева) II, 27, 42, 197, 309. III, 76, 304, 338.
Мартыновъ, Иванъ Ивановичъ II, 166.
Мартыновъ, Александръ Евстафьевичъ II, 7, 328.
Мартыновъ III, 116.
Марья I, 52.
Марья III, 141.
Марья Андреевна I, 84.
Марья Аѳанасьевна I, 233, 234, 285, 358, 414, 421.
Марья Ивановна I, 360. II, 286.
Марья Николаевна I, 79.
Марѳа Максимовна II, 290.
Масальскій, Константинъ Петровичъ III, 360.
Масловскій III, 433.
Масловъ, Иванъ Ильичъ II, 329. III, 115, 117—119, 122, 123, 139, 168, 354, 368, 445, 448.
Масловъ, Степанъ Алексѣевичъ III, 314, 315, 317, 388.
Матвѣй II, 372.
Матюшенко, Павелъ Петровичъ I, 99.
Межевичъ, Василій Степановичъ I, 323, 336, 337. II, 25, 118, 144, 150, 160, 177, 256, 258. III, 89.
Мейеръ III, 371.
Мельгуновъ, Николай Александровичъ I, 211, 409. III, 100, 104, 177, 199—204, 352, 370, 374.
Мендельсонъ III, 371.
Менцель, Вольфгангъ I, 191, 319, 321, 322. II, 24, 29, 35, 41, 185, 196, 213, 214, 293, 384.
Меншиковъ, Александръ Даниловичъ II, 24.
Меншиковъ, Александръ Сергѣевичъ, кн. II, 303. III, 314, 318.
Мешертъ II, 252.
Меридіановъ, Михаилъ Семеновичъ III, 424, 431, 435, 437, 438.
Меркушевъ III, 408, 416.
Мерленъ де Тіонвиль II, 424.
Меровинги II, 190, 209.
Меттерних I, 94, 397.
Метцлеръ I, 207.
Мещерскій, Платонъ Степановичъ, кн. II, 142.
Микель-Анджело Буонаротти III, 245.
Милановскій II, 316. III, 111.
Мильгаузенъ III, 157.
Милькѣевъ, Е. II, 372, 377, 433.
Милютинъ, Владиміръ Алексѣевичъ III, 272, 273, 285, 295, 301, 383, 384, 387.
Мининъ I, 17, 18.
Минихъ I, 93.
Минье, Франсуа Огюстъ I, 422.
Мирабо, Онорэ, гр. II, 424.
Мирославскій, Людовикъ III, 265, 380.
Михаилъ Павловичъ, Вел. Кн. III, 227.
Михайловскій - Данилевскій, Александръ Ивановичъ II, 254, 411.
Мицкевичъ, Адамъ I, 393. II, 185, 390. III, 287, 299.
Мишле, Жюль III, 265, 385.
Моллеръ, Ѳедоръ Антоновичъ II, 328, 428.
Мольеръ, Жанъ-Батистъ I, 62, 176, 266, 391.
Мономахъ I, 225.
Моріеръ III, 351.
Морошкинъ, Ѳедоръ Лукичъ II, 252, 411.
Мосоловы I, 385. III, 407.
Моцартъ I, 212, 411.
Мочаловъ, Павелъ Степановичъ 1, 4, 69, 130, 138, 139, 181, 183, 393. II, 7, 35, 177, 365, 384.
Муравьева, Софья Александровна II, 386.
Муравьевъ, Александръ Николаевичъ II, 48, 386.
Муравьевъ, Андрей Николаевичъ II, 134, 258, 393.
Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ III, 271, 279.

Муравьевы II, 47, 386.
Мурильо III, 333.
Мусинъ-Пушкинъ, Михаилъ Николаевичъ III, 319, 388.
Мухинъ I, 69.
Мюллеръ III, 374, 375.

Надежда Матвѣевна I, 16, 17, 383.
Надеждинъ, Николай Ивановичъ I, 52, 54, 59, 60, 62, 68, 73, 103, 104, 212, 388, 390, 391, 394, 397. II, 24, 44, 387, 390. III, 103, 168, 298.
Наполеонъ I II, 68, 152, 249, 252, 312. III, 105, 116, 177, 329, 360.
Нарѣжный, Василій Трофимовичъ I, 71.
Нахимовъ III, 404.
Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ II, 42, 51, 52, 201, 406.
Небольсинъ, Григорій Павловичъ III, 171, 172, 365, 383.
Неваховичъ, Михаилъ Львовичъ III, 376.
Невѣровъ, Яннуарій Михаиловичъ I, 66, 67, 71, 319, 393. II, 51, 211.
Невѣшкинская, Александра Евграфовна III, 424, 429.
Невѣшкинскій, Андрей Яковлевичъ III, 424, 429.
Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ I, 420. II, 361, 364, 365, 374. III, 86, 87, 90, 97, 98, 100 — 103, 105, 111, 118, 124, 125, 153, 161—164, 168, 169, 172, 178 — 182, 188 — 192, 196, 204, 208, 217, 219, 220, 223, 224, 229, 243, 249, 257, 259, 271, 272, 277, 279, 280, 282, 288, 294, 295, 302, 306, 308, 309, 322, 323, 332, 350, 351, 354, 358—364, 368, 370, 373—377, 379—382, 385.
Непановъ, М. III, 384.
Непотъ, Корнелій III, 433.
Неронъ II, 168, 169.
Несторъ III, 277.
Никитенко, Александръ Васильевичъ II, 215, 216, 303, 407, 425. III, 165, 185, 196, 359, 361, 363, 364, 378, 388.
Никифоровъ II, 7.
Никифоровъ, Ѳедоръ Ивановичъ III, 81, 82, 347.
Николай I I, 48, 103, 211, 409. II, 93, 110, 303. III, 314—319, 388.
Никольскій, Алексѣй Тимоѳеевичъ II, 191, 193, 405.
Нодье, Карлъ I, 52.
Ньютонъ, Исаакъ III, 195.

Огарева, Марья Львовна II, 11, 12, 203, 380, 406. III, 351.
Огаревъ, Николай Платоновичъ II, 11, 12, 104, 105, 107, 109, 119, 121, 127, 173, 190, 202, 203, 227, 259, 282, 333, 380, 391, 406, 415, 427. III, 93—95, 105, 138, 161, 348, 351, 352, 363.
Одоевскій, кн., Владиміръ Ѳедоровичъ II, 7, 9, 18, 25, 36, 57, 69, 103, 104, 193, 199, 209, 219, 253, 254, 303, 335, 379, 382, 411, 424. III, 176, 200.
Оже II, 333.
Озеровъ, Владиславъ Александровичъ I, 26. III, 432.
Октавій III, 385.
Оливье II, 300.
Ольга Матвѣевна I, 17, 382.
Ольга Матвѣевна (сестра П. А. Маматовой) I, 28.
Ольхинъ III, 90, 92.
Орлеанскій принцъ (Филиппъ II, съ 1715 г. регентъ) III, 330, 389, 390.
Орлова II, 7.
Орлова, Аграфена Васильевна II, 414. III, 5, 8—14, 17, 18, 20, 21, 23, 27, 30, 32, 37, 42, 43, 46, 48—50, 54, 59, 70, 76, 79, 113, 116, 125, 127, 130, 134, 136, 141, 142, 146, 147, 149, 151, 155, 219, 220, 226, 252, 254, 257, 343, 371, 448, 449, 451.
Орлова, Марья Васильевна, впослѣдствіи жена В. Г. Бѣлинскаго, субъектъ II, 278, 279, 292, 413 — 416, 423, 435. III, 1—81, 343—347.
Орловъ I, 73.
Орловъ II, 7.
Орловъ, Александръ Аноимовичъ I, 73, 394. III, 305.

Орловъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, гр. III, 316, 319, 388.
Основьяненко (псевдонимъ Григорія Ѳедоровича Квитка) I, 419. II, 8.
Островидовъ III, 414.
Остроумова, Н. И. III, 1, 18, 113—115, 343, 354.

Павелъ (апостолъ) I, 197. II, 268. III, 131.
Павлова, Каролина Карловна I, 357. II, 107, 390.
Павловъ I, 85.
Павловъ, Николай Филипповичъ I, 70, 111, 118, 285, 331, 332, 398, 420. II, 6, 25, 91, 92, 104, 109, 300, 301, 382, 390, 422. III, 168, 177, 198, 202, 294, 327, 365, 369, 389.
Палкинъ II, 58.
Пальментіернъ, гр. II, 18.
Панаева, Авдотья Яковлевна I, 331, 334, 335, 420. II, 28, 293, 300, 301, 423, 424, 430. III, 358, 360.
Панаева (мать П. И. Панаева) II, 28.
Панаевъ, Иванъ Ивановичъ I, 183, 184, 210—213, 311—315, 322, 331—335, 363, 365—368, 394, 405, 408, 409, 417—420. II, 2, 7, 9—11, 17, 22, 23, 25, 28, 30, 38, 41, 43, 47, 58, 70, 89, 92, 103, 106, 117, 122, 127, 135, 138, 145, 146, 148, 149, 162, 166, 172, 174, 176, 187, 190, 200, 217, 227, 237, 278, 281, 283, 293, 300, 301, 303, 307, 311, 319, 325, 326, 336, 360, 369, 373, 374, 382, 384, 386, 389, 390, 394, 422, 426, 428. III, 3, 33, 90, 102, 111, 139, 160, 161, 163, 168, 171—173, 177—179, 190—192, 198, 205, 220, 229, 257, 274, 277, 286, 299, 332, 355, 358—364, 366, 368, 373, 374, 376, 381, 445.
Панинъ, гр. I, 26, 48, 384.
Паскевичъ Эриванскій, Иванъ Ѳедоровичъ I, 13.
Паулинъ I, 211.
Перевлесскій, Петръ Мироновичъ III, 171, 365.
Перевощиковъ, Дмитрій Матвѣевичъ I, 21, 30, 383. III, 286, 384.
Пересъ, Антоніо III, 383.
Периклъ II, 246. III, 420.
Перовскій, Левъ Алексѣевичъ, гр. II, 365, 432. III, 314—318.
Песоцкій, И. П. II, 395, 426.
Петрова, Анна Максимовна I, 77. II, 21.
Петрова, Н. Я. II, 52, 226.
Петровъ, Иванъ Яковлевичъ III, 424, 425, 431.
Петровъ, Осипъ Аоанасьевичъ II, 35.
Петровъ, Павелъ Яковлевичъ I, 9, 26, 27, 56, 57, 382, 389.
Петровъ, Яковъ Аврамовичъ III, 424, 425, 427, 430, 431.
Петръ I, 14, 16, 381, 383.
Петръ (апостолъ) I, 126, 142. III, 131.
Петръ Александровичъ I, 387.
Петръ Великій I, 91, 92, 97, 268, 342, 346, 358, 359, 420. II, 24, 186, 210, 228, 250, 282, 284, 312, 408, 409, 427. III, 172, 198, 284, 300, 312, 313, 339, 384.
Печкинъ I, 117, 398.
Пиль, Робертъ II, 257, 258.
Піа, Феликсъ III, 327, 389.
Пій IX III, 339.
Платонъ II, 189. III, 165, 366.
Плетневъ, Петръ Александровичъ II, 7, 35, 291, 305, 433. III, 160, 360, 364.
Плутархъ II, 246, 269, 410. III, 287.
Плюшаръ, Адольфъ Александровичъ I, 66, 69, 71, 124, 393.
Побѣдоносцевъ, Петръ Васильевичъ I, 381. III, 410.
Побѣдоносцевъ, Сергѣй Петровичъ III, 211, 213, 214.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ I, 64, 117, 178, 269, 390, 392, 405, 416. II, 175, 250, 257, 258, 291, 292, 294, 304, 305, 329, 361, 375, 390, 422, 431. III, 70, 98, 172, 276, 279, 283, 286, 287, 290, 307, 313, 329, 350, 365, 366, 377, 387, 388.
Подолинскій, Андрей Ивановичъ III, 304.

Пожарскій, кн., Дмитрій Михайловичъ I, 17, 18. III, 320.
Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ I, 131, 136, 154, 360, 393, 399, 402, 406. II, 53, 54, 72, 199, 406.
Полевой, Николай Алексѣевичъ I, 62, 63, 66—68, 72, 75, 131, 138, 139, 154, 177, 184, 213, 313, 314, 319, 323, 335, 337, 377, 390, 391, 393, 399, 402, 411, 412. II, 24, 25, 42, 44, 53, 57, 81, 103, 115, 116, 118, 175, 196—199, 208, 215, 244, 281, 320, 390, 406.
Полежаевъ I, 382.
Полковникъ II, 14, 277.
Полторацкіе I, 187.
Полторацкій, Александръ Марковичъ I, 395, 406.
Полторацкій, Пьеръ I, 79.
Полуденскій III, 291.
Поль I, 117, 161, 244. II, 330.
Поль де Кокъ I, 388, 389. II, 44, 309.
Поляковъ II, 145, 240.
Помбаль III, 276, 277, 294, 383.
Понсаръ, Франсисъ III, 185, 367.
Поповъ I, 27.
Поповъ, Александръ Николаевичъ III, 299, 387.
Поповъ, Михаилъ Максимовичъ, I, 21—23, 315, 381, 383, 384. III, 340, 341, 391, 409, 410, 414, 415, 422, 423, 428, 450, 451.
Потанчиковъ, Ѳедоръ Семеновичъ II, 7.
Потемкинъ, Григорій Александровичъ, кн. III, 99, 131.
П. Р. II, 357, 431.
Прадъ III, 322, 323, 347.
Прево Д'Эгзилъ, Антуанъ Франсуа III, 388.
Притвицъ III, 345.
Прокоповичъ, Николай Яковлевичъ II, 291, 328, 361, 423, 426. III, 150.
Протопоповъ I, 27.
Протопоповъ, Григорій Абрамовичъ III, 407, 408, 416, 423.
Прудонъ, Пьеръ-Жозефъ III, 158, 358.
Пугачовъ, Емельянъ Ивановичъ II, 196.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ I, 65, 70, 74, 104, 126, 138, 140, 162, 182, 184, 194, 202, 212, 224, 236, 265, 268, 291, 298, 318, 319, 335, 341—344, 357, 359, 362, 386, 398. II, 8, 9, 24, 31, 44, 67, 68, 70, 78, 80, 107—109, 111, 121, 125, 130, 137, 138, 163, 172, 182, 184, 187, 193, 197, 204, 206, 208—210, 217, 227, 233, 234, 249, 256, 258, 271, 284, 294, 295, 297, 308, 310, 346, 361, 383, 392, 406, 407, 416—420. III, 41, 55, 108, 199, 235, 236, 245, 298, 304, 344, 346, 395, 432, 452.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ I, 104.

Рабусъ, Карлъ Вильгельмовичъ II, 177, 403.
Раевскій II, 48.
Рачъ, Семенъ Егоровичъ II, 69, 81, 388.
Распинъ, Жанъ-Батистъ III, 326.
Ратьковъ I, 77, 393. II, 361. III, 364.
Рафаэль III, 244, 245.
Рашель, Элиза III, 326.
Ремизовъ, II. (псевдонимъ А. Я. Кульчицкаго II, 431.
Реттель I, 191.
Ретшеръ, Генрихъ-Теодоръ I, 250, 266, 310, 335, 414, 420. II, 145, 163, 188, 193, 209, 217, 218, 220, 249, 334, 358, 394, 404, 405, 407.
Ржевская, Анна Константиновна III, 452.
Ржевскій, Владиміръ Константиновичъ I, 284, 290, 368, 398, 416. II, 19, 59, 153, 241, 270, 381, 395.
Рихтеръ II, 435.
Рихтеръ, Жанъ Поль I, 275, 281. II, 184, 193.
Ришелье III, 151.
Робеспьеръ, Максимиліанъ I, 273, 416. II, 305, 424, 425. III, 187, 320, 328, 348, 385.
Розенъ, бар., Егоръ Ѳедоровичъ I, 65, 360.
Ройе-Колларъ, Пьеръ-Поль III, 195.
Россель, Джонъ II, 257.

Ростопчина, гр. II, 416.
Ротшильдъ II, 29. III, 330.
Рубашевскій, Василій III, 403.
Рубини, Джіованни Батисто II, 365, 432.
Рувиль I, 76.
Руге, Арнольдъ II, 317, 407. III, 350.
Рулье, Карлъ Францовичъ III, 105, 352.
Румянцевъ-Задунайскій, Петръ Александровичъ III, 105.
Руссо, Жанъ-Жакъ II, 305, 418, 419, 424. III, 165, 187, 338.
Рыкалова, Аграфена Григорьевна I, 4.
Рылѣевъ III, 451.
Рѣдкинъ, Петръ Григорьевичъ II, 8, 9, 29, 94, 105, 301, 423. III, 150, 278, 364.
Рѣпина, Надежда Васильевна II, 7.
Рюккертъ, Фридрихъ I, 314.
Рюрикъ I, 92. II, 199. III, 284, 384.

Сабуровъ, Иванъ Васильевичъ II, 283, 415.
Савельевъ, Н. В. I, 313, 315. II, 8.
Савельевъ, Павелъ Дмитріевичъ II, 21, 55, 74, 261.
Савичъ, Алексѣй Николаевичъ III, 172, 195, 365, 369.
Сазоновъ, Николай Ивановичъ III, 266, 291, 328, 380.
Сальери, Антоніо III, 84.
Самаринъ I, 139.
Самаринъ, Иванъ Васильевичъ II, 7.
Самаринъ, Юрій Ѳедоровичъ II, 384. III, 137, 292, 293, 297—299, 303—307, 356, 387.
Самсонъ I, 90.
Санковская II, 36.
Сатинъ, Николай Михайловичъ, Гефестъ хромоногій I, 144, 401. II, 94, 109, 119, 127, 195, 220, 227, 239, 254, 391, 393, 409, 411. III, 106, 138, 159, 280, 363, 382.
Сахаровъ I, 419.
Сахаровъ III, 434.
Сверчковъ I, 74.
Свиньинъ, Павелъ Петровичъ III, 281, 383.
Свѣчинъ I, 80.
Селивановскій, Н. С. I, 63, 64, 103, 118, 138, 139, 391, 392. II, 28, 382, 406.
Семенъ I, 69. II, 341, 421. III, 84.
Семянниковъ, III, 445.
Сенковскій, Осипъ Ивановичъ (бар. Брамбеусъ) I, 68, 71, 73, 101, 136, 137, 184, 312—315, 409. II, 24, 43, 44, 57, 68, 81, 90, 103, 320, 390. III, 137, 269, 304, 351.
Сентъ-Илеръ, Жоффруа II, 429.
Сенъ-Жоржъ III, 205.
Сенъ - Жюстъ, Людовикъ - Антуанъ II, 305, 424. III, 328.
Сенъ - Симонъ, гр., Клодъ - Генри II, 248.
Серафима Николаевна III, 362, 364.
Сервантесъ I, 79.
Серебрянскій, Андрей Порфирьевичъ I, 212.
Сессе, Эмиль III, 173, 174, 366.
С—ій II, 203, 208, 406.
Скобелевъ, Иванъ Никитичъ I, 80, 103, 395. III, 122, 356, 394, 395.
Скопина III, 407.
Смирдинъ, Александръ Филипповичъ I, 211, 313, 322. II, 24, 104, 255, 256. III, 271, 272, 352.
Смирнова, Александра Осиповна III, 120, 122, 355.
Смирновъ, Н. М. (мужъ А. О. Смирновой) III, 120.
Смирновъ, Кондратій Григорьевичъ II, 167.
Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ I, 211, 381, 409. II, 308, 426.
Соболевскій, Сергѣй Александровичъ II, 134.
Соколовскій II, 375.
Соколовъ III, 100.
Соколовъ, Александръ Ивановичъ III, 125, 129, 133, 138, 140, 142, 145, 148, 150, 154, 357.
Соколовъ, Василій Гавриловичъ III, 431.

Соколовъ, Николай Гавриловичъ III, 431, 433, 434.
Сокольскій I, 387.
Сократъ I, 9. III, 165.
Соллогубъ, гр., Владиміръ Александровичъ I, 315. II, 93, 109, 173, 175, 182, 306, 311, 324, 391, 404. III, 100, 105, 137, 352, 356.
Соловьева II, 35.
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ III, 96, 99, 102, 203, 206, 279, 284, 303, 313, 352, 361, 384, 387.
Соломонъ II, 353.
Сомовъ II, 291, 292.
Сорокинъ II, 374, 434.
Сосницкая, Елена Яковлевна II, 328.
Сосницкій, Иванъ Ивановичъ II, 320, 328.
Софоклъ II, 145.
Софья Астафьевна II, 8, 35, 166.
Спиноза, Барухъ I, 153, 302. III, 366.
Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ II, 8. III, 299, 387.
Станкевичъ, Александръ Владиміровичъ I, 151, 161, 182, 227, 389, 395, 402, 414, 420. II, 307, 381—383, 386—388, 397, 409, 410, 412, 416, 426, 427, 431. III, 96, 97, 100, 344, 347, 354, 365, 371, 390.
Станкевичъ, Иванъ Владиміровичъ I, 178, 182, 402.
Станкевичъ, Николай Владиміровичъ I, 77, 80, 109—111, 114, 124, 127, 129, 136, 140, 142—144, 151, 158, 160, 182, 192, 196, 197, 207, 217, 224, 226, 233, 238, 241, 249, 257, 258, 276, 284, 288, 290, 291, 294, 296, 306—311, 316—319, 337—378, 389, 393, 395—402, 407, 408, 412—422. II, 4, 13, 29, 56, 63, 85, 94, 141, 143, 144, 149—152, 154, 159, 161, 165, 171, 191, 208, 211, 219, 222, 263, 297, 307, 359, 378, 380, 391, 393, 394, 398, 425, 426. III, 369, 380, 445.
Степановъ III, 376.
Степановъ, Александръ Петровичъ I, 212, 409.
Степановъ, Николай Степановичъ I, 72, 211, 336, 352, 362, 363, 377, 394, 406, 409, 411, 417, 422. II, 54, 95, 101, 105, 387, 389. III, 305.
Степановъ, Петръ Гавриловичъ I, 203. II, 7.
Стефановъ II, 6, 10, 379.
Строгановъ, гр., Сергѣй Григорьевичъ I, 116, 117, 124, 149, 211, 230, 391, 398, 402, 409. III, 303, 318, 387, 420.
Строгановы III, 315.
Струговщиковъ, Александръ Николаевичъ I, 213, 313—315. II, 70, 210, 212, 312, 328, 407, 415. III, 142.
Студитскій, Александръ Ефимовичъ III, 306, 387.
Сулейкановъ, Григорій III, 432.
Сулье, Мельхіоръ-Фредерикъ II, 120, 392.
Сумароковъ, Александръ Петровичъ I, 6. II, 44. III, 432.
Сурковъ, Ѳедоръ Петровичъ III, 435, 436.
Сухово-Кобылинъ I, 60, 390.
Сухоруковъ I, 104.
С—ъ, П. В. II, 18, 381.
Сю, Евгеній III, 325.

Талейранъ I, 94. III, 185.
Тальони, Марія II, 7, 36.
Татаринъ (П. П. Ивановъ) I, 53.
Тацитъ III, 103.
Тепляковъ, Викторъ Григорьевичъ I, 65.
Терентьевъ III, 423.
Тестъ, Жанъ-Батистъ III, 245, 252, 378.
Тильманъ, Карлъ Андреевичъ III, 122, 162, 172, 187, 200, 206, 211, 216, 218, 219, 224, 226, 228, 250, 251, 254, 267, 268, 291—293, 333, 336, 340, 341, 356.
Тимолеонъ II, 246.
Тимонъ Аѳинскій III, 330.
Тимоѳеевъ, Алексѣй Васильевичъ I, 313.
Тира-де-Мальморъ III, 223, 227, 228, 241, 246, 248—252, 254—257, 291, 292, 379, 386.

Толстая, Сарра, гр. II, 52, 94, 164, 173, 192, 200, 201, 389, 398, 406.
Толстой III, 179, 359.
Толстой Американецъ, О. И. II, 389.
Тома III, 176.
Тредьяковскій, Василій Кирилловичъ I, 9, 86. II, 137, 353. III, 175.
Тришатный III, 245, 378.
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ, мальчишка I, 417. II, 312, 343, 356—362, 369, 372—375, 386, 427, 430—432, 434. III, 44, 69, 83—85, 90, 114, 166, 172, 177—181, 184, 187—193, 195, 199, 200, 202, 207, 208, 210, 211, 214—217, 219, 222, 226—229, 239—241, 243, 244, 249, 255, 258, 259, 287, 290, 297, 298, 320, 337—339, 347, 350, 351, 359, 366, 368—376, 379, 384—386, 448.
Туркгеймъ II, 430.
Тучкова, Н. А. II, 406.
Тучковъ, Алексѣй Алексѣевичъ III, 82.
Тьерри, Огюстенъ II, 190, 209. III, 171, 172.
Тьеръ, Луи-Адольфъ II, 269.
Тютчева, Александра Петровна III, 117, 118, 124, 220, 355, 448, 449.
Тютчевъ, Николай Николаевичъ II, 335, 354, 396, 429, 431. III, 117, 118, 124, 151, 158, 177, 208, 219—221, 224, 243, 252, 266, 292, 303, 358, 360, 382, 444—451.

Уваровъ, Сергѣй Семеновичъ, гр. I, 131, 399. II, 245, 256, 257, 303, 410, 422. III, 235, 315, 318, 365.
Уландъ, Іоаннъ-Людвигъ I, 338, 342.
Улитинъ II, 288.
Ундиночка II, 304.
Урика I, 79.
Урусова, кн. III, 360, 361, 364.
Ушакова II, 320, 323.

Фальконъ, Женя II, 329.
Фейербахъ, Людвигъ II, 418, 421.
Ферзингъ II, 36.
Фетъ—Шеншинъ, Аоанасій Аоанасьевичъ II, 195, 333, 405.
Фешъ, Іосифъ III, 185.
Филаретъ II, 240, 388. III, 389.
Филипиъ II II, 213. III, 383.
Фильдингъ, Генрихъ III, 217, 372.
Финке III, 264, 380.
Фихте, Іоганнъ-Готтлибъ I, 91, 122, 156, 174, 219, 228, 268, 273, 276, 284. II, 232.
Фишеръ, Фридрихъ-Теодоръ I, 333, 334, 420.
Фіона Николаевна I, 79.
Фокіонъ II, 246.
Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ III, 99, 270, 293, 382.
Франкони III, 325.
Фрауенштэдтъ, Юліусъ II, 141, 158, 394.
Фредерикъ III, 260—264.
Фрейгангъ, А. В. II, 42.
Фридрихсъ III, 301.
Фридрихъ II, Великій III, 244.
Фридрихъ Вильгельмъ IV III, 264, 265.
Фроловъ, Николай Григорьевичъ II, 307, 426. III, 284, 285, 302, 384, 385.
Фроловы II, 9, 380.
Фурманъ, Петръ Романовичъ III, 89, 90.
Фурье, Шарль II, 358.

Ханенко, Иванъ Ивановичъ II, 269, 270, 276—278, 413.
Хвостовъ, Дмитрій Ивановичъ, гр. I, 16, 17.
Хемницеръ, Иванъ Ивановичъ I, 267. III, 271, 279.
Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ I, 6, 342. III, 432.
Ховрина, Марья Дмитріевна I, 319.
Ховринъ (сынъ М. Д. Ховриной) I, 319.
Хомяковъ III, 426.
Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ II, 252, 334, 429. III, 87, 137, 276, 356, 370.
Христіанъ Ивановичъ I, 203.

Христосъ I, 88, 94, 95, 118, 216, 223, 264. II, 187, 266, 268, 269, 326. III, 232, 233, 237.

Цвѣтаевъ, Левъ Алексѣевичъ I, 31.
Цезарь, Юлій II, 246. III, 385.
Цемплинъ III, 211, 212, 225, 227, 241, 242, 250.
Ципровская, Екатерина Павловна III, 402.
Циргъ 1, 407.
Цицеронъ III, 433.
Цуриковъ II, 6, 92.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ I, 255, 306, 392, 415.
Чаттертонъ, Томасъ I, 62, 391.
Челлини Бенвенуто III, 376.
Чембарскій, Василій III, 403, 417.
Чумаковъ, Ѳедоръ Ивановичъ I, 3, 382. III, 423.

Шамиссо, Альбертъ II, 106.
Шапошниковъ III, 410.
Шарлотта II, 17.
Шарпіо III, 10, 16, 26, 28, 30, 36, 39, 43, 74, 75.
Шахларева III, 116.
Шевалье III, 182.
Шевалье III, 205, 295.
Шевченко, Тарасъ Григорьевичъ III, 318, 319.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ I, 73, 137, 138, 153, 178, 211, 234, 269, 272, 345, 409. II, 110, 122, 137, 188, 239, 250, 256—258, 260, 281, 283, 300, 303, 304, 334, 358, 359, 372, 375, 377, 409, 412, 418, 422, 435. III, 70, 84, 86, 98, 119, 159, 166, 168, 184, 200, 204, 298, 350, 357, 365, 442.
Шекспиръ I, 26, 163, 199, 265, 271, 314, 318, 333, 335, 341, 344, 368, 372, 401, 411, 414. II, 18, 24, 35, 43, 44, 47, 56, 67, 68, 77, 80, 107, 118, 125—127, 129, 131, 133, 138, 143—145, 150, 161, 170, 177, 188, 193, 195, 197, 217, 242, 243, 249, 255, 256, 277, 336, 358, 361, 385, 394, 396—398, 404, 405, 410. III, 102, 172, 330, 387, 437.
Шеллингъ, Фридрихъ I, 91, 349. II, 159, 302, 306, 317, 353. III, 119, 173, 176.
Шенманъ, Лили II, 350, 430.
Шиллеръ, Іоганъ-Фридрихъ I, 156, 163, 204, 231, 232, 253, 265, 266, 281, 306, 307, 310, 317, 335, 338, 339, 341, 345—350, 357, 377, 408, 417. II, 13, 23, 56, 62, 68, 78, 80, 95, 106, 107, 113, 126, 130, 133, 163, 184, 193, 196, 207, 213, 221, 232, 244, 250, 263, 269, 335, 350, 386, 406, 408, 417. III, 246.
Ширяевъ, Александръ Сергѣевичъ I, 8. II, 42, 51, 52, 55, 74, 149.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ II, 258, 412.
Шлегель I, 411, 412.
Шмитъ I, 117, 144, 149, 158, 172, 173, 181, 398, 402.
Шопенгауеръ II, 394.
Штирнеръ, Максъ (псевдонимъ Іоганна Каспара Шмидта) III, 176, 366.
Штольбергъ, гр. II, 350, 351, 430.
Штрандманъ III, 204.
Штраусъ II, 82, 165, 418.
Шубертъ II, 383. III, 449.
Шуваловъ I, 6.
Шуваловы III, 215.
Шумиловъ II, 397.
Шумскій, Сергѣй Васильевичъ II, 7.

Щепкина, А. М. I, 72, 353—357, 359, 361—363, 370, 419, 421. II, 114, 201, 297, 380. III, 380.
Щепкинъ, Дмитрій Михайловичъ I, 286, 287, 330, 355—357, 361, 363, 416, 419. II, 9, 25, 304, 336, 380, 382. III, 264, 265, 289, 290, 380, 387.
Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ I, 5, 72, 139, 287, 322, 332, 416, 421. II, 7, 9, 25, 51, 114, 115, 121, 150, 281—283, 293, 301—306, 316, 320, 328, 329, 331, 336, 353, 361, 382, 423, 427. III, 87, 94—97, 100, 102—107, 112, 113, 116, 119, 120, 122—124, 128, 131, 134—138, 140, 142—146, 149, 151,

153, 154, 156—159, 186, 196, 246, 352, 354, 356, 367, 373, 375, 380, 450.
Щепкинъ, Николай Михайловичъ II, 304. III, 146, 195, 308, 321, 387, 451.
Щепкинъ, Павелъ Степановичъ I, 29, 30, 34, 385.
Щепкины III, 1, 27, 63, 170, 195.
Щетинина, Надежда Николаевна I, 405, 416, 419. II, 99, 389.
Щетининъ, I, 8, 382.

Экскаргаузенъ III, 400.
Элизаръ, Жюль (псевдонимъ М. А. Бакунина) II, 427. III, 348.
Эмилія II, 17.
Эрнъ, Марья Каспаровна III, 138.
Эхтермейеръ, Эрнстъ-Теодоръ II, 213, 407.

Юнгмейстеръ II, 255.
Юнгъ III, 400.
Юнкеръ III, 240.

Яблонскій, Василій Егоровичъ III, 409—411, 416, 417, 419, 421.
Ягнъ III, 423.
Языкова, Л. П. III, 2, 33, 103, 118, 223, 249—251, 292.
Языковъ, Михаилъ Александровичъ II, 7, 17, 28, 29, 41, 47, 57, 58, 65, 70—73, 85, 87, 89, 90, 93, 116—118, 120, 122, 125, 128, 134, 135, 138, 145, 148, 149, 162, 166, 172, 190, 193, 200, 227, 237, 278, 300, 311, 336, 343, 353, 359—361, 387, 391, 392, 422, 425, 426. III, 2, 33, 45, 103, 118, 121, 170, 193, 243, 266, 292, 314, 315, 355, 359, 360.
Языковъ, Николай Михайловичъ III, 86, 304, 350.
Языковъ, Петръ Александровичъ II, 7. III, 45, 59, 345.
Языковъ, Саша III, 103.
Якимовъ, Василій Алексѣевичъ II, 188, 404.
Яковлевъ II, 329.
Яковъ Іоновичъ I, 58.
Якубовичъ, Лукьянъ Андреевичъ I, 313. II, 134, 393.
Янишъ II, 390.
Ярополкъ Водянскій (одинъ изъ псевдонимовъ Герцена) III, 88, 350.

Ѳедоровъ, Борисъ Михайловичъ II, 258, 412.
Ѳедоровъ III, 450.
Ѳедоръ Константиновичъ II, 318.
Ѳекла Александровна III, 14.
Ѳекла Михайловна II, 293, 304.
Ѳ. К. I, 213, 412.

Библиотека И. Ф. А. И.
им. Горького БИБЛИОТЕКА М. Г. У.

Содержаніе.

	стр.
Къ М. В. Орловой. 3 сентября, 1843	1
Къ М. В. Орловой. 7—8 сентября, 1843	5
Къ М. В. Орловой. 14 сентября, 1843	8
Къ М. В. Орловой. 18—20 сентября, 1843	12
Къ М. В. Орловой. 25—29 сентября, 1843	21
Къ Д. П. Иванову. 1 октября, 1843	25
Къ М. В. Орловой. 1 октября, 1843	25
Къ М. В. Орловой. 2 октября, 1843	28
Къ М. В. Орловой. 2 октября, 1843	35
Къ М. В. Орловой. 3—4 октября, 1843	37
Къ М. В. Орловой. 10 октября, 1843	42
Къ М. В. Орловой. 12 октября, 1843	47
Къ М. В. Орловой. 13 октября, 1843	54
Къ М. В. Орловой. 15 октября, 1843	60
Къ М. В. Орловой. 15 октября, 1843	63
Къ М. В. Орловой. 18 октября, 1843	71
Къ М. В. Орловой. 20 октября, 1843	72
Къ М. В. Орловой. 22—23 октября, 1843	74
Къ М. В. Орловой. 25 октября, 1843	78
Къ М. В. Орловой. 27 октября, 1843	80
Къ М. В. Орловой. 30 октября, 1843	81
Къ Д. П. Иванову. 12 апрѣля, 1844	81
Къ И. С. Тургеневу. Осень 1844	83
Къ Т. А. Бакуниной. 4 декабря, 1844	84
Къ А. И. Герцену. 26 января, 1845	85
Къ А. И. Герцену. 2 января, 1846	88
Къ А. И. Герцену. 14 января, 1846	92
Къ А. И. Герцену. 26 января, 1846	96
Къ А. И. Герцену. 6 февраля, 1846	97
Къ А. И. Герцену. 19 февраля, 1846	101
Къ А. И. Герцену. 20 марта, 1846	104

стр.
Къ В. П. Боткину. 26 марта, 1846 106
Къ А. И. Герцену. 6 апрѣля, 1846 107
Къ Д. П. Иванову. 15 апрѣля, 1846 111
Къ М. В. Бѣлинской. 1 мая, 1846 112
Къ М. В. Бѣлинской. 4 мая, 1846 113
Къ М. В. Бѣлинской. 7 мая, 1846 114
Къ М. В. Бѣлинской. 7—8 мая, 1846 115
Къ М. В. Бѣлинской. 14 мая, 1846 116
Къ П. Н. Кудрявцеву. 15 мая, 1846 118
Къ М. В. Бѣлинской. 11—12 іюня, 1846 119
Къ М. В. Бѣлинской. 14—15 іюня, 1846 126
Къ М. В. Бѣлинской. 24 іюня, 1846 129
Къ М. В. Бѣлинской. 28 іюня, 1846 133
Къ А. И. Герцену. 4 іюля, 1846 136
Къ М. В. Бѣлинской. 8 іюля, 1846 138
Къ М. В. Бѣлинской. 12 іюля, 1846 141
Къ М. В. Бѣлинской. 17—23 іюля, 1846 143
Къ М. В. Бѣлинской. 30 іюля, 1846 145
Къ М. В. Бѣлинской. 6 августа, 1846 148
Къ М. В. Бѣлинской. 13 августа, 1846 150
Къ М. В. Бѣлинской. 22—23 августа, 1846 154
Къ М. В. Бѣлинской. 4—5 сентября, 1846 155
Къ А. И. Герцену. 6 сентября, 1846 158
Къ И. И. Панаеву. Осень 1846 160
Къ В. П. Боткину. 29 января, 1847 160
Къ В. П. Боткину. 6 февраля, 1847 163
Къ В. П. Боткину. 7 февраля, 1847 167
Къ Д. П. Иванову. 7 февраля, 1847 169
Къ В. П. Боткину. 17 февраля, 1847 171
Къ И. С. Тургеневу. 19 февраля, 1847 177
Къ В. П. Боткину. 26 февраля, 1847 181
Къ В. П. Боткину. 28 февраля, 1847 183
Къ П. В. Анненкову. 1 марта, 1847 186
Къ И. С. Тургеневу. 1 марта, 1847 188
Къ В. П. Боткину. 4 марта, 1847 193
Къ В. П. Боткину. 8 марта, 1847 196
Къ В. П. Боткину. 15—17 марта, 1847 197
Къ И. С. Тургеневу. 12 апрѣля, 1847 199
Къ В. П. Боткину. 22 апрѣля, 1847 200
Къ В. П. Боткину. 5 мая, 1847 208
Къ Д. П. Иванову. 5 мая, 1847 209
Къ М. В. Бѣлинской. 10 мая, 1847 210
Къ М. В. Бѣлинской. 24 мая, 1847 211
Къ М. В. Бѣлинской. 29 мая, 1847 218
Къ М. В. Бѣлинской. 16 іюня, 1847 220
Къ М. В. Бѣлинской. 25 іюня, 1847 226
Къ Н. В. Гоголю. 3 іюля, 1847 230

стр.
Къ М. В. Бѣлинской. 7 іюля, 1847. 239
Къ В. П. Боткину. 7 іюля, 1847. 243
Къ М. В. Бѣлинской. 22—23 іюля, 1847 246
Къ М. В. Бѣлинской. 2 августа, 1847. 252
Къ М. В. Бѣлинской. 10 августа, 1847 254
Къ М. В. Бѣлинской. 22 августа, 1847 257
Къ М. В. Бѣлинской. 10 сентября, 1847 259
Къ П. В. Анненкову. 17 сентября, 1847 260
Къ В. П. Боткину. 4—8 ноября, 1847. 266
Къ П. Н. Кудрявцеву. 8 ноября, 1847. 288
Къ П. В. Анненкову. 20 ноября, 1847. 289
Къ К. Д. Кавелину. 22 ноября, 1847 297
Къ К. Д. Кавелину. 7 декабря, 1847 303
Къ П. В. Анненкову. Начало декабря, 1847. 313
Къ В. П. Боткину. Декабрь, 1847 321
Къ Д. П. Иванову. 10 декабря, 1847 333
Къ А. Д. Галахову. 4 января, 1848 334
Къ П. В. Анненкову. 15 февраля, 1848 335
Къ М. М. Попову. 27 марта, 1848. 340
Примѣчанія 343
Дополненія 393
Приложенія 397
Поправки 452
Указатель личныхъ именъ 453